СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Доклады в обществе

Преподавание истории

Критика и библиография

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ОБЗОРЫ

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

РЕЦЕНЗИИ

Хроника

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

М. Покровский

„Новые“ течения в русской исторической литературе

Марксистская идеология, в этом не может быть никакого сомнения, сделала огромные завоевания в нашей исторической литературе. В особенности ценными следует признать два факта: во-первых, сближение с материалистическим пониманием истории значительной части нашей старых специалистов, — притом нередко таких, которые до сих пор не сблизились еще окончательно с нами политически. Читателя, может быть, изумит, что отмечается, как положительный факт, то, что, человек, политически нам еще чужой, идеологически уже перестал быть чужим. Но тут нужно иметь в виду два обстоятельства. Прежде всего, надо вспомнить, что и в старое время идеологическое сближение с доктринами марксизма означало, вместе с тем, и начинающийся политический поворот. Для людей умственного труда такой путь, ненормальный, само собою разумеется, как общее и массовое явление, всегда являлся довольно обычным. Все наши крупные народники, переходившие на социал-демократические позиции, сначала становились марксистами, а потом уже социал-демократами. Усвоение идеологии литературного противника означало сдачу перед ним, как перед противником политическим. Повторяю, это путь ненормальный вообще, путь, которым никогда не идут массы, но которым идут и шли многие профессора: а мы сейчас говорим именно о профессорах. А затем, политическое расхождение с нами человека, идеологически с нами сблизившегося, ценно в том отношении, что тут то уже искренность не подлежит никакому сомнению,—тогда как в случае полного, и, в особенности, чересчур быстрого, совпадения политики и теории невольно рождается мысль, что тут «политикой» то и об'ясняется теоретическое перерождение, притом политикой в ковычках. Явление мимикрии свойственно не одному животному миру. В данном случае о мимикрии, конечно, не может быть речи, поскольку идеологически приобретший новую окраску ученый практически ничего этим не выигрывает. Я, конечно, ни в малейшей степени не думаю отрицать, что в огромном количестве случаев одновременный переход на новые рельсы, и политически, и идеологически, тоже бывает совершенно искренним. Но обратный случай интересен в качестве проверочного опыта.

Другой любопытный факт—это явный интерес, который начинает к себе вызывать наша марксистская историческая литература в чужих странах. Ею интересуются в очень разных местах—в Германии, в Норвегии, в Соединенных Штатах и в Англии. В Германии проектируется даже нечто в роде «русской

исторической недели», параллельно с выставкой достижений в области исторических исследований в СССР за последние десять лет. При чем непременное участие в докладах, которые устраиваются по поводу выставки, наших историков-марксистов разумеется само собой. Вы скажете: это просто любопытство к редкому и интересному зверю. Пусть так. Интерес к русской художественной литературе, полстолетия тому назад, тоже был интересом к новому зверю. Это не помешало, однако, тому, что целый ряд русских писателей сделался теперь в самом бесспорном смысле этого слова мировыми писателями, — юбилей двух таких писателей мы как раз празднуем в этом году. Что с большевиками, с которыми до сих пор считались только как с силой материальной, начинают считаться не только в рабочих кругах Западной Европы и Америки (это-то давно было и это разумелось само собою), но и в кругах ученых, как с силой интеллектуальной, это сомнению не подлежит. В значительной степени это опять-таки «признание врага»: но так как друзья-то нас и без того признают, то в признании со стороны зарубежного врага опять-таки есть кое-что ценное.

Нужно, однако, сделать одну оговорку: это влияние марксистской идеологии на русскую историческую литературу до сих пор ограничивается, главным образом, литературой, русской не только по суб'екту, но и по об'екту действия. Влияние марксизма всего сильнее чувствуется на историках, изучающих именно русский исторический процесс. Октябрьская революция должна была ударить по сознанию историков именно как исторический факт: оттого не только профессора, работающие в наших советских ВУЗ'ах, но и профессора, сбежавшие или выселенные за границу, если они занимаются русской историей, начинают менять свое историческое миросозерцание, как это можно видеть не только на примере их старейшины, П. Н. Милюкова. Курьезнейшим образом мотивы материалистической историографии начинают звучать в самых неожиданных и можно сказать неприличных местах. «Евразийцы» начинают вслед за русскими историками-марксистами повторять, что завоевание Руси татарами вовсе не было нашествием диких степняков на культурную земледельческую страну, как учил покойник Соловьев, а было столкновением двух равноправных культур, притом неизвестно, какая была относительно выше. Что евразийцы делают из этого абсолютно бессмысленные выводы, это не подлежит никакому сомнению. Но что и в их своеобразно-устроенные черепные коробки что-то запало от марксистской концепции русского исторического процесса, это тоже не подлежит сомнению. Что же удивляться после этого, если вполне здоровый в умственном отношении Милюков прямо становится на классовую точку зрения, об'ясняя события гражданской войны и интервенции в России [1].

Как показатель стихийной тяги к марксизму русских историков буржуазного происхождения, пишущих внутри СССР, очень удобно может служить небольшая книжка, выпущенная несколькими профессорами наших университетов по случаю юбилея декабристов. Первую из помещенных там статей, проф. Грекова, 30 лет тому назад, в дни легального марксизма, без

[1] См. «Историк-Марксист», том III, статью пишущего эти строки «Буржуазная концепция пролетарской революции».

малейших затруднений причислили бы к этому направлению. Вторая принадлежит перу крупнейшего русского историка после-Платоновского поколения, А. Е. Преснякова,—и в ней определенно проводится классовая точка зрения. Но всего интереснее, пожалуй, третья статья. Автор ее, да простит он нам это откровенное суждение о нем, сознает он это или не сознает, несомненно националист. Но он выбрал самое интересное, что можно и должно было выбрать, анализируя «бунт декабристов»: настроение широких солдатских масс, по существу единственное, что давало этому «бунту» какие-нибудь шансы на успех. Десятки лет под именем «декабристов» занимались исключительно идеологией офицерских кругов,—занимались, грешным делом, и мы сами, правда, добравшись до самого левого фланга этой офицерской шеренги, до «Соединенных Славян», в лице которых офицер уже почти переставал быть дворянином. Проф. Чернов взял, как об'ект для своего изучения, солдат, — и разрешил этим задачу, решения которой все имели право ждать от наших присяжных марксистских историков. Вполне допускаю, что С. Н. Чернов сам не заметил, что он здесь говорит «по-марксистски»,—как он несомненно не заметил, что в своем курсе он говорит «по-националистски». Но стихийное влияние исторического материализма, и впервые им выдвигаемых исторических тем, становится от этого, пожалуй, еще более рельефным.

Несколько иначе обстоит дело с историками Запада. Что среди «западнической» молодежи мы имеем целую плеяду талантливых начинающих марксистов, об этом не приходится говорить читателю нашего журнала: подавляющее большинство их работ или прямо появились у нас, или нашли на страницах нашего издания подробное освещение. Но то молодежь, а старость «ходит осторожно и осмотрительно глядит». И если в области русской истории мы можем засчитать на своем балансе такую величину, как А. Е. Пресняков, то в области западной истории мы имеем, да простят нам соответствующие лица этот каламбур, своего рода «Преснякова наоборот». Д. М. Петрушевский, которого еще в дни легального марксизма рассматривали как почти своего, как более чем наполовину своего, и его тогдашние работы перепечатываются ныне Институтом Маркса и Энгельса,—теперь, в этом не может быть сомнения, уходит от нас, и куда уходит? Добро бы еще к «государственной школе»,—а то Д. М. Петрушевский занял такую позицию, что, по сравнению с ним, даже и прежнего Милюкова приходится считать представителем «исторической науки». Ибо в последнем произведении проф. Петрушевского («Очерки из экономической истории средневековой Европы») отчетливо проводится линия, которую нельзя назвать иначе, как антинаучной.

Я имею в виду, конечно, ставшее уже знаменитым «Введение» к этой книге: «О некоторых логических проблемах современной (?) исторической науки». Остальные, «конкретные» главы представляют собою просто популярный пересказ наиболее модных теперешних историков, преимущественно Допша и Макса Вебера, при чем собственная историческая эрудиция проф. Петрушевского, которая была когда-то очень велика, выступает лишь там и сям в виде случайных ингредиентов, торчащих подводными скалами в русле плавно текущих вод, взятых из чужого водоема. Если бы Д. М. Петрушевский писал в стране, где спорить с Допшем запрещено, он не мог бы употребить лучшего

приема, чтобы, обманув цензуру, провести контрабандой в сознание своих читателей кое-какие анти-допшевские аргументы.

Разбирать эти главы книги Д. М. Петрушевского едва ли стоит с какой бы то ни было точки зрения. Несравненно производительнее было бы анализировать «первоисточники» нашего уважаемого автора: ибо в популярном пересказе вся та, возможно довольно ценная, специальная научная аргументация, какая имеется у Допша, например,—исчезает. Популярное изложение — чрезвычайно коварная форма изложения: стремясь «упростить», иной раз можно довести простоту в смысле изложения до той ступени, когда говорят о простоте в смысле, например, «простоты ума». Читая популярное изложение проф. Петрушевского, можно подумать, например, что Допш и его русский ученик считают «капиталистическим» всякое хозяйство, где есть обмен, купля и продажа, т.-е. не понимают отличия «капиталистического хозяйства» от «простого товарного» хозяйства. На самом деле, при всем отрицательном отношении нашего автора к марксизму, нельзя же думать, что для него последние 70 лет в развитии политической экономии прошли даром, и что он до сих пор считает, будто лук и стрелы дикаря суть «капитал» последнего. Дело, очевидно, в том, что проф. Петрушевский чересчур «переупростил» свое изложение. А потому, чтобы только иметь возможность подойти к научной критике его схемы, нужно иметь перед собою изображение этой схемы в виде, более специально-научном, нежели это могло быть дано на страницах популярной книжки.

Только необыкновенным «упрощенством» можно об'яснить и всю ту путаницу с германским «первобытным коммунизмом», каковая изображена на соответствующих страницах книги. Что у римлян, в качестве образчиков германской «общинности», фигурируют исключительно племена, воевавшие с римлянами, это доказывает, конечно, вовсе не то, что коммунизм германцев был «военным коммунизмом», а лишь то, что соприкосновение римлян с германцами носило преимущественно военный характер, это во-первых, а во-вторых, что один из наших главных информаторов был сам военным по профессии, а другой почерпал свои сведения преимущественно от приезжавших с фронта офицеров и генералов. Если бы они давали при этом изображение «мирных» германцев, никогда с римлянами не воевавших, это было бы столь же удивительно, как если бы в рассказах старых кавказских офицеров черкесы выступали, как совершенно мирный народ.

Ничем другим, как переупрощенством, нельзя об'яснить того, что дворцовое хозяйство римских императоров оказывается, под пером Д. М. Петрушевского, «государственным социализмом», и что на этом примере автор пытается иллюстрировать гибельные последствия «огосударствления всего общественного организма», «попытки средствами самого безграничного и самого беспощадного принуждения рационализировать хозяйственную жизнь мировой державы» и т. д. Были люди, которые называли «социалистическими» государства перуанских Инков и парагвайских иезуитов, но, чтобы какой-нибудь человек об'явил образчиком «социализма», хотя бы и «государственного», удельные имения царской России, или Киселевское министерство государственных имуществ, — этого еще встречать не приходилось.

Но проф. Петрушевский выступил на склоне своих дней с радикальной «переоценкой ценностей» не для того, конечно, чтобы популярно до вульгаризации изложить Допша. Главную цену своего выступления и он, и его последователи придают, без сомнения, упомянутому нами в самом начале «Введению», трактующему об исторической методологии. Приводя точное заглавие «Введения», нельзя было не поставить знака вопроса около эпитета «современный», которым там украшена «историческая наука» нашего автора. Конечно, для таких старых людей, как мы с проф. Петрушевским, такие книги, как вышедшая четверть столетия тому назад работа Риккерта «Границы естественно-исторического образования понятий», до известной степени «современны». Чему только мы не были современниками на своем долгом веку?—Я даже политехническую выставку 1872 года немножко помню. Но извлеченные с этой выставки «современные» машины для теперешнего инженера могли бы быть предметом лишь живейшего исторического интереса, ибо таких больше ни на какой фабрике не найдешь. 24 года тому назад книга Риккерта, с точки зрения историка, и подверглась уже обстоятельному разбору на страницах одного из тогдашних марксистских журналов. Статью эту ее автор не так давно решительно забраковал к перепечатке: кого эта старая старина может теперь интересовать? А вот, оказывается, что некоторые «уважаемые профессора» только сейчас доросли до риккертовской точки зрения.

Приходится опять о Риккерте говорить, как это ни скучно. Блестящая книга Риккерта, социальный смысл которой, как несомненного отражения буржуазной реакции в области философии, был определенно установлен на страницах упомянутого марксистского журнала,—подобно многим «глубоким» философским произведениям, основана на двух простеньких передержках: одна из них произведена с понятием «закон», другая с понятием «индивидуальный». По Риккерту, есть науки, устанавливающие законы, «которые вечно и везде имеют силу»—это естествознание, и есть науки о «реальной действительности», о том, что «в своей конкретности и индивидуальности происходит в определенных пределах пространства и времени»—и чего, следовательно, ни под какой общий закон подвести нельзя,—это история. Эту мысль Риккерта потом пережевывали все и всяческие идеалисты—Чупров (младший), Струве, последним был Макс Вебер.

Теперь кто и когда утверждал, что в общественных науках могут быть положения, «которые, вечно и везде имеют силу»? Конечно, не Маркс и его ученики, вся аргументация которых была направлена на то, чтобы разрушить «вечные» законы политической экономии, выставлявшиеся буржуазным вульгаризаторами этой науки. Одно из основных положений Маркса, это—что каждому периоду исторического развития отвечают свои законы хозяйственных явлений, и что никоим образом обобщений, снятых с современного капиталистического хозяйства, нельзя переносить, как это делала вульгарная политическая экономия, на экономические отношения примитивных народов. Но делать из этого жульнический, с позволения сказать, вывод, что вообще никакой закономерности в исторических явлениях быть не может, как это делал Риккерт, можно только в надежде, что оглушенный высокопарной философской терминологией читатель, от страха и почтительности перед откры-

вающейся его взору философской премудростью, позабудет самую элементарную логику.

Теперь мы знаем, что абсолютно вечных законов не существует даже в физике, — что по отношению к ряду явлений, ставших доступными этой науке в последние десятилетия, теоремы классической механики теряют свою силу, что по отношению к этим явлениям физике ничего не остается, как или вернуться к вере в господа бога, или принять диалектику Маркса без всяких оговорок: ибо это утверждение, что нет вечных и неизменных законов, действительных всюду и везде без исключений, это и есть одна из сторон диалектического подхода к явлениям. Брать явление диалектически и значит брать его во всей конкретности, в данных условиях места и времени. И диалектика, само собою разумеется, не только не освобождает исторический процесс от закономерности, стесняющей Риккерта и его последователей, а наоборот, впервые дает возможность обосновать исторический процесс, как нечто, имеющее свою внутреннюю логику, в данной конкретной обстановке, в обстановке капиталистического общества, неизбежно ведущую к крушению этого общества.

Такая же точно философская операция производится Риккертом и с понятием «индивидуальный». Риккерт, с ловкостью настоящего фокусника, на глазах ошарашенного читателя подменяет понятие «индивидуальный» понятием «не повторяющийся», и этим опять выводит историю из области «естественных наук», занимающихся явлениями повторяющимися. Между тем «индивидуального», как абсолютно «не повторяющегося», просто-напросто изучать нельзя ни «естественно-историческим», ни «историческим» способом. «Индивидуальное» может быть понято только через «общее». Ни с чем не сравнивая данного об'екта, мы лишены всякой возможности что бы то ни было о нем сказать. Того же, что абсолютно никогда не повторялось, ни с чем сравнить невозможно—первое, с чего мы начинаем, определяя любой «индивидуум», это с выяснения, на что он похож?

Возьмем самого уважаемого последователя Риккерта. Что в нем наиболее «неповторяющегося»? Его имя и его наружность, конечно. Но если мы на вопрос какого-нибудь иностранца, кто такой Петрушевский, ответим: «Дмитрий Моисеевич»—и при этом покажем фотографическую карточку, вопрошатель вправе будет подумать, что мы над ним издеваемся. Я уже не останавливаюсь на том, что и имя, и наружность вовсе не есть нечто, абсолютно «неповторяющееся». «Дмитрий» не один Петрушевский,—есть, например Дмитрий Николаевич Егоров. Наружность? Но мало ли есть людей «как две капли воды» похожих друг на друга? Вот, например, Тарасов-Родионов в «Феврале» рассказывает, что он систематически и постоянно смешивал Керенского с Н. Н. Сухановым. Но не будем придираться к тому, что и имя и наружность не абсолютно неповторяемы. Примем, что они абсолютно неповторяемы. Но они же ничего и не дают для знакомства с данным лицом. Петрушевский вовсе не тем замечателен, что он Дмитрий Моисеевич, и носит, или не носит, бороду. Его индивидуальность заключается совсем не в этих, «неповторяющихся» признаках. И наш воображаемый вопрошатель будет удовлетворен лишь тогда, когда мы к этим индивидуальным, но неповторяю-

щимся, признакам прибавим тоже ряд индивидуальных, но повторяющихся: если мы скажем, что Петрушевский—профессор истории (их много), занимающийся средними веками (тоже повторяется, и в Московском Институте Истории, пожалуй, даже слишком часто), из школы Виноградова когда-то (школа состояла не из одного человека), а теперь последователь Риккерта и Макса Вебера (ныне их в буржуазных университетах легион). Словом, когда мы индивидуализируем профессора Петрушевского при помощи ряда общих понятий, наш собеседник поймет, кто это такой.

Индивидуальный вовсе не значит неповторяющийся, а значит конкретный. Но доказывать, что история есть конкретная наука, а не абстрактная—что история не математика, это гораздо бессмысленнее, чем ломиться в открытую дверь. При том эту особенность конкретности с историей разделяет целый ряд наук, которые даже Риккерт не осмелится исключить из естествознания. И ботаник, и зоолог, и геолог изучают именно конкретные явления. Ботаник и зоолог очень часто изучают именно конкретную историю одного какого-нибудь вида растений или животных. Геолог изучает напластования определенного участка земной коры, как они конкретно и индивидуально отложились. Даже химия изучает определенные конкретные и индивидуальные явления: каждый химический элемент есть своего рода индивидуальность, и атом водорода по своему устройству не повторяет атома гелия. Словом, если нужно воздвигать китайскую стену между историей и естествознанием, то место для постройки стены выбрано неудачно: на этом месте стена разваливается, как карточный домик.

Нет надобности говорить, что и, как аргумент против марксизма, рассуждения об «индивидуальности» никуда не годятся. Ибо если понимать «индивидуальное» правильно, т.-е. как «конкретное», то марксисты всегда стояли на том, что истина всегда конкретна, и что всякое общественное явление всегда следует брать в конкретных, индивидуальных условиях. Это одно из общих мест марксизма, и опровергнуть марксизм повторением в замысловатой форме его же собственных принципов есть, вне всякого сомнения, покушение с негодными средствами.

Несостоятельность риккертовской концепции настолько велика, настолько бросается в глаза, что она была замечена давным-давно и буржуазными историками и социологами—и последние начали ее «поправлять». Самой свежей из таких починок является теория Макса Вебера, другого «авторитета», на который пробует опереться проф. Петрушевский. Вебер уже соглашается, что обобщения и в истории возможны, но что они представляют собою некоторую «утопию», некоторое воображаемое отвлечение от факта, своего рода «идеальный тип», соответствующий действительности лишь в общих чертах, но не фотографически отражающий эту действительность. Практически, эта концепция может и не вызывать особенных возражений: всякий диалектик, именно потому, что он диалектик, а не метафизик, охотно признает, что «чистых» исторических формаций нигде в действительности не встречается, и что мы причисляем то или другое общественное явление к той или другой формации, основываясь на большинстве его признаков, на его основных признаках. В самых старых столицах капиталистического мира, в Лондоне и

Париже, вовсе не все рабочее население поголовно пролетаризировано,—и в Лондоне, и в Париже мы имеем массу самостоятельных мелких ремесленников, в Париже ремесленный тип производства в некоторых профессиях даже преобладает. Это, однако, нисколько не мешает нам признать Англию и Францию капиталистическими странами, ибо значение мелкого ремесла в их промышленном производстве, если брать последнее в целом, совершенно ничтожно. «Идеальные типы» Макса Вебера есть последняя попытка буржуазного историка-идеалиста спасти идеалистическую концепцию исторического процесса, но это «спасение» очень похоже на простую капитуляцию перед историческим материализмом. И по правде сказать, если уж брать исторический идеализм в его настоящем виде, в том виде, в каком с ним стоит бороться, то лучше брать Риккерта.

Какой же смысл имеет попятное движение почтенного автора «Уота Тайлора» с твердой почвы исторического материализма, на которую он случайно забрел 30 лет тому назад,—в болото старой идеалистической концепции? Конечно, не научный смысл. Когда человек в припадке неожиданно охватившего его романтического каприза отказывается ехать по железной дороге и упрямо плетется вдоль полотна на дедовской телеге, этого никак нельзя об'яснить стремлением к техническому совершенствованию. Выступление проф. Петрушевского или не имеет вовсе никакого смысла и свидетельствует лишь о том, что 65-летний предельный возраст для профессуры установлен Наркомпросом не зря,—или оно имеет общественный смысл. Так как Д. М. Петрушевский через 8 лет по существу повторяет то, что говорил в свое время Р. Ю. Виппер (имевший достаточно вкуса, чтобы не ссылаться на Риккерта), то правдоподобие, как-будто, на стороне второй гипотезы. Проф. Петрушевскому показалось «душно» в стенах Исторического Института РАНИОН'а (где, однакоже, молодежь упорно жалуется на отсутствие именно марксистского кислорода),—и он разбил стекло. В известном смысле это очень хорошо: стекла в Историческом Институте, нужно правду сказать, покрыты чуть не средне-вековой пылью, и разглядеть снаружи, что там делается, было невозможно. Теперь через образованное Дмитрием Моисеевичем отверстие все желающие могут видеть, что там собственно есть. А так как выяснить, «что именно было» (was eigentlich war?) — это и есть лозунг, на котором сходятся одинаково историки-индивидуалисты (фраза принадлежит Ранке) и историки-материалисты, по крайней мере на первой стадии изучения, то этот синтетический вывод все же можно признать за нечто утешительное.

И нужно сказать, что в книге проф. Петрушевского есть и еще кое-что утешительное: это ее откровенный антимарксизм. Сейчас нам приходится перейти к явлению в этом смысле гораздо менее утешительному, — к попытке сокрушить марксистские исторические концепции при помощи якобы марксистских приемов. Это, сразу же нужно сказать, несравненно хуже: проф. Петрушевского, после его новейшей книги, ни один из жаждущих марксистского кислорода аспирантов РАНИОН'а не признает за своего. Никак нельзя ручаться, что этого не произойдет ни в каком случае с академиком Тарле и его «Европой в эпоху империализма».

Акад. Тарле никакой ревизией исторической методологии в своей книге не занимается. Его формулировки самые что ни на есть «марксистские». Классовая точка зрения проводится, можно сказать, безо всяких оговорок,—напоминая о мудром предостережении Ленина: отнюдь не считать марксистом всякого, кто признает, что «история—это борьба классов». Правда, что и самая формулировка принадлежит не кому другому, как Гизо, — сразу же тем самым оправдывая раз'яснение Ленина, что теорию борьбы классов может найти для себя выгодной и усвоить даже и буржуа. Марксист лишь тот, кто берет не только факт борьбы классов, но и ее неизбежный результат—социалистическую революцию.

Акад. Тарле не принадлежит к числу тех, кто думал и думает, что в начале XX века, со вступлением в эру империализма, Западная Европа быстрым темпом пошла к социалистической революции. Начав с податливости социалистических партий предвоенного периода «в области внешней политики», Е. В. Тарле, с большим литературным искусством (книга вообще написана превосходно) подводит своего читателя сначала к мысли, что «более или менее широко распространенное стремление к отказу от активной борьбы против решительной подготовки к военным выступлениям» обнаруживалось не только партиями, но и «рабочей массой», а затем к тому, что не только в области внешней политики у рабочих и предпринимателей образовалась некая «общая почва», которая «почти повсеместно прежде всего вызвала некоторое замедление и относительное ослабление остроты классовой борьбы».

Таким образом, перед войной 1914 года дело шло не на социалистическую революцию, а на «гражданский мир». Это, значит, легенда, будто «гражданский мир» был насильственно установлен во время войны при помощи драконовских мер. Нет, рабочие, (а не их соглашательская верхушка, не социалистические партии только, как мы, простаки, до сих пор думали!) уже до войны капитулировали перед своим классовым врагом. «Капитализм 1871—1914 гг. и не с таким противником, как рабочий класс этого периода, справился бы: так он был тогда силен. Рабочий класс 1871—1914 гг. и при меньшей устойчивости неприятеля не рискнул бы на революционное выступление, так он был неуверен в себе, не об'единен в настроениях, так разнохарактерны были входившие в него слои и прослойки. Тут же заметим, что в Англии к самому концу рассматриваемого периода, в связи с изменившимися общими условиями деятельности английского капитала и его положением в мировом хозяйстве, рабочее движение как раз стало обостряться».

Последняя фраза в высочайшей степени достопримечательна. В этой невинной маленькой оговорочке, насчет английского рабочего движения, замаскирована полнейшая катастрофа всей концепции, развиваемой на этих страницах (14—16) книги ак. Тарле. Действительно, уж английского то рабочего движения 1907—1912 гг., написав целую книгу о Европе в эпоху империализма, никак скрыть было нельзя, и на соответствующей странице (216) оставалось только немножко завуалировать его кульминационный пункт, остановив статистику стачек на 1911 году (максимальным был 1912 год).

Но годы около 1910 были, как всем известно, весьма бурными в смысле рабочего движения и на континенте. В Германии, именно в этот период, рабочие впервые решились вступить в открытый бой с полицией (так наз. «моабитские беспорядки»). Во Франции на этот же период падает всеобщая железнодорожная забастовка и т. д. По акад. Тарле все это обозначает «относительное ослабление остроты классовой борьбы».

Но и из этого, по крайней нужде им констатированного, факта обострения классовой борьбы в одной из европейских стран (тогда как обострялась борьба во всех европейских странах) ак. Тарле ухитряется сделать совершенно неожиданный вывод. «Уже с 1913 года было несомненно, что вся Рабочая партия, эта пестрая, неуклюжая в движениях, сложная по социальному составу масса, чтобы сохранить свое влияние на рабочий класс, должна будет сильно передвинуться влево; еще более несомненно было и то, что, если правящему классу (или классам) угодно, чтобы социальная борьба в дальнейшем не покинула стен парламента и окончательно не вышла на улицу, следуя страстным призывам антипарламентской революционной агитации, то предстоит настоятельная необходимость усилить и расширить социальное законодательство, не останавливаясь ни перед какими расходами; предстоит, может быть, в самом деле национализировать копи, выкупить железные дороги, и тут уж один «бюджет Ллойд-Джорджа» не поможет. Понадобится напрячь все финансовые силы государства. А как это сделать, когда Германия не желает прекратить разорительные состязания в судостроении? Когда в Европе каждые три-четыре месяца грозит вспыхнуть пожар новой войны?» (стр. 220—221).

Вот, оказывается, что помешало Англии в 1913 году вступить на путь «государственного социализма»! Все немец подгадил! Строил негодяй, броненосец за броненосцем, цеппелин за цеппелином,—ну, куда же тут Ллойд-Джорджу думать о социализме? Явное дело, что нужно было избавиться сначала от «германской опасности».

Наивным сопоставлением английских стачек и германских вооружений (те и другие могут быть, конечно, сопоставлены и не так наивно: в том, например, смысле, что обострение рабочего движения было одним из слагаемых в той сумме условий, которые толкали Англию к войне) с головой выдает «стержень» всей толстой и ученой книги акад. Тарле. По существу дела, мы имеем перед собою один из образчиков до сих пор ведущейся Антантою полемики против Германии. Что спор этот создал колоссальную литературу, это всем известно. Наша страна и ее историки, по вполне понятным причинам, держались в стороне от этого спора, пытаясь лишь, насколько это было в их силах, выяснить «что же, собственно, было?». Надо сказать, что наша позиция в этом случае была необыкновенно выгодна, поскольку мы были первыми революционерами в мире, в руки которых достались секретнейшие архивы одного из главных империалистических правительств. Мы использовали до сих пор выгоды своей позиции скорее слишком недостаточно,—но кое-что все же мы сделали. И если весь мир о происхождении войны 1914 года имеет теперь более отчетливое представление, чем это было 10 лет назад, то этим все обязаны, в первую очередь, советским публика-

циям. С ними теперь считается всякий, кто пишет об этом предмете в Париже или в Берлине, в Лондоне или в Чикаго. С ними совершенно не желает считаться только пишущий в Ленинграде акад. Тарле. Для него попрежнему остается неприкосновенным священный лозунг Антанты, твердя который дряхлеющими устами умер недавно Сазонов: «Германия напала».

Нет никакой возможности в рамках небольшой общей статьи разобрать все передержки и подтасовки, при помощи которых наш ученый автор пытается «научно обосновать» антантовский лозунг. Чего, чего тут только ни пускается в ход: и личный характер императора Вильгельма, и «безмятежная уверенность Николая II, убежденного, что до войны дело все равно не дойдет, так как он, в самом деле, войны не желает»,—и, прежде всего, «марксизм», «марксизм» целыми ушатами. Хотите видеть образчики? «Империалистическая агрессивная внешняя политика,—это финансовый капитал, надевший военную форму и вооружающийся с тем, чтобы победить мешающих ему соперников в непосредственной пробе сил уже не экономической только конкуренцией, а также и вооруженной силой. Германская внешняя политика неминуемо должна была принять агрессивный облик». Или: «соблазн поскорее «начать» должен был неминуемо охватить в 1913 году (в конце его) или в 1914 году именно Германию и Австрию, а не Антанту. Так сложилась дипломатическая обстановка».

До-чиста ограбил уважаемый академик группу «Единство»,—благо в наших кодексах, кажется, нет статьи, карающей за ограбление могил.

Но было бы неосторожно думать, что все эти блестящие, одновременно и «марксистские», и антантофильские выводы дались акад. Тарле совсем даром. Плеханову и его соратникам легко было писать во время войны, когда подкладки совершавшихся событий никто не знал. Теперь мы страшно много знаем,—вот почему поддерживать всякого рода «фильские» тезы теперь во много раз труднее, чем было до 1917 года. Эквилибристика, к которой приходится прибегать почтенному историку, чтобы спасти тезис: «Германия напала», поистине может побить лучшие рекорды Госцирка. Приведем два-три образчика.

Всем до мельчайших подробностей ныне известно, как русское п р а в и т е л ь с т в о, а не какой-нибудь отдельный русский политический деятель, к весне 1912 года смастерило наступательный союз Сербии и Болгарии против Турции, союз, окрещенный самим Пуанкаре «орудием войны» при первом взгляде на документ. Вся относящаяся сюда переписка давным-давно опубликована (в «Красном Архиве»), словом, отговариваться незнанием в данном случае почти также невозможно, как отговариваться незнанием о существовании Версальского договора. И тем не менее уважаемый автор находит возможным дать такое резюме: «В 1912 году в русской политике наблюдалась некоторая нерешительность. Одни стояли за сохранение мира на Балканах, другие—за «разрешение» балканским государствам напасть на Турцию, третьи (Гартвиг)—за всяческое содействие этому нападению».

Вот, оказывается, кто виноват-то во всем был,—Гартвиг! А как же вся переписка всего м и н и с т е р с т в а и н о с т р а н н ы х д е л об этом сюжете? Так-таки Гартвиг все это и мастерил без ведома и согласия Петер-

бурга? Читаете—и глазам своим не верите. Но точно: никакого сомнения быть не может, и на стр. 187 определенно сказано, что «в 1912 году, при близком участии русской дипломатии (русского посланника в Сербии — Гартвига) стали вестись, или, точнее, оживились тайные переговоры о создании общего союза балканских держав против Турции с целью прежде всего отнять у турок Македонию» (разр. моя. *М. П.)*.

Не может быть никакого сомнения: виноват во всем один Гартвиг. А как же документы, напечатанные в «Красном Архиве»? Ну, мало ли что там в разных большевистских журналах печатают!

Но мало ли что печатают против антантофильской тезы не только в большевистских, но и вообще в каких бы то ни было изданиях. В настоящее время всем известна обширная полемика, в течение ряда последних лет ведшаяся по вопросу о том, кто, когда и как убил эрцгерцога Франца Фердинанда. Благодаря перекрестным обвинениям и разоблачениям различных сербских деятелей эпохи 1913—1914 года вскрылись факты, не оставляющие никакого сомнения ни у одного разумного человека, что убийство австрийского эрцгерцога ни в коем случае не было случайностью, а было заключительным эпизодом длительного заговора, инициаторами и участниками которого были «ответственнейшие» работники сербского королевства тех дней,—прежде всего начальник разведочного отделения сербского главного штаба, полковник Димитриевич. Эта историческая истина оказалась очень полезной для германофильской тезы—всякая историческая истина кому-нибудь и для чего-нибудь бывает полезна или вредна. Для акад. Тарле больше, к сожалению, в этом вопросе вредных истин. Но вот эта сербская истина оказалась очень полезной немцам, и, всячески расцвечая факт участия сербского правительства в сараевском убийстве, сторонники германофильской тезы договорились до специального заседания, якобы, сербского кабинета министров по поводу этого дела. Этого доказать не удалось,—да и по сути дела мало вероятно, чтобы Пашич о таком сюжете официально совещался со своими коллегами. Этого и не нужно было. Акад. Тарле всю относящуюся сюда полемику, конечно, читал, прекрасно знает все слабые места «противной» — т.-е. антиантантовской—стороны и дает такое великолепное резюме (стр. 269): «Никогда и никем не было доказано, что в заговоре принимали прямое участие сербские власти, но в Австрии решили тем не менее воспользоваться очень благодарным случаем, чтобы надолго покончить с Сербией».

Когда я прочел аналогичные строки в предсмертной статье Сазонова, я подумал: «стар человек, да и звание министра иностранных дел Николая II обязывает». Но неужели и звание члена Всесоюзной Академии Наук тоже обязывает повторять в 1928 году подобного рода вещи? И главное—выдал себя с головой человек этим маленьким словечком «прямое». Не будь этого словечка, можно было бы приписать весь этот пассаж просто неосведомленности, как ни трудно ее предположить у специалиста в данном вопросе. Но коварное словечко выдает целиком и полностью, что акад. Тарле великолепно знает всю литературу, вплоть до контраверзы о якобы бывшем заседании сербского кабинета министров. Он-то знает,—но читателю его книги знать этого, конечно, не полагается.

Курбет № 3: русская мобилизация. Литературное искусство акад. Тарле дает здесь, можно сказать, предельный эффект. С чрезвычайной «об'ективностью» признается, что «дипломатия (в лице Сазонова) не сделала в эти дни ни одной попытки сколько-нибудь бороться с военными кругами, напротив, сама обостряла положение», самая история «высочайшего повеления» о мобилизации дается подлинными словами «дневника» мин-ва иностр. дел (т.-е. дается версия Сазонова, безо всякой критики, без попытки хронологического анализа, около которого здесь вертится все, и т. д.),— а затем следует великолепное резюме: «в Берлине известие об общей русской мобилизации дало, наконец, долгожданный предлог к началу дела» (стр. 279). Что дело начала именно Россия, это, в сущности, рассказано, но так, что, конечно, ни один читатель этого не поймет.

Курбет № 4. Речь идет о непосредственном поводе для вмешательства в войну Англии. Разумеется, этим поводом было, для акад. Тарле, знаменитое нарушение бельгийского нейтралитета: «Для Англии захват Бельгии Германией, мирный или военный, был таким страшным экономическим и политическим злом, с которым мириться она никак не желала. Еще Наполеон I говорил, что Антверпен—это пистолет, направленный в грудь Англии. Отдать Бельгию Германии значило предоставить Германии превосходный плацдарм, великолепно снабженный в хозяйственном отношении, для будущего нашествия на Англию. Впоследствии Ллойд-Джордж сказал, что, пока речь шла о Сербии, $^{99}/_{100}$ английского народа было против войны, когда речь зашла о Бельгии,— $^{99}/_{100}$ английского народа пожелали воевать» (стр. 287). А как же заявление Пуанкаре Сазонову, еще в 1912 году, что английская армия будет помогать Франции именно на бельгийской границе? Явственно, что тут теософическое общество действовало—без его помощи невозможно себе представить столь точного предвидения в 1912 году того, что случилось только в 1914-м.

Но, пожалуй, самое интересное изо всех упражнений производится акад. Тарле с Брестским миром. Нужно сказать, что для сторонников антантофильской тезы поведение официальной Германии (и германской с.-д.) весною 1918 года лучшее лакомство, какое можно придумать. Доказать, что «Германия напала» в 1914 году, при теперешнем состоянии наших знаний, трудно до невозможности. А что в 1918 году Германия напала на советскую Россию, это даже и доказательств не требует, это самоочевидный факт. Сами германские военные и дипломаты, не посвященные в игру Людендорфа и Гофмана, когда их спрашивала первая брестская делегация, перед своим от'ездом, не нападут ли немцы на страну, прекратившую войну с ними, но отказавшуюся подписать грабительский договор, с гордостью отвечали: «мы не разбойники!» Маневр Людендорфа-Гофмана был чисто разбойничьим маневром по оценке их собственных подчиненных. В 1918 году германский империализм блестяще напомнил, что он нисколько не лучше других империализмов.

Если бы акад. Тарле был воодушевлен только моральным негодованием против Германии, ему лучшего примера не надо было бы. Правда, «уравнительная справедливость» заставила бы его напомнить, что немедленно вслед

за этим на советскую Россию напала и Антанта—началась интервенция. И что если немецкое нашествие продолжалось две недели, то нашествие Антанты, интервенция, продолжалось два года. Но акад. Тарле вовсе не наивный моралист в стиле XVIII столетия. Его беспокоит другое. Как же это—ведь брестский мир—это «измена» Антанте; это, если не преступление, то, по крайней мере, ошибка. Надо показать отрицательные стороны Брестского мира и с этой стороны. Как это сделать? Очень просто: ведь после брестского мира война все-таки продолжалась; кто в этом виноват? Брестский мир, разумеется! И дав картину Брестского мира со всех, можно сказать, сторон, автор дает одно из своих бесподобных резюме: «Все это, конечно, создавало благоприятную атмосферу для держав Антанты, твердо решившихся продолжать борьбу вплоть до капитуляции Германии и до осуществления намеченных Антантой завоеваний» (стр. 370).

Вот, оказывается, глупые большевики кому помогли брестским-то миром—Антанте! Не будь наших простофиль, добрая Антанта давно заключила бы с Германией мир—ну, а после Бреста как же это возможно было? Мало того, и свирепые условия Версальского договора идут из этого же источника. «Брест-Литовский мир не только отдалил возможность мира Германии с Антантой (!), но окончательно предрешил, что, если Германия будет побеждена, то ни на чем, кроме полнейшей капитуляции, кроме безусловной и беспрекословной покорности с ее стороны, кроме решительного превращения ее в об'ект, которым можно распоряжаться по произволу, враги не примирятся» (стр. 369, разр. моя. *М. П.*).

Уже довольно давно—в 1924 г.—у нас, в СССР, вышла небольшая брошюра под заглавием «Царская Россия и война». В литературе, использованной акад. Тарле, этой брошюры почему-то не значится. И вероятно поэтому акад. Тарле не знает, что еще в сентябре 1914 года Англия заявляла, что «никакой мир невозможен, пока решающие события не позволят навязать (d'imposer) Германии такой мир, который бы закрепил окончательно разгром (assurerait l'ecrasement durable) ее военной гегемонии»[1]. Без окончательного разгрома—буквально «прочного раздавления»—Германии англичане не представляли себе мира уже в 1914 году. А конкретную форму этого «прочного раздавления» дал в том же сентябре 1914 года Сазонов в беседе с Бьюкененом и Палеологом: Версальский мир дал немного даже меньше, чем мечтали тогда трое представителей «свободы и цивилизации»—у Германии не отобрали Ганновера и Шлезвиг-Гольштинии, и Франция не получила даже «в собственность» рейнской Пруссии, как проектировал Сазонов[2]. Позже те же мысли были повторены Палеологу самим Николаем. Программа версальского мира была уже готова осенью 1914 года, за три года до Бреста,—а Е. В. Тарле хочет уверить ленинградских студентов, что, коли ежели бы не Брестский мир, так и Версаля бы не было!

---

[1] Донесение рус. посла Бенкендорфа о его разговоре с Георгом У, в приложении к назв. брошюре.

[2] Там же, донесение Палеолога Делькассе от 14 сент. 1914 г.

Едва ли нужно об'яснять читателю, что и затяжка войны об'ясняется вовсе не брестским миром, а вмешательством Америки, которая не могла допустить мира, пока ее участие в войне не станет решающим—а это было достигнуто лишь к лету 1918 г. Но едва ли вообще, после столь многочисленных выдержек, нужно об'яснять читателю, что такое книга акад. Тарле. Мы боимся только, что, оттолкнувшись энергичным ударом весла от большевистского берега, он не сможет пристать и к антантовскому. Слишком уж много в книге «марксизма» — и едва ли в том лагере достаточно тонкие люди, чтобы разобрать, зачем тут «марксизм» понадобился. Зато в смысле фактов там давно привыкли быть очень осторожными—иначе противная сторона сейчас же поймает — и простенькие приемы дней империалистской войны должны показаться теперь очень устаревшими. Рекомендуем вниманию акад. Тарле лидера заграничных антантофилов, Бернадота Шмидта: тот куда тоньше работает.

Итак, оба «новых» явления нашей «западной» историографии ведут нас назад—одно к 1914, другое даже к 1904 году. Не влияние ли это теории относительности, столь, по мнению некоторых марксистских авторов, зловредной? Говорят, будто по этой теории можно сначала померeть, а потом родиться. А, может быть, наши авторы просто занимаются омолаживанием? Как бы то ни было, читать обе книги в 1928 году до нельзя странно. Наша «западная» историография, по всему хронологическому фронту, от Юлия Цезаря до Пуанкарэ, катится назад. И несколько «светлых промежутков» (французская революция, коммуна, история социализма) только подчеркивают общий мрачный тон картины. Как такая картина получилась? Решаемся ответить. В русской истории есть все же кое-какая организация, есть некоторая центральная группа, которая тянет в одном определенном направлении—все расширяя, притом, район своего действия. В западной истории у нас отдельных работников-марксистов не меньше (среди старшего поколения—оно ведь ведет!), а больше, чем в русской. Но они совершенно не организованы. Они сидят по своим углам, в высшей степени довольные, что Октябрьская революция обеспечила им свободу исследования и высказывания в их узкой специальности. Это было бы нормально, если бы у нас прошла демократическая революция, обеспечившая «свободу печати» для марксизма (смирного, академического). Но у нас прошла социалистическая революция; идеология рабочего класса стала у нас господствующей идеологией, и те, кто эту идеологию представляет, обязаны вести организаторскую работу на своем участке, как весь класс ведет эту работу во всех областях жизни нашей страны.

М. Кубанин

К истории Октября в деревне

(Передел средств производства в предкомбедовский период аграрной революции)

Один из наиболее интересных в истории аграрной революции вопросов— это о переделах средств производства. Настоящая статья посвящена исследованию вопроса о переделе инвентаря в предкомбедовский период. О первом переделе земли мы писали в другом месте[1]. Методы передела земли за все время революции не изменились. Раз установившись в 1918 году, они не меняются до сих пор, сохраняя нерушимым принцип наделения земли по едоку. Иначе обстоит вопрос с методом передела инвентаря и вообще с отношением крестьян к крупному с.-х. предприятию.

Крестьянство все время требовало уничтожения помещичьего землевладения и введения подушного передела земли. Октябрьская революция дала возможность осуществить крестьянству его программу по земельному вопросу. Иначе поступило крестьянство, по сравнению со своими прежними заявлениями, в отношении помещичьего инвентаря. В известном наказе о земле, являвшемся выражением крестьянской воли, крестьянство требовало: «весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа».

Это требование заходит значительно далее пределов буржуазно-демократической революции. Если классическая буржуазно-демократическая революция может закончиться национализацией земли, то лишь затем, чтобы облегчить свободное развитие капитализма в сельском хозяйстве. Осуществление же настоящего требования в той части, где говорилось о передаче инвентаря в руки государства, означало частичное уничтожение того фундамента, на котором может расти капитализм в деревне. Однако, поставив рядом общину—остаток докапиталистической сословной организации крестьянства—и послереволюционное государство, крестьянство тем самым показало, что оно руководилось не интересами обобществления средств производства, а стремилось лишь к конфискации их у помещика.

Наличие в помещичьем хозяйстве в достаточном количестве инвентаря, в частности, крупного, указывало, что данное хозяйство стремилось вести хозяйство собственным инвентарем, эксплоатируя окружающее крестьянство

[1] Аграрная революция, т. II. М. Кубанин, «Первый передел земли».

в качестве наемной рабочей силы. Но выступление крестьянства даже против капиталистического типа помещичьих хозяйств об'ясняется тем, что капиталистические элементы сельского хозяйства тесно переплелись в них с крепостническими. Это лучше всего иллюстрирует неодинаковое отношение крестьянства к земле и инвентарю своей сельской буржуазии. В то время как вся земля, как надельная, так и купчая, поступила в уравнительный передел, из инвентаря поступал в передел лишь помещичий.

В этот период на ход аграрной революции ни пролетариат, ни буржуазия не оказывали своего прямого организационного влияния. Старый буржуазный аппарат, хотя и не был разогнан в уездах, где локализировались центры аграрной революции, однако уже сгнил и распадался. Пролетариат же еще не сорганизовал в уездах подлинной советской власти, которая бы осуществляла директивы центра. К тому же в подавляющем большинстве случаев уезды не имели собственного пролетариата, и от его имени репрезентировали ремесленники, в лучшем случае рабочие мелких кустарных предприятий. Позже, в комбедовский период, уезды и ревкомы создавались из рабочих, приехавших в деревню «с голодухи», либо из партийцев, командированных из пролетарских центров. Крестьянство находилось под идейным и политическим влиянием социалистической революции, но в понимание социализма, как это и подобает мелкому буржуа, оно вкладывало иное содержание, чем пролетариат. Проверкой того, как преломлялись в нем идеи социалистической революции, наглядно может служить знакомство с методами передела инвентаря.

Ликвидация помещичьего инвентаря предшествовала переделу земли и произошла более стихийно и неорганизованно. Если передел земли мог начаться лишь весной, перед началом ярового сева, то ликвидацию инвентаря, в особенности скота, крестьянство стремилось произвести немедленно после победы революции. Вот почему еще до и особенно тотчас же вслед за Октябрем прокатывается волна самовольных захватов инвентаря. При этих захватах рабочий скот сохраняется, а продуктивный (быки, свиньи и др.) режется (Зарайский уезд, имения: Булыгина, Базиной, Коноплина, Селиванова). В имении Селиванова уничтожаются коровы, а молоко оставшихся расхищается с фермы[1]. Уводятся крестьянами лошади с конского завода[2], расхищается весь племенной скот[3].

Менее всего живой и мертвый инвентарь сохранялся действительно в распоряжении государства или общины. Крестьянство наглядно показало, как оно проводит в жизнь свои же собственные наказы, когда эта возможность имелась. Архивный материал дает возможность наметить 3 имевших место способа ликвидации: первый по времени (в период ноябрь—январь)—самовольные захваты инвентаря. Это было в период массовой стихийной борьбы с помещиком. Затем, после того как помещик был окончательно разбит и в деревнях была организована новая власть, крестьянство от захвата и раз-

[1] Дело № 293 Зарайск. у., Рязанск. губ. Всюду указывая номера дел, мы имеем в виду Архив межевой части Наркомзема РСФСР.

[2] Дело № 125, л. 12, Подольск. губ.

[3] » № 124, л. 40, Тамбовск. губ.

грома переходит к следующему этапу: инвентарь стал распродаваться и часто даже с аукциона. Наконец, после того как разгорается классовая борьба внутри деревни (март—апрель), под давлением бедноты крестьянские с'езды выносят постановления о продаже живого инвентаря только бедноте, б. солдатам, инвалидам и т. д. Пестрота форм ликвидации инвентаря об'ясняется этапами развития классовой борьбы в деревне. Никакого организованного воздействия извне крестьянство в первый и второй периоды предкомбедовского этапа не получало. Процесс распределения инвентаря не регулировался даже земельными комитетами. В последних, в первый период, непосредственно следовавший за Октябрем, сидели попрежнему по большей части с.-р., которые, оттягивая вопрос о судьбе помещичьих имений «до учредительного собрания», тем самым способствовали активному проявлению анархических тенденций крестьянства.

Когда крестьяне при разгроме имения не могли поделить крупный инвентарь, то они предпочитали его вовсе уничтожить, лишь бы он не достался б. владельцу. Корреспондент, описывавший разгром имения, принадлежащего депутату Государственной думы от Воронежской губ. Фирсову, разоренному дотла, рассказывает следующий факт: «Огромная толпа, руководимая лицами в солдатских шинелях, прибыла в имение и стала разбивать замки у амбаров, выламывать двери у сараев и растаскивать имущество. Хлеб был поделен на равные части, и каждый забирал свою часть на свой воз. В сарае толпа остановилась перед сеялками и плугами. Каждому хотелось воспользоваться этими ценными для хозяйства вещами, но желающих оказалось так много, что поделить было невозможно... «Бей их, чтобы никому не досталось»,—крикнул кто-то, и в несколько минут плуги, сеялки и паровые молотилки были превращены в щепки» [1]. Этот факт далеко не был типичным явлением, но он все же характерен.

Анархической ликвидации частновладельческого инвентаря способствовало то, что помещичьи имения эсеровскими земкомами своевременно не были взяты на учет. «Принимая дела от старого состава земельного комитета,— говорил о положении дел докладчик на Липецком уездном с'езде,—мы обнаружили, что не все частновладельческие имения были приняты на учет, чем, быть может, была вызвана и несвоевременная распродажа живого и мертвого инвентаря. Это могу сказать о тех имениях, в которых скот был самовольно распродан. Например, в Ивановской вол. был распродан хороший племенной скот населению, в Грязиковской вол., в имении Хрущева, и Плавицкой вол., в имении Расторгуева» [2]. В Карачаевском уезде Курской губ., где до февраля 1918 г. имения не были разгромлены и инвентарь не был распределен, крестьяне заволновались и решили приступить к разделу, когда б. владелец стал вывозить корм из имения [3].

Карачевский уезд являл собой картину, обычную для центральной России, т.-е., самовольного захвата и раздела помещичьего инвентаря. Население этого уезда, равно как и во всей России, требовало полного уничтожения

[1] «Воронежский телеграф», № 248, от 19/XII 1917 г.
[2] Дело № 58, Липецкого уезда Тамбовск. губ.
[3] Дело № 79, лист 89.

частновладельческих имений. Когда земельный комитет разрешил б. владельцу Блохину взять из имения одежду и птицу, то «неизвестные лица раскрали ночью из имения хомуты, а затем общество крестьян с. Шаблыкина организованным порядком забрало овец, быка, барана, начало вынимать рамы из флигеля. Шаблыкинское общество требует передачи только ему оставленных 9 племенных коров и 8 лошадей из б. имения Блохина».

Каждая волость считала, что все принадлежащее «их барину» принадлежит крестьянству данной волости или села. Докладчик на Карачевском уездном земельном с'езде рассказал о той картине, которую ему пришлось видеть в свеклосахарном заводе Муравьева. «Постройки сожжены, имущество и скот разграблены. Дорогой рояль стоит в крестьянской избе, редкое оружие неизвестно где. Все гайки, какие можно отвинтить, из завода унесены, медные трубы разбираются и по кусочкам растаскиваются. От нескольких сот десятин леса одни пни торчат. В селе Навале встретил толпу крестьян в солдатских шинелях, шедших делить бывшее имение Трепова, «Наш барин—наше все»—так ему ответили шедшие на его вопрос»[2].

В первый этап развития аграрной революции, непосредственно следовавший за Октябрем, когда еще крестьянство, уничтожая помещичьи имения, убеждено было, что оно страхует себя от реставрации помещичьего строя, и как будто бы получило возможность укрепить свое мелкое хозяйство путем захвата помещичьей земли и инвентаря и освобождения от всяких платежей и налогов, крестьянство не желало оставлять в имениях какой-либо инвентарь для создания коллективного хозяйства. Когда два представителя Карачевского земельного комитета созвали собрание граждан д. Косулич и с. Петрушково по вопросу о сохранении имений местных землевладельцев, то крестьянство этого не захотело и потребовало раздела имений. «На мое предложение пользоваться коллективно через волостной и уездный земельный комитеты крестьяне в большинстве всеми силами старались доказать, что на это они несогласны, что пусть лучше все экономическое будет их собственное—кровное. Когда мною было указано, что ни декреты, ни временные законы, ни обязательные постановления не дают никому права устанавливать права частной собственности на предмет народного состояния, некоторые из крестьян заметили, что если декреты, законы и обязательные постановления этого не предусматривают, то они их не признают. Доверенного от уездного земельного комитета постановили не признать—«своих людей хватит»[3].

В силу такого понимания революции крестьяне захватывали даже те имения, которые не эксплоатировали окружающее население, например, имение-ферму служащих Северной железной дороги. Это имение, расположенное в 40 верстах от Москвы, располагало 370 дес. пахотной земли. В нем находилась детская трудовая коммуна для детей железнодорожников, 100 шт. племенного скота, конный завод, молочное хозяйство и пр. Крестьяне, ссылаясь на декрет народных комиссаров, стали самочинно продавать имущество этого образцового имения, зарезали на корм племенного борова и несколько коров

[1] Дело № 79, л. 89.
[2] Протокол засед. II сессии Карач. у. зем. ком. 18/V, февр. 1918 г. (д. № 79).
[3] Дело № 79, л. 2—5.

голландской породы. Молоко же оставшихся стали продавать тем же железнодорожникам. Весь живой инвентарь крестьяне назначили к продаже [1].

Крестьяне в декрет вложили такое содержание, которое в корне противоречило ему. Само собой разумеется, что в данном случае, если бы крестьянам было указано, что они поступают вопреки декрета, они ответили бы словами карачевских крестьян, что в таком случае декрет поступает вопреки их воле.

Аналогичная судьба помещичьего инвентаря постигла и инвентарь экономий сахарных заводов и даже имущество и посевы заводских служащих и рабочих. Приведем пару примеров.

Дирекция 2-го Ивановского сахарного завода телеграфировала Центросахару, что 11 ноября в Уманском уезде Киевской губ. было разграблено местными жителями экономическое имущество, не было пощажено даже имущество служащих, забирались возы, плуги, лошади и коровы [2].

Крестьяне захватывали запасы, принадлежащие рабочим. Так, например, между рабочими хрустального завода в Бахметьеве и местными крестьянами возник спорный вопрос из-за земли. Рабочие хотели собрать урожай озимых хлебов, так как посев был произведен непосредственно ими, а крестьяне препятствовали им, считая землю своею. Крестьяне с. Покровского Тамбовской губ. выгоняли свой скот на земли местной молочной фермы, грозя расправиться с администрацией за то, что она ограждала свои посевы [4].

Уничтожая помещичье хозяйство за его сословные привилегии, т.-е., уничтожая всякие сословные различия и себя, как сословие-класс, крестьянство, однако, утверждало лишь себя единственным владельцем всего с.-х. инвентаря по сословному принципу. Это выражалось в захвате инвентаря всех некрестьянских хозяйств и распределении его (инвентаря) только между крестьянами. Но если эта идеология при распределении земли больно ударила сельскую буржуазию тем, что у нее были отняты земли и переданы общине, то при распределении инвентаря именно благодаря этой точке зрения плодами уничтожения помещичьей собственности на инвентарь, отчасти, воспользовалось и кулачество.

В первый период ликвидации помещичьих имений в разграблении экономий и захвате инвентаря кулак иногда играл не последнюю роль. «Пьяные кулаки,—пишет корреспондент «Социал-демократа»,—производят бесчинства: кричат на сельских сходах, что не надо платить подати, призывают к грабежу экономий, врываются самовольно в экономии, делают порубку леса с помещиками (?), растаскивают постройки, плуги, сани, повозки за полцены» [5].

«Интересно отметить,—пишет корреспондент «Утра России» из Пензенской губернии,—ч т о р а с х и щ е н н о е к р е с т ь я н а м и у к р у п н ы х и м е л к и х з е м л е в л а д е л ь ц е в и м у щ е с т в о п о п а д а е т в р у к и т о л ь к о з а ж и т о ч н ы х к р е с т ь я н, т а к к а к з а х в а-

[1] «Утро России» от 21/I 1918 г.

[2] «Киевская мысль» от 11 ноября 1917 г., № 270.

[3] Дело № 283, л. 60.

[4] Дело № 124, л. 112.

[5] «Социал-Демократ», № 2 от 4/I—18 г.

тывают те, в семьях которых имеется налицо больше работников, больше лошадей и перевозочных средств, а также, кто имеет излишки кормов для содержания расхищенного скота».

Но волна разгромов имений, поднявшаяся высоко в октябре и ноябре, сильно спала в декабре и стала незначительной в январе, когда крестьянство убедилось, что помещик разбит уже окончательно. Поэтому с января крестьянство начинает само уже «организованно» ликвидировать инвентарь. Так как инвентарь невозможно поделить поровну подушно, как землю, то мелкобуржуазный товаропроизводитель призвал себе на помощь тот принцип, который он признает наивысшим, продажу *своего* товара по самой дорогой цене, в данном случае с аукциона.

«25 января,—пишут в своем докладе члены Карачевской (Курской губ.) уездной земельной управы—Шишин и Мильшин—уездному земельному собранию об итогах своей поездки по ряду помещичьих имений в январе 1918 г.,—гражданами с. Мощенного Хотенецкой волости первым обществом, количеством около 40 домохозяев, взят из имения б. землевладелицы Федоровой весь живой и мертвый инвентарь: около 17 лошадей, плуги, бороны и прочие земледельческие орудия. Весь скот распродан гражданам с аукциона. Цены были крайне высокие: простая рабочая лошадь доходила до 900 руб., в виду чего местные крестьяне, кулаки-мироеды, воспользовались этим и раскупили весь скот. Так, крестьянином с. Мощенного Степаном Костриковым было прикуплено две лошади к имеющимся четырем» [1].

Но продукты и мелкое имущество, которое можно было поделить, делились поровну: «Захваченные 750 п. ржи распределены поровну, хоботья разделены по 5 клетушек, также распределено и сено, которого насчитывалось около 600 пудов» [2].

Но самое любопытное в том, что кулак выиграл не только от того, что мог купить несколько лошадей, но еще и в том, что уплаченные им деньги возвращались ему частично обратно. «Полученные от ликвидации имения деньги, — пишут авторы доклада, — разделены крестьянами поровну, так что, по словам самих крестьян, каждому досталось 135 руб. 50 коп. Получилось так, что, кто купил на 100,—получил 135 руб. Бедные крестьяне,—добавляют докладчики,—просят земельный комитет отобрать распроданный крестьянам и буржуям скот и распродать по низким ценам между ними». Но этого сделать земкомы, в которых сидели с.-р., не могли и не хотели. «Разве правильно был распределен живой инвентарь?»—подытоживал итоги первого распределения инвентаря на Липецком уездном с'езде советов в сентябре 1918 г. завед. земельным отделом. «Вполне понятно, нет!».

Буржуазно-демократические методы распределения инвентаря сказались ярче всего в том, что инвентарь продавался за деньги и притом по законам рынка: кто больше даст.

Следовательно, в этот период революции кулак оторвал от бедняка значительную часть живого инвентаря. Отсутствие же его при почти полном прекращении отходничества грозило голодной смертью.

---

[1] Дело № 79, л. 89.

[2] Там же.

Вот почему классовое расслоение деревни обостряется вокруг вопроса о неправильном распределении инвентаря. При распределении земли каждое хозяйство получало землю по количеству едоков, при распределении инвентаря—по его мощности (кто больше денег имел). Поэтому на уездных с'ездах, где сказывалось большее влияние пролетариата и революционных социалистических партий (б-ков и левых с.-р.), принимаются резолюции о наделении инвентарем за плату в первую очередь нуждающихся в нем. «Право на покупку означенного скота имеют все граждане, по состоянию своему признанные наиболее нуждающимися, при чем в первую очередь вдовы и жены запасных бедного состояния и затем остальные беднейшие граждане данной и других волостей. При недостатке скота таковой распределяется между покупателями по жребию. В первую очередь распродается крупный скот, а затем остальной мелкий, при чем приобревший на первом распределении не более одной головы крупного скота в покупке мелкого не участвует» [1].

Борисоглебский уездный крестьянский с'езд, состоявшийся 15—18 января 1918 г., постановил весь живой и мертвый инвентарь продать в первую очередь только безлошадным солдатам по ценам 1914 г. Распределению подлежал весь частновладельческий скот [2]. Экстальский волостной совет крестьянских депутатов Тамбовского уезда по этому вопросу постановил: «Удовлетворить в первую очередь вдовых солдаток, у которых мужья убиты на поле битвы, одним предметом, дойной коровой или рабочей лошадью. Во вторую очередь инвалидов, не имеющих лошади или коровы, и нетрудоспособных, живущих в одиночестве, удовлетворить одним предметом, лошадью или же телкой. В третью очередь удовлетворить всех солдат, не имеющих своей лошади или коровы, живущих в одиночестве и пострадавших от войны в имуществе, если останется от первой и второй очереди. В четвертую очередь удовлетворить всех граждан волости, не имеющих своей лошади или коровы, тем более обратить внимание на вдов, если только останется от первых очередной скот» [3].

Не случайно, что эти постановления вынесены в январе и что в них говорится, главным образом, о солдатах и солдатских женах. В декабре солдаты были уже в деревне, с собой они принесли Октябрьскую революцию. Солдаты были наиболее организованная, активная и революционно-настроенная часть деревни. Под их влиянием крестьянские организации выносят постановления о дешевой распродаже или бесплатной выдаче инвентаря в первую очередь бедноте, при чем под беднотой понимаются, прежде всего, лица, пострадавшие от войны. В этом пункте сильнее всего сказывается влияние солдат, своеобразная солдатская цеховщина. Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую в деревне еще облечено было в старые одежды мелкобуржуазной идеологии. Беднота должна была преодолеть свою старую крестьянскую идеологию. Прежде всего беднота

---

[1] Постановление 6 Крест. с'езда Липецк. у., п.п. 6 и 7 (дело № 58).
[2] Дело № 274.
[3] «Известия Тамбовск. сов. раб., солд. и крест. деп.» от 29/IV—18 г.

начинает протестовать против аукционов при продаже инвентаря. Тем самым в продажу инвентаря она вносит момент регулирования в интересах бедняцких слоев деревни, хотя еще не отказывается от рыночных методов распределения инвентаря.

«15 декабря,—сообщает газета,—при Хреновском конском заводе состоялся обычный аукцион казенных и частновладельческих лошадей, предназначенных в продажу по разным причинам. На торгах было выставлено до 185 лошадей, из них 76 казенных. Преобладали лошади рысистые и верховые. Вследствие недоразумения с населением, происшедшего на предыдущих торгах из-за того, что право участия на торгах было предоставлено исключительно крестьянам, руководство аукционом 16 декабря администрацией завода было передано уездному земельному комитету, от имени которого и было сделано об'явление о торгах. В день торгов местные и приезжие крестьяне, в числе 200—300, потребовали раздачи лошадей исключительно крестьянам для безлошадных хозяйств и притом без торгов. Требование было исполнено руководителями аукциона. Особой комиссией лошади были оценены и при этой оценке распределены по волостям уезда соразмерно численности их населения в распоряжение волостных комитетов» [1].

Но такой благоприятный для бедноты случай был сравнительно редким. Лишь в январе-феврале крестьянские с'езды начинают повсюду выносить постановления о наделении бедноты за плату инвентарем. Но на местах эти постановления не проводятся. К тому же беднота не имела средств на покупку инвентаря. Кулак попрежнему продолжал скупать инвентарь. Неорганизованная, не прошедшая фронтовой школы беднота молчала, но не желал мириться с концентрацией средств производства в руках кулака бедняк, побывавший в армии, так как он в первую очередь страдал от кулацкой спекуляции. Прежде всего он обращался к органам диктатуры пролетариата в городах, где советы в это время уже закрепились. «...прошу вас, революционный комитет,—жалуется солдат Иванов в Питерский Ревком 22 января 1918 г., — дать предписание Заполинскому волостному комитету. Ими реквизировано городские и помещицкие и также церковные имения, и скот, конный и рогатый, и орудия для обработки земли, и весь инвентарь, чтобы выдать нам наличным из етова количества, что у них происходит такое предприятие, назначают предмету цену и продают, кто в состоянии, имеит лошадей и коров и еще покупает, патом спекуляцию заводят, а мы немочной пострадали на военной службы и не имеим теплова угла и покупаем хлеб сначала до конца и обратно нам ничего...» [2].

В этих нескольких безграмотных строках дана характеристика классовой борьбы в деревне после Октябрьского переворота до введения комбедов. Кулак скупает помещичий инвентарь, а затем им спекулирует, как спекулировал запасами своего хлеба; солдат, вернувшийся с фронта в свою разоренную избу, «не имея ни хлеба, ни инвентаря и теплого угла», должен был закабаляться.

---

[1] «Воронежский телеграф» № 256 от 31/XII 1917 г.

[2] Сохраняем стиль и орфографию. Дело № 282, л. 2. Рязанск. губ.

«Такое распределение инвентаря,—констатирует буржуазное «Утро России», — вызывало сильное неудовольствие со стороны вновь прибывших групп солдат с фронта, настаивающих на все новых и новых переделах того же имущества. Благодаря такой неустойчивости сознания принадлежности имущества захватчикам, сельские власти обычно запрещают его продавать куда-нибудь на сторону, и, не принадлежа в конце концов никому, оно служит предметом раздора в селе, а среди крестьян яснее и яснее обрисовывается раскол между усиливавшейся и все укрепляющейся сельской буржуазией и беднотой»[1].

Использование кулаком Октябрьской революции в своих интересах привело к необходимости из'ятия у него излишков инвентаря, что вызвало соответствующую реакцию. Так, в с. Павловском произошел весьма крупный конфликт. Согласно постановлению Лебедянского уездного земельного отдела Совета Р. С. и К. Д. по селам и имениям должна быть произведена точная перепись всего живого и мертвого инвентаря, и излишек такового должен быть немедленно отобран и распродан неимущим. «Сельский Совет, — сообщает местная газета,—произведя означенную перепись 26 марта, собрался на заседание в здании сельской школы. К ним собралось несколько крестьян из их «лагеря». Немного спустя, туда же явился весь состав (чел. 40) буржуазной партии и, устроив скандал, стал разгонять сельский совет, а председателя, матроса Подкопаева, стремились обезоружить и, повидимому, «потрепать».

В данном случае, кулацкая активность была сломлена как местными силами, так и прибывшим позже подкреплением в виде красногвардейского отряда. Хуже было в других районах до организации комбедов. Кулаки держали иногда в своих руках политическую власть на селе. Приведем пару примеров. «Волостной «совдеп» (Яновическая волость, Витебск. губ. *М. К.*) состоял сплошь из контрреволюционеров—бывших офицеров, юнкеров и деревенских кулаков—которые терроризовали бедное крестьянство, присваивали себе продовольствие и разделяли между собой земли. Существование местечкового совета мешало проведению всех их преступных планов: они пробрались в совет и его разогнали. Когда губернский совет депутатов и второй с'езд «совдепов» потребовали восстановления местечкового совета и освобождения арестованных товарищей, волостной «совдеп» отказался и встретил отряд Красной армии пулеметным огнем. После боя волостной совдеп разбежался, оставив одного убитого и двух раненых. С нашей стороны убитых и раненых не было. Освобожденные крестьяне избрали из своей среды совет, который уже работает»[2].

Вооруженной классовой борьбой, т.-е. гражданской войной, вот чем закончился процесс распределения живого и мертвого инвентаря. Но это означало, что антикрепостническая революция в деревне переросла в социалистическую. А так как деревенские советы являлись органами всего крестьян-

[1] «Утро России», № 3 от 24 января 1918 г.

[2] «Раннее утро» от 24/V 1918 г. Буржуазная газета напечатала в обязательном порядке информацию советского телеграфного агентства.

ства, в лучшем случае середняков и бедноты, то для проведения раскулачивания, т.-е. перераспределения инвентаря и хлебных запасов, пришлось создать организацию чисто бедняцкую, которая и осуществила бы социалистическую революцию в деревне. Такой организацией были комбеды.

* * *

В противоположность разгромам помещичьих и хуторских имений в центральной черноземной полосе в центрально-промышленном районе помещичьи имения и хутора уничтожались в меньшей степени или вовсе не уничтожались[1]. Если даже взять Рязанскую губернию, то, в то время как в южном Спасском уезде «с первых дней революции волна анархии захватила... уезд, и земотделу стоило больших и неимоверных трудов остановить грабежи и хищения из имений бывших помещиков живого и мертвого инвентаря[2], в северном Егорьевском уезде весь живой и мертвый инвентарь в имениях был сохранен»[3].

В чисто промышленных уездах других губерний имения были целиком сохранены. Так, например, в Юрьевском уезде Владимирской губ. из 90 имений лишь в одном был случай разгрома помещика, но расхищенное удалось вернуть совету[4].

В имении «Сима» того же уезда, прекрасное образцовое молочное хозяйство (около 100 голов голландского скота) сохранилось и должно было служить рассадником лучших пород скота. Кроме того, местный совет отвел 420 десятин земли для организации при имении сельскохозяйственной школы. Молочная ферма функционировала также в имении Вески, Городищевской волости.

В указанных молочных хозяйствах предполагалась организация производства работ на артельных началах.

В имениях бывш. Музановой, Краинских, Мирославской вол. (Васильево Городищевской волости) были организованы трудовые артели, которые вели хозяйство под контролем уездного совета.

Артель, организованная в Городищевской волости, при содействии уездного земельного отдела, приобрела трактор, благодаря чему были освобождены 40 лошадей из числа находившихся в распоряжении артели.

В селе Турубаеве Паршинской волости работала артель по ремонту сельскохозяйственных машин и орудий[5].

Но все эти имения, перешедшие в распоряжение артелей, не выполняли и не могли выполнять основной функции советских хозяйств, снабжение

---

[1] См. «Аграрная Революция», т. II. М. Кубанин: «Первый передел земли в 1918 г.», стр. 225.

[2] Из отчета о деятельности Спасского Уездн. Земельн. отд. Рязанской губ., д. № 286, л. 44.

[3] Отношение Егорьевск. СР и Кр. Д. 16/IX 1 б. в. НКЗ, д. 292, л. 19 и 20.

[4] «За землю и волю», № 101 от 26/V 1918 г.

[5] Протокол заседания Владимирского уездного с'езда земотделов и комбедов 16 октября 1918 г. Издано отдельной брошюрой. Владимир, 1918 г.

города сельскохозяйственными продуктами. Все продукты производства шли в пользу работавших в нем.

Прежде всего во всех имениях нехватало средств производства, и артели с самого начала не смогли создать не только рационального хозяйства, которое бы служило образцом для окружающего крестьянства, но даже не смогли поднять уровень своего производства выше крестьянского.

Второй причиной, препятствовавшей под'ему этих коллективов, являлась идеологическая неподготовленность мелкобуржуазного товаропроизводителя, каким по существу своему был, либо стремился стать, полупролетариат деревни. В этот период крестьянство, точно так же, как и отсталая часть рабочего класса, понимало лозунг «земля крестьянам, а фабрика рабочим» в узко-цеховом «синдикалистском» смысле. Также посиндикалистски рассуждали и члены коммун и артелей, образовавшихся в б. помещичьих имениях. Так, например, в одном из имений Владимирского уезда, «Фетиньино», местный волостной Земотдел руководил хорошо имением, но таким образом, что весь урожай, собранный в имении, поступал в распоряжение работавших в нем. Рабочим платилась повышенная плата натурой, а не деньгами, и губ. комиссариату земледелия пришлось это имение из'ять из ведения волземотдела. Но даже и эта отсталая анархо-синдикалистская идеология была прогрессом по сравнению с анархо-индивидуалистическими тенденциями в отношении к помещичьим имениям, проявленными крестьянством черноземного района. Чтобы взамен коммун и артелей, организовавшихся в б. имениях из «голодных соображений», были созданы совхозы, страна должна была перешагнуть из полосы промышленной разрухи, в которую она вступила в 1917 году, в полосу индустриального развития своей промышленности, которая могла бы снабдить все эти коллективы средствами производства более высокого типа и качества, чем те, которые были у крестьян и остались в б. имениях. Промышленность же, совершавшая в этот период свой крестный путь «отрицательного расширенного воспроизводства» (Бухарин), не могла даже выделить достаточных эквивалентов для обмена на продукцию сельского хозяйства, хотя бы в размере, достаточном для удовлетворения голодной нормы зарплаты. В этот период создание совхозов было невозможным, а коммуны и артели, естественно, носили потребительски-натуральный характер.

К этим общим причинам следует прибавить еще одну—оказывающую до сих пор свое вредное влияние на развитие совхозов—отсутствие кадра руководителей советскими хозяйствами.

За столетие существования русской промышленности (включая сюда и мануфактурный период) такой кадр создался из мастеров, старых квалифицированных рабочих и т. д. В сельском же хозяйстве при наличии остатков крепостничества, дававших помещику возможность внеэкономической эксплоатации крестьянства, не создался большой массив с.-х. пролетариата, порвавшего со своим хозяйством. Батрак был связан корнями со своим нищенским мелким производством. Он мечтал еще о своем собственном хозяйстве, и из его среды не могли выдвинуться руководители крупного сельскохозяйственного предприятия социалистического типа; что касается приказчиков и управляющих имений, то они жили не только за счет своего

жалованья, но и за счет добавочной эксплоатации окружающих имение крестьян и являлись от'явленными врагами революции. По этой причине крестьянство изгоняло вместе с помещиком и его служащих (кроме рабочих и низших служащих: дворников, конюхов, сторожей и т. д.). В данном случае крестьянство поступало вполне правильно, ибо там, где власть или само крестьянство оставляло руководить имением бывш. служащих, последние расхищали и распродавали по частям имущество имений. Об этом свидетельствует большое количество архивных материалов, касающихся вопроса о бывших помещичьих служащих. Смена общественных форм в крупном хозяйстве требовала также замены прежнего кадра работников новым, еще более квалифицированным, чего не смогла проделать революция в первый же год своего существования.

Таким образом даже в тех случаях, когда помещичий инвентарь был сохранен и не поступил в передел между мелкобуржуазными товаропроизводителями, он не стал технической базой для организации коллективов и крупных государственных предприятий социалистического типа. При этом следует заметить, что вообще количество инвентаря в помещичьих имениях было невелико и находилось в плохом состоянии, так как не ремонтировалось в течение четырех лет войны.

Лишь на базе технической реконструкции крестьянского хозяйства могли быть созданы подлинно социалистические коллективы. Этого не могла на первых порах выполнить революция, получившая в наследство, разрушенное народное хозяйство и принужденная вести при этом гражданскую войну. Эта часть программы революции лишь начинает осуществляться в период индустриализации Советского союза.

* * *

Еще более выпукло выявляется характер первого этапа революции на анализе отношения крестьянства к с.-х. промышленности. Отношение крестьянства к судьбе различных видов предприятий было различно. Одни промышленные предприятия подверглись разгрому, у других—грабили их продукцию, оставляя завод нетронутым, а третьи, наоборот, всемерно охранялись. Это принципиально разное отношение вытекало из того, какие социальные отношения возникали между заводом и крестьянством, как целым, с крестьянством, как с классом, как мелкобуржуазным товаропроизводителем. Парадоксальность такого положения заключается в том, что в процессе антикрепостнической революции крестьянство расценивало заводы в зависимости не от связи их с капитализмом, а наоборот,—с остатками крепостничества. С этой стороны, завод мог быть в первом случае только потребителем рабочей силы, и всякая связь с докапиталистическими элементами хозяйства отсутствовала (торфяной завод). Завод мог также быть потребителем рабочей силы, являться землевладельцем и вместе с тем выступать как продавец товаров, необходимых для крестьянского хозяйства. Такое, более богатое смешение социальных элементов имелось в отношениях между сахарными заводами и крестьянством. Как покупатель рабочей силы, сахзавод выступал

как представитель промышленного капитала. Эксплоатируя крестьян путем отработок и испольной аренды на заводской земле, он представлял интересы полукрепостнического строя. Наконец, были предприятия, где завод выступал как потребитель рабочей силы и как представитель торгового капитала, хотя и не был связан с землевладением (сенопрессовальные заводы).

В зависимости от этих моментов определялось и отношение крестьянства к промышленным предприятиям в деревне.

Поэтому одновременно с разгромом помещичьих имений идет волна разгромов тех промышленных предприятий, которые владеют землей и инвентарем, необходимым для крестьянского хозяйства. В особенности жестоко пострадали сахарные заводы. «Анархия на сахарных заводах и вокруг них все больше и больше разрастается и вызывает серьезные опасения, как бы страна не осталась совершенно без сахара. Не проходит положительно ни одного дня, чтобы в «Центросахар» не поступали тревожные известия из всех районов» [1].

Беспорядки были нескольких родов: крестьяне либо грабили сахар на заводах и на ж. д., либо захватывали экономический инвентарь, либо, наконец, не допускали запашки на помещичьих плантациях. На Лютовском сахарном заводе в Харьковской губ. крестьяне дер. Петровки прогнали экономические плуги с полей и не позволили запахивать землю, даже под свекловичные посадки, так как эту землю предполагали переделить [2].

В Липовецком у. Киевской губ. крестьяне захватили экономии, принадлежащие заводам, устранив служащих. В Свирском у. той же губ. крестьяне захватили экономию «Морозовка», устранив владельца имения Крачковича и служащих. В этом же уезде крестьяне захватили экономию «Снежную», арендуемую Погребищенским сахарным заводом [3].

К заводской земле крестьяне относились так же, как и к земле обыкновенного помещичьего имения.

Крестьяне претендовали, чтобы вся заводская земля перешла в их ведение. Так, например, при распределении земли в одной волости, в районе которой находились сахарные заводы, представители Больше-Грибановского и М.-Грибановского совета заявили, что «если заводская земля не перейдет в ведение обществ, то граждане этих волостей будут обижены» [4].

Так как судьбы этих посевов разрешались, в данном случае, на уездном с'езде, то представители этой волости проиграли. Землю, согласно постановления Уземотдела, оставили в распоряжении завода, но на завод был назначен постоянный контроль от Уездного исполнительного комитета и от Больше-Грибановского и Мало-Грибановского советов. Если же вопрос о судьбе заводских земель не доходил до уезда, то, понятное дело, он решался всегда в определенном смысле. Крестьяне постановляли о том, чтобы землю считать своей, стремясь завод лишить вовсе земли.

[1] «Киевская мысль» от 13/XI 1917 г., № 208.
[2] Дело № 154, л. 36, Харьковск. губ.
[3] «Киевская мысль» от 21/XI 1917 г.
[4] Дело № 274 «О спорной земле м. Тамбовск. и Воронежск. губ.».

Такие случаи имели место и до Октябрьского переворота. Так, например, Шебекинская контора сахарного завода, находящегося в Белгородском и Корочанском уездах Курской губернии и Волчанском уезде Харьковской губернии, подверглась большому нажиму со стороны крестьянства. «Крестьяне окрестных сел заявляют претензию,—пишет управляющий этим имением в Министерство продовольствия 20 октября 1917 г.,—на дальнейшее занятие под свои посевы экономических земель, простирая свои требования до того, что в экономии, кроме земли под свеклу, уже больше не остается ничего для посева» [1].

Даже в том случае, когда эта земля, которую крестьяне считали своей, не эксплоатировалась самими крестьянами, но находилась в пользовании другой организации, крестьяне пред'являли требование об уплате им арендной платы за пользование землей. Крестьяне с. Царицыно Казанск. уезда пред'явили требование к торговому дому Остерман о повышении арендной платы за участок земли, на котором находился пороховой склад торгового дома, до 100 руб. в год, при чем просили внести сразу 400 руб. за оставшиеся 4 года. В случае неисполнения этого требования крестьяне угрожали разгромить склад. Пришлось Исполнительному комитету Казанского совета крест. депутатов раз'яснить крестьянам, что земля является общим достоянием не в том смысле, что она принадлежит крестьянам данной волости, что никакой арендной платы за нее не полагается, а взамен же арендной платы вводится подоходный налог на предприятия [2].

Таким образом, даже тогда, когда земля крестьянами не могла быть эксплоатируема либо она являлась составной частью капиталистического предприятия, крестьяне подходили к земле, как единственные хозяева, с точки зрения сословной.

Точно так же крестьяне расхищали заводскую продукцию в том случае, если они принуждены были ее покупать для своих нужд или она конкурировала с крестьянскими товарами.

На Трубетченском сахарном заводе Лебедянского уезда крестьяне разграбили пшеницу. Чтобы прекратить этот захват, на завод должна была выехать специальная комиссия Лебедянского совета депутатов с отрядом солдат. При чем эта комиссия для прекращения грабежей постановила на совместном заседании Волостного комитета заводских рабочих и местного населения удалить заводскую администрацию, заменив их лицами и служащими имений [3].

В Рязанской губ. были разгромлены 3 крахмальных завода, при чем расхищено было свыше 20 тыс. пуд. крахмала. В Волчанском уезде Харьковской губ. в начале ноября 1917 года были разгромлены имение и конфектная фабрика Эйзлера. Была сожжена сушилка продовольственного комитета, заготовлявшая овощи для армии. В марте 1918 г. крестьяне села Ерташихи Казанской губ. захватили сено с сенопрессовального завода, принадлежащего Казанской губернской продовольственной управе, в количестве 11 тыс.

[1] Дело № 273, л. 50, Курской губ.

[2] «За землю и волю», № 71 от 14/IV 1918 г.

[3] «Киевская мысль», 11 ноября 1917 г., № 270.

пудов. Крестьянство неохотно отводилю луга для сенопрессовальных заводов, а зачастую даже и вовсе отказывало в этом [1].

Точно так же сахарные заводы привлекали внимание крестьян из-за своих запасов сахара. На Теткинском заводе Рыльского у. Курской губ. в середине декабря 1917 г. крестьяне успели дважды разграбить сахар на ст. Александровское. Разграблен был также сахар в конце ноября жителями с. Низы на Низовском сахарном заводе Сухановых. Пришлось даже высылать отряд солдат [2].

Причину грабежей на сахарных заводах великолепно понимали сами же буржуазные газеты, хотя и не хотели отсюда делать соответствующие выводы. «Усиление грабежей на сахарных заводах и хищение сахара,—пишет «Киевская мысль»,—идет параллельно с ростом цен на сахар и в значительной степени обусловливается этим» [3].

Мелкобуржуазный товаропроизводитель иначе не может бороться с разоряющими его высокими ценами и высокой торговой прибылью. Искать и уничтожать п р и ч и н ы этого явления выше понимания мелкого буржуа.

Особняком стоит судьба единственного сельскохозяйственного предприятия, имевшего связи с торговым капиталом и, однако, не подвергшегося разгрому, а наоборот, всемерной охране. Это—мельницы.

В отличие от всех прочих отраслей с.-х. промышленности мельницы играют весьма важную роль в строе хоз-ва всех социальных слоев крестьянства. Крестьянское хозяйство значительную часть своей продукции пропускает через мельницу для размола на муку. До революции торгово-ростовщический капитал захватывал в свои руки мельницы, которые не только перемалывали крестьянское зерно в хлеб, но и скупали у крестьян зерно и продавали муку. Захват одной только земли и сохранение мельниц в руках старых хозяев оставляли бы попрежнему крестьянина в кабале у владельца мельницы.

Еще задолго до того, как в городе было приступлено к национализации промышленных предприятий, в деревне в январе 1918 г. мельницы были взяты в ведение волостных и сельских земельных комитетов.

Крестьяне захватывали мельницы еще до Октябрьского переворота. Так, например, в Петровском уезде Саратовской губ., по сообщению «Утра России» от 25 октября, крестьяне захватили 3 мельницы у помещиков, а хлеб в количестве 14 тыс. пуд., предназначенный для Губернской продов. управы, взяли себе.

В захвате с.-х. предприятий, принадлежавших помещикам, был заинтересован не только бедняк, но и тот, кто владел большими запасами продукции. «Реквизиция (маслобоен в с. Ружном. *М. К.*) состоялась по настойчивому требованию зажиточных крестьян указанного села, у коих имеются большие запасы конопли» [4]. Запасы конопли могли иметь только хозяйства, ведшие интенсивное передовое хозяйство, в большинстве случаев хозяйства сель-

[1] Дело № 286, л. 26, Спасск. у. Рязанской губ.
[2] «Южный край», 1 декабря 1917 г.
[3] «Киевская мысль», 23 ноября 1917 г., № 280.
[4] Дело № 79, Корочанского у. Курской губ.

ской буржуазии. Поэтому требование с их стороны о конфискации маслобоен означало, что сельская буржуазия сама хотела стать на место помещика. Но все крестьянство в целом хотело освободиться вообще от кабалы владельцев мельниц. 2-й крестьянский с'езд Липецкого уезда, состоявшийся в январе 1918 года, выносит постановление о переходе всех (т.-е. кулацких и помещичьих) мельниц как турбинных, так и ветряных, пользовавшихся наемным трудом, в «общереспубликанскую собственность». Мельницы, не употреблявшие наемного труда, не подлежали конфискации, а должны были работать под контролем. С'ездом была установлена твердая помольная цена и ряд других правил, регламентирующих деятельность мельниц [1]. В декабре 1917 г. в Крестищевской волости Тимского у. Курской губ. конфисковывается мельница у кулака [2].

В более отсталых и глухих районах шел тот же процесс, только с замедлением. Так, например, Вожгальский совет крестьянских депутатов постановил «национализировать мельницы 4 местных купцов и монастырскую, отобрать дома у купцов и обложить налогом базарных рядовых купцов» [3].

Но, конфисковав мельницы, сами советы крестьянских депутатов не вели мельничного хозяйства. Национализация происходила бессистемно, не было надлежащего ухода за предприятием. Об этом говорит отчет за 2 месяца (с 1 января по 1 марта 1918 г.) национализации деревенских мельниц в Липецком уезде. «Мельничное дело в крае находится в катастрофическом состоянии, так сказать, висит на волоске, готово рухнуть. Главнейшие причины этого: 1) хищнический способ ведения хозяйства со стороны арендаторов, так как все эти предприятия сдавались таковыми, 2) в переходное время, пока мельницы брались на учет волостными комитетами, они находились без всякой заботы, что повлекло за собой частичное разрушение и опоздание заготовки материалов по борьбе с полой водой, 3) отсутствие надлежащего контроля за производительностью предприятий, вследствие чего были возможны злоупотребления с помолом, и 4) отсутствие надзора со стороны как специалистов-мукомолов, так и гидротехников. Все велось самым примитивным хозяйственным способом».

Таким образом, мелкобуржуазный товаропроизводитель не справился с задачей нормального сохранения и правильного функционирования мельницы. Конфисковав промышленное предприятие, он не нашел ничего лучшего, как сдать его в аренду. Так поступали Советы крестьянских депутатов повсюду. «Находящиеся при селе Аксубаеве Чистопольского у., принадлежащие волостному совету, механические и водяная турбинная мукомольная мельницы в виду того, что на ремонт их требуется громадный расход, что совершенно непосильно нуждающемуся в средствах волостному совету, сданы с 1 апреля текущего года по 1 апреля будущего года в арендное пользование гражд. П. И. Рожнова за плату в 2 тысячи руб.» [4].

---

[1] Дело № 68, л. 59.
[2] Дело № 275. л. 22.
[3] «Известия Тамбовск. совета раб., солд. и крест. деп.» от 4/IV 1918 г.
[4] «За землю и волю», № 82 от 27/IV 1918 г.

По существу, дело заключалось не в отсутствии средств, ибо необходимые средства могли бы дать те села, которые обслуживала данная мельница, а в том, что распыленная, индивидуалистически настроенная мелкая буржуазия, будучи организована по сословному принципу в общины, неспособна организовать и руководить национализированным предприятием, принадлежащим коллективу. Мелкобуржуазный товаропроизводитель оказался способен в тот период, отобрав средства производства и промышленные предприятия у одного владельца, лишь передать их другому. Крестьянство отобрало мельницы у помещика и кулака, желая бороться с закабалявшим его торговым капиталом. Понятно, что этим актом наносился удар по капиталистическим элементам сельского хозяйства, связанным с остатками крепостничества, с хищническим торговым капиталом. Но вместо того, чтобы завершить этот удар обобществлением конфискованного промышленного предприятия, крестьянство сдавало эти же предприятия в аренду своей сельской буржуазии, т.-е. создавало и укрепляло новую буржуазию. Разрешение этой противоречивости в поведении крестьянства об'ясняется тем, что сдавались мельницы в аренду не старым мельникам, т.-е. представителям старой сельской буржуазии, связанной с остатками крепостничества, а новым хозяевам, у которых крестьянство в прошлом не находилось в кабале. Но, чтобы эти промышленные предприятия перестали быть орудием эксплоатации, крестьянство должно было перестать подходить к этим предприятиям с всекрестьянской точки зрения. Для этого из общекрестьянского революционного потока должна была выделиться та революционная струя бедноты, которая и способна была, под руководством пролетариата, осуществить национализацию промышленных предприятий.

Поэтому, нельзя видеть «социалистическую способность» крестьянства в фактах захвата им промышленных предприятий в ноябре 1917 г. Крестьянство национализировало эти предприятия, исходя не из производственных интересов, не во имя развития производительных сил в данной отрасли промышленности, а из потребительских интересов своего мелкого хозяйства.

Понятно, что крестьянство чувствовало, что оно не разрешило вопроса, но причины этого по инерции искало попрежнему в помещике. Бывшего владельца мельниц, помещика оно даже изгоняло из деревни, ибо думало, что причиной плохой работы конфискованных мельниц был помещик. Так, например, Азелеевское о-во выселило в ноябре 1917 г. помещика из имения «Обухово», где он раньше владел мельницей. Мотивом к этому послужило то, что 2 раза был прорван вершник у мельницы. Общество считало виновным в этом только помещика. Напрасно помещик доказывал, что все вершники подгнили и что виной плохой работы мельницы являются сами крестьяне [1].

Итак, первый этап социалистической революции, разрешил в деревне задачи буржуазно-демократической революции, сметя помещичье землевла-

[1] Дело № 66, л. 48 из протокола Азелеевского волземкомитета от 23/XI 1917 г., № 70.

дение. Сильно пострадало и кулацкое землевладение. Но на этом этапе производственная мощь кулачества не была подорвана.

Чтобы окончательно сломить кулака, лишить его возможности спекулировать на хлебных запасах, эксплоатировать бедноту своим инвентарем, революция в деревне должна была перейти в следующий этап—выдвинув на очередь вопрос о комбедах.

А. Попов

Вступление Америки в войну

I

Превращение республики Северо-Американских Штатов в крупнейшую империалистическую державу происходило и происходит, можно сказать, на наших глазах.

Совсем недавно мы были свидетелями того, как молодой американский империализм выступал на конференции по разоружению с полным сознанием своей мощи, готовый диктовать одряхлевшим «великим державам» свою непреложную «волю к миру». Правда, вдохновленный исторически неизбежным исходом конференции, он с новыми силами приступил после того к выполнению новой судостроительной программы. Американский империализм еще не сказал своего слова.

Несомненно, что в развертывающихся противоречиях капиталистического мира последнее слово будет за ним. Трудно предугадать, когда будет сказано это последнее слово. Но известно, что выговаривать свои первые слова американский империализм начал не со вчерашнего дня.

Вся вторая половина XIX века, после победы индустриального Севера над землевладельческим Югом, проходит для Соединенных Штатов Северной Америки в стремительном и бурном промышленном развитии, кривая которого к концу столетия дает Штатам одно из первых мест на мировом рынке: их доля в мировом снабжении углем достигает к этому времени 35%, чугуном—34,1%, сталью—34,3%, нефтью—41,5% и хлопком—66% [1].

Экономическое развитие Соединенных Штатов означало, прежде всего, рост торговых сношений Америки с Китаем, где покупалась дешевая рабочая сила, и с Японией, куда в первую голову сбывались американские товары.

Рост этой океанской торговли ставил перед Штатами задачу создания твердой угольной базы и надежных гаваней на путях между американским и азиатским материками. Задача эта толкала молодую федеральную республику на первые шаги по пути «мировой политики», первые шаги в политике аннексий.

Мы хорошо знаем эти первые самостоятельные шаги, решительно сделанные в течение последнего десятилетия прошлого века: аннексия островов Гаваи, приобретение Сандвичевых островов, установление протектората на

[1] См. С. Фалькнер. «Соединенные Штаты в мировом хозяйстве». Изд. «Плановое хозяйство», 1926 г., стр. 99.

о. Куба, уничтожение кондоминиума на архипелаге Самоа, наконец, в самом конце того же десятилетия (в 1898 г.) завоевание Филиппин [1].

На четвертом году следующего столетия, обратив доктрину Монро в орудие своей власти на всем американском материке, Соединенные Штаты превращают финансовый контроль над Сан-Доминго в политический протекторат и создают нового вассала в лице образовываемой Панамской республики.

Переместив «экономическую ось мира» в направлении к Нью-Иорку, приобретя нужные морские базы для своей экспансии в Азии, европеизировавшись на вопросах вмешательства в дела государств Нового Света, к началу XX века американцы начинают чувствовать себя готовыми и к вмешательству в вопросы большой мировой политики.

Первый акт формального вмешательства Соединенных штатов в дела Старого Света не случайно связан с китайским вопросом и относится еще ко времени презедента Мак-Кинлея, именно, к 1900 году, когда великие и малые державы предприняли об'единенное вооруженное выступление в Китае, воспользовавшись теми блестящими возможностями, которые открылись там в связи с пронесшимся ураганом боксерского восстания.

После ликвидации боксерского движения Соединенные Штаты, отрешившись от старых традиций невмешательства, подобно другим великим державам, оставляют в Китае свои оккупационные войска, подобно всем прочим, они участвуют в обсуждении условий мира, размеров вознаграждения, гарантии выплаты, вопроса о наказании виновных; подобно всем прочим, они стараются выговорить для себя максимум всякого рода прав и преимуществ, стремясь вместе с тем не дать другим соперничающим державам извлечь слишком крупные выгоды.

И в следующем году ставший у власти Рузвельт в своей знаменитой речи, произнесенной в Сан-Франциско, имел уже все основания торжественно заявлять, что Соединенные Штаты не имеют более права оставаться безучастными к международным вопросам, и что их долг, подобно великим державам Старого Света, вмешиваться во все вопросы общего порядка, которые волнуют мир. В стране все чаще слышатся новые беспокойные слова, которые свидетельствуют о созревании на международном поле новой политической силы, готовой со всею энергией броситься в борьбу за мировую гегемонию. Указывая на грандиозный рост населения Штатов, немногим более, чем в столетие, с 4 млн. достигшего цифры 80 млн., Рузвельт в своей речи на открытии всемирной выставки в Сен-Луи говорил: «Имеет ли этот народ, весь преисполненный порыва и устремления, достаточную подготовку, чтобы с уверенностью и успехом броситься в международную борьбу, где сталкиваются и борются интересы и честолюбия других великих держав? Есть ли у этого народа, чтобы смело вступить в битву, три необходимых условия для успеха—хорошая дипломатия, организованная армия и внушительный флот?!!». Тренируясь на портсмутском дипломатическом поприще в укрощении своего ближайшего

---

[1] Об этом см. Барраль-Монфера. «От Монро до Рузвельта», Гиз, 1925, стр. 124—137, а также «The Conquest of the Philippines by the Un. States». By Moorfield Storey and Marcial P. Lichauco.

соперника, Рузвельт с лихорадочной поспешностью приступает к увеличению военного флота и к организации постоянной армии. «Мне кажется,—говорил он еще раньше в одной из своих многочисленных речей, произнесенной 13/V—1903 г. [1],—что мы на заре XX века стоим перед лицом великих мировых вопросов и что мы больше не можем не играть роли великой мировой державы; мы только еще не знаем, сыграем ли мы ее хорошо, или плохо...».

Втягивание Соединенных Штатов в орбиту мировой политики совершалось, разумеется, не на всех фронтах с одинаковой скоростью. Ближний Восток первоначально не входил в сферу активной политики Штатов. Было бы, однако, ошибкой утверждать, что американский капитал стоял совсем вдали и от ближневосточных дел. Известно, что концессия Честера начинает свои разведки еще в 1899 г. и в 1908 г. интенсифицирует свою деятельность, особенно интересуясь Месопотамией.

Дальневосточные вопросы, те вопросы, которые послужили отправною точкою для вступления Соединенных Штатов в сферу активной мировой политики, продолжают и в последующие годы привлекать преимущественное внимание американского империализма. Сталкиваясь с проводимою в Китае системою державами «сфер влияний», Америка противопоставляет ей систему «равенства коммерческих возможностей», как самую удобную для мирного проникновения, экономического внедрения и утверждения в будущем своей финансовой гегемонии.

Весьма симптоматичным было появление на сцену в 1909 г., в президенство республиканца Тафта, так называемого плана Нокса, намечавшего финансирование и контролирование всей государственной и хозяйственной жизни Китая. План Нокса разбился о сопротивление Японии и России. Но в 1910 г. мы снова оказываемся свидетелями нового наступления американского финансового капитала на Китай: ему принадлежит инициатива в деле создания интернационального консорциума четырех крупнейших капиталистических стран для финансирования китайского правительства и контроля над ним.

В 1911 г., в период китайской революции, американские банкиры принимают горячее участие в деле «спасения—по выражению американского посланника в Пекине—китайского правительства от него самого», т.-е. в деле предохранения его от заключения займа у банковских групп, не входящих в консорциум [2].

Развиваемая Соединенными Штатами активная мировая политика, разумеется, не могла не включать в себя, как составную часть, и работы по утверждению их политико-экономической гегемонии в пределах американского материка, ибо здесь Штатам приходилось вести борьбу не только с туземным населением и местными государственными образованиями, но и с рядом европейских держав, дороживших определенными зонами своих влияний.

Самое сильное противодействие своим притязаниям в пределах Южной Америки Соединенные Штаты встречали со стороны английского и герман-

---

[1] См. там же, стр. 194.

[2] См. «Международная жизнь» № 4—5, 1923 г. Ст. Э. Гримма—«Доктрина открытых дверей и американская политика в Китае», стр. 125.

ского капитала—главною точкою приложения первого являлась Аргентина, второй рассчитывал преимущественно на Бразилию, обильно заселенную немецкими колонистами. Безусловный интерес для Англии представляла также республика Никарагуа, с территорией которой связывались перспективы возможной борьбы с обладателями Панамского канала. Наконец, нефтяные богатства Мексики являлись крупнейшим яблоком раздора: происходящее в 1912 г. военное столкновение Соединенных Штатов с Мексикой получало достаточное об'яснение в намерениях президента Хуэрты предоставить нефтяные богатства страны в концессию английским капиталистам. Заслуживает быть отмеченным также и то обстоятельство, что германские заводчики принимали деятельное участие в снабжении Хуэрты оружием.

В борьбе за утверждение своего влияния на всем американском материке правительство Штатов продолжает опираться на традиционную доктрину Монро, превращающуюся теперь в орудие борьбы с экономическим внедрением европейского капитала в Америку. Капиталистическая экспансия Штатов в Южной Америке должна была тем более возрастать, что это был путь наименьшего сопротивления для американского империализма, ибо, с течением времени, при возрастающей доле Сев. Америки в мировой добыче и нефти, и угля, и железа, и хлопка—вывоз этих материалов в Европу шел постепенно, но неуклонно на понижение. Англо-американский конфликт из-за мексиканской нефти закончился только в 1918 г. [1]. Но, что экономическое внедрение Штатов в район Центральной Америки сопровождалось успехом, видно уже из того, что к 1912 г. доля их во всем национальном богатстве Мексики достигает 43½%.

Не приходится говорить о процессе постепенного, но неуклонного экономического срастания с Соед. штатами Канады, чему иллюстрацией могут служить относящиеся к 1913 г. сравнительные цифры английского и американского импорта в эту страну: в то время, как импорт Англии составлял 21% всего импорта в Канаду, импорт Соединенных Штатов доходил до 65% [2].

Если исход этой борьбы за влияние на американском материке об'ективно и был предрешен, то по вопросу о темпе, каким эта борьба могла развиваться, о тех сроках, на какие окончательная победа американского влияния могла задержаться, можно было строить только предположения.

В президентство преемника Тафта, ставленника демократической партии Вильсона, своим политическим происхождением призванного к внесению оттенка умеренности в бурную линию развития американского империализма, разразились события, опрокинувшие все расчеты и создавшие совершенно новые предпосылки для дальнейшего победоносного движения американского капитала.

Вихрь мировой войны, несший с собою кризис империалистической политики держав Старого Света, проносился мимо географически изолированной и экономически независимой республики Штатов. О том, что несла война оставшейся в стороне от нее Америке, рассказывается в красочной форме

---

[1] Об этом см. книгу: «The Oil War», by Anton Mohr. London, 1926, p. 233.

[2] См. И. Герчиков. «Падение английской мировой гегемонии». «Красная новь», кн. VII, 1927 г., стр. 162.

в одном из донесений[1] русского дипломатического представителя в Буэнос-Айресе, написанном на восьмом месяце войны: «Война опрокинула все расчеты и создала кон'юнктуру исключительной выгодности для Северной Америки, к использованию которой она ныне с величайшей поспешностью и явным успехом прилагает все усилия... Мобилизация значительной части европейской промышленности на нужды войны и опасности судоходства в небывалой мере сократили привоз в Южную Америку тех товаров, которыми обыкновенно питалась ее заокеанская торговля, с соответственным поднятием цен на то, сравнительно немногое, что еще продолжает приходить сюда из Европы... Поэтому неудивительно, что подготовлявшие здесь в течение уже нескольких лет свои позиции северо-американцы оказались во всеоружии, чтобы занять образовавшуюся брешь, и сделали это с чисто американской быстротою и решительностью. Видно на-глаз, как в здешней торговле американские фабричные клейма все более и более заменяют привычные европейские марки. Всюду видны автомобили американской марки, которые раньше, несмотря на дешевизну, никто не хотел знать. Всюду образуются американские компании для эксплоатаци местных природных богатств, и это не только в Аргентине, Бразилии и Чили, но в Боливии и Перу... Нечто аналогичное наблюдается здесь в финансовой области, еще более важной по тем политическим последствиям, какие неминуемо влечет за собою всякая денежная закабаленность. Учитывая близкое разорение Европы, Соединенные Штаты готовятся заменить в Южной Америке бывших английских и французских поставщиков денежного капитала так же, как и их товары...».

Использование военной кон'юнктуры должно было итти и по линии прямой территориальной экспансии. Уже в 1915 г. Вильсон шлет по адресу Мексики угрозу, собираясь принять меры к тому, чтобы «спасти Мексику» от «междоусобий и разорения». Заявление Вильсона расценивалось всеми, как «предвестник активного вмешательства в мексиканские дела»[2]. В июле того же 1915 г. в связи с вспыхнувшим на островах Гаити повстанческим движением, Соединенные Штаты посылают туда эскадру для защиты интересов своих подданных и оказания помощи президенту и в компенсацию за указанную помощь учреждают 4 месяца спустя над республикой десятилетний протекторат. Последовательное приобретение Соединенными Штатами различными путями испанских и датских островов Вест-Индии, дополнительно указывало, в каком направлении работала мысль вашингтонского кабинета в тяжелые годы войны. Во всяком случае, можно сказать, что в эти тяжелые для Европы годы федеральное правительство находило пищу для своего утешения и даже открывало широкие возможности для утоления своего политического голода.

И были еще обстоятельства, превращавшие в глазах американцев бедствия войны в их собственную противоположность—это лившаяся через океан золотая река заказов и поставок. С первых же дней войны в Вашингтоне образуются английская и французская комиссии по концентрации заказов, и

---

[1] Депеша Штейна из Буэнос-Айреса от 12/25 марта 1915 г.

[2] Секр. тел. Бахметева от 21/V 1915 г., № 221.

даже русское правительство (в октябре 1914 г.) учреждает там свой орган для регулирования собственных заказов. Если мы заглянем в списки одних только русских заказов, мы найдем здесь перечень почти всех предметов первой военной необходимости: артиллерийские орудия, снаряды, ружья, паровозы, вагоны, станки для обработки металлов, двигатели Дизеля, часовые механизмы, медикаменты, медицинские инструменты, перевязочные материалы. В августе 1915 г. русским правительством для наблюдения за выполнением заказов учреждается с местопребыванием в Америке «Особый комитет» в составе представителей Центрального военно-промышленного комитета и министерств военного, морского, финансов и торговли и промышленности.

Здесь уместно напомнить, что в довоенное время наиболее оживленные торговые отношения Соединенные Штаты поддерживали с Англией: в 1913 г. английский ввоз в Северную Америку составлял 54% всего ввоза в страну, а американский вывоз в Англию—63% всего американского вывоза; в это же самое время ввоз государств срединной Европы составлял 17,7%, а американский вывоз в эти же государства—14,5% всего американского вывоза [1]. Разумеется, не должно быть упущено из виду и то обстоятельство, что с первых дней войны, благодаря предпринятым Англией блокадным операциям германский торговый флот оказался в парализованном состоянии. Во всяком случае, с первых дней войны обращал на себя внимание один факт: об'явившее нейтралитет и ревниво оберегавшее его, правительство Северной Америки выгоды от своего нейтрального положения извлекало преимущественно путем снабжения стран Антанты. Недаром уже в марте 1915 г. германское правительство выступило с протестом против столь односторонне осуществляемого нейтралитета, и 31/III германский посол в Вашингтоне вручил государственному секретарю ноту, в которой правительство Соединенных Штатов категорически обвинялось в несоблюдении действительного нейтралитета; в ноте этой, между прочим, заявлялось: «С.-А. С. Ш. фактически снабжают военным материалом только врагов Германии; чисто теоретическая готовность снабжать им также и Германию, если бы оно было и возможно, отнюдь не изменяет самого факта... Противореча настоящему духу нейтралитета, громадная новая промышленность военных материалов всякого рода возрастает в С.-А. С. Ш., и не только старые заводы работают и увеличиваются, но постоянно создаются и новые; если американский народ желает соблюдать настоящий нейтралитет, он должен совсем прекратить вывоз оружия для одной стороны или, по крайней мере, заставить эту сторону не препятствовать законной торговле С.-А. С. Ш. с Германией, в особенности, пищевыми продуктами—а правительство С.-А. С. Ш. дозволило уничтожить эту торговлю и согласилось на нарушение Англией постановлений международного права...» [2]. Нельзя пройти мимо слов президента, откровенно заметившего однажды своему секретарю [3]: «Борьба, которую ведет Англия—наша борьба, и Вы понимаете, конечно, что при настоящем положении мировой

[1] См. Emil Kimpen. «Die Ausbreitungspolitik der Vereinigten Staaten von America». Stuttgart—Berlin, 1923, S. 350.

[2] Секр. тел. Бахметева от 31/III—13/IV—15 г., № 128.

[3] См. Emil Kimpen... там же.

торговли я не буду чинить ей затруднения, безразлично какие бы ни были от того для меня последствия».

В то же самое время правительство Соединенных Штатов не могло не ценить выгод своего нейтралитета и в пределах возможного, поскольку это не отражалось на связанных с нейтралитетом материальных выгодах, делало все для его поддержания. Характерно в этом отношении постановление Конгресса от 19/II—15 г. «В продолжение войны,—читаем в этом постановлении [1],—в которой С.-А. С. Ш. не принимают участия, для того, чтобы нейтралитет их не был нарушен пользованием их территории, портов и вод, как базиса для военных операций воюющих сторон, вопреки обязательствам международного права и трактатов и в противность законам С.-А. С. Ш., президент с сего числа уполномачивается предписать портовым и таможенным властям не разрешать выхода судна, либо американского, либо нейтрального, которое бы подозревалось в намерении доставить топливо, оружие, боевые припасы, людей или запасы военному кораблю воюющей страны, что нарушило бы нейтралитет...» Постановление это на минуту даже поселило тревогу в постоянных американских клиентах, и Николай II выразил это беспокойство пометой, поставленной им на полях соответствующего донесения своего посла в Вашингтоне: «А что будет с доставкою наших заказов в Америке?». Беспокойство это было скоро рассеяно раз'яснением юрисконсульта государственного департамента, заявлявшего, что в постановлении «отнюдь не подразумевается возможность наложить запрещение на вывоз военных грузов, и этим положение С.-А. С. Ш. по отношению к воюющим странам не изменяется, но что это постановление только усиливает возможность установления строгого и непоколебимого нейтралитета». Русский посол в Вашингтоне еще раз специально беседует на эту тему с помощником государственного секретаря и еще раз получает успокоительное заверение, что «военные запасы могут вывозиться беспрепятственно точно так, как было до сих пор» [2].

Не приходится и говорить о том, какое значение имела война для американского торгового баланса. Это можно уяснить себе хотя бы из того факта, что перевес вывоза над ввозом за 4 года войны составил 10 млрд. долл., в то время как этот же перевес за все 125 лет их предшествующей истории составил 9 млрд долл. [3].

Противоречие, подтачивавшее занятую Соединенными Штатами в войне позицию, сводилось, таким образом, прежде всего к следующему: нейтралитет нес им исключительные выгоды, но использование этих выгод неуклонно все сильнее отбрасывало Штаты к одной из враждующих коалиций и тем самым разрушало его.

В последующие месяцы Штаты не ограничиваются ролью поставщика своей индустриальной продукции и своего сырья, они выступают вскоре и в роли крупного кредитора: в ноябре 1915 г. прибывающая в Нью-Иорк англо-французская финансовая комиссия ведет переговоры с Морганом и другими

---

[1] Секр. тел. Бахметева от 19/II—4/III—15 г., № 59.
[2] Секр. тел. Бахметева от 19/II—15 г., № 59 и от 27/II—15 г., № 68.
[3] См. Е. Тарле. «Европа в эпоху империализма». Гиз, 1927 г., стр. 351.

американскими банкирами. «Задача,—сообщал по этому поводу русский финансовый агент в Соединенных Штатах [1],—трудная, но заем, вероятно, состоится, хотя и в меньших размерах, чем предполагалось». Заем был заключен в том же сентябре на сумму 500 млн. долларов.

У нас нет достаточных данных для суждения о том, каковы были в военную пору размеры торговых операций Соединенных Штатов с Германией. Во всяком случае не следует забывать, что одновременно Соединенные Штаты не переставали снабжать центральные страны сырьем и предметами продовольствия.

Но удержаться в границах, которые бы удовлетворили Германию, отказаться от падавших в рот золотых яблок правительство Соединенных Штатов, естественно, не могло и все сильнее увлекалось в Харибду дипломатических споров с Германией, разгоравшихся на почве проводимой последнею системы подводной войны.

Вопроса о том, к каким формальным последствиям эта полемика привела, мы коснемся ниже. Сейчас же остановимся еще на одной противоречивой тенденции, проявлявшейся в политической линии Соединенных Штатов во время войны, тенденции заработать крупный политический капитал на роли активного тушителя мирового пожара.

Проявление этой тенденции отмечается еще в самом начальном фазисе войны, когда проблема заключения мира казалась более простой, чем она была в действительности. К этому времени относится ряд миротворческих попыток, предпринимаемых президентом Вильсоном. В дипломатической литературе особенную известность получила попытка, связанная с именем полковника Гауса. Еще в декабре 1914 г. американский посланник в Константинополе поставил в известность бар. Вангенгейма, германского посланника в Турции, о том, что «президент Вильсон решил выступить энергично в пользу восстановления мира в Европе, так как благодаря войне сильно страдают коммерческие интересы американского народа» [2]. В январе 1915 г. Вильсон получил от Моргентау ответ о готовности Германии пойти навстречу мирным предложениям. О том же неоднократно заявлял германский посол в Вашингтоне гр. Бернсдорф. Президент дает тогда своему личному другу, полковнику Гаусу, поручение войти в непосредственные переговоры с правительствами воюющих стран и выяснить условия, на каких они могли бы согласиться на заключение мира.

Английский, французский и русский послы встречаются с Гаусом и получают от него подтверждение дошедших до них слухов о предполагающейся мирной интервенции федерального правительства. Они стараются разуверить его, доказывая, что «предложения окончить войну возвращением к status quo, без всякого удовлетворения и обеспечения, едва ли будут приняты во внимание, так как это дело дало бы Германии передышку, чтобы оправиться после неудачной войны и приготовиться к новой». Во время беседы Гаус уклонился от изложения определенной мирной программы и ограничился только сообще-

[1] Секр. тел. Бахметева от 5(18)/IX—15 г., № 335.

[2] Шифрованная телеграмма маркиза Палавиччини гр. Бертольду от 6/XII—14 г. (н. ст.) № 800.

нием, что он не будет иметь ничего общего с американскими посольствами, а будет непосредственно обращаться ко всем правительствам от имени президента в качестве его личного представителя. Несмотря на холодный душ, полученный им от союзных дипломатов, Гаус предпринял путешествие, отправившись, прежде всего, в Лондон, потом был в Париже, далее—в Берлине, откуда переехал в Швейцарию. Не будем останавливаться на всех перипетиях переговоров, которые вел Гаус [1], скажем только, что к половине марта можно было уже констатировать полное фиаско его миссии: «Эта своеобразная... система президента Вильсона,—сообщал Бахметев в телеграмме от 15 марта 1915 г.,—пробовать разрешать сложные дипломатические вопросы посредством ничем и никому неизвестных своих личных друзей, помимо официальных представителей и не совещаясь с министрами, в третий раз потерпела неуспех...» [2].

Несмотря на этот неуспех, президент не отказывается от мысли сыграть роль умиротворителя Европы. В своей речи, произнесенной перед представителями печати в начале апреля 1915 г., он заявлял: «Так как С.-А. С. Ш. единственная великая страна, не замешанная в войне, то можно предполагать, что другие нации обратятся к ней, когда придет время переустройства и восстановления, ибо Америка... является природной посредницей для всего мира... и великая честь ожидает Америку, когда настанет час разбора и оценки в процессе мирного восстановления».

Вторая попытка Вильсона относится к осени 1915 года, ко времени серьезного расстройства русского участка союзнического фронта и понижения шансов на военные успехи Антанты. В последних числах сентября тот же Гаус обращается к английскому послу в Вашингтоне с предложением быть посредником между ним и Бернсдорфом для обсуждения возможных условий мира. И на этот раз миссия Гауса кончилась неудачей—Спринг-Райс отказался вступить в переговоры [3].

В январе 1916 г. Гаус зондирует почву в Париже и снова получает—на этот раз от Бриана—тот же ответ: пока Германия будет считать себя победительницею, ни о каких мирных переговорах не может быть речи [4].

В октябре 1916 г. правительство Соединенных Штатов находит своевременным снова поднять тот же вопрос. В беседе со шведским посланником в Вашингтоне полк. Гаус заявляет, что, по его убеждению, «воюющие нации устали от войны, что, если бы удалось добиться временного перемирия, они не в состоянии были бы возобновить активные враждебные действия». Он указывает вместе с тем на то, что президент Вильсон намерен снова обратиться к воюющим с мирными предложениями [5]. Свое намерение президент реализует

[1] Отметим недавно вышедшую книгу: «The intimate papers of kolonel House». By C. Seymour. Volume I and II, 1912—17, London, 1926.

[2] Под двумя первыми неудачными попытками Бахметев, повидимому, разумеет имевшие место в Мексике.

[3] Секр. тел. Бахметева от 2/X 1915 г., № 370.

[4] Секр. тел. Извольского от 27/I 1916 г., № 92.

[5] Шифров. тел. шведского посланника в Вашингтоне министру ин. дел Швеции от 23/X 1916 г. (н. ст.).

только чрез два месяца, вскоре после того, как германский канцлер, непосредственно после обнаружившихся успехов германских войск в Румынии, выступил со своим проектом заключения мира за счет России: 7/XII—1916 г. Лансинг сообщил всем дипломатическим представителям Европы текст тождественных обращений—от имени президента он предлагал воюющим державам открыто и точно об'явить цели войны, чтобы тем самым подготовить путь к миру. «Президент не отказался,—об'яснял это выступление русский посол в Вашингтоне [1],—от своей заветной мысли перейти в историю с блестящим титулом умиротворителя Европы». Как известно, неудача и на этот раз преследовала «миролюбивого» президента. Бриан уклонился от свидания с американским послом, а затем ответил, что совет министров занят обсуждением германского предложения. Как сообщал Извольский, американская нота на парижскую биржу сколько-нибудь значительного впечатления не произвела; это указывало на то, что финансовый мир не верил в практический успех выступления Вильсона. Как сообщал Бенкендорф, не произвела американская нота особенно сильного впечатления и в Англии—предположений о возможности вооруженного выступления С.-А. С. Ш. в пользу одной из воюющих сторон здесь не возникало; существовали лишь опасения относительно возможного воздействия на вашингтонский кабинет со стороны определенных финансово-промышленных сфер, и в связи с тем опасались также возможности запрещения вывоза из Америки [2].

Испытывающий всю остроту связанных с войною финансовых тягот, Сен-Джемский кабинет проявляет в отношении американской ноты крайнюю осторожность и совместно с Парижем и Петроградом тщательно обсуждает редакцию общего ответа. Не успели союзники договориться, как последовал ответ Германии, уклоняющейся от предложений президента определить цели войны, выдвигающей проект немедленного созыва мирной конференции и в заключение заявляющей о своей твердой решимости продолжать войну. Поспешный ответ Германии произвел в Вашингтоне крайне неблагоприятное впечатление, в нем усмотрели обидное пренебрежение предложениями президента, в нем готовы были видеть решение Германии «захлопнуть двери перед Соединенными Штатами» [3]. В предвидении неизбежного усиления подводной войны американская биржа реагирует на германский ответ понижением ценностей. Союзники используют дурное впечатление, произведенное в Америке ответом Германии, и не медлят более со своим ответом Вильсону: «начала права и справедливости», возвещенные президентом, «не могут быть обеспечены иначе, как в зависимости от исхода войны и путем освобождения Европы от прусского милитаризма»—таков был смысл ответа союзников.

Русский посол в Вашингтоне обычно об'яснял пацифистские выступления Вильсона его честолюбивыми наклонностями, его личным желанием войти в историю с громким именем умиротворителя. Не приходится доказывать несостоятельность и наивность взглядов незадачливого и неудачли-

[1] Секр. тел. Бахметева от 7/XII 1916 г., № 361.

[2] Секр. тел. Извольского от 10/XII 1916 г., № 946 и секр. тел-мы Бенкендорфа от 6/XII—1916 г. и 8/XII 1916 г.

[3] Секр. тел. Бахметева от 15/XII 1916 г., № 371.

вого русского дипломата. Если Соединенные Штаты не могли оставаться безразличными в вопросе об увеличении своего золотого запаса за счет находившихся в войне союзников, если в течение 2½ лет они старались пользоваться исключительными выгодами своего нейтралитета, то, несомненно, они не могли пройти равнодушно и мимо тех крупных возможностей, какие должны были открыться при заключении мира, но могли открыться только при условии активного участия Штатов в деле его заключения. Отсюда становятся понятны все те пацифистские выступления, которыми в течение войны снискал себе громкое имя президент Вильсон,—они коренились в стремлении во что бы то ни стало принять участие в будущем мирном конгрессе.

В значительно большей мере личный характер можно было приписать выступлению Вильсона в январе 1917 г. 11/I неожиданно для всех он произносит в сенате речь, блещущую демократически-пацифистской фразеологией и наивным политическим прожектерством (о «мире без победы», о «выходе всех стран к морю» и т. д.). Речь эта передается затем дипломатическим путем державам Антанты. Если с его предыдущим выступлением, встретившим уже в сенате серьезную критику, державы все же считались, на последний его шаг они не считают даже нужным ответить. Но даже в этом выступлении, в котором, как мы говорили, слишком заметны индивидуальные черты его автора, нельзя не усмотреть и определенного политического смысла: «Президент—отмечал тот же, склонный к суб'ективным характеристикам, Бахметев[1]—все более отказывается от традиционной изоляции и переходит к мировым комбинациям».

Это было последнее выступление президента в пацифистском духе. Оно было сделано всего за 10 дней до того момента, когда, убедившись в невозможности, оставаясь в стороне от войны, принять участие в мировых комбинациях, правительство Соединенных Штатов, отбросив пацифистскую и либерально-демократическую фразеологию, поспешило окунуться с головой в суровую военную действительность.

Говоря о нейтралистских тенденциях и пацифистских выступлениях правительства Штатов, нельзя пройти мимо одного обстоятельства: глава этого правительства являлся ставленником демократической партии, которая отражала интересы прежде всего хлопководов южных штатов и за которой, кроме промышленной и фермерской буржуазии, шли значительные мелкобуржуазные группы города и отсталые элементы рабочего класса. Опасные конкуренты его на перевыборах, Рузвельт и Юз, лидеры республиканской партии, отражавшей интересы крупного промышленного капитала, были настроены несравненно более решительно и были свободны от мелкобуржуазных шатаний Вильсона и чужды его кунктаторской политике. «Политика крови и железа,—говорил Рузвельт,—не может быть подготовлена политикой воды и молока». Другой, тоже «демократический» соперник Вильсона на выборах, бывший министр. ин. дел в кабинете Вильсона, Брайан, на сторону которого склоняли свои симпатии относительно менее многочисленные, связанные с германским капиталом круги буржуазии и мелкобуржуазные эмигрантские

[1] Секр. тел. Бахметева от 11/I 1917 г., № 7.

группы позднейшей формации, в свою очередь проявлял больше энергии в смысле отстаивания нейтралитета во что бы то ни стало.

Забегая несколько вперед, приведем характеристику, даваемую американским общественным настроениям в период, непосредственно следующий за вступлением Америки в войну, преемником царского посла в Вашингтоне, делегированным в Америку Временным правительством, с чрезвычайною миссией, однофамильцем посла, проф. Бахметьевым[1]: «Нет полного единодушия в стране по вопросу о том, насколько для Америки эта война необходима и существенна. В то время как интеллектуальные классы и буржуазный элемент настроены очень воинственно... фермерские классы средней и западной Америки, а также неквалифицированные рабочие массы и в значительной мере эмигрантский элемент, перешедший сравнительно недавно в американское подданство и ныне подлежащий призыву,—настроены скорее нейтрально, иногда же пацифистически. Крупная печать, находящаяся под влиянием интеллектуальных и буржуазных классов, естественно бьет набат и печатает весьма воинственные статьи, требующие продолжения войны до победного конца... Вступив на стезю военных приготовлений, правительству приходится также вести энергичную пропаганду для поднятия воинственного духа. Однако указанные выше настроения широких демократических кругов, несомненно, дают себя знать и не смогут не заставлять правительство весьма внимательно относиться к тем проявлениям нейтральности, а иногда и прямо враждебности к набору, которые имеют место—особенно в отдаленных западных штатах...».

Проводя политику «бдительного выжидания», Вильсон прислушивался, по его выражению, к «голосу народа», т.-е. к голосу более влиятельных промышленно-финансовых групп, и своими выступлениями то миролюбивого, то агрессивного характера стремился в предвыборный период выбить орудие против себя из рук своих соперников[2].

В каком направлении должен был в конечном счете определиться этот «голос народа»—еще ранее можно было заключить хотя бы по письму того же Бахметьева, ездившего во второй половине 1915 г. в Америку в качестве члена русского комитета по заказам[3]. Квалифицируя работу русского дипломатического представителя, как отсутствие всякой работы, и переходя к общей оценке положения, Бахметьев писал: «Надо прямо сказать, что отношение Америки к союзникам определенно расположенное. Америка, в общем, vio-allie и anti-german. Здесь и масса нравственных или скорее столь свойственных американцам сентиментальных мотивов—Бельгия, Лузитания, расстрел Miss Cavel и пр. Отчасти трезвый политический расчет, примером чего служат слова, сказанные мне одним из очень крупных и влиятельных финансистов по поводу франко-английского займа: «Здесь, в Америке, мы

---

[1] Личное письмо проф. Б. Бахметьева М. И. Терещенко от 13/IV 1917 г.

[2] Необходимо иметь в виду, что при переизбрании Вильсон получил лишь незначительное большинство голосов—8 500 000 против 8 100 000, полученных кандидатом республиканцев.

[3] Личное письмо члена русского комитета в Америке проф. Б. Бахметьева председателю Военно-промышленного комитета А. И. Гучкову.

очень хорошо понимаем, что союзники борются за наше дело и что победа Германии была бы величайшей угрозой для мира страны»[1]. В общем, благорасположена к нам пресса. Только эти общие обязательства привели к тому, что Германии при нашем полном попустительстве, несмотря на миссию Dernbourg'a, несмотря на огромные деньги, не удалось ничего сделать существенного, удалось захватить лишь небольшую часть печати, так называемую группу Hearst'a, и то говорящую не столь прямо за Германию, сколь за активный нейтралитет, в смысле прекращения здесь продажи снаряжения. Влияние Германии здесь страшно упало».

Проявление пацифизма Брайана ограничилось фактом его выхода из министерства в момент обострения американско-германских отношений[2] и многочисленными публичными ораторскими и литературными выступлениями.

Обращает на себя внимание еще одно индивидуальное пацифистское выступление, правительством и сколько-нибудь значительными общественными группами не поддержанное, но являющееся показателем того, что известные группы американского капитала имели определенное тяготение к тому, чтобы не быть захлестнутыми войною. Попытка эта связана с именем пресловутого миллиардера Форда. В ноябре 1915 г. Форд об'явил всенародно, что он намерен «собственною инициативой и собственными средствами прекратить европейскую войну»[3]. Как рассказывает русский посол в Вашингтоне, он зафрахтовал два парохода и приглашал «всех выдающихся и вообще представительных лиц и знаменитостей отправиться с ним в качестве его гостей в Европу... на театр войны ко дню Рождества, чтобы убедить солдат побросать оружие и выйти из окопов, чтобы уже в них не возвращаться: одним словом, как он выражался, вызвать всеобщую забастовку между солдатами воюющих стран». Получив от Государственного департамента отказ в выдаче паспортов в воюющие страны, Форд решил ехать в Гаагу с лозунгом «вон из окопов к Рождеству» и созвать там с'езд, на котором должны были быть представлены все воюющие страны, каждая—5 делегатами. Форду удалось собрать на борту своего парохода весьма разношерстную публику, состоявшую из суффражисток, студентов, соблазнившихся прогулкой в Европу, репортеров, фотографов. В конце ноября 1915 г. экспедиция в числе 140 человек, прибыла в Христианию, откуда направилась в Копенгаген. Американские дипломатические представители в нейтральных странах отмежевались от Форда, заявив, что об'езд предпринят им против воли американского правительства. Никакой с'езд созвать, разумеется, не удалось, и он остался в мечтах экстравагантного фабриканта. Все значение попытки Форда не вышло за пределы политического курьеза, могущего лишь послужить материалом к характеристике быта американских миллиардеров.

В то самое время как Форд совершал свое обреченное на неудачу путешествие, германо-американская дипломатическая дуэль была уже в полном разгаре. Она началась еще в феврале 1915 г., когда (4/II—15 г.) Германиею была впервые провозглашена подводная война. Выступление Вильсона с

[1] Цитируемые Бахметьевым слова—перевод с английского.
[2] В двадцатых числах мая 1915 г.
[3] Секр. тел. Бахметева от 23/XI 1915 г., № 431.

энергичным протестом побудило тогда германское правительство пойти на уступку, и оно обязалось не топить нейтральных судов, с кем бы они ни торговали и в чьих бы водах ни появлялись. В апреле того же года германская подводная лодка пускает ко дну гигантскую «Лузитанию», что вызывает сильнейшее возбуждение общественного мнения в Америке. 28/IV в совете министров было принято единогласно постановление послать в Берлин ноту с требованием об'яснений по всем случаям, в которых германский флот нарушал нейтралитет Соединенных Штатов[1]—потопление «Фалаба», «Лузитании», нападение на американские пароходы «Кушинг», «Гольфлейт». Американская нота—достаточно энергична; германская ответная нота—достаточно «учтива»; патриотическое самолюбие американского правительства получает достаточное удовлетворение обещанием германцев не топить даже вражеские суда, если эти суда пассажирские. В июне—снова потопление английского парохода с американскими пассажирами, в июле—нападение германской подводной лодки на американский пароход, и снова обмен нотами и снова обострение отношений; в августе потопление «Арабика», имеющего на своем борту американских подданных, снова вызывает возбуждение общественного мнения. Заметим, что в Германии вопрос о подводной войне был в ту пору предметом острых разногласий: в конце 1915 г. ряд крупных экономических союзов Германии в поданной ими канцлеру петиции заявлял, что «внимание к американским интересам не должно итти так далеко, чтобы выбивать из рук Германии сильнейшее оружие, которым она теперь располагает в экономической борьбе с Англией»; здесь имелась в виду подводная война, точнее, определенный способ ведения ее, не «крейсерский», а «неограниченный», когда топятся суда без всякого предупреждения; сторонники противоположной точки зрения указывали на тот крупный вред, какой неизбежно принесет этот способ морской войны, вооружив против Германии нейтральные страны и, прежде всего, Соединенные Штаты; противник «неограниченной» войны канцлер Бетман-Гольвег говорил, что в таком случае «весь свет обрушился бы на Германию и убил бы ее, как бешеную собаку»[2].

Делая Штатам уступки в вопросах подводной войны, германское правительство всегда стремилось подчеркнуть, что оно идет на эти уступки в уверенности, что Штаты побудят англичан к снятию «голодной блокады». Вильсон неизменно все эти условия категорически отвергал. На развиваемую же германцами подводную работу правительство Соединенных Штатов отвечало разоблачением деятельности германских военного и морского агентов, обвиняемых в краже секретных документов, приготовлении адских машин, возбуждении стачек. Аналогичные разоблачения направляются против австро-венгерского посла Думбы, при чем австро-венгерскому правительству адресуется нота протеста; в сентябре (16/IX—15 г. ст.ст.) отзывается Думба, в октябре полиция раскрывает новые заговоры, попытки устроить пожары,

[1] После начала подводной войны в первые 10 недель погибло 60 торговых судна, среди них несколько нейтральных; 7/X—15 г. (н. ст.) погибла «Лузитания», на которой было 114 американских подданных. См. Emil Kimpen... S. 352.

[2] См. М. Эрцбергер. «Германия и Антанта». Гиз, 1923 г., стр. 182.

поднять революцию в Мексике; каждый день приносит новые и новые разоблачения; в ноябре (29/XI) отзываются германские военный и морской агенты; передаваемая (11/XII) австрийскому правительству нота по поводу потопления парохода «Анкона» звучит весьма категорически.

В своей программной речи на открытии конгресса в ноябре 1915 г. Вильсон ставит на очередь дня две основных задачи—увеличение армии и флота и военную подготовку граждан. «Ходят слухи,—сообщал по этому поводу русский посол в Вашингтоне [1],—что, будучи сильно поддержанным военным министром и министром внутренних дел, он скоро проявит осязательные доказательства своего нового воинственного духа». Хотя тот же Бахметев и склонен был об'яснять это выступление президента желанием выбить из рук своего соперника Рузвельта главное орудие против себя, но, если вспомнить, что к этому же времени относятся также и пацифистские выступления Вильсона, становится понятным недоумение Сазонова, запрашивающего своих представителей в Вашингтоне и Лондоне [2]: «Не вполне уясняя себе смысл недавних заявлений Вильсона о возможности вовлечения Америки в войну, прошу сообщить мне ваш отзыв об этом». Русский посол в Лондоне поведение Вильсона об'яснял тем, что последний ищет прежде всего полной дипломатической победы в деле «Лузитания» [3]. Дипломатическая дуэль между Берлином и Вашингтоном, действительно, не теряла остроты своих форм. Теперь речь идет о требовании Германии, чтобы американское правительство выступило с предупреждением своих подданных, путешествующих на торговых судах воюющих наций. В январе 1916 г. Гаус в своей беседе с Брианом по вопросу о мире заметил, что, по его убеждению, Германия в ближайшем будущем должна усилить интенсивность применяемых ею способов ведения морской войны и что это поведет неминуемо к столкновению с Соединенными Штатами [4]. В правящих сферах Германии вопрос о подводной войне в это время продолжает быть предметом страстной борьбы: ст.-секретарь Тирпиц, убежденный, что беспощадной подводной войной удастся поставить Англию на колени, настаивает на ее усилении; его поддерживает нач-к морского штаба фон-Гольцендорф, доказывающий что «неограниченная» подводная война достигнет своих результатов не более, чем в 6-месячный срок; в начале февраля 1916 г., несмотря на противодействие министра ин. дел фон-Ягова, решено было подводную войну расширить [5].

Между тем (25/II—16 г.) конгресс отвергает резолюцию о предупреждении путешествующих американцев, а в апреле (6/IV) президент об'являет конгрессу, что, если германское правительство не изменит своей системы подводной войны, вашингтонский кабинет будет вынужден прервать с ним дипломатические сношения.

---

[1] Секр. тел. Бахметева от 27/XI 1915 г. № 428.
[2] Секр. тел. Сазонова Бахметеву и Бенкендорфу от 18/I—16 г., № 320.
[3] Секр. тел. Бенкендорфа от 20/I—16 г. № 46.
[4] Секр. тел. Извольского от 27/I 1916 г., № 92.
[5] См. М. Эрцбергер..., стр. 184—185.

Разрыв казался настолько близким, что Вильгельм для предотвращения его приглашает американского посла в ставку, чтобы лично обсудить спорный вопрос. Дело заканчивается дипломатической победой—правда, относительной—американцев: 22/IV Бернсдорф вручает Лансингу ответную ноту, содержащую в себе, хотя и с существенной оговоркой [1], крупную уступку: в ноте передавался текст нового, изданного германским командованием приказа по флоту не пускать ко дну торговых судов даже в пределах военной зоны без предупреждения и обеспечения сохранности человеческих жизней.

Создавшееся в связи с этой победой в американских правящих кругах успокоение безвозвратно нарушается к осени 1916 г. После крушения надежд на исход открытого морского столкновения с английским флотом (бой при Скагерраке 31/V—16 г.), после крушения надежд на победу ирландского восстания в германских правительственных кругах усиливается позиция сторонников подводной войны. Под влиянием возвращающегося к власти Тирпица интенсифицируется деятельность германского подводного флота, и в сентябре 1916 г. в американских водах германскою подводною лодкою оказываются пущенными ко дну 6 торговых пароходов: паника охватывает Нью-Иорк, в потоплении готовы видеть предвестник блокады американских портов. В неменьшей степени нервировали американских капиталистов и правила английской морской блокады. Когда, во время декабрьской американской медиации, мотивировавшейся «невыносимым положением», создавшимся для страны, Бахметев спросил Лансинга, почему С.-А.С.Ш., достигшие неслыханного обогащения именно от войны, находятся теперь в таком положении, Лансинг ответил, что «это касается только необходимости избавиться от двух зол: немецкой подводной работы и строгостей английской блокады» [2]. Несомненно, английская блокада приносила американским капиталистам также не мало хлопот. «Пересчитайте ноты протеста, идущие из Вашингтона,—говорит по этому поводу один французский публицист [3].—Более многочисленны—те, которые направлены по адресу Великобритании, а не Германии. Изо дня в день чиновники государственного департамента заостряют свою аргументацию против британского адмиралтейства».

Несмотря на успехи в Румынии и в районах восточного фронта, положение Германии в декабре 1916 г. оказывается настолько серьезным, что верховное командование не рассчитывает более на возможность победы на суше и после неудачной попытки мирного предложения, все свои упования возлагает на последнее, остающееся в его распоряжении военное средство—беспощадную подводную войну [4]. Вопрос разрешается в главной квартире в положительном смысле в начале января 1917 г., канцлер присоединяется

---

[1] Если Соединенным Штатам удастся настоять на соблюдении Англией всех правил морской блокады.

[2] С. т. Бахметева от 8/XII—1916 г.

[3] См.: André Tardieu. «Devant l'Obstacle. L'Amerique et nous». Paris. 1927, p. 141.

[4] См. заявления Людендорфа и ст.-секр. Капелле перед следственной комиссией Национального собрания, 1919 г. М. Эрцебергер, стр. 199.

к этой же точке зрения, национал-либералы, консерваторы и часть центра поддерживают Тирпица, и 19/I—1917 г., без заблаговременного предупреждения Америки, решение это начинает приводиться в исполнение. Прибегая к этому крайнему средству, германское правительство было, повидимому, твердо уверено в устойчивости американского нейтралитета, устойчивости, которая должна была, по его мнению, укрепиться после переизбрания Вильсона, происходившего на «мирной платформе». «Дайте нам только два месяца,—говорил ст.-секр. по ин. делам Циммерман, вручая Джеральду ноту с об'явлением о подводной войне,—вести этого рода войну, и в 3 месяца мы заключили мир» [1]. О том, что означало такое решение, можно составить себе конкретное представление из следующих сравнительных цифр: в то время как в середине октября 1915 г. насчитывалось погибшими от подводных лодок всего 183 английских торговых судна, за один февраль 1917 г. погибло 134 союзных торговых судна с общим водоизмещением 368.000 тонн и 54—нейтральных с 97.000 тонн [2].

Еще в своей беседе с журналистами 10/XII—1916 г. Лансинг заявлял: «Все более и более наши права попираются воюющими сторонами. Все ближе и ближе мы подходим к грани войны». Нейтралистские тенденции американской дипломатии постепенно изживали себя. «Порвать со всем миром для того, чтобы не порывать ни с кем—вот те парадоксальные результаты, к каким приводила вильсоновская дипломатия,—язвительно замечает цитированный выше французский публицист [3]. — Для того, чтобы остаться последовательным, ей пришлось бы об'явить не одну, а целых две войны». Внимание французского публициста фиксируется преимущественно на формальной стороне дипломатической полемики. Экономически Соединенные Штаты были увязаны со странами Антанты в достаточной мере крепко. Еще в двадцатых числах октября 1916 г. затянувшаяся кампания президентских выборов закончилась победой Вильсона, в связи с чем отпала необходимость соблюдать все те дополнительные меры предосторожности, какими характеризовались действия президента в период предвыборной кампании. И, когда декабрьские мирные предложения, сделанные Соединенными Штатами державам не были приняты, когда стало ясно, что вопрос может быть решен только по формуле «jusqu'au bout», когда вместе с тем американскому вывозу стала угрожать новая реальная опасность и правительство стало перед задачей изменить пути для достижения своей цели—практического и плодотворного участия в разрешении связанных с предстоящей ликвидацией войны, мировых вопросов—новая нота Германия (от 18/I—1917 г.), содержавшая в себе определение правил для американских торговых судов, явилась достаточным формальным поводом для разрыва. 19/I—1917 г. закрывается нью-иоркский порт, и без всяких дальнейших дипломатических проволочек следует (21/I) разрыв сношений с Германией.

---

[1] См. Emil Kimpen, S. 363, 356.

[2] См. James Gerard. «My four years in Germany. New-York, 1917, p. 374. См. также Е. Тарле, «Европа в эпоху империализма». Гиз, 1927, стр. 339 — 340.

[3] См. André Tardieu..., p. 150.

Вручив паспорта Бернсдорфу и отозвав Джеральда из Берлина, вашингтонское правительство в состояние войны с Германией формально еще не вступало. Новый глава русского дипломатического представительства указывал при этом на зависимость правительства от конгресса и недостаточную популярность его в стране, как на обстоятельства, заставлявшие его действовать «с крайней осторожностью». Выдерживая фигуру невмешательства в войну и используя время для важнейших военных приготовлений, Вильсон обращается ко всем нейтральным державам с предложением последовать его примеру.

Можно думать, что во время этого переходного для Америки периода у союзной дипломатии все еще не было твердой уверенности в том, что американцы от разрыва перейдут к активным военным действиям. Небезынтересно, что некоторые представители союзной дипломатии находили даже предпочтительным сохранение Америкою такого именно положения. Разрыв сам по себе представлялся фактом достаточно крупного политического значения—это было выступление последней нейтральной великой державы, это создавало угрозу интернированным в Америке германскому тоннажу и капиталам, это наносило удар пацифистской пропаганде в Штатах и проявлявшейся в некоторых кругах американских капиталистов тенденции не допускать финансирование воюющих европейских держав, это расширяло вместе с тем перспективы использования союзниками финансовых и промышленных ресурсов Америки. В то же время союзники не могли не учитывать того, что, вступая в войну, Соединенные Штаты выставят свои собственные требования, с которыми державам нельзя будет не считаться. В своем письме к министру один из царских дипломатов намечал следующие, связанные с выступлением Америки, опасности[1]. Америка поддержит Германию в вопросах свободы морей, права наций на самоопределение, снятия международных экономических ограничений; Америка окажет умеряющее воздействие в вопросах раздела территории Германии и Австрии и их экономической изоляции; преследующая цели укрепления своего влияния в Китае Америка пойдет по пути сближения с Японией; и Англии и Франции придется поступиться в пользу Штатов остатками своих колониальных владений в Южной Америке и посчитаться с притязаниями Штатов на освобождающиеся там колонии Германии; России придется испытать вмешательство Штатов в вопросы еврейский и польский, а также в вопрос о проливах, при чем нельзя рассчитывать на то, что Соединенные Штаты могут стать на точку зрения, какой они придерживались при установлении статуса Панамского канала, и не выскажутся за нейтрализацию; наконец, нельзя не иметь в виду притязаний американцев в Персии и их точки зрения в вопросах автономии Турецкой Армении.

При таких условиях факт необ'явления Америкою войны Германии не только не тревожил союзников, но почитался до известной степени даже желательным. «Быть может, наоборот,—читаем в одной из составленных по

[1] Письмо члена совета министерства ин. дел Коростовца м-ру ин. дел Покровскому от 26/I 1917 г.

этому поводу в русском министерстве ин. д. записок [1],—сохранение за Америкою в нынешней войне особого положения даже предпочтительно с точки зрения союзников, ибо в случае вполне солидарного вступления в Союз С.-А. С. Ш. могли бы явиться не вполне удобным партнером для союзников на будущем мирном конгрессе». Аналогичную мысль проводил и Камбон в разговоре с Извольским, замечая, что «война между Германией и С.-А. С. Ш., как она ни желательна, имела бы также и невыгодные стороны для союзников, так как при заключении мира Вильсон может оказаться весьма неудобным партнером [2].

В межеумочном положении Соединенные Штаты продержались недолго. На следующий день после разрыва приходит весть о потоплении американского парохода у берегов Англии, так сильно поднимающая воинственные настроения американцев, что, по словам Бахметева [3], чтобы «выступить более откровенно», вашингтонскому правительству оставалось только ожидать случая потопления американского судна или хотя бы американского гражданина «с нарушением международного права».

Попытка Германии войти в переговоры с Соединенными Штатами через швейцарского посланника заканчивается неудачей. Американская торговля на Атлантическом океане продолжает оставаться в парализованном состоянии. В министерствах морском и военном идут спешные приготовления. Морские кадеты досрочно выпускаются в офицеры. Крепнет всеобщее убеждение, что война неизбежна.

13 февраля президент делает еще шаг вперед, выступая перед конгрессом с лозунгом «вооруженного нейтралитета», апеллируя к чувству патриотизма и ходатайствуя о предоставлении ему власти для осуществления «действительной охраны жизни и интересов американцев». С осторожностью относящийся к расширению прав президента, в условиях устраиваемой пацифистами обструкции, конгресс не идет навстречу Вильсону. Неудачный шаг германской дипломатии дает Вильсону благодарное орудие, которым он наносит решительный удар приверженцам нейтралитета: он опубликовывает датированное 19 января, т.-е. написанное за две недели до разрыва, письмо Циммермана к германскому посланику в Мексике, в котором предписывалось сделать президенту Карранце предложение напасть на Соединенные Штаты, обещать финансирование этого военного выступления и территориальные компенсации за счет тех же Штатов. Буря всеобщего негодования решительно склоняет чашу весов на сторону Вильсона [4].

Расширяющий права президента «билль о вооружении судов» оказывается весьма скоро [25/II] принятым. Между тем приходят новые известия о потоплении американских судов. Правительственные круги находят своевременным сделать следующий логический шаг. 21/III по предложению президента конгресс принимает резолюцию: «Военное положение между Соединенными Штатами и Германией формально об'является. Президент уполнома-

[1] Записка (без автора) от 21/I 1917 г.
[2] Секр. тел. Извольского от 30/I 1917 г.
[3] Секр. тел. Бахметева от 26/I 1917 г., № 37.
[4] См. V. Tirpitz, «Erinnerungen». Leipzig, 1919.

чивается не только принять немедленные меры для обороны страны, но также употребить ее силы для ведения войны с Германией и успешного окончания ее».

Вступая в войну с армией в 200 000 чел. и с флотом, насчитывающим до 400 единиц со 100-тысячным экипажем, правительство принимает энергичные меры к их увеличению, на первое время доводя армию до 1 миллиона и развивая судостроение со скоростью стройки до 10 000 тонн в день.

II

Соединенные Штаты вступали в войну в тот момент, когда восточный фронт союзников был накануне окончательной ликвидации, когда союзники стояли перед перспективой выпадения России из рядов коалиции. Можно с уверенностью сказать, что отношение союзной дипломатии к активному выступлению Америки должно было к этому времени существенно измениться, ибо ей приходилось теперь строить определенные расчеты и на ту человеческую силу, какую вашингтонское правительство обещало современем мобилизовать в помощь Антанте. Американская армия, отправляемая впоследстви на французский фронт, будет, как известно, доведена до 1 900 000 чел. Но не в помощи вооруженною силой только выражалась кооперация Соединенных Штатов с союзниками.

С ожиданием разрыва дипломатических сношений Штатов с Германией у союзников, как мы уже видели, связывались надежды на усиленное использование ими финансовых и промышленных ресурсов Америки. Надежды эти не обманули их: уже на второй день после разрыва русский посол в Вашингтоне сообщал о заметном оживлении финансовых сношений между союзниками и Соединенными Штатами и о возникшем там плане образования консорциума с участием американских банкиров [1]. В то же время начальник артиллерии ген. Крозиер в официальной беседе с русским послом подтверждал, что в связи с разрывом поставка военного материала отнюдь не сократится. Вступление Штатов в войну ни в каком случае не должно было принести державам в этом деле разочарование: в своей речи, произнесенной на конгрессе в день об'явления войны Германии, президент говорил о предстоящем предоставлении союзникам самых широких кредитов. И тогда же Бахметев, с своей стороны, сообщал, что наиболее важной формой будущей кооперации Америки должна явиться финансовая помощь американцев [2]. Не проходит с того времени и недели, как Америка уже приступает к распределению трехмиллиардного займа между союзниками. Союзники наперебой стараются завоевать симпатии американских капиталистов. В первых числах апреля с финансовой миссией выезжает в Вашингтон Бальфур, далее ожидаются французы и итальянцы. Особенную заинтересованность в американской помощи проявляют англичане. Английский посол в Вашингтоне, беседующий в середине апреля с Бахметевым по поводу целей приезда Бальфура, говорит,

---

[1] Секр. тел. Бахметева от 23/I 1917 г., № 33.

[2] Секр. тел. Бахметева от 22/III 1917 г.

что Англия в вопросах финансовом и тоннажа «изнемогает под бременем и стремится переложить часть его на Америку», что финансовое положение Англии на американском рынке достигло такого напряжения, что, не будь американских кредитов, на очередь становился вопрос о закладе канадской железнодорожной сети. Заметим мимоходом, что после предоставления займа союзникам следующим шагом Америки по пути кооперации с ними являлось вхождение ее в лондонский междусоюзнический комитет, при чем она берет на себя функции контролера и арбитра по спорным делам.

Не приходится много распространяться на тему о том, какой интерес к открывавшимся возможностям американской финансовой помощи проявляла совершенно израсходовавшаяся Россия. Необходимо только отметить что дипломатия временного правительства, признанная de jure, весьма болезненно переживала то положение бедного родственника, в каком она оказалась в кругу прочих держав согласия. В апреле 1917 г. министр ин. дел горько жалуется своему послу в Париже на то, что в вопросе о предстоящих в Вашингтоне переговорах русское правительство оставляется в полнейшем неведении [1]. А когда ищущее американской помощи в деле обороны северного пути русское правительство обращается к Лансингу через своего посла в Вашингтоне с просьбою допустить русского морского агента к предстоящим англо-американским совещаниям, Лансинг эту просьбу отводит ссылкой на то, что Соединенные Штаты ведут отдельно переговоры с каждой миссией. На какую тему вашингтонское правительство склонно было беседовать с Россией—явствует из той инструкции, какую давал Лансинг американскому послу в Петрограде в апреле 1917 г. Сообщая о том, что весть о русских «реформах» встречена в Америке с энтузиазмом, он отмечал вместе с тем, что «последние широко распространяемые в печати сообщения о том, что новое правительство находится под влиянием крайних социалистов, стремящихся к заключению-сепаратного мира... сильно вредит русским интересам здесь, и, если эти сообщения не прекратятся, то это может помешать России получить свою долю в займе союзников». Лансинг предлагал послу «широко оповестить об этом русских вождей и настаивать, чтобы были приняты все меры к исправлению этого злополучного дурного впечатления» [2].

Свою программу мира правительство Штатов прекрасно увязывало не только с принципами русского временного правительства, но и с точкой зрения неприкосновенности военных соглашений. «Смущенное», по словам русского поверенного в делах в Вашингтоне, декларацией временного правительства о мире без аннексий и контрибуций, оно нотою от 4/VI категорически требует от России «добросовестного выполнения обязательств, заключенных союзниками» и «продолжения войны до победного конца» [3].

---

[1] Секр. тел. Милюкова Извольскому от 13/IV 1917 г. См. «Раздел Азиатской Турции». Изд. НКИД, 1924 г., стр. 322, CCXC.

[2] Шифрованная телегр. Лансинга Фрэнсису от 8/21/IV 1917 г., № 1337, расшифрованная в русском министерстве ин. д.

[3] См. «Константинополь и проливы», т. I, изд. Литиздата НКИД, 1925, стр. 396—397, CCV и CCVI.

Падению удельного веса России на американской политической бирже первоначально немало содействовали суб'ективные свойства личного состава аккредитованной при Вашингтонском кабинете русской миссии, глава которой, по общему признанию, плохо отвечал своему назначению и в дореволюционное время и которая после революции «пребывает в состоянии инерции и забастовки»[1]. Временное правительство спешит заменить выродка дворянской дипломатии представителем либеральной интеллигенции, уже знакомым американцам как председатель русской комиссии по заказам. В то же время сменяющий Милюкова Терещенко всемерно старается соблазнить члена миссии сенатора Рута, посещающей Россию в целях политико-экономической ревизии. Старания временного правительства не пропали даром: уже в начале мая Америкою был открыт России кредит на 100 млн. долларов, что позволило последней поместить заказ на подвижной железнодорожный состав (500 паровозов и 10 000 вагонов). Далее Терещенко удается исхлопотать ссуду в размере 75 млн. долларов на приобретение финляндской валюты для содержания русских войск в Финляндии и избежания с последней конфликта. В сентябре Бахметев сообщал[2] о предоставленном Америкою кредите на заказ 30 000 вагонов и 1 500 паровозов: «Если нам удастся,—писал он Терещенке,—получить 110 млн. на восстановление кредитов, затраченных англичанами на наши заказы в Америке, начиная с июня... затем, если будут даны требуемые нами деньги на текущие потребности по заказам, то и то к 1 января сумма наших позаимствований от американцев будет приближаться к 700 млн. долларов, что я считал бы при нынешних обстоятельствах огромным успехом».

Когда, в августе 1917 г., во время переговоров с союзниками по поводу притязаний Италии на территории Малой Азии, Россия остается в одиночестве, дипломатия временного правительства начинает рассчитывать на голос Америки, которая, сделав за время войны заметные успехи на турецком рынке, приобрела серьезный интерес к нефтяным источникам Эрзерума, Вана, Моссула и к минеральным богатствам Килькит-Чая, и позиция которой в турецком вопросе, казалось, приближалась к точке зрения русской.

Об этом Терещенко пишет в предположительной форме Бахметьеву [5/VIII—17 г.], и это же подтверждает последний, констатируя «близость направления мыслей здешних государственных людей к нашим принципам» и отмечая, что у американцев возникает даже мысль о давлении на союзников, чтобы побудить их отказаться от завоевательных планов в отношении Турции[3].

Когда в русских правительственных кругах возникает вопрос о созыве междусоюзнической конференции для обсуждения целей войны, русский дипломатический представитель в Вашингтоне обращает внимание министерства на необходимость «использовать» на конференции завязывающуюся дружбу с Америкой. «Голос России,—писал Бахметьев,—мог бы найти

[1] Секр. тел. Набокова. от 19/IV 1917 г. См. «Раздел Аз. Турции», стр. 327—328, CCXCVII.

[2] Письмо Бахметьева Терещенко от 1/IX 1917 г.

[3] Секр. тел. Бахметьева от 18/VIII 1917 г. См. «Раздел...» стр. 344, CCCXXVI.

мощную опору в С.-А. С. Ш., если бы мы своевременно обратились к ним с просьбою выступить с нами рука об руку в деле выяснения задач войны». Созыв конференции, как известно, был отложен на «неопределенное время», но центральное дипломатическое ведомство соглашалось с мнением Бахметьева о «важности привлечь Америку к тесному сотрудничеству в общих вопросах внешней политики» [1].

Близость точек зрения Петербурга и Вашингтона проявилась также в связи с обменом мнений по поводу мирного предложения, полученного Вильсоном от Ватикана (4/VIII—17 г.). Лансинг и Гаус обсуждают проект ответа папе совместно с Бахметьевым. Собеседники сходятся на том, что ответ отнюдь не должен заключать в себе уклонение от мирных переговоров, но что в нем должна быть подчеркнута невозможность, во-первых, возвращения к status quo и, во-вторых, ведения переговоров с автократическим германским правительством, целью же ответа, по мнению совещавшихся дипломатов, было—«облегчить германскому народу вступить на путь демократического перерождения [2].

В то время как рамолизировавшееся временное русское правительство все более теряло способность к оказанию такой помощи германскому народу, правительство Штатов уверенно шло по намеченному пути: не связанное с союзниками никакими договорными обязательствами, устами Лансинга оно заявляет, что в вопросах мирных переговоров оно не примет решения иначе, как по согласовании своих взглядов с союзническими. Ведущиеся со шведским правительством переговоры по вопросу о вывозе в Швецию продовольственных грузов оно разрешает к этому времени в отрицательном смысле, нанося тем самым удар по снабжению продовольствием Германии. В то же время оно не останавливается в своей дальнейшей помощи русским друзьям, обещая предоставление нужного тоннажа на зимнее время, договариваясь о посылке в Россию отрядов американских специалистов, соглашаясь принять близкое участие в реорганизации железнодорожного дела в России и уже начиная особенно интересоваться Сибирской железной дорогой.

Успехи, достигнутые русскою дипломатией в вопросе американской помощи, разумеется, об'яснялись прежде всего предрасположенностью к тому самого правительства Штатов, рассчитывавшего путем своих финансовых и дипломатических операций утвердить свое господство в самой России и при заключении мира использовать последнюю в качестве орудия против военных соглашений, исключавших Америку из районов, не безразличных для американского капитала [3].

Отсюда вытекала общность точек зрения России и Америки в малоазиатском вопросе. Отсюда вытекало стремление Штатов, оказав России поддержку в деле надлежащего урегулирования ближне-восточных вопросов, сохранить ее как действенную силу в вопросах Востока Дальнего, вопросах, связанных с тем районом, в котором американский империализм начал делать

[1] Секр. тел. Бахметьева от 11/III 1917 г. и с. тел. Терещенко Бахметьеву от 15/VII 1917 г. См. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 402, CCX и CCXI.

[2] Секр. тел. Бахметьева от 15/VIII—17 г., № 49.

[3] См. «Константинополь и проливы...», т. I, стр. 131.

свои первые шаги и который теперь не только не потерял для него своей былой привлекательности, но в послевоенных условиях сулил открыться исключительно широкими и блестящими перспективами и где в то же время вырастал новый, грозный для американцев, соперник в лице империалистической Японии. «Не в интересах Америки,—писал по этому поводу Коростовец [1],—содействовать перемещению фокуса русской окраинной политики с японского рубежа на балканский, ибо в будущей японо-американской борьбе за Тихий океан и китайский рынок Америке, конечно, важно опереться, если не на содействие, то хоть на нейтралитет России». Мировая война оставила Соединенные штаты в Китае лицом к лицу с Японией, располагавшей уже твердой базой Южной Манчжурии и имевшей перед Штатами неоспоримые преимущества военно-стратегическом отношении. Япония использует теперь создавшееся положение путем присоединения Киао-Чао и наследования всех прав Германии на Шаньдунскую провинцию. Японские притязания находили особенно яркое выражение в небезызвестных 21 требовании Китаю, пред'явленных впервые в январе и окончательно сформулированных в мае 1915 г. Проявленные Японией тенденции к установлению своего неприкрытого протектората над Китайской республикой застали Штаты настолько врасплох, что не встретили с их стороны ничего, кроме слабого формального протеста (13/V—1915 г.). А поддержанные Англией японские притязания на Шаньдунь и Южную Манчжурию получили от Америки даже вынужденное полупризнание [2].

Начавшиеся в сентябре 1915 г. англо-японские переговоры завершились подписанием русско-японского соглашения 20/VI—1916 г., обеспечивавшим Японии ее северный тыл и уже тогда вызвавшим у американцев «чувство беспокойства за последствия, которые оно может иметь в Китае» [3]. Рядом последующих соглашений с Россией, Англией и Францией, в феврале и марте 1917 г., Япония закрепляет за собой права на бывшую «германскую» провинцию в Китае и на тихоокеанские острова, находившиеся до войны в руках Германии и окружавшие географически филиппинские владения Штатов.

Еще в период англо-японских переговоров выяснилось, что «вопрос о военном сотрудничестве Японии касается, главным образом, России», и тогда же вопрос этот связывался с толками о возможности заключения Россией сепаратного мира с Германией [4].

Нет ничего удивительного в том, что в 1917 г., специализируясь на заботах о судьбах восточного фронта, Соединенные Штаты и в этом деле встре-

---

[1] В цитированном письме от 26/I—1917 г.

[2] Нота Брайана от 13/III—1915 г. гласила: «Хотя, согласно основным принципам своей политики и договорам с Китаем 1844, 1858, 1863 и 1903 гг., Соединенные Штаты имеют основания противодействовать японским притязаниям в Шаньдуне, Южной Маньчжурии и Восточной Монголии, тем не менее они открыто признают, что географическое положение Японии создает для нее особые интересы в этих районах». Текст ноты был переслан в русское министерство и. д. при телеграмме Бахметьева от 30/IX 1917 г., № 598. Цитируем в переводе с английского.

[3] Депеша Крупенского из Токио от 2/VII—16 г. См. «Константинополь и проливы»... т. I, стр. 391, CCIII.

[4] См. там же, стр. 386 и 389—390, CXCVIII и CCI.

чали в лице Японии весьма серьезного соперника: из всех держав Согласия сохранившая в войне свои жизненные силы в максимальной неприкосновенности, Япония именно себя, по своему географическому положению восточной соседки, считала призванной заместить выпадающего из строя бойца.

Формы участия в борьбе, которые намечала Япония для себя, носили, правда, своеобразный характер. Это должна была быть прежде всего защита Дальнего Востока от «прусского кулака», хорошо знакомая в истории работ по охране независимости и неприкосновенности Китая. Если мы обратимся к американской прессе того времени, мы увидим, что Японией энергично велась в этом направлении обработка американского общественного мнения и что американские правительственные круги смотрели на это не без тревоги. В газете «Washington Post» от 28/V 1917 г. мы находим заявление известного японского лектора и публициста, директора японского телеграфного агентства в Вашингтоне, Тайокичи Иенага: «Японцы,—говорил он,—видят в возможности сепаратного мира между Россией и центральными державами прямую угрозу неприкосновенности Китая и серьезный удар делу мира, цивилизации и развития Дальнего Востока... Сепаратный мир... отодвинет восточный боевой фронт более, чем на 7 000 миль в сторону Тихого океана. Япония будет вынуждена действовать... Китай должен быть укреплен и поддержан... Его реорганизации должна быть оказана достаточная помощь...». Обсуждая далее вопрос об участии Японии в войне, Иенага указывал: «Физическая трудность отправления японских войск в Европу почти что непреодолима. Япония никогда не отказывалась от посылки войск в Европу, но, по общему мнению, борьба Японии с германизмом лучше всего может вестись на Тихом океане. Положение в Китае создает настоятельную необходимость для Японии быть во всякое время наготове».

На страницах газеты «New York Times» от 5/V 1917 г. мелькают тревожные заголовки: «Япония предостерегает Россию от заключения сепаратного мира», «Япония будет действовать совместно с Англией», «Важное наказание России», «Другая война на Востоке». В номере от 31/V той же газеты приводилось мнение генерального секретаря американского института международного права в Чили д-ра Альвареца, считавшего необходимым побудить Японию к активному участию в войне всеми имеющимися в ее распоряжении силами. «В случае чрезмерного ослабления сражающихся—говорил он—Япония, опираясь на свою могущественную армию, могла бы диктовать свою волю в будущем или, по меньшей мере, продиктовать свои условия мира».

Наконец, в газете «New York Ameriken» от 22/V передается требующее официального опровержения сенсационное известие о существовании секретного англо-японского соглашения, по которому в случае заключения Россией сепаратного мира Япония нападает на Россию.

Ходом событий заботы о судьбах восточного фронта будут сняты с исторической повестки дня. Вопрос о всяческой помощи России и о мирном проникновении в нее в дальнейшем превратится в формально отличный от него, но по существу с ним тождественный, вопрос о военной интервенции.

Зато китайские дела не перестают служить предметом забот и хлопот двух империалистических держав, на почве этих дел вступающих в серьезные

дипломатические пререкания и обнажающих при этом ту непримиримость взаимных антагонизмов, которая наложит свой отпечаток на всю международную кон'юнктуру последующего периода.

В начале августа 1917 г. в Вашингтоне, столь хорошо знакомом с многочисленными делегациями, прибывавшими сюда из всевозможных стран света, с беспокойством ждут приезда японской парламентской делегации, возглавляемой маркизом Исии. Посещению этому предшествовала ведущаяся японцами в печати пропаганда идеи сближения с Америкой по основным вопросам дальне-восточной политики, при чем вопрос заострялся на признании японских интересов в Китае.

О результатах этой подготовительной работы русский посол в Вашингтоне сообщал следующее[1]: «Однако здесь в широких кругах давно существует господствующее убеждение в том, что задачи Америки прямо противоположны империалистической политике Японии в Китае. Само американское правительство относится с большой осторожностью к приезду японской миссии и тщательно готовилось к тому обмену мнений, который он за собою повлечет...». По поводу приезда миссии Бахметьев беседует с Лансингом и из его слов заключает, что правительство «не желает приезда миссии и опасается постановки на очередь вопросов о признании за Японией каких-либо прав». «Лансинг говорил мне,—замечает Бахметьев,—что он будет стремиться уклоняться от решения всех основных дальневосточных задач до окончания войны. Есть основание думать, что Япония, пользуясь своим нынешним исключительно выгодным положением и выдвигая вперед общие с Америкой интересы военного сотрудничества, будет настойчиво добиваться признания за ней исключительных интересов в Китае...». «Естественно думать,—добавлял тот же посол[2],—что одной из неофициальных задач миссии будет воздействие на ту часть американского капитала, который склонен к проникновению в Китай. В общем, центр—в здешних финансовых кругах, которые ясно отдают себе отчет в том, что желание Японии привлечь к кооперации с ней американские капиталы продиктовано стремлением японцев использовать американские ресурсы и, предложив с своей стороны опыт и администрацию в дальневосточных концессиях, обосноваться там путем своего влияния в Китае». Известно, что во вторую половину войны Япония переживает резкое падение экспорта и многочисленные крахи предприятий[3]. Запретительные меры Соединенных Штатов в деле ввоза в Японию стали, необходимого условия для развития ее судостроения[4], играли здесь не малую роль. Несомненно, что желание заручиться в некоторых вопросах сотрудни-

---

[1] Секр. тел. Бахметьева от 31/VII—17 г., № 454.

[2] Там же.

[3] См. Сен-Катаяма. «Современная Япония», изд. Планов. хоз. 1926 г., стр. 57 и 65.

[4] В секрет. тел. от 27/IX 1917 г., № 580 Бахметьев, между прочим, указывает: «замечается определенная склонность американцев не поощрять увеличения, вообще, коммерческих флотов других государств, тем более Японии, и сосредоточить все строительство в своих руках, использовав нынешнюю войну для развития собственного коммерческого мореплавания».

чеством американского капитала не было чуждо японцам. Об этом свидетельствует факт посылки в Америку особой финансовой миссии, возглавляемой бар. Танетаро Мегата. О задачах этой миссии русский посол в Токио писал: «Японцы подчеркивают, что они руководятся, во-первых, все увеличивающеюся экономической близостью между Японией и Соединенными Штатами, а во-вторых, возможностью наблюдать все те крупные финансовые и экономические мероприятия, которые проводятся вашингтонским правительством в целях принятия деятельного участия в европейской войне; эти мероприятия будут иметь огромное значение в мировой экономической жизни и после войны, когда Соединенные Штаты станут несомненно главным денежным рынком всего света, почему установление с ними тесных экономических связей является для Японии делом первостатейной экономической важности» [1].

Но, разумеется, главной задачей Японии было наступление в китайском вопросе, и опасения Лансинга оправдались в полной мере. Японо-американские переговоры (Лансинг—Исии) вращаются вокруг трех вопросов: принципа открытых дверей, выдвигаемого Америкой, принципа территориальной неприкосновенности Китая, не оспариваемого, конечно, ни одной из сторон, и признания особого положения Японии в Китае, требуемого японской дипломатией.

Обезоружив американцев добровольным и безоговорочным принятием первых двух положений, японский дипломат получает от Лансинга требуемое признание, хотя и формулированное в выражениях, достаточно неопределенных для того, чтобы дать ему желательное толкование.

Что это было отступлением Америки перед агрессией Японии, видно уже из тех об'яснений, какие Лансинг счел нужным дать русскому послу в оправдание своего шага: «Лансинг весьма доверительно сообщил мне, что дело идет о подтверждении в предстоящем обмене нот признанных ранее С.-А. С. Ш. особых отношений Японии и Китая, вызываемых географической близостью территорий. Признание это было произведено в секретной ноте б. м-ра ин. дел Брайана японскому послу от 13/III—1915 г. Лансинг признает за этим признанием теоретическое значение, не имеющее практических последствий» [2].

В одной из своих последующих бесед с Бахметевым на высказанные последним опасения, что признание это может толковаться Японией «распространительно», Лансинг «категорически заявил, что если бы в будущем Япония и попыталась вывести из настоящего обмена нот подобное заключение, то Америка решительно этому воспротивится» [3]. Весьма существенными являются раз'яснения, даваемые по этому поводу русским послом в Токио, ближе знакомым с действительными настроениями японских правящих кругов. «Если Соединенные Штаты считают,—писал он [4],—как то сказал нашему послу Лансинг, что признание особого положения Японии в Китае не имеет практических последствий, то такой взгляд неминуемо поведет в будущем к серьезным

[1] Депеша Крупенского от 11/IX 1917 г., № 62.
[2] Секрет. тел. Бахметьева от 30/IX 1917 г., № 598.
[3] См. тел. Бахметьева от 14/X 1917 г., № 638.
[4] См. тел. Крупенского от 9/VIII 1917 г., № 449.

недоразумениям между ними и Японией: со стороны японцев все более и более проявляется стремление толковать особое положение Японии в Китае, между прочим в том смысле, что другие державы не должны предпринимать в Китае никаких политических шагов, не обменявшись предварительно взглядами по этому поводу с Японией, что установило бы до некоторой степени контроль со стороны последней над внешними сношениями Китая. С другой стороны, японское правительство не придает большого значения признанию открытых дверей и неприкосновенности Китая, считая таковое лишь повторением уже данных им ранее другим державам заверений, не налагающим каких-либо новых ограничений на японскую политику в Китае. Весьма возможно поэтому, что современем на этой почве у Соединенных Штатов произойдут недоразумения с Японией».

Беседующий с русским послом по поводу возможных недоразумений на этой почве министр ин. дел Японии дает русскому дипломату, как это обычно водится, успокоительные заверения.

«Я все же, однако,—замечает Крупенский [1],—вынес из слов министра впечатление, что он сознает возможность недоразумений и в будущем, но рассчитывает, что в таком случае Япония будет располагать лучшими средствами для проведения в жизнь своего толкования, чем С.-А. С. Ш.».

Из книги теоретика японского империализма, японского Бернгарди, Кайиро Сато, вышедший недавно на русском языке [2], читатель может вывести заключение о том, каковы были те «лучшие средства», какими Япония могла располагать в своей возможной борьбе с Штатами,—средства эти заключались, прежде всего и главным образом, в боевой готовности японской армии и флота. В задачи настоящего очерка не входит рассмотрение японо-американского конфликта в его дальнейшем развитии. Мы остановились так долго на переговорах Лансинг-Исии не только потому, что переговоры эти явились прологом борьбы, развертывающейся после империалистической войны вокруг тихоокеанской проблемы, но еще также и потому, что они служат конкретной иллюстрацией того положения, которое требовало от Штатов особенно бдительного отношения к вопросу о предстоявших мирных переговорах и толкало их к проявлению максимума активности в деле выработки условий будущего мира. Последующие события со всею наглядностью подтверждают это.

В знаменитых «14 пунктах» мирных условий, которые 18 января 1918 г. (н. ст.) были изложены в президентском послании к конгрессу, Вильсон пытается дать законченный синтез требований союзников. Условия эти, как известно, послужили основой мирных переговоров, на которые 5 октября (н. ст.) из'явило свое согласие германское правительство. Потребовав в качестве гарантий от германцев очищения занятых неприятельских областей, обеспечения превосходства сил союзников на всех фронтах, немедленного прекращения подводной войны и устранения Гогенцоллернов от власти, Вильсон вступает с союзниками в предварительные переговоры и затем извещает Германию

---

[1] См. тел. Крупенского от 9/X 1917 г., № 474.

[2] Кайиро Сато. «Япония и Америка в их взаимных отношениях». Перевод с японского. Гиз, 1924 г., стр. 140.

о согласии союзников на перемирие, договор о котором подписывается в Компьене 11/XI—1918 г.

13/XII—1918 г. Вильсон прибывает в Париж, где начинаются длинные закулисные переговоры, предшествующие заседанию мирной конференции, открывающейся 18/I—1919 г. Вильсон занимает на конференции главенствующее место рядом с Клемансо и Ллойд-Джорджем, Лансинг избирается товарищем председателя в президиуме. Америка участвует и в «совете десяти» и в «совете пяти». Последний—14-й—из пунктов Вильсона, представлявший в значительной своей доле творчество американцев, именно, пункт, касающийся создания Лиги наций, служит основой для части I Версальского договора.

Мы не касаемся тех англо-американских разногласий, какие всплыли в период Парижской конференции, хотя бы по вопросу о «свободе морей», и получили свое отражение в резкой критике английской джингоистской печати 14 пунктов Вильсона. Самую серьезную опасность для федеральной республики несла конференция при разрешении того вопроса, который, как мы видели выше, являлся предметом стольких забот американской дипломатии в течение всего времени после вступления Штатов в войну.

Мы знаем, как обогатились за время войны Соединенные Штаты, увеличившие свой золотой запас с 1.800 млн. долларов до 3 млрд. долларов и доведя его до 40% мировой золотой наличности. О той роли финансового гегемона мира, какую завоевали себе Штаты в результате войны, красноречиво говорит цифра непосредственной задолженности Штатам со стороны 3 крупнейших европейских держав—Англии, Франции и Италии—цифра эта равнялась 8 600 млн. долларов. Однако эти громадные экономические достижения далеко не сразу дали надлежащий политический эффект. И, несмотря на почетное положение, занятое Америкою на конференции, последняя принесла американцам—притом по существеннейшему для них вопросу—горчайшее разочарование. Утратившие после крушения Германии непосредственную нужду в американской помощи старые союзники не идут навстречу настояниям Штатов в японском вопросе. Отказ американского сената ратифицировать Версальский договор и невхождение Штатов в созданную ими же Лигу наций стояли в непосредственной связи с разрешением дальневосточного вопроса в желательном для японцев смысле. Не подготовленные к отражению японской агрессии американцы откладывают час своего реванша до более благоприятного стечения обстоятельств. Если вспомнить, что в первые годы послевоенного периода жизнь европейских государств характеризуется ростом небывалой инфляции, и даже наиболее стойкий фунт стерлингов к 1922 г. дает по отношению к доллару значительное снижение, то можно с уверенностью сказать, что само время работало за оскорбленных в своих лучших чувствах деятелей Белого Дома и рано или поздно должно было привести их к заслуженному ими политическому празднику. Но и американской буржуазии пришлось при этом провести немалую подготовительную работу. Она ограничивается пока осторожными предварительными операциями, необходимыми для предстоящего контр-наступления: в августе 1918 г. ей удается образовать консорциум, которому передавалась финансовая монополия в Китае. Консорциум

этот складывался при участии 4 банковских групп—английской, французской, японской и американской—и, таким образом, над Китаем как бы устанавливался контроль 4 держав. Финансовый контроль 4 держав над Китаем сводился, разумеется, к признанию финансового и политического владычества Штатов в Китае. Направленная против выдвигавшегося иными державами оголенно-хищнического принципа «сфер влияния» гуманитарно-демократическая фразеология Штатов, отстаивающая принцип «равенства коммерческих возможностей», с успехом прикрывала развиваемое Штатами контр-наступление. Крайне важно отметить, как осторожное в своих действиях правительство Штатов использует в дальнейшем ошибки зарвавшихся японских империалистов.

Предпринимаемая в эту пору Японией с санкции союзников интервенция в Сибири не только не мешает успешному развертыванию американских операций, но, отвлекая силы Японии непосредственно от Китая, распыляя силы японского империализма на начинаниях, заведомо обреченных на неудачу, лишь способствует углубленной работе американской дипломатии.

Правительство Соединенных Штатов честно выполняет свои формальные обязательства перед союзниками, участвуя в интервенционистских предприятиях последних. Однако в работу эту оно не вкладывает сколько-нибудь значительной активности и инициативы, ограничиваясь ролью вооруженного наблюдателя, корректирующего действия своих более энтузиастически настроенных товарищей, а иногда оказывающего даже умеряющее влияние на них.

В то время как Япония в августе 1918 г. посылает на Дальний Восток стотысячную армию, Соединенные Штаты ограничиваются посылкою причитающихся по разверстке на их долю 7.500 чел., протестуя в то же время против излишеств японской экспедиционной политики.

Хотя Вильсон, вместе с представителями других держав, подписал декларацию о помощи правительству Колчака продовольствием и снабжением, но до начала 1919 г. помощь эта выражалась лишь в «косвенной поддержке», какую оказывает Колчаку правительство Штатов, разрешая ему покупать в Америке боевое снабжение. Хлопоты омского правительства о льготах в деле приобретения военного снаряжения приводят к весьма скромным результатам: продажа винтовок допускалась в рассрочку по себестоимости, при условии внесения в банк золотого обеспечения; продажа обмундирования допускалась не иначе, как за наличный расчет. В деле финансирования омского правительства американцы отнюдь не следуют примеру французов, англичан и японцев. В вопросе вооруженной помощи Колчаку в его борьбе с советской властью американцы равным образом проявляют полное равнодушие. В своей телеграмме на имя Вологодского от 18/V—1919 г. генерал Хорват писал: «Японцы, англичане, французы приняли участи в борьбе с советской властью, помогают вооружением и снабжением, американцы же, введя свои войска в Сибирь..., в операциях против большевиков не участвуют, материальной помощи не оказывают, и, как заявили некоторые представители Америки, она еще не определила своего поведения и не знает, какая политическая позиция отвечает желаниям русского народа». Известно, что в мае 1919 г., наблюдая, как американцы склоняют свои симпатии на сторону земств, враждебных правитель-

ству, Колчак собирался даже возбудить вопрос об отозвании американских войск и был удержан от этого лишь настояниями Сазонова.

Необходимо иметь в виду, что в ту пору в американских рабочих массах отмечался сильный рост сочувствия к Советской республике, и популярностью пользовались требования скорейшего снятия блокады и отозвания войск из России. Значительные группы мелкой буржуазии и интеллигенции также шли за этими лозунгами. Известное действие обстоятельства эти, несомнено, должны были оказывать на политическую линию федерального правительства. Это можно усмотреть хотя бы из приписываемых такому убежденному врагу большевизма, каким был Вильсон, сентенции: «Распространение большевизма нельзя остановить вооруженной силой, как нельзя преградить течение воздуха решетом». Но главным определяющим моментом в вопросе о помощи со стороны правительства Штатов антибольшевистским силам являлся, разумеется, трезвый политический прогноз, основывавшийся на учете реальных возможностей омского правительства. Это высказал с откровенностью посланный Вильсоном в Сибирь американский посол в Токио Моррис, в своей беседе с представителями Пермского университета заявивший, что он не видит за правительством сколько-нибудь авторитетной общественной группы, что находящееся в окружении военных элементов правительство Колчака чуждо населению и не пользуется его доверием.

Единственным видом помощи Колчаку, оказавшимся приемлемым для Америки, явилось участие ее в деле восстановления сибирских железных дорог—Сибирской и Восточно-китайской. Она не только входит в создаваемый из представителей держав междусоюзнический комитет, берущий под свой контроль названные дороги, но и ставит своего представителя во главе технического совета и налагает на себя главную тяжесть по финансированию дороги. Главный штаб омского правительства расценивал этот факт, как крупную бескровную победу Америки над Японией. Крупная дипломатическая победа Америки была еще впереди. Но при всей осторожности своей линии, направленной к сохранению дружественных связей с союзниками и к ненарушению мирных отношений с Японией, она не останавливается перед тем, чтобы предпринять против последней ряд дипломатических диверсий по вопросам, слишком близко затрагивавшим интересы американского капитала.

Так, она не остановилась перед дипломатическим конфликтом с хозяйничавшей в Восточной Сибири Японией по вопросу тех же сибирских железных дорог. Равным образом она решительно опротестовала захват японцами русской части Сахалина, богатой нефтеносными землями и стратегически укреплявшей позицию Японии на Дальнем Востоке. Не останавливается она, наконец, и перед обострением своих отношений с Японией по вопросу о Камчатке, где намечалась плодотворная работа американских концессионеров. Когда увлекшаяся созданием монголо-манчжурского коридора Япония начинает требовать из'ятия Манчжурии и Монголии из ведения консорциума, она встречает и здесь упорное противодействие Штатов и оказывается вынужденной пойти на уступки.

Используя неудачи японской политики в Восточной Сибири, связав в то же время своей финансовой политикой свободу действий старого союз-

ника Японии, озабоченного к тому же слишком значительным приближением ее владений к Австралии, и подготовив расторжение англо-японского союза, Соединенные Штаты с уверенностью в успех своего реванша шли на Вашингтонскую конференцию. Они выходили оттуда, добившись отказа Японии от тех прав, которые она присвоила себе в Китае в 1915 г., добившись низведения ее, как морской державы, на второстепенное место, добившись расторжения англо-японского союза, добившись, наконец, принятия договора об «открытых дверях», т.-е. утверждения свой финансовой гегемонии в Китае.

Только на Вашингтонской конференции взошло семя, посеянное Соединенными Штатами во время империалистической войны, и с символическою формулой, выражающей пропорцию морских вооружений «5 : 5 : 3», Штаты выдвинулись на мировую арену в качестве силы, призванной сказать, если не последнее, то решающее слово в империалистической политике мировых хищников. Мы проследили основные линии американской политики эпохи войны преимущественно в той мере, в какой они вырисовываются из переписки бывш. российского министерства ин. дел. Картина, данная выше, разумеется, не может претендовать ни на всесторонность освещения, ни на исчерпывающую полноту отображения действительности того времени. Данные русской дипломатической переписки фиксируют внимание читателя на тех явлениях, которые особенно интересовали русскую дипломатию,—и II часть нашего обзора заостряет изложение на вопросах русско-американских отношений и японо-американского конфликта, оставляя в тени такие крупной значимости факты, как вскрываемые той же войной англо-американские антагонизмы. Однако в своих основных контурах существеннейшие тенденции «демократической» политики Штатов и в настоящем беглом обзоре уже наметились с достаточной явственностью. Резюмируя сказанное на протяжении всех предыдущих страниц, мы приходим к следующему схематическому определению развития этих тенденций. Максимальное использование нейтралитета, выразившееся в гигантском финансовом удое, доставшемся Штатам от стран Антанты, не должно было помешать политическому использованию ими факта войны. Медиаторские попытки президента Вильсона играли роль лота, определявшего глубину фарватера, по которому шел корабль войны, и должны были во-время сигнализировать Штатам об опасностях, которые грозили им от возможности мирных комбинаций, строющихся помимо них и за их спиною. Коль скоро война приняла ярко выраженный характер борьбы на истощение и обозначились явные признаки истощения одной из сторон, пацифистские попытки были отброшены, и политика нейтралитета сменилась политикой войны.

Германская подводная война сыграла в отношении нейтралитета роль подрывного орудия, роль стимула и раздражителя боевых настроений американского капитала, органически и крепко увязанного с капиталами Антанты. Такую же роль возбудителя должен был играть и русский вопрос, открывавший перед Штатами не только новые области для их экономической экспансии, но и новые проходы через горные цепи союзнических политических комбинаций.

Опаснейшею из этих политических комбинаций являлась для Америки комбинация в дальневосточном вопросе. Политическое выдвижение Японии и

рост ее влияния в Китае не могли быть терпимы Америкой, не без основания претендовавшей на роль руковода в китайских делах. Вступление Америки в войну накануне крушения германской империи на стороне стран согласия означало не что иное, как начало борьбы ее с враждебными ей и угрожавшими жизненным ее интересам тенденциями в самой группировке согласия—прежде всего с тенденциями японского империализма. Политическое поражение, понесенное при этом американской дипломатией, не остановило этой борьбы. Созданное войною для Америки положение финансово-промышленного гегемона мира предопределяет ее исход. Используя результаты обвала русского прохода, по которому устремилась Япония, используя англо-японские антагонизмы, разбуженные экспансией Японии в Микронезии, С.-А. С. Ш. добиваются изоляции Японии и, утверждая свое первенство на Тихом океане, хотя и с опозданием, снимают в Вашингтоне первый политический плод своего участия в мировой войне.

Эм. Газганов

Исторические взгляды Г. В. Плеханова

(Опыт характеристики)

Г. В. Плеханов не является специалистом-историком. Активный революционный деятель, лидер политической партии, он, естественно, обращался к истории в той мере, в какой это вызывалось потребностями его политической деятельности. Однако этот утилитарный подход нисколько не предрешает вопроса о характере его исторических знаний. И вот почему. В то время как большинству политических деятелей история представляется чем-то вроде кладовой, где беспорядочной грудой свалены разнообразные факты и любопытные аналогии, которыми можно воспользоваться для внешнего усиления своей политической позиции, но которые сами по себе на ней отразиться не могут,—для Плеханова такой, если можно так выразиться, вульгарно-житейский подход к истории был немыслим.

Глубокий и последовательный ум, он никогда не основывал своей практически-политической позиции только на событиях сегоднешнего дня, но всегда стремился увязать ее с историческим «вчера». И если, что совершенно неизбежно, направление его исторических изысканий определялось, в последнем счете, потребностями его политической деятельности, то и последняя, в свою очередь, в очень многом зависела от тех результатов, которые добывались Плехановым путем обращения к «делам давно минувших дней».

Таким образом, если, с одной стороны, исторические взгляды Плеханова являются неот'емлемой частью его *политической* биографии, без которой последняя неполна и, смеем думать, неверна, то, с другой стороны, его исторические взгляды могут претендовать на еще большее внимание *в научной* биографии нашего автора.

Развитые нами соображения целиком сохранили бы свою силу даже в том случае, если бы наше представление об исторических взглядах Плеханова ограничивалось только теми беглыми экскурсами и замечаниями по вопросам истории, которые во множестве рассыпаны на страницах почти всех его работ. Даже в этом случае они имели бы не малое научное значение, и исследователю не потребовалось бы большого труда, чтобы, систематизировав разрозненный материал, это показать. Однако в этом необходимости нет, так как эта задача—систематизация материала—выполнена самим Плехановым.

Как известно, уже в конце своей литературной деятельности Плеханов берется за писание большой работы по «Истории русской общественной

мысли». В этом труде, оставшемся, к сожалению, в своей наиболее интересной части, незаконченным, в специальном «Введении» дано наиболее полное, последовательное и систематическое изложение исторических взглядов Плеханова. Не нося, в основном, характера новизны, по сравнению с прежними высказываниями автора, это «Введение», благодаря более широкой и концентрированной аргументации, дает развернутую «формулу» русского исторического процесса, как его понимал Плеханов. С этой стороны оно представляет собой наиболее удобный материал для суждения об его исторической концепции. Вот почему, оставляя для дальнейшего задачу показать, что взгляды, развитые Плехановым во «Введении», в основном и главном, совпадают с тем, что им высказывалось в начале и в разгаре его литературно-политической деятельности, мы сейчас разбор его исторических построений будем вести на основе его «Введения» к «Истории русской общественной мысли».

I

Основная посылка диалектического материализма гласит: «Бытие определяет сознание». Исходя из этого, истории русской общественной мысли Плеханов предпосылает «несколько соображений о ходе развития русских общественных отношений». К анализу этих «соображений» мы и приступим.

«Похожа ли история России на историю Западной Европы?». Ответу на этот вопрос в значительной части посвящены исторические «соображения» нашего автора.

Известно, что в русской литературе, как исторической, так и публицистической, вопрос этот имеет почтенную давность. В качестве трамплина, оттолкнувшись от которого удобнее всего развить свою точку зрения, Плеханов избирает историка, взгляды которого диаметрально противоположны господствовавшим в нашей историографии воззрениям.

«Павлов-Сильванский был совершенно прав,—пишет Плеханов,—когда восстал против «утвердившегося в нашей науке взгляда на полное своеобразие русского исторического процесса». И ему удалось вполне убедительно показать, что не может быть и речи «о коренном несходстве древне-русского строя с феодальным» [1]. Однако этого мало. «Ибо,—продолжает Плеханов,—там, где отсутствует *коренное несходство,* может быть налицо *несходство второстепенное,* придающее все-таки достойное замечания «*своеобразие*» изучаемому процессу. Поэтому отрицательное и, в общем, очень удовлетворительное у Павлова-Сильванского решение старого вопроса о *полном* своеобразии русского исторического процесса еще отнюдь не исключает вопроса об его *относительном* своеобразии» [2]. Мысль Плеханова ясна: отсутствие коренного несходства между Россией и Западом отнюдь не исключает относительного своеобразия русского исторического процесса.

Против этого положения возражать не приходится. Оно бесспорно. Отметим, что не кто иной, как Павлов-Сильванский, наиболее горячо высту-

[1] Собр. соч., т. XX, стр. 11. В дальнейшем при ссылке на этот том мы будем указывать только страницу.

[2] Там же, курсив автора.

пивший против «утвердившегося в нашей науке» предрассудка о полной «самобытности» русской истории, был как нельзя более далек от отрицания ее «относительного своеобразия». Полемизируя с Соловьевым и теми историками, которые в этом вопросе разделяли взгляды последнего, Павлов-Сильванский «одно из главных положений» своего исследования и «основной пункт разногласия» изложил следующим образом: «В антитезе Соловьева есть только некоторая доля истины. Природа страны оказала свое влияние на русское историческое развитие, но она не изменила его в корне, до полной противоположности, а только ослабила проявление тех начал средневекового порядка, которые ярче выразились в истории Запада[1]. Таким образом, в этом пункте между Плехановым и Павловым-Сильванским разногласия как будто бы нет. Между тем, как это нетрудно видеть из приведенной цитаты, Плеханов не склонен считать решение, данное этому вопросу покойным историком феодализма, вполне удовлетворительным. Очевидно, что признание той или иной степени своеобразия в русском историческом процессе, с точки зрения Плеханова, еще не является искомым решением этого вопроса.

Ошибка всех русских историков, которую разделял и Павлов-Сильванский, заключается, по мнению Плеханова, в том, что они односторонне сравнивали историю России только с историей Запада, не считая нужным сравнить ее с ходом общественного развития древнего Востока. Если бы они эту работу проделали, то несомненно пришли бы к иной, более полной формулировке так занимавшего их вопроса о «своеобразии». И Плеханов обстоятельно развивает эту мысль, которую справедливо можно назвать краеугольным камнем его исторической схемы[2]. Последуем за ним.

«Павлов-Сильванский, — пишет Плеханов, — как-будто позабыл, что в ходе общественного развития всех западных стран есть черты, значительно отличающие его от хода общественного развития Востока, т.-е., точнее, великих восточных деспотий, например, древнего Египта или Китая»[2]. Оставляя сейчас в стороне вопрос о том, какое именно различие находит Плеханов в развитии стран Запада и Востока, посмотрим, как в свете этой мысли представляется нашему автору история России.

В истории нашего отечества,—говорит Плеханов,—при наличии в ней особенностей, рознящих ее от истории Запада, существуют и такие осо-

[1] «Феод. в древней Руси», стр. 22. См. также важное методологическое замечание автора на стр. 50.

[2] Любопытства ради заслуживает быть отмеченным, что в защиту этого выставленного Плехановым требования ополчается теперь пребывающий в эмиграции историк И. Бунаков, автор ряда исторических статей «Пути России» в журнале «Соврем. Записки». В XXII книге этого журнала можно прочесть следующее рассуждение: «Русская историческая наука—дитя западной... Она строит Россию на фоне Запада... Восток остается скрытым в тумане и почти сливается с природой». И дальше: «Современная историческая наука требует иного построения. Надо восстанавливать образ московского царства не только на фоне Запада, но и Востока. Надо сопоставить московское царство с великими восточными теократиями» (с. 230). В дальнейшем, проникнув «в душу московского царства», Бунаков об'ясняет своим читателям «многое, чего русская историческая наука не об'ясняет». Это «многое» сводится к тому что «московское царство—восточное».

[3] Стр. 11.

бенности, которые роднят ее с процессом развития великих восточных деспотий. Если особенности первого порядка условиться называть элементами «европеизма», а особенности второго порядка — элементами «азиатизма», то соотношение между ними, являясь, по мнению Плеханова, величиной переменной, в общем представится в следующем виде: «чем более своеобразным становился ход нашего общественного развития в сравнении с западно-европейским, тем менее своеобразен был он по отношению к ходу развития восточных стран, — и наоборот»[1].

Это общее положение требует уточнения и конкретизации. Если оно верно, если оно методологически ценно, то необходимо показать, в какой степени оно вытекает из действительного исторического развития нашей страны. Или, иначе выражая эту мысль, задача историка, который руководствуется этим положением, заключается в том, чтобы показать, во-первых, каковы причины вызывавшие в нашей истории столь своеобразное переплетение «европейских» и «азиатских» черт исторического развития и, во-вторых, когда, на каком отрезке нашей исторической жизни в ней господствовали элементы «азиатизма», а когда, в какой другой период, наоборот, преобладали элементы «европеизма».

Рассмотрение того, в какой степени удалось Плеханову справиться со стоявшей перед ним задачей, нам удобнее начать с рассмотрения второй части формулированной нами задачи.

Указав на то, что Россия «как бы колеблется между Западом и Востоком», Плеханов исторически разворачивает свою схему. Особенности, сближающие историю России с ходом развития стран древнего Востока, говорит он,—«в течение московского периода ее истории... достигают гораздо больших размеров, нежели в течение киевского. А после реформы Петра I они опять уменьшаются,—сначала очень медленно, потом все скорее и скорее. Эта новая фаза русского общественного развития,—фаза сперва медленной и поверхностной, а потом все ускоряющейся и углубляющейся европеизации России,—далеко еще не закончена и в наши дни»[2].

Итак, история России в представлении Плеханова может быть разбита на три периода, стержнем которых является колеблющаяся кривая моментов «азиатизма» и «европеизма». Первый—Киевский, с минимумом моментов «восточного» оттенка и значительным приближением к западно-европейскому типу развития; второй—Московский период, когда Россия максимально сближается с Востоком, удаляясь от Запада; и, наконец, третий—Петербургский период, когда Россия медленно и постепенно начинает двигаться в обратном направлении: отрывается от Востока и поворачивается в Западу[3].

---

[1] Стр. 14. Разрядка автора.

[2] Там же, стр. 12. Напомним, что «Введение» было написано Плехановым до войны.

[3] Завершением этого периода для Плеханова, судя по его статьям, напечатанным в сборнике «Год на родине», являлась февральская революция, знаменовавшая решительную победу «европеизма» над остатками и пережитками «Московской Азии».

Оставим в стороне первый период нашего исторического развития — Киевскую Русь. Начнем ближайшее рассмотрение со второго периода—Московской Руси. Присмотримся к тому, как представляется Плеханову итог нашего развития в этот период.

На стр. 88 «Введения» мы находим формулировку очень удобную для нас по своей законченности. Вот она: «Сравнивая общественно-политический строй Московского государства со строем западно-европейских стран, у нас получится следующий итог: государство это отличалось от западных тем, что закрепостило себе не только низший земледельческий, но и высший служилый класс, а от восточных, на которые оно очень походило с этой стороны, тем, что вынуждено было наложить гораздо более тяжелое иго на свое закрепощеное население».

Эта цитата, помимо своего непосредственного смысла, интересна для нас и в том отношении, что показывает, в чем усматривал Плеханов различие социально-политического развития Запада от Востока. В первом—закрепощался только низший, земледельческий класс населения, в последнем— эта участь постигала и высший служилый класс, и это-то всеобщее закрепощение и создавало основу для азиатской деспотии.

Приведенной цитатой мы закончим рассмотрение «историософических», если можно употребить этот термин, посылок плехановской схемы русской истории. Разумеется, всякая схема, как и лежащие в ее основе посылочные обобщения, сами по себе не плохи и не хороши. Их достоинство определяется общим для всякого научного познания критерием: соответствием об'ективной действительности[1]. Поэтому лучшей критикой Плехановской схемы явится критика той фактической основы, которой он, скажем, предваряя дальнейшее, безуспешно пытается ее подпереть.

Приступим прежде всего к уяснению себе той комбинации причин и условий, которая своим воздействием на русский исторический процесс толкнула его в сторону создания на восточно-европейской равнине *азиатского* строя общественных отношений.

Плеханов не делает из этого тайны и уже с первых строк своей работы знакомит с нею читателя. «Анализ географической обстановки... — пишет он, — привел меня к тому заключению, что под ее влиянием рост производительных сил русского народа происходил очень медленно сравнительно с тем, что мы видим у более счастливых народов Западной Европы». И дальше: «В свою очередь, анализ исторической обстановки показал мне, что она долго усиливала эти обусловленные географической средой особенности...». Таковы общие и, можно сказать, генеральные причины, под воздействием которых «в течение довольно продолжительной эпохи Русь по характеру своего социально-политического строя все более и более удалялась от Запада и сближалась с Востоком»[2].

---

[1] Для марксиста одним из важнейших критериев всякой теории является ее соответствие известным, a priori для данного исследования правильным «догмам» методологии. Но, конечно, «последним» критерием является только указанный в тексте.

[2] Предисловие, стр. 3—4.

Что можно сказать по поводу приведенных соображений? Прежде всего нам представляется целесообразным отметить, что они отнюдь не являются оригинальными. Плеханову не зачем было самостоятельно «анализировать» географическую обстановку и историческую среду, чтобы притти к выводу об их неблагоприятном влиянии на развитие нашего отечества. Для того, чтобы сделать указанный вывод, нашему автору достаточно было заглянуть в писания одного историка, достаточно известного вообще, а Плеханову в особенности. Мы имеем ввиду С. М. Соловьева.

«Природа—писал этот историк, строя свою антитезу,—для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать—мачеха». Однако Соловьев не ограничивался констатацией неблагоприятных условий естественно-географической подкладки русской истории. Столь же, а быть может еще более, энергично отмечал он и те препятствия, которые ставились «полнокровному» развитию Руси ее историческим окружением. Соседство с «азиатами», обусловленное пограничным положением России, а затем и оборона от «латинства»,—таковы основные мотивы исторической схемы Соловьева, оказавшей могущественное влияние на всю последующую историографию [1]. Что от этого влияния не ушел и Плеханов—этого, после сделанного сопоставления, нельзя не видеть. Ведь совершенно очевидно, что приведенные соображения Плеханова представляют собой не что иное, как парафраз соответственных мыслей Соловьева.

Отнюдь не ново и то сближение, которое Плеханов на анализе географической и исторической обстановки нашего развития проводит между историей России и ходом развития Востока, хотя, конечно, заранее оговоримся, никто до него не подчеркивал так сильно этого момента, не пытался на нем построить все понимание исторического процесса и, главное, не вкладывал в него того смысла и содержания, как это сделал Плеханов.

Возьмем такого историка, как Костомаров, который не мог не быть известным нашему автору. «Татарское завоевание—писал Костомаров—совершенно сбило Русь с той, хотя и своеобразной, но по духу истории все-таки средневековой европейской дороги, по которой она шла до половины XIII века» [2].

Куда же «сбило» татарское завоевание Русь, шедшую по «европейской дороге»? Варварство было и до татарской Руси,—отвечает Костомаров,—«но это было варварство европейское, тогда как, после татарского завоевания, Русь погрузилась в варварство азиатское» [3]. Соответственно этому ходу развития Московской Руси трансформировалась и власть московского князя. После падения власти хана,—говорит наш историк-федералист,—московские князья «последовали за тем образцом, который был им близок от отца и деда, за образцом восточного деспота» [4].

---

[1] См. «Сочинения С. М. Соловьева»,—1882 г.

[2] Собр. соч., кн. V, т. XIII, стр. 500. Разрядка наша.

[3] Там же, курсив наш.

[4] Там же, курсив наш. В этой связи отметим, что в своих статьях, посвященных английской внешней политике, Маркс, давая беглый очерк исторического разви-

Повторим еще раз. Не может быть и речи о тождестве приведенных мыслей Костомарова и Соловьева с аналогичными писаниями Плеханова. Но отсутствие тождества еще не исключает известного сходства. А поскольку последнее имеется, поскольку после сказанного несомненна связь разбираемой нами важнейшей стороны плехановской схемы с предшествующей историографией, постольку мы считали необходимым ее не только отметить, но и подчеркнуть.

А теперь несколько замечаний по существу.

Верно ли, что под влиянием географической обстановки нашего исторического процесса «рост производительных сил русского народа происходил очень медленно сравнительно с тем, что мы видели у более счастливых в этом отношении народов Западной Европы»? С этим положением, выставленным в такой общей форме, мы позволим себе не согласиться.

Прежде всего методологически недопустимо брать за одни скобки все народы Западной Европы. На этот счет поучительную мысль мы находим у самого Плеханова. «Сравнивая Россию с Западом Европы, надо помнить,—говорит он,—что и на Западе ход развития социально-политических отношений, совершался не всегда одинаково в различных странах. Одно дело Франция, а другое дело, например, Пруссия. Социально-политические отношения Пруссии развивались подчас в порядке, который может показаться «обратным» сравнительно с тем, какой имел место во Франции[1]. Все это, как нельзя более верно, как верно и то, что об этом «надо помнить». К сожалению, именно это забывает Плеханов на протяжении всего своего исторического анализа. Сплошное противопоставление географических условий развития Западной Европы географической обстановке северо-восточной России не выдерживает критики и не соответствует общеизвестным фактам.

Второе возражение, которое мы собираемся сделать приведенному аргументу Плеханова, заключается в напоминании того элементарного для марксиста положения, что сама-то «географическая обстановка» является фактором в высшей степени переменным. Окружающая данный народ естественно-географическая среда «не есть вовсе какая-то непосредственная от века данная, всегда самой себе равная вещь, а продукт промышленности и общественного состояния» (Маркс). Иллюстрацией этого положения может служить история человечества.

Что рост производительных сил русского народа происходил в общем медленно—здесь Плеханов прав. Но этот общий замедленный темп развития сам имел в различные эпохи различный темп: конец XV—первая половина

тия России, в значительной степени усваивает точку зрения Костомарова, с его подчеркнутой «татаризацией» русской истории.

«...Не в славном варварстве норманнской эпохи—писал он,—а в кровавом болоте монгольского рабства приходится искать колыбель Московии. А современная Россия ведь только метаморфоза былой Московии». См. интересную книжку Рязанова «Анго-русские отношения в оценке К. Маркса». Петр., 1918 г.

[1] «Введение», стр. 11. Разрядка автора.

XVI в.в. и вторая половина XVI в.—начало XVII, 70—80-е г.г. XIX века и 90-е годы этого же века. И в том и в другом случае, т.-е. и при замедлении и при ускорении темпа развития производительных сил, дело было не просто в «географии», а в целом комплексе экономических и социально-политических причин. Это, во-первых. Во-вторых, если мы и решаемся утверждать в общем медленный ход развития производительных сил России, то это не по отношению ко всем странам Западной Европы, а только по отношению к ее передовым странам, в первую очередь Англии и Франции. Но и здесь было бы смешно сводить различие в темпе к различию одной географической обстановки [1].

Однако Плеханов не ограничивается простым утверждением неблагоприятности географической среды русской истории. Преувеличенно резко подчеркнув также и неблагоприятность ее исторического окружения, он на этом основании делает вывод первостепенной важности: «Русь по характеру своего политического строя все более удалялась от Запада и сближалась с Востоком».

Оставим в стороне наши разногласия с автором по вопросу о степени и характере влияния географической среды и исторической обстановки на наше общественное развитие. Согласимся с тем, что и та и другая были крайне неблагоприятны и должны были в очень сильной степени замедлить развитие производительных сил. Но можно ли, даже в этом случае, сделать тот вывод, который, как мы видели, с легким сердцем делает Плеханов. Можно ли, даже признав вслед за Плехановым крайне медленный рост производительных сил в истории нашего отечества, согласиться с тем, что поэтому оно развивалось по типу восточных азиатских деспотий. Или иначе говоря: почему из первого (относительной медленности развития) неизбежно следует второе (развитие по типу азиатских деспотий)? Нам кажется, что это ни откуда не следует и что, следовательно, Плеханов совершает грубейшую логическую ошибку, когда делает указанный вывод, который, как нетрудно заметить, гораздо шире, чем лежащие в его основе посылки.

Только в одном случае был бы прав Плеханов. Это тогда, если бы было доказано, что своим складом общественных отношений, а, следовательно, и своей политической системой, восточные азиатские «общества» обязаны неблагоприятному сочетанию географических условий и исторической обстановки, замедливших темп развития их производительных сил. Но этого не только нельзя доказать, но с большим правом можно утверждать, что в общем и целом и географические условия и исторические обстоятельства были благоприятны для развития древних деспотий Востока [2]. Если же они развивались именно в этом, а не в каком-нибудь другом направлении, то это происходило благодаря тому особому, специфическому типу раз-

---

[1] Одна и та же географическая обстановка не помешала Италии, после самого раннего в Европе расцвета, впасть с XVI века в самый длительный упадок. То же самое можно сказать и об Испании, которая на протяжении буквально одного столетия претерпела превращение из «счастливой Испании» в Испанию разоренную.

[2] Ряд замечаний в этом направлении можно найти и у самого Плеханова. К примеру, стр. 87, также т. VII, ст. «О книге Л. И. Мечникова».

вития производительных сил—и вырастающей на его основе экономической структуре,—который Маркс счел нужным выделить, как самостоятельную «эпоху экономического формирования общества» и обозначил его термином «азиатский способ производства» [1]. Последнее замечание вводит нас в существо ошибки Плеханова и позволяет подвести итог затронутым вопросам.

Общеизвестно, что исторический процесс складывается из взаимодействия трех основных факторов: географической обстановки, в рамках которой он протекает, развития производительных сил, тип и уровень которых составляет его движущую причину и дает ему качественную характеристику исторической обстановки, понимая под последней сумму связей, а, следовательно, и влияний со стороны других исторических народов. Однако, хотя исторический процесс и является результатом взаимодействия указанных факторов, хотя са́ми по себе последние, действительно, являются «основными», они играют далеко не одинаковую роль. И в этом вся суть.

Основой исторического процесса является второй член указанной нами формулы. Он детерминирует, в последнем счете, относительное значение и роль двух крайних членов формулы, в свою очередь испытывая их влияние. «Один и тот же экономический базис—говорит Маркс,—один и тот же со стороны главных условий—благодаря бесконечным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.—может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств [2].

Все это весьма простые и элементарные с точки зрения марксизма вещи. Немало прекрасных страниц на эту тему написано и самим Плехановым. И, однако, нам пришлось об этом так обстоятельно говорить потому, что в забвении этих элементарных вещей, корень ошибок Плеханова в его исследовании русского исторического процесса. В своем анализе Плеханов упустил малость: выяснение развития производительных сил на северо-восточной равнине [3]. Вместо этого центром тяжести своего анализа Плеханов сделал разбор географических и внешне-исторических условий развития, т.-е. говоря словами Маркса, вместо анализа экономического базиса со стороны его главных условий, он пытается построить свое понимание русского исторического процесса на анализе «бесконечных эмпирических обстоятельств», которые сами по себе, оторванные от «экономического базиса», выросли у Плеханова в какие-то абсолютные сущности, целиком и полностью определившие ход и направление нашего исторического развития.

Эту коренную методологическую ошибку Плеханова, выразившуюся в забвении им «азбуки марксизма», которая привела его к совершенно неверному пониманию хода русской истории вообще и ее отдельных деталей,

[1] «В общих чертах можно наметить, как прогрессивные эпохи экономического формирования общества: азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства». Предисловие «К критике и т. д.», стр. XIV.

[2] «Капитал», т. III, ч. II, стр. 328.

[3] «Производство является в последнем счете решающим»—говорит Энгельс. «Письма. К. Маркс и Ф. Энгельс», стр. 307.

в частности, в свое время очень метко и остроумно вскрыл М. Н. Покровский. «О развитии производительных сил России читатель от него (Г. В. Плеханова) ничего не узнает, если не считать беглых попутных замечаний по поводу «поистине замечательного труда» В. А. Келтуялы... Тенденция—подальше от экономики, поближе к политике—чувствуется все определеннее. Скоро она окончательно берет верх. Ни мало не смущаясь фактом, что «производительные силы» попрежнему для него и его читателя остаются иксом, Плеханов все свое внимание сосредоточивает на вопросах: какие политические причины задерживали развитие этого икса и какие политические последствия эта задержка имела» [1].

II

До сих пор мы находились в пределах исторической «алгебры» Плеханова. Теперь нам необходимо перейти к его исторической «арифметике», в которой отвлеченные формулы получают свое конкретное выражение и расшифровку. Мы уже знаем, что «алгебраическая» формула Плеханова неверна, как знаем и в чем ее коренной из'ян. Нетрудно предвидеть, что от «арифметического» раскрытия она не станет правильной. И это даже в том случае, если предположить, что Плеханов будет правильно подставлять под алгебраические «знаки» определенные арифметические «величины». К сожалению, и здесь Плеханов оказывается не на высоте своей задачи.

Чтобы не слишком расширять рамки статьи, мы оставляем в стороне взгляды Плеханова относящиеся к Киевской Руси, затрагивая их лишь в той мере, в какой это потребуется ходом изложения. Начнем непосредственно с Руси Московской и попытаемся выяснить тот переплет и взаимодействие географических и исторических факторов, которые, как нам известно, привели к столь необычному результату — «азиатизации» всего строя наших общественных отношений.

Указав, что «в конце-концов, кочевники, в лице татар, совсем остановили развитие юго-западной Руси и вызвали передвижение центра тяжести русской исторической жизни на северо-восток»..., Плеханов переходит к анализу той новой обстановки, в рамках которой с этих пор развивалась русская историческая жизнь. Как и следует, этот анализ он начинает с анализа экономики. Однако анализ последней Плеханов ведет с несколько неожиданного конца: главное, что его занимает, это выяснение тяжести расходов по выполнению государством его общественно-политических функций, которую несло колонизировавшее северо-восток население.

В Киевской Руси, по мнению Плеханова, «необходимость торговли определилась общественной функцией князя...». Это странно звучащее в устах марксиста утверждение должно означать, что в Киевской Руси расходы по выполнению князем «общественно-полезных» функций покрывались торговлей. А так как источником последней являлись, главным образом, продукты охоты и лесных промыслов, т.-е., как говорит Плеханов, «побочных и

---

[1] «Марксизм и особенности исторического развития России», стр. 13.

второстепенных отраслей народного труда», то издержки государственного управления не были столь ощутительны для населения юго-западной Руси.

Иначе, и во всех отношениях к худшему, складывалось положение дел на северо-востоке. Здесь торговля потеряла то значение, которое она имела на пути «из Варяг в Греки»; почти исключительным занятием населения стало земледелие. «Прогресс это или регресс?» спрашивает Плеханов. И отвечает: «Вообще говоря, это—несомненнейший шаг вперед. Земледельческий труд много производительнее охотничьего». Однако пусть не спешит читатель делать свои заключения. Это только «вообще говоря». Говоря же в частности о северо-восточной Руси, мы узнаем, что в ней земледельческий труд был менее производительным, чем на юго-западе. И это потому, что п о ч в а «на северо-востоке была не так плодотворна, как на юго-западе» [1].

Сводя воедино все рассуждения Плеханова по этому вопросу, мы получаем любопытную цепочку умозаключений. Отлив населения в Суздальскую, а затем и Московскую Русь, ставит его в новые, отличные от юго-запада условия, которые выражаются: 1) в возросшем преобладании земледельческого труда над другими видами народно-хозяйственной деятельности, 2) в падении торговли, 3) в отходе на задний план охоты и лесных промыслов, 4) в падении производительности, благодаря скверным почвенным условиям возросшего в своем значении земледельческого труда. Совокупность этих перемен приводит, по мнению Плеханова, к относительному падению прибавочного продукта. И так как расходы по содержанию аппарата государственного управления не только не уменьшились, но даже возросли, то следствием этого явилось то, что «бóльшая чем прежде часть прибавочного труда земледельца должна была отбираться от него на покрытие государственных расходов».

Его итоговое обобщение гласит: «н о в ы е г е о г р а ф и ч е с к и е у с л о в и я в ы н у д и л и (обращаем внимание на этот оборот. *Э. Г.*) государство пред'являть земледельцу требования более тяжелые, нежели те, которые оно пред'являло ему в южной Руси. А чтобы обеспечить себе исполнение этих требований, ему нужно было увеличить размеры своей непосредственной власти над населением. История этого населения в бассейне Волги есть процесс постепенного закрепощения его государством» [2]. Прежде, чем перейти к разбору этого положения, остановим внимание читателя на одной интересной черте во всех приведенных нами рассуждениях Плеханова.

Что в них поражает прежде всего, так это то, что здесь исчезают совершенно или, в лучшем случае, фигурируют в виде бледной тени э к о н о м и к а и к л а с с о в а я б о р ь б а. Почему погибла Киевская Русь? Быть может, не последнюю роль в причинах гибели сыграли сами князья, ходившие в «полюдье» и разорявшие постоянными усобицами население, не брезгая даже помощью половцев, князья, облагавшие непосильными данями и вирами подвластных им смердов [3], постепенная экспроприация и закабаление бояр-

[1] Стр. 63.

[2] Стр. 64. Разрядка наша.

[3] Выразительной иллюстрацией к этой мысли может служить следующая справка: «Из 83 походов Владимира Мономаха, гордившегося своей гуманностью, только

ством самостоятельных земледельцев и организация на этой основе крупных рабовладельческих хозяйств, широкий рост ростовщического капитала, паразитического по своей природе, и т. д. Наконец, не малое значение в запустении Киевской Руси задолго до татар должно было иметь и изменение торговых путей, переместившее с XIII века центр торговой деятельности в Новгород и Балтику.

Ничего этого не хочет видеть и знать Плеханов, хотя он сам же, например, замечает, что смерды бежали с плодородного юга в волжско-окский бассейн, спасаясь от боярской эксплоатации. Он прямо загипнотизирован «многовековым натиском кочевников» и даже упрекает Ключевского в том, что тот недостаточно понял всю важность «борьбы со степным кочевником, половчином, злым татарином». Вместо того, чтобы вскрыть внутренние противоречия и классовые антагонизмы, раздиравшие хозяйственный строй Киевской Руси, вместо того, чтобы показать ее неспособность к прогрессивному экономическому развитию и, следовательно, всю эфемерность ее блестящего, но кратковременного расцвета,—вместо всего этого Плеханов ограничивается констатацией натиска степных кочевников и из этого немаловажного, но все же не решающего и в известном смысле «внешнего» для Киевской Руси факта пытается вывести законченное об'яснение причин запустения и гибели южно-русских княжеств. Что этот метод исследования исторических явлений бесконечно далек от марксизма—этого доказывать не приходится [1].

Вернемся, однако, к Московской Руси. Мы видели, как легко и просто разрешил Плеханов вопрос о причинах закрепощения крестьянства. В русской историографии этот вопрос, являющийся одним из важнейших, вызвал громадную литературу, в которой страстно и ожесточенно боролись различные, зачастую диаметрально-противоположные точки зрения.

Плеханов с плеча разрубает этот «Гордиев узел». Русское крестьянство закрепостили географические условия, верхне-волжский суглинок, мало-пригодный для интенсивного и устойчивого земледелия. И если русские крестьяне в продолжение столетий, начиная от XVI века и кончая XX, борясь всеми имевшимися в их распоряжении средствами против закабаления и его последствий, наносили жестокие удары помещикам и государству, в них видели своих классовых врагов, суб'ектов закрепощения,—то это, как раз'ясняет Плеханов, было простой ошибкой с их стороны, так как их «врагом» была «география» северо-восточной Руси, «вынудившая» государство к тяжелым мерам закрепощения.

Что эта «философия» от «географии», положенная Плехановым в основу своей теории крепостного права и хозяйства, попросту, выражаясь грубо,

---

20 имели отношение к половцам, а 63 были во имя чести княжеских интересов; и при восстановлении этой чести не было оставлено на территории враждебных князей «ни челядины, ни скотины». Н. Огановский, «Закономерность аграрной эволюции», т. II, стр. 58.

[1] «Взаимоотношения между различными народами зависят от того, насколько каждый из них развил свои производительные силы, разделение труда и внутренние сношения». Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. I, стр. 254.

высосана из пальца и не имеет отношения к исторической действительности, как она была, показывает, между прочим, он сам. На той же странице, откуда мы позаимствовали приведенную выше цитату, он пишет: «Правда, процесс этот (т.-е. процесс закрепощения—*Э. Г.*) на первых порах почти не заметен. В суздальской Руси первоначально положение крестьянина было, вообще говоря, лучше нежели в Киевской».

Вдумаемся в эту фразу. Если она верна, а она несомненно верна, если первое время,—а оно исчисляется столетиями,—процесс закрепощения почти не заметен, если положение крестьянина в результате перехода на северо-восток даже улучшилось,—то при чем здесь «географические условия»? Ведь последние, под влиянием общественно-трудового воздействия, не оставались неизменными, а изменились и, что самое важное, изменились к лучшему. Как раз в XVI столетии, когда процесс закрепощения протекает форсированным темпом, «географические условия» не помешали в высокой степени повысить производительность земледельческого труда, в частности, перейти к трехполью, что представляло собой значительный технико-экономический процесс[1]. И именно в этих условиях, когда влияние неблагоприятных сторон «географии» было не только ослаблено, но даже, развитием техники, преодолено, т.-е. именно тогда, когда казалось бы, по «философии» Плеханова должны были исчезнуть и все побудительные причины для закрепощения, только тогда они «рассудку вопреки, наперекор стихиям» и начинают действовать с особой силой и размахом, приводя через гражданскую войну Смутного времени к полному торжеству крепостнического строя общественных отношений.

Таким образом, одно простое сопоставление элементарных исторических фактов, материалы к чему даны самим Плехановым, до конца опрокидывает, как карточный домик, его теорию «географического» происхождения крепостного права. Заместив «историю» «географией», Плеханов, тем самым, закрыл себе дорогу к правильному пониманию действительных причин и условий закрепощения—этой важнейшей проблемы нашего исторического развития[2].

---

[1] Сошлемся на характеристику, данную исследователем сельскому хозяйству Моск. Руси как раз в этот период и относящуюся к центральной области (Замосковье): «Края этой области на сев.-западе и на юго-западе представляли из себя сплошной полукруг уездов с более или менее развитым земледелием, с преобладанием паровой зерновой системы; в середине лежали уезды, где господствовала переложная система земледелия; во многих из них, однако, еще в 60-х годах XVI века полевое хозяйство стояло не ниже, чем в соседних с ними окраинных уездах Центральной области». Н. Рожков. «Сельское хозяйство в XVI в.», стр. 67.

[2] Исходное положение плехановской схемы—ссылка на «географию»—имеет видимость «материалистического» положения. Какова однако «цена» этой видимости, видно из того, что до сходных обобщений возвышались еще некоторые русские помещики XVIII века. Так, один из депутатов «Екатерининской комиссии о сочинении нового уложения», некий Михаил Тонкович, рассуждая об особенностях и своеобразии русской истории, в связи с крайностями крепостного права, против которых он горячо выступал, развил следующие любопытные мысли: «Россия—говорил этот депутат от гусарских полков,—хотя и есть европейская держава, но обычаи ее, по свойству климата, в прежние времена были отличны от обычаев прочих европейских народов». А. Д. Градовский. Собр. сочинений, т. VII, стр. 223.

Второй момент, который заслуживает быть отмеченным в плехановской теории крепостного права,—это непомерное преувеличение им роли государства в этом процессе. Для большей ясности приведем соответствующую цитату. «Расходы по управлению страной и по ее самообороне,—повторяет Плеханов уже знакомые нам мысли,—больше не могли покрываться продажей продуктов охоты и лесных промыслов; эти важные функции общественной жизни должны были почти исключительно опереться на земледелие; стремясь обеспечить их исполнение, государство, как мы видели, вынуждено было постепенно ограничивать свободу земледельца, а, в конце концов, и совершенно закрепостить его...» [1].

Поразительная концепция, свидетельствующая всеми буквами о том, как далеко отошел Плеханов от «догмы»! Изобразить государство—эту специфику классового общества, форму движения, присущую ему только в силу неустранимости раздирающих его основы противоречий—в качестве какой-то сверхклассовой организации, «управляющей страной» и организующей ее «самооборону»,—это значит скатиться от марксистского анализа социально-исторических явлений к какому-то беззубому, пресному и плоскому либеральному шамканию в этом вопросе [2]. Сначала «география», а затем государство, как орган призванный, в интересах национального самосохранения, выполнить неустранимые «директивы» географической среды—такова простая и нехитрая теорийка, которой Плеханов об'ясняет «кардинальный факт нашей истории» [3].

Однако достоинство этой теории не исчерпывается ее простотой и ясностью. Она обладает и другим, быть может, более ценным для Плеханова плюсом. С ее помощью Плеханову уже сравнительно легко обосновать свою центральную идею—«азиатизации». Теория государственного происхождения крепостного права—закрепощения крестьян государством и для государства—известную возможность для этого дает. И Плеханов использует ее во-всю.

«Положение русского крестьянина—удовлетворенно пишет он в части выводов,—мало-по-малу сделалось очень похожим на положение крестьянина любой из великих восточных деспотий. С этой стороны Россия в течение целых столетий все более и более удалялась от европейского Запада и сближалась с Востоком». И еще: «Подневольный быт русского крестьянина стал, как две капли воды, похож на быт земледельца великих восточных деспотий» [4]. Таков заключительный аккорд, который Плеханов извлекает из

---

[1] В другом месте Плеханов выражается еще красочнее: «Чем больше закрепощались государству,—в лице государя,—все жители московской земли» и т. д. Стр. 197.

[2] Этот «момент» во взглядах Плеханова, в свое время, отметил Ленин. «Учения марксизма о государстве,—писал он,—бывший марксист Г. Плеханов совершенно не понял». Собр. сочин., т. XIV, ч. I, стр. 33.

[3] «Государство издавна закрепостило крестьянина,—писал он еще в 1892 году,—с весьма простой и понятной целью его эксплоатации». Собр. соч., т. III, стр. 358.

[4] Стр. 72. Справедливости ради отметим, что Плеханов видит и разницу в положении русского крестьянина и земледельца восточных деспотий. «Вся разница тут лишь в том, что у древних египтян на батоги употреблялось дерево другой породы, преимущественно пальма». Стр. 74.

своей теории закрепощения и который, как это будет видно, кладется им в основу его дальнейшей аргументации.

Мы не видим необходимости в подробном опровержении этих заключений. Достаточно сказать, что они, по меньшей мере, бездоказательны: закрепощение крестьян само по себе никак не может служить доказательством того, что наши общественные отношения развивались сходно со строем великих восточных деспотий. В противном случае, следуя этому правилу нашего автора, пришлось бы по «ведомству» тех же деспотий зачислить и все остальные страны западной Европы. В самом деле. Полемизируя с Генри Джорджем, который утверждал, что экспроприация массы населения есть великая и универсальная причина бедности и угнетения, Энгельс, возражая ему, писал: «Исторически это не вполне верно... В средние века не освобождение народа от земли, а напротив прикрепление его к земле было источником феодальной эксплоатации. Крестьянин сохранил свою землю, но был привязан к ней в качестве крепостного и был обязан платить землевладельцу трудом или продуктом»[1]. Это положение неоспоримо. Разумеется, в этом своем качестве оно было прекрасно известно и самому Плеханову. Вот почему, несомненно, несколько дальше, возвращаясь к вопросу о положении русского крестьянина, он чувствует потребность смягчить и ограничить свою формулировку.

«Ко времени Петровской реформы,—читаем у него,—в передовых странах европейского Запада быстро исчезали последние остатки крепостного права. Таким образом, мы имеем перед собой как бы два процесса, параллельных один другому, но направленных в обратные стороны: закрепощение крестьян доходит у нас до апогея в тот самый период, когда оно исчезает на Западе. Этим еще более увеличивается разница положения русского крестьянина с положением западного»[2]. Как видим, эта формулировка значительно отличается от приведенных выше. Увы, и она не способна укрепить шаткое положение нашего автора.

Заметим прежде всего, что Плеханов значительно преувеличивает быстроту ликвидации крепостного права на Западе. Говорить, что к концу XVII—началу XVIII столетия «последние остатки крепостного права» на Западе исчезли—это значит просто игнорировать действительные факты, имевшие место в истории даже «передовых стран европейского Запада», к примеру, хотя бы такой страны как Франция. Но именно то, что Плеханов почувствовал потребность сослаться в своей параллели только на «передовые страны», лучше всего разоблачает всю неосновательность его утверждений.

Признаем правоту его ссылки. Решает ли она интересующий нас вопрос? Ни в какой мере. Ведь за вычетом «передовых стран» остается еще значительное количество «стран», хотя и не принадлежавших к «передовым», но, несомненно, бывших странами «европейского Запада». И как раз в интересующий нас период в этих странах не только не было ликвидации крепост-

[1] В. И. Ленин, собр. соч., т. III, стр. 143.
[2] Стр. 118.

ного права, но даже, наоборот, имело место расширение и укрепление последнего. Такова, прежде всего, такая важная и значительная страна европейского Запада, как Германия.

По словам Энгельса, «В XV веке немецкий крестьянин, хотя и обязан был нести известные повинности продуктами и трудом, но вообще был почти повсюду, по крайней мере, фактически свободный человек. Немецкие колонисты Бранденбурга, Силезии и восточной Пруссии и юридически признавались свободными. Победа дворян в крестьянской войне положила этому конец. Не только побежденные крестьяне южной Германии снова сделались крепостными, но уже с половины XVI века свободные крестьяне восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании и Силезии, а вскоре и Шлезвиг-Гольштинии были низведены до положения крепостных» [1]. Цитированный отрывок для нас интересен еще и в том отношении, что он показывает поразительное сходство процессов закрепощения в Германии с теми же процессами в России. То, что в Германии сделало поражение крестьянской войны, то в России сделала победа дворянства над восставшим крестьянством в Смутное время.

Какими методами осуществлялся этот процесс закрепощения в Германии—представление об этом дают следующие факты. «В те именно времена,—говорит П. Кампфмейер,—появился термин «класть крестьян». Под этим словом народ подразумевал акт кастрации над жеребцом. Действительно, народный язык не мог найти более меткого слова для обозначения жестокого натиска юнкеров. Впоследствии стали говорить: «вести крестьян на убой» [2]. Зная это, можно смело сказать, что вряд ли у русского крестьянина могли быть серьезные побудительные причины завидовать участи своего германского собрата...

Однако Германия в этом отношении не представляла собою исключения. Аналогично события развивались и в истории нашей ближайшей соседки—и в то же время страны очень далекой, даже по мнению Плеханова, от развития по «азиатскому» образцу—Польши. По словам польского историка, «Холопы» уже раньше были связаны оковами права. «Генриховские артикулы» 1573 года утвердили полную власть господ над крестьянским населением, живущим в их имениях... Возникает крепостное право на крестьян... Владелец деревни, действительно, является в ней «королем», как часто сам он любил называть себя» [3]. Такого же рода факты могут быть в изобилии приведены и в отношении исторического развития земель Австрийской монархии, в отношении Венгрии, Румынии и т. д.

Что же, однако, означают все приведенные нами справки? Быть может то, что все перечисленные нами страны «Запада» развивались по типу

[1] «Капитал», т. I, стр. 215.

[2] «История современных общественных классов в Германии», стр. 101—102.

[3] Ст. Кутшеба. «Очерки истории общественно-государственного строя Польши». Стр. 141. Для полноты аналогии продолжим дальше приведенную цитату: «Единственным регулятивом оказывается возможность бегства, особенно на Восток, где постоянно нуждаются в рабочих руках для обработки громадных пространств, которые стали возделывать, главным образом, только с конца XVI столетия. И, наконец, еще можно было бежать к казакам». Сходство поразительное, за тем разве исключением, что польские крестьяне бежали на Восток, а русские—на Юго-Запад.

восточных деспотий? Но на подобного рода «обобщение» не рискнул бы и сам Плеханов. Тем меньше оснований для этого у нас. А это и значит, что глубоко ошибается Плеханов, когда на основании крестьянской «крепости» пытается отнести, в отличие от стран «Западной Европы», историческое развитие России к иному, восточно-азиатскому типу развития. Или, иначе говоря, разобранное нами утверждение Плеханова приходится отнести не за счет «из'яна» в русской истории, а за счет «из'яна» в исторических представлениях автора этого утверждения. Каждому свое: история не должна отвечать за погрешности историка...

Однако на этой второй по счету и более осторожной позиции Плеханов остается не всюду. Он чувствует потребность итти дальше, и эта потребность приводит его к третьей и самой осторожной формулировке различия между Западом и Россией, с одной стороны, сходства между последней и Востоком—с другой.

Мы уже приводили эту формулировку. Напомним ее теперь. «... Сравнивая общественно-политический строй Московского государства,—пишет Плеханов,—со строем западно-европейских стран, у нас получится следующий итог: государство это отличалось от западных тем, что закрепостило себе не только низший, земледельческий, но и высший, служилый класс, а от восточных, на которые оно очень походило с этой стороны...» и т. д. Итак, здесь Плеханов усматривает р а з л и ч и е общественного строя Москвы с общественным строем государства Запада не в закрепощении «низшего, земледельческого» класса—в этом он как раз видит теперь сходство,—а в закрепощении «высшего, служилого класса». Это же, т.-е. закрепощение высшего класса, создает и с х о д с т в о с восточными деспотиями.

Читатель согласится, что здесь перед нами иная постановка разбираемого вопроса. В ней центр тяжести передвинут по сравнению с прежними от положения крестьянства к положению дворянства. Закрепощение последнего—таково отличие России от Запада и в то же время в этом ее сходство с Востоком. Так, поновому, формулирует Плеханов старый вопрос. Новая постановка требует и нового разбора по существу. К этому, т.-е. к рассмотрению положения «высшего, служилого класса» в Московском государстве мы и приступим.

III

«Уже в половине XVI столетия—характеризует Плеханов положение высшего класса—служилое сословие оказывается совершенно закрепощенным государству, и это его закрепощение,—может быть, еще большее, нежели закрепощение крестьянства (sic!),—уподобляет общественно-политический строй Московской Руси строю великих восточных деспотий» [1]. В этой цитате перед нами ц е н т р а л ь н о е з в е н о исторической схемы Плеханова. Если она верна, если служилый класс действительно был закреплощен в Московской Руси, оставляя даже в стороне степень этого закрепощения,—тогда, вслед за нашим автором, придется признать, что социально-политический

[1] Стр. 78.

строй Московии резко отличался от строя общественных отношений Запада, где подобного положения не было и, действительно, значительно сближался и даже «уподоблялся строю великих восточных деспотий», в которых сходное положение имело место. Но верна ли приведенная цитата? That is the question—в этом весь вопрос.

Прежде чем перейти к рассмотрению того, как справляется наш автор с поставленным перед ним вопросом, целесообразно будет сказать несколько слов по поводу истории самого вопроса.

Быть может, ни в каком другом вопросе зависимость русской историографии от идей «государственной» школы не сказалась так сильно, как именно в этом. Можно назвать немало историков, которые по вопросу о закрепощении крестьян становились на противоположную этой школе точку зрения. Но по вопросу о закрепощении служилого сословия в рядах историков, за единичными исключениями, царило полное единодушие. До каких нелепостей доходили при этом некоторые, из них видно на примере проф. Владимирского-Буданова. Этот ученый, исходя из теории закрепощения дворянства, пришел к выводу о том, что «Московское государство есть государство бессословное»[1]. Несмотря на всю свою вздорность, это положение представляет собою не что иное, как доведение до логического конца основных положений «государственной» школы. Даже Рожков—автор далекий от «государственников»—в этом вопросе целиком оказался в плену их взглядов[2]. Наконец, для полноты картины, укажем, что еще большим фавором теория государственного закрепощения дворянства пользовалась в публицистике, в том числе и неофициозной[3].

Таким образом, все сказанное выше с несомненностью устанавливает зависимость Плеханова от предшествующей историографии. Перейдем теперь к его доказательствам по существу.

«Мы знаем,—говорит он,—положение русского крестьянина мало-помалу сделалось очень похожим на положение крестьянина любой из великих восточных деспотий... Но так как все общественно-политическое здание держалось в земледельческой России на широкой спине крестьянства, то и положение служилого класса не могло не приобрести в ней очень заметного восточного оттенка»[4]. Приведенная цитата показывает, что положение служилого класса Плеханов рассматривает в свете ранее сделанных им выводов по поводу положения крестьянства. Однако для характеристики поло-

[1] «Обзор истории русск. права», стр. 115.

[2] «История», т. IV, стр. 214—216. На этой же точке зрения стоял и Павлов-Сильванский в своей работе «Государевы служилые люди».

[3] Приведем мнение Витте на этот счет. «Все дворянское сословие—писал этот министериабельный публицист,—было закрепощено на службу государству, точно так же, как были закрепощены на службу эту и два другие сословия». См. Витте «Самодержавие и земство», стр. 57. Небезызвестный барон Гакстгаузен, в увлечении российской «самобытностью», так оценивал наше дворянство: «Русское дворянство не сельское дворянство и никогда, кажется, им не было; оно не имело donjons, оно не проходило через эпоху военного рыцарства, оно всегда служило при дворе, в войсках или администрации».

[4] Стр. 77.

жения крестьянства наш автор пользуется не своей последней и даже не второй из разобранных нами формулировок. Он отправляется от первой, самой резкой и, как мы показали, самой неверной формулировки. Таким образом, если бы Плеханов ограничился для доказательства своей характеристики дворянства только соображениями, развитыми в приведенной цитате,— нам не пришлось бы даже ее опровергать. Однако Плеханов этим не ограничивается. Настроив своего читателя на «восточный лад», он переходит к другим, более полновесным аргументам.

Для большей убедительности своих доказательств Плеханов сравнивает положение высшего класса в России с положением этого же класса во Франции и Польше, с одной стороны, в Халдее и Персии—с другой. Последуем за ним.

Главным моментом для сравнения наш автор избирает, и несомненно правильно, отношения между главою государства и служилым классом в связи с их отношением к землевладению. «Держатели стремятся сделать свои земли наследственными; государь противится этому. Там, где более сильными оказываются держатели, они обеспечивают себе наследственность ленов, и на этой социальной основе расцветают политические «учреждения независимости». Так было, например, во Франции, так было и в Польше» [1]...

«Не то мы видим в северо-восточной Руси»,—продолжает Плеханов и сразу обращается к излюбленному приему: сравнению с восточными деспотиями.

«...В них держателям земли, несмотря на их усилия, не удалось обратить лены в свою наследственную собственность. Государи не только в принципе сохранили верховное право на землю, но и на практике постоянно пользовались им» [2]. Таково было положение в Халдее и Персии, которых для иллюстрации своей мысли привлекает Плеханов.

Сходно с последними складывались отношения в Московской Руси. «...В Московской Руси—сообщает нам Плеханов,—имение служилого человека всегда могло быть «отписано на государя». Вообще, вотчинное землевладение все больше и больше отступало там перед поместным. И чем больше оно отступало перед ним, тем больше возрастала зависимость служилого сословия от князя, тем больше прежние вольные люди превращались в «холопей». И дальше: «Чем крепче связывалось землевладение с обязательной службой, тем больше крепла зависимость служилого человека от верховной власти, и тем полнее становилась сама эта власть» [3].

Для большей ясности приведем еще одну выдержку: «Подчиняя себе феодальное дворянство,—продолжает несколько дальше Плеханов,—французские короли не ограничивали его прав на землю и не принуждали его к службе. Поэтому возвышение монархии во Франции не означало закрепощения государству дворянского сословия... Наоборот, экономические условия Московской Руси настоятельно его требовали. Поэтому вотчинное землевладение и отступило у нас так далеко перед поместным. Поэтому отношение

[1] Стр. 78.
[2] Стр. 79—80.
[3] Там же.

служилого человека к князю вышло у нас так мало похожим на отношение французского дворянина к своему королю»[1].

Чтобы покончить с изложением взглядов Плеханова по этому вопросу, нам остается еще рассмотреть, как представляются ему хронологические рамки интересующего нас процесса.

«Историческое значение Грозного,—устанавливает автор отправный пункт,—в том и заключается, что он с помощью своей опричнины завершил превращение Московского государства в монархию восточного типа». В другом месте, характеризуя конечный пункт процесса, он пишет: «В течение столетия, следовавшего за Смутой, внутренние отношения Московского государства все более и более принимали тот характер, которым отличались великие восточные деспотии»[2]. Этими выписками мы закончим изложение взглядов Плеханова и перейдем к их критическому рассмотрению.

Однако предварительно мы должны обратить внимание читателя на одно соображение методологического свойства. До сих пор, опровергая те или иные положения нашего автора, мы обращались, главным образом, к сравнению общего хода нашего исторического развития с общим ходом исторического развития стран Запада. Устанавливая полный параллелизм и значительное сходство в этом ходе развития, мы, таким образом, в противоположность Плеханову с его теорией «азиатизации» нашего исторического процесса, устанавливали его вполне «европейский» характер. Это был вполне правомерный и достаточный для нашей цели метод. Теперь, однако, мы не можем ограничиться только этим. Самый характер аргументации Плеханова требует от нас другого. Нам необходимо теперь пойти дальше и глубже и опереться в критике цитированных нами положений не столько на аналогию с Западом, сколько на выяснение действительного характера развития восточных деспотий, сопоставив и, если окажется возможным, противопоставив ему действительный ход исторического развития России. Короче говоря, если прежде мы больше всего обращались к Западу, то теперь нам предстоит задача поближе присмотреться к Востоку.

Выше мы приводили замечание Маркса о преемственности «эпох экономического формирования общества» и видели, что на первое место Маркс ставит «азиатский способ производства». Теперь нам необходимо выяснить, что, собственно, следует понимать под «азиатским способом производства». В общих чертах—а этого вполне достаточно для нашей цели—мы сможем получить необходимые раз'яснения у самого же Маркса, а также у Энгельса.

Делясь с последним своими впечатлениями по поводу книги Франсуа Бернье, который утверждал, что на Востоке «властитель является единственным собственником всех земель государства», Маркс писал: «Основу всех земельных порядков на Востоке (Бернье говорит о Турции, Персии, Индостане) он совершенно правильно видит в том, что там нет частной земельной собственности. Вот настоящий

[1] Стр. 82—84.
[2] Стр. 193 и 246.

ключ даже к восточному небу»[1]. Как отнесся к этой мысли Энгельс? Он целиком солидаризовался с Марксом. «Отсутствие земельной собственности—отвечал он,—является на самом деле ключом к Востоку. В этом заключается вся политическая и религиозная история»[2].

Уже значительно позже возвращаясь к этому вопросу, Маркс в III томе «Капитала» снова подчеркивает тот же момент: «...Не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им (непосредственным производителям—Э. Г.), как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена...»[3]. Еще более заостряет этот момент, характеризующий земельные отношения Востока, Энгельс в своем «Анти-Дюринге». «На всем Востоке,—читаем у него,—где земельным собственником является община или государство, нет в туземных языках даже и слова «частный собственник»... Английские юристы «так же тщетно мучились в Индии над вопросом, «кто здесь земельный собственник?», как блаженной памяти принц Генрих LXXII von Reuss-Greiz—Schleits-Lobenstein—Eberswalde—над вопросом «кто здесь городовой?». Только турки ввели на Востоке в завоеванных ими странах подобие землевладельческого феодализма»[4].

Вывод из этих положений ясен: отсутствие частной земельной собственности, своеобразная национализация земли—таковы специфические черты, характеризующие общественный строй азиатских обществ. Но какова же была реальная производственная база этих обществ, или, формулируя тот же вопрос словами Энгельса, «Почему восточные общества не дошли до земельной собственности, не дошли даже до феодальной собственности?» Ответ, который дает на этот вопрос Энгельс, сводится к указанию на два следующих обстоятельства: «1) общественные сооружения—дело центрального правительства; 2) наряду с этим все государство, если не считать немногих крупных городов, распадается на деревенские общины, являющиеся совершенно самостоятельными единицами»[5].

На основе этого производственного базиса—существования хозяйственно-изолированных, автаркических общин, всецело зависящих от правильного регулирования сложных систем коллективного водопользования, и воздвигались, сменяя одна другую, но не разрушая этой своей основы, великие восточные деспотии.

Военный момент играл в их образовании и развитии не последнюю роль. Так, исследователь, к авторитету которого часто прибегает Плеханов, Ж. Масперо характеризует их следующим образом: «Существование восточных монархий обусловливалось всегда беспрестанными войнами и беспрестанными победами. Они не могут ни ограничиться определенной тер-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, «Письма», стр. 65. Курсив Маркса. Речь идет о книге Бернье «Путешествия, содержащие описание владений Великого Могола».

[2] Там же, стр. 65.

[3] «Капитал», т. III, ч. II, стр. 327.

[4] Стр. 117. Фактический материал к этому положению в большом количестве можно найти у Розы Люксембург. «Накопление капитала», гл. XXVII.

[5] «Письма», стр. 180. Также «Летописи Марксизма» кн. IV, К. Маркс, «Письма об Индии» с предисловием Д. Б. Рязанова.

риторией, ни оставаться в оборонительном положении. С прекращением расширения границ начинается их распадение: теряя свой завоевательный характер, они перестают существовать»[1]. Однако, насильственно подчиняя своей власти различные народы, относясь к ним, в значительной степени, внешне, восточные монархии всегда заботились и поддерживали различные системы искусственного орошения, составлявшие первооснову земледелия. «Первобытные индусские раджи, афганистанские или монгольские завоеватели, суровые подчас для отдельных личностей, отметили... свое господство теми удивительными сооружениями, которые еще теперь попадаются на каждом шагу и кажутся делом расы гигантов...»[2].

Таковы основные факты, которые дают нам ясное представление об азиатском способе производства и о той политической надстройке,—«застойном азиатском деспотизме»—которая неизменно вырастала на этой основе. Теперь вернемся к России и посмотрим, в какой степени существовали в ее историческом развитии условия и предпосылки, анологичные тем, которые характеризуют азиатские общества.

Что в России отсутствовала такая важнейшая предпосылка для образования восточной деспотии, как необходимость искусственного водоснабжения—это настолько ясно, что об этом и говорить не следует[3]. Гораздо менее ясен вопрос о характере нашей общины. Не собираясь здесь заниматься исследованием этого вопроса, укажем, что, в отличие от естественно-выросших и застывших в своем хозяйственном самодовлении общин Востока, наша русская община, уже с XII, а особенно с XII—XIV в.в., подвергается процессу широкого обояривания и окняжения, который превращает наши общины, за исключением Севера, во владельческие общины, включаемые с этой стороны в хозяйственную и политическую систему феодализма и разделяющие с этого времени его судьбы. Таким образом, можно утверждать, что русская община развивалась по пути, более сходному с германской маркой, чем с индусской общиной, хотя результат ее развития—уравнительно-передельные формы землепользования—отличен и от первой. Какого бы, однако, мнения ни придерживаться относительно характера нашей общины, одно не может быть оспорено: к концу XVI века черные земли почти исчезли в центральных областях Московского государства. По замечанию Готье, «Убыль их стояла в прямой связи с ростом дворянского землевладения; она была ему прямо пропорциональна»[4]. Таким образом, в коренном отличии от строя азиатских деспотий, где непосредственные производители были закрепощены самому государю, как единственному собственнику всех находившихся в государстве земель, в Московской Руси между крестьянскими общинами и государством все в возрастающей степени становились служилые люди.

[1] «Древняя история народов Востока», стр. 640. Разрядка моя.

[2] М. Ковалевский. «Общинное землевладение», стр. 164.

[3] См. об этом замечание Плеханова, стр. 77.

[4] «Очерк истории землевладения в России», стр. 79. Эту связь легко видеть и в том обстоятельстве, что черные земли сохранились в Московском царстве, главным образом, на далеком Севере, т.-е. как раз там, где не возникло дворянское землевладение. Наоборот, в колонизируемых областях вовсе не образовалось черных земель.

Последнее соображение вводит нас в самое существо вопроса: чтобы окончательно разделаться с теорией Плеханова, необходимо разобрать вопрос о положении служилого класса, об его отношении, через соответствующие формы землепользования, к государству, с одной стороны, к крестьянству—с другой.

Строго говоря, тот факт, что в России не было отмеченных нами только что условий для возникновения азиатского способа производства, предрешает и вопрос о формах собственности, которые, как это ясно, являются моментом зависимым. Однако, поскольку утверждение отсутствия в Московской Руси частной земельной собственности и признание в ней своеобразной национализации составляет основу основ аргументации Плеханова,—мы вынуждены уделить разбору этого мнения некоторое время.

Переходя к этому, мы приглашаем читателя прежде всего вспомнить приведенные выше цитаты Плеханова. В первой из них речь идет о борьбе между держателями земель и государями, которая на Западе привела к победе держателей и к превращению их ленов в наследственные. Во второй—речь идет о Востоке, где, в согласии со всем сказанным нами об азиатском обществе, держателям не удалось добиться превращения ленов в наследственную собственность, что и поставило их в зависимое положение от государей. Какой характер имел этот процесс в России и к каким результатам он привел?

Превращение ленов в наследственную собственность шло у нас иным путем, чем на Западе. Но содержание этого процесса феодализации, как и его конечный результат, были у нас во всем одинаковы с Западом. То, что на Западе сделала узурпация суверенных прав графами-управителями и крупнейшими землевладельцами, то у нас сделали разделы, дробившие путем наследственной передачи крупные уделы на мелкие и мельчайшие княжества. Различна была форма этого процесса, существо же осталось то же: разделение страны (после Всеволода III) на мелкие самостоятельные, хозяйственно-обособленные мирки с суверенными правителями, князьями-вотчинниками во главе. Но, помимо указанного «окняжения» земли, параллельно с ним у нас происходил в широких размерах и процесс ее «обоярения». В какие формы отливалось это последнее, видно из следующего замечания Павлова-Сильванского: «Господствующим типом боярского землевладения было землевладение вотчинное» [1].

Естественно, что на этой основе у нас в удельный период расцветали такие же политические «учреждения независимости», как и на Западе. Умирающему Дмитрию Донскому летопись приписывает следующие слова, обращенные к детям: «Бояры своя любите, честь им достойную воздавайте противу служений их, без воля (думы) их ничтоже не творите». К самим же боярам он обратился в следующих выражениях: «Вы же не нарекостеся у меня бояре, но князи земли моей» [2]. Что это не было просто риторической фразой, образцом великокняжеского красноречия, показывает следующий пример. Когда

[1] «Феодализм в удельной Руси», стр. 389.

[2] М. Дьяконов. «Очерки общ. и госуд. строя древн. Руси», стр. 315.

Галичский князь Юрий, имевший право на Московский великокняжеский престол по завещанию Дмитрия Донского, занял Москву, вопреки воле бояр, посадивших на великое княжение Василия, то получилось следующее: «Держаться в Москве оказалось трудно: Московские бояре и служилые люди начали от'езжать к Коломне... В конце-концов, Юрий, которого даже дети оставили, с'ехал из Москвы в свой Галич и помирился с Василием». Аналогичная судьба постигла позже и его сына Дмитрия Шемяку[1].

Подводя итог сказанному, мы, вопреки Плеханову, можем утверждать, что наше развитие в период уделов проходило по существу аналогично с западно-европейским развитием соответствующей эпохи и ничего общего не имело с азиатским строем отношений, где, как это нам известно, держателям не удалось обратить лена в наследственную собственность, т.-е. не создалась даже феодальная собственность.

Перейдем теперь к последней части приведенных выше соображений нашего автора. По мнению Плеханова, процесс ликвидации феодальных отношений происходил у нас совсем не так, как на Западе: вотчина отступила перед поместьем, частная собственность уступила место условному владению, и это—через закрепощение высшего служилого сословия—привело к азиатскому строю общественных отношений. Таким образом, ходом аргументации Плеханова мы вынуждены от рассмотрения отношений периода феодализма перейти к рассмотрению тех отношений, которые сложились в Московской Руси на почве его гибели.

В истории большинства европейских стран XVI веку принадлежит громадная роль, которую легче недооценить, чем переоценить.

На протяжении этого столетия торговый капитал—мощная революционизирующая сила позднего средневековья,—благодаря великим географическим открытиям, наносит особенно сокрушительные удары уже ранее разлагавшемуся натуральному строю хозяйственных отношений и выросшим на его основе политическим формам феодализма. Христофор Колумб, человек лучше всего понявший потребности своего времени, сумел лучше всего выразить и его дух. «Золото—писал он в 1503 г. с Ямайки,—чудесная вещь: ее обладатель—властитель всего, чего только пожелает. Золотом можно даже открыть путь в рай». Создается мировой рынок, хотя и с неустойчивым и перемещающимся внутри него разделением труда между отдельными странами.

Московская Русь не остается в стороне от этих процессов. Она принимает в них активное участие, в свою очередь, подвергаясь их усиленному воздействию.

Еще во второй половине XV века внешняя торговля Московской Руси направлена—что, вообще говоря, характерно для ранних форм торговли—на приобретение предметов роскоши и драгоценностей князьями и крупными землевладельцами. «Их духовные—замечает исследователь,—буквально на-

---

[1] «Русская история в очерках и статьях», под редакцией М. В. Довнар-Запольского, т. II, стр. 37.

полнены упоминаниями о предметах приобретенной ими роскоши»[1]. Однако уже с XVI века внешняя торговля расширяется и приобретает другой характер.

По словам Адама Смита, «в это время торговля значительной части Европы состояла в обмене сырого продукта одной страны на мануфактурные продукты страны, более передовой в промышленном отношении»[2]. В системе мирового рынка с этого времени и надолго Россия выступает, как поставщица различного сырья и необработанных продуктов и как потребительница промышленных товаров и фабрикатов более передовых стран. В XVI веке англичане вывозят из России кожи, масло, сало, воск, меха, ворвань, лен, пеньку и т. п. В Россию же ввозятся готовые промышленные продукты (английское сукно, хлопчатобумажные изделия, камка, гарус), драгоценные металлы (последние ввозились на значительные суммы в виду меркантилистической политики правительства), оружие и боевые припасы[3].

Мы сочли необходимым подчеркнуть этот характер внешнего товарооборота, так как он сыграл первостепенную роль в направлении исторического развития нашей страны: рост обрабатывающей промышленности был надолго задержан, ремесло осталось на низкой ступени развития и не подготовило необходимых предпосылок для централизованной мануфактуры, необычайного развития достиг торговый капитал, охвативший своим влиянием всю сферу народного хозяйства и оперировавший такими концентрированными массами продуктов, которые требовали организации крупных товаропроизводящих хозяйств[4]. Наконец, отмеченный характер внешнего обмена не мог не быть неблагоприятным для внутреннего производительного накопления страны.

Параллельно внешней и под ее влиянием усиленно развивалась и торговля внутренняя: с половины XVI века в писцовых книгах начинают все чаще встречаться и буквально мелькать описания отдельных торжков, местных рынков и ярмарок, иногда захватывавших своими оборотами значительную территорию[5].

Важным свидетельством для иллюстрации развития новых отношений являются данные об изменениях в характере владельческого оброка в XVI столетии. Не приводя их здесь, так как они общеизвестны, мы считаем небес-

---

[1] «Русская история в очерках и статьях», т. III, стр. 343. «Иван III всюду на Востоке скупал драгоценные камни и товары... узнав, что жена Менгли-Гирея владеет жемчужиной Тохтамыша, он не успокоился, пока не получил ее». Пышность двора Ивана III, которую историки наивно об'ясняют влиянием Софии Палеолог,— сама была одним из многочисленных, хотя и незначительным, следствием разложения натуральной идеологии.

[2] Цит. «Капитал», т. III, ч. I, стр. 317.

[3] См. И. Любименко. «История торговых сношений», стр. 78—89; Кулишер. «История русской торговли», стр. 134—136.

[4] «Там, где преобладает купеческий капитал,—говорит Маркс,—господствуют устаревшие отношения». Необходимость организации крупных товаропроизводящих хозяйств при сохранении устаревших отношений не могла привести ни к чему другому, как к крепостному хозяйству.

[5] Н. Рожков. «Историч. и социологич. очерки», ч. I. стр. 138.

полезным привести мнение Маркса о смысле этого явления. «Превращение ренты продуктами—говорит этот автор,—в денежную ренту предполагает уже сравнительно значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства, а вместе с тем и денежного обращения. Оно предполагает далее рыночную цену продуктов и что они продаются более или менее близко к своей стоимости, чего может и не быть при прежних формах» [1]. С незначительными оговорками, это вполне применимо к Московской Руси XVI века.

В том же направлении шло и развитие налоговой политики Московского правительства, которое не только значительно увеличило в течение XVI века размер податных обязательств, но и переводило их в денежную форму [2].

Наконец, «революция цен», столь характерная для Европы XVI века, имела место и в Московской Руси, лишний раз подчеркнув как установившуюся связь нашего народного хозяйства с Западом, так и значительную роль внутри него товарно-денежных отношений [3].

Вполне прав поэтому М. Н. Покровский, когда в одной из ранних своих работ он писал: «Триста лет тому назад мы догоняли Европу почти так же быстро, как теперь, и под влиянием того же импульса» [4].

Особенно ярко этот быстрый темп хозяйственного развития Московской Руси сказался в характере ее внешней политики. В XVI веке она получает четко выраженную окраску широкой торгово-капиталистической экспансии. Эту цель преследовали упорные и изнурительные Ливонские войны Грозного. «Еще во время осады Нарвы,—сообщает Г. Форстер,—шведские агенты писали Густаву Вазе, что московскому царю вовсе не дорога дань ливонцев, он ухватился за нее только для виду. Нарва и Дерпт—вот конечная цель его ливонской политики» [5]. Что значила Нарва для русской торговли, легко видеть из того факта, что в 1566 году адмирал Горн захватил 200 английских и голландских судов с товарами, которые направлялись к Нарве. Исходя из этих фактов, нетрудно оценить и то значение, которое для молодой русской торговли имело поражение Грозного в борьбе за Балтику. Открытие англичанами Архангельска (1553 год) и установившиеся через Белое море сношения с Западом только отчасти компенсировали этот ущерб, нанесенный русской торговле. Лишь Петром были превзойдены масштабы завоевательной политики Грозного, и разрешены стоявшие перед ним задачи.

На почве описанных нами явлений—роста торговли и внедрения товарно-денежных отношений в косный строй натурального хозяйства—про-

---

[1] «Капитал», т. III, ч. II, стр. 334.

[2] По данным Готье, «Совокупность денежных повинностей, падавших на каждую **сох у**, равнялась в первой половине столетия $7^1/_2$—8 руб., или на наши деньги 750—800 руб. К 60—70 годам эти повинности возросли с прибавлением новых до 40—42 руб. на соху, т.-е. на наши деньги 1.000—1.500 руб. с сохи. Наконец, в последние годы столетия повинности доходили до 150 рублей на соху или на наши деньги до 3.750 рублей на соху». См. «Очерк истории землевладения в России», стр. 46—47.

[3] Рожков. «Сельское хозяйство Московской Руси XVI в.», стр. 210.

[4] Сб. «Земская единица», стр. 260 ст. «Местное самоуправление в древней Руси».

[5] «Журн. мин. нар. просвещ.» 1899 г., сентябрь, статья «Балт. вопрос в XVI—XVII в.в.», стр. 102.

исходят социально-политические сдвиги первостепенной важности. Обще их можно обозначить, как разложение и деформацию классов феодального общества и создание, на основе их гибели, нового строя социальных отношений, несущего на себе печать торгового капитализма.

Начнем с главной социальной силы феодализма—боярства. XVI век является свидетелем далеко зашедшего разложения этого класса. По какой линии шло это разложение? Оно шло по линии разрушения той экономической основы, на которой зиждилось хозяйственное благополучие и социальная мощь этого класса—его вотчинного землевладения.

Крупная и повсеместная задолженность служилых князей и бояр—факт, единодушно засвидетельствованный всеми исследователями этого вопроса. Становясь потребителем новых товаров, созданных развитием торговли и установившейся связью с Западом, боярин от этого еще не становился товаропроизводителем. Иначе говоря, в рыночные отношения боярин—крупный землевладелец втягивался с потребительского, а не с производственного конца. А это не могло не приводить к его постепенному разорению. «Мы видим,—говорит С. Рождественский, комментируя духовные завещания землевладельцев,—что даже мелкие текущие потребности, личные, хозяйственные, служебные, они принуждены были удовлетворять постоянными займами денежных сумм, часто очень мелких, платья, служилого инвентаря, коней, хлеба» [1].

Как и на Западе, в соответствующий период, в Московской Руси широкого развития достигает ростовщичество.

Его агентами выступают не только монастыри, роль которых в этом отношении общеизвестна. Появляются и частные капиталисты, которые окутывают кабальными отношениями крупное землевладение. Вот яркий пример, иллюстрирующий это положение. В завещании, датированном 1531—32 г., некто Василий Протопопов называет своими должниками и на значительные по тому времени суммы, следующих представителей феодальной аристократии: кн. Вислый—180 руб., кн. Пенков—120 руб., кн. Кубенский—50 руб., князья Мезецкие—70 руб., кн. Бабич—7 руб., князь Воротынский—20 руб., кн. Барбашин—40 руб., кн. Лопата—50 руб., кн. Иван Мезецкий—700 рублей [2].

Но, конечно, самым крупным капиталистом и ростовщиком того времени являлись монастыри. Этому содействовало и религиозное мировоззрение московских людей. «При исконных и постоянных связях монастыря с миря-

---

[1] С. В. Рождественский, «Служилое землевладение в Московском государстве XVI в.», стр. 82. До чего доходило при этом обнищание боярства, в частности, в связи с его служебными обязательствами, показывает следующий факт. В 1547 году Иван Грозный сосватал дочь известного воеводы, князя Горбатого-Шуйского, за кн. Мстиславского. Извещая об этом мать невесты, он писал: «да сказывал нам брат твой Фома, что князь Александр, идучи на нашу службу, заложил платье твое все, и мы были велели платье твое выкупити; и брат твой Фома не ведает, у кого князь Александр то платье заложил, и мы тебя пожаловали, послали тебе от себя платье, в чем тебе ехати».

[2] С. В. Рождественский. «Служилое землевладение», стр. 81.

нами, богатый капиталист—монастырь—сделался банкиром для страдавшего безденежьем служилого класса»[1].

Через денежные займы у монастырей, отчасти через добровольные вклады на помин души, в XVI веке тихо и без драматических эффектов были ликвидированы буквально целые удельные династии. «Разложение вотчин Кемских князей—пишет цитированный нами автор—и утрата их шли обычными путями продажи, вкладов в монастыри, наследственных дроблений». Родовые вотчины князей Ухтомских, равно как и других отраслей белозерского княжеского рода, «в значительном количестве перешли в XVI веке в собственность Кириллова монастыря, который был для белозерских князей не только молитвенником и посредником в деле душевного спасения, но вместе с тем и банкиром»[2]. Эти примеры можно было бы умножить, но и сказанное достаточно ясно рисует ту картину постепенной экономической экспроприации боярского и княжеского землевладения, которая подготовила почву для террористических конфискаций Грозного.

«Революционно действует ростовщик—замечает Маркс,—лишь политически при всех докапиталистических способах производства, разрушая и уничтожая формы собственности, которые постоянно воспроизводились и служили основой политических группировок»[3]. Это справедливо и для интересующего нас процесса в Московской Руси. По словам Ключевского «тогда во множестве исчезали вотчины, владеемые исстари, унаследованные от отцов и дедов; во множестве стали появляться вотчины новые, недавно купленные, чаще всего пожалованные»[4]. Иначе говоря, разлагалась и постепенно исчезала собственность феодальная; на ее месте возникала собственность, которая, по самому своему происхождению, легче могла приспособиться и действительно становилась на путь крупного товарного производства. Таковы два параллельных процесса, которые мы можем констатировать на протяжении XVI века: быстрое таяние старой, феодального типа землевладельческой собственности, с одной стороны, ее частичную замену собственностью благоприобретенной и интенсивный рост монастырского землевладения—с другой[5].

Известная пословица гласит: «Когда наверху играют на скрипке, внизу начинают танцовать». Ударяя одним концом по привилегированному аристократическому землевладению, новые товарно-денежные отношения другим концом еще больнее ударили по крестьянству. «Пока господствует рабство,—говорит Маркс,—или прибавочный труд с'едается феодалами и их челядью, и они подпадают под власть ростовщичества, способ производства остается

---

[1] Там же, стр. 88.
[2] Там же, стр. 157.
[3] «Теории прибавочной ценности», т. III, стр. 405.
[4] «Курс», ч. II.
[5] Разумеется, указанное в тексте не было единственным источником обогащения монастырей. Земельные владения духовенства росли и благодаря пожалованиям государственной власти, и благодаря вкладам землевладельцев, и благодаря колонизации, и, наконец, благодаря прямой экспроприации черных земель.

тот же, только он становится более суровым. Впавший в долги рабовладелец или феодал высасывает больше, так как из него самого высасывают»[1].

Однако, если боярство било крестьянина бичами, то монастыри и, особенно, поместное дворянство били его скорпионами.

Не имея возможности удовлетворить свой денежный голод за счет реализации земельной собственности, как это делало боярство, поместное дворянство все свои упования, с самого своего возникновения, возлагало на возможность безграничной эксплоатации сидевшего на их земле крестьянства. К тому же, в отличие от вотчин, поместья уездных дворян, как правило, были населены крайне скудно. А это, в свою очередь, усиливало потребность в нажиме.

«Типом замкнутого хозяйства, «мэнориального» или «поместного»,— справедливо указывает М. Н. Покровский,—...было у нас вовсе не поместье XVI века, а его предшественница боярская вотчина удельной эпохи»[2]. Это различие, зачастую игнорируемое историками, не мог не почувствовать на своих боках крестьянин: одно дело—вотчинник, сохранивший еще натуральную идеологию, другое дело—поместный владелец, который и возник-то как следствие ликвидации тех отношений, которые порождали эту идеологию.

В первом случае громадное сдерживающее влияние на повышение нормы эксплоатации оказывала традиция, которая при примитивном способе хозяйства играет «преобладающую роль» (Маркс) во взаимоотношениях непосредственного производителя и собственника средств производства. Во втором—эта традиция была чужда новоиспеченному владельцу и не сдерживала его аппетитов[3].

Все сказанное выше в достаточной степени об'ясняет нам, почему рост поместного и монастырского землевладения был казовой стороной той медали, на оборотной стороне которой было написано: крестьянское разорение и крепостное право.

«Трудно об'яснить,—недоуменно пишет Ключевский,—что именно произошло тогда в народном хозяйстве, но можно заметить, что произошло нечто такое, вследствие чего чрезвычайно увеличилось количество свободных людей, которые не хотели продаваться в полное холопство, но не могли поддерживать своего хозяйства без помощи чужого капитала»[4]. По данным Рожкова, в XVI веке ¾, местами $^9/_{10}$ всех крестьян были обременены займами[5]. Наряду с кабальным холопством, как следствие тех же причин, громадных размеров достигает бобыльство: к концу XVI века число бобылей

---

[1] «Теории», т. III, стр. 405.

[2] Сб. «Земская единица», стр. 258.

[3] Сказанным в тексте об'ясняется также то обстоятельство, что вотчины, в общем, лучше перенесли сельскохозяйственный кризис, чем поместья и монастыри, где эксплоатация крестьян была выше.

[4] Сборн. «Опыты и исследования», ст. «Происхождение крепостного права», стр. 230.

[5] «Город и деревня», стр. 39.

местами достигает 40 и выше процентов. Наконец, остающиеся на земле крестьяне значительно сокращают свою запашку [1].

В этом же направлении разрушения мелкого крестьянского хозяйства действует и государство. «Обеляя» барскую запашку и наделяя податными льготами служилое землевладение, оно с тем большим усердием неуклонно повышало в продолжение XVI века податное бремя, лежавшее на крестьянах. Так, в начале XVI века крестьянин платил около 80 коп. с каждой четверти пашни на наши деньги. После податных реформ Грозного он начинает платить уже 1 р. 30 к. К концу XVI века эта цифра возрастает в 3½ раза; в девяностых годах крестьянин платит уже около 4 руб. 70 коп. с четверти пашни [2].

Соединенными усилиями вотчинника и монастыря, поместного владельца и купца, под верховным руководством государства, подрывалась таким образом та основа, на которой зиждилось благополучие Московской Руси, и подготовлялись предпосылки для кризиса XVI века и ожесточенной классовой борьбы Смутного времени [3].

«На место падавшего все ниже боярства, — говорит неоднократно цитированный нами автор,—уже готов был наследник: в той же первой половине XVI века формируется постепенно в общественный класс поместное дворянство» [4]. Каковы же были причины создания этого класса, который, окончательно укрепившись после Смутного времени, надолго занял господствующее положение среди других классов русского общества?

Развитие торговли, рост вширь и вглубь товарно-денежных отношений, разрушая былую автаркию и изолированность отдельных районов, создают централизацию экономической жизни, и на этой основе становится возможной и в то же время необходимой централизация политическая.

Первое препятствие, на которое наталкиваются указанные процессы и которое должно быть устранено в интересах их дальнейшего развития и завершения,—старинные льготы и политические права многочисленных феодалов. Со всей силой обрушивается на них организующаяся государственная власть и устраняет их путем кровавого насилия, часто одновременно с головами самих феодалов, тех, которые никак не могут себе усвоить происшедшей перемены. На трупах поверженных врагов закладываются основы для новой государственной организации: сословной монархии с ее Земскими Соборами, которая затем постепенно переходит в монархию абсолютную.

В этой борьбе государство выступает как орудие новых, созданных ростом товарно-торговых отношений, классов. Новые классы, благополучие

---

[1] По данным Рожкова, подсчитанным Огановским, средние размеры дворовой запашки были:

до 60-х г.г. XVI века	12,3 дес. в трех полях
конец XVI века	6,6 » » » »

«Закономерность аграрной эволюции», т. II, стр. 119.

[2] Рожков. «Сельское хозяйство», стр. 234. Милюков. «Очерки русской культуры», т. I, стр. 152.

[3] «Возста плевел, хочет поглотить пшеницeносные классы»,—так четко и выразительно характеризуется Смута в воззвании митрополита Ростовского.

[4] Сб. «Земская единица», стр. 262.

которых так или иначе связано с развитием рынка и торговых связей, нуждаются в сильной государственной власти, которая бы могла защищать и пролагать дорогу силой их интересам как внутри, так и вне страны. Эти мощные экономические интересы сплачивают и упрочивают ту шаткую государственную организацию, которая характерна для феодализма: государство династическое становится государством национальным, государство «милостью вассалов»—государством «милостью божьей», т.-е. государством абсолютным, самодержавным [1].

Выше мы упоминали о тех следствиях, которые разрушением вотчины сказались на крестьянстве. Но в системе вотчинного хозяйства было завязано не только крестьянство. Над крестьянством и за феодалом-вотчинником стояли мелкие служилые люди всевозможных рангов и разрядов. Гибель вотчин выталкивала и их из строя натурального хозяйства: боярин распускал свои дружины, своих закладников и послужильцев. Та же судьба постигала и низший слой дворовых слуг—«слуг под дворским». Обломок феодальных форм хозяйства и его политических отношений—эти социальные элементы и составили в основном кадры дворянства. В то же время в связи с общими условиями эпохи—ее потребностями и средствами для их реализации,—дворянство оказалось целиком поглощенным задачей организации военных сил. Сама же эта задача вытекала из той активной внешней политики, которая диктовалась торговым развитием Московской Руси и шла по линии удовлетворения интересов дворянства и торговых капиталистов [2].

По подсчетам В. Ключевского за 1492—1595 годы «на западе... мы, круглым счетом, год воевали, год отдыхали. На азиатской стороне шла изнурительная непрерывная борьба». Для ведения этих войн требовалась громадная армия. По наиболее точным и в то же время наиболее проверенным данным С. М. Середонина, все Московское войско во время Ливонской войны состояло приблизительно из 75 тысяч конницы дворян, детей боярских и их людей, из 20 тыс. человек стрелецкой пехоты, из 14 тыс. татар и немногих иностранцев,—всех их около 110 тыс. человек [3]. Каким образом содержалась такая махина?

«Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот»—говорит Энгельс [4]. Хотя Московская Русь в этот период быстро догоняла наиболее развитые страны Запада, однако, по сравнению, скажем, с Англией или Францией, она все же оставалась страной отсталой. Это определило известную разницу в характере организации армии.

---

[1] «...Горожане при помощи торговли и промышленности,—пишет Маркс,—с одной стороны, вытягивали деньги из кармана феодала и посредством долговых обязательств придавали подвижность поземельной собственности, а с другой стороны—помогали победе абсолютной монархии над ослабленными крупными феодалами и покупали себе их привилегии». Ст. «Морализующая критика и критикующая мораль».

[2] Таков был смысл покорения Новгорода Иваном III, таковы же были по своему значению Казанские и Ливонские войны Грозного.

[3] Цит. по Павлову-Сильванскому «Служилые люди», стр. 118.

[4] «Вооружение, состав, организация, тактика, стратегия прежде всего зависят от достигнутой в данный момент ступени развития производства и от путей сообщения». «Анти-Дюринг», стр. 110.

В то время, как в указанных странах армия, благодаря значительным денежным средствам, которые оказались в руках у королей, была быстро переведена на денежную основу и рекрутировалась из профессионалов, в России это процесс замедлился. Основой для организации армии послужили не деньги, которых было мало, а земля, которой было много. Формой для такой натуральной организации военных сил и послужило поместье [1].

Однако нельзя на этом основании, подобно Плеханову, заключать, что благодаря этому способу формирования армии создалось закрепощение дворянства и Московская Русь уподобилась восточным деспотиям. Такой системы придерживалась Польша, где о закрепощении дворянства не может быть и речи и в развитии которой ничего «восточного» не усматривает и сам Плеханов.

По словам историка этой страны, в ней «основой военной службы является «посполитое рушение». «Оно обязательно для всей шляхты, владевшей землей. Безземельные шляхтичи не привлекались к службе. Размер службы зависел от величины имущества... Наказание за неявку в поход состояло в конфискации имения. С XV века король поступает таким образом, что дарит имение не явившегося в поход шляхтича доносчику... В XVI веке не раз производили «люстрации», т.-е. смотры обязанных к «посполитому рушению» [2]. Кроме разницы терминов, никакой другой, по сравнению с тем, что было в этом отношении в Московской Руси, здесь усмотреть нельзя. То же самое имело место и в Германии [3].

Второе возражение, которое может быть сделано Плеханову, заключается в том, что он, при анализе этого вопроса, совершенно отбрасывает те тенденции развития, которые были присущи военной организации Московской Руси. А между тем они чрезвычайно показательны.

Уже с первых шагов организации поместной системы, денежное жалованье играло довольно важную роль. «Земля обеспечивала известную норму численного состава военных сил, денежное жалованье—известную ступень его боевой готовности» [4]. Чрезвычайно любопытно, что встречались и беспоместные и безвотчинные дворяне, которые целиком содержались за счет денежного жалованья [5].

Еще более важное значение имеет тот факт, что уже в XVI веке московское правительство не ограничивается дворянской конницей, а приступает к созданию постоянных, регулярных войск на денежном жалованьи. Так,

---

[1] «Организация государственной службы в Московском государстве, основанная на владении землей, называется «поместной системой». Ю. Готье, «Очерк», стр. 50.

[2] Ст. Кутшеба, «Очерк», стр. 128-129. Даже в XVIII веке «посполитое рушение» «сохраняло свой обязательный характер, даже «явки» были восстановлены». Стр. 215.

[3] Павлов-Сильванский. «Феод. в древней Руси», стр. 156.

[4] С. В. Рождественский, «Служ. землевл.», стр. 335. «Уже в середине XVI столетия—говорит этот автор,—ясно обнаружилось, что одна земля по условиям общего экономического быта страны, не может служить единственным источником содержания армии. Введение системы денежного жалования, как рисует его книга 1556 г., было уже первом шагом к переустройству военной организации государства на новых основаниях».

[5] Павлов-Сильванский. «Государевы служ. люди», стр. 186.

уже в армии Грозного было до 20 тыс. регулярной стрелецкой пехоты. В борьбе Смутного времени, как важная военная сила, выступают наемные войска. По показаниям современников, на стороне Димитрия было до 20 тыс. польских и литовских войск, а на стороне Скопина от 10 до 15 тысяч шведских наемников[1]. При Михаиле Федоровиче происходит дальнейшее реформирование армии в этом направлении. «Иностранные офицеры и солдаты нанимаются уже целыми полками. Начинается обучение и русской пехоты и конницы иноземному строю»[2]. Дальнейшая эволюция нашей военной организации видна из следующей таблицы[3]:

	1632 г.	1679 г.	1681 г.
Дворян и детей боярских	11.187	9.300	16.097
Рейтар, драгун и солдат	17.031	68.827	82.047

В отличие от дворянской конницы, которая оплачивалась, главным образом, землей, стрелецкая пехота и войска иноземного строя содержались преимущественно за счет денежного жалованья. Если в первой трети XVII века, по максимальному расчету Милюкова, расход на армию составил 275.000 руб., то в 1663 году, по подсчетам Сташевского, оклад одной только действующей армии равнялся 1.000.000 рублей, из коих львиная доля— около 800.000 рублей—поглощалась полками иноземного строя. Читатель согласится, что перед лицом этих фактов утверждения Плеханова об азиатском типе развития Московской Руси не могут, по меньшей мере, претендовать на основательность.

Однако еще более важными для характеристики путей исторического развития Московской Руси и в то же время еще более сокрушительными для исторической постройки нашего автора являются процессы, происходившие внутри самого поместного класса в эту эпоху. Мы имеем в виду такой кардинальный для интересующего нас периода факт, как перерастание поместья в вотчину.

Об этом факте упоминает и Плеханов. На стр. 114 «Введения» мы читаем: «уже в XVII веке поместья постепенно сливались с вотчинами». К сожалению, обронив мимоходом эту фразу, Плеханов никаких выводов из нее не делает. И это очень жаль.

Читатель помнит, что «отступление» вотчины перед поместьем в XVI веке было использовано им для доказательства закрепощения у нас дворянства со всеми из этого вытекающими выводами. Казалось бы, что признание обратного процесса для XVII века обязывало нашего автора поразмыслить над этим и подумать, в какой степени с ним согласуется его положение о том, что «в течение столетия, следовавшего за Смутой, внутренние отношения Московского государства все более и более принимали тот характер, которым отличались великие деспотии Востока». Повторяем, к сожа-

[1] С. Ф. Платонов. «Москва и Запад», стр. 52.

[2] П. Милюков, «Очерки» т. I, стр. 152.

[3] Павлов-Сильванский, «Государевы служилые люди», стр. 239. По данным другого исследователя, московская армия иноземного строя в царствование Алексея Михайловича, была доведена, по крайней мере, до 80.000 человек и состояла, не считая полков драгунских, копейных, гусарского, из 20 рейтарских и 55 солдатских полков.

лению, Плеханов этого не делает. Придется нам помочь ему в этом отношении.

Каков был итог социально-политического развития Московской Руси в интересующей нас области?

По переписным книгам 1678 года, общая картина распределения крестьянских дворов между различными видами землевладения представляется в следующем виде[1]:

Из 100 дворов было:

Посадских и черных	10,4%
Дворцовых	9,3%
Духовенства	13,3%
Боярских	10%
Дворянских	67%

Из этих данных следует, что 67% всех дворов, т.-е. свыше $^2/_3$ находилось в руках дворянства разных разрядов. Если к этому присоединить владения духовенства, то окажется, что во второй половине XVII века в руках господствующих классов находилось распоряжение 80%, т.-е. $^4/_5$ всего народного труда. В то же время из всех земель государства в распоряжении служилого класса было 75%[2].

$^3/_4$ всех земель государства и $^2/_3$ всего народного труда в руках одного класса—это, действительно, недурная иллюстрация к положению Плеханова о господстве азиатского способа производства в Московской Руси. Пойдем, однако, дальше.

Каково было соотношение различных видов землевладения внутри этого мощного класса?

Уже в XVI веке, наряду с приближением вотчины к поместью, намечаются любопытные процессы, придающие поместью некоторые черты вотчины[3].

В XVII столетии они являются основными. В результате «служилые люди второй половины XVII века перестали ясно сознавать различие между своей собственностью, вотчинной землей и владеемой ими государственной землей—поместьем, которое они наследовали так же как вотчину и которым все свободнее и свободнее распоряжаться»[4].

Но вотчины растут и сами по себе. «Рост вотчин,—говорит Готье,—красною нитью проходит через весь XVII век». Оставляя в стороне конкретные факты и детали этого вопроса, остановимся на некоторых итогах.

---

[1] Ключевский, «Курс», ч. III, стр. 293.

[2] «Русская история в очерках и статьях», т. III, стр. 249.

[3] Не имея возможности вдаваться в подробности, приведем вывод исследователя этого вопроса. «Еще до Смуты,—пишет Рождественский,—в первую эпоху практического осуществления системы служилого землевладения, московское правительство принуждено было отступать перед непреодолимой силой некоторых условий экономического и социального быта... Эти условия не только не позволяли довести практику поместной системы до высоты ее теоретических норм, но заставляли также сознательно нарушать основной принцип поземельной политики XVI в. и выводить землю из службы». «Служилое землевл.», стр. 389.

[4] Ю. Готье. «Замосковный край в XVII веке», стр. 381.

По данным, которые почерпнуты из переписи Московского уезда за 1678 г., соотношение вотчинных и поместных участков выглядело следующим образом [1]:

Поместные участки:	Вотчинные участки:
14.7%	85,3%

Так как эти данные, в общем, типичны для большинства уездов Замосковья, то нельзя не согласиться с выводом указанного автора о том, «что поместный элемент в последнюю четверть XVII века в подмосковном землевладении был близок к исчезновению».

Однако цифровые данные о соотношении между вотчинными и поместными участками еще не дают полного представления о действительном удельном весе каждого из этих видов землевладения. Если учесть, что вотчины по своим размерам значительно превышали поместья, что в то же время процент пашни по сравнению с перелогом в вотчинах был выше, чем в поместьях, то мы поймем, что действительный хозяйственный вес вотчин был гораздо выше, чем это можно судить только на основании цифровых данных [2].

Для понимания социально-политического строя Московской Руси чрезвычайно важны и заслуживают хотя бы упоминания те процессы, которые происходили внутри самого землевладельческого класса.

В первой половине XVII века происходит окончательное исчезновение землевладения старой княжеской и родовитой боярской знати [3]. На первое место выдвигаются представители дворцовой знати, всевозможных придворных кружков. Близость к двору становится источником быстрого обогащения [4]. Быстро выдвигается в первые ряды землевладельцев и крупная чиновная бюрократия: по данным росписи вотчин и поместий 7155 года значатся, среди крупнейших землевладельцев, дьяки И. Гавренев, М. Данилов, Ф. Елизаров, Н. Чистой и другие [5].

В то же время происходит быстрое укрупнение, концентрация земельной собственности, довольно далеко зашедшая в своем развитии. По списку 1696 года, распределение дворов между владельцами «крещенной собственности» представляется в следующем виде:

	% владельцев	% дворов
До 100 дворов	3,0	0,6
100—200 »	43,0	13,5
200—500 »	34,4	23,2
500—1000 »	9,9	14,5
Свыше 1000 дворов	9,1	48,2 [6]

[1] Там же, стр. 388.

[2] Н. Огановский. «Закономерность аграрной эволюции», ч. II, стр. 391.

[3] Готье. «Замосковный край», стр. 414.

[4] С. Ф. Платонов. «Сочинения», т. 1, стр. 393. За 18 лет (до 1800 г.) в одних только областях по Оке и Волге было роздано 16.120 дворов и до 167 тысяч пахотной земли, не считая лесов и сенокосов, площадь которых должна была быть во много раз больше. Это была заря того фаворитизма, которому предстояла еще блестящая будущность в XVIII веке.

[5] С. В. Рождественский. «Служилое землевладение», стр. 228—231. «Бельмом на глазу,—образно пишет Ключевский,—сидело у городового дворянства московское дьячество, разбогатевшее «неправедным мздоимством» и настроившее себе таких палат каменных, в каких прежде и великородные люди не живали». «Курс», ч. III, стр. 257.

[6] Н. Огановский. «Законом. агр. эвол.», т. II, стр. 142.

Картина образования крупной земельной собственности ясна: 9 процентов землевладельцев сосредоточивают в своих руках половину всех дворов и, значит, соответствующую этому количеству дворов площадь землепользования. Таковы основные факты из истории привилегированного землевладения Московской Руси. Скажем попутно, что они четко вскрывают перед нами важнейшую сторону той социальной эволюции, которая от сословной монархии первых Романовых привела к абсолютной монархии XVIII столетия.

После всего сказанного выше, мы спросим читателя: возможно ли перед лицом установленных нами фактов серьезно утверждать, как это делает разбираемый нами автор, что в Московской Руси отсутствовала частная собственность, что в ней существовала национализация земли и свойственный ей азиатский способ производства, что, наконец, в системе Московской деспотии дворянство—этот мощный землевладельческий класс—было закрепощено государству. Вместо ответа на этот, со всех сторон ясный вопрос мы считаем более целесообразным привести небольшую историческую справку, имеющую непосредственное отношение к интересующей нас проблеме.

Известно, что выступая на IV об'единительном с'езде партии в дискуссии вокруг аграрной программы, Плеханов свои возражения против национализации земли строил целиком по линии разобранных нами только что аргументов[1]. Каков был ответ его главного оппонента — Ленина на выдвинутые им доводы?

В брошюре, посвященной итогам с'езда, этот автор писал: «Каковы же были плехановские доводы в защиту муниципализации? Больше всего выдвигал он в своих обеих речах вопрос о гарантии от реставрации. Этот оригинальный довод состоял в следующем. Национализация земли была экономической основой Московской Руси до-петровской эпохи. Наша теперешняя революция, как и всякая другая революция, не содержит в себе гарантий от реставрации. Поэтому в интересах избежания реставрации... следует особенно остерегаться именно национализации... Легко убедиться, что довод этот сводится к чистой софистике. В самом деле, взгляните сначала на эту «национализацию в московской до-петровской Руси». Не будем уже говорить о том, что исторические воззрения Плеханова состоят в утрировке либерально-народнического взгляда на Московскую Русь. Говорить о национализации земли в до-петровской Руси серьезно не доводится, — сошлемся хотя бы на Ключевского, Ефименко и др.»[2].

Этой длинной цитатой из Ленина мы позволили себе закончить наш и без того затянувшийся спор с автором «Истории русской общественной мысли».

---

[1] В первой речи на с'езде Плеханов говорил: «Аграрная история России более похожа на историю Индии, Египта, Китая и других восточных деспотий, чем на историю Западной Европы... У нас дело сложилось так, что земля вместе с земледельцами была закрепощена государством, и на «основании этого закрепощения развился русский деспотизм». «Протоколы IV с'езда», стр. 41.

[2] Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 189.

IV

По обстоятельствам времени и места, мы вынуждены обойти молчанием ряд интересных и важных, но все же частных и второстепенных моментов плехановской схемы русской истории. Единственное, на чем, в интересах полноты изложения этой схемы, а также для понимания того, о чем нам придется говорить в дальнейшем, мы считаем необходимым остановиться— это на кратком освещении плехановского понимания петровской реформы, а также тех следствий, которые из нее необходимо вытекали.

«Нет основания думать,—пишет наш автор,—что к концу XVII века Московская Русь дошла до последнего предела той цивилизации, которая являлась более или менее самобытным плодом ее собственных начал. Позволительно предположить, что она, в конце концов, почти сравнялась бы с древним Египтом или с древней Халдеей» [1]. Однако, что бы там ни предполагать, известно, что этого не случилось: Московская Русь не только не пошла по пути дальнейшего развития своих самобытных начал, но даже, наоборот, начала двигаться в обратном им направлении. Каковы же причины этой резкой перемены в направлении исторических путей нашего отечества, перемены, опровергшей «позволительные предположения» Плеханова?

«Эта страна,—отвечает он,—так похожая по своему быту на азиатские страны, должна была отстаивать свое существование не только от нападения со стороны азиатов. На Западе она граничила с Европой, и уже с XVI века каждое враждебное столкновение с европейскими странами давало ей болезненно почувствовать превосходство европейской цивилизации. Волей-неволей надо было подумать о том, чтобы кое-чему поучиться у Европы» [2]. Итак, поворот России от «самобытности» ее азиатского строя к иному порядку социальных отношений был совершен ею не под влиянием причин внутреннего порядка, не как закономерный результат всего предшествующего развития, а под влиянием других обстоятельств: она граничила с Западом (географическая среда), ей приходилось бороться со своими западными соседями (влияние исторической среды). Совокупность этих условий и вынудила («волей-неволей») Московскую Русь к интересующему нас повороту: усвоению начал европейской цивилизации. Короче говоря, Московская Русь потому не стала окончательно Азией, что находилась в Европе. К этой простой и банальной мысли, по сути дела, и сводится разобранное нами положение Плеханова [3].

---

[1] Стр. 121.

[2] Стр. 115.

[3] Чтобы читатель, чего ради, не заподозрил нас в утрировке взглядов Плеханова, мы позволим себе подкрепить наш вывод еще одной цитатой.

В статье, относящейся к 1896 году, читаем: «Старая Московская Русь отличалась совершенно азиатским характером... Все... было в ней совершенно чуждо Европе и очень родственно Китаю, Персии, древнему Египту». И дальше: «Но (примечательное «но». *Э. Г.*) эта страна, к своему великому счастью, находилась не в Азии, а в Европе или хоть в соседстве с Европой(?). Вследствие этой географической осо-

По какой линии шло это усвоение Россией европейской цивилизации и в каком об'еме оно совершалось? Полемизируя с М. Н. Покровским, Плеханов делает ударение на военно-финансовой необходимости. «Реформа Петра,—соглашается он с Ключевским,—по своему первоначальному замыслу, направлялась, собственно, к перестройке военных сил и к расширению финансовых средств государства и лишь постепенно расширила свою программу, при чем «взбаламутила всю застоявшуюся плесень русской жизни, взволновала все классы общества»[1]. Сначала потребность в реорганизации военных сил для успешной защиты от западных соседей и борьбы с ними, затем финансовые реформы, как средство удовлетворения этих потребностей, наконец, развитие производительных сил, перенесение на русскую самобытную почву западно-европейских учреждений—такова, в своей последовательности, та конструкция, которой Плеханов об'ясняет Петровскую реформу и вызванные ею последствия[2].

Коснемся вкратце этих последствий. Преобразование армии прежде всего изменило положение нашего служилого сословия. Сосредоточив в своих руках выполнение важнейших общественных функций, дворянство использовало это, во-первых, для того, чтобы увеличить свою власть над низшим классом, а, во-вторых, для того, чтобы облегчить себе исполнение своих общественных обязаностей»[3].

Гвардейские полки, начало которым опять-таки положил Петр, явились тем орудием, посредством которого дворянство быстро осуществило указанные цели. На протяжении XVIII столетия дворянство довольно часто прибегало к своему «гвардейскому» средству[4]. Благодаря этому оно сумело раскрепостить себя и приблизиться по своему положению к западно-европей-

---

бенности своего положения, Московская Русь вынуждена была кое-что заимствовать от своих соседей просто из инстинкта самосохранения». Собр. соч., т. X., стр. 154.

Мы нарочно привели цитату 1896 г., чтобы показать, что речь идет не о случайной оговорке нашего автора, а о прочной и давней точке зрения.

[1] Стр. 254. В брошюре против Тихомирова «Новый защитник самодержавия» (1889 г.) Плеханов писал: «Для поддержания учреждений, заведенных Петром в России, нужны были, во-первых, деньги, во-вторых,—деньги и в-третьих—деньги. Выбивая их из народа, правительство тем самым содействовало развитию у нас товарного производства. Затем, для поддержания тех же учреждений нужна была хоть какая-нибудь фабрично-заводская промышленность». Собр. соч., т. III, с. 75.

[2] Справедливости ради отметим, что во «Введении» у Плеханова есть и другой ряд рассуждений, кроме разобранного. «...Его царствование,—читаем на стр. 107,—было одной из тех... эпох, когда постепенно накопляющиеся количественные изменения превращаются в качественные». Однако общий тон для взглядов Плеханова на Петровскую реформу создают не эти и другие правильные мысли, а те, которые мы разобрали в тексте. Кроме того, недостаток места вынуждает нас к разбору только того, что характерно для нашего автора.

[3] Стр. 108.

[4] «В высшей степени замечательно,—писал в статье, посвященной 50-летию реформы крепостного права, Плеханов,—что процесс раскрепощения нашего дворянства начался в царствование той же самой императрицы, которая обязана была дворянской гвардии своими победами над конституционными вожделениями «верховников». Сочин. т. XXIV, ст. «Освобождение крестьянства», стр. 21.

скому дворянству. Таков был первый социальный результат реформы: европеизация нашего дворянства

На первых порах этим изменением положения дворянства европеизация России и ограничилась. Даже больше того. Начиная с Петра положение крестьянства еще более ухудшилось по сравнению с тем, что имело место в Московской Руси. «Реформа Петра не могла,—пишет Плеханов,—да и не имела в виду европеизировать крестьянство... В длинный промежуток времени от Петра до генерала Киселева положение русского крестьянина все более и более приближалось к положению низшего, порабощенного класса восточных деспотий» [1]. Не много лучшим было и положение низшего посадского населения и даже опекаемого Петром купечества. Кроме того, и само самодержавие продолжало оставаться более схожим с восточными деспотиями, чем с западно-европейским абсолютизмом.

Однако одним дворянством процесс европеизации не мог быть исчерпан. «Мало-по-малу,—говорит Плеханов,—он вышел и непременно должен был выйти за тесные пределы высшего сословия. Новые, заимствованные у Запада производства развивались, благодаря своей (?) азиатской обстановке, очень медленно, но все-таки развивались. А чем больше развивались они, тем более становилось очевидным, что азиатская обстановка должна быть устранена» [2]...

До поры, до времени действуя подспудно, процесс европеизации к середине XIX века вышел, наконец, наружу. Его первым социально-политическим следствием явилась реформа 1861 года. Проведенная самодержавным государством, вынужденным к тому же преодолевать сопротивление дворянства, эта реформа, однако, сама «сильно отзывалась Азией» и потому не привела к сколько-нибудь последовательной «европеизации» крестьянства. И после реформы в крестьянской политике правительства продолжала господствовать старая аграрная тенденция. Уничтожив крепостную зависимость по отношению к помещикам, государство закрепило крестьян за собою [3]. А это в свою очередь консервировало в крестьянстве такие тенденции, которые делали его в большей степени классом азиатского, чем европейского общества. Забегая вперед, скажем, что эта-то сторона крестьянства, как класса, обусловила его, в общем, отрицательную роль в революции 1905 года и определила поражение последней.

«Азиатский» характер аграрной реформы не мог, однако, остановить неуклонного поступательного хода европеизации... «Капитализм так или иначе справился и с этим препятствием. Он все-таки шел вперед, а с ним все-таки подвигалась вперед и европеизация России».

Это привело к важнейшим следствиям в области социальных отношений. Впервые на самобытной почве русской Азии возникли вполне европейские

[1] Стр. 117.

[2] Стр. 123.

[3] Как сильно преувеличивал Плеханов роль государства в раскрепощении крестьян, видно из следующей цитаты: «Наделяя... «освобожденных» в 1861 году крестьян землей, правительство руководствовалось интересами казначейства: безземельный крестьянин представлял бы собой слишком сомнительную платежную силу». Собр. соч., т. III, стр. 348.

классы: промышленная буржуазия и ее спутник и в то же время антагонист — пролетариат. Рядом с крестьянской Азией и под эгидой восточно-деспотического самодержавия возникла буржуазная и пролетарская Европа.

Старый вопрос, должна или не должна Россия развиваться по пути западно-европейского развития, таким образом был окончательно решен самым ходом событий. Но ясно определившееся решение еще не значит завершение. Последнее дело будущего, хотя и ближайшего.

«Экономическая европеизация России должна сопровождаться ее политической европеизацией»—такова основная мысль, которой заканчивается «Введение» Плеханова и которая, вместе с тем, является итоговым выводом его исторической схемы.

V

Выше мы разобрали, в основном и главном, исторические взгляды Г. В. Плеханова. Что можно о них сказать? Если оставить в стороне частности и попытаться определить их с максимальной краткостью, то мы бы сказали: историческая схема нашего автора представляет собою попытку подведения под традиционные взгляды русской либерально-буржуазной историографии известной марксистской основы.

Как это ни странно, основоположник русского марксизма не переработал критически тех теорий русского исторического процесса, которые были созданы до него и господствовали в исторической науке. Он их попросту усвоил. Этим определилось содержание его исторических взглядов. Однако, оказавшись со стороны содержания в плену либерально-буржуазных представлений о русской истории, Плеханов попытался их преодолеть. Его самостоятельность, а следовательно, и разрыв с предшествующей историографией, сказались в создании новой компановки, некоего оригинального синтеза того материала, который Плеханов нашел у своих предшественников, главным образом, Соловьева и Ключевского. На этом пути Плеханов использовал теорию Маркса об азиатском обществе и азиатском способе производства. С одной стороны, некритически усвоив и в то же время утрируя взгляды предшествующей историографии, с другой — поверхностно толкуя теорию Маркса об «азиатских обществах», Плеханов, таким образом, создал свою схему русского исторического процесса [1].

Что эта схема не могла оказаться удовлетворительной, это обстоятельство нетрудно было предвидеть, зная характер подхода Плеханова к разрешению стоявшей перед ним задачи. Что созданная Плехановым схема действительно оказалась неудовлетворительной, это мы постарались доказать на протяжении нашей статьи.

Этими, по необходимости, краткими итоговыми замечаниями мы закончим рассмотрение исторических взглядов Плеханова в плане *академического* исследования. В заключение попытаемся ответить на вопрос: в каком

[1] Либерально-буржуазная сущность при сохранении формы марксизма—такова обычная метода оппортунизма, которой, как видим, не избежал и Плеханов.

отношении находилась историческая схема, созданная нашим автором к его политической деятельности.

В нашей, весьма бедной литературе, посвященной Плеханову, известным кредитом пользуется теория, согласно которой ошибки разобранной нами исторической схемы должны быть об'ясняемы, исходя из той позиции, которую Плеханов занял с наступлением мировой войны. Такого взгляда придерживается, например, Л. Д. Троцкий. Характеризуя «Историю русской общественной мысли», он писал: «... это труд в теоретическом отношении далеко не безупречный: соглашательские и патриотические тенденции плехановской политики последнего периода успели, по крайней мере, частично подкопать даже его теоретические устои» [1]. Нам представляется, что эта постановка вопроса грешит большой ошибочностью, корень которой сводится к непониманию природы социал-шовинизма.

Социал-патриотическая позиция, которую Плеханов занял в эпоху мировой войны, не была случайным грехопадением первого русского марксиста. Она была подготовлена его предшествующей политической деятельностью. «Социал-национализм,—говорит Ленин,—вырос из оппортунизма, и именно этот последний дал ему силу. Как мог «сразу» родиться социал-национализм? Совершенно так же, как «сразу» рождается ребенок, если протекли 9 месяцев после зачатия. Каждое из многочисленных проявлений оппортунизма в течение всей второй (или вчерашней) эпохи во всех европейских странах были ручейками, которые все вместе «сразу» слились теперь в большую, хотя и очень мелководную... социал-националистическую реку» [2].

Это положение не требует дополнительной аргументации. Столь же ясно его отношение к интересующему нас вопросу. Оппортунизм перерос в социал-шовинизм—это целиком относится к Плеханову, как и ко всему русскому оппортунизму-меньшевизму. Таким образом, вопрос о последних корнях исторической концепции Плеханова сводится к более общему вопросу о том, как Плеханов стал оппортунистом.

По справедливому замечанию М. Н. Покровского, для того, чтобы ответить на последний вопрос, «нужно написать целую книгу». Так как мы лишены этой возможности, то мы и не станем отвечать на поставленный вопрос. Однако, сам по себе, интересующий нас вопрос, имеет еще и другую сторону. Если несомненно, что историческая концепция нашего автора складывалась под влиянием его общеполитических взглядов, то, с другой стороны, столь же несомненно, что и последние не могли не испытывать на себе самого сильного влияния его исторических взглядов. Этим вопросом—о зависимости политической деятельности Плеханова от его исторических взглядов—мы и займемся в дальнейшем.

Когда, в какой период жизни Г. В. Плеханова сложились у него, в более или менее законченном виде, разобранные нами выше исторические взгляды? Чтобы не называть точных дат, можно сказать, что со второй половины 80-х г.г. Плеханов уже придерживается тех взглядов на русскую историю, которые были им впоследствии систематизированы во «Введении».

[1] Л. Д. Троцкий. Собр. соч., т. VIII, «Политич. силуэты», стр. 58.
[2] В. И. Ленин, собр. соч., т. XX, ч. I, стр. 531.

Отдельные примеры, подтверждающие это положение, мы уже приводили. Приведем еще некоторые, хотя вряд ли в этом есть большая необходимость. В статье «Всероссийское разорение», относящейся к 1892 г., Плеханов характеризует положение русского крестьянина буквально теми же словами, со ссылкой на те же факты, что и во «Введении». «Система «земельного обеспечения» феллаха, — пишет он, — обеспечивала прежде всего прочность египетского деспотизма, система «обеспечения» русского крестьянина обеспечивает (пока обеспечивает) прочность русского царизма. В этом отношении в древнем Египте все было comme chez nous» [1]. Здесь перед нами в четкой формулировке знакомая по «Введению» теория азиатского происхождения русского деспотизма и государственного закрепощения крестьянства.

Еще раньше, в конце 80-х г.г., в брошюре против Л. Тихомирова, Плеханов писал: «Старая московская Русь отличалась совершенно азиатским характером... Москва была своего рода Китаем, но этот Китай находился не в Азии, а в Европе» [2]. В другой статье, относящейся к 1890 г., ту же мысль о благотворном влиянии Запада на исторические судьбы «азиатской» Руси, Плеханов формулирует еще более красочно. Сравнивая Россию с «другими историческими Обломовками, вроде Египта и Китая», он говорит: «Ее (Россию) спасло влияние западных соседей, благодаря которому она уже безвозвратно вступила теперь на путь общеевропейского развития» [3].

Для полноты картины приведем характеристику Петровской реформы. В статье, датированной 1896 годом, Плеханов пишет: «... Петр лишь приделал европейские руки к туловищу, которое все-таки осталось азиатским» [4].

В марте 1902 года, в письме к В. Засулич, Плеханов затрагивает вопрос о характере русского феодализма, в очень любопытной для нас связи. «Я помню,—пишет он,—как в 1895 г. один товарищ старался убедить меня в том, что в России был такой же феодализм, как и на Западе. Я отвечал, что сходства в этом случае не больше, чем между «русским Вольтером»— Сумароковым и настоящим, французским Вольтером, но мои доводы едва ли убедили моего собеседника» [5]. «Собеседник», о котором идет речь, был В. И. Ленин, приезжавший в 1895 г. за границу для переговоров с группой «Освобождение Труда» [6].

Второй вопрос, который заслуживает здесь быть рассмотренным, сводится к выяснению того, в какой степени исторические воззрения, аналогич-

---

[1] Том III, собр. соч., стр. 346.

[2] Собр. соч., т. III, стр. 74.

[3] Собр. соч., т. X, стр. 120.

[4] Там же, стр. 154. В другом месте: «Петр совершил огромный переворот, спасший Россию от окостенения».

[5] «Ленинский сборник», II, стр. 93.

[6] Какова была точка зрения В. И. в этом вопросе, видно из следующего. В 1902 г. в статье «Аграрная программа русск. соц. демократии», он, указывая на «спорность» вопроса о применимости термина «феодал» к нашему поместному дворянству, писал: «Я лично склонен решать этот вопрос в *утвердительном смысле*, но в данном случае, разумеется, не место и не время обосновывать и даже выдвигать это решение, ибо речь идет о защите коллективного, общередакционного проекта аграрной программы». Собр. соч., т. IX, стр. 292. Курсив наш.

ные плехановским, были распространены в среде его политических друзей и товарищей.

Для начала остановимся на взглядах П. Б. Аксельрода, который для нас интересен и сам по себе, как один из виднейших теоретиков и тактиков меньшевизма.

В неопубликованной статье, относящейся к началу 1895 г., этот «патриарх меньшевизма» развивал следующие взгляды на русскую историю. По мнению Аксельрода, народ в России не играл никакой активной исторической роли. «Активной исторической силой являлось только государство, общество же играло роль более или менее пассивного материала, воска, из которого государственная власть лепила, сообразно социально-политическим нуждам, те или иные формы» [1]. Если Россия все же развивалась, то это,—поясняет Аксельрод,—происходило вовсе не в силу какого-нибудь «внутреннего органического развития», а благодаря «развитию и усложнению непосредственно государственных интересов и потребностей». Незачем раз'яснять, что приведенные мысли представляют собой простой пересказ трафарета, созданного либеральной историографией, притом в его наиболее резком варианте [2].

Пойдем, однако, дальше. Если направление нашего общественного развития определялось нуждами и потребностями государства, то чем, в свою очередь, определялись нужды этого Левиафана—государства? По мнению автора «Главнейших запросов русской жизни», силы, воздействием которых определялось социальное творчество государства, находились за пределами России. «Воздействие Запада»—вот та, в последнем счете, решающая сила, которая детерминировала ход исторического развития нашей страны.

Военные столкновения,—убеждает нас Аксельрод,—вовлекли наше государство «в постоянное политическое соперничество с передовыми странами Европы и в круговорот их мировой политики, тем самым поставили государственную власть в необходимость европеизировать свой примитивный военно-административный механизм» [3]. В дальнейшем из этой же всеоб'емлющей причины выводит Аксельрод и ликвидацию крепостного права, и возникновение у нас денежного хозяйства, и появление промышленного капитализма. Короче говоря, история России выступает в этом толковании, как функция различных западно-европейских влияний. До каких исторических обобщений доходит при этом Аксельрод, видно из следующего примера. Толкуя о ликвидации крепостного строя, он, выведя эту ликвидацию из

[1] «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. I, приложения, стр. 251.

[2] Отнюдь не случайно, что как раз в это время Плеханов писал Аксельроду: «Кланяюсь всем *твоим*, а также *Милюкову*, *Лаппо-Данилевскому* и прочим *нашим*». Переписка, т. I, стр. 97. Последний курсив наш. В примечаниях редакции к этому письму имеется следуещее раз'яснение слов Плеханова: «Аксельроду казалось, что в работах... тогда молодых историков (Л.-Данилевский и др.) он нашел подтверждение своих взглядов на взаимоотношение «государства» и «общества» в русской истории. Очевидно, этими своими соображениями он поделился с Плехановым, что и дало Плеханову повод говорить о Милюкове, Лаппо-Данилевском и др., как о «наших».

[3] Там же, стр. 252.

«непосредственного давления» Запада на наше государство, характеризует ее следующим образом: «...Полное крушение крепостного права, на которое в иных странах потребовались целые века, у нас совершилось с такой быстротой и последовательностью» [1].

Что все эти взгляды представляют собою какую-то карикатуру на марксизм—это вряд ли нуждается в доказательствах. Но что ими руководствовался в своей политической деятельности такой авторитетный меньшевик, как Аксельрод, — это тоже несомненно. А отсюда соответствующие следствия...[2].

Аналогичные писания мы встречаем и у такого, в свое время видного лидера меньшевизма, как А. Мартынов. Читатель может найти их в принадлежащих перу Мартынова «Очерках русской истории». Здесь мы ограничимся только одной цитатой. На IV с'езде партии этот автор защищая плехановскую точку зрения по аграрному вопросу, говорил: «У нас реставрация феодализма была бы невозможна после экспроприации помещичьих земель, если бы в основе нашего феодализма лежало поместное хозяйство, но в том-то и дело, что русский феодализм прежде всего есть феодализм государственный (sic). Он сложился на почве закабаления народа государством. И само помещичье землевладение у нас выросло не из вотчинного хозяйства, а из служилых отношений помещиков к государству. Поэтому-то Плеханов прав, когда утверждает, что принцип национализации нисколько не изменяет тех экономических отношений, на почве которых вырос наш азиатский деспотический строй» [3].

Приведенные материалы дают, мы полагаем, возможность выставить два следующих положения:

I. Исторические взгляды, которые Плеханов в развернутом и систематизированном виде изложил во «Введении», в основном, сложились у него не только задолго до эпохи войны, но даже задолго до революции 1905 г.

II. Эти исторические взгляды не были индивидуальной принадлежностью Плеханова. Они разделялись также виднейшими из его политических друзей

---

[1] Там же, стр. 253.

[2] Читателю небезынтересно будет узнать, как представлялись эти «следствия» самому Аксельроду. Рассказывая о своей встрече с Лениным в 1895 г., он следующим образом излагает наметившиеся у него разногласия с В. И. в связи со статьей последнего (К. Тулин, «Экономич. содержание народничества и критика его в книге Г. Струве») в сборнике «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России». «У вас (т.-е. у Ленина—*Э. Г.*),—говорил я—заметна тенденция, прямо противоположная тенденции той статьи, которую я писал для этого же самого сборника (речь идет о цитированной нами статье—*Э. Г*). Вы отожествляете наши отношения к либералам с отношениями либералов к социалистам на Западе. А я как раз готовил для сборника статью..., в которой хотел показать, что в данный исторический момент ближайшие интересы пролетариата совпадают с основными интересами других прогрессивных элементов общества. Опуская дальнейшее, приведем ответ Ленина. «Ульянов—продолжает Аксельрод,—улыбаясь заметил в ответ: Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: «Вы,—говорит,—поворачиваетесь к либералам спиной, а мы—лицом». См. «Переписка», т. I, Прилож., стр. 270.

[3] «Протоколы», стр. 77.

и сподвижников, которые в то же время являлись теоретическими и практическими руководителями определенного общественно-политического направления.

Можно ли, однако, на этом основании заключить, что интересующие нас исторические взгляды представляют собой меньшевистскую концепцию русской истории, своего рода историософию русского меньшевизма?

Тот факт, что эти взгляды были созданы Плехановым, что они разделялись такими столпами меньшевизма, как Аксельрод и Мартынов, как и то, что эти взгляды, в значительной степени, представляют собой некритическое заимствование ходячих воззрений либеральной историографии, несомненно дает известные возможности для такого заключения. Но, только известные и весьма ограниченные возможности.

Только в том случае, если бы оказалось, что историческая концепция Плеханова необходимо ведет к меньшевистской оценке соотношения классовых сил, а, следовательно, и к обусловленной этой оценкой, меньшевистской тактике,—только в этом случае мы могли бы считать неоспоримо доказанным оппортунистическую, меньшевистскую природу самой схемы. К попытке доказать этот «тезис» мы и перейдем.

«Экономическая европеизация России должна сопровождаться ее политической европеизацией»—читатель помнит, что этим итоговым обобщением заканчивтся историческое «Введение» Плеханова. Оставляя в стороне невольно напрашивающиеся возражения против самого термина «европеизация» крайне абстрактного и весьма неопределенного—посмотрим, как представляет себе наш автор форму и характер предстоящей России европеизации.

Начнем с рассмотрения той судьбы, которую процесс европеизации готовит нашему самодержавию.

По мнению Плеханова, «и за русским деспотизмом есть несомненные исторические заслуги...». В чем же они заключаются? «...Главнейшая из них та,—отвечает Плеханов,—что он занес в Россию семя своей собственной гибели. Правда, он был вынужден к этому соседством с Западной Европой, но он все-таки сделал это и заслуживает самой искренней признательности с нашей стороны» [1]. Вряд ли есть необходимость пояснять, что здесь перед нами политическая оценка со стороны Плеханова Петровской реформы.

Однако так было... и прошло. Если прежде самодержание выполняло, в известной степени, прогрессивную роль, то теперь обстоятельства резко изменились.

«С начала шестидесятых годов,—говорит Плеханов,—в России стали назревать новые общественные потребности, которых самодержавие не может удовлетворить, не переставши быть самодержавием» [2]. Какой отсюда следует вывод? «Экономическое банкротство или свержение абсолютизма,—резюмирует Плеханов,—таков единственный выбор, представляющийся современной России» [3].

---

[1] Собр. соч., т. III. стр. 74.
[2] Там же, стр. 76.
[3] Там же, стр. 350.

Нетрудно видеть неправильность этого вывода. Коренная ошибка Плеханова, неизбежно следовавшая из всей его исторической концепции, заключается в какой-то формальной, по сути дела, внеклассовой оценке самодержавия. Азиатский деспотизм непримирим с интересами экономического и политического развития страны, «песенка абсолютизма» уже спета,— постоянно повторяет Плеханов, забывая о том, что самодержание, с одной стороны, представляет собой организацию определенных классов русского общества, что оно, с другой стороны, обладает способностью приспособляться к ходу социально-экономического развития [1]. Этот недиалектический и в то же время поверхностный, формальный подход в оценке самодержавия приводит в дальнейшем Плеханова к ряду других политических ошибок.

Если самодержавие абсолютно противоречит всем интересам экономического развития России, если его сохранение представляет угрозу неизбежного экономического краха всей страны—то отсюда вытекает, не может не вытекать, и соответствующая оценка роли буржуазии. Буржуазия—при данной постановке вопроса—выступает, как класс, интересы развития которого не могут быть примирены с существованием и сохранением самодержавия. Самодержавие должно быть устранено, чтобы могла развиваться буржуазия—такова та дилемма, к которой всем ходом своих рассуждений приходит Плеханов.

«...Недалеко то время,—заключает он,—когда «наше торгово-промышленное сословие», испытав тщетность кротких увещаний, вынуждено будет более строгим голосом напомнить царизму о том, что tempora mutantur et nos mutamur in illis» [2]. Класс буржуазии,—замечает он в другом месте,— «должен будет сознать свои (политические задачи) под страхом разорения» [3].

Переоценка революционности русской буржуазии—вот та коренная ошибка, в которой Плеханов подталкивался своей неверной исторической концепцией и которая, в то же время, составляла «душу живу» меньшевизма.

«Человек, не понявший современного общества,—писал Маркс о Прудоне,—еще меньше может понять то движение, которое стремится разрушить (renverser) это общество» [4]. Это замечание, с известным ограничением, применимо и к Плеханову. Не поняв, точнее говоря, неверно поняв, пути исторического развития России, он ошибочно оценил и те силы, которые должны были разрушить старую после- и полу-крепостническую Россию.

«Предстоящая нашей стране революция, — писал он, — принадлежит к разряду так наз. политических революций, т.-е ... непосредственным результатом ее будет изменение нашего политического строя, падение самодержавия» [5]. Эта, в корне неверная поверхностная оценка революции

[1] «Монархия вообще—говорит Ленин,—не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособиться к различным классовым отношениям господства учреждение».

[2] Собр. соч., т. III, стр. 76.

[3] Там же, стр. 385.

[4] «Письма», стр. 18.

[5] Т. III, стр. 386.

1905 г. еще более усугубляла ошибку Плеханова в вопросе о роли русской буржуазии.

Уже в 1906 г., после поражения декабрьского восстания, после опыта 1-й Думы, Плеханов, обращаясь от своего имени к рабочим, популярно раз'ясняет роль буржуазии в следующим выражениях: «Не потому ненавидит Думу г. Горемыкин, что в ней преобладает буржуазия, а потому, что буржуазия, преобладающая в ней, требует свободы для всех и земли для крестьянства» [1]. Дальше этого в идеализации буржуазии итти некуда... . . . .

Неверно,—и опять-таки в соответствии со всей своей исторической схемой—оценивает Плеханов и роль крестьянства в предстоящей европеизации России. «Пролетарий» и «мужичек»—это постоянные политические антиподы,—пишет он. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка». На «мужичке» целые тысячелетия непоколебимо держались восточные деспотии» [2]. Концепция азиатского типа развития России, как видим, цепко держит Плеханова в своих об'ятиях.

В другом месте, также до революции, Плеханов выразился еще яснее. «Только два направления,—утверждал он,—могут у нас рассчитывать на будущее: либеральное и социал-демократическое. Все остальные «программы» представляют собою лишь эклектическую смесь этих двух направлений и потому осуждены на исчезновение». Итак, революционно-демократическое направление в России, наиболее мелкобуржуазной из всех европейских стран (Ленин), к тому же не проделавшей еще своей буржуазной революции, не имеет, оказывается «будущего» и «осуждено на исчезновение». Здесь сформулирована центральная стратегическая мысль меньшевизма: игнорирование революционной роли, которую в России предстояло сыграть крестьянству.

Освободиться от этой неверной оценки Плеханов не смог даже в годы первой революции, когда крестьянские восстания демонстрировали воочию все значение этой силы. Не поняв аграрно-крестьянского характера революции, верный своей исторической схеме, Плеханов даже опасался широкого размаха аграрной революции, боясь, как бы крестьянская «Азия» не остановила развития буржуазной «Европы».

В заключение отметим взгляды Плеханова на роль и задачи рабочего класса. В статье, относящейся к 1890 г., он писал: «Русский рабочий класс, это класс, которому суждена наиболее европейская роль в русской политической жизни» [3]. Наступила революция 1905 года. Как определил роль рабочего класса в ней Плеханов? На V с'езде партии, полемизируя с Розой Люксембург, он так сформировал свою теорию движущих сил революции: «поддержка пролетариатом революционной буржуазии в интересах революции» [4]. Итак, «наиболее европейская роль», которая суждена пролетариату, сводилась Плехановым, не больше и не меньше, как к поддержке буржуазии...

[1] Собр. соч., т. XV, стр. 90.
[2] Собр. соч., т. XVI, стр. 383.
[3] Там же, стр. 238.
[4] Там же, т. XV, стр. 392.

Теперь мы можем ответить на поставленный раньше вопрос.

Историческая концепция Г. В. Плеханова, несомненно, являлась меньшевистской оценкой путей исторического развития России, меньшевистской философией русской истории. Стратегия и тактика меньшевизма вполне гармонировала с этой исторической схемой, последовательно из нее вытекала.

Это положение вплотную подводит нас и к другому вопросу: о социальной основе этой схемы. Историческая схема Плеханова выросла из той же социальной почвы, которая создала и питала русский оппортунизм-меньшевизм.

А. Молок

Военная организация Парижской Коммуны и делегат Россель

Настоящий очерк (основанный на материалах Ленинградской публичной библиотеки и отчасти Института Маркса и Энгельса) посвящен анализу того, как ставились пролетарской революцией 1871 года *вопросы организации и строительства военных сил и военного аппарата*, но рассматривает постановку этих вопросов не в целом, а лишь в одном разрезе: постольку, поскольку они связаны с личностью крупнейшего военного специалиста, которым располагала Коммуна, Росселя,[1] и его деятельностью на посту ответственного руководителя обороны революционного Парижа—на посту военного делегата (30/IV—9/V). Представляя собою главу из военной истории Коммуны (еще очень мало изученной), предлагаемое исследование является прежде всего и по преимуществу исследованием военно-*политическим* и сознательно оставляет в стороне вопросы военно-*технические* и военно-*оперативные*, как лежащие *вне* задачи и компетенции автора.

I

30 апреля военный делегат Коммуны Клюзере,—недовольство пассивно-оборонительной тактикой которого успело пустить достаточно глубокие корни в правительстве и в общественном мнении революционного Парижа и особенно обострилось в связи с обнаружившимся к этому времени решительным переломом на фронте в благоприятную для версальцев сторону, как и неудовлетворительным состоянием военного аппарата революции,—был

[1] Луи-Натаниэль Россель (1844—1871) кадровый офицер (инженерный полковник) с высшим военным образованием, автор ряда печатных трудов по военной теории и истории, участник войны 1870/71 г.—примкнул к революции 18 марта из патриотических побуждений (из ненависти к «генералам-капитулянтам» и в надежде на то, что победоносная революция разорвет унизительный мирный договор, возобновит войну с немцами и приведет к реваншу французского оружия). Последовательно исполнял обязанности начальника XVII легиона национальной гвардии (22/III—2/IV), начальника главного штаба (3—30/IV) и председателя военного трибунала (16—24/IV), наконец—военного делегата (30/IV—9/V). После разгрома Коммуны был по приговору военного суда расстрелян (28/XI—1871).

арестован и препровожден в тюрьму[1]. В тот же день, по постановлению Исполнительной комиссии, «временно исполняющим обязанности военного делегата» был назначен начальник главного штаба Россель, который тотчас же заявил о своем согласии[2] и немедленно же вступил в исполнение своих новых обязанностей[3]. Действия Исполнительной комиссии были в тот же вечер одобрены Коммуной, большинством голосов санкционировавшей арест Клюзере и замену его Росселем[4].

Революционный Париж, узнавший обо всем этом на следующий день[5], встретил смену военного делегата с полным удовлетворением. По словам газеты «Коммуна», известие об аресте Клюзере вызвало в пролетарских округах города (на Монмартре, в Батиньоле) всеобщий «вздох облегчения» и восклицание: «Еще одним камнем меньше на пути к победе!»[6]. Сводка информационного бюро при военном министерстве, отмечавшая 1 мая выжидательное настроение в «народных кварталах», уже на следующий день сообщала, что массы крайне возбуждены последними событиями и называют бывшего военного делегата не иначе, как вторым Трошю[7]. Центральный комитет национальной гвардии—в лице своей «комиссии обороны»—в письме к Росселю от 1 мая приветствовал его назначение на пост военного делегата как гарантию того, что «отныне оборона Парижа будет вестись с той энергией, которой ей недоставало до сих пор, и что все средства будут использованы»[8].

Иначе отнеслись к смене военных руководителей Парижа в Версале. По словам версальского корреспондента «Indépendance Belge», назначение полковника Росселя временным делегатом по военным делам на место генерала Клюзере пришлось очень не по вкусу в высших версальских правительственных сферах... Россель отличается большой энергией и человек с замечательными способностями; к тому же, он честолюбив и предприимчив... Россель—это такой противник, которого следует бояться»[9].

---

[1] Клюзере был арестован по своем возвращении с южного фронта (после того как ему удалось вновь завладеть эвакуированным было федератами в ночь на 30/IV фортом Исси).

[2] «Я принимаю на себя эти тяжелые обязанности, но мне необходимо самое полное, самое безусловное содействие с вашей стороны, дабы не пасть под бременем обстоятельств»,—писал он при этом членам Исп. комиссии («Journal officiel», 1/V—1871).

[3] «Mém. du général Cluseret», (Paris 1887), II, 106.

[4] B. Malon. «La troisième défaite du prolétariat français» (Neuchatel 1871), p.p. 290—291.—Подробности о том, как состоялось замещение Клюзере Росселем, можно найти в «Mémoires du gén. Cluseret» (t. II) «Mémoires et correspondence de Louis Rossel (chapitre IX), «Journal officiel» (Коммуны) от 22 и 23 мая 1871 г. (отчет о заседании 21/V).

[5] «Journal officiel» (Коммуны), 1 мая 1871 г. А. Молок. «Парижская Коммуна в документах и материалах» (Ленгиз, 1925), стр. 416.

[6] «La Commune», 3/V—1871 г.

[7] Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune» (Paris 1873), p.p. 193, 198.

[8] Ibidem, p. 191.—Центральный артиллерийский комитет, в лице двух своих членов, также поздравлял Коммуну с отставкой Клюзере, «актом столь же решительным, сколь и патриотическим» («Le Vengeur», 2/V—1871).

[9] Цитирую по «Санкт-Петербургским Ведомостям», 1871 г., № 115.

Если верить донесениям агентов информационного бюро, первые же шаги Росселя в качестве военного делегата [1] были встречены с полным одобрением в рабочих кварталах Парижа [2].

«Новый делегат, говорят, стоит на верном пути; пусть он с него не сворачивает: этот путь ведет к победе»: «... вот малый, который не ударит лицом в грязь,—говорят про него почти на каждом шагу» [3]. Таково же было мнение революционной прессы.

Одной из первых забот Росселя как военного делегата была забота о внутреннем укреплении Парижа на случай уличных боев. Приказом от 30 апреля [4] во главе дела постройки баррикад внутри городской черты ставился популярный в предместьях сапожник-коммунист Гайяр-старший (Gaillard-père) [5], который должен был подобрать инженеров и, под общим руководством военного делегата, соорудить «вторую линию укреплений» и «три замкнутые крепости, или цитадели—в Трокадеро, на высотах Монмартра и у Пантеона». Считая, что реализация этого проекта причинила бы в майские дни серьезные затруднения версальцам, бланкист Да-Коста вынужден, однако, признать, что сапожник Гайяр совершенно не годился на роль импровизированного руководителя военно-инженерных работ и высказывает предположение, что Россель поручил ему этот ответственный пост исключительно из-за популярности, которою пользовался Гайяр [6]. С другой стороны, несомненно, что Россель—подобно Клюзере и большинству кадровых офицеров Коммуны, пропитанных предрассудками казармы—недооценивал значения баррикадных боев и в глубине души презирал этот плебейский способ войны [7]. Как бы там ни было, Гайяр, повидимому, с энтузиазмом взялся за дело [8], но результаты его деятельности были столь незначительны [9], что уже 15 мая Делеклюз вынудил его подать в отставку, после чего дело постройки баррикад было возложено на начальника военно-инженерного управления [10].

Затем Россель обращает внимание на «вопиющие злоупотребления» [11] с выдачей жалованья и пайка национальным гвардейцам [12]; чтобы

---

[1] См. Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune» (Paris s. a.), p. p. 102—104.

[2] Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 204.

[3] Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 203.

[4] «Journal officiel», 1/V—1871.—5 мая муниципалитетам было предложено оказывать всемерное содействие Гайяру («Murailles Politiques Françaises», II, 423).

[5] Он принимал участие в работах организованной при Клюзере (под председательством Росселя) «баррикадной комиссии».

[6] Da Costa. «La Commune vécue» (Paris,1904), II, p. p. 176—178.

[7] А. Арну. «Народная история Парижской Коммуны». Пгр. 1919; стр. 180, 200—201.

[8] Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune, p. 164 (письмо Гайяра—Росселю). «La Sociale», 12/V—1871 (открытое письмо Гайяра).

[9] Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune, p. 179.

[10] «Journal officiel», 16/V—1871.

[11] Dauban. «Le fond de la société sous la Commune», p.p. 224—228 (письмо «старого республиканца» К-ту Общ. Спас. от 6/V).

[12] «...В начале мая требовательные ведомости составлялись на 162 250 рядовых и 6 507 офицеров, а между тем фактически в распоряжении военного ведомства име-

облегчить бюджет Коммуны от непомерных расходов, он принимает ряд мер: созывает 1 мая военный совет при участии членов Исполнительной комиссии, Военной комиссии и высших офицеров. Здесь, намечаются две радикальные реформы: во-первых, уменьшение жалованья национальным гвардейцам [1] до обычной в армии ставки с небольшой надбавкой; во-вторых, создание особого контрольно-распределительного аппарата. Обе реформы остались на бумаге: вечером этого дня Исполнительная комиссия лишилась власти (ее заменил Комитет общественного спасения) [1], а Центральный комитет, к которому через несколько дней перешло это дело [3], не двинул его вперед ни на шаг [4].

Что касается интендантства, представлявшего собой, по выражению делегата по продовольствию Виара, «настоящий хаос», то упраздненное [5] приказом Клюре от 28 апреля оно было восстановлено 1 мая [6] и вновь упразднено 2-го [7], при чем назначенный «главным директором хлебопекарен и военных снабжений» интернационалист Варлен категорически воспретил «всякие произвольные реквизиции у поставщиков военного обмундирования и снаряжения» [8]. Одновременно Военная комиссия Коммуны повела решительную борьбу со спекуляцией национальными гвардейцами казенным обмундированием [9], принявшей—благодаря хищениям и беспорядочным выдачам последнего—довольно широкие размеры.

2 мая Коммуна подвергла подробному рассмотрению внесенный военным делегатом проект декрета о создании в каждом округе участковых подкомиссий или «суб-делегаций» (sous-délégations), которые должны были назначаться окружным муниципалитетом и ведать учетом военнообязанного населения, выдачей удостоверений личности, преследованием дезертиров, регистрацией лошадей и пустующих помещений, реквизицией скрытых запасов оружия и боевых припасов. Проект Росселя представлял, по сути дела, дополнение к приказу Клюзере от 26 апреля, учреждавшему в округах так называемые «военные бюро» (bureaux militaires) из семи членов по назначению местных муниципалитетов, но имел перед ним то крупное преимущество, что

лось не более 30 тысяч боеспособных гвардейцев» (Н. Лукин. «Парижская Коммуна 1871 г.»; изд. 2-е, стр. 386).

[1] В то время как Россель говорил об уменьшении жалованья национальным гвардейцам, общественное мнение революционного Парижа—насколько можно судить об этом по имеющимся у нас отрывочным данным—настаивало на его увеличении, как необходимом условии усиления военной мощи Коммуны (См. О. Вайнштейн. «Парижская Коммуна и Французский Банк». «Историк-Марксист», 1926, том I, стр. 40).

[2] «Mém. et corresp. de L. Rossel», p.p. 314—315.

[3] Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 126.

[4] Лишь в самые последние дни Коммуны при делегации финансов был учрежден особый контрольно-следственный аппарат для борьбы с этим злом. («Journal officiel», 18—22/V—1871 г.).

[5] «Procès-Verbaux de la Commune de 1871» (Paris 1924); t. I, p. 443

[6] Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 112.

[7] «Journal officiel», 4/V. А. Молок. «Пар. Ком. в док. и мат.», стр. 419.

[8] «Journal officiel», 7/V—1871 г. А. Молок. «П. К. в док. и мат.», стр. 427.—Ср. «L'Estafette» от 5/V (ст. «Intendance militaire»).

[9] «Journal officiel», 4 и 5/V 1871.

разбивал город не на округа, а на гораздо более мелкие единицы—кварталы и тем значительно облегчал, как учет живой силы и материальных ресурсов, так и надзор за выполнением на местах декретов революционного правительства. После долгого обсуждения Коммуна отвергла этот проект из опасения, как бы новое учреждение, вместо необходимой централизации, не усилило параллелизма и многовластия, царивших в окружной администрации. Решено было ограничиться циркуляром, в котором округам напоминалось бы о необходимости неуклонного исполнения декрета о «военных бюро» [1].

Немало усилий было положено Росселем на борьбу с хаосом, царившим в артиллерийском ведомстве. Приказом военного делегата от 30 апреля [2] всем батареямкак конным, так и пешим, за исключением тех из них, которые находились в этот момент на театре военных действий, предписывалось собраться 1 мая к 12 часам дня во дворе Военной школы (где предполагалось, повидимому, устроить им смотр и взять их на учет); несмотря на угрозу исключения неявившихся из платежных ведомостей, этот приказ не достиг, повидимому, цели [3].

В тот же день (30 апреля) двое членов Центрального артиллерийского комитета были, по приказанию военного министерства, арестованы в Ванве за саботаж, а самый Комитет—об'явлен распущенным [4]. В течение следующих дней «заведующим материальной частью артиллерии», членом Военной комиссии интернационалистом Авриалем был издан ряд распоряжений, имевших в виду упорядочить дело производства, учета и распределения пушек, оружия и снарядов [5].

С большой энергией отдается Россель делу организации кавалерийских частей, без которых нечего было и думать о выполнении задуманного им плана перехода в наступление. 3 мая он извещает делегата финансов Журда о том, что закупил у немцев 1.000 лошадей на сумму 40 тысяч франков [6]. 4-го он воспрещает вывоз лошадей из Парижа даже на аванпосты, под угрозой штрафа в размере тройной стоимости лошади; запрещение не распространялось только на офицеров главного штаба, курьеров, везущих военные приказы и транспорты с'естных и боевых припасов,—при условии, если они снабжены особыми пропусками от военного министерства [7].

7-го генерал Врублевский получает инструкции по формированию отряда вооруженных пиками кавалеристов [8]. 9-го «по предложению военного делегата», Комитет общественного спасения об'являет о реквизиции всех верхо-

---

[1] «Journal officiel», 4/V—1871 г.

[2] «Journal officiel» 2/V—1871 г.

[3] По крайней мере, 12 мая Делеклюзом был подписан аналогичный приказ («Journal officiel», 13/V).

[4] Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 104.—Он продолжал, однако, существовать и вести борьбу с Росселем, которому пришлось 1 мая арестовать еще четырех его членов: см. «La Commune» от 11/V—1871 г. и «Le Vengeur» от 16/V—1871 г. (письмо Центр. арт. к-та—К-ту общ. спас.).

[5] «Journal officiel», 3, 6 и 7 мая 1871 г.

[5] Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 204.

[7] «Journal officiel», 5/V—1871 г.

[8] Bourelly. «Le Ministère de la Guerre», p. 1?8.

вых лошадей—в Париже и на всей территории Коммуны—«для надобностей кавалерии» [1]. В какой мере осуществились все эти мероприятия и насколько возросла при Росселе численность кавалерии Коммуны, насчитывавшей к моменту отставки Клюзере всего три эскадрона,—нам неизвестно.

Одним из самых слабых—как в количественном, так и в качественном отношении—мест военной организации Коммуны был, как известно, командный состав [2]. Еще Клюзере принял ряд мер к качественному улучшению офицерского корпуса, поведя решительную борьбу с текучестью командного состава, ношением офицерами неприсвоенной формы, крайностями выборного начала. Россель пошел по тому же пути. 1 мая всем штабным офицерам (за исключением тех из них, которые обязаны своим чином не производству, а выборам) предписывалось, имея при себе соответствующие документы, немедленно явиться в военное министерство, чтобы, после предварительного испытания, получить то или иное назначение; ослушники об'являлись незаконными носителями офицерского звания [3]. 4-го при военном министерстве учреждается—под председательством члена Центрального комитета и Военной комиссии Коммуны Арнольда—постоянная квалификационная комиссия (jury d'examen) для лиц командного состава. В соответствующем об'явлении от военного министерства говорилось, что отбор будет производиться на основании «интеллектуального развития, а также нравственной и политической физиономии кандидатов» [4]. 9 мая был опубликован приказ Военной иомкссии о ношении офицерами соответствующих их чину знаков отличия [5].

Придавая исключительное значение дисциплине, Россель прилагает все усилия к тому, чтобы поднять ее—хотя бы ценою самых суровых мер—на должную высоту.

2 мая он угрожает немедленным смещением и заключением в тюрьму сроком на один месяц всякому офицеру или военному чиновнику, «который опубликует какой-либо отчет о военных действиях или другой официальный документ, могущий пролить свет на военные ресурсы Коммуны и их распределение» [6]. В тот же день офицерам и всем должностным лицам, состоящим на службе Коммуны, категорически воспрещается «вступать в какие бы то ни было сношения с неприятелем», при чем военный делегат напоминает им

[1] «Journal officiel», 9/V—1871 г.

[2] «...Не было, вероятно, и ста офицеров, достойных этого звания. На всю артиллерию у меня было только два способных офицера»—признается Клюзере («Mémoires du gén. Cluseret», I, 65).

[3] «Journal officiel», 2/V—1871 г.

[4] «Journal officiel», 6/V. А. Молок. «Парижск. Коммуна в док. и мат.», стр. 422.—Вот, для примера, несколько тем, которые задавались кандидатам на этих политических испытаниях: О влиянии французской революции.—О происхождении и значении революции 18 марта.—О национальной гвардии со времени ее образования до наших дней.—О правах и обязанностях граждан.—О преимуществах республиканского правительства над монархическим (Bourelly: «Le Ministère de la Guerre», p. 130; Dauban: «Le Fond de la société sous la Commune», p. 172—173).

[5] «Journal officiel», 9/V—1871 г.

[6] «Journal officiel», 3/V—1871 г. А. Молок. «Пар. Ком. в док. и мат.», стр. 418—419.

правила полевого устава, «которые он намерен заставить исполнять во всей их силе» [1]. «Образуйте военный суд и расстреливайте всех, виновных в неповиновении и оставлении своего поста перед лицом врага. Я заранее одобряю все меры, которые вы примете в этом смысле, лишь бы только вы действовали с необходимой энергией»,—пишет он того же 2 мая полковнику Брюнелю, командующему в Исси [2]. В одном из приказов по армии, подписанных Росселем, говорится: «Пьяные солдаты, а также те, которые позорят свой мундир, появляясь в обществе публичных женщин, будут подвергаться примерному наказанию и вне очереди отправляться на передовые позиции» [3]. 7 мая, находясь на фронте (в Пти-Ванве), Россель велит подвергнуть примерному наказанию нескольких офицеров и гвардейцев, самовольно оставивших свой пост: в присутствии военного делегата, генерала Ля-Сесилиа, и большой толпы федератов, виновным был отрублен правый рукав мундира; эта «невинная экзекуция» произвела все же сильное впечатление на присутствующих [4]. 9 мая, в последний день своей деятельности, Россель издает следующий приказ [5]: «Строго воспрещается прерывать огонь во время сражения, даже если бы неприятель поднял вверх приклады и выкинул белый флаг парламентера [6]. Под угрозой смертной казни, воспрещается продолжать огонь, после того, как отдан приказ прекратить его, или итти вперед, когда приказано остановиться. Беглецы и те, которые отстанут по дороге, будут изрублены кавалерией, а если их окажется очень много—обстреляны из орудий. Во время боя командующие могут делать все, что найдут нужным, чтобы заставить офицеров и солдат, находящихся под их начальством, итти вперед и подчиняться приказам». С одинаковой строгостью взыскивает Россель как с рядовых гвардейцев и младших офицеров [7], так и с лиц высшего командного состава. Так, он отзывает полковника Ветцеля, позволившего себе несколько раз обращаться с просьбой о подкреплениях к различным военным инстанциям, минуя, как своего прямого начальника, так и военного делегата [8]. За подобное же нарушение военной субординации он делает замечания генералам Эду и Врублевскому, которые сносились непосредственно с Комитетом общественного спасения [9].

---

[1] «Journal officiel», 3/V—1871 г. А. Молок. «Пар. ком. в док. и мат.», стр. 418.

[2] «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars» (Paris 1872), p. 510.

[3] Charles Prolès. «Le colonel Rossel», (Paris 1898), p. 78.

[4] «Mém. et corresp. de Rossel», p. 325. Da Costa. «La Commune vécue». II, 212—213.—Газета «Estafette» (в № от 8/V) заканчивала описание этой сцены следующими словами: «Из сказанного выше можно составить себе ясное представление о характере полковника Росселя, который подобными мерами строгости сумеет бороться с разложением и воспламенять угасающий энтузиазм».

[5] «Journal officiel», 10/V 1871 г.

[6] Излюбленная военная хитрость версальцев, на к-рую часто попадались федераты.

[7] См. в высшей степени характерный эпизод, рассказанный Барроном («Sous le drapeau rouge», p. 150—152).

[8] «Journal officiel», 5/V. А. Молок. «Пар. ком. в док. и мат.», стр. 420.

[9] «Enq. parl. sur l'insur. du 18 mars», p. 510. Dauban. «Le Fond de la société...», p. 221.

Россель откликается на все,—желая «создать себе репутацию энергичного военного вождя, который один лишь способен спасти Париж» [1],—и успевает думать о самых различных вещах.

«В виду предстоящих военных операций», он просит директора табачной мануфактуры сообщить ему, в состоянии ли тот обеспечить армию шестимесячным запасом» [2]. 5 мая он распределяет военные силы Коммуны на три действующие армии и две резервные бригады [3].

К «жителям сельских коммун, страдающих от огня парижской артиллерии», он обращается с прокламацией, в которой говорит, что, если они хотят быть застрахованы от новых жертв, они должны соблюдать в отношении Парижа не «простой нейтралитет», а «нечто вроде союза», своевременно сообщая военным властям о всех передвижениях версальцев [4]. К гражданке Андре Лео, главному редактору «La Sociale», Россель обращается с письмом, в котором просит ее указать ему, каким образом можно было бы использовать женщин, предлагающих свою помощь по санитарному обслуживанию фронта [5]. 7 мая он предлагает Домбровскому, в случае, если немцы очистят—как тогда предполагалось—Сен-Дени, принять меры к тому, чтобы организовать и вооружить национальную гвардию этого города [6].

Среди этой колоссальной организационной работы [7], Россель—как увидим ниже—ни на минуту не упускает из виду своих обязанностей руководителя военными операциями, упорно отстаивая—в обстановке все растущей внутренней борьбы между органами революционного правительства—свои права министра и главнокомандующего.

2

Если члены Военной комиссии Коммуны, распределив между собой отдельные отрасли военного ведомства, деятельно помогали Росселю в его административно-организационной работе, то отношение к военной делегации со стороны Комитета Общественного Спасения и Центрального комитета национальной гвардии оставляло желать много лучшего.

Первые же шаги Комитета Общественного Спасения,—образовавшегося вечером 1 мая в составе двух якобинцев (Феликс Пиа и Лео Мелье), двух бланкистов (Антуан Арно и Габриель Ранвье) и одного беспартийного, при-

---

[1] Талес. «Коммуна 1871 года», стр. 119 (по изд. Гиза 1925).

[2] Dauban. «Le fond de la société sous la Commune», p. 220.

[3] «Journal officiel», 6/V 1871 г.

[4] «Journal officiel», 6 мая 1871 г.

[5] «La Sociale», 7/V 1871 г.—В ответном письме Андре Лео рекомендовала Росселю сформировать особые санитарные отряды для работы на передовых позициях, поставив во главе их женщин-врачей («La Sociale», 9/V.—Ср. А. Молок. «Очерки быта и культуры Парижской Коммуны», стр. 106, 109—110).

[6] Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 138.

[7] Об интенсивности работы Росселя в качестве военного делегата свидетельствует, между прочим, количество официальных бумаг, вышедших из его кабинета за девять дней его пребывания на этом посту: оно доходит до 200, в том числе 1 мая—31, 2-го—27 (Dauban. «Le fond de la société sous la Commune», p. 246).

мыкавшего к бланкистам (Шарль Жерарден)[1],—свидетельствовали о том, что он—еще менее, чем предшествовавшая ему Исполнительная комиссия—расположен отказаться от систематического вмешательства в деятельность военного министерства[2], во главе которого оказался теперь кадровый офицер без всякого революционного прошлого и с не вполне отчетливой политической репутацией.

Официальная встреча Росселя с новым правительством (состоявшаяся вечером 2 мая) не только не сблизила их (на что рассчитывал, повидимому, Шарль Жерарден), но, наоборот, привела к резкому столкновению военного делегата с главной скрипкой Комитета—Феликсом Пиа[3],—этим, по выражению интернационалиста Малона, «злым гением революции 18 марта»[4], самовлюбленным романтиком, жившим исключительно традициями 1793—1794 годов и усердно копировавшим деятелей Конвента.

3 мая Комитет общественного спасения, не предупредив Росселя, решил восстановить упраздненный 1 апреля пост главнокомандующего, назначив таковым Домбровского[5]; правда, по требованию военного делегата[6],—отрицательно отнесшегося, как к самой идее особого главнокомандующего, так и к выбору, сделанному Комитетом,—последний взял назад свой декрет (не успев даже опубликовать его), и Домбровский вернулся к своим функциям командующего силами Коммуны на правом берегу Сены[7]. Потерпев неудачу в этом вопросе, Комитет общественного спасения решил нанести военному делегату удар с другой стороны и сделал попытку вмешаться в руководство военными операциями, минуя военное министерство. 3 мая генерал Врублевский, командовавший южным фронтом, получил подписанный Ант. Арно и Ф. Пиа приказ, предписывавший ему немедленно отправиться на помощь форту Исси[8]. Врублевский не посмел ослушаться Комитета общественного спасения; он провел ночь с 3 на 4 мая в Исси, а во время его отсутствия редут Мулен-Сакэ, расположенный в районе его командования, был внезапно атакован и захвачен версальцами, при чем федераты потеряли 8 пушек, 150 человек убитыми и ранеными и 300 пленных[9]. Как только весть об этой катастрофе дошла (4 мая) до Коммуны, Россель (лишь на следующий день узнавший об отданном Врублевскому приказе) был вызван в Ратушу для дачи об'яс-

---

[1] «Journal officiel», 4/V 1871. А. Молок. «Пар. Ком. в док. и мат.», стр. 328—334.

[2] «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 314.

[3] «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 317—318.

[4] Malon. «La Troisième défaite du prolétariat français», p. 308.

[5] Mém. et corresp. de Rossel», p. 318.

[6] Dauban. «Le fond de la société sous la Commune», p. 221 (письмо Росселя—Шарлю Жерардену).

[7] Mém. et corresp. de Rossel», p. 318—319: Россель утверждает, что, как показал опыт, Домбровский совершенно не годился на роль главнокомандующего.—Таково же мнение Клюзере («Mém. du gén. Cluseret», I. 174, 244).

[8] «Enq. parl. sur l'insur. du 18 mars», p. 521.

[9] «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 319—320. Lanjalley et Corriez. «Hist. de la révolution du 18 mars». Paris 1871; p. 396 (бюллетень Тьера от 4 мая). После ухода версальцев, редут был вновь занят федератами.

нений [1]. Обрисовав последние события на фронте, он напал на Комитет общественного спасения и, в частности, на Феликса Пиа, утверждая, что неумелое вмешательство последнего явилось причиной последних неудач. Затем он категорически потребовал открытого заседания под тем предлогом, что то, что он имеет сказать, «должны знать все граждане Парижа». «Это желание не было, однако, удовлетворено, под тем предлогом, что не «следует слишком раскрывать карты перед Версалем...» [2]. Феликс Пиа, задетый за живое упреками Росселя, первоначально категорически отрицал факт подписания инкриминируемого ему приказа [3]. Но затем под напором и Арну и Ж.-Б. Клемана—представителя «меньшинства» и представителя «большинства»—он принужден был просить об освобождении его от обязанностей члена Комитета Общественного Спасения [4].

Итак, Росселю удалось как-будто отстоять свои права военного министра и главнокомандующего от посягательств со стороны Комитета общественного спасения. Однако в то же самое время ему пришлось выдержать тяжелую борьбу с Центральным комитетом национальной гвардии, обнаружившим к началу мая явное стремление выйти из своей пассивной роли «большого семейного совета национальной гвардии» (роли, которой он давно тяготился) и использовать политические затруднения совета Коммуны (ослабленного фракционной борьбой), как и непрерывные неудачи на фронте—для захвата в свои руки управления военным ведомством.

Уже 1 мая, приветствуя назначение Росселя на пост военного делегата, комиссия обороны Центрального комитета настаивала на предоставлении ей «общего контроля над крепостными работами и артиллерией», а также права подписывать ордера на выдачу фортам и бастионам боевых припасов [5]. Россель отвечал, что вполне разделяет точку зрения Центрального комитета на «необходимость привлечь к содействию делу защиты республики революционную силу» федерации и обещал доводить до сведения Комитета обо всех своих организационных начинаниях [6]. Одновременно,—надеясь, повидимому,

---

[1] Лиссагарэ. «Ист. Парижской Коммуны», стр. 290.—В письме от 3 мая, жалуясь на то, что его ставят в «невозможное положение агента, ответственного и в то же время бессильного», Россель сам просил, чтобы Коммуна выслушала его—«по вопросу о полномочиях военного делегата и о вторжении Комитета общественного спасения в сферу этих полномочий» (Bourelly. «Le Ministère de la Guerre...», p. 121—122).

[2] Malon. «La troisième défaite du prolétariat français», p. 303—304.

[3] Лиссагарэ. «История Парижской Коммуны», стр. 291.—Так как секретная часть заседаний Коммуны не опубликовывалась в ее «Journal officiel», а подлинные протоколы майских заседаний еще не изданы (I том «Procès-Verbaux de la Commune de 1871», в издании Бурженa и Анрио 1924 г., обнимает лишь март—апрель), то мы даем здесь, как и в дальнейшем, лишь пересказ соответствующих заседаний Коммуны—на основании Лиссагарэ, использовавшего для своей книги (правда, лишь очень отрывочно) рукописные протоколы майских заседаний.

[4] Отставка Ф. Пиа либо не была принята Коммуной, либо была взята им назад: во всяком случае, он оставался членом К. О. С. вплоть до реорганизации последнего 9 мая.

[5] Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 191.

[6] Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 110, 111.

путем таких частичных уступок обозоружить Центральный комитет,—он старается привлечь его членов к активному участию в создании задуманного им контрольно-следственного аппарата по упорядочению дела денежного довольствия национальной гвардии [1].

Это «мирное» сожительство Росселя с Центральным комитетом продолжалось, однако, недолго. Поводом к возгоревшемуся вскоре острому конфликту послужила задуманная военным делегатом коренная реформа активной части национальной гвардии, реформа, на которой нам придется остановиться здесь несколько подробнее.

Считая, что продолжение тактики пассивной обороны, в которой замкнулся Клюзере, может лишь отсрочить падение Парижа, но отнюдь не предотвратить такового [2], Россель уже с первых дней своего министерства думает о переходе в наступление [3]. Но структура национальной гвардии, состоявшей из неравных по численности боевых единиц—легионов, представляла, как показал опыт, большие тактические неудобства. Создать в недрах национальной гвардии небольшой корпус, составленный из однородных—по числу батальонов и бойцов—полков и способный действовать в открытом поле регулярной армии противника,—такова была мысль Росселя [4].

30 апреля он приступает к работе. Бержере поручается выбрать пять лично известных ему батальонов (численностью в 300—400 человек каждый) и сформировать из них полк под командой полковника и двух подполковников); Эд должен был сформировать два таких полка, Домбровский—четыре, Ля-Сесилиа—один. Каждому из полков должна была быть придана легкая артиллерия, из расчета по одному орудию на батальон, а все сливаемые батальоны должны были сдать свои батальонные знамена. Организованные таким образом восемь полков—по 2 000 штыков и 5 полевых орудий в каждом—должны были составить ядро той действующей армии, в каковую военный делегат мечтал превратить со временем всю активную часть (все маршевые батальоны) национальной гвардии [5].

Этот проект не замедлил вызвать против себя сильнейшую оппозицию. «Термин «полки», на котором я остановился вместо термина «бригады», дабы не умножат числа генералов, поверг в смятение начальников легионов, кото-

---

[1] Ibidem, p. 112.

[2] «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 316.—Ср. E. Lepelletier. «Histoire de la Commune en 1871», III, 403—416 («Les fautes du général Cluseret»).

[3] По словам Баррона («Sous le drapeau rouge», p. 146), план перехода в наступление, выработанный Росселем, заключался в следующем: Путем ряда вылазок очистить от неприятеля подступы к Парижу с юга, затем,—заняв внимание противника ложной диверсией резервных частей национальной гвардии на каком-либо участке городских валов,—обойти высоты Медона, Шавилля и Вирофлэ, страшные своими батареями, и внезапной атакой (с тыла и с флангов) захватить Версаль.

[4] Критикуя этот проект, Луи Фио («Histoire de la guerre civile en 1871», p. 395) справедливо упрекает его в том, что он запоздал (le vrai reproche qu'on lui pouvait adresser était d'être tardif).

[5] «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 315—316.—Россель имел в виду придать потом этому корпусу из 8 полков и тяжелую артиллерию, от 12 до 16 орудий (ibidem).

рые усмотрели в новой организации посягательство на свои полномочия»,—писал впоследствии Россель [1]. «На молодого делегата посыпались обвинения в том, что он хочет дезорганизовать национальную гвардию, как-будто бы она не была дезорганизована, раз'единить силы революции, как-будто бы они не были раз'единены» [2]. Центральный комитет пожаловался Коммуне, которая 2 мая вызвала к себе Росселя на секретное заседание. После краткого политического экзамена, которому подверг его председательствовавший Жюль Мио (якобинец) [3], военному делегату был задан вопрос о мотивах предпринятой им реорганизации национальной гвардии. Россель дал следующие об'яснения: «Формирование полков нисколько не исключает существования легионов. Легион—это политическая и административная единица (unité politique et administrative), соответствующая округу; но это не есть тактическая единица (unité tactique), что ясно видно из того, что в Париже имеется легион, состоящий из 7 батальонов, и другой, состоящий из 28 [4]. Приступая к формированию полков, я имел в виду просто сгруппировать небольшое количество батальонов, принадлежащих к одному и тому же легиону и образующих, под именем полка или полубригады, настоящую тактическую единицу» [5]. «... Он изложил свой проект сформирования полков, как настоящий специалист, так удачно, так хорошо, что совершенно пленил собрание»,—пишет Лиссагарэ: «Ваши откровенные об'яснения удовлетворили Коммуну,—сказал ему председатель,—будьте уверены в ее полном вам содействии» [6].

Итак, Коммуна одобрила как-будто реформу, популяризацию которой взяла на себя газета «Отец Дюшен» [7], но Центральный комитет и начальники легионов, разделяя анархические и партикуляристские предрассудки выдвинувших их масс, не хотели сдаваться. Для обсуждения создавшегося положения вечером 2 мая (точнее—в ночь со 2 на 3) было устроено расширенное заседание Комитета с участием начальников легионов (из 20 полковников на приглашение откликнулись 15). Комбатц (начальник VI легиона) заявил, что задуманная военным делегатом реформа уничтожает единство, заключающееся в батальоне, как и «легендарную славу» некоторых из них. Бурсье

[1] «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 324.

[2] Barron. «Sous le drapeau rouge», p. 149.

[3] Росселю был задан вопрос о его «демократическом прошлом», на который он отвечал, что со времени военного разгрома Франции глубоко возненавидел старый социальный строй и будет до конца против него бороться (Malon. «La troisième défaite du prolétariat français», p. 304).

[4] По другим сведениям, самый крупный в Париже легион национальной гвардии—XI (Сент-Антуанское предместье)—насчитывал только 25 батальонов; за ним шли XVIII легион (Монмартр), состоявший из 21 батальона, X (Сен-Лоран)—из 18 батальонов и XX (Менильмонтан)—из 17; численность остальных легионов колебалась между 7 (VII легион) и 12 батальонами, при чем наименьшее число батальонов насчитывал XVI легион (Пасси)—2 («Tableau des bataillons de la garde nationale de la Seine avec leur répartition par arrondissement». Ленингр. Публ. Библ., 33. 62. 1. 108).

[5] «Journal officiel», 4 мая 1871 г.

[6] Лиссагарэ. «Ист. Парижской Коммуны», стр. 288.—Ср. Lefrançais. «Souvenirs d'un révolutionnaire», p. 520.

[7] «Le Père Duchênne», 17 floréal an 79 (6/V—1871).

(начальник I легиона) отметил, что полк должен будет иметь одно знамя, и выразил сомнение в том, чтобы какой-либо из батальонов согласился отказаться от своего старого знамени. Спинуа (начальник III легиона) подчеркнул, что раз командиры полков не будут избираться, то при их замещении будет иметь место кумовство. Некоторые из присутствующих пошли еще дальше и, не ограничиваясь резким осуждением проекта Росселя, потребовали полного упразднения военной делегации с заменой ее Центральным Комитетом. Лякор внес предложение голосовать отрешение Росселя и довести об этом до сведения Коммуны, но член Коммуны Арнольд возразил, что последняя не пойдет в этом вопросе навстречу Комитету, в котором она продолжает видеть соперника [1]. В конце-концов, было единогласно решено отправиться на другой же день в Ратушу и представить Коммуне следующие два требования: а) упразднение военного министерства и б) замена последнего Центральным Комитетом национальной гвардии [2].

На следующий день (3 мая), около полудня, в кафе национальной гвардии (на площади Ратуши) состоялось многолюдное собрание членов Центрального комитета и начальников легионов для выборов делегации, которая должна была представить Коммуне принятые в ночном заседании решения. Россель, узнав об этом собрании, тотчас же распорядился отправить на место действия сильный отряд федератов, чтобы арестовать собравшихся; отряд прибыл, однако, слишком поздно, и арестовать удалось лишь одного из инициаторов [3]. Остальные, с саблями и револьверами на боку, явились в Ратушу, но, не застав там никого из членов Коммуны, оставили записку следующего содержания: «Комитет общественного спасения примет Центральный комитет в 5 часов» [4]. Феликс Пиа, найдя эту записку, испугался и бросился за указаниями в Коммуну [5], которая, после долгого обсуждения, высказалась за передачу вопроса в Комитет общественного спасения [6].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники—слишком скудные и крайне противоречивые в этом пункте—не дают, к сожалению, возможности восстановить с полной ясностью картину переговоров, которые велись—3 и 4 мая—между Комитетом общественного спасения, военным делегатом и Центральным комитетом в связи с выдвинутыми последним требованиями [7]. Как бы там ни было, вопрос был разрешен путем компромисса. Комитет Общественного спасения—декретом от 15 флореаля (4 мая)—постановлял, что «военная делегация включает в себе два отдела: военно-оперативный и административный» (ст. 1), что «на полковника Росселя возлагаются инициатива и руководство военными операциями» (ст. 2), и что «Центральный Комитет нацио-

[1] Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 116.

[2] Maxime Vuillaume. «Deux Drames (1871)». Paris 1912; p. 132—133.

[3] Это был начальник I легиона, полк. Бурсье (J. de Gastyne. «Mémoires secrets du Comité central et de la Commune», p. 114).

[4] Лиссагарэ. «История Парижской Коммуны», стр. 288.

[5] Ibidem.

[6] Malon. «La Troisième defaite du prolétariat français», p. 300.

[7] См. противоречивые данные об этих переговорах в «Mém. et corresp. de Rossel» (p. 322) и у J. de Gastyne: «Mémoires secrets du Comité central et de la Commune» (pp. 112—125).

нальной гвардии будет заведывать различными административными отделами военного ведомства под непосредственным контролем Военной комиссии Коммуны» (ст. 3) [1].

Как и следовало ожидать, Россель согласился на эту урезку своих полномочий (оставлявшую ему фактически лишь функции главнокомандующего и совершенно отнимавшую у него права военного министра), не без борьбы [2]. В своих записках он рассказывает, что уступил лишь тогда, когда окончательно убедился в отсутствии у него всякой серьезной точки опоры и после того, как один из делегатов Центрального Комитета категорически заверил его в том, что последний сумеет выдвинуть из своей среды необходимый кадр способных администраторов и организаторов («мы пощупали себе пульс и знаем, что справимся»,—сказал этот делегат) [3].

В циркуляре, адресованном 4 мая «генералам, полковникам и начальникам отделов, подведомственных военной делегации», Россель мотивировал свое решение следующими тремя соображениями: 1) «невозможностью, в нужный срок, подобрать необходимый для работы административный персонал»; 2) «целесообразностью полного отделения администрации от командования»; 3) «необходимостью самым действительным образом использовать не только добрую волю, но и высокий революционный авторитет Центрального комитета федерации» [4].

Бакунист Малон и бланкист Да Коста сходятся в осуждении описанной выше реорганизации военного ведомства: первый (в свое время выдвинувший Росселя на пост начальника главного штаба и горячо поддерживавший его и позже) называет постановление Комитета общественного спасения от 4 мая «пагубным» и говорит, что оно «связывало Росселя по рукам и ногам и узаконяло беспорядок, царивший в военном министерстве» [5]; второй считает его неудачным потому, что оно раздробляло руководство военным ведомством между тремя органами—военным делегатом, Центральным комитетом, Военной комиссией Коммуны [6].

Если верить сводке полицейско-информационного бюро, от 7 мая национальные гвардейцы с большим удовлетворением встретили известие о том, что Центральный комитет начнет «играть наконец выдающуюся роль в великой драме момента» [7]. Мнение революционной прессы разбилось. В то время как газета Феликса Пиа приветствовала решение Комитета общественного спасения, как «хорошую меру» (une bonne mesure) [8],—другой орган якобинцев, редактируемый Делеклюзом, об'являл отделение административной части

---

[1] «Journal officiel», 6/V—1871.

[2] См. Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 126.

[3] «Mém. et corresp. de Rossel», p. 322—323.

[4] «Journal officiel», 5 мая 1871 г.

[5] Malon. «La Troisième défaite du prolétariat français», p. 301.

[6] Da Costa. «La Commune vécue», II, 182.

[7] Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 240.—Интересно, что одновременно та же сводка отмечала рост популярности Росселя в «народных кварталах» (ibid., p. 239).

[8] «Le Vengeur», 6 мая 1871 г. (ст. «Une bonne mesure»).

военного министерства от оперативной крайне несвоевременным и нецелесообразным. «Отец Дюшен» горячо отстаивал права военного делегата.

Между тем, начиная с 4 мая [1], Центральный комитет национальной гвардии приступает—через свои специальные комиссии—к фактическому захвату военного ведомства [2]. Явившись в интендантство, делегаты Комитета предложили руководителю этого учреждения—члену Военной комиссии Варлену—устраниться и сдать им дела; последний, однако, категорически отказался подчиниться такому требованию и согласился допустить представителей ЦК в свое ведомство лишь на правах контролеров (но отнюдь не администраторов). Одновременно делегат финансов Журд получил от финансовой комиссии Центрального комитета письмо, уведомлявшее его о переходе счетно-финансовой части военного министерства в руки этой комиссии. В другом отделе военного министерства, находившемся под управлением члена Военной комиссии бланкиста Жоаннара, служащие просто оставили работу и ушли в Центральный комитет, на заседание [3].

Перед лицом таких фактов Коммуна забила отбой: в заседании 8 мая декрет Комитета общественного спасения от 4 числа подвергся резким нападкам—главным образом, со стороны членов прудонистско-бакунистского «меньшинства» (якобинцы, как и следовало ожидать, защищали свое детище). Инициатором дисскуссии явился Журд, огласивший полученное им от финансовой комиссии Центрального комитета письмо и охарактеризовавший создавшееся в военном ведомстве положение, как «хаос»: «... Я спрашиваю,— закончил он под возгласы одобрения, — как называется правительство — Центральный комитет или Коммуна?». Интернационалист Варлен, член Военной комиссии, жалуясь на образ действий Центрального комитета, заявил, что не может при создавшемся положении продолжать исполнение своих обязанностей уполномоченного по интендантству. Члены Комитета общественного спасения защищали свой образ действий. «...Используя Центральный комитет,—говорил Шарль Жерарден,—мы повиновались требованиям момента. У Росселя не было под руками никого, и мы не могли сделать ничего лучшего, как обратиться к представителям национальной гвардии: только там мы могли найти действительную силу, серьезную опору, преданность делу республики и Коммуны...». «Центральный Комитет»,—говорил Феликс Пиа,— «потребовал себе руководства административной частью военного министерства. Он сказал: «существуют две сферы: одна — чисто-военная, другая — чисто-административная; первая должна быть предоставлена военному делегату, вторая—Центральному комитету; мы не претендуем ни руководить военными операциями, ни смещать генералов: мы—только администраторы». Закончил он выпадом против военного делегата: «Если у гражданина Росселя не оказалось ни сил, ни умения удержать Центральный комитет в пределах его чисто-административных функций, то нельзя винить в этом Комитет общественного спасения...» В конце концов, было поставлено на голосование

[3] Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 207 (протокол заседания ЦК 4 мая).

[4] «L'Estafette», 7/V—1871 г.

[5] См. отчет о заседании Коммуны 8 мая в «Journal officiel» от 10/V 1871 г.

и принято предложение члена Военной комиссии (и ЦК) Арнольда[1]. Оно было опубликовано на следующий день в виде декрета, носившего явно-компромиссный характер, признавая, что «участие Центрального комитета национальной гвардии в управлении военным ведомством, установленное Комитетом общественного спасения, есть мера необходимая и полезная для общего дела», Коммуна поручала своей Военной комиссии «урегулировать, по соглашению с военным делегатом, взаимоотношения Центрального комитета с военной администрацией»[2]. Одновременно был опубликован приказ военной комиссии, в силу которого Центральный комитет не имел права назначать служащих по военному ведомству, а мог лишь предлагать своих кандидатов Военной комиссии, которой и принадлежало окончательное решение; вместе с тем, Центральный комитет обязывался представлять Военной комиссии ежедневные отчеты о работе каждого из отделов министерства[3].

Так, Коммуна пыталась взять—по частям—назад то, на что согласилась за четыре дня перед этим. Но Центральный комитет одержал все же если не полную, то частичную победу,—и двоевластие в военном ведомстве стало совершившимся фактом: характерно, что тот же номер «Официальной газеты», в котором был опубликован приказ Военной комиссии, суживавший административные права Центрального комитета, содержал постановление Комитета общественного спасения, назначавшего одного из виднейших членов ЦК, бланкиста Эдуарда Моро, «гражданским комиссаром Коммуны при военном делегате»[4].

Став твердой ногой в военном министерстве, Центральный комитет повел решительную борьбу с начатой военным делегатом реформой—организацией полков. Вечером 8 мая группа начальников легионов явилась к Росселю с тем, чтобы заставить его отказаться от своего проекта[5]. Во дворе министерства они наткнулись на вооруженный взвод национальных гвардейцев. Военный делегат, решивший раз-навсегда покончить с этой бесконечной оппозицией, встретил их крайне враждебно: «Вы очень уж храбры»,—сказал он,—«знаете ли вы, что этот взвод приготовлен для того, чтобы вас расстрелять?». Начальники легионов отвечали, что они пришли просто поговорить с ним об организации национальной гвардии. После минутного колебания Россель уступил, отослал взвод и согласился выслушать их протесты. Сцена, которая чуть-было не привела к трагической развязке, закончилась чем-то вроде соглашения: начальники легионов обязались собрать на следующее утро на площади Согласия 12 тысяч готовых к походу федератов, с которыми Россель брался предпринять вылазку против неприятеля.

---

[1] «Journal officiel», 10 мая 1871 г.

[2] «Journal officiel», 9 мая 1871 г.

[3] «Journal officiel», 9/V 1871 г.—ЦК решительно протестовал против подобного ограничения своей административной компетенции (см. декларацию Эд. Моро от 10/V и письмо Лякора Делеклюзу: «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», p. 516—517).

[4] «Journal officiel», 9/V 1871 (см. письмо Эд. Моро в редакцию «Estafette» от 10 мая, опубликованное газетой 13 и содержавшее его военную программу).

[5] Лиссагарэ. «История Парижской коммуны», стр. 298.

На следующий день «Отец Дюшен»,—редакторы которого были свидетелями сцены, имевшей накануне место в военном министрестве [1],—разразился громовой статьей против комитетчины, ставя перед военным делегатом следующую дилемму: либо послать в Коммуну заявление об отставке, либо велеть расстрелять всех тех, которые ставят ему палки в колеса. «Знает ли кто-нибудь другой выход из положения? Отец Дюшен знает только один: это—победа. В былое время ее декретировали! Но тогда был папаша Карно..., который делал все дело и притом так, как считал нужным... А теперь!..» [2].

Эта статья вызвала резкий протест со стороны Центрального комитета, который—письмом в редакцию газета «Коммуна» [3] — требовал от редакции «Отца Дюшена» прекращения травли членов Комитета, который взял-де на себя руководство административной частью военного министерства «единственно для того, чтобы разгрузить гражданина Росселя», с которым он «находится в наилучших отношениях», и дать ему возможность всецело отдаться руководству военными операциями. Однако в то же самое время Центральный комитет, не довольствуясь организационно-административными функциями, позволял себе—если не систематически, то все же время от времени—вмешиваться и в область чисто-оперативную [4].

3

Анализ военных операций сам по себе не входит, как уже сказано, в задачи настоящего исследования. Тем не менее, для правильного понимания последующего нам придется все же остановиться—хотя бы вкратце—на ходе военной борьбы между Парижем и Версалем за время девятидневного министерства Росселя и, в частности, на важнейшем военном событии этого периода—вторичном (и окончательном) оставлении федератами форта Исси.

Если до второй половины апреля военные действия шли с переменным успехом, то с этого времени, в связи с усилением армии Тьера, перевес явно склоняется на сторону версальцев,—при чем внимание генералов Национального собрания сосредоточивается теперь преимущественно на южном фронте, где федераты терпят ряд крупных неудач, поправить которые Россель оказывается так же бессилен, как до него Клюзере. В ночь на 2 мая, после кровопролитного боя, версальцы захватывают замок Исси и одновременно, почти без всякой перестрелки, овладевают важной в стратегическом отношении станцией Кламар [5]. В ночь с 3 на 4 они совершают набег на редут Муллен-Сакэ [6]. В ночь на 6-ое в руки версальцев переходят укрепления, распо-

[1] М. Вильом. «В дни коммуны», стр. 146.

[2] «Le Père Duchêne», 20 floréal an 79 (9 мая 1871), p. 2—4.

[3] «La Commune», 11 мая 1871 г. (письмо датировано 9/V и подписано одним из членов ЦК—Руссо).

[4] 8 мая Россель писал члену ЦК Лякору: «Я хотел бы, чтобы Центральный Комитет учредил особую комиссию юстиции, которая могла бы расстреливать когоугодно, даже меня, лишь бы он оставил за мной неограниченное руководство военными операциями» (Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 139).

[5] Lanjalley et Corriez. «Histoire de la révolution du 18 mars», p. 378 (бюллетень Тьера от 2 мая). При этом коммунары потеряли 300 убитых и около 400 пленных.

[6] Ibidem, p. 396 (бюллетень Тьера от 4 мая).

ложенные между Исси и Ванвом: сообщение между обоими фортами было прервано [1].

Убедившись, что ближайшей целью версальцев является овладение фортом Исси [2], Россель уделяет этому участку фронта совершенно исключительное внимание. «Вы, конечно, поймете»,—пишет он 2 мая посланному им туда Эду [3],—«что Коммуна не остановится ни перед чем, чтобы сохранить за собой форт Исси [4]...». В тот же день он заверяет Комитет общественного спасения, что никогда не отдаст приказа об эвакуации форта [5]. 3-го он адресует Эду пространную инструкцию [6] и—в ответ на бесконечные депеши, которыми последний забрасывает Комитет общественного спасения и военное министерство [7] — посылает ему три роты саперов, партию земляных мешков, провиант [8]. Не ограничиваясь посылкой инструкций и подкреплений, Россель и сам, отрываясь от работы в министерстве, несколько раз посещает форт [9]. Шестого, предупрежденный Комитетом общественного спасения о том, что гарнизон Исси собирается взорвать форт, окружение которого становится все более и более тесным, он дает приказ командующему южным фронтом Врублевскому перейти ночью в наступление по всей линии, чтобы, посредством такой общей диверсии, помешать версальцам атаковать форт. Дезорганизация войск сорвала, однако, этот план [10]. Такая же участь постигла и прочие меры, принятые Росселем для удержания Исси [11], часы которого были уже сочтены. «После десяти дней непрерывной бомбардировки, 8 мая форт находился в таком состоянии, что уже не мог больше служить обороне... В пять часов вечера началась эвакуация, которая продолжалась до полуночи...» [12]. Утром следующего дня, убедившись, что форт эвакуирован, версальцы поспешили занять его [13].

Париж узнал о падении Исси лишь на следующий день, 9-го (притом не из утренних газет, а позже). Депеша инженера Риста (от 8) [14], сообщавшая

---

[1] Guerre des communeux de Paris, par un officier supérieur de l'armée de Versailles» (Paris 1871), p. 169—170.

[2] E. Gerspach. «Le colonel Rossel» (Paris 1873), p. 118.

[3] Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 113.

[4] См. телеграфные приказы К-та общ. спасения Росселю—об удержании Исси во что бы то ни стало: «Le Vengeur», 13/V 1871 г.; Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 269.

[5] «Le Vengeur», 13 мая 1871 г. (статья Ф. Пиа «Preuves»).

[6] «Enq. parl. sur l'insur. du 18 mars», p. 510—511.

[7] Dauban. «Le Fond de la société...», p. 266. «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 317—318.

[8] «Enq. parl. sur l'insur. du 18 mars», p. 511.

[9] 3 мая он лично приводит туда три батальона подкреплений («Mém. et corresp. de Rossel», p. 318).

[10] Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», p. 132.

[11] Ibidem, pp. 133—138. «Mém. et corresp. de Rossel», p. 326.

[12] «Second siége de Paris... Journal anecdotique par Ludovic Hans». (Paris 1871), p. 171—172.

[13] Guerre des communeux de Paris, par un officier supérieur de l'armeé de Versailles», p. 176.

[14] Dauban. «Le fond de la société sous la Commune», p. 267.

о том, что охваченный паникой гарнизон весь, за исключением нескольких десятков человек, выступил из форта, не дошла, повидимому, до своего назначения [1],—и в то самое время, как федераты оставляли дымящиеся развалины Исси, Россель готовился к тому, чтобы итти на выручку форта с теми 25 батальонами (численностью в 500 человек каждый), которые начальники легионов обязались поставить на ноги к следующему утру [2].

Что рассчитывал предпринять с этими силами Россель—спрашивает Дюбрейль [3]: «Он говорил, конечно, о вылазке на Версаль, через Кламар. Но не было ли это только предлогом и не имел ли он другой цели, приписываемой ему некоторыми, а именно пойти во главе этих 12.500 штыков на Ратушу, прогнать Коммуну и об'явить в Париже военную диктатуру, а себя диктатором?.. Вопрос этот до сих пор еще не ясен. И трудно сказать, выяснится ли он вообще когда-нибудь... [4].

Как бы там ни было, 9-го около полудня, 19 батальонов [5] национальной гвардии построились на площади Согласия, в ожидании военного делегата. Россель прибыл верхом, быстро об'ехал вдоль фронта и, убедившись в том, что перед ним нет 12 тысяч [6] и что состояние собравшихся частей далеко не удовлетворительно, повернул обратно, в военное министерство. Здесь ему сообщили только что прибывшую телеграмму следующего содержания: «Наблюдательный пункт Ля-Мюетт—военному министерству (полдень): Трехцветное знамя развевается на форте Исси, занятом линейными войсками. Прибывает масса войск» [7]. Россель берет перо и, слегка перефразируя текст этой телеграммы, пишет следующее: «Трехцветное знамя развевается над фортом Исси, оставленным вчера вечером его гарнизоном. Военный делегат

---

[1] «Le Mot d'Ordre», 13 мая 1871 г. (открытое письмо нач-ка главного штаба Сегена).

[2] «Mém. et corresp de L. Rossel», p. 324—326.

[3] Дюбрейль. «Коммуна 1871 г.», стр. 204.

[4] Да-Коста («La Commune vécue», II, 196—197), ошибочно перенося этот смотр на 10 мая, видит в нем первый шаг к осуществлению сложившегося в конце апреля бланкистского заговора против «парламентарной» Коммуны: по его словам, заговорщики рассчитывали взволновать собранные на площади согласия батальоны тенденциозным сообщением о падении форта Исси и отставке Домбровского, а затем двинуть их на Ратушу,— при чем Риго, отнесшийся сперва отрицательно к этому плану (из опасения, как бы поход против Ратуши не привел к столкновениям внутри национальной гвардии), под конец заявил, что «если смотр дает ожидаемые от него Росселем результаты, то следует конечно сделать такую попытку»..,

[6] Это—цифра газеты «L'Estafette» (от 11/V 1871 г.), которая приводит список участвовавших в смотру батальонов.

[7] Сколько именно федератов было собрано 9 мая на площади Согласия, в точности неизвестно. Сам Россель дает две цифры: в открытом письме к Коммуне он говорит о 7 тысячах (А. Молок. «Пар. Ком. в док. и мат.», стр. 430), а в тюремных записках—о 5 («Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 327). Начальники легионов утверждали, по словам Лиссагарэ («Ист. Париж. Ком.», стр. 299), что их было 10 тысяч.

[7] «Le Mot d'Ordre», 13 мая 1871 г.—В третьем часу дня была получена новая телеграмма (на этот раз от наблюдательного пункта Триумфальной Арки) аналогичного характера.

Россель[1]. Не предупредив ни Коммуну, ни Комитет общественного спасения, «который мог бы добавить несколько слов бодрости для поддержания духа населения»[2], он посылает в типографию вестового с приказом немедленно отпечатать эти четырнадцать слов в количестве десяти тысяч экземпляров (обычный тираж афиш Коммуны составлял шесть тысяч экземпляров)[3]. Помеченная 12½ часами дня, эта афиша появилась вскоре на стенах города[4], так же, как и другая (помеченная 1 часом дня), в которой Россель делал последнее усилие спасти положение, приказывая командующему в деревне Исси Брюнелю «занять позицию лицея, связав ее с фортом Ванв»[5]. Обрисовав перед Делеклюзом (который, в качестве члена Военной Комиссии, с утра находился в министерстве) создавшееся положение[6], Россель продиктовал открытое письмо на имя членов Коммуны, которое было тотчас же отослано им в Ратушу, равно как и в редакции крупнейших революционных газет Парижа[7].

Это знаменитое письмо,—обошедшее едва ли не все газеты[8] (как революционные, так и реакционные, как парижские, так и версальские) и всегда с особенным удовольствием цитируемое буржуазными историками,—представляло собой сплошной обвинительный акт против Коммуны и Центрального комитета. Начав с того, что он считает себя «неспособным нести далее ответственность за командование там, где все рассуждают и никто не хочет повиноваться»,—военный делегат доказывал, что «ничтожество Артиллерийского комитета помешало организации артиллерии, колебания Центрального комитета федерации мешают администрации, жалкие предубеждения начальников легионов парализуют дело мобилизации войск». Переходя к последним событиям на фронте, он клеймил гарнизон Исси и его командиров за преждевременную эвакуацию форта. С исключительной резкостью обрушивался Россель на начальников легионов, которые, подобно Центральному комитету, проводят время в бесконечных совещаниях, результатом коих «явился проект в такой момент, когда нужны были люди, и декларация принципов, когда нужны были действия»; он признавался, что хотел расстрелять их, но не чувствуя за собой необходимой поддержки Коммуны, не решился «взвалить на себя всю ответственность за репрессии, которые необходимы,

---

[1] «Mur. Pol. Fr.», II, 459. А. Молок. «Пар. Ком. в док. и мат.», стр. 429.

[2] «La Justice», 12/V 1871 г. («La fuite de Rossel et du citoyen Gérardin»).

[3] «Le Vengeur», 11 мая 1871 г. («Rossel»).—Если верить члену ЦК Б. Лякору («Le Vengeur», 16 мая 1871: Dossier Rossel), Россель сам признался потом, что «действовал слишком с большой поспешностью».

[4] Комитет Общ. Спасения отдал распоряжение приостановить расклейку этих афиш («La Justice», 12/V 1871), а ЦК—срывать уже расклеенные («Dauban. «Le fond de la société», p. 256).

[5] «Mur. Pol. Fr.», II, 459.—Ср. Bourelly. «Le Ministère de la Guerre sous la Commune», pp. 140—142.

[6] Prolès. «Le colonel Rossel», p. 90.

[7] «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 326—327 (Россель ошибается, утверждая, что это письмо было написано им до смотра на площади Согласия: ведь в нем говорится о смотре, как об уже совершившемся факте).

[8] «Journal officiel» Коммуны воздержался, однако, от его опубликования.

чтобы извлечь из этого хаоса организацию, дисциплину и победу». Россель заявлял, что «мог бы сохранить свой мандат» лишь в том случае, если бы Коммуна гарантировала ему широкую гласность его действий: но она «не имела мужества согласиться на эту гласность», дважды заставив его давать отчет о военном положении в секретном заседании. «Мой предшественник,— заканчивал Россель,—напрасно пытался бороться с этим нелепым положением. Наученный его опытом, я знаю, что сила революционера заключается только в ясности положения, и для меня существуют лишь две линии поведения: или уничтожить препятствия, стоящие на моем пути, или удалиться. Я не уничтожу этих препятствий, так как они в вас и в вашей слабости, а я не хочу покушаться на народное верховенство. Я удаляюсь и имею честь просить вас дать мне камеру в Мазасе» [1].

Если даже согласиться с Лефрансэ, что письмо Росселя,—которое буржуазные историки поспешили об'явить «судом истории над Коммуной» [2],— «слишком даже ясно излагало создавшееся положение» [3], то военный делегат совершал все же непростительную политическую ошибку, опубликовав его в газетах и посвятив, таким образом, как внутреннего, так и внешнего врага революции в растущие затруднения последней [4].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают, к сожалению, прямого ответа на вопрос, когда дошло до Коммуны письмо, в котором Россель заявлял о своей отставке [5]. Во всяком случае, до 4 часов дня [6] в Ратуше, повидимому, не подозревали ни о принятом военным делегатом решении сложить свои полномочия, ни о падении форта Исси. Обе эти новости приносит Коммуне Делеклюз. «Вы здесь спорите,—говорит он в то время как по городу

---

[1] «Mém. et corresp. de Rossel», pp. 331—333.—А. Молок. «Пар. Ком. в док. и мат.», стр. 429—431.

[2] Слова Анри Мартена («Mém. et corresp. de Rossel», p. 331, п. I).

[3] G. Lefrançais. «Souvenirs d'un révolutionnaire». (Bruxélles 1903,) p. 526.— В другом месте он говорит, что «это письмо содержало, увы, только правду о вещах, которых оно касалось» (Lefrançais. «Etude sur le mouvement communaliste de Paris en 1871», p. 292).

[4] Таково мнение Малона («La Trois. défaite du prolét. français», p. 309).— Лиссагарэ («История Парижской Коммуны» ,стр. 300) и Лефрансэ («Etude sur le mouvement communaliste», p. 292; «Souvenirs d'un révolutionnaire», p. 527) также резко порицают образ действий Росселя в этом случае. Одни только радикалы Ланжаллэ и Коррье находят эти упреки незаслуженными и думают, что опубликование Росселем своего письма в газетах могло повлиять на Коммуну и Комитет Общественного Спасения как своего рода «нравственная узда» («Histoire de la révolution pu 18 mars», p. 437).

[5] Едва ли верно утверждение Лефрансэ («Etude sur le mouvement communaliste», p. 292), будто оно совсем не было получено Коммуной. Столь же маловероятным представляется нам утверждение Росселя («Mém. et corresp.», p. 327), будто Коммуна, получив его заявление, послала к нему одну за другой две делегации, прося его взять назад свою отставку. Выяснить—с полной точностью—оба эти пункта можно будет, лишь имея в руках подлинные протоколы обоих заседаний Коммуны 9 мая и 10-го.

[6] «Le Père Duchêne», 21 floréal an 79 (10/V—1871), p. 2. Prolès. «Le colonel Rossel», p. 92.

расклеивают афишу, извещающую о том, что трехцветное знамя развевается над фортом Исси... Я видел сегодня утром Росселя: он подал в отставку и твердо решил не брать ее назад; все его действия срываются Центральным комитетом; он совершенно выбился из сил. Я взываю ко всем... Отбросьте на сегодня все ваши личные счеты: мы должны спасти страну...» Старый якобинец переходит к критике деятельности Комитета общественного спасения (который «не оправдал возлагавшихся на него надежд» и «должен исчезнуть» как ненужный и вредный жупел) и заканчивает указанием на необходимость создать действительное единство руководства, а также привлечь к делу обороны революции «храбрецов 18 марта» (т.-е. Центральный комитет) [1]. «Растроганное, покоренное этим суровым человеком, живым воплощением долга, собрание аплодировало речи Делеклюза» [2]. Заседание было об'явлено секретным; после продолжительной дискуссии, в которой Комитет общественного спасения подвергся резким нападкам [3], Коммуна приняла резолюцию о немедленных перевыборах этого Комитета и о назначении в военное ведомство «гражданского делегата» [4]. Одновременно—через 26 часов после оставления форта Исси—окружным мэриям было разослано для немедленной расклейки официальное сообщение следующего содержания: «Это—ложь, будто трехцветное знамя развевается над фортом Исси. Версальцы не занимают его и не займут. Коммуна приняла все решительные меры, которых требует положение» [5].

Поздним вечером заседание Коммуны возобновляется. Феликс Пиа, выбранный председателем, требует ареста Росселя, которого он делает козлом отпущения за все ошибки Комитета общественного спасения и открыто обвиняет в измене. Почти единогласно—против двух голосов: Ш. Жердена и Малона [7] — принимается постановление об аресте бывшего военного делегата, исполнение какового поручается Военной комиссии [8]. Заседание заканчивается выборами нового Комитета общественного спасения: избранными оказались два прежних члена Комитета, Ант. Арну и Ранвье (бланкисты-диссиденты),

---

[1] «Journal officiel», 10/V—1871 г.

[2] Лиссагарэ. «История Парижской коммуны», стр. 302.

[3] Лиссагарэ. «История Парижской коммуны», стр. 302.

[4] Резолюция эта была опубликована в «Journal officiel» от 10 мая 1871 г.

[5] «М. Р.», II, 463 (в газете секретаря Коммуны Везинье—«Paris libre», от 11/V—это опровержение было опубликовано в несколько иной, хотя не менее категорической, редакции).—Интересно, что в «Journal officiel»,—напечатавшем афишу Росселя об оставлении Исси (в № от 10/V),—опровержение это не появилось.

[6] Лиссагарэ. «История Парижской коммуны», стр. 302 (перев. исправ.— *А. М.*). Малон («La troisième défaite du prolétariat français», р. 308) сравнивает эту речь Пиа против Росселя со знаменитой обвинительной речью Сен-Жюста против Дантона в Конвенте (31/III—1974 года).

[7] Malon. «La Trois. défaite du prolét. français», р. 308.—Лефрансэ («Etude sur le mouv. communaliste en 1871», р. 295) ошибочно присоединяет Авриаля к Малону и Шарлю Жирардену, голосовавшим против ареста Росселя.

[8] Лиссагарэ. «История Парижской коммуны», стр. 302—303.

и трое новых—бланкист Эд и якобинцы Гамбон и Делеклюз [1],—все пятеро—представители «большинства».

Что делает в это время Центральный комитет национальной гвардии? Он заседает в военном министерстве [2], обсуждая создавшееся в результате последних неудач положение на фронте. Еще ничего не зная об отставке военного делегата, собрание посылает к нему повторное приглашение явиться на заседание. Россель является. Б. Лякор [3] требует у него об'яснений по поводу афиши об оставлении Исси. Россель отвечает, что он уже больше не делегат [4]. Руссо жалуется, что «на каждом шагу встречаются те или иные препятствия». Россель: «Вы столкнулись с тем, с чем я сталкивался изо дня в день». После ухода военного делегата, прения разгораются. Моро заявляет, что бывают моменты, когда необходима диктатура, и что такой момент наступил. Б. Лякор требует, чтобы вопрос о диктатуре был поставлен на голосование. Голосование дает следующие результаты: 19—за диктатуру, 9—против. Судри спрашивает, знает ли кто-нибудь другого кандидата в диктаторы, кроме Росселя. Б. Лякор спрашивает, решится ли кто-нибудь отрицать военной способности и республиканизм Росселя, а также то, что «он один организовал то немногое, что можно считать организованным». Одуано утверждает, что «Россель ничего не организовал», и что «за последние шесть дней положение вновь обострилось». Моро говорит, что «Клюзере и реакция мешали Росселю действовать. Диктатура носит временный характер и осуществляется под контролем Комитета общественного спасения». Председатель ставит вопрос на голосование. Домбровский получает 2 голоса, Россель—22 (при 3 против и 1 воздержавшемся) [5].

Известие о решении Центрального комитета застало Росселя за обедом у Домбровского, в штаб-квартире последнего на Вандомской площади. Выслушав присланную к нему делегацию из пяти членов ЦК, он, после некоторого колебания, заявил: «Слишком поздно. Я уже не делегат: я подал в отставку». Некоторые стали горячиться, тогда он растолкал их и вышел [6].

Вернувшись около 10 часов вечера в министерство, он нашел в своем кабинете всю Военную комиссию—Арнульда, Авриаля, Тридона, Варлена, Делеклюза и Жоаннара. «Делеклюз об'яснил цель их прихода. Россель сказал,

---

[1] Избранный на следующий день гражданским делегатом по военным делам Делеклюз вынужден был отказаться от звания члена К. О. С., после чего его место занял якобинец Билльорэ («Journal officiel», 13 мая 1871).

[2] «Mém. et corresp. de L. Rossel», p. 327.

[3] В это время в Центральном Комитете нац. гвардии было два Лякора. Lacord (Лякор) и B. Lacorre (Б. Лякор).

[4] Лиссагарэ («Истор. Париж. Комм.», стр. 304) иначе излагает ответ Росселя на упреки Б. Лякора: «Это был мой долг. Чем больше опасность, тем чаще нужно напоминать о ней народу».

[5] Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», pp. 254—258 (протокол заседания ЦК 9 мая).

[6] Лиссагарэ. «История Парижской коммуны», стр. 304.

что хотя декрет об аресте несправедлив, он все-таки ему подчиняется. Он обрисовал положение дел на фронте, указал на все препятствия, с которыми ему приходилось сталкиваться, и обвинял Коммуну в слабости... Убежденная его доводами Комиссия удалилась в соседнюю залу. Делеклюз заявил, что не может решиться арестовать Росселя, не дав ему высказаться перед Коммуной» [1]. Его товарищи присоединились к нему, и Комиссия, имея в кармане ордер на арест Росселя, удалилась, упросив последнего исполнять обязанности делегата до следующего утра, на что Россель согласился при условии, чтобы двое из ее членов остались на ночь в министерстве на случай, если придется что-либо подписывать [2].

Утром следующего дня (10 мая) Авриаль и Жоаннар, проведшие ночь в кабинете военного делегата, отвозят Росселя в Ратушу (чтобы выполнить, хотя бы с опозданием, приказ об его аресте и в то же время дать ему возможность высказаться перед Коммуной). Узнав, по прибытии в Ратушу, что Коммуна перенесла свое заседание с 10 часов утра на 1 час, а затем на 2 часа дня, оба члена Военной комиссии отводят своего пленника в квестуру, где и остаются с ним до 5 часов, чередуясь между собою. Россель,—не чувствуя себя ни вполне свободным, ни арестованным в настоящем смысле этого слова,—дружески беседует с рабочим-интернационалистом Авриалем о его жизненном пути, полном трудов и лишений, о его социальных опытах и идеях [3].

В два часа дня открывается заседание Коммуны, которая почти единогласно (42 голосами из 46) избирает Делеклюза «гражданским делегатом по военным делам», а затем приступает к обсуждению доклада Курбе, которому еще 3 мая было поручено подыскать залу для заседаний, достаточно просторную, чтобы туда могла допускаться публика. В это время входит Жоаннар и докладывает, что Россель ожидает в квестуре. Делеклюз просит собрание выслушать об'яснения бывшего делегата. «Мы будем судить его по нашему усмотрению, не обращая внимания на его речи»,—говорит Паскаль Груссэ. Арнольд: «Если он не исполнил своих обязанностей по отношению к Коммуне, это вовсе еще не значит, что он был изменником». Феликс Пиа: «Если Коммуна оставит безнаказанным это дерзкое письмо (Росселя об отставке—*А. М.*), она погубит сама себя». Дюпон (повидимому, Кловисс): «Клюзере не был выслушан, почему же мы будем слушать Росселя?». 26 голосами против 16 предложение выслушать Росселя отклоняется; 34 голосами против 2 при 7 воздержавшихся Коммуна решает предать его суду военного трибунала

---

[1] Лиссагарэ. «История Парижской Коммуны», стр. 304 (перевод исправлен—*А. М.*).

[2] Prolès. «Le colonel Rossel», p. 102.—Россель ошибается, говоря, что в ночь на 10 мая при нем оставался только один член Военной комиссии («Mém. et corresp. de Rossel», p. 328).

[3] «Mém. et corresp. de L. Rossel», p.p. 328, 349—353 (Note sur Avrial).— По словам Баррона («Sous le drapeau rouge», p. 157), Авриаль—на-ряду с Ш. Жерарденом и Тридоном—был посвящен (до известной степени) в диктаторские замыслы Росселя.

и немедленно заключить в Мазас[1]. Покончив с делом Росселя, собрание предоставляет слово Алликсу, как вдруг в залу заседаний вбегает Авриаль с известием, что Россель и Ш. Жерарден скрылись.

Вот как это произошло. Шарль Жерарден, друг и единомышленник Росселя[2], видя, какой оборот принимают дебаты, покинул встревоженный залу заседаний и бросился в квестуру. «Что постановила Коммуна?»—спросил его Авриаль. «Пока еще ничего»,—отвечал Жерарден и, заметив на столе револьвер Авриаля, обратился к Росселю: «Ваш часовой старательно выполняет свои обязанности». «Я не думаю,—живо возразил Россель,—чтобы эта предосторожность относилась ко мне. Впрочем, гражданин Авриаль, даю вам честное слово солдата—я не буду пытаться бежать». Сильно тяготясь своими обязанностями, Авриаль решил воспользоваться присутствием Жердена и, оставив Росселя под наблюдением последнего, отправился в залу заседаний. Возвратившись в квестуру, он уже не застал там ни Росселя, ни его стражи[3]. «Я не мог вынести мысль, что мне придется предстать в качестве обвиняемого пред тем самым Колле, который на моих глазах так отчаянно трусил в Исси под гранатами противника»,—оправдывался впоследствии Россель[4],—«и я решил тогда устраниться от суда Коммуны». Оба друга беспрепятственно вышли из Ратуши, сели в наемную карету и велели отвезти себя до угла бульваров Сен-Жермен и Сен-Мишель; здесь они расстались, и каждый отправился искать себе убежища[5].

Известие, принесенное Авриалем, должно было как громом поразить Коммуну. По предложению члена Комитета общественного спасения, Гамбона, была принята резолюция, уполномочивавшая Бержере принять все меры

---

[1] Лиссагарэ. «Ист. Парижск. Коммуны», стр. 305 (перев. исправлен—*А. М.* Prolès. «Le colonel Rossel», p. 102—103.—Резолюция (ничем не мотивированная) о предании Росселя суду военного трибунала была опубликована в «Journal officiel» от 11/V—1871.

[2] Они подружились еще в конце марта, в бытность Росселя начальником XVII легиона, в котором Ш. Жерарден играл роль гражданского комиссара Коммуны (Prolès, «Le colonel Rossel», p. 41—42). Своим назначением на пост начальника главного штаба Россель был обязан на-ряду с Малоном и Ш. Жерардену (Malon. «La troisième défaite du prolétariat français», p. 209). Последний, будучи формально беспартийным, принял деятельное участие в задуманном группой бланкистов заговоре против Коммуны, в каковой втянул и Росселя (Malon, p. 294; «Mém. et corresp. de Rossel», p. 312; Da Costa. «La Commune vécue», II, 191 и сл.). Не стоит ли это бегство в связи со страхом Жердена перед возможностью раскрытия неудавшегося заговора?

[3] Лиссагарэ. «История Парижской коммуны», стр. 305.

[4] «Mém. et corresp. de Rossel», p. 328. Утверждение Росселя, будто в том же заседании Коммуны (10 мая) был восстановлен военный трибунал под председательством полковника Колле, не соответствует действительности: восстановление военного трибунала было решено в вечернем заседании 9 мая, а состав его был определен декретом К. О. С. от 12/V («Journal officiel», 10 и 13 мая), при чем обязанности председателя должен был исполнять не Колле, а Гуа (Колле вошел в состав этого трибунала в качестве «судьи»).

[5] «Mém. et corresp. de Rossel». p. 328. Prolès. «Le colonel Rossel», p. 103—104.

к розыску и аресту скрывшегося военного делегата [1]. Задержать Росселя и Жердена, однако, не удалось,—несмотря на все старания комиссаров Комитета общественного спасения [2] и самого Бержере, лично побывавшего во всех домах, адреса которых были ему указаны [3].

Два дня спустя (12 мая) Комитет общественного спасения обратился к «парижскому народу» с прокламацией [4], в которой открыто называл Росселя предателем и сообщником контрреволюции: «Не надеясь больше победить Париж силой оружия, реакция пытается дезорганизовать наши силы путем подкупа. Брошенные ею пригоршни золота нашли продажную совесть даже в нашей среде. Оставление форта Исси, о котором возвестил в гнусной афише сам предатель, было лишь первым актом драмы: за ним должно было последовать монархическое восстание внутри города и одновременно с этим сдача врагу городских ворот». Прокламация заканчивалась сообщением, что «все нити мрачного заговора, добычей которого едва не сделалась революция», находятся в руках Коммуны, так же, как и «большая часть преступников», и призывала «все живые силы революции» зорко следить за происками реакции [5].

В середине мая версальские и парижские (как реакционные, так и некоторые революционные) газеты воспроизвели документ, подписанный именами двух членов Коммуны—Прото и Вермореля—и озаглавленный: «Проект обвинительного акта против Росселя» (Projet d'acte d'accusation Rossel). В этом «документе» устанавливалось, что Россель уже давно находился в переговорах с Версалем, что ему был обещан миллион франков за сдачу каждого форта и два миллиона (плюс чин полковника)—за сдачу городских валов, и что он уже получил в счет этих сумм полумиллионный аванс. Характерно, что большинство парижских газет, напечатавших этот «обвинительный акт», — впервые появившийся в бонапартистском органе «Paris-Journal»,—сочли нужным присовокупить, что они не ручаются за его достоверность. «Этот документ, несомненно, апокрифичен»,— заявляла газета «Justice»: «Мы наводили о нем справки: оказывается, граждане Прото и

---

[1] «Le Mot d'Ordre», 12 мая 1871 г.

[2] «Le Vengeur», 12 мая («Dernière heure») и 15 мая 1871 («Dossier Rossel»)

[3] «Journal officiel», 13/V—1871 г. (отчет о заседании Коммуны 12 мая).—Возможно, что полицейская префектура,—находившаяся в руках бланкистов и являвшаяся, наряду с газетой «Отец-Дюшен», очагом бланкистского заговора против Коммуны,—намеренно дала Росселю и Жердену, участникам этого заговора, возможность скрыться (ср. Da Costa. «La Commune vécue», II, 198); характерно во всяком случае, что человек, покушавшийся на Монмартре на руководившего розысками Росселя и Жердена комиссара К. О. С. Делашапеля, был, после непродолжительного ареста, отпущен на свободу префектурой («Le Vengeur», 15/V: Dossier Rossel).

[4] «Journal officiel», 13/V. А. Молок. «Парижск. коммуна в док. и мат.», стр. 435—436.

[5] Эта прокламация совершенно произвольно связывала между собою два одновременных, но независимых друг от друга факта—оставление форта Исси (вызванное не изменой, а физической невозможностью продолжать его оборону) и частичное раскрытие шпионской организации версальского агента Вейссе (арест его жены и сотрудника), о которой см. у Лиссагарэ («История Парижск. комм.», глава XXII).

Верморель даже и не подозревали о его существовании[1]». Коммуна обошла молчанием этот «документ» (который не попал в ее официальный орган) и ничего не сделали для того, чтобы опровергнуть; составить собственный обвинительный акт против скрывшегося военного делегата она так и не удосужилась.

Бегство Росселя и Шарля Жерардена, совпавшее с моментом крайнего обострения фракционной борьбы в недрах Коммуны, было превосходно использовано новым Комитетом общественного спасения, который с самого начала становится на путь расправы с оппозиционным «меньшинством»: декретом 25 флореаля (14 мая) состав Военной комиссии,—которую якобинец Билльорэ открыто обвинял в том, что она дала Росселю возможность бежать[2],—был обновлен, и прежние пять членов (из коих четверо принадлежали к «меньшинству») заменены семью новыми (взятыми исключительно из среды «большинства»[3]. Ниже мы увидим, какие репрессии обрушились на газеты оппозиции, позволившие себе критику действий правящего «большинства» и открыто заявившие о своей солидарности с бывшим военным делегатом.

4

Буржуазный Париж был доволен. «Теперь можно ждать появления версальцев в Париже с минуты на минуту. Господа из Ратуши могут укладывать свои чемоданы»: вот какие разговоры, вызванные известием о падении Исси, подслушал 9 мая в округе Биржи агент информационного бюро при военном министерстве[4]. Каттюль Мендес, этот «внутренний версалец», откровенно признается в своих записках, какую радость доставило ему открытое письмо Росселя членам Коммуны: «...Оно сообщает мне... массу деталей, которые для меня отнюдь не неприятны, так как дают мне право предполагать, что царство наших тиранов близится к концу. Я узнаю, что если у Коммуны есть артиллерия, у нее нет зато артиллеристов. С неменьшим удовольствием узнаю я, что она располагает только семью тысячами бойцов: до сих пор я боялся, что у нее их найдется гораздо больше. Что касается жалоб гражданина Росселя на комитеты и на начальников легионов, которые заседают, когда надо действовать, то это приводит меня в восторг, так как убеждает меня в том, что Коммуна скоро окажется не в силах продолжать борьбу...»[5]. С неменьшим удовлетворением встретила отставку Росселя уцелевшая еще в Париже реакционная пресса[6], для которой арест и бегство военного деле-

---

[1] «La Justice», 17 мая 1871 г.

[2] «Journal officiel», 19/V—1871 г. (отчет о заседании Коммуны 17 мая).

[3] «Journal officiel», 16/V—1871 г.—Возможно, что и замена главного редактора «Journal officiel» прудониста Лонге якобинцем Везинье («Journal officiel», 13/V) была вызвана—по крайней мере, отчасти—тем, что он пропустил в газету афишу Росселя об оставлении Исси и не опубликовал соответствующего опровержения, выпущенного Коммуной (ср. «Le Corsaire», 15/V—1871).

[4] Dauban. «Le Fond de la société sous la Commune», p. 258—259.

[5] C. Mendès. «Les 73 journées de la Commune» (Paris 1871); p. 259.

[6] См., напр., «L'Etoile» (от 11 мая), «L'Anonyme» (от 11 мая) и др.

гата послужили поводом к злорадным насмешкам и дешевым остротам по адресу Коммуны [1].

Версаль ликовал. Официальный орган правительства Тьера писал: «Письмо, в котором он (Россель.—*А. М.*) излагает мотивы своего решения (отставки.—*А. М.*), бросает такой яркий свет на анархию и многовластие в правительстве инсургентов, которое тиранизирует Париж вот уже шесть недель, и на неизбежный и близкий конец восстания, что мы не колеблемся поместить его целиком» [2]. Замена военного специалиста Росселя журналистом Делеклюзом была принята как несомненное доказательство понижения сопротивляемости Парижа. 10 мая, сообщая своему послу в Лондоне герцогу Брольи о падении форта Исси, как о «крупном шаге на пути к развязке», глава исполнительной власти не скрывал своего удовлетворения по поводу отставки «диктатора Росселя» [3]. Один из близких к Тьеру людей, сенский префект Жюль Ферри, писал 15 мая из Версаля своему брату Шарлю, префекту департамента Соны-и-Луары: «Ванв пал, подобно Исси. Что падает в особенности, так это дух и организация. Вместе с Росселем всякое военное дарование покинуло их (коммунаров.—*А. М.*). (Avec Rossel toute capacitè militaire s'est retirée d'eux)» [4]. Официозная газета «Moniteur des Communes», выходившая при ближайшем участии министров Пикара и Жюля Симона, не скрывала своего ликования: «При создавшемся положении друзья порядка не могут не радоваться, видя, что военные дела Коммуны перешли из рук Росселя в руки гражданского делегата» [5].

Сильнейшее возбуждение—правда, иного порядка—события 9 и 10 мая вызвали в революционном Париже.

Факт оставления Исси сам по себе не породил, правда—если верить сводке от 10 мая—«никакой паники» в рядах национальной гвардии [6]. Столь же спокойно отнеслась к нему революционная пресса. С военной точки зрения, это не такая уж большая потеря,—заявлял орган Валлеса [7]: разрушенный до основания форт не может служить больше ни парижанам, ни версальцам. «Отец «Дюшен» успокаивал своих читателей, уверяя их, что падение форта—пустяк (c'est pas grand'chose), так как версальцам досталась только «груда развалин», которые нетрудно будет отвоевать у них в любую минуту [8]. Газета Делеклюза утверждала, что эвакуация эта огорчит нацио-

---

[1] См., напр., «Le Siècle» от 12/V «Le Spectateur» от 12/V («Grandeur et décadence du citoyen Rossel»), «Le Corsaire» от 13/V («Evasion du citoyen Rossel»), «Le Républicain» от 15/V 1871 г.

[2] «Journal officiel de la République française» (версальский), 11 мая1871 г.

[3] «Thiers au pouvoir (1871—1873). Texte de ses lettres». Annoté et commenté par G. Bouniols. (Paris 1921) p. 63.

[4] Jules Ferry. «Lettres (1871—1877)» «Revue de Paris», 15 mai 1914, № 10, p. 261.

[5] Цитировано в «Le Mot d'Ordre» от 14 мая 1871 г.

[6] Dauban. «Le fond de la société sous la Commune», p. 265.—Сводка от 9/V (ibid., p. 259) отмечала, однако, что Париж «народных кварталов» недоволен ходом военных действий.

[7] «Le Cri du Peuple», 11 мая 1871 г.

[8] «Le Père Duchêne», 22 floréal an 79 (11 мая 1871 г.), p. 8.

нальных гвардейцев гораздо меньше, чем «известие о внутренних раздорах среди их избранников, вызванное дряблостью одних и преступным честолюбием других [1].

Совсем иное—гораздо более сильное—впечатление произвело падение Росселя. Если верить сводке информационного бюро от 10 мая, «народные кварталы» встретили известие об отставке военного делегата с большим сожалением on regrette beaucoup le citoyen Rossel) [2], сменившимся, однако, на следующий день—по получении известия об его бегстве—взрывом всеобщего осуждения [3]. По словам Малона, события 9 и 10 мая вызвали «некоторое брожение» среди пролетарских масс Монмартра и Батиньоля, каковое привело к посылке туда четырех батальонов Бельвилля (также пролетарского округа). «Никаких беспорядков, впрочем, не произошло; положение было слишком напряженным, чтобы можно было, не совершая преступления, поднять какое-либо движение внутри города» [4].

Революционная пресса горячо обсуждала события, расколовшись на два лагеря—за Росселя и против Росселя. «Отец Дюшен», ставший в эти дни как бы «органом Росселя» [5], сопровождал публикацию его письма к членам Коммуны новыми резкими выпадами против Центрального комитета и начальников легионов и требованием их расстрела. Своего любимца газета убеждала взять назад свою отставку: «Если бы способных людей было сколько угодно, Отец Дюшен сказал бы тебе: уходи, если тебе так хочется. Но способные люди у нас наперечет! Если ты уйдешь, кого мы поставим на твое место? Не уходи, слышишь!» [6].

Орган Делеклюза,—одобряя действия Росселя и, в частности, афишу об оставлении Исси [6] («национальные гвардейцы, геройски гибнущие на фронте, имеют право знать истину»),—резко порицал Коммуну за ее попытку скрыть от общественного мнения действительное положение вещей и клеймил членов Центрального комитета и легионных советов, которые, будучи круглыми невеждами в военном деле, «хотят, во что бы то ни стало, на истерзанном теле... геройской Коммуны производить испытание своего военного гения». Газета требовала от Коммуны, если она хочет «серьезно защищать Париж», принятия следующих трех мер: 1) сохранение Росселя на посту военного делегата, «поскольку этот гражданин не сделал ничего такого,

[1] «Le Réveil du Peuple», 11 мая 1871 г.

[2] Dauban. «Le fond de la société sous la Commune», p. 265.—Однако уже 12 мая информационное бюро констатировало (ib., p. 282), что о Росселе начинают забывать.

[3] Ibidem, p. 276; см. также сводку от 12/V (ib., p. 281).

[4] Malon. «La Troisième défaite du prolétariat français», p. 312.—По словам газеты «Etoile» (от 12/V—1871 г.), брожение охватило Монмартр и Бельвилль и носило явно сочувственный Росселю характер (вплоть до стрельбы по агентам полиции, отправленным на розыски бывшего военного делегата и его товарища по бегству); для успокоения умов Центральный комитет вынужден был разослать по округам своих делегатов (членов), которым удалось к ночи справиться с волнением.

[5] М. Вильом. «В дни Коммуны», стр. 146.

[6] «Le Père Duchêne», 21 floréal an 79 (10 мая 1871 p. 4).

[7] Газета Валлеса также одобряла расклейку этой афиши («Le Cri du Peuple», 11/V—1871).

что могло бы лишить его доверия Коммуны»; 2) организация «контрольного комитета» (Comité de contrôle), в составе трех членов Коммуны—Делеклюза, Антуана Арну [член обоих Комитетов общественного спасения, бланкист] и Прото [делегат юстиции, бланкист], который, не вмешиваясь в действия военного делегата, мог бы, в случае надобности, потребовать его отрешения; 3) «безусловное воспрещение Центральному комитету вмешиваться в управление военным ведомством, под страхом немедленного роспуска...» Если эти меры не будут приняты и «если неограниченные полномочия в военной области не будут вручены единственному человеку, одновременно активному, энергичному и способному, которого мы имеем»—«революция запутается в собственных сетях, и мы падем бессильными перед пушками противника...» [1].

«Что раз'едает Коммуну»,—писал Рошфор в своем органе, выражавшем интересы симпатизировавших Коммуне слоев радикальной мелкой буржуазии и демократической интеллигенции,—«разлагает Центральный комитет, расслабляет национальную гвардию и, в конечном счете, губит республику,—это не пруссаки, стоящие у наших ворот, не бомбы Тьера, не законы Дюфора; что нас убивает—так это взаимное недоверие...» [2].

Газета высказывалась за необходимость военной диктатуры [3].

Лево-прудонистский орган «Коммуна», печатая письмо Росселя от 9 мая и вполне с ним соглашаясь, также приходил к выводу, что «в военном министерстве нужен диктатор», будет ли то Россель или кто-нибудь другой, диктатор этот должен обладать следующими качествами: преданностью республике, хладнокровием, энергией и военными познаниями [4].

«Отец Дюшен» восклицал: «Мы не нуждаемся в 36 диктатурах! Нам нужна одна диктатура, единственная, которая имеет право на существование сегодня..., диктатура военного ведомства под контролем гражданской комиссии!... Один хозяин—военный делегат! Одно честолюбие—спасти революцию! Чтобы быть свободными завтра, нам нужно всем безоговорочно подчиняться сегодня!» [5].

Среди этого хора сочувственных Росселю голосов резко выделялся своим непримерно-враждебным тоном орган Феликса Пиа. Публикуя афишу Росселя об оставлении форта Исси и придираясь к ее неудачной редакции, он восклицал: «Крик торжества вместо признания поражения!... От этих двух слов — развевается и оставленный — разит изменой! (Ces deux mots flotte et abanbonné suent la trahison)». В дальнейшем Россель сравнивался с маршалом Базеном, предательская сдача которым Меца (в октябре 1870 года) была публично раскрыта Феликсом Пиа (в его газете «Combat» от 27/X) в тот момент, когда Правительство Национальной

[1] «Le Réveil du Peuple», 11 мая 1871 г. (ст. «Le Salut»).

[2] «Le Mot d'Ordre», 12 мая 1871 г. (статья «Soupçonneurs et soupçonnés»).— «Отец Дюшен» в № от 13 мая заявлял о своем согласии с этой статьей «Mot d'Ordre» («Le Père Duchêne», 24 floréal an 79, p. 7).

[3] «Le Mot d'Ordre», 11 мая 1871 г. (ст. «La Démission de Rossel»).

[4] «La Commune», 11 мая 1871 г.—См. еще «La Commune», 12/V—1871 г. («La Démission de Rossel»).

[5] «Le Père Duchêne», 24 floréal an 79 (13/V—1871), p. 7.

Обороны еще скрывало от масс эту катастрофу. В заключение, редактор «Vengeur» оптимистически уверял своих читателей в том, что отставка Росселя не будет иметь никаких последствий для Коммуны, которая сейчас сильнее, чем когда-либо [1].

Эта статья была лишь началом кампании Феликса Пиа против бывшего военного делегата. 12 мая, печатая совершенно фантастические подробности о бегстве Росселя и Жерардена, он ставил последнее в связь с маневрами внутренней контрреволюции и деятельностью версальских агентов [2]; 13-го утверждал, что «план Росселя» есть продолжение «плана Базена» и «плана Трошю» и пытался, с помощью документов, доказать, что «Россель хотел сдать Исси» [3]. 16-го в длинной статье, ловко подтасовывая факты и давая им тенденциозное освещение, он давал обзор деятельности Росселя в качестве начальника главного штаба, председателя военного трибунала и военного делегата и обвинял его в бонапартистских замыслах («этот белокурый диктатор не что иное, как обезьянье подражание корсиканцу»). Наконец, газета заводит особый отдел под названием «Дело Росселя».

На-ряду с газетой Пиа, в кампании против Росселя приняли участие и некоторые другие органы революционной прессы, в том числе—якобинский листок «Salut public» (выходивший под редакцией Гюстава Марото) [4] и якобинская же газета «Paris libre» (ее издавал член Коммуны Везинье), опубликовавшая открытое письмо двух членов Центрального артиллерийского комитета, которые поздравили Коммуну с отрешением Росселя и настаивали на том, чтобы во главе военного ведомства была поставлена «гражданская комиссия» и чтобы к действующей армии были прикомандированы «гражданские комиссары» [5]. Правопрудонистская «Justice» [6]—в отличие от других органов оппозиционного меньшинства Коммуны—стала в этом вопросе на сторону Феликса Пиа и ортодоксальных якобинцев. Эта газета резко осуждала поведение Росселя, называя его заявление об отставке «возмутительным» (abominable et odieux) [7]; печатала полную небылиц «биографию» бывшего военного делегата, в которой доказывалось, что Россель—«ярый бонапартист», человек, мечтавший «о роли Бонапарта, а может быть даже и Вашингтона Коммуны» [8]; вступила по этому вопросу в резкую полемику с газетой Делеклюза [9].

---

[1] «Le Vengeur» 11 мая 1871 г. (статья «Rossel»).

[2] «Le Vengeur», 12 мая 1871 г. («Dernière heure»).

[3] «Le Vengeur», 13 мая 1871 г. (статья «Preuves»).

[4] «Le Salut Public», 19/V—1871 г. (статья Гюст. Марото «Le Dossier de Mégy»); 22/V 1871 г.

[5] «Paris libre», 13 мая 1871 г.

[6] Негласным редактором этой газеты, выходившей анонимно, был Верморель A. Gagnière. «Histoire de la presse sous la Commune», p. 282. P. Larousse. Grand dictionnaire universel du XIX siècle», tome XV, p. 914.

[7] «La Justice» 12/V—1871 г. («La fuite de Rossel et du citoyen Gérardin, exmembre du Comité de salut public»).

[8] «La Justice», 13/V—1871 г. (статья «Rossel»).

[9] «La Justice», 15, 16, 18/V—1871 г.

Четыре влиятельные газеты различного направления — радикально-демократический «Mot d'Ordre», якобинский «Réveil du Peuple», бланкистский «Отец Дюшен», бакунистская «Sociale»—горячо отстаивали бывшего военного делегата, а с ним также идею сильной и строго-централизованной военной власти.

Прежде чем признать Росселя изменником,—писал орган Рошфора,—«мы подождем, пока нам представят несколько более серьезное преступление, чем напечатание какой-то афиши в десяти тысячах экземпляров[1]. «Réveil du Peuple» заявлял: «...Что бы он (Пиа—*А. М.*) ни делал с этой пресловутой фразой—«трехцветное знамя развевается над фортом Исси, оставленным его гарнизоном»,—общественное мнение не увидит в этих девяти словах ничего другого, кроме взрыва—может быть, неосторожного—сильнейшей досады, и самый ядовитый инквизитор никогда не скажет, что от них разит изменой... Дисциплина—пусть назовут нас за это Базеном—единственная вещь, которой недостает 200 000 вооруженных парижан. Спросите тех, кто ведет людей в бой: Ла-Сесилиа, Домбровский и другие скажут вам то же самое, что Россель...»[2]. Та же газета выставила требование немедленного разбора дела Росселя[3] и взяла на себя труд доказать «всю ложность» «биографии» бывшего военного делегата, опубликованной правопрудонистским органом «Justice»[4].

С неменьшей страстностью отстаивал Росселя и нападал на Коммуну «Отец Дюшен», опубликовавший 12 мая[5] следующее полученное им от Росселя письмо[6]: «Я — здесь поблизости, мне достаточно сде-

[1] «Le Mot d'Ordre», 13 мая 1871 («Nous demandons des preuves»).

[2] «Le Réveil du Peuple», 12/V 1871 г. (статья «L'Organisation»).

[3] «Le Réveil du Peuple», 12/V—1871 г. («Un dernier mot»).—На скорейшем расследовании дела Росселя настаивала в № от 14 мая и другая революционная газета якобинского направления—«L'Estafette» (статья «La colère du Comité de salut public»).

[4] «Le Réveil du Peuple» 14/V 1871 г. («Le colonel Rossel. Réponse à la Justice»).—14 мая Делеклюз—открытым письмом на имя редактора «Vengeur»—заявил, что он остается «совершенно чуждым» политической линии, усвоенной газетой «Réveil du Peuple» («Le Vengeur», 15/V—1871: «Dossier Rossel»); это заявление побудило газету «La Justice» (в № от 16/V) заявить, что с этого момента она прекращает всякую полемику с «Réveil du Peuple».

[5] «Le Père Duchêne», 23 floréal an 79 (12/V—1871), p. 5—7.

[6] Публикацию этого письма газета сопровождала резкими выпадами против членов Коммуны и выражением уверенности, что нанесенный им рукой военного делегата «удар хлыста» послужит им на пользу.

[7] Письмо, написанное Росселем Гайяру-старшему после своего бегства из Ратуши и пересланное 12 мая Делеклюзом Комитету общественного спасения, показывает, что бывший военный делегат действительно не переставал интересоваться обороной Парижа и давать Коммуне—через своего приятеля—оправдавшиеся потом предостережения и ценные технические указания, которые—по мнению военного историка Коммуны Bourelly («Le Ministère de la Guerre», p. 151—153)—могли бы предотвратить катастрофу 21 мая, если бы только были использованы. Маловероятным представляется, однако, утверждение биографа Росселя Prolès («Le colonel Rossel», p. 107—108), будто, начиная с 11 мая, Делеклюз каждый вечер тайком посещал своего предшественника, который давал ему технические советы, облегчавшие старому якобинцу исполнение его обязанностей военного делегата.

лать один шаг, чтобы снова очутиться в Париже; у меня только одна забота—оборона. Если меня будут судить, я вызову, в качестве свидетелей, всех генералов Коммуны и всех членов Военной комиссии. Офицеры и чиновники министерства, к несчастью, слишком привязаны ко мне. Постарайтесь передать им, что я приказываю им оставаться на своих постах. Оборона покоится в настоящую минуту единственно на плечах народа»[1].

На следующий день—13 мая—«Отец Дюшен», выведенный из себя появившеюся накануне прокламацией Комитета общественного спасения, разразился следующей яростной тирадой:

«...Как, вы об'являете гражданина Росселя предателем открыто, в афише, и у вас нехватает духа дать парижскому народу доказательства!

«Вы—просто негодяи!

«Отец Дюшен настоятельно требует у вас доказательств. Дайте их! Или он будет думать, что у вас их нет.

«Если сегодня к вечеру вы не представите доказательств измены Росселя, Отец Дюшен об'являет, что вы—обманщики! Если же вы их представите, Отец Дюшен первый потребует вместе с вами головы Росселя.

«В противном случае, он вызовет к себе Росселя. Отец Дюшен и Россель укроются в Бельвилле[2], среди патриотов, и тогда граждане Бельвилля примут против вас такие меры, которых потребуют интересы города и революции!»[3].

Эта статья,—принадлежавшая, повидимому, перу Вермеша и вызвавшая между прочим резкий протест со стороны члена Коммуны и ЦК Арнольда[4],—чуть не стоила газете жизни. «Гневные выпады нашей газеты обеспокоили Ратушу»,—рассказывает Вильом: «Однажды вечером друзья предупредили меня, что уже поднят вопрос о нашем аресте... Я бросился в делегацию по просвещению, к Вальяну, который продиктовал своему секретарю Констану Мартену записку к Эду, бывшему тогда членом Комитета общественного спасения. Вальян подписал ее. Я посетил Эда, и все уладилось... Отцу Дюшену не

[1] Цитируя это письмо Росселя, якобинский листок «Estafette» (в № от 14/V) выражал свое сомнение в том, чтобы оно исходило от «изменника».

[2] Округ Бельвилль (XIX)—один из самых пролетарских в Париже.

[3] «Le Père Duchêne», 24 floréal an 79 (13 мая 1871), p. 5.—Записки М. Вильома («В дни Коммуны», стр. 166) подтверждают тот факт, что редакция «Отца Дюшена» в лице Вермеша поддерживала сношения с Росселем и после его бегства из Ратуши и готовила—в середине мая—задуманное еще в конце апреля группой бланкистов выступление против парламентарной Коммуны.

[4] «L'Estafette», 20/V 1871 г. (открытое письмо Арнольда Эмберу и Вермешу, главным редакторам «Отца Дюшена»).—В ответ на этот протест редакция «Отца Дюшена» заявляла, что и в дальнейшем будет поддерживать каждого военного руководителя Коммуны и защищать его от необоснованных обвинений в измене («L'Estafette» от 21/V).

оставалось теперь ничего другого, как поддерживать Делеклюза, который сменил Росселя»[1].

То, что сошло бланкистскому органу, поспешившему, впрочем, «загладить» свою «вину» перед «большинством» Коммуны и ее Комитетом общественного спасения исключительно резким выступлением против оппозиционного «меньшинства»[2], — не сошло бакунистской газете, на столбцах которой Андре Лео повела страстную борьбу против военной политики правящей фракции Коммуны—в частности, против травли Росселя[3].

«Перед лицом всех обвинений, всех угроз, направленных против гражданина Росселя,—писала она 13 мая[4],—мы останемся верны до конца!.. Мы заявляем, что его единственной ошибкой было то, что он не использовал до конца своих полномочий военного делегата, чтобы одним ударом покончить и с Центральным комитетом и с начальниками легионов, которые во все время его министерства только ставили ему палки в колеса. Если бы он это сделал, он был бы еще с нами и помог бы нам выйти из того тупика, в который мы зашли[5].

Своего апогея кампания газеты «La Sociale» в защиту Росселя, как жертвы якобинско-бланкистского руководства Коммуны, достигла в статье (без подписи) под резким заглавием «Подлецы»[6].

Автор заявляет, что «раз члены Коммуны... не дают путем бесспорных доказательств удовлетворения общественному мнению, естественно взволнованному» тяготеющим над бывшим главнокомандующим обвинением,—значит это «обвинение ложно», и Коммуна «употребила во зло доверие народа, лишив его меча, полезного для защиты города».

«Вы называете его диктатором! Мы утверждаем, что он был им слишком мало. Неограниченный хозяин в военной делегации, он должен был взять в свои руки всю полноту власти, перешагнуть через все остальное, а вас, члены Комитета общественного спасения, вас, члены Центрального комитета, всех вас, расшитых с головы до ног галунами, бездарных и злобных дураков, которые стесняли его движения, мешали военным действиями...,—не медля ни минуты, приказать расстрелять!..

«Только диктатура поможет нам выйти из борьбы, которая к несчастью стоила нам уже стольких жертв; только диктатура отведет от нас бич, который грозит нас уничтожить...

«Народ ждет немедленных, исчерпывающих раз'яснений! Тем хуже для вас, если вы окажетесь единственными участниками заговора, который затеяли. Мазас достаточно велик, чтобы вместить вас, и вы будете вынуждены об'явить народу, что вы солгали!»

---

[1] М. Вильом. «В дни Коммуны», стр. 146—147.

[2] «Le Père Duchêne», 28 floréal an 79 (17 мая 1871), p. 1—4.

[3] См. А. Молок. «Андре Лео. Из истории революционно-социалистической публицистики Парижской Коммуны 1871 г.»: «Под Знаменем Марксизма», 1928, № 3.

[4] «La Sociale», 13/V—1871 (статья «Le citoyen Rossel»).

[5] В № от 15 мая (в статье «Une enquête urgente») та же газета выставила требование немедленного следствия над каждым из членов ЦК национальной гвардии.

[6] «La Sociale», 16 мая 1871 («Les Infâmes»).

Эта—неслыханная по своей резкости—статья не осталась безнаказанной: через два дня «La Sociale» перестала существовать [1].

Обзор дискуссии, которая велась в парижской революционной прессе между 10 и 20 мая по вопросу о действиях и личности скрывшегося военного делегата, выявил пред нами д в е, прямо противоположные, точки зрения. Но та же дискуссия вскрыла существование в общественном мнении революционного Парижа д в у х точек зрения и по важнейшему п р и н ц и п и а л ь н о м у вопросу военной политики—вопросу о том, как должен быть построен руководящий военный аппарат революции, и какое место должны занимать в нем военные специалисты. На этом последнем расхождении мы и остановимся теперь и увидим, что оно проливает некоторый новый свет на характер фракций и группировок в Коммуне.

Чистые (ортодоксальные) якобинцы, задававшие—вместе с бланкистами-диссидентами [2] (Вальян, Ранвье, Ант. Арно и нек. др.)—тон в Коммуне и ее органах с начала и особенно середины мая, считали, что в основу военной политики должны быть положены следующие бесспорные для них принципы: недоверие к профессиональным военным, раздробление командования и руководства, управление военным ведомством посредством сети гражданских органов. Загипнотизированные традициями великой революционной диктатуры 1793—1794 годов,—которая ставила во главе военного ведомства инженера (Карно) и посылала на гильотину генералов, разбитых неприятелем,—якобинцы 1871 года готовы были в каждом кадровом офицере, перешедшем на сторону революции, видеть либо Кюстина, либо Дюмурье, либо Бонапарта. С исключительной яркостью это принципиальное недоверие якобинцев Коммуны к военным специалистам, усиленное еще рядом неудачных опытов (с Люлльe, затем Клюзере, наконец, Росселем) и нашедшее свое официальное выражение в мотивировочной части декрета Комитета общественного спасения (от 15 мая) о прикомандировании к каждой из трех действующих армий по гражданскому комиссару, отразил в своих статьях по поводу кризиса 9—10 мая Феликс Пиа. «Коммуна приняла меру, превосходную как в принципе, так и в частностях»,—восклицал он 12 мая: «Она назначила г р а ж д а н с к о г о делегата по военным делам на место п о л к о в н и к а Росселя, и она выбрала на этот пост гражданина Делеклюза...» [3]. «...Гражданская делегация по военным делам есть плотина против честолюбивых происков

---

[1] Последний (48-й) № газеты вышел 17 мая. Была ли она закрыта распоряжением Коммуны, или закрылась сама, во-время предупрежденная о грозящем ее редакции аресте (как то случилось, напр., с «Mot-d'Ordre»—см. R o c h e f o r t. «Les Aventures de ma vie», III, 81—82). Вероятнее—второе: по крайней мере, ни в одном из известных нам постановлений Коммуны о закрытии тех или иных газет «La Sociale» н е фигурирует.

[2] Под бланкистами-диссидентами я разумею здесь (как и всюду) тех из учеников и последователей «вечного узника», которые — в отличие, напр., от группы работников полицейской префектуры и редакции газеты «Отец-Дюшен» — порвали с заговорщицко-путчистскими методами бланкизма 30—40 годов.

[3] «L e V e n g e u r», 12 мая 1871 (статья «Incompatibilité») (разрядка моя. — *А. М.*).

военщины»,—писал он 13-го: «Генералы против своей воли тянутся к диктатуре, как черепахи тянутся к морю...» [1]. «Солдат—вот где кроется опасность для республики!.. Кто превратил первую республику в империю? Солдат. Кто совершил 18 брюмера? Солдат. Кто дал разбить нас при Ватерлоо? Солдат. Кто совершил 2 декабря? Солдат. Кто довел нас до поражения при Седане? Солдат. Кто сдал Париж 1 марта? Кто хотел его обезоружить 18? Кто осаждает его сейчас? Солдат, еще раз солдат и снова солдат... Со времени 13 вандемьера каждый солдат мечтает о маршальском жезле, каждый артиллерийский офицер—о троне. Такова уже самая сущность этого типа, общая всем им черта, совершенно независящая от тех или иных индивидуальных особенностей [2]...»

Отражая анархические тенденции полупролетарских масс Парижа, правые прудонисты подавали в этом вопросе руку якобинцам-традиционалистам, невольным проводникам мелкобуржуазного влияния на Коммуну. Если Делеклюз возмущался тем, что военный элемент господствует над гражданским, хотя должно было бы быть наоборот [3],—то и орган Вермореля писал о «превосходстве штатских над военными в войне революционной, то-есть оборонительной [4]». Диктатура не спасет Коммуну; наоборот, она ее окончательно погубит,—заявляла правопрудонистская газета «Justice»: «Революция 18 марта вышла из анархии; она живет и держится посредством анархии; через анархию она и восторжествует (c'est par l'anarchie qu'elle triomphera)» [5].

Военной платформе, на которой «чистые» якобинцы сошлись с правыми прудонистами, противостояла военная платформа, за которой стояли не менее разнородные элементы—«чистые» бланкисты («Отец Дюшен») и левые прудонисты («Sociale» и «Commune»), якобинцы-диссиденты [6] («Réveil du Peuple») и радикальные демократы («Mot d'Ordre»). В отличие от первой, эта платформа была свободна от принципиального недоверия к специалистам, признавала вред комитетчины, ратовала за необходимость сильного и строго-централизованного руководства военным ведомством. Если сторонники этой платформы и употребляли выражения «диктатура» и «военная диктатура», то понималась эта последняя не как замена существующих революционных органов и организаций (в том числе и Коммуны) единоличной властью одного из генералов или коллективной властью группы революционеров при участии этого генерала (хотя отдельные представители этой платформы—как, например, Андре Лео и редакция «Отца Дюшена»—договаривались подчас и до

[1] «Le Vengeur», 13 мая 1871 (статья «Preuves»).

[2] «Le Vengeur», 16 мая 1871 (статья «Soldat et Commune»).

[3] Procès-Verbaux de la Commune de 1871», tome I, p. 376 (протокол заседания 22 апреля): «C'est l'élément militaire qui domine, et c'est l'élément civil qui devrait dominer toujours!».

[4] «La Justice», 13 мая 1871 (статья «La Défense de Paris»).

[5] «La Justice», 12 мая 1871 (статья «La Commune»).

[6] Под якобинцами-диссидентами я разумею здесь (как и всюду) тех революционных демократов, которые—в отличие от традиционалистов типа Пиа и Делеклюза—сумели освободиться от рабского подражания «великим предкам» и приблизиться к пониманию своеобразия революции 18 марта как революции пролетариата.

этого), а лишь как состоящая под контролем Коммуны диктатура военного делегата в военном министерстве. Страх перед честолюбием кадровых офицеров и паникерские разговоры о 18 брюмера были совершенно чужды этой платформе. Военный переворот, направленный против Коммуны, который был бы осуществлен с помощью национальной гвардии, то-есть вооруженных пролетарских и полупролетарских масс революционного Парижа, она—справедливо—об'являла невозможным, и все разговоры о нем—«детским страхом»: «Даже победоносный генерал, имея под своим начальством одну лишь национальную гвардию, не может произвести государственного переворота..., тем более, что театром военных действий является один Париж и в окружающей обстановке нет ни одной предпосылки для возникновения действительной диктатуры»,—категорически заявляла газета «Коммуна» [1]. «Есть ли основание опасаться»,—писал в своей газете Лиссагарэ (типичный якобинец-диссидент),—«чтобы гражданская милиция, составленная из отцов и мужей, сражающихся в двух шагах от своего очага за свои политические вольности, согласилась последовать за каким-нибудь военным честолюбцем в задуманном им предприятии» [2]. «... С армией, состоящей из граждан, нет места ни для военных переворотов, ни для диктаторов»,—замечал и «Réveil du Peuple» [3]. В свою очередь, агент информационного бюро, отмечая растущее в «народных кварталах» недовольство комитетчиной, утверждал, что «народ не боится диктатуры в стране, где нет другой вооруженной силы, кроме национальной гвардии», и выражает желание, «чтобы комитеты и подкомитеты, если они будут продолжать существовать, очистили место генералу, способному и республиканскому, который своей головой ответит за успех» [4].

Казалось бы, что военная платформа бланкистов, левых прудонистов и якобинцев-диссидентов,—встречавшая, повидимому, известное сочувствие в некоторых слоях передовых рабочих [5] и приближавшаяся к революционно-пролетарскому разрешению вопроса,—должна была взять верх над платформой старо якобинской и старопрудонистской. Случилось, однако, обратное. Как и в ряде других моментов военно-политической—и не только военно-политической—истории Коммуны, вчерашний и сегодняшний день оказались и в этом случае сильнее завтрашнего, мелкобуржуазный анархизм и предпролетарский партикуляризм—сильнее пролетарского централизма. Руководимое якобинцами-традиционалистами и бланкистами-

---

[1] «La Commune», 12 мая 1871 (статья «La Démission de Rossel»).

[2] «Le Tribun du Peuple», 18 мая 1871.

[3] «Le Réveil du Peuple», 12 мая 1871.—В таком же духе высказывались газета «L'Estafette» в № от 12/V («Au Père Duchêne») и Клюзере в письме к Делеклюзу от 16/V («Enq. parl. sur l'insur. du 18 mars», p. 515).

[4] Dauban. «Le fond de la société sous la Commune», p. 265 (сводка от 10 мая).—Сводка от 11 мая (ibid., p. 276) констатировала, однако, отрицательное отношение «народных кварталов» к идее какой бы то ни было военной диктатуры.

[5] Издаваемый XI округом (в состав которого входило пролетарское Сент-Антуанское предместье) «орган социальных требований» «Le Prolétaire» (в № от 19 мая) требовал, чтобы военная диктатура была вручена «одному человеку, а не толпе суетных и завистливых болтунов», и чтобы этот диктатор, как и его агенты, был обязан представлять отчеты и находился «под неусыпным наблюдением народа».

диссидентами правительство Коммуны, отделавшись от беспокойного главнокомандующего и раздавив поддерживавшую его оппозицию слева (реорганизация Военной комиссии, закрытие газет «Sociale» и «Commune», раскол в редакции Réveil du Peuple», вынужденный отказ «Отца Дюшена» от своей прежней линии), еще решительнее вступило на путь, указанный ему Феликсом Пиа и его «школой»: за назначением гражданского делегата по военным делам последовали создание института «гражданских комиссаров» при командующих тремя действующими армиями Коммуны[1] и возраставшее со дня на день усиление роли Центрального комитета национальной гвардии в управлении военным ведомством.

5

Как оценивать деятельность Росселя на посту военного делегата и его роль в военной истории Коммуны вообще? Прежде чем ответить на этот вопрос, заслушаем мнения ряда лиц, принадлежащих как к тому, так и к другому лагерю.

Версальцы,—которые, как мы видели, считали Росселя опасным для себя противником и встретили его падение со вздохом облегчения,—готовы воздать должное военным дарованиям молодого офицера, чтобы тем резче оттенить несостоятельность военной организации и военных сил Коммуны вообще. «Он был единственным военным в настоящем смысле этого слова, которым располагало восстание»,—пишет журналист Филибер Одебран: «Он был выдающимся офицером. Если бы успех был возможен с тем негодным материалом, который был у него под руками, он был бы ему обеспечен»[2]. Немецкий буржуазный историк Коммуны Бернгард Беккер называет Росселя «самым способным человеком во всем ее войске (der fähigste Mann in ihrem ganzen Heere)»[3].

Коммунары, не отрицая энергии и способностей, проявленных Росселем на посту делегата, подчеркивают, однако, с большим единодушием его предрассудки кадрового офицера и непонимание им духа национальной гвардии, как и особенностей революционной войны.

«Россель был военным и только военным»,—пишет Арну (член Коммуны, правый прудонист): «Он никогда не верил в баррикады, как солдат, не любя и не понимая этой уличной борьбы, которая является стихией народа, особенно народа парижского»[4]. Он никогда не понимал разницы между национальной гвардией и дисциплинированной военной силой»,—констатиро-

---

[1] Сам по себе, институт комиссаров при командирах (как показал опыт гражданской войны в России 1917—1921 гг.) не является чем-то чуждым пролетарской революции, а в известный период ее прямо необходим. Беда Коммуны заключалась лишь в том, что она не имела правильного представления о том, где должна проходить грань между полномочиями военных специалистов и полномочиями органов пролетарской диктатуры (в данном случае—комиссаров).

[2] Ph. Audebrand. «Hist. intime de la révol. du 18 mars» (Paris 1871), p. 171.

[3] B. Becker. «Geschichte und Theorie der Pariser revolutionären Kommune des Jahres 1871» (Leipzig 1879), S. 196.

[4] А. Арну. «Народная история Парижской коммуны», стр. 180 (по рус. изд. 1919 г.) (перевод исправлен.—*А. М.*).

вала еще во время Коммуны газета Верморeля (правопрудонистская)[1]. «Он тоже (подобно Клюзере. *А. М.)*, кажется убежден, что самое для него главное—это иметь в руках орудие, которое не рассуждает и готово слепо подчиняться, между тем как только сознательное подчинение может дать революционной армии шансы на победу»,—отмечает в своем дневнике, который он вел во время Коммуны, Лефрансэ (член Коммуны, левый прудонист): «Горячий и убежденный патриот, Россель был бы превосходным командующим армией в обыкновенной войне в защиту национальной территории. Но как же сможет установиться между ним и его войсками столь необходимая для успеха общность идей, если он абсолютно чужд... тому делу, за которое мы боремся?..[2]. Луиза Мишель (примыкавшая во время Коммуны к бланкистам) справедливо указывает, что если Россель олицетворял регулярную армию, а Делеклюз—армию революционную, то «против таких врагов, как версальцы... необходимы были обе армии—одна из стали, другая из пламени»[3]. Лиссагарэ (якобинец-диссидент) упрекает Росселя в том, что «так же, как Клюзере, он не сумел создать новой тактики в этой беспримерной борьбе»: «Дельная голова, каким его считали, он оказался доктринером, мечтающим о правильных сражениях, рабски следующим указаниям учебников, оригинальным лишь по своему поведению и способу выражаться»[4]. Исключение составляет отзыв Гастона Да Коста («чистого» бланкиста), который приходит к выводу, что деятельность Росселя на посту военного делегата была во всех отношениях безупречной, и что «если он потерпел неудачу (в своих организационных планах—*А. М.*), то в этом следует винить единственно лишь Коммуну, которую ему не удалось ни убедить, ни опрокинуть![5].

Интересно, что, критикуя Росселя как военного делегата, коммунары все же с сожалением говорят об его отставке. «Россель заслуживал лучшего, чем заключения в Мазас, и его отставка была несчастьем для дела революции»,—пишет Малон (член Коммуны, бакунист)[6]. Это была чувствительная для нас потеря»,—признается Луиза Мишель: «Об этом достаточно ярко говорит тот факт, что версальцы расстреляли Росселя»[7]. «В энергии этому генералу революции, во всяком случае, отказать было нельзя; между тем, энергия-то как-раз и нужна была больше всего в этот критический момент»,—отмечает сочувствующий Коммуне радикально-демократический публицист Рошфор[8]. «Я до сих пор убежден, что если бы этот молодой военачальник с самого начала стоял во главе обороны Парижа, вторая осада по меньшей

---

[1] «L a J u s t i c e», 13 мая 1871 (ст. «Rossel»).

[2] L e f r a n ç a i s. «Souvenirs d'un révolutionnaire», p. 520.—Ср. L e f r a n ç a i s «Etude sur le mouvement communaliste à Paris», p. 286.

[3] Л. М и ш е л ь. «Коммуна», стр. 130 (по рус. изд. 1926 г.).

[4] Л и с с а г а р э. «История Парижской Коммуны», стр. 293.

[5] D a C o s t a. «La Commune vécue», II, 174 (Да Коста был одним из активных участников организованного группой ближайших учеников Бланки заговора против «парламентарной» Коммуны, в который вовлечен был и Россель).

[6] M a l o n. «La Troisième défaite du prolétariat français», p. 312.

[7] Л. М и ш е л ь. «Коммуна», стр. 131.

[8] H. R o c h e f o r t. «Les Aventures de ma vie», III, 65.

мере затянулась бы»,—утверждает Да Коста [1]. Современник и—до некоторой степени—участник Коммуны П. Лавров решительно заявляет, что, на-ряду с Домбровским, единственным генералом, стоющим этого имени, был у Коммуны Россель [2]. Один только реакционный биограф Росселя Gerspach, вопреки мнению самих коммунаров и версальцев, решается утверждать, что «присутствие Росселя в рядах инсургентов не придало никакой новой силы восстанию, а уход его не вызвал никакого ослабления» [3].

Из новейших историков Коммуны социалист Ж. Буржен отдает должное энергии, проявленной Росселем в качестве военного делегата [4]. Социалист Л. Дюбрейль,—соглашаясь с Арну, Лиссагарэ и др. в том, что Россель «был солдат и только солдат, в узком значении этого слова, весь пропитанный предрассудками своей профессии и касты»,—признает, что он, «во всяком случае, представлял собою известную ценность». «Не подлежит сомнению, что, получив власть месяцем раньше, он систематически и активно вооружил бы Коммуну, если и не для победоносного наступления, то, по крайней мере, для долгой обороны, которая могла бы, может быть, утомить нападающего» [5]. Марксистский историк Коммуны Н. Лукин приходит к заключению, что как Клюзере, так и Россель «оказались непригодными к ответственной роли военного министра Коммуны, организатора и руководителя ее боевых сил»; вместе с тем, он справедливо подчеркивает, что военная беда Коммуны заключалась не столько в том, что у нее «не нашлось военного гения, талантливого руководителя» [6] (как думает Арну [7], сколько в общей незрелости парижского пролетариата 1871 года и кратковременности его господства, наложивших свой роковой отпечаток на все без исключения стороны деятельности Коммуны и помешавших последней в кратчайший срок научиться владеть «инструментом войны»—изжить «комитетчину» [8] и перестроить свою «красную гвардию» в настоящую «красную армию».

В заключение попытаемся определить место Росселя в политической и военной истории революции 1871 года. Определяется оно, во-первых, тем, что с именем этого кадрового офицера теснейшим образом связано военно-патриотическое течение, столь сильное у начальных истоков Коммуны, но по необходимости оставленное нами здесь без надле-

[1] Da Costa. «La Commune vécue», II, 190.

[2] «Письма П. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер из Парижа»: «Голос Минувшего», 1916, № 7—8, стр. 134 (письмо от 22/X—1871).

[3] Gerspach. «Le colonel Rossel», p. 190.

[4] Bourgin. «Histoire de la Commune», (Paris s. a.), p. 145.—Точка зрения Ed. Lepelletier в первых трех томах его труда не выявлена. Талес как-то оставляет в стороне этот вопрос, разделяя в общем взгляд Лиссагарэ на Росселя.

[5] Дюбрейль. «Коммуна 1871 г.», стр. 201.

[6] Н. Лукин. «Из истории революционных армий» (Гиз, 1923 г.), стр. 303, 313—314.

[2] А. Арну. «Народная история Парижской Коммуны», стр. 182.

[2] Комитетчина имела одно время свой raison d'être, но лишь до 18 марта, пока шла борьба за национальную гвардию между старой властью и зарождавшейся в недрах Парижа новой революционной властью. С переходом власти в руки пролетариата она превращается в сильнейшую помеху для дела организации обороны революции.

жащего рассмотрения[1]. Определяется оно далее тем, что, как мы установили, с именем Росселя сплетается сложная фракционная борьба в совете Коммуны, ее органах и прессе, расколовшая революционно-пролетарский Париж на несколько отличных по своей тактической платформе групп, сплетается, в частности, попытка группы бланкистов путем своеобразной революции (вернее—путча) слева устранить «парламентарную» Коммуну, заменив ее диктатурой «вечного узника» или его «партии», диктатурой, призванной оздоровить оборону и спасти революцию. Наконец, в историю военной организации Коммуны Россель войдет не только как крупный военный специалист, принимавший с 22 марта по 9 мая самое активное участие в руководстве обороной Парижа, не только как едва ли не самый энергичный и самый способный из ее военных министров (точнее— делегатов), но и как человек, который, как мы видели, довольно открыто поставил вопрос о военной диктатуре (для себя) и связал свое имя с интенсивной борьбой за дисциплинированную армию и централизованный аппарат — против анархии, партикуляризма, комитетчины.

---

[1] См. А. Молок. «Россель и военно-патриотическое течение в Парижской Коммуне 1871 г.». «Труды Ленинград. педагог. института им. Герцена» 1928 г., № 1.

ДОКЛАДЫ В ОБЩЕСТВЕ

Ц. Фридлянд

«9-е термидора»

Одна из наименее разработанных глав истории Великой Французской Революции—это последние месяцы накануне 9-го термидора. Мы не хотим сказать, что на эту тему написано мало книг,—книг написано очень много, но социально-экономической истории, которая бы выяснила нам движущие силы событий, переломного пункта в истории революции, мы до сих пор еще не имеем.

Я отнюдь не предполагаю выполнить эту задачу в моем докладе, я не имею в виду дать также сегодня исторический очерк конкретного хода событий во всех деталях, я имею в виду поставить основные вопросы и прежде всего установить неизбежность наступления кризиса буржуазной революции конца XVIII в., раскрыть по мере сил и возможности классовую природу переворота 9-го термидора, и, тем самым, установить его историческое значение для судеб революции. Совершенно очевидно тем самым, что для меня история «9-го термидора» не является поводом для вульгарного аналогизирования. Между революцией конца XVIII в. и нашей революцией та же разница, что между эпохой промышленного переворота и эпохой краха капиталистической системы, что между пролетариатом и буржуазией. Любители аналогий внешнего порядка могут доставлять себе удовольствие забавы этими блестящими стекляшками,—наша задача—вскрыть сущность и содержание того исторического процесса, который в годы буржуазной революции конца XVIII в. привел Францию к «9-му термидора».

Некоторые историки буржуазии убеждают нас, что наша революция ничего общего не имеет с Великой революцией. Это предмет особых стараний Олара, который упорно убеждает всех, что революция конца XVIII в. была построена на твердой почве права, а наша революция—на трясине насилия. Но он пришел к этому выводу после Октября, после того, как обнаружил, что Керенский не Карно, а русский пролетариат и крестьянство «спасают отечество», подавляя буржуазию. Радикальные историки, в свою очередь, готовы утверждать, что мы повторяем Великую революцию во всех подробностях: мы повторяем ее в нашем интернационализме, который фактически является национализмом, в нашем «пацифизме», который служит лишь прикрытием нашего «революционного милитаризма»: мы также мечтаем о своем «левом береге Рейна». Так писал в 1920 г. в брошюре «Le bolchevisme et le jacobinisme» один из видных историков, которого мы читаем теперь с большим интересом и считаем близким к марксизму. Стоит ли говорить об «упражнениях» наших отечественных меньшевиков (Далин и т. д.), которые, в конечном счете, сводят всю революцию к «9 термидора» и видят в нашей революции тоже только это событие:

---

[1] Переработанная стенограмма доклада, читанного на заседаниях общества историков-марксистов 27 января и 3 февраля 1928 г.

своеобразный исторический фатализм и телеологизм... Во всех этих попытках аналогий есть один основной и решающий порок: авторы их не понимают различия между двумя историческими эпохами.

Пытающиеся аналогизировать, а чаще отождествлять обе революции, исходят из следующей ложной предпосылки: они рассматривают и ту и другую революции как буржуазно-демократические революции. Только при предположении, что наша революция не социалистическая, а буржуазно-демократическая, может итти речь о подобных «аналогиях» этого не понимают троцкисты. Поскольку наша революция, в отличие от французской революции конца XVIII в., не буржуазно-демократическая, а социалистическая, подобные аналогии не представляют интереса для историка.

Я могу перейти теперь к моей теме.

Как ставят обычно вопрос о 9 термидора. До сих пор об этом говорили, как о главе из биографии Робеспьера. Для нас же это вопрос об углублении и обострении социальных противоречий буржуазной революции с весны 1794 г. Я имею в виду совершенно определенный исторический период, примерно с апреля по июль 1794 г. Я подчеркиваю—углубление и обострение противоречий, характерных для буржуазно-демократической революции эпохи домашинного производства. Последнее положение нужно всегда подчеркивать, когда мы говорим о Великой французской революции; эти-то противоречия и породили ту личную трагедию Робеспьера, которая представляет столь значительный интерес для буржуазных историков.

Я не могу здесь, конечно, дать даже краткий очерк историографии вопроса; я должен обойти молчанием и работы E. Hamel'я, Ch. Héricauet и т. д. Все они, как апологетические, так и антиробеспьеристские, исходя из оценки террора, как действующей силы событий. «Следует заключить, пишет Эрико, что Робеспьер хотел урегулировать террор» (régulariser la terreur), это и было причиной 9-го термидора. Буржуазные историки последних десятилетий рассматривают события весны 1794 г. под углом зрения борьбы за власть робеспьеристов и термидорианцев. Об этом пишет Н. Кареев («Роль парижских секций в перевороте 9-го термидора»; в этом смысле высказывается, как это ни покажется странным, даже А. Матьез. Последний заявил в статье «Les divisions dans les comités de Gouvernement à la veille du 9 Thermidor»: «кризис, наступивший 9-го термидора, вызван был борьбой в большей степени личной, чем конфликтом программ или партий». В духе указаний Н. Кареева высказывается и Я. Захер, утверждающий, что события пошли бы по иному пути, если бы удалось осуществить программу Сен-Жюста, намеченную им в речи от 26 жерминаля («Сен-Жюст»). Правда, в других своих работах он защищает и другие взгляды, но это только осложняет задачу критической оценки его взглядов[1]. Но судьба революции столь же мало зависела от речи Сен-Жюста, сколько от ссоры последнего с Карно или от примирения Робеспьера и Бурдона. Историки говорят также о ливне, который разогнал толпу на Гревской площади в день 9-го термидора, об Анрио, руководителе военных сил Коммуны, который был пьян в день переворота и т. д., и т. п.

Я повторяю, нас интересует другое.

Когда началась завязка той исторической драмы, которая разыгралась 9-го термидора? А. Матьез считает, и не без оснований, что завязка событий относится к марту 1794 г., т.-е. уничтожение фракций—одна из глав этой истории. Нет ни одного исследователя, который бы отрицал, что, по крайней

[1] Так, в своей книжке «9 термидора» Я. Захер уверяет нас, что «балансирование» Робеспьера между «левыми» и «правыми» привело «к полному внутреннему перерождению монтаньярской партии». Итак, о «теории перерождения» говорит Я. Захер.

мере с мая, в рядах очищенного от дантонистов и эбертистов революционного правительства борьба фракций была уже снова в полном разгаре. Во всяком случае, в конце мая созрели все предпосылки для 9 термидора: события июля 1794 г. были совершенно естественным и неизбежным результатом обострения классовых противоречий в рядах якобинского блока. Я считаю заслугой А. Матьеза то, что он указал нам на значение для анализа событий так называемых «вантозовских декретов» II года. Они безусловно открывают в истории Конвента ту борьбу, которая развернулась в ближайшие месяцы. Как раз в это время, что утверждают и современники, произошел раскол между робеспьеристами и той господствующей в Конвенте группой, которая была представлена монтаньярами, будущими термидорианцами. В это время постепенно оформлялись те две силы, я бы сказал, те два правительства, которые позже вступили в борьбу друг с другом — правительство Конвента, с одной стороны, и правительство Парижской коммуны, — с другой. Борьба шла за Комитеты. Это было повторением того своеобразного двоевластия, которое в июне 1793 г. дало победу Коммуне, а в июле 1794 г. Конвенту и Комитетам. Такова была политическая сторона того социального кризиса, который я определил бы как столкновение между мелко-буржуазной, густо окрашенной аграрным утопизмом, а следовательно, исторически-реакционной системой Сен-Жюста и Робеспьера, с одной стороны, и капиталистической программой буржуазного авангарда «термидорианской» (в будущем) коалиции,—с другой.

Столкнулись две программы: конечной целью одной было создание эгалитарной («аграрной») республики, где торговля и промышленность играли бы лишь служебную роль, и чисто буржуазным идеалом другой—создание индустриального государства и наилучших условий для капиталистического накопления в стране.

Это не означает, как мы увидим в дальнейшем, что робеспьеристы хотели «уничтожить» торговлю и промышленность, а их враги игнорировали сельское хозяйство,—нет, дело идет об удельном весе той или другой отрасли хозяйства в программе политической деятельности каждой из борющихся групп.

Тут не может быть и речи о «перерождении» какой-либо из этих групп за годы революции. Мы не имеем «перерождения» классов, потому что робеспьеристы, стремясь к осуществлению своей системы с весны 1794 г., не изменяли своей классовой природы и своей программы. В июне—августе 1793 г. они выполнили одну часть ее; освободивши Францию от прямой угрозы контрреволюционной опасности, они с весны 1794 г. приступили к исполнению второй части этой программы. В июне 1793 г. якобинцы с корнем вырвали феодальные пережитки в общественном строе Франции, открыв путь для буржуазного развития страны. На их стороне была тогда городская и деревенская демократия, в том числе и основная масса трудового крестьянства; с ними была и часть буржуазии. Благодаря блоку с последней якобинцам, опиравшимся на революционные низы, удалось быстро и решительно изолировать жирондистов и раздавить федерализм.

Таким образом была выполнена, я бы сказал, «отрицательная» часть программы, а с весны 1794 г. приступлено к выполнению «положительной» части. И в этой «положительной» программе мелко-буржуазная утопия о возможности перенести центра тяжести социально-экономического развития из города в деревню занимала значительное место. Против этой программы выступил классовый гегемон термидорианской коалиции, та активная часть ее, которая стремилась к возрождению буржуазного общества. Отметим здесь также, что робеспьеристы, как и якобинцы, были

политическим блоком, и в том и в другом лагере та или другая группа могла не разделять и не разделяла взглядов руководящего ядра, но определяло линию поведения это ядро, оно придавало тому и другому блоку классово-выдержанную физиономию.

Кризис 1794 г. выявился в спорах о том, какая положительная программа, т. е. какой общественный порядок должен быть осуществлен. К осуществлению этого порядка можно было приступить немедленно: победы на фронтах, урожай, ликвидация фракций,—вся обстановка этому благоприятствовала.

Весною 1794 г. спорной программой революции был эгалитаризм. Речь шла о создании республики «равных товаропроизводителей». Конечно, Робеспьер и Сен-Жюст не стремились ни к «аграрному закону», ни к «коммунизму». Робеспьер считал всегда эти идеи фантазией. Он хотел сделать только «бедность уважаемой». Стремясь к созданию «эгалитарной республики земледельцев», он не посягал на тот принцип, который лежит в основе капиталистического общества, он хотел его «урегулировать»; каждый должен был стать собственником, подобно крестьянину на своем участке земли. Эта программа вызвала оживление и обострение борьбы. Чтобы убедиться в этом, я хотел бы воспользоваться одним историческим документом, с моей точки зрения, весьма любопытным. Я имею в виду речь Куртуа—термидорианца—в заседании Конвента от 16 нивоза III года, доклад Конвенту о бумагах, найденных у Робеспьера. В этой речи сформулирована программа, и дано об'яснение, почему термидорианцы выступали против Робеспьера. В конце - концов, то же повторил позже Лекуантр, при обвинении Билло-Варенна и других. Мы имеем здесь совершенно определенное и ясное изложение «положительной» программы французской буржуазии.

Сторонники Робеспьера,—говорит Куртуа,—хотят «санкюлотизировать все», т. е. превратить в санкюлотов всех французов, даже, если это нужно, за счет общественного блага, «изгоняя отовсюду людей просвещенных, всех, кто владеет хотя бы каким-нибудь добром, отдавая эти места людям без таланта и без состояния»; робеспьеристы преследовали торговлю и промышленность. «Богатый,—говорили робеспьеристы,—наследственный враг санкюлота». Благодаря Робеспьеру,—продолжает Куртуа,—закрыты были все живительные каналы промышленности, торговли и продовольствия: он хотел сделать из французов народ волков, которые разрывают себя на части.

Куртуа жалуется на комиссаров, которые уничтожали богатых, в особенности Сен-Жюст и Лебон. Интересно читать, как союзник той части термидорианцев, которые прославились своей жестокостью в южных городах Франции, как Куртуа, спекулянт фуражом, товарищ спекулянта Лекуантра, защищает Лион, Бордо и другие торговые города, раззоренные его союзниками. Он заявляет: Робеспьер хотел продолжать террор и нивеллировать всех на основах бедности. Если страна голодала, это потому, что Неподкупный считал торговлю и богатство позором. «Тупоумные и кровавые нивеллировщики, вы достигнете своей цели только тогда,—читаем мы в его докладе,—если вы порвете торговые связи, если вы похороните под вашими обломками богатство и ремесла, если вы захотите в ваших бредовых аграрных мечтаниях сделать из 25 млн. французов 25 млн. человек, живущих за 40 экю».

Конечно, мы не обязаны верить Куртуа, но характерно, что представитель термидорианцев, наиболее активной, классово-оформленной группы этой коалиции, так об'ясняет свою вражду к системе Робеспьера.

Я подчеркиваю ту мысль, что Робеспьер и Сен-Жюст с весны 1794 г. имели в виду осуществление новой системы, программы новой рево-

люции. Об этом и говорит Куртуа, заявляя, что Робеспьер хотел осуществить «une espèce de maximum à la pensée». Мы увидим потом, предполагали ли робеспьеристы, как утверждали термидорианцы, осуществить свою программу с помощью нового восстания масс, повторением 2 июня,—но ясно одно, это была программа антикапиталистического общественного порядка. Что это так, в этом нас убеждает ряд документов. Приведу здесь один-два примера.

Я прежде всего начну с «фрагментов» Сен-Жюста «О системе республиканских учреждений» («Fragmens sur les Institutions republicaines»), написанных, повидимому, весною 1794 г.

Пройти мимо этих документов нельзя, они необходимы для понимания борьбы течений в рядах якобинской коалиции с весны 1794 г. Основная мысль «фрагментов»: война кончена, мы должны приступить к строительству, к осуществлению наших идеалов. Что же мы будем строить? — спрашивает Сен-Жюст. Мы должны построить систему республиканских учреждений; дело не в конституции, а в создании таких учреждений, которые могли бы обеспечить осуществление эгалитаризма.

«Создание гарантии для правительства против развращения нравов и гарантий для народа—против коруппции со стороны правительства»,—такова наша задача. Эти учреждения имеют целью установление общественных и индивидуальных гарантий, для того чтобы избегнуть раздоров и насилия. «Чтобы установить в обществе превосходство нравственности над превосходством отдельных лиц, необходимо увеличить число учреждений, гарантирующих эту нравственность». Отсюда — необходимость диктатуры, конечно, не личной, как думали современники и историки.

Задача осуществления новой программы зависела от установления и укрепления революционной диктатуры. Эта мысль руководила «Триумвиратом» при издании закона 22 прериаля о беспощадном терроре и при провозглашении культа Верховного существа—во имя осуществления республики «равных товаропроизводителей».

«Чтобы быть счастливыми, надо себя возможно больше изолировать от других государств»,—писал автор «фрагментов». Идеал Сен-Жюста—совершенно «изолированное государство». Правительство блюдет в нем общественные интересы данной нации. В этой республике все должны трудиться. Огромное значение придается упрощенной системе финансов. Обращаю внимание на этот пункт; я утверждаю, что одним из решающих спорных вопросов между робеспьеристами и термидорианцами было их различное отношение к деятельности комитета финансов, и в частности к политике Камбона. Сен-Жюст об'ясняет нам, какую систему финансов он считает идеальной. Благодаря значительной эмиссии удалось вызвать в годы революции,—пишет он,—оживление торговли и спекуляции, благодаря эмиссии выросла мощь капиталистов, богачей—основное препятствие для осуществления идеалов эгалитаризма. Нужна такая финансовая политика, которая поставила бы пределы капиталистическому накоплению. Следует принять меры,—читаем мы у Сен-Жюста,—чтобы установить справедливые повинности для всех доходов и предметов производства и взимать их легко, без многочисленных агентов фиска, уменьшить количество ассигнатов, запретить всем прятать деньги, накоплять их, чтобы жить в праздности, иметь капиталы за границей, знать доходы и расходы каждого гражданина и обеспечить средства существования нуждающимся и тем обеспечить их гражданскую независимость. «Не существует другого налога, чем гражданская обязанность каждого гражданина в возрасте 21 года представить в распоряжение общественного чиновника каждый год десятую часть своего дохода и одну пятнадцатую часть плодов его труда». Практически одно из решающих средств для уменьшения эмиссии—это отказ от максимума. Нужно сказать, что судьба макси-

мума весной 1794 г. была решена. Максимум пал не после 9 термидора, а задолго до 9 термидора. Робеспьер и Сен-Жюст оба доказывали необходимость отмены максимума, провозглашение свободы торговли. И идея максимума родилась не во Франции. «Она пришла извне»,—пишет Сен-Жюст. Подобная формулировка—повторение общераспространенной тогда мысли, что максимум английская выдумка, от нее необходимо решительно освободиться. Итак, свобода торговли как база эгалитаризма!

Чтобы исправить нравы, необходимо установить соответствие интересов и потребностей, с этой целью «необходимо представить хотя бы малый участок земли всем». Только таким образом можно уничтожить нужду... «Там, где имеются исключительно крупные собственники, можно видеть множество бедняков». Необходимо, поэтому, обеспечить хозяйственную независимость каждого гражданина; уничтожить нищету можно лишь, раздав по мере возможности национальные земли беднякам. Не может быть народа просвещенного и свободного, кроме народа-земледельца; ремесло не подходит для истинных граждан; руки человека сделаны для работы на земле; никто не должен заниматься перепродажей земель, организацией банков, или содержать корабли в иностранных морях.

Так формулирует основные положения своей утопии Сен-Жюст. Завершением всей системы служат у него религия и мораль. Они играли в это время существенную роль, как мы сможем в этом позже убедиться, для философского оформления социальной идеологии и для обоснования мелкобуржуазной реакционной утопии. Религия должна была скрепить систему «республиканских учреждений».

«Фрагменты» не случайный документ. «Аграрный уклон» Сен-Жюста относится еще к первым шагам его политической деятельности. Вспомним его первое письмо Робеспьеру в 1790 г. «Почему города должны проглотить преимущество деревень»,—спрашивал в письме Сен-Жюст. Но вот еще один документ, который может служить дополнением к «республиканским фрагментам» Сен-Жюста. Я имею в виду найденный среди бумаг Робеспьера отрывок, набросок программы будущей революции. Мы находим в этом отрывке повторение ряда положений Робеспьера, часто повторяющихся в целом ряде его речей. Что же говорит Робеспьер о задачах своей политики. Основная наша задача,—осуществление конституции в интересах народа; кто наши враги?—порочные люди и богатые; что дает им возможность торжествовать?—непросвещенность санкюлотов. Необходимо просветить народ. Но кто мешает выполнению этой задачи? Журналисты, писатели, эти наиболее опасные враги отечества. Их необходимо предать проскрипции, особенно продажных журналистов. Об этой ненависти Робеспьера к идеологам буржуазного общества речь еще впереди.

Каковы другие препятствия,—спрашивает дальше Робеспьер,—к установлению свободы в стране? Внешняя и гражданская война. Каким образом можно добиться прекращения первой? Поставив республиканских генералов во главе армий и наказав предателей; прекратить гражданскую войну можно, устранив продажных депутатов и предателей-чиновников. Здесь же, под номером «4»—значится—«subsistances et lois populaires»,—позаботиться о снабжении населения, о хлебе насущном для тружеников и о законах в интересах народных масс,—такова задача Робеспьера. Робеспьер никогда не верил в возможность полного экономического равенства, он клеймил подобные идеи, как химеру «аграрного закона». Но он твердо знает, что «внутренняя опасность идет от буржуа; чтобы победить

буржуа, необходимо против них об'единить народ». Война негоциантам южных городов,—таков лозунг политики робеспьеристов, но одновременно это об'явление войны буржуазии в целом. Стоит только внимательно прочесть донесения рядовых якобинцев и народных представителей, сторонников Робеспьера из Лиона, Бордо, где они жалуются на попытки буржуазии сделать их своим послушным орудием, донесения, дышащие ненавистью к городской знати, ко всем промышленникам и торговцам,—чтобы лишний раз в этом убедиться. Вот что пишут Леба и Сен-Жюст Робеспьеру из Страсбурга 24 фримера II года: «Фабриканты не являются патриотами, они не желают трудиться, их приходится принуждать к этому». Но при этом, конечно, оставляя их фабрикантами. И это говорится в то время, как робеспьеристы преследуют «неистовых» Каррье, Талльена, Фуше и т. д.

Лицо Сен-Жюста решительно обращено к деревне, он чаще выступает по социально-экономическим вопросам, но и за рассуждениями Робеспьера о «морали» и «религии» явственно выступают очертания руссоистского государства будущего.

Итак, весною сторонники Робеспьера провозгласили свою систему идей как антибуржуазную систему эгалитарной республики, где деревня заслоняет город и где будет установлено «равенство собственников». Эта программа был провозглашена как раз в то время, когда мы имели дело с некоторым ослаблением экономического и политического кризиса, который Франция переживала долгое время.

События этого времени, этих трех-четырех месяцев, протекали в обстановке побед на внешнем и внутреннем фронтах. Окончательной ли была эта победа? Санкюлонады Барера сменялись осторожными речами Робеспьера и Сен-Жюста, требованиями продолжения чрезвычайного положения со стороны Билло-Варенна. Но они часто менялись своими позициями, и Робеспьер требовал усиления террора, в то время как другие говорили о милосердии. Собственно террор был лишь острым орудием в руках политических деятелей того времени.

В этом смысле представляет интерес вопрос о répas publique, о тех общественных трапезах, которые в то время организовывались на парижских улицах для укрепления братства и примирения граждан богатых и бедных. Буржуазные элементы в рядах якобинцев фактически были руководителями и организаторами этих répas. Правда, члены комитетов относились очень осторожно и даже враждебно к этому начинанию, но наиболее ясное принципиальное обоснование подобной политике дал нам не Барер, несмотря на то, что он произносил в Конвенте по этому поводу громовую речь, а национальный агент при коммуне, робеспьерист Пейян. Он попытался принципиально обосновать отрицательное отношние к этим трапезам. Трапезы отвлекают массы от борьбы, которая предстоит якобинцам, борьбы в интересах окончательного завершения революции. Барер, наоборот, обращает внимание на то, что répas отрывают рабочих от труда в мастерских, на мануфактуре и на пашне. Так различно обосновывают два течения свое отношение к вопросу о перспективах дальнейшей гражданской войны. Но одно очевидно для всех, наступил какой-то перелом в революции: необходимо и можно перейти к строительству.

Отметим, прежде всего, улучшение продовольственного положения страны с апреля 1794 г. Я имею в виду улучшение по сравнению с зимою, вернее частичное ослабление прежнего напряженного состояния в результате ограничения максимума. Исчерпывающие доказательства этому дал Матьез в его книжке «La vie chére», об этом свидетельствует ряд донесений эмиссаров Конвента, начиная с жер-

миналя. Вот письмо эмиссара Бо из Гелк: «Нужда не так велика, как ее представляют, от нее страдают только рабочие, богатый земледелец не нуждается ни в чем; еще несколько дней, и народ перестанет страдать, и в деревнях все пойдет хорошо». Это вселяло надежду городскому населению. Изоре пишет 3 флореаля; «...житель деревни живет, как зажиточный ремесленник, и несет на рынок только свои излишки». Война кончилась, крестьянин явится на рынок со своими продуктами, и город будет спасен. Все это звучит, часто как казенный оптимизм, но свидетельствует в то же время об ослаблении напряженного продовольственного положения в стране. Не нужно, конечно, преувеличивать это явление. С различных сторон поступали жалобы на продовольственную нужду и беспорядки. И я отмечаю эти два параллельных явления: с одной стороны, некоторое ослабление продовольственного кризиса, а с другой—непрекращающиеся упорные продовольственные бунты, начиная с флореаля, они не прекращались в прериале, мессидоре и даже термидоре II года. Парижская коммуна из заседания в заседание занята этим вопросом. Глава Коммуны, робеспьерист Пейян, вынужден был обратиться к народу с требованием бороться со смутьянами, которые своим шумом создают заминки в продовольственном деле. И как это было в июне 93 года, Коммуна силою разгоняет толпы парижан. Несмотря на уменьшение и ослабление продовольственного кризиса, он не изжит. Страна страдает от голода, вопрос хлеба является центральной проблемой. Любопытна аргументировка сторонников Робеспьера в Коммуне, ведущих борьбу с продовольственными беспорядками. Когда из различных секций и из провинций приходят жалобы на продовольственную нужду, Пейян отвечает от имени Коммуны: «Народ не занимается продовольственным вопросом. Передайте решение этого вопроса на усмотрение выбранных вами комитетов и Коммуны». Таким образом, народ отстраняется от решения насущного экономического вопроса, он передается на решение его административных органов; экономические мероприятия должны быть проведены легальными способами. Но народ реагирует на это заявление соответствующим образом: путем возмущений и бунтов он ломает рамки законности.

Ослабление продовольственного кризиса было в значительной степени результатом ослабления максимума. Матьез доказал, что эта задача была руководящей идеей «третьего периода» в истории максимума (с жерминаля II года). Об этом говорил Робеспьер в своей речи еще 26 вентоза: «вот какова была цель наших врагов, разрушая торговлю, они хотели заморить народ голодом и вернуть его таким образом к рабству. Они хотели, чтобы нельзя было ни продавать, ни покупать и чтобы таким путем в республике воцарился голод». Максимальные цены были повышены: они определялись теперь накидкой не только на основную цену 1790 г., но и на расходы по транспорту; приняты были меры и для поощрения ввоза продуктов из-за границы за счет вывоза предметов роскоши, отмена реквизиционных зон, особое покровительство розничной торговле, премии купцам за доставку продуктов на рынок по ценам максимума, смягчение репрессий и т. д. и т. п.—все это отразилось на состоянии продовольственного дела и служило поощрением для снабжения городов. Мы в дальнейшем увидим, как разрешали якобинцы вопрос о максимуме политически. Здесь нужно отметить, что экономически он был осужден всеми.

Одновременно следует отметить оживление промышленной деятельности весною 1794 г. Я, конечно, говорю об относительном улучшении и оживлении часто спекулятивного характера. Просмотрите протоколы Комитета торговли и сельского хозяйства, донесения эмиссаров, бумаги Ком. вооружений, повсюду вы найдете указания на волну петиций и заявлений от промышленников с просьбой оказать им содействие для восстановления их предприятий и открытия новых мануфактур.

Очень большую роль сыграли здесь мероприятия по отмене законов, преследующих производство предметов роскоши. Якобинцы убедительно доказывали, что в национальной промышленности этой отрасли промышленности должно быть предоставлено особое место. Разрешен был вывоз предметов роскоши для обмена на нужные Франции предметы первой необходимости, и тем самым был представлен выход южным промышленным городам. Для Лиона, и не для одного Лиона, это было спасением. Этому не мешал эгалитаризм якобинцев: они утверждали, что предметы роскоши предназначены для иностранцев, они будут удовлетворять их развращенные вкусы, а французы будут защищены от их влияния. Но законодательство военных месяцев, террор в отношении промышленников все еще не был изжит, его предстояло преодолеть в интересах промышленной Франции.

Здесь немалую роль играло, конечно, и оживление производства предметов военного снабжения. В условиях некоторого перелома в экономической жизни страны началось оживление рабочего движения. Во всем известной книге Тарле, отмечены забастовки этих месяцев в южных провинциальных городах, в частности в Бордо. Но мы имеем теперь ряд новых материалов по этому вопросу. Я укажу хотя бы на большую и интересную работу Ришара «Le Comité de Salut Public et les fabrications de geurre sous la Terreur» (1922), где мы найдем чрезвычайно интересный для нас, марксистов, материал о стачках в предприятиях по выработке вооружений.

С весны 1794 г. мы являемся свидетелями под'ема волны забастовок, и Барер в Конвенте и Пейян в Коммуне беспрерывно требуют принятия энергичных мер против стачечников. Рабочее законодательство, направленное против рабочих, никогда не было столь активно, как в эти весенние месяцы. Но это было время плодовитого буржуазного законодательства и бесплодного социального законодательства.

Вот, например, следующий любопытный факт. В ночь с 15 на 16 вентоза—власти Секции Неделимости доносят, что на приказе об удлинении рабочего дня, вывешенном у ворот мастерской, найдены пометки против отдельных членов Комитета Общественного Спасения,—одни из них отмечены красным, другие черным карандашом: «Барер—антропофаг, Линде—обманщик», остальные—воры, грабители и т. д. Робеспьер помечен красным карандашом. Рабочие этой Секции были три дня на положении восставших против Конвента. В дальнейшем движение принимает организованный характер. В жерминале II года рабочие мануфактуры, помещающейся в монастыре бывших капуцинов, отказываются работать с 6 час. утра до 8 час. вечера; они отправили делегатов в Конвент, но двое из них (Maillet и Le Blond) были арестованы. Барер сообщает о стачке на предприятиях по выработке ассигнаций. Комитеты, по словам Барера, вынуждены были принять меры, чтобы обеспечить спокойствие Парижа в день праздника 20 прериаля. Ряд стачек имели место накануне праздника культа Верховного существа.

Интересный документ донесение агента Frécine о настроении рабочих мастерской «Единства». Frécine убеждает рабочих: «Вы требуете соблюдения максимума по отношению к тому, что вы покупаете, а не хотите соблюсти максимум по отношению к тому, что продаете. Ваша плата есть цена вашего труда, как зерно или ассигнаты, за него заплаченные, цена труда земледельца». Он требует от рабочих прекращения стачки и подчинения максимуму.

Еще более упорным было движение в мессидоре II года. Начальники ряда мастерских жалуются на непослушание рабочих. Рабочие,—заявляет один из агентов,—единственные граждане, которые не желают жертвовать собой в интересах отечества. «Мы не боимся вам сказать,—продолжает он,—что

дух дезорганизации руководит ими; некоторые рабочие, которые при старом режиме довольствовались умеренной платой, жалуются теперь на свое положение с высокомерием, которое обнаруживает, что они участники опасной коалиции...» Отметим также стачки рабочих табачного производства, булочников, портовых рабочих, водников и, наконец, движение сельскохозяйственных рабочих, которые испытывали всю тяжесть драконовского рабочего законодательства этого времени. Нам еще придется вернуться к «рабочему законодательству» Конвента в другой связи.

Весенние месяцы 1794 г. заполнены шумом рабочего движения, оно представляет собою в классовой борьбе эпохи термидора фактор не малой важности. При оценке социальной борьбы этих месяцев, когда каждая из якобинских групп искала себе опору или среди буржуазных элементов, или среди рабочих, рабочее движение представляет для нас большой интерес.

Итак, война еще не кончилась, ни война внутренняя, ни война внешняя, но она приближается к концу. Продовольственная нужда несколько смягчилась, но не исчезла, и стал вопрос о дальнейшем усилении максимума или об его отмене. Во весь рост стал также вопрос о дальнейшей судьбе промышленности и торговли. Намечающийся под'ем промышленности, в связи с под'емом стачечной волны, требовал решительных мер: будет ли государственная власть законодательствовать в интересах буржуазного класса или победят представители той политики, которые устами Сен-Жюста говорили об эгалитарном государстве? Не забудем, в 1794 г. во Франции намечался урожай выше обычного. На него возлагали огромные надежды, все группы, он должен был служить по общему мнению выходом из тягчайшего экономического положения страны. Вопросы экономического порядка занимали решающее место, они оттесняли политические разногласия. Показательно в этом отношении настроение буржуазной Франции. Об этом дает представление следующий исторический документ, который представляет, с моей точки зрения, значительный интерес. Это письмо Меруза, полицейского офицера в Шербургской армии, Робеспьеру. Он пишет из Гавра в мессидоре II года, что следит внимательно за поведением народных обществ Кальвадоса и Нижней Сены:

«В Кальвадосе,—читаем мы в донесении,—все основано на спекуляции, и накануне победы граждане интересуются, наступит ли завтра мир, так как от него они ждут возвращения громадных доходов. Купец горд, суров к бедным и участвует в дарах, которые требует родина только из страха, как бы у него не взяли больше. К закону о максимуме там вообще плохо относятся и плохо исполняют его». Один из кальвадосских судовладельцев отправил в прошлом году три корабля с балластом в разные страны Европы, один из них вернулся в Брест с дегтем и скипидаром, и он получил при продаже 26 000 л. прибыли на 6 000 л. вложенного им капитала. Хозяин его квартиры спекулирует на кофе, перепродавая по 5 л. 8 су за то количество, которое ему стоит 38 су. Ежедневно транспортируют в Париж тюки товаров и складывают их в складах недалеко от столицы для спекуляции. Деревенское население, особенно землевладельцы, относится к декретам об учете зерна, как к тирании.... «Купцы требуют мира, чтобы стать знатью и благодаря своим громадным богатствам господствовать над всеми вместо той высокомерной касты, которая была источником всех наших бед». Эту выросшую активность и экономическую мощь буржуазии отмечают в своих донесениях и письмах эмиссары Конвента (см. письмо Морт-Фонтена от 10 флореаля).

Активность буржуазии стимулировалась фактором об'ективного значения, я имею в виду падение курса ассигнаций. Курс ассигнатов, который повышался до весны 1794 года (по сравнению с прошлым) снова падает к июлю месяцу. Об этом свидетельствует следующая таблица.

	1793
Август	22
Сентябрь	27
Октябрь	28
Ноябрь	33
Декабрь	48

	1794
Январь	40
Февраль	41
Март	36
Апрель	30
Май	34
Июнь	30
Июль	34

Падение курса вызывалось экономическими и политическими причинами. Борьба фракций в этом случае играла, конечно, менее значительную роль, чем противоречия экономической политики Конвента. Требовалось раз навсегда выйти на определенный путь или последовательной эгалитарной политики, или беспрепятственного развития капиталистического хозяйства. Падение ассигнатов было стимулом для *спекулятивного под'ема*, но оно в дальнейшем угрожало неисчислимыми бедствиями: окончательной дезорганизацией хозяйства. Эрико цитирует Toulongeon'a: «*во всех партиях остро ощущается необходимость общественного порядка. Всякая партия понимала, что власть будет принадлежать тому, кто установит этот порядок*». И тот факт, что среди сторонников Робеспьера, как и термидорианцев, мы находим почтенных буржуа, что как бы затушевывает классовые отношения при развертывании событий, не должно нас обманывать. Все это свидетельствует только о том, что в рядах буржуазии были значительные колебания, не было уверенности в том, кто из членов Комитета общественного спасения выполнит настоятельную задачу, установит ничем и никем не стесняемый капиталистический порядок. Ведь даже защищая свои эгалитарные утопии, Робеспьер и Сен-Жюст беспрерывно подчеркивали, что они отстаивают принципы частной собственности, ведут борьбу с сторонниками «аграрного закона» и способствуют по мере возможности установлению свободы развития торговли и промышленности.

Попробуем с этой точки зрения проанализировать вентозовские декреты, о которых я вам выше говорил, декреты, которые были для робеспьеристов началом осуществления их системы. Матьез видит в вентозовских декретах начало «социальной революции». Он обращает наше внимание на выступление *Сен-Жюста*. Но, конечно, надо иметь в виду для понимания социальной сущности этих декретов и выступления *Барера*. Только при их сопоставлении мы сможем вскрыть классовую природу декретов. 3 вентоза Барер выступал с докладом о новой реформе максимума; основные его положения: «Максимум введен был благодаря интригам врагов, его нужно обезвредить». Благодаря ему преследуют людей, занимающихся торговлей, натравливают на них народ и т. д. Мало победить контрреволюцию, надо облегчить положение граждан, способствуя развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности. Только с их помощью мы избавимся от продовольственных беспорядков. Торговцы должны стремиться не к богатству, а к *умеренной прибыли*. Нам необходимо приблизить фабрикат и фабриканта к потребителю, а, следовательно, уменьшить роль торговцев; необходимо уничтожить банкиров; внести свет в коммерческую и промышленную тайну; наконец, примирить народ с предпринимателями путем установления новых таблиц максимума *для всей страны*, освободив торговлю от *местного произвола*. Барер предлагает установить максимум путем начисления на цены 1790 г., включая расходы по транспорту. Эта позиция Барера характерна для якобинцев. Барер принадлежал как раз к тем термидорианцам, которые обладали мудрой государственной способностью служить различным партиям одновременно, сочетать взгляды Робеспьера и Сен-Жюста с заботой о развитии буржуазно-капиталистических отношений. *Ослабляя максимум*, Барер предлагает нам одно-

временно сделать его общегосударственным, т. е. по существу усилить его, наладить некую центральную организацию для разрешения продовольственного вопроса. И когда один из выступавших в прениях членов Конвента Лежандр, будущий термидорианец, подчеркнул: «Вы вводите новые принципы», Барер поспешил ему ответить: «Мы не декретируем нового принципа, мы принимаем лишь меры предосторожности».

8 вентоза выступил в Конвенте Сен-Жюст. Это происходило еще до отправки Дантона на гильотину; Дантон принимал живое участие в обсуждении речи Сен-Жюста. Последний начал свою речь с утверждений, которые мы находим в «фрагментах»: «необходимы республиканские учреждения, только ими можно обеспечить счастье народа». Террор является одним из средств, гарантирующих эти учреждения от нападений продажных журналистов, иностранцев и т. п. Сен-Жюст заявляет, что каждый человек имеет право на собственность; только враг отечества лишен этого права. Наделить патриотов собственностью значит уничтожить нищету, и Сен-Жюст предлагает принять след. декрет: каждый обязан отвечать за свое поведение с 1 мая 1789 г.; собственность патриотов священна и неприкосновенна, имущество лиц, признанных врагами революции, секвестрируется в пользу республики и делится поровну между всеми нуждающимися патриотами. Таким образом, устанавливается «равенство» всех граждан. Декрет отнимает собственность у одних, чтобы создать собственность для других; он ставит под угрозу тех, кто имеет ее в больших размерах. Таково содержание проектов об уравнении, о которых говорит Матьез, как о начале новой «социальной революции».

Но следует обратить внимание еще и на то, что в это время происходила борьба различных групп в самом Комитете, и тотчас за выступлением Сен-Жюста было предложено Конвенту смягчить суровые меры против спекуляции для охраны, как аргументировал свое предложение Oudot, «полезной и честной торговли» (9 вентоза). Во имя каких принципов? Любопытно, что во имя тех же принципов, о которых говорил Сен-Жюст. Такова была фразеология эпохи.

Когда один из членов Конвента заявил, что следует ограничить прибыль в оптовой торговле, что ее нужно понизить с 5 до 2%, то в ответ раздалась следующая филиппика Барера: мы преследуем только ростовщическую торговлю и решительно возражаем против уничтожения торговли. Он тут же торжественно сообщил о приношении негоцианта из Бордо Domecq'a, который пожертвовал Республике 1 200 ливров; образец «идеального негоцианта», союзника якобинцев.

Декрет 13 вентоза в дополнение к докладу Сен-Жюста от 8 вентоза предлагал всем коммунам, в том числе и городам, составить список бедняков для того, чтобы наделить их имуществом казненных контрреволюционеров. Даже Дантон не возражал против этого предложения.

Для понимания социального смысла вентозовских декретов представляет большой интерес речь Сен-Жюста от 26 жерминаля, о которой говорит Я. Захер как о программе, осуществление которой могло предотвратить во Франции 9 термидора. Речь шла о подчинении полиции Комитету об. спасения и ее из'ятии из рук деятелей Комитета общественной безопасности под предлогом лучшей ее организации. Политический смысл этого предложения сводится к попытке робеспьеристов прибрать органы революционной диктатуры в свои руки и противопоставить их комитетам. В этой же речи, наряду с указанием на необходимость «уравнения собственников» вы найдете жалобы на падение курса ассигнаций, на существующие затруднения для бедняков приобретать национальные земли, указания на то, что бо-

гачи реализовали все свое имущество, вывезли свои товары за границу, и в то же время осуждение Эбера, нагоняющего страх на торговцев и виновного в голоде и дороговизне. Необходимо создать республику, где все были бы братьями, необходимо восстановить гражданское доверие, рев. правительство должно стать опорой для перехода к новому строю, оно должно позаботиться о развитии торговли и промышленности; предпринимателям-патриотам должны быть предоставлены кредиты. У граждан нет средств, — вот основное зло. Нашим поведением должно руководить не l'ésprit, a conscience. Соответственные пункты декрета, последовавшего за этим докладом, предполагают разработать меры, гарантирующие безопасность и кредиты торговцам и промышленникам.

Конечно, если бы удалось осуществить буржуазную часть программы, удалось бы избежать 9 термидора, но последнее событие имело место потому, что наряду с этим в речи 26 жерминаля есть то, что мы находим и в вентозовских декретах—мелкобуржуазную утопию эгалитаризма. Проповедуя его, робеспьеристы все же не были свободны от страха, что их обвинят в попытках все нивеллировать (см. письмо О. Робеспьера брату из Коммюн-Аффранши 3 вентоза).

Но вентозовские декреты были делом предшествующего периода, послесловием борьбы с фракциями. В последующий период внутренние противоречия якобинской политики выступили еще более отчетливо. Мы сможем их проследить при анализе деятельности комитетов (торговли, с. х. и т. д.) и законодательства Конвента. Здесь прежде всего выступят перед нами противоречия принципов его аграрной политики и торгово-промышленного законодательства. Если в последней области восторжествовали принципы буржуазно-капиталистического общества, то в деревенской политике наряду с этим решительно проявлялись и преобладали эгалитарные устремления. Весной 1794 г., в условиях урожая, Конвент поощрял стремление и тех членов Комитета об. спасения, которые держали курс на «республику земледельцев», где собственность станет достоянием всех, и тем самым исчезнет нищета. Подобные противоречивые тенденции в экономическом законодательстве не могли не притти в столкновение друг с другом, тем более, что земледельцы стремились к расширению рыночных отношений как базы для развития буржуазного общества. Эгалитаризм в области аграрных отношений был вдвойне реакционной утопией: он жертвовал интересами города и был препятствием для развития капиталистических тенденций в сельском хозяйстве. Попробуем дать здесь краткую характеристику экономического законодательства Конвента и комитетов по отдельным отраслям. Начнем с сельского хозяйства.

Комитет сельского хозяйства и торговли приобрел в то время очень большое значение, и его протоколы, несмотря на то, что до нас дошли лишь краткие записи заседаний, являются одним из основных исторических документов. 22 апреля (3 флореаля) выступил в Конвенте Изоре с большим докладом о принципах сельскохозяйственной политики; я подчеркиваю, с апреля 1794 г. вопросы земледелия и аграрной политики заполняют заседания Конвента, им уделяют якобинцы исключительно много внимания, но вопросы эти до сих пор занимают историков меньше, чем политические разногласия и личная борьба в рядах монтаньяров.

Изоре считает нужным заявить в своем докладе, что в интересах общества надо чаще и больше уделять внимания сельскому хозяйству. Повсюду господствует эгоизм, повсюду господствует любовь к новшествам, только крестьянство стойко в своих традициях. Это может не нравиться экономистам, но в этом немало положительного.

Изоре хвалит консерватизм крестьян. Его главные удары направлены на крупных собственников. Кто для него является идеалом крестьянина? Тот, кто не стремится к богатству, кто отличается скромностью, сам стоит у плуга, кто не развращен ни претенциозностью, ни праздностью, словом, кто в своем хозяйстве идет по давно установленным путям, не доверяет новшествам богатых. Не надо думать, что похвала крестьянскому консерватизму означает похвалу технической рутине его хозяйства. Изоре отмечает, что там, где широко развиты пастбища, там процветает и земледелие, но развитие пастбищ не должно итти в ущерб пашне. «Между земледельцами с одним арпаном земли и с 6- или 8-стами арпанов земли есть середина, примерно в 300 арпанов на 4 плуга». Это предел, отделяющий нищету от богатства. Он—идеал, потому что «середняк» сможет воспитать семью в добрых принципах, потому что он, как и его дети, не мечтает о том, чтобы уйти в город, не завидует роскоши. Дети подобного земледельца интересуются только тем, чем интересовались отец и дед, стремятся только к улучшению своего хозяйства; женщина всегда послушна в подобной семье и т. д. Следует всех наделить землею, надо помочь тем семействам, которые не могут собрать со своих участков и восьми квинталов зерна, государство должно им помочь докупить землю, им нужно предоставить ряд льгот для приобретения земли. Так, участок в 1 500 лив они смогут оплатить в продолжение 15 лет, сделав первый взнос через пять лет. Изоре приветствует тот факт, что благодаря революции крестьянин вывозит на рынки лишь свои излишки для продажи, обеспечив прежде всего себя и свою семью. Таков идеал крестьянина, который стал героем значительной части якобинцев. В этом докладе явственно выступает тот факт, что «аграрный эгалитаризм» весны 1794 г. ничего общего не имел с «аграрным законом». Это было своеобразной программой укрепления и максимального расширения института независимой «равной собственности» среди французского населения против ферм и безземелья[1].

Я не могу здесь анализировать ряда подобных же интереснейших докладов в Конвенте, не могу заняться подробным анализом протоколов Комитета сельского хозяйства, можно было бы еще сослаться на доклад Комитета в Конвенте от 7 флореаля, в котором шла речь о мерах под'ема сельского хозяйства, обедневшего за годы революции, в то время, как города разбогатели, и на доклад Eschasseriaux об осушке болот от 12 прериаля. Анализ его дает нам немало для установления борьбы противоречивых начал в экономической политике революционного правительства: капиталистически оформленной буржуазной идеологии и реакционной мелкобуржуазной утопии. В основе доклада и принятого декрета от 12 прериаля лежит оправдание того принципа, что государство имеет право выполнять те общественные работы, которые не в силах выполнить отдельный гражданин. Но земля эта тотчас после осушки будет распродана по мелких участкам. Государство берет на себя гарантию имущества «равных» и мелких товаропроизводителей. Крупное хозяйство, по мнению законодателя, противоречит по существу намеченным принципам сельскохозяйственной политики.

Я не могу пройти и мимо декрета о средствах уничтожения нищеты и помощи беднякам со стороны республики. Докладчиком по этому вопросу выступал в Конвенте Барер (22 флореаля II года). Интересно сопоставить

[1] Интересно, что до 9 термидора подобные взгляды защищают в Конвенте не только робеспьеристы, но и будущие термидорианцы. Это может показаться странным, это может затушевать борьбу основных классовых сил в Конвенте, но наша задача в том, чтобы вскрыть эти силы, отвлекаясь от побочных обстоятельств. Мы еще вернемся специально к этому вопросу.

его доклад с вентозовскими декретами. Если вентозовские декреты Сен-Жюста, по мнению Матьеза, должны были осуществить программу «социальной революции», то декрет 22 флореаля о помощи беднякам представлял собою ту же программу, истолкованную в несколько ином направлении. Эта разница в трактовке вопроса представляет для нас значительный интерес. Декрет 22 флореаля освещает нам сокровенные мысли законодателей. Это было время, когда влияние Робеспьера в Комитете об. спасения было, так обычно утверждают, безраздельным, и мудрый Барер выступал еще в роли законодателя правящей партии. Нищета,—заявил он,—позор республики и правительства: она должна быть уничтожена. Недостаточно было уничтожить фракции, недостаточно преследовать богатство и торговлю, уничтожить большие состояния, изгнать иностранцев, необходимо уничтожить рабство, нищету, ужасное неравенство среди людей. Конвент должен наметить средства борьбы с нищетою. Необходимо прежде всего выяснить число нуждающихся. Бедняки делятся на три группы: 1) нищие, 2) немощные и 3) многосемейные. Помощь в первую очередь должна быть предоставлена тем, кто достиг 60-летнего возраста и работал в сельском хозяйстве 20 лет. Докладчик резко и решительно подчеркнул, что речь идет исключительно о помощи деревне.

Барер считает это само собою разумеющимся. Если сельское хозяйство, — читаем мы во II разделе декрета по его докладу, — первое и единственное богатство государства, если реальная власть и сила принадлежат народам сельскохозяйственным, если территория, хорошо обработанная, хорошо населенная означает счастье людей и просвещение, если Французская республика должна создать свою независимость на плуге и его продукции, то следует прежде всего покровительствовать земледельцам. В городах у ремесленников есть достаточно средств для помощи, а в деревнях беднякам никто не помогает. Даже ремесленники страдают в городах меньше, чем в деревнях, и если уже нужно помогать ремесленникам, то только деревенским, живущим вне городов. Вентозовские декреты полагают оказать помощь всем коммунам, предлагают всем составить списки нуждающихся, декрет флореаля имеет в виду исключительно деревенские коммуны... Лишь позже был издан дополнительный декрет об учете бедняков по городским коммунам и об оказании им помощи. Но это делалось в порядке второстепенных мероприятий. Внимание якобинцев в основном было направлено в сторону деревни, они придавали городам меньше значения. Это было подчеркнуто и при установлении размеров помощи: на ремесленника рассчитано было по 120 ливров, а на земледельца по 160 ливров.

Бесспорно значительную роль при выяснении мотивов крестьянского законодательства Конвента с весны 1794 г. следует приписать урожаю, но было бы легкомысленно свести к нему все.

Кто побеждал во Франции еще до 9 термидора? На вопрос этот можно было бы ответить, если бы нам удалось выяснить, как шло перемещение собственности в стране и особенно в сельском хозяйстве. Вместе с уничтожением феодальных пережитков в стране шло бурное формирование нового класса земельных собственников. Конвент более успешно, чем все предшествующие Нац. собрания, насаждал этот новый социальный слой. Достаточно сравнить обе революции — конца XVIII в. и Октябрьскую революцию — хотя бы в этом вопросе, чтобы отказаться от легкомысленных аналогий. К сожалению, однако, для выяснения вопроса о перемещении собственности во Франции в годы революции у нас слишком мало данных. Огромный интерес представляет вопрос о распродаже национальных имуществ, но в нашем рас-

поряжении имеются лишь приблизительные данные по отдельным областям, полученные в результате весьма долгой и кропотливой работы, но категорических общих выводов сделать до сих пор еще нельзя. С полной определенностью можно заявить следующее: в целом ряде округов, дистриктов и коммун шла ожесточенная борьба между двумя точками зрения: за распродажу национальных земель крупными или мелкими участками. Казалось бы, вопрос был давно решен Конвентом, но весною 1794 года он снова встал во весь свой рост. В якобинском клубе вопрос этот обсуждался 1 флореаля. Члены клуба «земледельцы» Изоре, Duquesnoy выступили с заявлениями о том, что на местах процветает продажа национальных земель крупными участками. В том же заседании Кутон, Колло д'Эрбуа, Duquesnoy возражали против подобной политики, доказывая, что надо продавать землю мелкими участками. Duquesnoy утверждал, что он как земледелец знает, что 300 арпанов земли, а тем более 500, 1 300 или 1 800 арпанов, которыми владеют многие собственники, не являются достоянием крестьян-тружеников. Колло д'Эрбуа в речи, встретившей горячий прием, требовал увеличения числа земельных собственников; Изоре доказывал, что следует разрешить мелким покупателям земли сделать свои взносы через год или два. Вопрос этот неоднократно обсуждался и в Конвенте. Так называемый «Комитет депеш», комитет информации, неоднократно сообщал пленуму Конвента о получении петиций из деревень, где жалуются на притязания крупных землевладельцев, городских буржуа на то, что организуемая администрацией продажа земель часто покровительствует крупным собственникам, что так называемые банды перекупщиков национальных имуществ в связи с перспективами урожая проявляют особую активность.

Как же в самом деле обстояло дело с распродажей земли весною 1794 г.? Вопрос этот не исследован. Мы блуждаем еще в этом основном экономическом вопросе революции в потемках. Но в противовес тому, что пишет Марион («La vente des biens Nationaux pendant la Révolution...») о падении числа покупок земель богатыми гражданами весною 1794 г., о невыгодных условиях распродажи земель, мы думаем, что падение курса ассигнаций, ослабление максимума, забота о промышленности и торговле, всяческое поощрение земледелия,—все эти причины способствовали распродаже национальных земель. Об этом говорят цифры, торжественно провозглашаемые ежедневно с трибуны Конвента. Кто приобретал эту землю? Вот один-два примера. В вентозе II года продано 177 участков земли в дистрикте Либури. Земли эти приобрели 164 человека, из них 84 буржуа, остальные—местные земледельцы и ремесленники. В общине Réguey в мессидоре продано 42 участка 21 покупателю, из них только четыре санкюлота. Земля продается дорого: об'явленная цена всегда значительно выше номинала. Процесс образования класса крупных буржуа землевладельцев шел быстрым темпом, а спекуляция землею не прекратилась и весною 1794 г. Это было особенно заметно при распродаже национальных земель вокруг торговых и промышленных центров (скажем, около Бордо). Один из национальных агентов из дистрикта Кадильяк в своем донесении Комитету общественного спасения об'ясняет нам, почему земля не попадает в руки неимущего сельского населения (флореаль II года): «Невозможно,—пишет он,—чтобы бедняк стал собственником, ему нечем заплатить первый взнос при покупке земли, он не может, как правило, приобрести далеко отстоящий от его хижины участок земли, ему мешают сложные формальности, установленные при распродаже земель, наконец, и это имеет решающее значение, потому что излишне высока оценка участков земли. А ведь Конвент гордится этой высокой оценкой земли и стремится систематически повышать эту цену, так как в конце концов это была для правительства выгодная финансовая операция, несмотря на все эгалитарные утопии. Распределе-

ние земель идет в направлении, противоположном тем проектам, которые выдвигала мелкая буржуазия.

Но над всеми этими проектами, их реальным дополнением служит законодательство о сельскохозяйственных рабочих. Это было кабальным законодательством в интересах землевладельцев, что было гарантией капиталистического развития сельского хозяйства, но что нередко прикрывали интересами «общественного спасения», необходимостью реализовать урожай. Я не буду останавливаться на характеристике этого законодательства. Отмечу только, что декрет от 9 июля 1794 г. об освобождении из тюрем земледельцев, поденщиков, жнецов, ремесленников, мастеровых деревень в тех городах, население которых не превышает 1 200 человек, следует толковать не как уступку массам, а как заботу о землевладельцах, как об особой уступке имущим классам Республики.

Перейдем к характеристике экономической политики Конвента в области промышленности. В отличие от сельского хозяйства, где тенденции эгалитаризма проявились с достаточной силой, промышленная политика Конвента преследует по существу лишь одну цель—обеспечить по возможности беспрепятственное развитие капиталистической индустрии, быстрое накопление капиталов, воскрешение предприятий, разрушенных войною и революцией.

Несколько примеров. Комитет обществ. спасения запрашивает у Комитета торговли и сельского хозяйства, который одновременно ведает и вопросами промышленности, 23 жерминаля II г. его мнение о средствах воскресить хозяйство страны и в частности по вопросу об установлении премий для новых технических изобретений. Гаусман от имени Комитета отвечает: «Прежде всего восстановите доверие». Это требование имеет, конечно, определенное экономическое значение.

Со всех сторон поступают десятки петиций о субсидиях и льготах для организации предприятий. Так, 27 флореаля граждане Перье и Молльен, владельцы бумагопрядильни, просят разрешения свободно закупать сырье; 17 прериаля нантские негоцианты настаивают на отмене максимума на колониальное сырье и т. д. и т. п. Комитет относится сочувственно к этим требованиям во имя развития национальной промышленности. Во имя этих принципов они заступаются за арестованных негоциантов (ходатайство эмиссара из Лиможа в жерминале). ...Можно было бы увеличить число примеров во много раз, но, к сожалению, из-за недостатка времени, я лишен возможности сделать это...

В это время во весь рост стал вопрос о восстановлении Лиона и других южных городов. Собственно практический характер принял теперь вопрос, разрешить который пытались еще в плювиозе II года. В заседании 26 плювиоза было решено принять меры к воссозданию во Франции отраслей старого «национального» производства, чтобы нанести смертельный удар иностранной конкуренции. Вопрос этот стал предметом серьезных обсуждений Комитета в заседании от 12 мессидора под председательством Villers'а. Комитет приглашает граждан спокойно возобновить занятия, восстановить старое производство, памятуя, что эгоизм и погоня за богатством не приличествуют республиканцам. Для восстановления нормального хода производства правительство готово пойти на жертвы; оно готово раз навсегда раз'яснить, что свобода—душа торговли и без нее существовать не может; ставить препятствия индустрии это значит извращать истинные принципы. Комитет считает нужным подчеркнуть, что производство предметов роскоши, отнюдь не вредная, с точки зрения интересов отечества, отрасль хозяйства; это производство может только удовлетворять страсти окружающих народов.

Эта мысль становится руководящей с жерминаля II года. Борьба против ограничений торговли и промышленности в тех отраслях хозяйства, которые

по широко распространенному убеждению якобинцев «развращают нравы», попытка построить на них с весны 1794 г. экспорт Франции, чрезвычайно характерны для торжества капиталистических тенденций экономической политики революционного правительства Франции еще до 9 термидора.

Еще один-два примера. 2 термидора Комитет обсуждал вопрос о восстановлении мануфактуры в Бове. Докладчик убеждал присутствующих, что в развале мануфактуры повинны фейяны, роландисты, эберисты, между прочим, и потому, что все они демагогически заигрывали с рабочими. Спасение для мануфактуры в предоставлении ее владельцам права свободно устанавливать число и заработную плату рабочих. Вот дело Гофмана, владельца крупного предприятия по производству марены. Он обжаловал решение Комитета и требует ряда льгот для своего дела у Конвента. Конвент вынужден отклонить его наглые притязания, но в продолжение значительной части заседания 18 мессидора подробно и страстно обсуждает его запрос. Это наилучшим образом иллюстрирует нашу мысль о росте с весны 1794 г. притязаний капиталистической буржуазии.

Несколько замечаний по вопросу о развитии торговли с весны 1794 г. Конвент и Комитет обстоятельно и часто обсуждают вопрос о мерах оживления торговли. В области внутренней торговли отметим мероприятия по восстановлению внутренних путей сообщения, возрождению ярмарок (см. обращение общины Бокер к Парижской коммуне от 4 прериаля). Много уделяется внимания развитию морской торговли, навигации в Средиземном море, обслуживание Италии и Леванта считается естественным призванием Франции. Снова всплыл вопрос о навигационном акте, и во всех речах звучит один лейтмотив: борьба с торговой гегемонией Англии. Послушаем только «санкюлотиды» Барера о победах французского флота, который разрушает торговую и морскую гегемонию Британии: вспомним его замечательную речь от 7 прериаля: она полна ненависти к государству Питта, этому банкиру мировой контрреволюции. «Британские спекулянты,—гремел с трибуны Конвента Барер,—торговцы изменой и рабами, банкиры преступлений и контрреволюций, мы презираем тиранов, мы питаем отвращение к вам. Ненависть Рима к Карфагену живет в душах французов, как пуническое бешенство в сердцах Англии». «Между Дувром и Кале вырыта пропасть,—продолжал он,—мы воспитаем молодежь в духе ненависти к англичанам». Не характерно ли для победы принципов буржуазной политики в эту эпоху возрождение жирондистской политики войны? «Война питает войну»,—такова новая программа войны, которую провозглашают в Конвенте якобинцы-победители. Когда был взят Остенде, Барер заявил, что значение занятого войсками революции пункта в том, что этот порт — ключ к владениям Англии; Камбон 3 термидора торжествующе заявлял: мы раньше дали Бельгии 35 млн. ливров деньгами, мы получили пока в счет этой суммы 500 000 ливров. Так интересы капиталистического хозяйства стали руководящими в политике рев. правительства еще до 9 термидора. Робеспьер стремился к миру, к миру, завершающему битвы и победы революции; ему и в 1794 г. были чужды завоевательные устремления буржуазии, он и в этом вопросе симпатизировал пацифизму крестьянской и городской демократии, для которых война была лишь тяжелой задачей обороны революции. В вопросах войны и мира разногласия Робеспьера и правого крыла якобинцев были естественным продолжением споров мелкой и торгово-промышленной буржуазии по общим вопросам социально-экономической политики революции.

Мы выше отмечали особенности продовольственного положения страны в апреле—июне 1794 г. Огромный материал по этому вопросу собрал А. Матьез в своей книге «La vie chére». Отношение Робеспьера к максимуму наилучшим образом выявляет внутреннюю противоречивость его взглядов.

Он строил свою республику «равных собственников» на базе свободной торговли, а следовательно, на базе расширения товарного хозяйства. Уже в вентозе II года О. Робеспьер писал К. О. Сп. о том, что он всеми способами «воспрепятствовал разговорам с народом о продовольствии...». Он настаивает на уничтожении ограничений свободного обмена между коммунами. Решительно следовал за принципами Огюстена Пейян в Парижской коммуне. Но тактика «молчания» не помогала. Со всех сторон требовали отмены максимума, ослабления мероприятий против нарушителей максимума; число нарушений росло изо дня в день. Что следует предпринять? Отменить ли максимум, или по совету Бюиссара, друга Робеспьера (письмо от 17 плювиоза), передать торговлю в руки коммун, т. е. осуществить муниципализацию торговли. Третий максимум не означал перехода к новой системе общественного регулирования продовольственным делом. Это не составляло задачи центральной Продов. ком., как это великолепно сформулировал Карон в предисловии ко II тому «La Com. des subsistances de l'an II». Централизация продовольственного дела преследовала лишь одну цель: избавить страну от произвола таксаторов на местах. Об этом говорил Робеспьер 8 термидора: «Контрреволюцией пропитаны все области нашей экономики. Заговорщики против нашей воли принудили нас к крайним мерам, которые стали необходимыми только из-за совершенных ими же преступлений. Они довели республику до ужасной скудости всех продуктов и уморили бы ее голодом, если б не ряд совершенно неожиданных обстоятельств. Теперешняя система максимума—это дело рук иностранцев, которые предложили ее при помощи продажного Шабо, Молльe, Эбера и множества других изменников. Теперь надо напрячь все усилия для того, чтобы восстановить в республике обычные порядки мирного времени, ибо только они могут вернуть изобилие; между тем эта работа еще не начиналась...». Конечно, Робеспьер, не желал реставрации «мирного порядка», старого режима: он приступал к строительству нового общества, где буржуа исчезнет, но торговля будет процветать в интересах трудового крестьянства и городских ремесленников.

Под этим углом зрения следует рассматривать вопрос о роспуске революционной армии. Эта армия была острым орудием в руках якобинцев городской Франции для борьбы с эгоизмом деревни. Уже 16 жерминаля Огюстен писал брату, что эта армия зло, что она «изолирована от общественных сил и опасна по своему составу». Революционная армия должна была исчезнуть в эпоху осуществления эгалитизма в интересах крестьянской Франции, тем более, что новая революция должна была, по Робеспьеру, совершиться мирным, парламентским путем, без революционной инициативы низов.

В области финансов противоречия социально-экономической политики якобинцев проявились с особой остротой. Буржуазные историки восторгаются финансовой политикой Камбона. Он, в самом деле, принимал героические меры для восстановления курса ассигнатов и централизации финансового дела. Особенно большое значение имела в этом смысле всеобщая конверсия государственных обязательств и создание Большой книги государственного долга. Но мероприятия Камбона были чрезвычайно широки по своему размаху, они захватывали все виды собственности; они ударяли по крупным финансистам и мелким рантье, теснейшим образом связанным друг с другом, по интересам торгово-промышленных классов Франции. Тогда-то противоречия между интересами буржуазного развития и эгалитарной утопией выступили на поверхность с особой остротой. Финансовые проекты Камбона взбудоражили всех в жерминале, особенно в прериале, и вплоть до событий термидора они занимали умы огромной массы город-

ских мелких собственников не в меньшей степени, чем декрет о культе Верховного существа и закон 22 прериаля. Удивительное дело консерватизм человеческой мысли. Марксисты десятки раз читали протоколы заседаний Конвента весенних месяцев 94 года, но почему-то проходили мимо такого мероприятия Камбона, как конверсия пожизненной ренты, которое возбудило огромное недовольство в стране. Об этом возбуждении свидетельствует то, что Конвенту приходилось возвращаться к обсуждению этого мероприятия несколько раз; Бареру пришлось выступить 24 прериаля со специальной речью для того, чтобы успокоить держателей пожизненной ренты. Вопрос этот всплыл во весь рост даже на трагичном заседании Конвента 8 термидора. Робеспьер несколько раз возвращается к этому вопросу в своей последней речи.

Вспомним заседание 8 термидора — фактически последнее заседание Конвента накануне гибели Робеспьера. Что происходило в Конвенте? После речи Робеспьера входит на трибуну Камбон, уполномоченный по финансам, и заявляет: «Робеспьер сказал, что последний декрет о финансах имел своей задачей увеличить число недовольных, и этот декрет будто бы разоряет бедняков и служит интересам богачей. Это неправда, это ложь!». Последний декрет о пожизненной ренте особенно внимательно относится к владельцам ренты от 1 500 до 10 500 ливров, соответственно их возрасту. «Давно пора, чтобы тот единственный человек, который не послушен воле Нац. Конвента, был сметен». Этот человек — Робеспьер. Камбон связывает таким образом вопрос о борьбе с Робеспьером с вопросами финансовой политики. Последний поспешил ответить Камбону: «Я никогда не вмешивался в эти дела. Но поскольку можно судить о результатах деятельности Камбона на основании общих принципов, она не столь полезна, как он думает, его политика обирает бедных граждан».

Но это историческая неправда. Нельзя предполагать, что Робеспьер забыл то, что он говорил в своей речи 8 термидора в Конвенте и клубе.

Вот несколько мест из этой речи, посвященных спорам по финансовому вопросу[1]: «Разрушительные финансовые проекты угрожают всем умеренным состояниям и вносят отчаяние в бесконечное множество семейств, привязанных к революции». Он перечисляет все преступления врагов народа и снова возвращается к этому вопросу: «В последнее время предлагали финансовые проекты, которые, мне кажется, рассчитаны на то, чтобы ограбить менее состоятельных граждан и чтобы увеличить число недовольных». Дальше: «В чьих руках находится в настоящее время армия, финансы и внутренняя администрация республики? В руках коалиции, которая меня преследует. Все друзья принципов — без влияния; наше внутреннее положение критическое, необходимо создать справедливую систему финансов; та, которая господствует в настоящее время, жадна, расточительна, мучительна и люта, она, по существу своему, абсолютно независима от вашего высшего надзора». И, наконец, «контр-революция гнездится в администрации финансов; она основывается на целой системе контрреволюционных новшеств, преподносимых под видом крайнего патриотизма. Ее цель—покровительство ажиотажа, подрыв общественного кредита, обеспечение французской добросовестности, покровительство богатым кредиторам и разорение, для того чтобы ввергнуть в отчаяние бедняка, увеличить число недовольных, отнять у народа национальные имущества, чтобы, таким образом, незаметно довести его до разорения[2]. Мы не исчерпали этим всех

[1] В докладе вопрос о финансовой политике за недостатком времени был недостаточно освещен. В стенограмму мы вставили дополнительные замечания по вопросу о разногласиях Камбона и Робеспьера.

[2] «Кто стоит во главе наших финансов спрашивет Робеспьер? Бриссотинцы, Фейяны, аристократы, общественные мошенники: эти Камбоны, Малларме, Рамелы,

указаний Робеспьера, но и все то, что мы цитировали выше, достаточно, чтобы признать существование глубоких расхождений по вопросам экономической политики, которые разделяли якобинцев накануне 9 термидора. Робеспьер выступает на защиту мелких рантье, мелких собственников, всех тех, кто не может приобрести национальные земли, против финансистов, крупных рантье, против финансовой политики буржуазного государства в целом, которая покровительствует накоплению капиталов и жертвует «мелким людом». Но и Камбон, как мы видели, считает себя защитником бедняков.

Я вкратце теперь остановлюсь лишь на вопросе о консолидации пожизненной ренты.

Создание большой книги государственного долга, консолидация государственного долга и превращение его в 5%-ую (из 10%-ой) ренту вносило резкие изменения в положении многочисленного слоя рантье. Роль рантье в событиях 1789—1790 гг. общеизвестна.

Неудивительно, что вопрос о консолидации пожизненной ренты, источника буржуазного существования десятков тысяч граждан, чьи интересы были связаны со спекуляцией банкиров и биржи (фактически не исчезнувшей), стало первостепенной политической проблемой.

Камбон в своем основном докладе по этому вопросу еще 2 жерминаля (как мы видим, постановка всех этих вопросов относится к периоду ликвидации фракций), заявил: «Под пожизненной рентой следует понимать те ренты, которые погашаются полностью по смерти тех, кто является их держателями. Таким образом, они могут быть приравнены к ежегодной годовой ренте, которая составляется из двух различных частей: первая — это доход с капитала, вложенного в заем, вторая — часть капитала, которую лицо, получившее заем, возвращает ежегодно рантье». На 1 января 1793 г. общая сумма ренты приблизительно исчислялась в 100 млн. (из 10%). В общую сумму включены и займы городов, корпораций и т. д. Смысл проводимого мероприятия Камбона раскрывается еще и в следующем положении: «истинная ценность пожизненной ренты есть ценность средняя, вытекающая из равного распределения оставшихся капиталов» между оставшимися в живых участниками займа.

Неккер не считался с возрастом рантье. Но это открывало широкие возможности для спекуляции благодаря закону, покровительствующему продаже и перепродаже ренты. Финансовые компании рекрутировали в Швейцарии молодых и здоровых девушек, превращая их в номинальных владельцев ренты, что было выгодно заимодавцам, но тягостно для государства. Эти рантье «оказали помощь революции в 1789 г.— так как они надеялись, что она окажется выгодной их финансовым операциям; этими же маневрами они хотели поддержать монархию, противились революции 10 августа, создали опасную коалицию, которая была разоблачена 31 мая». Камбон дает нам прекрасное об'яснение роли рантье в наиболее важных событиях 1789—1793 гг.

сотоварищи и последователи Шабо, Фабра и Жюльена из Тулузы». Робеспьер отмечает, что руководители финансовой контреволюции стараются привлечь на свою сторону Комитет общ. спасения, который привык доверять Камбону. Во главе государственного казначейства поставлен контрреволюционер Lhermina, который способствует осуществлению коварных планов заговорщиков, отказываясь по формальным причинам удовлетворять срочные расходы (не для осуществления ли социальных проектов?). Он платит лишь аристократам, изводя малосостоятельных граждан отказами, отсрочками, а часто и злостной провокацией...

Итак, необходимо прежде всего уничтожить спекуляцию рентой, предмет деятельности учетной конторы, где сделки на ренту совершались из 3,5—4%. Государство обеспечивало даже в старое время этим финансистам известный процент прибыли, облегчая им их проделки. Мы не будет передавать здесь всех сложных вычислений Камбона, всех его указаний на потери государства благодаря комбинациям финансовых компаний. Для него государство—жертва рантье... Собственно, по законам рев. времени можно было заявить кредиторам-ростовщикам государства: «я оставляю себе тот незаконный излишек, который вы получили. Но мы,—спешит заверить собственников Камбон,—освободившись таким образом от пожизненного долга, совершили бы несправедливость, поскольку рантье подвергался риску смерти и не получил никакой выгоды для себя...». Камбон ищет компромисса с ними, он устанавливает «справедливую прибыль» и гарантирует ее реализацию. Докладчик предлагает Конвенту декретировать уплату всех недоимок по пожизненной ренте, до 1 жерминаля, согласно указанным выше принципам; соответствующие документы рантье должны представить к 1 вандемьеру II года. Согласно предполагаемой декретом операции сведения всей пестрой массы процентов по различным видам пожизненных рент к 5%-ой таксе, «мы добьемся, — заявил Камбон,— сохранения за рантье в возрасте 52 лет и старше их действительной ренты без изменения; лица от 40 до 50 лет потерпят некоторое уменьшение ренты; народная справедливость, наконец, уменьшит прибыль, которую лица, помещавшие капиталы на имя юношей, злоупотреблявшие глупостью правительства, ожидали от своих спекуляций». Минимум определяется для лиц до 30-летнего возраста в размере 1 500 ливров, а для лиц в 90 лет и свыше в 10 000 ливр.

Пожизненная рента по проекту Камбона превращается «в непрерывно-доходную, доставляя гражданам возможность располагать капиталом, который во времена монархии был отчужден». И все это, конечно, во имя добродетели, во имя передачи отцами семейств капитала в руки наследников. Словом, прикрываясь эгалитарными фразами, Камбон предлагает нам операцию, смысл которой в мобилизации капиталов. Любопытно в этой связи, что тотчас за филиппиками о спекуляции рентой, Камбон заявляет: «Мы хотели бы различать ренты, принадлежащие спекулянтам от ренты честных граждан, с тем, чтобы предложить вам особый пункт, обязывающий их к возмещению убытков государству, но в общих законах исключения всегда ведут к произволу... Это заставило нас оставить этот проект, который мы хотели вам представить относительно особого постановления для спекулянтов, так как определение этого слова в законе очень затруднительно». Совершенно очевидно, что подобная оговорка ослабляет, след., пункт декрета о запрещении продажи и переуступки ренты, о том, что они должны быть заключены на одно лицо и не могут быть переданы по наследству. «Уничтожая право возврата или наследования,—заявил Камбон,—мы занялись раскладкой капитала, получаемого от ликвидации рент между всеми участниками». Но это было лишь пустой декларацией, поскольку закон не гарантировал реальных мер по борьбе со спекуляцией; проклятие спекуляции прикрывало, как мы это отмечали выше, стремление законодателя облегчить мобилизацию движимого капитала. Это об'ясняет нам и дальнейшие мероприятия, облегчающие раздел между совладельцами ренты. «Это распределение ценностей совершенно естественное и справедливое во все времена, давая лицам, ожидающим своего права пользования рентой, действительную наличную ценность, полезно в революционное время, так как оно разделяет капитал, увеличивает число нынешних кредиторов, предста-

вляет некоторым лицам собственность, которую они еще не имели». Какова цель этих «эгалитарных» принципов? Быть может та же, что и Робеспьера? Послушаем Камбона: «Это распределение ценностей откроет новый источник для развития этими гражданами промышленности; она даст республике доход от передаточных операций, установит большую конкуренцию при покупке национальных владений и увеличит ценность долговых обязательств, на которые эти новые владельцы сумеют записаться». Таков классовый смысл предложений Камбона [1]. Нам становится понятным теперь, почему Робеспьер так решительно возражал против проектов Камбона.

Спустя несколько недель, 24 прериаля в Конвенте от имени Комитета общественного спасения с новой защитой декрета выступил Барер хочет нас убедить, что жертвы—богатые, они смутьяны. Среди рантье заявил он, — является изданный декрет о пожизненной ренте... Напрасно Комитет финансов занимался изысканием средств, способных лучше всего сохранять интересы стариков и малоимущих...». Комитет не мог успокоить «все ульи». Кто из граждан пострадал, от кого поступают жалобы на декрет? Барер хочет нас убедить, что жертвы—богатые, они смутьяны. Среди рантье следует различать богатых и малоимущих, честных граждан, мечтающих о спокойной старости, и эгоистов, «добросовестных спекулянтов», поместивших свой капитал на известных лиц, и крупных спекулянтов и банкиров, занятых перепродажей ренты. И если первые достойны защиты закона, то вторые подлежат наказанию по всем строгостям закона. Смуту порождают богачи, не желающие оставить свои королевские обязательства, ни приобретать национальные имущества, они действуют не сами, а через народ, они «беспокоят кредиторов—владельцев мелких пожизненных рент». Не подлежит, однако, сомнению, что недовольство исходило от последних, что их протест не был результатом одной провокации богатых спекулянтов.

Барер предложил Конвенту повысить установленный минимум для лиц до 30-летнего возраста, на 500 ливров (до 2.000), помочь малоимущим рантье, чьи деньги вложены были в займы знатных лиц; еще более настойчиво, чем Камбон, настаивал на разделе ренты между членами семьи, на усилении мер по борьбе со спекулянтами рентой и даже покрытии убытков малоимущих, пострадавших от этих операций. Но и Барер уделяет, главным образом, внимание на использование свободных средств, как стимула распродажи земли. Но, если Камбон, и в этом смысл его проектов, настаивал на наиболее выгодной для финансов государства распродаже земли крупными участками, то и Барер расходился в этом вопросе с Робеспьером. Барер утверждает, что еще до сих пор не уничтожен ряд препятствий, дающих возможность малоимущим гражданам обменять долговые обязательства на национальные имущества. «Мы предлагаем декретировать, что

---

[1] С этой точки зрения Камбон мог, при консолидации пожизненной ренты и записи ее в Большую книгу долга, аргументировать от имени «государственных интересов». «Операция, которую мы предлагаем вам, должна доставить государству облегчение его долга в 240 млн. ливров на капитал пожизненной ренты, уничтожение королевских обязательств и превращения их в республиканские; уничтожение бумаг и грамот старого режима, создает легкость выплаты пожизненной ренты во всех главных пунктах дистриктов, дает вам глубокое знание состояний каждого рантье, централизацию кредитных операций республики, облегчает возможность составить прекрасный кадастр этих ценных бумаг и уверенность в успешности их обложения сельско-хозяйственным налогом»... И дальше: «...наш проект основан на справедливости, онл ишь стремится уничтожить ростовщические доходы...» (I) «...мы отдаем сельскому хозяйству, и торговле капиталы; их можно было бы с большей пользой употребить также на приобретение нац. имуществ» (II).

государственные долговые обязательства, полученные взамен долга от пожизненной ренты, будут выданы до 1 плювиоза III г., и будут приниматься в уплату национальных владений до указанной даты, исчисляя по 20 раз на общую, вложенную сумму». Так законодатель стремится успокоить мелких рантье, вселяя им надежду на превращение их в землевладельцев. Но осуществлению этого идеального плана мешает банк, нотариат, биржевые маклеры. Банк, которому декретом о пожизненной ренте нанесен смертельный удар, чрезвычайно обеспокоен... Если бы все Национальные собрания революции слушались финансистов, они не осуществили бы ни одного полезного мероприятия, — замечает Барер. — Наилучшим образом можно было бы ударить по ним, превратив граждан, на имя которых спекулянты вложили свои капиталы в пожизненную ренту, во владельцев этих рент. Мы не продолжим дальнейшее обсуждение декрета в трактовке Барера: отличие его положений от доклада Камбона очевидны. Барер—этот термиадорианец из рядов «болота»—готов пойти дальше Камбона в преследовании ажиотажа, он готов отказаться от стимулирования распродажи нац. имуществ среди богачей, хотя бы потому, что их эгоизм осуждает на неудачу подобную попытку, но он заменяет ее другим мероприятием, принципиально сходным: законодатель поощряет все же распродажу земель среди мелких рантье и их превращение в буржуа-землевладельцев.

Мог ли декрет о пожизненной ренте в том виде, как его преподнес республике Барер 24 прериаля, рассчитывать на успех? 8 мессидора докладчик Ком. общ. спасения снова обращается к Комитету за помощью. Неудачи преследуют декрет. Чтобы помочь его осуществлению, следует отменить пункт XIII декрета о записи ренты в Большую книгу госуд. долга. Собственно это было крахом всего проекта Камбона. Он потерпел поражение, потому что его врагами выступили буржуа («богачи»), с одной, и мелкие рантье («малоимущие»), с другой стороны. Нет, не таким путем мечтал Робеспьер осуществить свой идеал нового общества, где будет царствовать «справедливая и равная собственность». Проект потрясает финансы государства и вносит отчаяние в ряды малоимущих, потому что их осуществление находится в руках «бриссатинцев» и друзей Шабо и Фабра: Финансисты своей операцией хотят отнять у народа национальные земли. Здесь основное и решающее расхождение утверждений Робеспьера с проектами Камбона и Барера. Но под теоретическими рассуждениями Робеспьера пропасть противоречий: мелкие рантье тесно связаны с деятельностью крупных финансовых компаний. Защита первых означает ли сохранение последних? Конечно, нет! Значит, поменьше потрясений? Камбон и Барер выступают в роли социальных реформаторов, а Робеспьер охраняет статус-кво! И это предположение нелепо... У нас нет достаточных данных, чтобы выяснить, что конкретно противопоставил проектам Камбона Робеспьер, но одно ясно: путь, по которому предполагал пойти Неподкупный, был намечен декретами вантоза и флореаля, но не финансовыми проектами жерминаля. Это не был путь буржуазно-финансовых комбинаций Камбона и Барера, но путь «фрагментов» Сен-Жюста: государство, законодательствующее в пользу бедняков, в рамках капиталистического общества.

По мере своих сил и возможностей, мне кажется, я выполнил основную задачу своего доклада: выявил основные противоречия социально-экономической политики Конвента накануне 9 термидора. Но это, отнюдь, не является полным ответом на весь вопрос. Мне предстоит теперь сложнейшая задача разобраться в борьбе групп и клик, во всем том переплете событий, который в своей конкретности и определил исход событий. Я должен буду ограничиться из-за недостатка времени, однако, немногим. И прежде всего,

я хотел бы установить состав тех двух коалиций, которые уже с вентоза II года вступили в решительную борьбу друг с другом. «Термидорианцы» насчитывали в своих рядах четыре группы—1) буржуазная фракция, опиравшаяся на капиталистические классы Франции, на ее стороне была часть «болота», и она возглавляла охвостье Жиронды и дантонистов; 2) мелкобуржуазная фракция — а) террористы; б) республиканцы-демократы; 3) социальная оппозиция — а) остатки гебертистов и бешеных; б) часть коммунистов-аграрников. Мы оставляем в стороне примазавшихся, всех тех, кто спекулировал на революции, этих Талльенов, Фреронов, Фуше и т. д. и т. п. Любопытно, что и робеспьеристы на своей стороне имели часть этих же социальных групп. Это осложняет наш анализ, но не может скрыть от нас основных классовых сил, руководящих событиями.

Правое крыло термидорианцев, по словам Барраса (см. его мемуары) имело основное ядро в девять человек (Баррас, Куртуа, Мерлен-де-Тионвиль, Лежандр, Бурдон из Уазы, Л. Бурдон, Талльен, Фуше, Фрерон, да еще Лекуантр). Правые вступили в переговоры с представителями «болота»— Буасси-д'Англа и Дюран-де-Майан (см. его мемуары); они убеждали их, что победа Робеспьера не может быть длительной, что они несут ответственность за его преступления. 9 термидора до начала заседания Бурдон из Уазы с умилением приветствовал Дюрана, «честных людей» правой фракции. Их блок был прочным и длительным, и попытка Робеспьера найти в «честных и добродетельных людях центра» поддержку не оправдалась. В правом крыле наиболее активными были дантонисты. Это наилучшим образом доказывают мемуары Левассера из Сарты. Это они поддержали возглас Гарнье-де-Сента на заседании 9 термидора—«Его душит кровь Дантона», дополненный возгласом Фрерона: «ни шагу вперед, здесь сидели Кондорсе и Верньо». От их общего имени Ленткуар в III году обвинял революционное правительство в том, что оно уничтожало «банкиров, негоциантов, так называемых богатых граждан, крупных земледельцев...».

Мелкобуржуазная фракция была также сложной по своему составу. Террористы—Каррье и др.—выполнили свою задачу в революции, они не понимали тех положительных задач ее, осуществление которых было намечено робеспьеристами, они были врагами их системы, восстанавливающей порядок в стране. Они говорили о модерантизме Максимилиана, они ненавидели Огюстена, который еще в жерминале II г. заявлял: «Я сделал обожаемой революцию, заставил уважать и любить народное представительство». Какая странная идея: осуществить какой-то новый порядок с помощью милосердия! Это и удивляло другую часть этой группы—Билло-Варенна, Колло, Вадье и т. д. Их взгляды сложнее первой группы, но и они не доросли до социальной системы Робеспьера и Сен-Жюста. Билло-Варенн в своих мемуарах неоднократно подчеркивает это преимущество Робеспьера, чья диктаторская власть соответствовала безраздельному господству его «высоко принципиальных» идей. Об этом говорит и сторонник этой группы слева, Левассер в своих мемуарах, подчеркивая ту общераспространенную мысль, что «только в партии Робеспьера единственно можно было найти доктрины, связную систему и организаторские положения»; это повторяет и союзник Билло-Варенна справа—Барер, обвиняющий Робеспьера в своих мемуарах в «фанатизме принципов». Любопытнейший пример с возмущением сообщает последний для иллюстрации своей мысли—«Это Робеспьер сказал однажды в якобинском клубе—«да погибнут лучше колонии, чем принципы человечности, которые требуют освобождения рабства черных». Мелкобуржуазная фракция термидорианской коалиции не противоставляла системе взглядов Робеспьера и Сен-Жюста своей системы, она ограничивалась лишь политическими лозунгами. Интересно, что Билло-Варенн

оправдывался в III г., доказывая, что ему принадлежит в предшествующие годы честь борьбы с теми, кто демократической конституции противопоставляли требования «экономических законов»: это он боролся с продовольственными беспорядками в июне 1793 г. Стремление к диктатуре, таково основное обвинение, которое они инкриминируют «Триумвирату». Проанализируйте «Les Eléments du Republicanisme» Билло и вы увидите, что мы имеем в нем родоначальника той школы якобинцев XIX в., которые вели борьбу со всеми, кто тяготел к социальным лозунгам. Билло ценит идеал эгалитарной республики, где накоплению богатств будет поставлен предел, где «собственники равны», он даже готов согласиться, что «без сомненья было бы бесспорно лучше, если бы нация могла быть исключительно аграрной», в этих условиях можно было бы гарантировать всем гражданам равенство. Но города и индустрия победили разрушить их теперь—преступление, и нужно отказаться от всяческих аграрных фантазий... Будем ли мы удивляться, что 9 термидора, когда в своей речи Сен-Жюст вспомнил «les Institutions», которым он посвятил свои «фрагменты», он встретил решительный отпор Билло.

Мелкобуржуазная фракция термидорианцев играла в это время наиболее шумливую роль, но господами положения были не они, а те, кто имел определенную социально-экономическую программу, и не ссылался только на «диктатуру» и, «насилие», жупелы, которыми прикрывалась вся термидорианская коалиция. Как горько сожалели демократы-якобинцы впоследствии, что они свергли Робеспьера! Билло писал тогда в своих мемуарах: «Мы сильно ошиблись в тот день... Я вижу реакцию, которая родилась из 9 термидора...». Да, но и Робеспьер опирался на часть городской и деревенской мелкой буржуазии. В этой дифференциации основной силы революции, опоры якобинизма, содержание капиталистического перерождения Франции в годы революции: робеспьеристская мелкая буржуазия беспомощно наблюдает усиление мощи богатых классов, и она противопоставляет им свою утопическую програму новых преобразований. Билло опирается на буржуазию, а за робеспьеристами бесформенная масса «трудовой» Франции.

«Социальная оппозиция также бесформенна, как и мелкобуржуазная фракция. Остатки гебертистов и бешеных в секциях ненавидят Робеспьера, и это дает возможность Бурдону развивать активную деятельность в секциях, где дантонисты готовы заменить прежних вождей. Элементы противо-робеспьеристской оппозиции не образовали новой партии, они или следуют в своей ненависти к террору за всеми теми, кто готовит свержение «тиранов», или иногда занимают место в рядах новых «бешеных», будущих бабувистов. Как оценивал Г. Бабеф события 9 термидора? Несмотря на все поправки, внесенные Матьезом в общепринятые суждения по этому вопросу, отрицать термидорианские симпатии Г. Бабефа не приходится. Для него 9 термидора революция, чья задача осуществить аграрный закон мирным путем, свято охраняя принципы национального суверенитета. Обратимся к памфлету «Le systeme de la Dépopulation ou La vie etle crime du Carrier». «Я заявляю,—пишет Бабеф,—что не намерен осуждать часть политического плана Робеспьера, которая относится к взиманию пособий с богатых в пользу детей и родственников защитников отечества... Я говорю (хотя бы это мнение показалось похожим на систему Робеспьера), что земля должна обеспечивать существование всех членов государства... Все должны иметь достаточно, и никто не должен иметь слишком много...». Но Робеспьер хочет осуществить этот идеал в ходе гражданской войны и с помощью революционной власти, а это неприемлемо для Бабефа, и он выступает против него и говорит даже о его плане «обезлюдения» Франции. Только в последующее время Бабеф усвоил

исторически бессмертное в якобинизме, понятие о революционной диктатуре, и тогда он понял ошибку своей оценки 9 термидора.

Но и на стороне Робеспьера была часть социальной оппозиции, все те из его сторонников, о которых Бабеф говорит, как об «аграрианцах», а точнее было бы назвать последовательными врагами «меркантильной аристократии». Напомню только письмо Лебона Робеспьеру от 9 прериаля: он предлагает об'явить войну всем состоятельным гражданам, как подозрительным. Но более существенным документом в данном случае являются мемуары Буонаротти, опубликованные Матьезом в 1910 г. «Тирания Робеспьера,—утверждает Буонаротти,—не что иное, как власть его мудрых советов, влияние его добродетели... Он был тираном злых...». Робеспьер пал от руки атеистов и продажных душ. Буонаротти настойчиво доказывает, что атеизм был идеологией буржуазии, против морали и религии Робеспьера, той надежды бедняков. «Робеспьер, по его мнению, законный предшественник коммунизма...». Неудивительно, что эти коммунисты имели ничтожное значение в рядах робеспьеристской коалиции. Такова в самых кратких чертах характеристика многочисленных групп тех двух коалиций, которые вели друг с другом борьбу до 9 термидора. На одной стороне естественным центром является буржуазная программа, на другом—осколки различных классов группируются вокруг мелкобуржуазной утопии эгалитаризма, выдвинутой Робеспьером и Сен-Жюстом.

Мечтал ли Робеспьер о новом восстании народных масс, о новом «31 мая», что утверждали термидорианцы, или речь шла о «парламентском перевороте», о новой чистке Конвента? В заседании 9 термидора Колло бросил робеспьеристам прямое обвинение в инсуррекции, это неоднократно повторял и Барер. По его словам, они готовили восстание с прериаля, и Бареру было поручено помешать нарастающему революционному движению недопустить собрания членов революционных комитетов 48 секций. Но Робеспьеру была чужда эта мысль, он не желал нового восстания. Любопытно, что Баррер указывает в своих мемуарах на революционную армию, как на орудие грядущего переворота и на общественные трапезы, как на предварительные скопища инсургентов. Мы знаем уже, насколько это противоречит истине. Нет, Робеспьер не желал борьбы! Недаром, Бюиссар и Лебон обвиняли его в это время в пассивности. Преклонение перед «народным суверенитетом» такова основная мысль, руководящая Робеспьером все годы его деятельности. 3 мессидора в якобинском клубе он разоблачает планы контрреволюции, чья задача «отделить народ от Конвента и Конвент от комитетов»; 21-го он указывает на то, что хотят террором убить единство в Конвенте. Робеспьер ведет борьбу лишь с отдельными интриганами. Это не только его тактический прием. Вы сможете в этом убедиться, если внимательно прочтете его последние речи. «Разве я смог бы предложить принять какую-либо меру, направленную против национального правительства... Я только прошу, чтобы люди с добрыми намерениями об'единились, чтобы честные представители народа отделились от 5—6 смутьянов...». Эту мысль он снова и снова повторяет, на ней он настаивает 8 и 9 термидора. Он ведет борьбу лишь против главарей дантонистского и эберистского охвостья во имя революционной власти. Отклоняя обвинения в попытке установить личную диктатуру, он настаивает на централизации правительства: «без революционного правительства республика не может укрепиться, и различные клики задушат ее при самом возникновении; но, если оно попадет в преступные руки, то само станет орудием контрреволюции» (речь 8 термидора в якобинском клубе). Для чистки Конвента Марат ударил 31 мая 1793 г. в набат, якобинцы заключили предварительное соглашение с беше-

ными,—вспомним только продовольственные беспорядки февраля—мая 93 года, а в флореале—мессидоре 94 года Пейян в Коммуне, Робеспьер в Конвенте, Огюстен в миссии, подписывая декреты против рабочих стачек и продовольственных беспорядков, рекомендовали народу «плодотворное молчание». Итак, укрепление революционной власти, т.-е. установление диктатуры парламентским путем, чисткой Комитетов и Конвента, без вмешательства улицы—такова программа Робеспьера.

К выполнению своей задачи Робеспьер подходил осторожно. 16 жерминаля Огюстен сообщает Максимилиану, по его просьбе, список патриотов, которых он встречал на своем пути.—Их немного,—честные люди прячутся, а патриотами слывут те, кто революционным авторитетом покрывают произвол. Среди этих патриотов Бонапарт... Список патриотов, как мы знаем, был также найден и в бумагах Робеспьера, приложенных к докладу Куртуа. Но это было только одно из мероприятий по подбору своих людей.

К этому времени относится и история борьбы Комитетов. Мы вынуждены обойти молчанием этот огромной важности вопрос. Уничтожить влияние Комитета общественной безопасности означало бы из'ять «управление террором» из рук врагов — и с этой целью Робеспьер поставил в порядок дня вопрос о создании при Комитете общ. спасения нового центра по борьбе с контрреволюцией. Он одновременно вел борьбу за очистку местной администрации от врагов народа и замену их патриотами. Не в этом ли был смысл закона об окончательном изгнании благородных из столицы, закон, который очень долго обсуждался в Конвенте? Барер с возмущением в своих мемуарах рассказывает о том, что Сен-Жюст в К. об. сп. предлагал установить обязательную для дворян трудовую повинность по исправлению дорог, как будто можно «не политическими, а социальными мероприятиями уничтожить влияние тех, кто господствует над народом своими знаниями и благодаря своему воспитанию». С той же целью, для централизации революционной власти в руках робеспьеристов, последние в якобинском клубе требовали упразднения секционных и народных обществ в городах и деревнях, нередко встречая сопротивление якобинцев вроде Лежандра. В интересах осуществления той же программы решено было начать чистку корпуса народных представителей в департаментах и армиях. Так, предполагали окружить Конвент и Комитет общ. спасения кольцом патриотов и, удалив из их рядов безболезненно 5—6 смутьянов, приступить к осуществлению социальной программы. Робеспьеру, как и части Комитета общ. спасения, отнюдь не была чужда идея соглашения, об этом свидетельствует ряд фактов. Я сошлюсь на обращение Комитета к Сен-Жюсту от 6 прериаля: «Свободе угрожают новые опасности,—интриги времен Эбера в сочетании с попытками нападения на отдельных членов Комитета ставят страну перед новой опасностью аристократического восстания,—не может ли Сен-Жюст явиться в Париж». Но это было одним из последних совместных выступлений.

В прериале борьба вокруг декретов о культе Верховного существа и новой организации Революционного трибунала во весь рост поставила вопрос о власти. Что Робеспьер не выступал в данном случае в роли первосвященника, это очевидно. Культ Верховного существа может быть понят лишь в свете его эгалитарных проектов и как одно из решающих средств идеологического влияния на массы. В этом социальном и политическом назначении декрета его историческое значение. Доклад 18 флореаля блестяще доказывает это положение. Истина,—заявил докладчик,—провозглашена в дни побед. До сих пор свобода и добродетель не имеют даже клочка земли, где бы они царствовали, ибо все изменилось в физическом мире и все должно измениться в духовном мире. Революция совершена до сих пор лишь наполовину... Новая «религия» направлена против идеологов буржуазии и против анархистов,

как и аграрников-коммунистов. Бриссо вооружил богатых против бедных, Эбер целовал бедняка, чтобы удушить его, Дантон воплощал в себе все преступления, он гремел против аристократов и вместе со спекулянтами делил добро народа. Идея культа Верховного существа, это постоянный призыв к равенству... мы понимаем теперь, почему против этого декрета в прериале направлена была вся ненависть «термидорианцев» и левых и правых. Речь шла не об абстрактных вопросах морали и религии, но о конкретной социальной программе. И не характерно ли, что Робеспьер выдвинул идею Верховного существа, как сдерживающую силу социального протеста и одновременно как освещение своей программы.

Как одно из могучих средств осуществить эгалитарную программу, я рассматриваю и закон 22 прериаля. Очевидно, что закон служил прямым целям робеспьеристов. Это правые в Конвенте прекрасно понимали, они прекрасно понимали, что он угрожает им, и, в свою очередь, терроризировали гильотиной часть «болота». Но «левые» не имели основания возражать против декрета. Попытки Билло-Варенна, Колло и др. в III году сложить с себя ответственность за закон 22 прериаля неубедительны. Они начали бороться с декретом только тогда, когда почувствовали, что примирение немыслимо. Последнее было уже бесспорно в прериале, когда на ряду с указанными выше декретами развернулась борьба вокруг вопроса о консолидации пожизненной ренты.

9 мессидора Пейян обратился с письмом к Робеспьеру с предложением начать активные наступательные действия, немедленно выступить в Конвенте против фракции Бурдона, добиться централизации власти и установления морального порядка... Но Робеспьер медлил. Он произносил угрожающие речи в якобинском клубе, он и Кутон намечали смутьянов. Они «окружали» Комитеты и Конвент, чтобы совершить переворот. Уход Робеспьера из Ком. общ. спасения не был самоустранением с арены политической борьбы подобно тому, что в июне 1793 г. сделал Марат. Нет, это должно было ему лишь развязать руки и помочь ориентироваться в расположении сил. Вторая половина мессидора была заполнена напряженнейшей борьбой, невидимой для окружающих. Так наступил термидор, и запоздалые попытки примирения в Комитете 4—6 термидора не могли остановить трагической развязки событий.

Десятки и сотни раз историки читали и толковали записи заседаний 7—9 термидора. Мы снова прочтем их уже на основе нашего анализа событий истории Конвента с вентоза II года. 7 термидора с большой речью в Конвенте от имени К. общ. спасения выступил Барер. Мне кажется, что до сих пор недооценили значения этой речи,—она была политической декларацией, которая должна была об'единить левых, правых и буржуазное болото для борьбы с робеспьеристами. Барер начал с указания на то, что агенты Эбера агитируют повсюду и готовят новое «31 мая». «Максимы эбертистов циркулируют повсюду»,—угрожал он буржуазной части Собрания,—«две значительные эпохи должны быть отмечены в политической жизни Конвента: с 21 сентября до 31 мая 93 года; с 3 июня до настоящего момента. В настоящее время происходит то, что было в конце первой эпохи ...«Нет, но времена изменились, теперь нет необходимости оживлять тени Эбера и Шометта. Нищета уничтожена, Англия и ее торговый флот и торговое могущество сломаны, голод исчез, промышленные заведения функционируют, рабочие обеспечены трудом... жаловаться не на что, и новая революция не нужна». Эта санкюлотида была обращена к Франции, и ее политическое значение очевидно. Что могло изменить заседание 8 и 9 термидора? Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон недооценили слабости своих сил, они пали жертвой парламентских иллюзий, тесно связанных со всей мелкобуржуазной утопической системой: они были обречены. И в то время как Камбон, Тальен, Бурдон,

Мерлен, Баррас и др. действовали активно, наступательно, декларировали свои принципы, «триумвират» был безволен, растерян... Кутон, Робеспьер продолжали настаивать на том, что они ведут борьбу с отдельными лицами, не формулировали своей программы, не звали к восстанию. Это обезоружило их перед группой Билло, Вадье, Колло. В самом деле, на чем настаивали последние? Они заявляли о том, что Робеспьер не желал соглашения с ними, что он нашел в Конвенте лишь 20 достойных патриотов, что он один несет ответственность за закон 22 прериаля, что, наконец, он защищал в свое время Дантона. А жертвы не называли виновных, они все надеялись на победу бескровную, на парламентскую победу. И тогда-то со всех сторон заговорили трусы: «Назовите тех, кого бы обвиняете». Правым с помощью «левых» удалась их игра, депутаты болота увидели в них своих спасителей. Тем более, что Тальен потребовал активных мер, ареста трех. Барер прочел тогда воззвание к народу, в котором обвинил побежденных в попытке вызвать народное движение. Но это было явной ложью. Собственно инициатива была в руках термидорианцев, и Бордон из Уазы призывал к братанию с народом, а Колло вызывал тень Марата и Шалье, которых Робеспьер, по его мнению, ненавидел. Да, вопрос должен был быть решен в секциях. Санкюлоты Парижа должны были показать, оправдаются ли слова воззвания победителей термидорианцев: «31 мая народ сделал свою революцию; 9 термидора Национальный Конвент совершил свою революцию. Свобода аплодировала и той и другой». Трагедия Робеспьера и была в том, что он всецело разделял в этом случае взгляды большинства Конвента: и для него события 9 термидора не должны были выйти за рамки парламентской борьбы.

Волнующий интерес представляет для историка анализ событий 9 и ночи на 10 термидора в секциях. Но после пожара 1871 года многие исторической важности документы пропали навсегда, анализ оставшихся материалов представляет собой сложную для меня при 5 минутах, которые я могу уделить по этому вопросу, непосильную задачу. Как ни расходятся историки в оценке поведения той или другой секции, как ни отличаются друг от друга их подсчеты количества секций, высказывавшихся за Коммуну или Конвент, одно очевидно: робеспьеристы не подготовляли их к борьбе, не раз'ясняли им значения наступающих событий. Я считаю наиболее характерным в этом отношении ответ Сент-Антуанского предместья: оно просит Коммуну об'яснить им, в чем дело, для того, чтобы не попасть в западню врагам и раз'яснить им, кого они должны считать своими врагами, и л и вот секция Обсерватории, где, заслушав сообщение об аресте граждан, которых она до сих пор привыкла считать преданными патриотами, решено отложить заседание до утра... В Коммуну являлось не мало делегаций от секций, но лишь для информации. А в секциях,—не забудем это,—термидорианцы имели не плохих агитаторов. Особенно активен был Леонард Бурдон, который в секции Марата вспоминал, что Робеспьер был против перенесения праха друга народа в Пантеон; в секции Гравильеров напоминал санкюлотам, что робеспьеристы палачи их вождей. Его агитация пользовалась в секции Гравильеров успехом, особенно после того, как незадолго до 9 термидора оставлена была без внимания их петиция об амнистии многих граждан, подозреваемых в эбертизме.

Но немало активных сторонников было и на стороне Коммуны. Не следует думать, что с 9 на 10 термидора робеспьеристы были столь же пассивны, как их вожди в Конвенте. Нет, они проявили здесь запоздалую активность и только теперь подняли знамя инсуррекции. К 6—7 вечера подняты были все секции вокруг Гревской площади и Ратуши, и революционный мэр Парижа заявил: «Граждане, здесь (в Коммуне) было спасено отечество 10 августа и 31 мая. Теперь оно более чем когда-либо в опасности, здесь оно еще раз будет спасено». Робеспьеристы проявили теперь лихорадочную активность. В своих воззваниях они об'явили об аресте главарей Конвента, во имя

охраны его самого. Генеральный Совет Коммуны об'являет восстание против угнетателей народа, которые желают уничтожить его защитников. Революционная Коммуна приказывает во имя спасения народа, всем гражданам не признавать никакой другой власти, кроме власти Коммуны, арестовывать всех тех, кто злоупотреблял званием народных представителей, издают изменческие прокламации и об'являют вне закона защитников народа». Да, это было нарушением всей прошлой парламентской тактики. Но было поздно, время упущено, и не помогло даже избрание Исполнительного комитета для руководства восстанием. И, если даже согласиться с убедительными доводами Матьеза, что в эти часы Робеспьер был активен, бесспорным остается тот факт, что нерешительность «Триумвирата» в Конвенте, отсутствие всякой подготовки восстания в секциях, медлительность Коммуны в первые часы кризиса, решили дело. Эта парламентская тактика, а не ливень и не об'явление Робеспьера вне закона, разогнала санкюлотов, которые живо обсуждали на улицах события и ожидали распоряжений. Нет сомнения, что судьбу дня решил также отказ Анрио, последовать совету Коффиналя и ввести вооруженную силу в помещение Конвента. Мобилизованные санкюлоты размышляли, когда армия Барраса действовала. Мы не будем удивляться, если вспомним, что в состав Генерального совета Коммуны входили торговцы Arthur, Grenard, Avril, мелкие лавочники, несколько адвокатов, журналисты, врачи, мелкие рантье и опирались они, по существу говоря, на малочисленные группы преданных патриотов в секциях, это была малоустойчивая социальная смесь, чей центр—робеспьеристы были носителями мелкобуржуазной утопии эгалитарного государства. А на другой стороне тоже пестрый социальный блок, но в нем чувствовалась сильная рука буржуазии, которая боялась, чтобы «царство санкюлотов не превратилось в царство des sans chemises». Буржуа стояли во главе термидорианской армии, роялисты и жирондисты были руководителями отдельных отрядов ее. Прав, трагически прав был Робеспьер, когда 9 термидора в ответ Фрерону, провозгласившему победу свободы, он воскликнул: «Oui, car les brigands triomphent». Да, 9 термидора победила буржуазия. С точки зрения широких масс это было торжеством контрреволюции.

Мой доклад должен был лишний раз убедить вас, в глубоко-научном значении марксовых положений о том, что робеспьеристы, вожди революционной диктатуры II года, которые до весны 94 года боролись за интересы буржуазии, хотя и не буржуазным способом, и выполнили тем самым огромной важности историческую задачу, погибли потому, что попытались теперь осуществить свою мелкобуржуазную утопию эгалитарного общества товаропроизводителей. «Пролетариат и фракции общества, не принадлежавшие к буржуазии, или не имели еще интересов, не совпадавших с интересами буржуазии, или не образовали еще никаких развившихся классов или частей классов»,—вот почему капиталистической программе термидорианцев была противопоставлена лишь утопия Робеспьера и Сен-Жюста. Только в бабувизме мы имеем преодоление этих взглядов. С нашей точки зрения поэтому не 9 термидора, а день казни Бабефа является кульминационным пунктом Великой революции конца XVIII в. Если вы найдете в основном правильными мои взгляды, вы решительно отбросите всякие попытки вульгарного аналогизирования: между социальными конфликтами 1794 года и социальной революцией XX в., между столкновениями капиталистических элементов носителями мелкобуржуазной утопии конца XVIII в. и классовой борьбой пролетариата и буржуазии наших дней лежит пропасть.

ПРЕНИЯ

Моносов. Между докладом и прениями оказался перерыв в целую неделю. После доклада непосредственно были лишь, так сказать, кулуарные разговоры, и мы, выступающие в прениях, оказались в довольно невыгодном положении, а сам докладчик—в более выгодном положении. Он учел кулуарные разговоры и внес на основани их некоторые поправки в свой доклад, которые в виде, якобы, резюме доклада были нами сейчас заслушаны. Что же касается тех, кто участвует в прениях, то у них доклад, конечно, сильно изгладился из памяти. Поэтому сейчас выступать довольно трудно,—не знаешь, против чего выступать, против ли самого доклада, или против того «резюме», а, в сущности, второго доклада, который нам сейчас был сделан.

Когда я слушал т. Фридлянда, я пришел, примерно, к следующим соображения: уважение к традиционным взглядам нам, марксистам и коммунистам, конечно, не очень полагается. Но, с другой стороны, я думаю, что каждая аттака на традиционные взгляды,—я имею в виду традиционные марксистские взгляды—у нас создались до известной степени традиции по целому ряду вопросов, которые вошли в нашу учебную, научную и научно-популярную литературу—каждая атака на такие взгляды должна совершаться, во-первых, во всеоружии громадного фактического материала, а, во-вторых, такая атака должна иметь, как совершенно необходимый момент, четкую, ясную и стройную теорию, которую хотять противопоставить той традиционной теории, на которую нападают. Я думаю, что в докладе т. Фридлянда была только половина этих элементов. Я имею в виду большой фактический материал, который был чрезвычайно интересно представлен докладчиком. Но сказать, что т. Фридлянд из этого материала сделал четкие и ясные выводы, что он построил ясную и отчетливую концепцию Термидора, этого я бы не решился сказать. Мне кажется, что тот материал, которым пользовался т. Фридлянд, чрезвычайно интересен. Например, вопрос о финансовых разногласиях между Камбоном и Робеспьером, вопрос, который, за исключением Матьеза, никем не замечался, и у Матьеза-то по поводу него имеется всего несколько строчек. Этот вопрос, тов. Фридлянд поставил очень хорошо и вообще, он дал чрезвычайно много ценных фактов. Но, по-моему, из всего этого им не было сделано достаточно четких, стройных выводов, настолько стройных и четких, чтобы их можно было противопоставить той теории, которую я называю традиционной и которую мы видим у Кунова, у т. Лукина в его «Робеспьере», и в тех учебниках и в тех книжках, которые мы пишем. Наша концепция Термидора, которую я называю традиционной, вероятно, будет когда-нибудь кем-нибудь опровергнута, я на нее так и смотрю, как на рабочую гипотезу, но по-моему т. Фридлянд ее не опроверг. Слабым местом всего того, что говорил т. Фридлянд является отсутствие той стройности, такой цельности и отчетливости, которая имеется в нашей концепции Термидора.

Действительно у тов. Фридлянда было очень много противоречий и неясностей. Он говорил, что произошел крах между некоторой теорией, теорией отсталой, реакционной, и теми прогрессивными и экономическими отношениями, которые развивались. Но ведь это лишь общая фраза. С этим вероятно все согласны. Но дальше многое остается неясным. Что, например, из себя представляли Робеспьер и Сен-Жюст. Мы говорим, что это представители зажиточных слоев мелкой буржуазии, и это хоть какое-нибудь определение. Если оно ошибочно, с ним нужно бороться и нужно доказать, что оно неправильно. Но т. Фридлянд не сделал этого.

Дальше идет ряд положений, которые теперь взяты назад тов. Фридляндом. Напр., та неразбериха, которая якобы творилась налево от Робеспьера,

она теперь принимает в «поправках» к докладу некоторые формы и что-то начинает собой представлять. А до этого Билло, Варэн, Жавог, Вулан, Вадье и т. д. представляли собою какую-то нестройную массу без идей экономических и политических. Почему это так—не известно. Между тем у этой группы были определенные политические взгляды, у Билло-Варэна были и определенные социально-экономические воззрения, зафиксированные им в книге «Принципы республиканизма», книге, которой кажется у нас в Москве не имеется.

Фридлянд: Есть, я ее видел.

Моносов: Поэтому я считаю, что нельзя говорить, что налево от Робеспьера ровно ничего не было, что там была сплошная каша каких-то безыдейных в политическом и экономическом отношении людей. Да и сам т. Фридлянд теперь эти утверждения взял назад в своем «резюме».

Потому т. Фридлянд вскользь упомянул о деле Легре. Правда, об этом деле у Матьеза имеется всего небольшая статья, но этот вопрос тоже чрезвычайно интересен. Вопрос здесь заключается в том, что атака на революционное правительство велась определенными слоями. Какими слоями? По статье Матьеза как будто бы выходит, что зажиточными слоями, теми, кого мы называем обычно «термидорианцами». Но дело обстоит не так просто, ведь имя Легре упоминается всегда вместе с именами Варлэ. А Варлэ, конечно, не представлял зажиточных слоев, а представлял слои городской бедноты, те, кого мы считаем идущими за «бешеными». Эта борьба против революционного правительства велась и после термидора, в эпоху термидорианской реакции. Но в докладе все эти «бешеные», все эти многочисленные кадры были почти скинуты со счетов. Поэтому оказалось, что подготовка Термидора происходила в какой-то социальной пустоте. Правда, в докладе на один момент выступают рабочие, т. Фридлянд говорил о забастовках, но затем он очень быстро о них забыл и больше к ним не возвращался. А между тем является очень интересным вопрос: поддерживали ли эти слои Робеспьера или нет. Мы утверждаем, что нет, и что именно в этом-то и заключалась трагедия Робеспьера, что масса как городская, так и деревенская его покинула. Другой точки зрения по этому вопросу держится Матьез. Он уверяет, что последними покинули площадь перед Городской Думой секции с рабочим и ремесленным населением, следовательно—налицо противоречие с нашим обычным представлением. Поэтому этот вопрос нужно было осветить подробно. Из доклада же мы так и не узнаем, поддерживали рабочие массы Робеспьера или не поддерживали. Вообще у тов. Фридлянда получается некоторая бесформенность всех явлений и событий революции. У него нет тех отчетливых граней, которые мы обычно себе представляем: 31 мая возникла диктатура мелкой буржуазии, 9-го термидора эта мелкая буржуазия сошла со сцены. У товарища же Фридлянда оказываются действующими все одни и те же слои. Крупная буржуазия ничего не имела против переворота 31 мая, даже помогала ему (переговоры банкиров с Маратом). Затем та же буржуазия по каким-то причинам свергает Робеспьера. Спрашивается, почему она не могла с ним ужиться, тем более, что оказывается согласно целому ряду фактов, приведенных т. Фридляндом особенно суровых репрессивных мер, направленных против крупной буржуазии якобинцы в лице Робеспьера не проводили и вообще не очень враждебно к ней относились. По-моему, во всем этом имеется большая неясность.

Затем вопрос о том, как вели себя робеспьеристы в разные моменты накануне термидора. То оказывается, что они были чрезвычайно пассивной партией, никакой работы в секциях не вели, а затем очень быстро оказывалось, что они были очень активны и вели большую агитационную работу в секциях. Может быть они поразному держались в разных секциях. В одних секциях они могли быть пассивны, в других энергично вели работу. Это

вполне возможно, но во всяком случае этот вопрос остался совершенно невыясненным.

Резюмируя все сказанное, я считаю, что в смысле использования фактического материала докладом был затронут целый ряд интереснейших вопросов. Но говорить, что этот доклад опроверг ту концепцию Термидора, которая вошла в нашу учебную, в нашу научную и научно-популярную литературу,—говорить этого нельзя, ибо ей не была противопоставлена какая-либо новая стройная и четкая концепция. Такой концепции докладчик нам не дал.

Куниский. Доклад тов. Фридлянда обладал большим достоинством. Достоинство это заключается в том, что он был проникнут одной мыслью, весь доклад был посвящен развитию одной мысли. Правда, сегодня т. Фридлянд внес целый ряд поправок, и надо сказать, что эти поправки в значительной мере уничтожили этот монизм, который наблюдался в прошлый раз в докладе. Но тем не менее, известное впечатление единства остается.

Мысль, доказываемая тов. Фридляндом, была действительно новой, исключительно новой мыслью. Она заключалась в том, что якобинцы—а сегодня т. Фридлянд говорил о части якобинцев—о робеспьеристах—представляли собой в своей политике и в своей идеологии, типичный образец реакционной утопии, как он выразился. Но тов. Фридлянд не сделал всех выводов. Мне кажется, что он остановился на полдороге. Ведь если принять такого рода понимание политики робеспьеристов, то надо установить какое-то новое понимание того, чем было 9 Термидора. Тут на полдороге останавливаться меньше всего полагается. Если якобинцы представляли собой реакционно-утопическую идеологию, то первый вывод, который следует по законам логики, это то, что те, которые выступали против них 9-го Термидора, были силой прогрессивной и переворот 9-го термидора носил прогрессивный характер. Это мне кажется, элементарный вывод, о котором вы все время почему-то избегали говорить открыто, но который напрашивается сам собой.

Фридлянд. С точки зрения капитализма.

Кунисский. И против этого, по-моему, в первую голову следовало бы направить критику.

Можно ли всетаки с полным основанием утверждать, что и политика якобинцев была реакционна, и их идеология была реакционна, что переворот 9 термидора поэтому был явлением прогрессивным. Мне кажется, что даже с теми оговорками, которые внес сегодня т. Фридлянд, этих выводов сделать нельзя. В отношении той политики, которую вели якобинцы, тов. Фридлянд для того, чтобы придать известную убедительность своим выводам, пытался разбить политику якобинцев на две части, он говорит относительно политики якобинцев, начиная с июня, июля 1793 г. примерно, до весны 1794 г. и с весны 1794 г. до 9 термидора текущего года. Этот разрыв, эта попытка разбить каким-то образом политику единой фракции, единой партии является несостоятельной. В конечном счете, т. Моносов тоже говорил относительно реакционности якобинцев. Надо вопрос поставить ребром—можно ли считать экономически-реакционными те законы, которые были поставлены в порядок дня именно якобинцами, именно робеспьеристами, можем ли мы считать реакционной утопией закон 17 июля, закон 10 июня и пр. Можете ли вы считать все эти законы реакционной утопией, можем ли мы считать реакционным закон, который вырывает с корнем все остатки феодализма, при чем вырывает очень искусно, потому что, вырывая остатки феодализма, все-таки оставляет буржуазную собственность, те формы собственности, которые успели в процессе революции переменить свою оболочку. Можете ли вы это сказать? Вы скажете, что это все слишком просто, слишком естественно; но ведь именно так и ставится вопрос. Вы не можете оперировать случайными речами, которые как раз и не наиболее характерны для Робеспьера или

кого-нибудь другого из его единомышленников. Вы не можете опираться на эти речи, ибо все то, что вы говорили относительно реакционности идеологии робеспьеристов, как раз характерно в гораздо большей степени не для самого Робеспьера, а пожалуй для Сен-Жюста. Вы могли найти элементы уравнительности, этой реакционной уравнительности в некоторых частях речи Сен-Жюста 8 вантоза. Но можете ли вы на этом основании сделать вывод относительно реакционности экономической политики якобинцев вообще? По-моему, этот вывод сделать нельзя не только в отношении политики, но и в отношении идеологии.

Чем по существу являлась политика якобинцев? Мне кажется, что тут было бы уместно вспомнить знаменитые слова Маркса относительно плебейских методов, относительно того, что это была, по существу говоря, политика буржуазии, проводимая со всей той решимостью, на которую была способна мелкая буржуазия того времени. И я спрашиваю, если оказалось возможным у нас, в нашу Октябрьскую Революцию, что пролетариат выполнил функции, которые должна была выполнить буржуазия, то почему это не могло удаться в 1793—94 г.г., почему мелкая буржуазия не могла тогда выполнить функцию крупной буржуазии? И она это по существу сделала, потому что, в сущности говоря, вся политика мелкой буржуазии, начиная с мая—июня 1793 года до 9-го термидора, шла по линии интересов крупной буржуазии. Дело здесь заключается в том, что сама крупная буржуазия не была в состоянии провести это с той решительностью, с какой сделала мелкая буржуазия не только в том смысле, что якобинцы оказались в состоянии последовательно провести чисто буржуазные мероприятия, не в этом одном дело, а я говорю в том смысле, что они в экономической политике проводили мелко-буржуазные меры, но так, что они в конечном счете оказывались выгодными буржуазии,— скажем, в принудительном займе, который, по существу говоря, являлся чем-то вроде налога на доход, потому что он не был доведен до конца и не дал тех результатов, которые от него ожидали получить якобинцы. Жизнь снимала те крайности, которые мелкая буржуазия хотела провести. Чем был принудительный заем, превратившийся фактически в налог на доход. Это было мероприятием, которое хотела провести и проводила и сама буржуазия. Правда, буржуазия поставила этот вопрос в порядок дня гораздо позже—в начале XX века (министерство Клемансо), но, во всяком случае, вопрос относительно принудительного займа или подоходного налога, это мероприятие, в котором заинтересована буржуазия, как целое. И это мероприятие было проведено якобинцами. Я не усматриваю в этом ничего реакционного, ничего такого, что не позволяло бы говорить, что якобинцы проводили политику буржуазии.

Теперь относительно пресловутой эгалитарности. Тов. Фридлянд все время доказывал реакционность принципов якобинцев тем, что они были эгалитаристы, проводили уравнительность. Но надо сказать, что это в значительной мере жупел. Мы должны подойти теоретически к этому понятию. Можно ли говорить, что политика эгалитарности, идея эгалитарности во все времена, всегда, в любых условиях является реакционной. Этого нельзя сказать. Эгалитарность в условиях Французской Революции, т.-е. в тех условиях, когда при отчаянном экономическом положении страны нужны были средства, когда эти средства можно было получить только обкарнав крупные состояния, эта эгалитарность вовсе не была реакционным явлением. Мы должны судить о якобинцах не только по их идеологии, не только по тому, что они говорили, но и по тому, что они делали.

Когда вы подходите к этому вопросу с этой точки зрения, с точки зрения того, что якобинцы смогли, что они успели сделать, то вы видите, что они шли, конечно, по руслу экономического развития. А те крайности, которые были, то, что якобинцы пытались провести наперекор экономическому развитию, это было отброшено и сметено беспощадно.

Фридлянд: Вместе с ними, с этой маленькой поправочкой я согласен.

Куниский. Но это нисколько не говорит в вашу пользу, в пользу того, что вы хотите утверждать. Если якобинцы были сметены, то понятно известную долю этого—этого нельзя отрицать—сыграло и то обстоятельство, что они бросались в крайности эгалитарного порядка. Этого нельзя отрицать. Но ваше утверждение от этого нисколько не выигрывает, оно не выигрывает потому, что вы все-таки не сможете доказать, исходя из анализа того, что сделали якобинцы, что они представляли собой реакционную идеологию; из наличия некоторых крайностей эгалитарного порядка не следует, что они проводили реакционную политику. Мне кажется, что это вполне ясно.

Теперь, если вы взглянете на вопрос с более узкой точки зрения, не с широкой точки зрения, т.-е. не с точки зрения того, что представляли собой якобинцы, взятые в известной перспективе, а с более узкой точки зрения, т.-е. с точки зрения того, что непосредственно последовало за 9 термидора, то вы, конечно, не можете утверждать, что якобинцы представляли собой реакционную силу, ибо то, что пришло вслед за ними, было еще более реакционным.

Фридлянд: Но с какой точки зрения, с экономической или с политической?

Куниский: И с той и с другой. Ибо пришедшие вслед за якобинцами термидорианцы,—я говорю о правой части термидорианцев, термидорианского блока,—ибо они представляли кого? Представляли собой вовсе не ту часть буржуазии, которая была заитересована в консолидации буржуазной революции. Это были представители распадающейся буржуазии. Это были остатки буржуазии, это была та буржуазия, которая была бессильна консолидировать революцию, свести к единому знаменателю все, что было сделано революцией.

Следовательно, те, кто пришли вслед за якобинцами вовсе не представляли собой более прогрессивное по сравнению с ними явление. Я не говорю уже о том утверждении, которое т. Фридлянд бросил мимоходом, что вовсе не возможно перерождение ни одной группы, ни одной партии. Это утверждение ни с какой точки зрения неправильно. Ведь кем были сами якобинцы в своей правой части, как не переродившейся частию их, если вы хотите. И все то, что совершилось в 1793—94 гг., и даже разоблачения, сделанные Матьезом, и открытия, сделанные Матьезом по поводу Дантона и дантонистов, и все действия отдельных комиссаров в провинции, что это было, как не симптомом связи части якобинцев со спекулятивной, выросшей в условиях гнилостного распада буржуазией?

Фридлянд. Это были жулики среди якобинцев. (Смех).

Куниский. Понятно, можно отделаться от любого анализа таким утверждением, что это были жулики. Но эти жулики потом взяли политику в свои руки. Потом один из этих жуликов—Барас был одним из главных деятелей в исполнительной директории, и несомненно, что этот жулик делал большую политику. Поэтому я полагаю, что это утверждение т. Фридлянда относительно того, что вообще невозможно перерождение, что это перерождение не наблюдалось в эту эпоху Великой Французской Революции, неправильно и опровергается просто историческими фактами.

Вот вкратце те замечания, которые я хотел сделать.

Фрейберг. Тут уже говорил тов. Моносов, что те замечания, которые вы сделали сегодня, были в значительной степени изменением вашего прежнего доклада, потому в прошлый раз вы говорили очень четко только о двух партиях, боровшихся накануне 9 термидора. С одной стороны, реакционная, крестьянская эгалитаристская партия Робеспьера и Сен-Жюста, с другой стороны, партия буржуазии, которая, довольная падением феодализма, готова была итти возможно быстрым темпом по пути капиталисти-

ческого развития. Теперь вы термидорианцев расслоили на две группы, чего в прошлый раз вы не сделали. В одну и ту же партию вы зачислили, с одной стороны, Куртуа, а с другой стороны—Вадье, Бильо, Варенна, Вуллана и Жавога. Однако несомненно, если даже эти деятели и не имели определенной программы, то все же они были представители совершенно разных социальных слоев. Об этом т. Моносов уже говорил.

Я больше хотела остановиться на партии Робеспьера и Сен-Жюста. Когда вы ее характеризовали, вы говорите о ней,—соответственно о Робеспьере и Сен-Жюсте,—как о представителях крестьянских интересов. Вы все время это очень подчеркивали и ни разу не упоминали о тех городских элементах, на которые эта партия, бесспорно, опиралась. Как-никак якобинский клуб, шедший за Робеспьером, и (хотя бы и «очищенная») Парижская Коммуна, вставшая на его защиту в дни 9—10 термидора, опирались именно на горожан. С одной стороны—это городские ремесленники, затем очень большие слои служащих различных комиссий и учреждений. Не будем забывать, что в Продовольственной комиссии было до 500 служащих. Это все были группировки, которые поддерживали революционное правительство, включая сюда, конечно, Робеспьера и Сен-Жюста. Это первое.

Затем второе, относительно «эгалитарных» стремлений Робеспьера. Конечно, «свобода, братство и равенство» были общим лозунгом Французской революции; и правые (напр., жирондистские) группы—Верньо, Кондорсе были также эгалитаристы. Но, если вопрос идет о политическом равенстве, если вы будете говорить о том «фактическом» равенстве, требование которого стало выдвигаться определенными группировками, то к этим группировкам вы вряд ли сможете отнести Робеспьера. Вряд ли человек, который говорил, что имущественное равенство это—химера, а loi agraire это—пугало, которое придумано для того, чтобы пугать безмозглых людей, вряд ли тот человек, который говорил, что надо различать людей не по имущественному состоянию, а только по их нравственным качествам, который утверждал, что санкюлоты никогда не стремились к имущественному равенству, а только к равенству прав,—вряд ли этого человека можно характеризовать, как лидера партии с эгалитаристскими стремлениями в экономическом смысле. Правда, все термины, которые относятся к Великой французской революции, или по крайней мере, большинство из них достаточно шатки и неопределенны. Но, мне кажется, что термин «эгалитаризм» и «эгалитаристы» приобретает гораздо более определенное значение, когда мы применяем его к Моморо, Шометту, Сильювену, Марешаллю, отчасти к Варле и Жаку Ру.

Теперь несколько отдельных замечаний по поводу вашего доклада. Мне кажется, что наиболее интересным пунктом вашего доклада был вопрос о финансовых разногласиях накануне 9 термидора. Вообще до сих пор роль Камбона была недостаточна подчеркнута; думается, ее следовало бы более выпукло подчеркнуть и на ней более подробно остановиться. Мне кажется, что было бы очень интересно, если бы вы этот пункт развили более подробно.

Далее, отдельные места вашего доклада были основаны на очень интересном материале, но они как-то на мой взгляд были мало связаны с вашей основной мыслью. Например, ваше утверждение, что весной 1794 года продовольственное положение несколько улучшилось. Если это так, то нужно было доказать это. Кроме того, я неясно улавливаю, зачем это понадобилось для вашей темы.

Фридлянд. Матьез это доказал в его книге.

Фрейберг. Я читала Матьеза, но его доказательства не вполне убедительны. Мне кажется, что такого большого улучшения продовольственного положения к весне 1794 года не было. Ведь даже тот «convoi d'Amerique»—продовольственный транспорт из Америки, навстречу которому был послан

Жанбон Сент Андре, только летом 1794 г. (я не знаю точно месяца, кажется, в июне).

В документах я нашла очень характерное замечание, которое относится как раз к вантозу 1794 года, к месяцу, о котором вы говорите. Вот что пишут члену Конвента, Мору, из департамента Ионн.

«Голод у наших дверей. Каждый день комнаты полны несчастными, которые кричат—«Мы умираем с голоду. Наши дети подыхают от нужды. Мужчины в отчаянии, женщины в слезах; жалобы, стоны, а с нашей стороны—отказы за неимением средств. Вот грустные сцены, которые повторяются каждый день».

Мне кажется, что эти слова, сказанные в официальном документе и характеризующие положение дел в вантозе 2 года, вряд ли могут быть применимы к тому, по вашим словам улучшившемуся, положению с продовольствием весной II года.

Удальцов. Я позволю себе остановиться на некоторых пунктах доклада.

Прежде всего нельзя, конечно, не отметить, что т. Фридлянд в своем докладе привлек очень большое количество материала, который характеризовал экономическое положение, предшествующее термидору. Но мне кажется все-таки, что некоторые основные положения, которые он при этом хотел доказать, он не доказал. Кроме того, что т. Фридлянд хотел доказать улучшение продовольственного положения к этой эпохе, он еще выдвинул такой тезис, что в эту эпоху мы наблюдаем общее оживление экономической деятельности и уменьшение экономической депрессии, наблюдаем некоторое экономическое оживление. Но, по крайней мере в докладе, мне кажется, т. Фридлянд этого не сумел доказать. Для доказательства своего тезиса он приводил тот факт, что в комитеты поступали всякого рода петиции от фабрикантов и коммерсантов с ходатайствами о поддержке, о субсидиях и т. д. Но из этого, мне кажется, еще нельзя заключать, что действительно произошло улучшение в самом хозяйстве. Все это характеризует только, что к этому времени, когда страна начала переходить на мирные рельсы, наблюдается и некоторое оживление в торгово-промышленной среде, т.-е. появляются некоторые виды на лучшее будущее, а в связи с этими видами на лучшее будущее в этот период наблюдается и рост всякого рода петиций. Во всяком случае мне кажется, что здесь скорее психологическое, т.-е. суб'ективное улучшение обстановки, но еще не улучшение самого об'ективного положения. Об улучшении самого об'ективного, экономического положения, все-таки, мне кажется, рано говорить и после доклада т. Фридлянда.

Затем об улучшении положения в области продовольствия. Тов. Фридлянд здесь указывал, что, повидимому, это улучшение в области продовольствия можно ставить в связь с тем, что максимум в это время стал меньше соблюдаться. Но ведь этот факт, конечно, имеет две стороны. Улучшение продовольственного положения в этом смысле действительно могло быть, но с одной стороны, это было улучшение, а с другой стороны—это не было улучшением. Тут надо диалектически этот вопрос рассматривать.

Фридлянд. Не возражаю.

Удальцов. Несоблюдение максимума это ведь означает срыв твердых цен, повышение цен. Конечно, при этом вы наблюдаете, может быть, появление на рынке тех товаров, которые раньше припрятывались, но они становились недоступны для беднейших слоев населения, которые при максимуме имели все же возможность что-нибудь покупать, а при срыве максимума потеряли эти возможность. Вы, говоря об улучшении продовольственного положения, имеете в виду появление с'естных припасов на рынке, но вы совершенно упускаете из виду, что эти товары продаются зато по недоступным ценам для беднейших слоев населения. Об этом говорит и рост продоволь-

ственных волнений, и рост забастовок, которые к этому времени возникают.

Теперь, перейдем к вопросу о классовой сущности якобинцев,—в частности,—может быть, действительно не следует говорить о «якобинцах» потому, что это понятие довольно сложное,—а о робеспьеристах. Вы в своем докладе,—я, к сожалению, не слышал вашего сегодняшнего резюме, которое, как говорят, товарищи, внесло некоторые изменения в доклад...

Фридлянд. Это то, что я вам показывал, только это.

Удальцов... Следовательно, вы доказываете, что идеология робеспьеризма была в чистом виде идеологией отсталого крестьянства. Но когда мы говорим об этой эпохе революции и представляем себе отсталое крестьянство,—не только в эту эпоху, Маркс тоже представлял себе крестьянство в этом виде в 48 году,—невольно напрашивается вандейское крестьянство. И получается на первый взгляд так, что Робеспьер является представителем Вандейского крестьянства. Тут все-таки эта характеристика крестьянства как отсталого должна была бы быть вами уточнена, во всяком случае учтено то, что ведь Маркс различает различные слои крестьянства, он говорит о восстании севенов, о восстании крестьянства в самом начале XVIII века и о Вандейском крестьянстве и эти два типа различает. Если вы хотели характеризовать крестьянство, то во всяком случае должны были бы все это принять во внимание и не давать такую суммарную характеристику.

Фридлянд. Я даже приводил размеры земли. Я точно приводил.

Удальцов. Вы называли это середняцким крестьянством.

Фридлянд. Я приводил его доходы и показывал, что это не Вандея.

Удальцов. По доходам, это так, но я думаю, что такая характеристика «как отсталое, реакционное» как-то не подходит к социальной основе «робеспьеризма».

Мне думается, что тут возникает вот какой вопрос. Правильно ли вы охарактеризовали робеспьеризм, когда вы отождествляете его с крестьянством, когда вы говорите, что это была идеология среднего крестьянства? Вы доказываете это тем, что после революции 2 июня было проведено законодательство о разделе земель, и считаете, что как будто за раздел общинных земель стояло среднее крестьянство. Этот аргумент вы выдвигали тогда, когда вы хотели доказать, что робеспьеристы были представителями среднего крестьянства. Но это вопрос тоже весьма спорный, и во всяком случае я думаю, что правы те исследователи, которые считают, что как раз среднее крестьянство стояло скорее за сохранение общинных земель, а два крыла кулацкое и беднейшее крестьянство были против этого и стояли за раздел общинных земель, только в разных направлениях. Но это частный вопрос. Я думаю, что подвести под одну скобку робеспьеризм и считать его целиком идеологией крестьянства, это, во всяком случае, будет большой неточностью. Робеспьеризм отражал в себе в своей части действительно крестьянскую идеологию, но с другой стороны, все-таки это была идеология, которую Кунов, в данном случае случайно правильно, я вообще не поклонник Кунова,—охарактеризовал как идеологию зажиточной мелкой буржуазии. Я считаю, в общем, эту характеристику правильной. Это была по типу идеология зажиточной якобинской буржуазии, в противоположность слоям буржуазии кордельеровского типа. Здесь эти два момента, городской и деревенской, нужно различать. И поэтому окрашивать все в один крестьянский цвет, мне думается, несколько односторонне. Но вы доказываете, что как раз в этот момент весной 1794 г. робеспьеристы придавали особенно большое значение аграрному вопросу. Совершенно верно, только мне кажется, что это диктовалось об'ективными условиями данного момента. Как раз в это время вопрос о новом урожае стоял весьма остро, и продовольственный вопрос

тоже не был разрешен, он был тоже весьма запутан. Все это привлекало внимание робеспьеристов к этому вопросу. И ряд декретов, и, может быть, ряд тех замечаний, которые так и остались только в портфелях у Робеспьера и Сен-Жюста, они, может быть, имели в виду как раз это создавшееся конкретными условиями весны 1794 г. положение, и именно поэтому робеспьеризм в этот момент окончательно получил такую аграрную окраску.

Вот те соображения, которые я хотел высказать.

Н. М. Лукин. Я сначала хотел бы вернуться к вопросу о том, в какой мере можно говорить о каком-то экономическом под'еме, о каком-то хозяйственном улучшении весной 94 года. Мне кажется, что в своем докладе тов. Фридлянд не доказал этого улучшения, как не доказал его и Матьез. В самом деле, если вы хотите сказать, что чувствовалось известное улучшение в области финансов, то это будет не верно, ибо известно, что курс ассигнатов в январе 94 года был 40%, а в июле—34, т.-е. произошло падение их ценности на 16%. Если вы хотите сказать, что наблюдалось известное улучшение в продовольственном вопросе, то, мне кажется, что это вам никак не удастся доказать.

Работая в Национальном Архиве осенью прошлого года, я просмотрел массу бумаг, как Комитета земледелия, так и Продовольственной комиссии. Как раз на этот период падает громадное количество всякого рода жалоб, которые исходят как от городов, которые буквально голодают, так и из тех земледельческих районов, которые до революции были не производящими, а потребляющими районами. Что тут никакого улучшения не произошло, это ясно из того, что даже термидорианцы не решились отменить максимум—до десятого нивоза. А когда они его отменили, то вся администрация на местах совершенно растерялась перед последствиями этой отмены. Ведь и после отмены максимума нужно было кормить города и армию; разрешите же эту задачу с отменой максимума, когда крестьяне использовали положение и взвинтили цены на хлеб, оказалось чрезвычайно затруднительно. Где же улучшения продовольственного положения весной 94 года? Его нет.

Если вы возьмете донесения такого вдумчивого правительственного агента, как Сире, который специально наблюдал парижские настроения, то в этих донесениях на каждом шагу говорится о всевозможных продовольственных затруднениях как раз весной и летом 94 года волнениях на этой почве. Выходит, что наблюдалось не смягчение, а жесточайшее ухудшение продовольственного положения. И те самые забастовки и волнения среди рабочих, о которых вы говорили в своем докладе, как раз представляли из себя другую сторону этого процесса. Это были волнения в городах, среди рабочих, в частности в Париже.

Затем вы усиленно подчеркивали аграрный характер законодательства с весны 94 года. Здесь уже было отмечено, что всякое правительство в этот момент вынуждено было бы уделять аграрному вопросу львиную долю внимания, потому что производительные силы были до такой степени истощены и разруха была так велика, что не заниматься этим вопросом и не искать выхода из создавшегося положения было нельзя. Этим продолжали заниматься и термидорианцы: возьмите хотя бы закон 13 термидора. Точно так же они вынуждены были оставить систему реквизиций после отмены максимума. Все это показывает, насколько этот вопрос стоял остро и до и после 9 термидора. Им занимались везде и всюду. Просмотрите переписки Комитета земледелия: она полна всевозможными аграрными проектами, всевозможными предложениями относительно введения новых культур, осушения болот, проектами улучшения животноводства и т. д. В силу создавшихся обстоятельств, это был основной, модный, так сказать, вопрос. В его разрешении искали выхода из того тупика, в котором находилось народное хозяйство Франции, страны земледельческой по преимуществу. Но отсюда еще не следует, что именно

в этот момент робеспьеристы превратились в какую-то «середняцкую» партию.

Затем я хотел бы указать на основной тезис докладчика, на тезис, который гласит, что робеспьеристы были идеологами реакционного крестьянства. Сегодня нам об'яснили, что под этим термином «реакционного крестьянства» надо понимать середняков. Мне кажется, что это положение тоже не было доказано. Нужно было установить какую-то связь между тогдашними настроениями крестьянства и робеспьеристской политикой. Но вы этого не доказали и не докажете, потому что для настроений тогдашнего крестьянства характерно чрезвычайное недовольство режимом максимума и подводной повинностью, ибо крестьянство должно было снабжать армию не только своими продуктами, но и доставлять эти продукты на своих собственных конягах. Это недовольство было настолько сильно, что во многих районах самое 9 термидора было истолковано крестьянством, как отмена максимума. Мы имеем целый ряд донесений местных властей, что крестьянство истолковывало переворот 9 термидора именно в этом смысле. Каким же образом можно считать робеспьеровскую политику весной 94 года соответствующей интересам середняка, если Робеспьер не разглядел того основного, что в данный момент волновало, возмущало, будоражило крестьянскую массу? Вместо того, чтобы отменить максимум, и вместо того, чтобы сделать какие-нибудь серьезные поблажки крестьянству, он выдвинул такой лозунг, как раздел имущества контрреволюционеров, который, в сущности говоря, не мог найти широкого отклика среди этого середняцкого крестьянства. Итак, я утверждаю, что вы не установили никакой связи между утопической аграрной политикой Робеспьера, как вы ее называете, и тогдашним настроением крестьянства. А между тем вы определенно утверждаете, что Робеспьер являлся идеологом этого реакционного, «отсталого» середняцкого крестьянства. Мне кажется, что для такого радикального пересмотра социальной базы робеспьеристов нет достаточных оснований. В деревне в это время происходит совершенно определенный процесс, процесс усиления этого самого середняка (cultivateur); это он заполнил все деревенские муниципалитеты, и, в сущности говоря, правительство становится все более и более бессильным проводить режим максимума, ибо между ним и крестьянской массой стоит это средостение середняцких муниципалитетов.

Если бы Робеспьер действительно отражал интересы этого крестьянства, мне кажется, его политика была бы иной. Вместо того, чтобы обещать журавля в небе в виде раздела имущества контрреволюционеров, к которому, кстати сказать, фактически не приступили, проще было дать «синицу в руки». Вы, может быть, сошлетесь на те уступки крестьянству, которые были сделаны в этот период. Да. Они были сделаны, но сделаны под напором крестьянства, как враждебной силы. Вы думаете, что якобинцы провели летом 93 года закон о равном распределении поделенных общинных земель, потому что сочувствовали этой идее? Ничего подобного. Они сделали это под напором мелкого крестьянства. Но это не значит, что они были идеологами этого крестьянства. Да и мало ли что должны были делать якобинцы в ходе революции. Но это не значит, что это соответствовало их экономической программе. Тот же Матьез утверждает, что ни максимум, ни революционная армия не были настоящим делом робеспьеристов, все это было им навязано извне. Относительно максимума, это до известной степени правильно. Но это только пример того, что нельзя на основании той или иной политики партии в определенный момент делать то заключение, которое вы делаете. Против попытки превратить робеспьеристов в какую-то середняцкую партию я самым решительным образом возражаю.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Фридлянд. Я постараюсь быть кратким.

Прежде всего начну с утверждения т. Моносова, что я внес какие-то «радикальные изменения» в свой доклад своими вступительными замечаниями. Это весьма неудачный способ дискуссии, хотя и вошедший во все «учебники» и хрестоматии «ораторского искусства»...

Моносов: Все признали, не я один.

Фридлянд: По поводу расслоения термидорианской коалиции я сегодня во вступительном слове сказал то, что мне не удалось, что я не успел сделать во второй части своего доклада, которую мне пришлось скомкать. Цена этого аргумента возросла бы, если бы оппоненты доказали противоречие между положениями доклада и вступительными замечаниями к дискуссии, но этого они не сделали, они не смогли установить, в чем состояли «изменения» моей основной точки зрения.

Второй момент, на который я бы хотел обратить внимание товарищей, это утверждение почти всех оппонентов, что в основной части моего доклада, привлечено было очень много нового материала, особенно в части, касающейся экономической политики Конвента с весны 1794 г. Да, но ведь этот материал кое-что доказывал. И тут есть две версии. Тов. Куниский говорит: этот материал доказал, что у Фридлянда была одна идея, проходящая через весь доклад, и к ней он «подбирал» материал. Печально, но более или менее убедительно. Другие утверждают: у Фридлянда не было «идеи», его доклад напоминает одеяло из пестрых кусков. Принимая во внимание эти две диаметрально противоположные версии моих оппонентов по одному и тому же вопросу, мне кажется, что докладчик может отнестись весьма спокойно к такого рода возражениям.

Но перейдем к вопросу по существу, что во всяком случае является для нас всех более интересным. Первое возражение: я веду атаку против марксистской традиции, выступаю войной против того, что написано в учебниках. Я преклоняюсь перед этим аргументом т. Моносова, я считаю его очень убедительным, но думаю, что все-таки подобный аргумент не является руководящей нитью в научной работе. Видите ли, т. Моносов, у меня есть основание заявить, что мы, к сожалению, в нашем понимании французской революции находимся в плену у реформиста Жореса и квази-марксиста—Кунова; наша задача раз навсегда ликвидировать эти традиции для данного этапа изучения Великой французской революции. Я не отрицаю исторических заслуг Жореса, я не претендую на то, чтобы целиком выполнить эту задачу. Я надеюсь, что мы все, совместными усилиями, должны заняться этой работой. Но я попробовал разобрать «традиционную» схему Кунова по отношению к июню—июлю 1793 г., и я попытался это сделать теперь по вопросу о 9 термидоре.

Кунов даем нам только схему, эта схема мешает часто конкретному анализу. Кунов не всегда знает подлинники. Он, например, не читал работ Марата дореволюционных лет, о которых пишет, что Марат был только практиком. Схема Кунова приносит нам уже теперь мало пользы в исследовательской работе; любой из товарищей, который занимается Великой революцией, тот же самый т. Моносов, в своей книге «Якобинский клуб», когда он приступает к анализу конкретных событий, отбрасывает часто его схему, оставаясь марксистом. Не правда-ли?

Моносов. Нет, неправда.

Фридлянд. Вы можете теперь отрицать то, что вы писали по вопросу о борьбе фракций в якобинском клубе, может быть, вы ошибались в вашей книге, но я думаю, что вы поступили правильно и шли по тому пути, по которому следовало итти. Я уже не говорю о работах Николая Михайловича.

Я бы был очень удивлен, если бы т. Лукин встал бы на защиту Кунова и его авторитета. Кстати, т. Моносов, «учебники» писали мы с вами, неужели вы серьезно считаете их последним словом научной марксистской мысли? Я несколько скромнее оцениваю их...

Т. Фрейберг выдвинула следующее положение. Она утверждает, что термидорианцы были разнообразной, пестрой массой, следовательно, не было двух партий, ведущих борьбу в эпоху термидора. Извините, тов. Фрейберг, хотя термидорианцы и представляли собой пеструю массу, но классовой силой, направляющей политику этой коалиции была одна социальная группа — буржуазия. У термидорианской коалиции была одна социально-экономическая программа. Это, очевидно, если теория марксизма имеет какое-нибудь значение при анализе конкретных событий. Сторонники Робеспьера были также чрезвычайно пестрой массой, но все же это был один социально-экономический лагерь; гегемоном этой коалиции была определенная классовая группа. Это не значит, что в рядах того и другого блока не было разногласий. Но, если вы откажетесь от установления основных классовых сил, ведущих борьбу, вы вынуждены будете заявить, что в столкновении пестрой массы политических групп играли роль случайные моменты: борьба за власть и т. д. Это положение я считаю абсолютно необходимым подчеркнуть, потому что ведь надо же нам как-нибудь реализовать наше звание марксистов.

Вы утверждаете, что я говорил о робеспьеристах, как исключительно крестьянской группе. Позвольте, но почему вы совершенно отметаете то, что я говорил относительно состава Генерального Совета Коммуны. Я утверждал, что часть городской мелкой буржуазии и даже отдельные группы буржуазии поддерживали Робеспьера. Я утверждаю, товарищи, что это отнюдь не меняет моего анализа основных борющихся сил.

Лукин. Они были робеспьеристы.

Фридлянд. Лагерь Робеспьера был такой же составной коалицией, как и лагерь Комитета общественного спасения. Здесь тоже были различные классовые группы, под одним общим руководством.

Теперь позвольте обратить ваше внимание на замечания т. Куниского, потому что с моей точки зрения они имеют очень большое методологическое значение.

Что собственно хотел доказать т. Куниский? Он хотел здесь, во-первых, доказать, что и якобинцы проводили в свое время прогрессивную политику, а именно уничтожали феодализм. Это признано всеми. И соответственная часть моего доклада, а главное моя статья о июне—июле 1793 года доказала, что они вели эту политику. Но если вы этим хотите сказать, что наша революция состоит из «буржуазной» и «небуржуазной» революции, что наша Октябрьская революция осуществила то, чего не могла осуществить буржуазия...

С места. Пролетариат выполнил задачу буржуазии.

Фридлянд. Да, пролетариат выполнил задачу, но выполнил эту задачу, как часть своей революции. Это не одно и то же. Когда Маркс говорит, что Конвент осуществил буржуазные задачи революции «плебейским способом», то этим он хочет подчеркнуть ту мысль, что якобинцы не имели своей самостоятельной классовой программы, положительной программы. Тоже говорит и Ленин: «в требовании черного передела (мы имеем) реакционную утопию обобщить и увековечить мелкое крестьянское производство, но в нем есть... и революционная сторона: именно, желание смести посредством крестьянского восстания все остатки крепостного строя».

Куниский. Вопрос заключается в том, что является основным.

Фридлянд. Таким образом, позвольте вам сказать, тов. Кунисский, что якобинцы выполнили прогрессивную часть своей программы, уничтожив

феодальные пережитки, но этим они создали лишь условия для развития буржуазного порядка. Выполнив одну часть своей программы, уничтожив вместе с буржуазией феодальный порядок, робеспьеристы попробовали весной 1794 г. осуществить вторую часть своей программы, о которой я говорил, как об утопической программе.

Я с сожалением должен отметить, что мои оппоненты совершенно оставили вне поля зрения своей критики основную часть моего доклада: анализ социально-экономического законодательства, хотя они и хвалили ее. Они не возразили ни против одного моего положения о природе внутренних противоречий этого законодательства, но тем самым ценность их аргументов катастрофически падает, потому что все то, о чем они говорили, является вопросами побочного порядка. Уважаемые оппоненты обрушились на след. положения моего доклада: с весной 1794 г. наступило некоторое относительное (по сравнению с прошлыми месяцами) ослабление продовольственной нужды, некоторое оживление (спекулятивного характера) торговли и промышленности. Но играют ли эти положения решающую роль в моем докладе? Тем более, что я все время говорил о неизжитом голоде и продовольственных бунтах, о жалобах предпринимателей на стеснения хозяйственной деятельности. Допустим, однако, что здесь ахиллесова пята моего доклада. Что противопоставили оппоненты моим аргументам?

По продовольственному вопросу т. Моносов в своей статье, помещенной в журнале «Революция и Культура», указывает, что 9 термидора было между прочим ответом на исключительный продовольственный зажим с весны 1794 г. Если здесь нападали на мое положение, об ослаблении продовольственного кризиса, то следует ли считать, что мои оппоненты и тов. Лукин солидаризируются с «теорией зажима». По всей видимости, мы имеем здесь дело с противоречивыми марксистскими взглядами.

Одни утверждают, что мы в эти эпоху имели жестокий голод, хуже, чем это было зимою II года, а другие отмечают, в это же время ослабление законодательства о максимуме, связанное с временным улучшением продовольственного положения страны. Я утверждаю категорически и вы, Николай Михайлович, докажите, что это не так,—что мы, марксисты, до сих пор относились достаточно пренебрежительно к экономическому материалу по истории революции, а между тем это есть один из существеннейших моментов в нашем споре. Вот доказательство: во всех русских публикациях речи Робеспьера от 8 термидора, все места о конфликте между Робеспьером и Камбоном по вопросу о финансах, опущены. Они опущены и в ваших книгах. Как это случилось? На эти вопросы никто из вас не обратил внимания. Это об'ясняет нам и ту неразбериху, которая здесь выявилась при оценке марксистами вопросов экономической истории революции, продовольственного вопроса. Мы находимся в плену у немарксистских школ изучения революции и недостаточно внимательны к экономическим процессам, которые суть основные процессы революции.

Тов. Лукин утверждает, что продовольственное положение страны с весны 1794 г. резко ухудшились, об этом,—заявляет он,—свидетельствуют многочисленные жалобы на продовольственную нужду. Тов. Лукин, жалобы эти поступают беспрерывно, начиная с 1792 г., но вы не сосчитали количество этих жалоб для того, чтобы утверждать, только на этом основании, об ухудшении продовольственного дела. Но мы знаем ряд документов, которые сообщил нам Матьез в «La vie chère», и, которые я цитировал, свидетельствующие о противоположном. Если мы с вами пойдем по пути цитирования подобных документов, мы не найдем решения вопроса, поставленного вами. Часто жалобы были вызваны стремлением добиться дальнейшего ослабления максимума, добиться его отмены. Нам с вами пришлось бы заняться анализом этих «жалоб» и только тогда решать вопрос. Вы говорите;

в это время надо было кормить города и армию; государство было бессильно это выполнить, и это свидетельствует об обострении продовольственного вопроса. Но вы этим только доказываете, что в это время продовольственные комитеты и государство были бессильны выполнить огромную задачу по снабжению армии и городов, что попытка создания центрального продовольственного комитета для налаживания единой государственной системы не удалась, что это было крахом попыток государственного регулирования хозяйства. Это бесспорно. Но отвечает ли это на вопрос о расширении частного рынка. Ослабление максимума означало торжество товарного хозяйства, его расширение. Это-то и послужило причиною ослабления продовольственного кризиса весною 1794 г. по сравнению с летом и зимою 1793 г. Но Н. М. Лукин не опроверг моих рассуждений, не привел фактов, свидетельствующих о том, что накануне термидора произошло сужение товарного хозяйства, а, следовательно, обесценил те «жалобы», на которые он ссылался. Н. М. признает, ведь, что Конвент пошел навстречу крестьянству своими весенними декретами о максимуме. Что же, эти уступки крестьянину породили отказ от подвоза хлеба в города? Все это мало убедительно...

Н. М. Лукин считает, что об ухудшении продовольственного положения в эти месяцы свидетельствует и рост забастовочного движения в стране, что забастовочное движение весной II года было вызвано продовольственным кризисом. Это значит совершенно не учитывать того обстоятельства, что рабочее движение в это время вступило на следующую ступень своего развития. Я категорически утверждаю, что известный нам всем материал убеждает нас в том, что стачечники жаловались в Коммуну и в Конвент не на продовольственную нужду, а на низкую заработную плату и бесконечно длинный рабочий день; на борьбу с этими требованиями пролетариев и было направлено рабочее законодательство Конвента и распоряжения Коммуны.

Тут было дано еще другое об'яснение под'ему рабочих стачек,—победа на фронтах и успокоение Франции. Но, позвольте, забастовки начались еще до решительных побед. В тяжелые месяцы продовольственной нужды мы имеем дело с продовольственными бунтами, но не со стачечным движением. Это было доказано еще Тарле. Вы утверждаете, что под'ем стачечного движения относится к моменту, по вашим словам, катастрофического ухудшения продовольственного положения. Но где доказательства этому? Я воздерживаюсь от загромождения моего заключительного слова фактами; отсылаю вас к книге Матьеза, к главам, посвященным рабочему вопросу. Но одно очевидно: сведение всей социальной борьбы весны 1794 г. к ухудшению продовольственного положения упрощает вопрос, потому что не об'ясняет нам своеобразие классовой борьбы с жерминаля II года. Если Франция все еще оставалась «осажденной крепостью», то почему неизбежно было ослабление диктатуры, в том числе и экономической диктатуры?

Возражения подобного же рода выставлены были против моих замечаний об оживлении промышленной деятельности. Но опроверг-ли кто-нибудь из выступавших здесь сообщенные мною факты о деятельности Комитетов и Конвента в этой области? С весны 1794 г. началась отмена всякого рода ограничений производства предметов роскоши, и предприняты были энергичные меры для возрождения предприятий Лиона и других городов юга; в эти месяцы были также отменены все ограничения экспорта предметов роскоши. Тов. Фрейберг утверждает, что издание этих декретов подготовлялось еще с зимы 1793 г. Аргумент не лишен остроумия, но, т. Фрейберг, я говорю не «о подготовке к изданию декретов», а о самих декретах. Я ссылался в своем докладе также на оживленную работу предприятий по вы-

работке вооружений в это время; я отмечал меры по оживлению торговли; изменение характера войны, и т. д., и т. п.

Но оппоненты прошли мимо этих фактов. Александра Дмитр. Удальцова не удовлетворили мои указания на значительное количество петиций, поданных в это время в Комитеты по вопросу о восстановлении предприятий, о субсидиях, и т. д. Но почему протоколы Комитета торговли и сельского хозяйства, свидетельствующие о росте промышленного строительства, о требовании предпринимателей, почему этот документ, т. Удальцов, следует игнорировать? Конечно, было бы лучше, Ал. Дм., если бы я мог представить вам цифровую таблицу об итогах промышленного развития весною 94 года, но я думаю, что вы от меня этого, при данном состоянии экономической истории революции, не потребуете. Тов. Удальцов, наконец, готов согласиться, что в эти месяцы имело место оживление промышленной деятельности, но оно было вызвано фактором суб'ективным, близостью победы и надеждами буржуазии. Я считаю, что более влиятельным фактором было падение курса ассигнаций, которое послужило стимулом для под'ема промышленности. Этот фактор сыграл решающую роль в оживленной распродаже буржуазных имуществ и вообще хозяйственном под'еме весной II г. Это не психологический, не суб'ективный, а об'ективный фактор. Ал. Дм. апеллирует к диалектике. Но я спрашиваю, почему вы пред'являете это требование мне, разрешите его пред'явить вам. Я в своем докладе совершенно ясно сформулировал следующее положение: с весны 1794 г. следует отметить относительное, по сравнению с предшествующим периодом, улучшение хозяйственного положения страны, и одновременно недовольство теми, еще не уничтоженными препятствиями для дальнейшего развития сельского хозяйства, промышленности и торговли, которые, в интересах буржуазного развития, были уничтожены только после 9-го термидора. В этом смысле и интерес поступающих в Комитет «жалоб» и требований скорее восстановить нормальные положения дел. Такие «жалобы» насчитываются десятками.

С места. Правильно, верно.

Фридлянд. С весны 1794 г. мы констатируем определенный рост классовых сил буржуазии, стремящейся поскорее ликвидировать мелко-буржуазные реакционные эксперименты робеспьеристов и Революционного правительства. И тут я перехожу к последнему вопросу, крестьянскому вопросу. Собственно это есть основной спорный вопрос по докладу, но ему было уделено сравнительно мало внимания. Мое утверждение об аграрном «уклоне» мелко-буржуазных проектов Робеспьера оппоненты вырвали из общей связи всех моих рассуждений о глубоких противоречиях экономического законодательства; с торжествующим криком «он разрушает традиции», они прошли мимо основных положений доклада. Что опровергают мои уважаемые оппоненты? Рост удельного веса крестьянской проблемы с весны 1794 г.? Стремление робеспьеристов в это время осуществить свою программу республики «равных товаропроизводителей», их пристальный интерес и предпочтение земледельческих коммун городским поселениям, или, наконец, своеобразие их мелко-буржуазной, реакционной программы и борьбу мелкой буржуазии с капиталистической программой? Или, быть может, сама постановка вопроса неправильна: робеспьеристы были носителями «буржуазных идеалов»? Но тогда в чем исторический смысл 9-го термидора? Быть может, Робеспьер хотел осуществить программу «соц. революции»? Оппоненты не защищали ни одной из этих постановок вопроса.

Ал. Дм. Удальцов дал правильное обоснование и толкование вопросу об условиях, способствовавших росту интереса к крестьянской проблеме весною 1794 г., он об'яснил это перспективами урожая. Об этом говорил и я в докладе. Он готов со мной согласиться, что влияние крестьянства на Кон-

вент было в это время значительным, он согласен даже признать, что робеспьеристы в значительной мере отразили в своей программе это влияние, он готов даже признать, что может итти речь об «аграрно-эгалитарном» уклоне робеспьеризма. Между нами нет, таким образом, принципиальных расхождений. Спор идет только о конкретной оценке этих явлений. Вы находите, А. Д., что я, увлекаясь, излишне обобщаю, утрирую свои положения; но между вами и Ник. Мих., я обращаю ваше внимание на это, нет согласия по этому решающему вопросу наших споров. Собственно мы спорим о существовании эгалитарных тенденций в аграрном законодательстве эпохи. Н. М. Лукин утверждает, что оно таковым не было, что оно удовлетворяло интересам «кулацкого крестьянства». Подтвердил ли это мой оппонент опровержением моего анализа декретов, речей и предположений с жерминаля 1794 г. или Н. М. ссылается только на постановления об ослаблении максимума? Но он раньше отрицал значение и этих декретов для изменения продовольственного положения Франции весною 1794 г. Разве Робеспьер в данном случае был представителем кулаков? У Н. М. эта мысль была центральной в его возражениях. Но он ее не конкретизировал. Он уделил больше внимания побочным вопросам. Но у меня следующее возражение против трактовки Робеспьера, как представителя «кулацкого крестьянства»: что могло в таком случае послужить причиной разрыва между робеспьеристами и термидорианцами? Основной спор между ними был по вопросу о пределах капиталистического накопления. И в этом случае «кулаки» были частью буржуазного, термидорианского блока. Они боролись с Робеспьером, потому что он ставил преграды этому накоплению своими эгалитарными проектами. «Фрагменты» Сен-Жюста не были «кулацким» трактатом. «Левая, правая, где сторона», это трудно понять после сегодняшних выступлений. Для тов. Фрейберг—Сен-Жюст был эгалитаристом, а Робеспьер им не был. Этот взгляд защищает и т. Куниский. Но если между Робеспьером и Сен-Жюстом была значительная разница во взглядах на эгалитаризм, то что их тогда об'единяло, что сделало из них одну политическую группу, идущую на эшафот? Куниский готов себе облегчить свою задачу, заявляя: эгалитаризм—одно, а фактическое равенство—другое. Что вы понимаете под «фактическим равенством» — коммунизм, аграрный закон,—тогда это бесспорно. Но кто утверждал, что Робеспьер, Сен-Жюст были сторонниками коммунизма, аграрного закона. Под эгалитаризмом мы понимаем в данном случае совершенно определенное понятие: речь идет о создании республики земледельцев, «равных товаропроизводителей».

Отрицая эту оценку робеспьеристов, моим оппонентам следовало бы указать другое, что выделяло их в рядах якобинцев, но это не было ими сделано. Неужели для марксистов приемлем вывод тов. Фрейберг, что не следует различать в рядах мелкой буржуазии никаких социальных прослоек, а надо просто сформировать нашу мысль «по-куновски»: якобинцы-идеологи мелкой буржуазии. Все тогда будет просто и ясно, и никто никаких претензий не пред'явит, и в «учебниках» все будет благополучно.

Кто был носителем этой теории, этой теории республики «равных производителей»? Я это неоднократно подчеркивал, товарищи: идеалом для эгалитаристов было середняцкое хозяйство. Оно для них не было общественной силой, которая в союзе с бедняцкими слоями деревни строит социализм и обороняет республику под руководством пролетариата, а единственной опорой для борьбы в союзе с городскими ремесленниками против буржуазной олигархии для осуществления идеального государства «равных собственников». Может быть, по созвучию слова «середняк» кто-нибудь скажете: «аналогия»! Но не следует забывать, что у нас идет речь о XVIII в.

Мои оппоненты настаивают на том, что для меня робеспьеристы ничего общего не имеют с городскими ремесленниками. Это измышление. Никто из вас не опроверг тот факт, что после вентозовских декретов в декрете 10 флореаля вопрос о социальном обеспечении городских низов был снят с обсуждения Конвентом или во всяком случае поставлен во вторую очередь.

Если я неправильно об'яснил этот декрет, противопоставьте ему правильное толкование.

Любопытно, что уважаемые оппоненты обошли молчанием мое толкование отличий Камбона, Барера и Робеспьера в вопросах финансовой политики, в частности по поводу значения декрета о консолидации пожизненной ренты для распродажи земель национального фонда; они прошли мимо доклада Изоре о земледельческой политике Конвента, где совершенно точно обрисован тот тип крестьянина, который он считает идеальным; мои оппоненты вместо этого заявляют, что я говорил «вообще» о «реакционном, рутинном крестьянстве», даже вандейском крестьянстве, по словам А. Д.. Я отнюдь не претендую на то, что всегда правильно толкую исторические документы, что знаю «все» исторические документы. Я отнюдь не страдаю пороком доцентской и кастовой, академической среды. Но, будьте добры, раз'ясните, в чем моя ошибка в толковании доклада Изоре. Я дал здесь анализ «фрагментов» Сен-Жюста. Доказали ли вы, что это случайный документ, не характерный для анализа данной проблемы в данную эпоху. Нет, вы прошли мимо. Или для нас, марксистов, все эти социально-экономические вопросы не имеют никакого значения и нам следут остаться в орбите вопросов террора, борьбы за власть, и т. д., и т. п.

Я заявил, что для меня ряд экономических вопросов этой эпохи остался неясным, невыясненным (даже в вопросах финансовой политики,—за что вы меня хвалили), но вы в своих выступлениях, к сожалению, ничего не прибавили для уяснения этих вопросов, и в этом основной грех нашей дискуссии.

Мои оппоненты пытались утверждать, что я в своем докладе заявил, будто робеспьеристы совершенно игнорировали вопросы торговли, промышленности, словом город. Познакомьтесь со стенограммой моего доклада, и вы убедитесь, что я сообщил ряд фактов противоположного характера. Напомню только доклад Сен-Жюста 26 жерминаля. Но в то время, как Я. Захер берет его отдельно, вырывает его из общей связи робеспьеристских идей, я отмечаю внутренние противоречия мелко-буржуазной утопии. Я совершенно точно сформировал, в чем бессилие реакционной утопии робеспьеристов, которые, стремясь, с одной стороны, к эгалитаризму, к созданию государства земледельцев «равных товаропроизводителей», в тоже время подрывали базу под этим обществом, становясь на точку зрения капиталистического развития торговли и промышленности.

Но у меня спрашивает тов. Фрейберг: когда Робеспьер выступал по экономическим вопросам в это время? Я уже указывал и повторяю, что Робеспьер без всякого основания утверждал 8-го термидора, что он не занимался изучением конкретных вопросов экономической политики. Это не соответствует исторической правде: в речи 8-го термидора, как мы видели, Робеспьер уделил не мало внимания экономическим вопросам. Правда, все выступления Робеспьера с весны 94 г. имеют один основной лейтмотив—Робеспьер говорит только о «морали», о «религии», громит атеизм, философов-материалистов. Но за этой философией таилось конкретное содержание, это было обоснование и политической программы действия. Культ Верховного существа есть философские обоснования грядущего общества—«равных товаропроизводителей». Это философия мелкого буржуа, реакционная по своему существу. Философская система Робеспьера была, в конечном счете, обоснованием его экономической программы.

А затем, предполагаете ли вы, что выступления Сен-Жюста, живо интересовавшегося экономическими проблемами, можно отделить от Робеспьера? Что же их тогда, спрошу я снова, об'единяло? Нет, мы в лице Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона, имеем дело с одной политической группой, идеологами части французского крестьянства и городской мелкой буржуазии конца XVIII в., эпохи домашинного производства, предполагавших возможным противопоставить капитализму «справедливый общественный строй», где богатые не исчезнут, но бедные будут уважаемы. Робеспьеристы потерпели поражение 9-го термидора не потому, что они во II году вместе с собственнической Францией уничтожали феодализм, а потому, что они теперь против буржуазии пытались осуществить свой идеал эгалитарного государства.

Кончая и подводя итоги дискуссии, я должен поблагодарить товарищей за указание ошибок моего доклада. Я хочу надеяться, однако, что не только это будет результатом доклада, а что он будет толчком для более внимательного изучения социально-экономической истории Революции.

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ

Ал. Иоаннисиани

Рабочие книги по обществоведению

(5, 6 и 7 годы обучения)

Программные искания, заполнившие годы, когда намечались общие контуры школьного строительства, не прошли даром. Различные редакции программы ГУС'а, многочисленные ее местные варианты, энергичные программные «приспособления» в отдельных школах—все это в конечном итоге свидетельство небывалой в истории школы опытной проверки теоретических построений.

Вряд ли следует удивляться, что практика не раз оказывалась в противоречии с теоретическими директивами. Налегание на комплекс при недостаточном изучении вопроса, когда с комплексом связывались представления и о системе, и о методе, и о построении учебного матерала, приводило на практике к невероятному хаосу и путанице. Практика ставит проблемы, требующие серьезного и длительного изучения и вместе с тем дает неисчерпаемый запас исключительно ценных материалов для разрешения этих проблем. Было бы большой близорукостью предполагать, что несозвучие практики с теорией—исключительно результат традиционной педагогической косности, органически противящейся новаторству.

В учете практики программ ГУС'а этот момент, конечно, играет самую незначительную роль. Подтверждением является то обстоятельство, что ГУС под давлением опыта неоднократно возвращается к программам, видоизменяет их составные части и внешний облик, приспособляет их к требованиям быстро усложняющейся жизни.

Несоответствие с требованиями жизни особенно сказалось в усиленном отставании школы в области навыков.

Комплекс, плохо и уродливо понятый, кустарно осуществленный, превращался местами в какой-то «фетиш», «в нечто запутанное, в какой-то педагогический кунштюк» (Н. К. Крупская) и заслонял всякие навыки, не исключая и трудовые.

Особенно тяжко дался «комплекс» в школе II ступени. Спервоначала ретивые «комплексисты» стали «увязывать» все по всем разрезам и сваливать в одну кучу все отрасли школьного обучения. От этой «увязки» погибала литература. Историческое познание сводилось к календарным справкам. Это «завоевание» дало повод в связи с требованиями введения «диалектического

Примечание редакции. Разделяя то мнение, что рабочие книги по обществоведению представляют собою первую попытку строгого согласования учебной книги с требованиями программ по обществоведению, Редакция считает. что широкая общественная оценка этих книг является необходимым этапом на пути к дальнейшему улучшению дела преподавания обществоведения в наших школах. Вот почему редакция охотно помещает рецензию тов. А. И., хотя и не разделяет все ее положения. В то же время редакция обращается ко всем работающим над вопросами обществоведения в школах II ступени с просьбой принять участие через журнал в общественном рецензировании рабочих книг.

обществоведения» Жаворонкову заявить, что «в настоящее время опять, наверное, в последний раз (разрядка моя. *А. И.*) зашевелились историки в надежде, что история будет восстановлена в своих правах. Однако напрасные надежды. Если они вчитаются в программу (т.-е. Гус'а. *А. И.),* то они увидят к своему ужасу, что в ней нет даже Великой французской революции» [1]. Решительный «методист» отражал здесь настроение традиционной рутины, сводил жизненную сущность комплекса к догматической форме, что, конечно, исключало возможность «изучения самих явлений, их внутренней закономерности, внутренней логики их развития» [2]. Для того, чтобы показать, как на практике преломлялась пагубная «методическая» болтовня, я приведу описание урока в семилетке.

Тема «Крепостное право» [3].

Преподаватель.—Откуда взялись цари?

Ответ.—Это были князья, богатые люди (поправляется), нет, это были славяне. Князья пришли со своими дружинниками, через них князья собирали оброки.

Препод.—Так. Ну, продолжай, где старались селиться славянские племена?

Ответ.—Они селились там, где были речки, возле Киева и обдирали всех, кто ехал.

Преподаватель.—Где проходил Великий водный путь?

Ответ.—По Волге.

Препод.—Нет, возле Киева. Ну, а ты не помнишь о периоде смутного времени?

Ответ.—При Иоанне Грозном (поправляется), нет при Дмитрии Донском (рассказывает). Когда Иоанн Грозный заболел, то у него был сын, глуповатый, он его убил, а потом отыскали бродягу в Польше и решили поставить его царем (продолжает рассказ о Лжедимитрии, о Борисе Годунове).

Препод.—Как развивалось царское государство? (вдогонку). Довольно ли было население царем?

Ответ.—Нет.

Препод.—Конечно, нет, ясно, он ведь был из богатых.

Ответ.—Крестьяне начинают бастовать еще при первом царе, например Стенька Разин, Пугачев, но забастовка им не помогала, а злила помещиков, и крестьянам было еще хуже.

Препод.—Да, это только ухудшало положение крестьян. Что делалось с хозяйством России?

Ответ.—Хозяйство ухудшалось, так как брали большую аренду.

2-й ученик.—Нет, за крестьянами не следили, а потому хозяйство падало.

Препод.—Верно. Ну, С-а, скажи, чем занимаются в сельском хозяйстве?

Ответ.—Промышленностью, сельским хозяйством, огородничеством...

2-й ученик (добавляет).—И удобрением полей.

Препод.—С-а, как разделяется хозяйство?

Ответ.—На техническое и химическое.

Препод.—Нет, на зерновое. Где занимаются сахарной свекловицей? (вдогонку). Почему наш сахар был дешевле за границей, какая причина?

Ответ.—Сахар наш был добрее, крепче.

Препод.—Не верно.

Ответ.—За границей сахар выделывается машинами.

---

[1] «Борьба за обществоведение», сборник, изд. «Мир», 1925 г., стр. 27.

[2] Н. К. Крупская. О комплексах. Программа для первого концентра школ II ступ. Гиз, 1925, стр. 6.

[3] «Просвещение Сибири», № 3, 1927, стр. 20—21.

2-й ученик.—Потому, что за границей всего было много, потому он был дешевле.

Препод.—Нет, ребята, акциз был большой, русские брали, а наш сахар шел без акциза. Ну, ладно, давайте двигаться вперед. Вот мы с вами всего касались, теперь—всегда было общество такое, как сейчас?

Ответ.—Нет.

Препод.—В период разделения государства русского, что появилось (ждет; ответа нет)? Не знаете—феодализм, затем были формы хозяйства—новое, натуральное, капиталистическое (идет разговор о формах).

Конечно, подобные прыжки от Рюрика до акциза на сахар в течение 45 минут—кривое зеркало комплекса. Но эта кривизна обязывает. Практика пестрит подобными «уроками».

Таким образом не только положительный опыт, но и отрицательный беспрерывно уточняют вопросы, требующие безотлагательного разрешения.

Одним из таких вопрос является «тяжелое состояние преподавания обществоведения в школах II ст.» и в частности ненормальная постановка исторического образования.

Если всмотреться в программы ГУС'а 1923 г. («Белая книга»), 1925 г. («Красная книга») и 1927 г., нетрудно установить эволюцию, проделанную этими программами согласно требованиям практики.

Программные варианты 1927 г. (лето)—завершение первого этапа не прекращающихся исканий в области организации учебно-производственных планов наших трудовых школ. Историческая часть этих программ, конечно, отличается от предыдущих и стремится дать связное представление о закономерности исторического развития. Вопреки ликованию Жаворонковых, в этой программе французской революции отводится столько внимания, чтобы понять эпоху борьбы буржуазии против феодализма. Так же и другим историческим темам.

Программные текучесть и неустойчивость создавали условия, при которых школа не могла ограничиться помощью одного какого-либо пособия. Приходилось обращаться за содействием ко всевозможным справочникам, случайным газетным статьям, к целой библиотеке пособий, книг, многоименных политграмот, серий хрестоматий, курсов и пр.

Вряд ли надо удивляться, что именно в годы буйных исканий программ рынок заполнялся до отказа все новыми и новыми хрестоматиями.

Задания по обществоведению пестрели лоскутками отрывков, избранными мыслями и афоризмами, высказываниями классиков, документами, статистическими схемами, диаграммами и пр. Редко какое задание обходилось одним-двумя пособиями. И в результате—такой же лоскутизм в голове: обрывки смутных воспоминаний, мелькание имен и названий, цифр и столбиков. Какой разительный «комплекс»!

Это многокнижие, дававшее явно неудовлетворительные результаты, заставляло искать выходов из положения. Школа пускалась в «широкие» обследования, начиная от «Динамо» и «Гужона» и кончая извозчичьими дворами и случайно подвернувшейся молочницей с бидонами.

При проработке темы «Рабочий и крестьянин» обследовательским способом предлагалось ученику VI группы поговорить с крестьянами, приехавшими из деревни, — откуда они, зачем приехали, долго ли поживут и т. д.

Для выяснения связи большого города (Москва) с деревней заставляли учащихся той же группы, проходя по улицам Москвы в разное время дня, наблюдать, в чем выражается связь города и деревни, отмечать крестьян, занятых на постройках, на починке мостовой, доставляющих в город продукты питания, уголь, дрова и т. п.

«Рано утром посетите вокзалы во время прибытия поездов и понаблюдайте приезд в город крестьян. Зачем они приехали, что привезли? Поговорите и запишите, откуда они приехали» [1].

По авторитетному утверждению подсекции подростков ГУС'а, все, чем школа при преподавании обществоведения пользовалась до настоящего времени, фактически не было приспособлено к уровню учащихся школ II ст. и к тому об'ему знаний по обществоведению, которые в ней должны даваться [2].

Программы ГУС'а 1927 г. стабилизировали свое существование на ряд лет. Это обстоятельство позволило подсекции подростков организовать работу в спешном порядке по составлению учебников по этим программам.

Результатом этой спешной работы явились рабочие книги по обществоведению по 5-му, 6-му и 7-му гг. обучения по городской школе II ст. [3].

* * *

Рабочая книга пятого года состоит из трех разделов: 1) город (городское население, его состав и основные занятия; рабочий класс до революции и теперь; город, его жизнь и управление до и после Октябрьской революции); 2) деревня прежде и теперь (деревня, мелкие и крупные сельские хозяйства; крестьянское хозяйство до революции и при советской власти; управление и жизнь деревни прежде и теперь; крепостное право и Пугачевщина; реформа 1861 года); 3) связь между городом и деревней (хозяйственная связь; город как организующий центр советской власти, культурная связь города с деревней).

Рабочая книга шестого года состоит из десяти глав (промышленный переворот; промышленность в СССР; транспорт; хозяйственное строительство и союз рабочих и крестьян; промышленность и рабочий класс до революции; промышленность и рабочий класс при советской власти, французская революция XVIII в.; рабочее движение в Западной Европе первой половины XIX века; рабочее движение в России в конце XIX и в начале XX вв.; революция 1905 г.).

Рабочая книга седьмого года содержит тоже десять глав: мировое хозяйство и империализм в конце XIX и в начале XX века; рабочее движение в эпоху империализма; II Интернационал; Россия в годы реакции и революционного под'ема (1906—1914 гг.); мировая война 1914 г.; Февральская ре-

---

[1] Из практики преподавания обществоведения (сборник). Гиз, 1925, стр. 58.

[2] Из предисловия к рабочим книгам по обществоведению.

[3] Рабочая книга по обществоведению для пятого года обучения. Составлена под общим руководством подсекции подростков Научно-политической секции ГУСа авторами: Станчинским, А. П., Шенбергом Е. Е., Аникиным, П. А. и Вирской, И. Л., под общей редакцией тов. Станчинского, А. П. Гиз, М. Л., 1927, стр. 237. Тир. 60 000 экз., ц. 1 р.

Рабочая книга по обществоведению. Шестой год обучения. Составлена под общим руководством подсекции подростков Научно-политической секции ГУСа. Авторы: Дахшлегер, Котрохов, Моносов, Смушков, Шуцкевер. Под общей редакцией тт. Минца и Моносова. Гиз, М. Л., 1928, стр. 350. Тир. 50 000 экз., ц. 1 р. 50 к.

Рабочая книга по обществоведению. Седьмой год обучения. Составлена под общим руководством подсекции подростков Научно-политической секции ГУСа авторами: Кабо, Эссеном, Генкиной, Хавинсоном, Литвиновым, Шульманом и Вольфсоном. Под общей методической редакцией А. И. Стражева. Гиз. М. Л., 1927, стр. 350. Тир. 40 000 экз., ц. 1 р. 45 к.

волюция 1917 г.; Октябрьская революция; гражданская война (после Брестского мира); советский строй как переходный от капитализма к коммунизму; мировое рабочее движение после империалистической войны; очередные задачи Советского государства на пути к коммунизму.

При составлении рабочих книг не выдержано методическое единообразие.

В пятом и шестом годах не даются методические пояснения, библиографические указания носят случайный характер. В пятом году статьи не подразделяются на подзаголовки в тексте (такое подразделение, конечно, облегчает процесс усвоения).

Вопросы подытоживающие и контрольные вопросы для самостоятельной работы называются в пятом году—«заданиями», в шестом—«вопросами и заданиями», в седьмом—«задачами и вопросами». Только в книге шестого года указываются авторы, написавшие отдельные главы книги. Иллюстративный материал хуже всего по выполнению и по содержанию в книге пятого года («Тайный митинг», стр. 53). «Крестьянский бунт» (стр. 190) больше напоминает воскресник, а не бунт. Здесь же необычайное обилие «жестоких» картин, впрочем возбуждающих не отвращение, а игривое настроение при рассмотрении (примитивное изображение, не фигуры, а «рожи»). Некоторые рисунки (5-й год, стр. 192—«Выколачивают налоги») просто непонятны. Схема «Как выбирается советская власть» по своей нагроможденности способна вызвать превратное представление у детей о якобы необычайной сложности структуры Советского государства (одних только кружков от избирательного собрания до Всероссийского с'езда 19, а линий, их соединяющих, что называется «вдоль и поперек»—34—35).

Комплексирование материалов по современности и по истории дается в искусственной форме. Это относится особенно к 6-му году. Здесь за главой «Промышленный переворот» (преимущественно Англия XVIII в.) следуют главы «Промышленность в СССР, транспорт и пр.».

Связей между XVIII в. и типами хозяйственных предприятий в СССР в книге не дается даже словесных. И, конечно, целесообразнее сделали бы составители, если бы главу «Промышленный переворот» §§ 1 и 2 поставили перед главой VII и таким образом не разрывали бы систематического изложения закономерно развивавшихся исторических процессов введением пяти глав, посвященных хозяйственным проблемам современности.

На практике, конечно, промышленный переворот XVIII века будет прорабатываться на своем месте. В пределах годичной программы практика дает приемлемую планировку и группировку материала.

Иначе неизбежен совершенно непонятный головокружительный скачок из XVIII в. прямо в XX и снова из XX в. такой же непонятный скачок в XVIII в. В этом отношении книга 7-го года отличается многими преимуществами: здесь дается диалектическое обществоведение, осмысливается неизбежность победы пролетариата в грядущих боях на фоне закономерно развертывающихся событий.

Рабочие книги рассчитаны на самодеятельность учащихся. Однако это требование не во всех книгах выдержано четко. Некоторые задания носят характер ребусов: «попробуйте придумать какое-либо дело, хотя бы маленькое, которым вы могли бы оказать помощь трудящимся!» (5-й год, стр. 87). Целесообразнее было бы детей 12 лет навести на такое дело, указать хотя бы один пример такого дела; иначе непонятно, каким это трудящимся и какую помощь должен оказать 12-летний школьник.

Нередки случаи, когда даются задания, а не указываются источники, откуда взять материал для выполнения этого задания, или если даются источники, то в общей форме. («Подыщите примеры, показывающие сплоченность и организованность рабочих крупной промышленности—такие примеры

можно найти в «Пионерской Правде» и в журнале «Пионер»—в описаниях борьбы рабочих против капиталистов» (5-й год, стр. 35). Здесь не указываются не только номера газеты и журнала, где можно найти необходимые материалы, не указываются месяцы, даже годы издания. Приходится думать, что школьник должен рыться в громадных кипах газеты и журнала и выуживать там сведения, ему необходимые. Таких указаний, конечно, лучше не давать.

Говорить положительно о педагогической продуманности подобных заданий вряд ли следует. А между тем такие задания встречаются очень часто во всех трех рабочих книгах. Учащийся предоставляется самому себе в поисках за материалами, ибо и учитель в таких случаях не всегда может притти ему на помощь.

Рабочие книги не отличаются легкостью и доступностью: они несомненно перегружены даже в основном тексте. Материал этих книг нигде не дозирован во времени. За исключением книги 7-го года, учащийся не получает данных, необходимых для организации индивидуального учета и учета коллектива.

Правильная мысль о необходимости привлечения художественной литературы, насыщающей однообразие текста эмоциональным материалом, получила в книге пятого года недостаточно яркое осуществление: приводимые в небольшом количестве отрывки из литературной прозы и стихотворения не отличаются большой художественностью (см. стих. «Сортировщица гвоздей», «Токарь» на стр. 17 и 18).

Исторические процессы, изучаемые рабочими книгами, обезличены, почти анонимны. Исторических лиц не видно. Изредка мелькнет один, другой и исчезнет. Это одинаково касается всех эпох: отдаленных и близких. В Великой французской революции, которой посвящено около 35 страниц в книге 6-го года, вскользь упоминаются 3—4 лица.

В подсобных материалах, облегчающих усвоение исторического текста, не последнее место занимают хронология и географические сведения. Однако ни в одной из книг не приводятся таблицы сравнительных хронологических дат, не выделяются годы значительных событий и пр. Географические названия, иногда мало известные (примерно, город Труа), остаются почти всегда без пояснения.

Ни одной карты по истории Европы, ни одной карты в книгах пятого и седьмого годов обучения. Имеются только две карты России в тексте, касающиеся эпохи революции 1905 года.

Такой пробел вряд ли вызван какими-либо соображениями, имеющими веский характер. Надо было за счет многих ненужных иллюстраций дать ряд карт, освещающих наиболее характерные исторические эпохи.

Как правило, методические пояснения, материалы и пособия предназначаются для ребят. Однако некоторые указания имеют в виду учителя, в особенности при рекомендации дополнительной литературы. Это смешение нецелесообразно. Рабочая книга не может обслужить и учителя, и учащегося: ее основная задача помочь организации, при обязательном участии преподавателя, самостоятельной работы только учащегося.

В книге седьмого года рекомендуемые пособия, за небольшими исключениями, анотированы. Некоторые анотации вызывают законные недоумения. Примерно: Флеровский «Мировая война»—небольшая брошюра, пригодная для чтения (стр. 106). Рекомендация книги без ее полного паспорта ничего не стоит. Необходимо обязательно дать точное название книги и автора, место, год и наименование издательства. Рабочей книге надо, конечно, отказаться от курьезных характеристик типа «пригодна для чтения». Насколько известно, книги, не пригодные для чтения, давно решено из'ять из употребления.

В книге 6-го года анотации пособий отсутствуют. Зато во многих случаях (в темах по русской истории) указываются страницы.

Это большое и нужное облегчение труда школьника. Это надо сделать и в рекомендуемых пособиях для 7-го года. Иначе получается анотированный каталог.

Для освежения текста, для его оживления, представляло бы большой смысл в числе книг рекомендовать школьникам художественные произведения для внешкольного чтения, иллюстрирующие изучаемую эпоху. Эти указания неизмеримо ценнее, чем советы учащемуся прибегнуть к помощи словесника («Подберите художественный материал вместе с преподавателем родного языка и разработайте текст»—стр. 268, 6-й год).

Большое значение имеет привлечение в качестве иллюстрирующего пособия исторические кинопостановки, пьесы из репертуаров различных театров, диапозитивы, плакаты, карты и пр. Кое-что из этого материала имеется в книге (6-й год). Однако эффект получается незначительный, так как подобные сведения даются случайно и без системы.

В книгах имеются повторения. В разных книгах приводится рассказ Серафимовича со слов ткача Моисеенко о стачке в Орехово-Зуеве в 1885 г. Описания карательных экспедиций и пр. Цитаты, как правило, приводятся без указания источников и авторов.

Некоторые книги представляют не единое целое, не рабочую книгу, а сборник статей, где авторы не совсем спелись друг с другом и даже не знают своих соседей. Это относится преимущественно к книге 6-го года обучения.

И все-таки самая слабая из трех книг—это книга для 5-го года. Надо сказать, что она по недоразумению названа рабочей. Это—типичный учебник вида политграмоты. Книга не пропорциональна в своих частях. Исторические экскурсы в область крестьянского вопроса занимают 80 страниц; рабочий класс до революции 6—7 страниц. «Крестьянская история» дается в систематическом изложении (правда, методом «выемки» то из одной эпохи, то из другой), а рабочий вопрос излагается на нескольких примерах, при этом ничего не поясняющих. О заводе Гужона говорится, что построен он 50 лет с лишком «франц. подданным Ю. П. Гужоном». Далее узнаем, что сей муж заставлял рабочих работать за грошевую плату и от эксплоатации их труда получал большую прибыль и быстро богател. На этом кончается история Гужона. О Сормовском заводе узнаем, что он был основан в 1849 г. капиталистом Бенардаки и что там строили суда и было много рабочих. Не говорится только, богател этот Бенардаки, а если да, то как—быстро или медленно. Далее идет рассказ о том, как вообще плохо жилось рабочим и хорошо жилось капиталистам. Много «жалких» и общих слов говорится о положении рабочих в России (если бы то же сказать о Персии, дело от этого нисколько бы не изменилось). Рассказы большей частью написаны аляповато, не возбуждают настроения (за исключением великолепного рассказа Серафимовича об орехово-зуевской стачке) и не дают конкретных исторических представлений, лишены динамичности и образности. Больше политграмотических схем и рассуждений. Задания в этой части отличаются трудностью, скучны, непонятны, и, пожалуй, не достигают цели.

Приведем одно задание и то в части: возьмите Кодекс законов о труде, розыщите в нем разделы: X (о рабочем времени), XI (о времени отдыха), XII (об ученичестве), XIII (труд женщин и несовершеннолетних), XIV (охрана труда) и отметьте статьи, в которых говорится о соглашении с профсоюзом и т. д. (стр. 78).

«Крестьянский» отдел книги в ее исторической части описывает крепостное право в XIX в. в двух-трех примерах, взятых у Щедрина и др., и на основании их предлагает учащимся ответить на следующий вопрос: «Могли ли продержаться крепостные порядки, если бы государственная власть с ее поли-

цией, войсками, судами, чиновниками и пр. не защищала бы помещиков и не помогала бы угнетать крестьян». Ответ естественно может быть «да» или «нет». Имеет ли какой-либо смысл подобное задание?

«Ориентировав» таким образом ребят в крепостном праве, рабочая книга внезапно дает значительный крен назад... на целых 600 лет. Описывает Русь, далее возникновение и развитие торговли, закрепощение крестьян, разорение крестьян и бегство их на Дон, и, наконец, восстание Пугачева.

Прежде чем перейти к подробному описанию восстания, составители предлагают учащимся прочитать выдержки из «рассказов» (!) Пугачева, чтобы понять, чего он добивался.

12-летний мальчуган должен осмыслить манифест Пугачева: «всех моих верноподданных рабов желаю содержать в моей яко то от бога дарованной мне милости; всякого человека тех, которые ныне желают быть в моем подданстве и послужить по самопроизвольному желанию и пр.». На целой печатной странице приводятся пугачевские тексты без какого-либо комментария, разбора. Составители не потрудились даже пересказать хотя бы вкратце своими словами содержание документа, которого школьник 5-й группы не в состоянии понять ни в какой степени. Как в других местах, так и здесь диковинный документ завершается заданиями: «что Пугачев обещал крестьянам, казакам и рабочим, что сказано в прочитанных вам отрывках об отношении Пугачева к тем, кто грабил население» и пр.

Такие «методы» шаблонизируют работу учащихся, т.-е. приучают учеников к автоматическому зазубриванию непонятного текста.

От пугачевщины, которой посвящается большой и подробно написанный очерк, составители переносятся к реформе 1861 года; от реформы 61 года—к капиталистическим фабрикам начала XVIII в., откуда доходят снова к 61 году и далее к 80 годам. Капиталистический Запад совершенно исключен из 5-го года.

Книга 6-го года составлена хорошо, написана доступным и живым языком. Русская часть методически разработана лучше и полнее. Связи с предыдущей книгой не имеется. Изложение здесь начинается с Запада, с эпохи изобретения машин. Даже трафаретные упоминания о том, что мы делали в прошлом году—здесь оказались излишними и, если б были сделаны, оказались бы не у места.

Это, конечно, свидетельство, характеризующее программные недочеты.

Книга 7-го года находит возможным и естественным связать свое начало с проработанными в 6-й книге материалами. Установление такой связи само напрашивается.

Исторический материал книги 6-го года преимущественно касается истории революционных движений в Европе и в России и в частности истории рабочего движения.

Совершенно выпадают декабристы, народническое движение, Северо-американские соединенные штаты, Восток, заговор «Равных», аграрный переворот в Англии. В части западно-европейской истории мало прагматизма. Примерно, в очерке о Великой французской революции нет рассказа о том, как происходила и развертывалась революция. Вся революция дана схематически и то только в Париже.

Несогласованность отдельных частей этой книги сказалась в несоответствии утверждений о роли буржуазии в революции на стр. 175 и стр. 349. Последнее утверждение о том, что «буржуазия об'явила непримиримую борьбу духовенству, дворянству», неточно, ибо буржуазия быстро нашла общий язык и с дворянством и с духовенством.

Книга седьмого года обучения составлена методически правильно. Некоторые главы написаны блестяще. Захватывающе описывается гражданская война. Жаль, что нехватает здесь любопытной карты этой войны.

И по книге 7-го года считаем необходимым сделать несколько замечаний.

Глава третья «Россия в годы реакции и революционного под'ема» написана тяжелым языком.

Несколько примеров:

«На первый план была выдвинута репрессивная деятельность» (стр. 75).

«Огнем и мечом, свинцом и виселицами добилось оно (кто?) торжества».

«Устраивали резню инородцев (что за термин!) при поощрении и под покровительственной защитой полиции» (стр. 81).

После 3 июня 1907 г. оказывается царская власть снова остается «неограниченным властелином».

Государственная дума называется собранием народных представителей (без кавычек). Рабочим и крестьянам «невтерпеж» было при царских порядках.

Царское правительство все время усиливалось, царская власть, как видели, «сделалась неограниченным властелином», и вдруг, ни с того, ни с сего «пошатывается трон».

Один из параграфов озаглавлен—«Жонглирование соглашателей и Керенского» (стр. 162). «Рабочие начинают просыпаться. До 1910 г. у рабочих было оцепенение» (стр. 85).

В главе «Октябрьская Революция» сказывается, что «врачи и те обрушились на октябрьский переворот» (стр. 174), что «презрением, с которым обрушились ... газеты на рабоче-крестьянское правительство, не имело границ; в другом месте «противоречия вокруг Африки» должны были привести к войне», «имела место вражда интересов», негодуют «против Германии», существуют «конкуренты в отношении флота», «благоденствие английских рабочих» и пр. В изложении прошедшее время кстати и некстати переплетается с настоящим. Примеры стилистических неточностей, неправильных оборотов речи, неудачных построений, предложений можно встретить почти на каждой странице.

В методических указаниях говорится о необходимости хорошей работы по географии (а какая именно работа нужна—ответа нет), рекомендуется подобрать и проработать ряд цифровых данных (а каких не говорится). Второй Интернационал, по заявлению составителя, прорабатывается главным образом на сравнительном изучении важнейших документов. Какие документы, как их проработать, как методически целесообразнее их разобрать, где ихи взять, в каком количестве и об'еме, как можно изучить школьнику эпоху по одним документам—все это остается тайной рабочей книги.

Указание о том, что очень важна вступительная беседа, надо было дополнить и иллюстрировать хотя бы кратким планом такой беседы

В качестве одной из форм учета предлагается (стр. 106) применить анкету для письменных ответов. Совершенно не выясняется, что это за анкета. Как и кем она должна быть составлена? Какие задачи ставит анкета—стимулирует ли к новой самостоятельной работе или преследует цели самоконтроля? Может, анкета—разновидность текстов?

Во всех этих случаях требуется большое умение и большой опыт при составлении вопросов и разделов анкеты. Эта работа, конечно, не по плечу рядовой семилетке. Может быть, вообще сомнительная польза от этих анкет. Как бы то ни было, сложность предложения, казалось, подсказывала необходимость приведения примерной анкеты.

Задачи и вопросы для дополнительной и проверочной работы не всегда средактированы удачно и понятно.

Примеры:

1) «В чем были слабые стороны революции 1905 г.».

Непонятно, о каких «слабых сторонах революции» может итти речь.

2) «Сравните террор царского правительства с террором западноевропейской буржуазии в 1848 и 1871 г.г.».

Вопрос поставлен в слишком общей форме, обширен по содержанию и вряд ли получит удовлетворительное разрешение. Непонятно, какой буржуазный террор 1848 г. надо иметь в виду: французский, прусский, австрийский?

3) «На какое политическое значение реформы (закон Столыпина) правительство рассчитывало».

Стилистическое оформление вопроса нельзя признать удовлетворительным. Самое предложение сформулировано по типу загадки.

На-ряду со сложными вопросами, требующими кропотливой большой работы, зачастую без указания каких-либо материалов, вопросами, расширяющими рамки основного текста, встречаются вопросы, повторяющие учебник или предопределяющие ответ.

Масса выражений и слов остаются без пояснений.

Несколько иллюстраций:

«Расширила straits settlements», Гулльский инцидент, Марокксский конфликт, Казабланкский инцидент (стр. 52—53); война против герреро, Демидовская мануфактура (где?), Георгиевский баталион, генерал-ад'ютант и пр.

Это замечание относится и к книгам 5 и 6 годов. Масса слов и выражений и здесь недоступны учащимся: «циклопическая мельница», «вальцы», «целкаш», «громоздкий», «допотопный», «секция», «конституция», «декларация», «эшафот», «богадельня», «петиция», «чужеземные штыки», «энтузиазм», «ядром» («партия, ядром которой были депутаты»), «популярный», «козни», «тиран», «сидели на высоких скамьях» (?), «король стянул к Парижу войска» и пр.

Книга 7-го года не дает описания хотя бы в общих чертах войны 1914 г., Февральской революции в Москве, провинции и на фронтах, краткой характеристики политических партий и политгазет эпохи Февральской революции, нет отдельного описания приезда В. И. Ленина.

В отделе документов надо было дать «Апрельские тезисы». График на 78 стр. («Стачечное движение в России за 1895—1916 г.г.) вряд ли окажет какую-либо помощь для выяснения поставленной задачи. Он необычайно нагроможден. На небольшом поле по вертикальным подразделениям и горизонталям, а то и без всякой системы (оказалось свободное место) нанизаны непонятные цифры (условных обозначений не имеется), трудно читаемые, а некоторые и вовсе не поддающиеся разбору. По середине поля ввысь тянутся неведомые вышки, конечности которых поясняются словами:

«9 января», «Роспуск Гос. думы», снова «9 января» и т. д.

Над цифрами 1905 и 1906 высится шпиль, названный «Октябрь революция» (?).

Что это за «Октябрь революция»—предоставляется пытливой фантазии школьника. Здесь же разнообразные столбики, обозначающие: Россия, Англия, Германия, по всей России, по Петроградской губернии, по Московскому уезду. А под ними таинственное слово «южные».

Вряд ли нужно доказывать, что подобные графики по меньшей мере бесцельны.

Основной пробел рабочей книги 7-го года—это почти умышленное игнорирование проблемы Востока. О Турции, Персии, Афганистане, Китае и Японии учащиеся из семилетки унесут самые смутные и туманные представления.

«Засилие» Запада об'ясняется, конечно, школьной традицией. Настало время умерить это «засилие» и больше обратить внимания на изучение истории и современности наших восточных соседей и их борьбы против наседающего империализма «цивилизованных наций».

* * *

Рабочие книги по обществоведению—громадное достижение и крупные новинки в области учебно-методической литературы.

Они—первые попытки методического и литературного оформления обществоведческих программ ГУС'а, отражающих основные принципы советской педагогики.

Исторический сектор гусовских программ несомненно обеспечивает будущие успехи марксистского исторического образования в наших школах. Правда, много еще предстоит работ по выпрямлении исторической линии.

Разбор «Рабочих книг» подтверждает мнение подсекции подростков ГУС'а, что в последующих своих изданиях они потребуют серьезных дополнений и переработок. Необходима тщательная проверка их с точки зрения и педагогических требований.

Издание рабочих книг для школы, конечно, является выдающимся событием, своего рода исторической датой.

Рабочие книги несомненно окажут решающее влияние на методически целесообразную организацию работ по обществоведению в семилетке.

С живейшим интересом и исключительным под'емом в текущем 1927—1928 учебном году школа работает и не без успеха по этим книгам. С новой такой значительной помощью школа сумеет изжить тяжелое состояние, в котором обреталось обществоведение, тот самый уголок школьной работы, который дольше других хранил схоластические традиции.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ: Н. Лукина, С. Красного, В. Рахметова, А. Лозовина. ОБЗОРЫ: Т. Зайделя, И. Завитневича, Ст. Бобинского. ОБЗОРЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ: И. Звавича, А. Васютинского, А. В. Шестакова. РЕЦЕНЗИИ: С. Куниского, П. Щеголева, П. Щ., А. Молока, Л. Райского, В. Невского, М. Нечкиной, Н. Бухбиндера, Д. Баевского, С. Сефа, М. Югова, О. Лидака, Вл. Шумилина, П. Галузо, Л. Мамета.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

О НОВОЙ КНИГЕ МАТЬЕЗА: „LA TERREUR".

Collection Armand Colin (Section d'Histoire et Sciences économiques). La Révolution Française par Albert Mathiez. Tome III. La Terreur. (Paris 1927).

Названная работа проф. Матьеза, виднейшего из современных специалистов по истории Великой революции, охватывает период господства монтаньяров—от революции 31 мая — 2 июня 1793 г. до 9 термидора II г. (27 июля 1794 г.) и распадается на 14 глав. Из них первые пять посвящены федералистскому восстанию, образованию второго Комитета Общественного Спасения, августовскому кризису 93 г., сентябрьскому движению среди парижской демократии, положившему начало диктатуре КОС, террористическому режиму и вырвавшему у Конвента декрет о всеобщем максимуме; обеспечившему левому крылу монтаньяров преобладающее влияние на правительство; наконец,—реорганизации армии Конвента, обусловившей первые серьезные победы республики на фронте. В гл. VI—XI автор прослеживает дальнейшую эволюцию революционного правительства, дает характеристику революционной юстиции, излагает борьбу робеспьеровцев с их противниками справа и слева, закончившуюся разгромом гебертистов и дантонистов. Гл. XII—XIV посвящены периоду фактической диктатуры КОС и 9 термидора.

На протяжении каких-нибудь 223 стр. небольшого формата (in 16°) автор сумел дать максимально сжатую, яркую и в то же время разностороннюю характеристику периода якобинской диктатуры, притом основанную на последних научных достижениях в истории Великой революции. Несмотря на популярность изложения и отсутствие, так называемого, ученого аппарата, работа имеет самостоятельную научную ценность: здесь не только подводятся итоги ранее опубликованным специальным исследованиям автора, или популяризуются полученные им выводы, но и дается оригинальное, основанное на свежем материале освещение ряда других проблем или сторон революционного процесса (см., напр., интересные данные о движении среди парижских металлистов и оружейников, требовавших в вантозе и мессидоре II г. повышения заработной платы (стр. 153, 171—172), о настроении в провинции после 9 термидора (222—223) или мало изученной деятельности парижских народных обществ (стр. 97).

Проф. Матьез нельзя отнести к последовательным сторонникам исторического материализма, но влияние марксистской мысли, несомненно, сильно чувствуется в его работе. Оно сказывается и в интересе к социально-экономической истории революции, и в стремлении найти материалистическое об'яснение того или иного исторического явления или факта, и в реалистической оценке самого революционного правительства, террористического режима и т. п. Матьез впервые вскрыл важное значение так называемых вантозовских законов (147—9), хотя, как нам кажется, и преувеличил их социальный смысл, усмотрев в проектах Сен-Жюста попытку осуществить «новую социальную революцию». создать «эгалитарную республику», где не было бы ни богатых, ни бедных (р. 200, 222). Чрезвычайно любопытна и попытка рассматривать знаменитый закон 22 прериаля, как средство, с помощью которого робеспьеровская группа хотела сломить саботаж К. О. Безопасности в деле применения вантозовских законов: максимально быстрое «истребление врагов революции», к которым причислялась неопределенно широкие группы лиц, должно было подготовить таковую компенсацию собственности (201—202). Антиробеспьеровское настроение парижских рабочих 9 термидора автор совершенно правильно об'ясняет тем недовольством, которое вызвала таксация заработной платы Коммуной. опубликованная всего

за четыре дня до переворота. Каменьщики и портные секции Unité поговаривали о забастовке, а 9 термидора стали на сторону Конвента. В тот же день на Гревской площади состоялось рабочее собрание, на котором было выставлено требование изменения ставок заработной платы, а во время следования на казнь членов робеспьеровской Коммуны из толпы раздавались крики: «к чорту максимум» (стр. 221—222).

Матьез прекрасно понимает относительную ценность буржуазной демократии и неизбежность нарушения ее принципов в обстановке гражданской и внешней войны. С этой точки зрения он подходит к оценке деятельности народных представителей в миссии (см. стр. 66—69) или отступлений от выборного начала. «В период внешней и гражданской войны,—говорит Матьез,—выборные чиновники ненадежны: действительно, даже в разгар террора, когда выборное начало было упразднено, попадались революционные комитеты, в которых заседали перекрасившиеся аристократы» (р. 66). А вот как начинает Матьез главу о революционной юстиции: «Едва ли можно найти примеры, — говорит он, — когда в стране, охваченной внешней и гражданской войной, правительство не прибегало бы к ускоренной и упрощенной юстиции, чтобы положить конец сношениям с неприятелем, заговорам и мятежам» (78). «Как правило,—говорит он в другом месте,—революционеры разили (врага), чтобы не быть сраженными самим. Всюду, где они не были достаточно сильны,—в Вандее, Марсели, Лионе, Тулоне,—революционеров казнили без пощады. Они были, таким образом, в состоянии законной самообороны» (р. 90). О неизбежности террористической политики в период диктатуры Матьез говорит в таких выражениях: «Диктатура одной партии или класса обычно устанавливается только насильственным путем, в военное время это становится необходимостью. Жеррар был фатальным спутником революционного правительства» (77).

Нельзя, однако, не отметить, что именно потому, что проф. Матьез не разделяет целиком историко-материалистической точки зрения, его суждения о причинах раскола внутри монтаньяров кажутся нам мало убедительными. Почему после издания вантозовских законов, когда робеспьеровский КОС, казалось, резко повернул курс влево, он не сплотил вокруг себя всех подлинно-революционных сил и в том числе гебертистов? Потому, отвечает, Матьез, что Гебер ничего не понимал в экономических вопросах; к тому же линия поведения гебертистов определилась в большей мере их «самолюбием и мстительностью», чем стремлением осуществить известную социальную программу. Впрочем, оговаривается Матьез, у гебертистов и не было своей линии «социальной политики» «в настоящем смысле того слова» (р. 150—151). С последним замечанием едва ли можно согласиться, если не разуметь под термином «гебертисты» только Гебера и узкого кружка его ближайших друзей. Сам Матьез употребляет это понятие в обычном, более широком, смысле (левое крыло якобинства, оплотом которого была Коммуна и клуб Кордельеров); но в таком случае нельзя приписывать всей фракции левых якобинцев того легкомысленного отношения к социально-экономическим вопросам, которое, действительно, характерно для Гебера. Почему бы не привлечь для социальной характеристики этого течения социальных взглядов Шометта? Но о нем Матьез вообще почти не упоминает. Вообще можно сказать, что борьба фракций внутри монтаньярства не рассматривается Матьезом, как неизбежное следствие развития классовых противоречий и классовой борьбы, хотя именно его работа дает много фактического материала для марксистски выдержанного об'яснения этой борьбы и ее конечного исхода.

С другой стороны, в матьезовской характеристике различных течений внутри монтаньярства заметно сказывается его увлечение Робеспьером. Реабилитация этого подлинного вождя революции (в ее якобинской фазе) и развенчание Дантона (этого кумира современных французских радикалов) составляет бесспорную научную и политическую заслугу Матьеза. Но когда в его оценках течений, стоявших левее робеспьеровского, чересчур чувствуется отношение к этим течениям самого Робеспьера,—это уже серьезный минус. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на ряд мест, касающихся «бешеных». «Народные коноводы («meneurs») — Леклер, Ж. Ру, Варле — претендуют на наследство Марата, который указывал при жизни на их к о н т р-р е в о л ю ц и о н н ы е (разр. моя.— *Н. Л.*) п р е у в е л и ч е н и я» (р. 19). В другом месте, говоря о трудном положении правительства в августе 93 г., Матьез пишет: «Н а р я д у с б е ш е н ы м и (разрядка моя. *Н. Л.*) оставшиеся в Париже жирондисты и скрытые роялисты пытались использовать продовольственную нужду, чтобы развязать крупное движение, направленное сначала против Коммуны, а потом и против Конвента (р. 29). Он ставит в заслугу Робеспьеру то, что тот «избавил революцию от демагогии бешеных», этих «сеятелей недоверия», «зачинщиков насилия и анархии» (р. 31). без всяких оговорок Матьез цитирует речь Робеспьера, где Ру и Леклер клеймятся,

как «наймиты врагов народа», злоупотребляющие именем Марата; где бешеным бросается ничем не обоснованное обвинение в подготовке новых «сентябрьских зверств» (р. 32). Приведенных цитат, думается, достаточно, чтобы доказать, что Матьез смотрит на бешеных в значительной мере глазами их злейшего противника—Робеспьера. То же можно сказать и про отношение Матьеза к гебертистам и Клоотцу (см. 96—7, 99, 155—6).

Иное дело Робеспьер, которым руководят не партийные интересы, а интересы революции в целом (130); поэтому все, что он делает, разумно, целесообразно, достойно истинного революционера. Максимум, революционную армию, навязанные ему снизу, «демагогией», он «принял, скрепя сердце» (100,4). Он желает единения всех революционных сил и употребляет все усилия, чтобы не допустить раскола среди якобинцев (131). Он хотел «держаться на равном расстоянии, как от Моморо, так и от Филиппо» (ibid.),—говорит Матьез; но сам же рассказывает дальше, как Робеспьер спас, в свое время, Дантона от исключения из якобинского клуба; поверил доносу Фабра на друзей Клоотца (109), проявил очевидную политическую близорукость во всем деле Фабра и К° (114—15); сыграл на руку бившим на раскол между «центром» и «левой» дантонистам, допустив исключение из Якобинского Общества Клоотца (170—1); и только после выхода в свет № 3 «Старого Кордельера» разглядел всю опасность оппозиции справа (126—127).

В заключение два слова о 9 термидоре. Матьез превосходно выявляет социальные корни термидорианства, «крестьяне, которым надоели реквизиции и подводная повинность; рабочие, истощенные хроническим недоеданием и ожесточившиеся в борьбе за уровень заработной платы, в котором закон им отказывал, торговцы, наполовину разоренные нормировкой цен; рантье, разоренные обесценением ассигнатов; за видимым спокойствием накипело глубокое недовольство». Благоденствовали лишь обширные кадры новой бюрократии, да фабриканты, работавшие на оборону» 173/174). Но этот правильный подход к выяснению основных причин 9 термидора, как-то затемняется потом преувеличенным значением, которое автор придает раздорам между К. О. С. и К. О. Б. и склоке внутри самого К. О. С. (см. 193—195) и наконец знаменитому выступлению Робеспьера 8 термидора,— выступлению, которое было неожиданно предпринято без ведома Сен-Жюста и Кутона, и срывало примирение между робеспьеровцами и «левыми», с таким трудом достигнутое всего за несколько дней перед тем (210—213, 215—216, 223).

И все же глава о 9 термидоре дает чрезвычайно любопытный фактический материал, мало известный читателям, незнакомым со специальными исследованиями автора по этому вопросу.

Несмотря на отмеченные дефекты, новая работа проф. Матьеза представляет большой интерес как для специалистов, так и для широкого круга читающей публики. Остается пожелать скорейшего перевода ее на русский язык.

Н. Лукин.

О КНИГЕ МАРКСА БЕЕРА «ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА И СОЦИАЛЬНОЙ БОРЬБЫ»

Книга эта заслуживает пристального внимания со стороны критики не потому, что обогащает научное знание какими-либо новыми открытиями, не потому, что содействует уточнению ранее известных формул и характеристик, а главным образом, вследствие своих вопиющих недостатков, из-за невероятного количества ошибок и извращений, в ней содержащихся. Чтобы удовлетворительно разрешить поставленную в книге задачу—дать историю социальных движений и социализма от античной древности и до наших дней—автору необходимо иметь: 1) продуманную, отчетливо формулированную историческую концепцию; 2) достаточную ориентацию в вопросах социально-экономической структуры и идейной жизни тех отдельных стран и народов, о социальных движениях которых повествует автор; 3) вполне ясное и законченное определение предмета исследования, и, наконец; 4) точно и заранее установленную терминологию. Нечего и говорить о том, что в книге, предназначенной для популярного чтения, сугубое внимание должно быть обращено на пропорциональное распределение материала. Оно (распределение) должно производиться в полном соответствии с историческим значением и практической важностью каждой из излагаемых систем или движений.

Мы с сожалением констатируем, что эти, необходимые для составления хорошей книги, качества автор указанного «труда» обнаружил в весьма недостаточной степени. Материал в ней распределен вопиюще неравномерно. В книге 556 страниц; из них социализму в XIX и XX в.в., т.-е. социализму в собственном смысле слова,

посвящено лишь 170. Отмеченная нами непропорциональность частей книги тяжелей всего отражается на последних двух отделах, лишая их совершенно какого бы то ни было научного значения. Материал в этих частях книги расположен хаотично, беспорядочно, изложение изобилует грубыми ошибками и извращениями; о каких бы то ни было достоинствах, скрашивающих безотрадное впечатление, создающееся при чтении последних отделов книги, говорить не приходится. Но прежде чем перейти к разбору ошибок, допущенных автором при изложении той или иной системы, мы разрешим себе еще ряд общих замечаний о рецензируемой работе.

Книга поражает крайней расплывчатостью и неопределенностью терминологии, а вместе с тем и предмета исследования. Уже при первом беглом знакомстве с ее содержанием поражаешься необычайному обилию имен в ней упоминаемых. На ряду с бесспорными творцами социалистических систем (Платон, Мор, Оуэн и т. д.) мы встречаем в книге имена авторов, мало к социализму причастных,—вроде Цицерона, Смита, Бентама, наконец, Шекспира, Лессинга и т. д., и т. п. Этот необычайный размах, эта широта не только не помогает читателю ориентироваться в идейной среде, питавшей и взрастившей социализм, но, наоборот, вконец путает его. Читатель бродит в мире идей, как в дремучем лесу, а неясность и случайность употребляемой автором терминологии лишает читающего всякой надежды выбраться оттуда. Беер совершенно не различает понятий коммунизм, потребительский коммунизм, эгалитаризм, отсюда необычайное смешение их, приобретающее сплошь и рядом комический характер. Если поверить Бееру, то получится, что спартанский царь Агис был первым мучеником «коммунизма» (!), а Бабеф выступал в «Tribune du Peuple (?)» за земельную реформу и демократию (?!) и закончил жизнь мучеником с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к о й и д е и (подчеркнуто нами. *С. К.*). 24 мая 1797 (стр. 353)[1]. Нами взяты для большей выразительности два комических эпизода, но и в случаях, менее вопиющих, мы повсюду сталкиваемся с полной неясностью, неопределенностью и случайностью терминологий и характеристик. Как правильно отмечает в своем предисловии В. П. Волгин, неточность терминологии у Беера никак не дело случая, она коренится в исторических взглядах автора. Беер сам себя считает, да и многие его считают марксистом, но нужно прямо сказать марксизм этот явно дефектный. «Особенности» бееровского марксизма отмечал в свое время т. Ротштейн в предисловии к книге Беера «История социализма в Англии»—работе, по своим научным достоинствам не идущей ни в какое сравнение с рецензируемой книгой—но тут эти «особенности» приобрели столь яркий характер, что изменили самое качество «марксизма»; марксизм исчез, он растворился в «особенностях».

Этот недостаток исторических воззрений сказывается уже с первых страниц книги. Во введении, где об'ясняется читателю условность принятой периодизации всемирно-исторического процесса и дается характеристика социально-экономического строя древности, автор делает следующие «открытия»: «...римляне, вообще говоря, были малоинтеллектуальным народом и ничего не сделали для дальнейшего развития религии, философии и социальных идей»... и далее... «казалось, всю свою духовную энергию римляне тратили на войны, порабощение других народов и создание права собственности».

Если бы даже эти утверждения имели под собой твердый фундамент исторических фактов, то и в этом случае историку-марксисту следовало бы в п о п у л я р н о й работе об'яснить читателю, почему же римляне были мало интеллектуальным народом»... но «страшен сон, да милостив бог»... римляне все же и по части интеллектуальных занятий кой в чем себя проявили. Можно было бы говорить об известной несамостоятельности духовного творчества римлян, об огромном влиянии греческой культуры, о заимствованиях и т. д., но это, конечно, не похоже на «мало интеллектуальный народ».

Приведенной характеристикой римлян не исчерпывается, однако, круг философско-исторических откровений автора. При дальнейшем чтении мы узнаем, что римляне «первые создали империю с господствующими сословиями и покоренными народами. «Они же создали феодальный строй и институт крепостного права»... Это, написано очевидно, по недоразумению. Не мог же Беер не знать, что и тут римляне имели предшественников...

Совершенно курьезный характер имеют рассуждения Беера о древней Иудее. «В противоположность грекам,- пишет наш почтенный историк,—которые так живо интересовались конституционными вопросами и вводили у себя самые различные государственные формы, евреи пережили только один политический кризис в 1000 году, когда они перешли от родового строя к государственному и основали царство. У евреев постепенно развивалось враждебное отношение ко всякой государственной организации и власти... Ни образ действий великих держав завое-

---

[1] Между прочим орган Бабефа „Tribun du Peuple" превратился у Беера в „Tribune du Peuple" иначе „Народный Трибун" в „Народную Трибуну".

вавших Палестину, ни история великих античных империй, своими волнами захлестнувших Палестину, не могли превратить этот строгий народ, стремящийся к справедливости (подчеркнуто нами. *С. К.*), в государственных политиков». Не правда ли, какая «марксистская» интерпретация истории древней Иудеи? Любопытно, что почти за две тысячи лет до Макса Беера, другой историк социальных движений в Иудее, совсем не марксист, Иосиф Флавий не нашел у этого «строгого народа» единодушного, без различия классов и положений, стремления к справедливости, а, наоборот, очень тонко для своего времени подметил материальные основы острой классовой борьбы в Иудее.

Наряду с такого рода наивно-идеалистическими ляпсусами, мы встречаемся в книге с рядом еще более досадных ошибок, вызываемых несамостоятельностью автора в его исторических характеристиках; автор во власти Пельмановской концепции античного мира, он некритически модернизирует социальные отношения древности и в результате приходит к следующим сногсшибательным выводам: «В то время, как в Афинах, после многочисленных споров и философствований (?!), были проведены лишь некоторые реформы в интересах среднего сословия, спартанцы сразу взялись за дело и произвели у себя коммунистическую революцию» (подчеркнуто нами. *С. К.*). Читатель, прочтя о таком смелом и решительном шаге спартанцев, естественно, пожелает узнать и подробности, связанные с реорганизацией спартанского общества. Как же, в самом деле, мужественные спартанцы, презревшие афинские споры и философствование, построили у себя коммунизм? «Лакония, читаем мы у Беера, была разделена по количеству жителей на 30.000 частей, а земли, относившиеся к городу Спарте, на 9.000, так велико было число граждан! Вы поражены, читатель! Ведь даже лицом, не пишущим толстых книг по истории социализма, известно, что коммунизм не есть всеобщий передел, но мы уже говорили выше, что у Беера, по крайней мере в этой книге, нет разграничения понятий коммунизм, эгалитаризм и т. д.

Предела беспомощности и неспособности к исторической критике обнаруживает автор книги, излагая историю первоначального христианства. Он ссылается на еванргелие, как на вполне достоверный исторический документ, ни словом не обмолвившись о чрезвычайно сомнительной ценности множества свидетельств евангелистов; он трактует Марию и Иисуса, как реальные исторические личности; с совершенно серьезным видом автор рассказывает о том, как Иисус посещал еврейскую школу, как он в начале был сторонником борьбы против римского владычества, но потом, пробыв в пустыне сорок дней и сорок ночей, сделался противником всякого насилия, как Иисус, «когда вокруг него собралась большая толпа народа... взошел на гору и сказал: «Блаженны нищие, угнетенные и т. д.».

Но, даже, отвлекаясь от этих, совершенно непростительных в научной литературе промахов, мы никак не можем согласиться с авторской характеристикой социальной программы первоначального христианства, как учения о непротивлении злу. Мы думаем, что ближе к истине те, кто в христианстве (на почве древней Иудеи) видит учение бунтарское, революционно-демократическое.

Наша критика исторических конструкций Беера несколько затянулась, между тем мы перечислили лишь небольшую часть ошибок и курьезов, содержащихся в исторических рассуждениях автора. Исторические введения ко всем следующим отделам книги, если и содержат меньше ошибок, то все же никогда не удовлетворят даже самых скромных запросов. Никакой пользы читателю, на которого рассчитана книга, они принести не могут.

Перейдем, наконец, к тому, как излагает Беер социалистические системы. Несмотря, на отмеченную нами расплывчатость и недифференцированность употребляемой автором терминологии, несмотря на беспорядочное нагромождение материала и привлечение множества авторов, к социализму ни в малой степени не причастных, это лучшие места книги. Впрочем, сказанное верно лишь в отношении изложения социалистических теорий до эпохи французской революции. Бесспорный интерес представляют лишь страницы, посвященные характеристике социалистических идей древности, средневековья. Далеко не со всеми имеющимися здесь положениями можно согласиться, в частности, нам представляется весьма спорной оценка, даваемая Беером социализму Платона, тем не менее эта часть книги свидетельствует о большой работе, проделанной автором.

Иное впечатление оставляет отдел, посвященный социализму в XIX и XX веках. На небольшом количестве страниц нагромождено огромное число имен, все это дано в хаотическом беспорядке, социалистические системы собственно не изложены, а намечены лишь в самых общих чертах, в выражениях самых банальных, так что представления о системе взглядов социалиста, о социальных корнях его теории получить невозможно. При всем этом оценки даваемые автором отдельным социалистам часто спорны и ошибочны, мы укажем некоторые из них. Рассказывая о заговоре равных, Беер утверждает, что не Бабеф, а Буонарроти был «действительным творцом этого движения». Такая оценка роли Буонарроти решительно противоречит твердо установившейся до сих пор в литературе точке зре-

ния; если у автора были какие-либо веские причины утверждать иное, их следовало бы привести: в настоящем же виде переоценка, производимая Беером, совершенно не обоснована. Безусловно неприемлема, даже чудовищна характеристика Бабефа как борца за демократию и социал-демократические идеи, впрочем это отмечено нами уже выше. В ложном свете дан и Сен-Симон. По Бееру Сен-Симон—либерал-экономист, непосредственный выразитель буржуазно-промышленных интересов. Если бы это было верно, тогда не было бы понятно то огромное влияние, какое оказал Сен-Симон на последующие поколения социалистов; именно то, что Сен-Симон не был обычным и непосредственным представителем буржуазных интересов, именно то, что ему принадлежит идея планового регулирования хозяйственного процесса, «идея управления вещами»—и возвышает его над всеми прочими идеологами буржуазии, над всеми выразителями ее непосредственных интересов. Верно, что С.-Симон не был социалистом, но историческое значение С.-Симона в том и заключается, что, перешагнув за рамки буржуазной идеологии, он дал в зародышевой форме ряд важнейших социалистических принципов. Беер ничего не говорит о философско-исторических воззрениях С.-Симона. Между тем они представляют выдающийся интерес, как предвосхищение материалистического понимания истории. Мы совершенно несогласны с версией Беера об идейных корнях сен-симонизма (школы). Идея ассоциации сен-симонистов ничего общего с фурьеристской не имеет; сен-симонисты понимают ассоциацию не как замкнутую общину, а как всемирную общность, они представители централистического принципа в социализме, между тем как фурьеристы типичные общинники-децентрализаторы. Не менее спорны и характеристики других социалистов.

Вообще следует сказать, что из книги Беера нельзя вынести представления об истории социализма, как о процессе строго закономерном. Внутренняя связь систем, преемственность идей, зависимость их от той или иной конкретной исторической ситуации—все это не вскрыто, не установлено. Нельзя сказать, что автор не пытался этого сделать, но... благими желаниями ад вымощен...

Отметим, наконец, важнейшие из фактических ошибок. Общества «Amis du Peuple» и «Droits de l'homme» не были тайными обществами. Первый перевод «Капитала» на русский язык был сделан Николай -оном, а не Лопатиным, последний перевел лишь несколько глав; раскол РСДРП на большевиков и меньшевиков произошел не на с'езде в Женеве, а в Лондоне. В некоторых случаях допущено искажение имен: так, например, Джон Болл назван Джоном Булем, Франсуа-Ноэль-Бабеф—Франсуа-Ной-Бабефом, Огюст Бланки—Августом Бланки, Бюшез—Буше, но это уже не вина автора, а переводчика.

Подведем итоги. Книга в настоящем своем виде пособием для изучения истории социализма служить не может. Предисловие т. Волгина не изменяет положения; оно предупреждает читателя об ошибках и слабостях автора, но по вполне понятным причинам не содержит подробного перечня этих ошибок и промахов.

С. Красный.

ОБ ОДНОМ НЕУДАЧНОМ УЧЕБНИКЕ ПО ИСТОРИИ РОССИИ.

С. Пионтковский. Очерки по истории России в XIX—XX в.в. Лекции. Изд-во «Пролетарий», 1928. Стр. 301. Ц. 2 р. 25 к.

Книга т. Пионтковского является учебником, предназначенным, в основном, для вузовцев. Автор поставил своей целью, «по возможности, полно и систематически изложить главнейшие вопросы истории XIX—XX века» и использовал для этого огромный материал, в том числе архивный, не только печатный, но и рукописный. Отдельные вопросы освещены им с достаточной для учебника полнотой и представляют сравнительно подробное, систематическое (хотя и компилятивное) изложение «последних достижений исторической науки», с использованием почти всего известного материала. Таковы, напр., параграфы, посвященные движению декабристов, в которых автор тщательно использует недавно вышедшие материалы следственного дела декабристов, изданные Центрархивом; таков отдел внешней политики царизма, особенно в XX веке, написанный почти исключительно по новым материалам; таковы и некоторые параграфы об экономической истории России XIX века.

Полнота издания, таким образом, обеспечена. И даже порой в интересах этой полноты т. Пионтковский приводит слишком много цитат, подкрепляет архивным материалом такие положения, которые и без того являются достаточно убедительными.

Но рядом с этим достоинством в работе т. Пионтковского есть и много недостатков.

Начнем с характера книги и ее построения. Об'емистый том в 300 страниц большого формата не подразделен ни на главы, ни на периоды. Один за другим

следуют 107 параграфов, не сгруппированных вокруг какой-нибудь одной идеи или нескольких основных идей. Благодаря этому книга оказывается бесхребетной: автор перескакивает от идеологии группы «Освобождение Труда» к вопросу о роли иностранного капитала в промышленном под'еме 90 г.г., от ленских событий к разделу мира накануне мировой войны, и обрекает своего читателя на такие же прыжки, на такое же бессистемное, беспорядочное изучение истории России.

И дело не только в формальном моменте—отсутствии глав и отделов. Самые параграфы расположены, кроме того, в беспорядке. Так, рабочее движение 80-х годов отделено от соц.-демократических кружков 80-х г.г. 35-ю страницами; промышленному кризису 1900—1901 г.г. посвящено 2 параграфа на стр. 133 и на стр. 159, при чем в обоих местах речь идет, буквально, об одном и том же, и даже примеры приводятся одни и те же, и т. д. Повидимому, готовя книгу по частям, т. Пионтковский просто не просмотрел еще раз подряд всего написанного.

Книга т. Пионтковского бесхребетна и в другом отношении. Автор ее или не имеет, или не счел нужным четко формулировать свою схему, свое понимание истории России XIX—XX в.в., а, с другой стороны, он, повидимому, не согласен и с существующими схемами, в частности с общепринятой схемой т. Покровского, и в ряде вопросов расходится с Лениным.

Уже на первой странице мы встречаемся у него с такой формулировкой: «Российский промышленный организм образовался *не на пустом месте*, а сам вырос из противоположной ему формации торгового капитала». Мы имеем, повидимому, дело с небрежным определением, неточной формулировкой природы торгового капитала, но эта терминологическая небрежность может привести к серьезным теоретическим ошибкам.

Можно подумать, что т. Пионтковский считает развитие промышленного капитализма из торгового специфически русским явлением, для других стран не характерным. Между тем Ленин вслед за Марксом прямо подчеркивает, что «торговый капитал... всегда (курсив мой *В. Р.*) исторически предшествует образованию промышленного капитала и является необходимым (курсив Ленина) условием этого образования» (Собр. соч. изд. 2, т. III, стр. 135).

Во-вторых, т. Пионтковский, утверждая, что существует противоположность между торговым и промышленным капитализмом, позабыл про вторую сторону вопроса, что «торговый капитал... и промышленный капитал... представляют из себя один тип экономического явления» (курсив мой *В. Р.*) (Ленин, там же), и что поэтому «при всех прежних (докапиталистических) способах производства торговый капитал является (erscheint, в переводе неверно: «представляется») функцией par excellence... капитала» (Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 303). Уже из этих цитат видно, что противоположность между торговым и промышленным капиталом хоть и бесспорно существует, но не в той абсолютной и безапелляционной форме, как это можно подумать, на основании заявления т. Пионтковского. Кроме различия между торговым и промышленным капиталом, есть и бесспорное сходство.

Далее т. Пионтковский пишет о формации торгового капитала, противоположной капиталистической формации («формации промышленного капитализма, как иногда говорят). Понятие общественной экономической формации, как известно, неразрывно связано у Маркса и Ленина с понятием способа производства,—недаром Ленин говорит об «общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений» (собр. соч. 2 изд., т. 1, стр. 63). Бесспорно, что «торговый капитал не создает нового способа производства». Нельзя, поэтому, говорить об общественно-экономической формации торгового капитала. «Самостоятельное и преобладающее развитие капитала в форме торгового капитала равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства»,—пишет Маркс (Капитал, т. III, ч. 1, стр. 304). Торговый капитал может развиваться и на основе феодального способа производства и на основе рабства, и на основе городского ремесла, и т. д.

Мы видим, насколько недостаточна формулировка природы торгового капитала, данная т. Пионтковским, и к каким заблуждениям может она привести. Вместо того, чтобы проанализировать роль торгового капитала, как «первой исторической формы капитала, и говорить о «развитии капитала (капитала, т. Пионтковский!), на основе чуждой ему общественной формы производства», на основе феодализма и крепостничества, т. Пионтковский пишет о «формации торгового капитала», «противоположной промышленному организму» (образец его стиля). Вот куда заводит небрежное обращение с марксистской терминологией!

Не ставя своей задачей разобрать все спорные положения, выдвинутые т. Пионтковским в его книге, мы хотим показать на ряде примеров ее методологическую невыдержанность и небрежность. Остановимся, прежде всего, на характеристике барщинного и оброчного хозяйства и их взаимоотношений в конце первой половины XIX в., накануне реформы 19 февраля. «Помещичье хозяйство,—пишет он,—резко распадается на две части: барщинное хозяйство, где помещик непосредственно заинтересован в производстве товаров, и оброчное хозяйство, где помещик получает земельную ренту в денежной форме» (стр. 51). (Отметим, что уже это определение неверно. В оброчном хозяйстве помещик не всегда получает ренту в денежной форме; существует ведь и натуральный оброк).

Оброчное хозяйство (накануне реформы 1861 г. *В. Р.*),—продолжает т. Пионтковский,—господствовало в тех районах, где связь с внутренним рынком была чрезвычайно слаба, например, в Астраханской губ. оброчное хозяйство давало 87%, в центральных нечерноземных губерниях 58,9%» (стр. 51). Так, в угоду своей неверной схеме т. Пионтковский превращает Тверскую, Смоленскую, Владимирскую, Московскую и др. губернии, где было развито оброчное хозяйство, в губернии «со слабой связью с внутренним рынком». Известно, что именно в этих губерниях внутренний рынок был особенно развит, что именно развитие внутреннего рынка, развитие ремесла и отхожих промыслов в особенности привели к быстрому возрастанию оброчных хозяйств в этом районе. Т. Пионтковский буквально ставит на голову—правда без доказательств, существующую на этот счет точку зрения.

Но и к барщинному хозяйству он относится не лучше. «Быстрый рост товаризации сельского хозяйства,—пишет он,—должен был, прежде всего, приводить к р о с т у б а р с к о й з а п а ш к и и к р е п о с т н о г о т р у д а в тех имениях, которые были связаны с внешним рынком». Это положение, правильное для конца XVIII века, механически повторяется в характеристике предреформенной экономики и позволяет думать о несогласии т. Пионтковского с общепринятой точкой зрения, о том, что «быстрый рост товаризации сельского хозяйства» привел накануне 19 февраля к росту не «барской запашки и крепостного труда», а вольнонаемного труда.

Указывая совершенно правильно, что «вопрос о необходимости использовать вольнонаемный труд в имении делал самое существование крепостнических отношений в помещичьих имениях убыточным для помещиков» (стр. 53), (стиль!—«вопрос... делал необходимым»), т. Пионтковский не доказывает этого положения. Вместе с тем, чрезвычайно небрежно изложен вопрос о географическом расположении барщинного хозяйства. По мнению т. Пионтковского, в Великороссии, где был очень развит внутренний рынок, процент барщинных хозяйств доходил до 73,3%. Здесь встает, во-первых, вопрос, как примирить это положение т. Пионтковского о преобладаниии барщины во всей Великоросии с его же утверждением об исключительной роли оброка в нечерноземных губерниях, которые тоже ведь относятся к Великороссии? Во-вторых, приводится цифры (73,3%), которая относится к тем «опечаткам», которыми, вообще говоря, переполнена книга тов. Пионтковского. Игнатович, цифры которой берет автор в этой главе, дает действительно 73,3%, но не для всей Великороссии, а для Поволжья. Великороссия, в точном смысле слова, т.-е. центральный черноземный и нечерноземный район, вместе дают почти равное количество барщинных и оброчных крестьян, т.-е. 2.300 тыс. и 2.000 тыс., т.-е. 54% и 46%. Для обоснования своего положения т. Пионтковскому понадобились, как видим, неверные цифры.

Такова одна «ошибка» т. Пионтковского. Та же небрежность повторяется и в характеристике н а р о д н и ч е с т в а. Правда, четко и точно формулированной схемы автор здесь не дает, ограничиваясь в большинстве случаев простым изложением событий или пересказом их, и совершенно игнорируя ленинские замечания о социальной базе народничества. Так, автор на 20 с лишним страницах, посвященных народничеству, ни словом не упоминает о крестьянстве, как его социальной базе, и, с другой стороны, дает совершенно неправильное, не-ленинское деление народников на группы. Он считает, что революционное, якобинское, крыло народников было связано с г о р о д с к о й мелкой буржуазией и мелкобуржуазной интеллигенцией пролетарского типа, а другое—либеральное крыло комплектовалось из «уничтожающегося в процессе развития капитализма привилегированного сословия и мелкой буржуазии д е р е в н и, которая была крепкими узами связана с существующим укладом деревни и остро воспринимала то, что влекли за собой капиталистические отношения: разрушение патриархального уклада деревни, бедствие масс, эксплоатацию и т. д.» (стр. 96). Примером первого типа у него выступает прокламация «Молодой России», Ткачев, Бакунин и «Народная Воля»; примером второго типа—«Великорусс», статья Огарева в «Колоколе», наконец мирные пропагандисты-лавристы. Этой точке зрения нельзя отказать в оригинальности, но, с другой стороны, приходится пожалеть, что автор

не потрудился доказать свое деление народников на социальные группы, а не только декларировать его. В самом деле, как можно об'яснить, что бакунисты, например, были представителями городской мелкой буржуазии, а лавристы—сельской, или что «Великорусс» отражал настроения деревни, а «Молодая Россия» и «Народная Воля»—города? Это, повидимому, секрет т. Пионтковского.

Чтобы покончить с этим периодом, остановимся кратко на группе «Освобождение Труда» и «Черном Переделе». Отметим, прежде всего, фактические ошибки т. Пионтковского. Он не знает, что петербургский кружок черно-передельцев 1880 г., созданный Аксельродом, носил название «Северно-русскоѓ Общество» «Земля и Воля», не знает, повидимому, дискуссии между Плехановым и др. эмигрировавшими за границу «черно-передельцами», с одной стороны, и Аксельродом—с другой, по поводу программы, написанной Аксельродом для этого союза, и об'являет, что «программу Сев.-Русского Об-ва «Земля и Воля» черно-передельцы об'явили своей» (стр. 119), в то время, как эта программа ни в коем случае не может считаться идеологией всего «Черного Передела» и характерна только для Аксельрода, и то на определенном этапе его развития. Т. Пионтковский посвящает специальный параграф возникновению группы «Освобождение Труда», конспектируя здесь известные статьи Дейча, но путает роль отдельных народовольцев в переговорах с Плехановым и его группой. В то время, как на самом деле за соглашение с «Черным Переделом» выступал Тихомиров, а Ошанина, приехавшая значительно позднее в Швейцарию, относилась к этим переговорам недоверчиво, Пионтковский пишет, наоборот, что Ошанина приехала за границу раньше Тихомирова и начала переговоры, а Тихомиров повел переговоры вслед за ней (стр. 120). Наконец, отметим, что т. Пионтковский напрасно называет группу «Освобождение Труда» — «Группой Освобождения Труда».

Рабочее движение 90-х и начала 900-х годов и история соц.-дем. движения за это время представлены в книге тов. Пионтковского крайне слабо, чтобы не сказать—совсем не представлены. Нет перехода от пропаганды к агитации, нет почти ничего о «союзах борьбы», ни слова нет о первом с'езде РСДРП, об экономизме, об «Искре», о 2 с'езде партии, и т. д. Правда, т. Пионтковский может в свою защиту сказать, что его книга является учебником по истории России, а не по истории ВКП. Но, во-первых, нельзя отрывать историю России от истории ВКП, ибо партия играла большую роль в истории и «абстрагироваться» от истории ВКП в курсе истории России никак нельзя, а во-вторых, т. Пионтковский сам не выдерживает своей позиции, говоря о группе «Освобождение Труда» и соц.-дем. кружках 80-х г.г. и пропуская соц.-дем. кружки 90-х г.г., «Искру» и 2 с'езд, говоря о «зубатовщине» и пропуская экономизм.

Переходим к революции 1905 г. В общем и целом, революция 1905 г. изложена правильно. Однако и здесь есть некоторый «перегиб палки». Т. Пионтковский правильно подчеркивает, что в 1905 г. в основном боролись два блока: реакционный блок помещиков и буржуазии, с одной стороны, революционный блок рабочих и крестьян—с другой (стр. 156, 163 и др.). Правильно, в общем и целом, также положение т. Пионтковского, вернее, ленинское положение о контр-революционной роли русской буржуазии в революции 1905 г. (стр. 163). Ошибка т. Пионтковского в том, что он ограничивается этой постановкой вопроса, в том, что он ставит вопрос не диалектически—«как буржуазия стала контр-революционной», а механически—буржуазия, по его мнению, с самого начала была контр-революционной.

В полном согласии с этой своей схемой т. Пионтковский проглатывает целиком проблему русского буржуазного либерализма. Земское движение 1901—04 г.г., заграничный «Союз Освобождения», история партии кадетов, наконец, вообще участие и тактика буржуазии в революции 1905 г., —просто отсутствуют в учебнике. Взамен всего этого т. Пионтковский ограничивается несколько раз повторенной фразой о «перманентной» контр-революционности русской буржуазии.

Между тем Ленин вовсе не считал буржуазию контр-революционной на всех периодах революции. Наоборот, 1895—901/2 г.г. были, по его мнению, годами пробуждения либеральной буржуазии, в 1901/2—05 г.г. «политически проснувшиеся слои либеральной буржуазии»—«присоединились к открытой политической борьбе рабочих против самодержавия», в 1905 г. либеральная буржуазия «сплотилась и думала об остановке революции путем соглашения с царизмом, стала пассивной, выжидательной», вплоть до декабрьского восстания, которое окончательно сделало ее контр-революционной (см. V ленинский сб., стр. 451). Этой диалектики революционного процесса т. Пионтковский не понял. Поэтому читателю его книги трудно будет понять, почему Ленин голосовал на 2-м с'езде за резолюцию Плеханова о поддержке социал-демократами буржуазии, поскольку она является революционной или только оппозиционной в борьбе с царизмом (в самом деле, о какой подержке буржуазии могла итти речь, если она с самого начала была контр-революционной?).

Следующая ошибка т. Пионтковского относится к крестьянскому движению 1905 г. Мы знаем борьбу двух групп—сельской бедноты и кулаков за руководство крестьянскими волнениями 1905 г. Эта борьба смыкалась с борьбой за крестьянство двух классов—пролетариата и буржуазии. В одних местах инициатором крестьянских волнений выступали городские рабочие, пришедшие в отпуск домой или высланные на родину по этапу, в других—отходники, принесшие из промышленных центров весть о растущей революции, в-третьих, свои сельские рабочие или беднота. Таков один тип крестьянских волнений. Но был и другой тип, когда крестьянским движением руководила буржуазия, а во главе его стояли зажиточные кулацкие группы деревни. Великолепный пример такого руководства дает «Крестьянский Союз», принявший на своем первом с'езде, летом 1905 г., положение о выкупе помещичьей земли и высказавшийся против всяких решительных действий в борьбе с самодержавием и помещиками.

По мнению т. Пионтковского, в 1905 г. не было борьбы между пролетариатом и буржуазией за влияние на крестьянство; единственным руководителем крестьянства был рабочий класс и, в частности, сельский пролетариат в союзе с беднотой. «Руководящая революционная роль в этой борьбе (крестьян против помещиков в 1905 г. *В. Р.*), роль инициатора и организатора падала (стиль!) не на кулацкие верхи деревни, не на сельскую буржуазию, а на крестьянскую бедноту, на пролетариев и полу-пролетариев деревни»—пишет он (стр. 185). Таким образом, крестьянское движение 1905 г. изображается таким же, как движение крестьян после Октября в эпоху деятельности комбедов, даже формулировки почти дословно повторяются. Приведем типичную формулировку, повторяющую только что приведенную, но относящуюся к 1917—18 г.г. «В деревне инициатором и руководителем октябрьских выступлений являлась деревенская беднота, пришедшие с заводов рабочие—пролетариат и полупролетариат деревни. Вокруг бедноты выстраивался весь крестьянский фронт» (стр. 300). Таким образом, в освещении автора своеобразие крестьянского движения 1905 г. бесследно пропало.

Переходим к эпохе реакции. Общая характеристика этой эпохи, данная т. Пионтковским, верна, точнее, он правильно изложил ленинскую формулировку эпохи: «третьеиюньский закон явился осуществлением на практике требований союза об'единенного дворянства, он был полным оформлением дворянско-буржуазного блока» (стр. 201). Но рядом с этой ленинской характеристикой эпохи т. Пионтковский ухитряется сделать несколько «открытий». По его мнению, «буржуазия была недовольна самодержавием и вскоре уже после революции 1905 г., в 1909—10 г.г. переходит в оппозицию... Самодержавие тоже далеко было от полной удовлетворенности своим союзом с буржуазией... Если перед пролетариатом и крестьянством, как говорил Ленин, в эпоху 1908—1909 г.г., попрежнему главным врагом оставалось самодержавие, то само самодержавие (как никогда не говорил Ленин.—*В. Р.*) в тот момент видело своего главного врага не столько в пролетариате и крестьянстве, сколько, прежде всего, в растущей, требующей, вырывающей из дворянских рук аппарат власти буржуазии» (стр. 203). Так, от ленинского понимания эпохи меж двух революций т. Пионтковский переходит к меньшевистской или даже кадетской ее оценке. Ведь именно кадеты раздували всегда разногласия между октябристско-кадетской думой и самодержавием и делали вид, что именно здесь лежит стержень русской истории XX века. Ведь именно ликвидаторы считали, что в эпоху реакции проблема революции оказалась снятой и заменилась борьбой либералов с крепостниками. И именно с таким меньшевистско-кадетскими взглядами пришлось бороться Ленину и большевикам, доказывавшим, что «либерализм окончательно превратился в крепостнического пособника конституционной комедии», а «царизм эволюционирует по пути к буржуазной монархии».

Наконец, последние замечания надо сделать относительно изображения Октябрьской революции у т. Пионтковского. Здесь, прежде всего, поражает величайшая небрежность издания. «Описок» и «опечаток», которыми переполнена вся книга, становится слишком много. Напр., заседание Центр. Комитета партии, на котором впервые была принята резолюция о восстании, относится не к 10, а к 16 октября ст. стиля, хотя весь ход заседания описывается 10 октября. Петроградский Совет перешел в руки большевиков, по мнению т. Пионтковского, не в сентябре, а 16 октября; в Москве подготовкой восстания занимался Моск. Обл. Комитет, которого в 1917 г. вообще не было (было Московское Областное Бюро) и т. д. Кроме того, ему кажется, что ЦК партии большевиков накануне Октября был против восстания и, «только уступая ленинскому натиску, поставил 16 октября (16, а не 10?) на обсуждение вопрос о восстании» (стр. 295). Эту легенду, сочиненную Троцким, пора уже похоронить, особенно после опубликования Октябрьских протоколов ЦК, а не помещать в учебник.

Но если бы дело ограничивалось только этими «описками» или «опечатками», было бы еще терпимо. Основной недостаток этой главы у т. Пионтковского в том, что он не понимает взаимоотношения демократической и социалистической

революции в Октябре 1917 г. По его мнению, в Октябре 1917 г. было две революции: буржуазно-демократическая и социалистическая, движущей силой Октябрьской революции были пролетарии и массовые крестьянские батальоны» (стр. 300—301). Т. Пионтковский, хоть и цитирует Ленина, не понял, что Октябрьская социалистическая революция лишь походя, мимоходом, разрешала проблемы демократической революции.

Резюмируем: книга т. Пионтковского написана на основании проработки громадного материала, она подводит итоги долгой и, надо думать, серьезной работы автора над историей России. Некоторые главы книги дают новый и ценный материал. Но в общем она написана наспех, небрежно, в нее вошло слишком много описок, опечаток и ошибок. И, главное, автор расходится с революционным марксизмом-ленинизмом в ряде принципиальных вопросов. На этом основании от рекомендации книги т. Пионтковского, как учебника, следует воздержаться.

В. Рахметов.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ РУССКОЙ ВИЗАНТОЛОГИИ (1917—1927)

1. Роль византологии в дореволюционной исторической науке

Византиноведение царского времени выполняло чрезвычайно важную политическую и идеологическую функцию. Оно подготовляло умы и беспрерывно внушало мысль о том, что русские цари—непосредственные наследники византийских императоров, что славянская нация (читай: великорусская)—природный преемник достоинства и мощи, богатства и величия, выпавших из рук одряхлевших ромейских греков, что православная церковь—единственная носительница религиозных идеалов всего православного мира, единственный пастырь всех единоверных душ как по сю сторону, так и по ту сторону Босфора. К этому в сущности сводились все «уроки истории», которые старые византинисты давали тем, кто «ожидает дележа наследства после «опасно больного» на Босфоре»[1].

«По отношению к оставленному Византией наследству—пишет тот же автор—мы напрасно стали бы себя обманывать, что в нашей воле уклониться от деятельной роли в ликвидации дел по этому наследству. Хотя вообще от наследника зависит принимать наследство или отказаться, но роль России в Восточном вопросе завещана историей и не может быть изменена по произволу». Тут не место останавливаться на приемах исследования, на средствах и выводах, которые неизбежно вытекали из такой детерминированной точки зрения на задачи этого исследования. У непредубежденного читателя получалось необычайное впечатление от выпячивания славянского элемента на первый план во всей истории Византии, от необыкновенной гармонии в деятельности церкви и государства в Византийской империи, от высоких принципов и выдающейся культурной миссии византинизма во всем ходе общественного развития и Западной и Восточной Европы. Так писали историю старые византиноведы. Но в данном случае не это важно. Тут важно только то, что концепция Милюкова Дарданельского имела прекрасную идеологическую базу в лице византоведов всех мастей, имела в их же лице далеко выдвинутый авангард на фронте ближневосточного империализма со всеми атрибутами боевого агитпропа.

Неудивительно при таких условиях, что эта отрасль исторического познания была взыскана щедротами, на какие только были способны царское правительство и общественное мнение высших кругов. Византиноведению уделялось сравнительно достаточно внимания. Оно имело несколько своих органов и в императорской Академии Наук. С 1894 г. при Академии начал издаваться журнал «Византийский Временник»—(4 выпуска в год) под редакцией Васильевского и Регеля. Отчасти задачам византиноведения служил и другой академический орган «Христианский Восток». Печатались статьи по византиноведению и в общих «Известиях» Академии. При некоторых университетах (в Одессе, в Юрьеве) издавались свои «Летописи» или «Записки», посвящавшиеся вопросам византиноведения, не говоря уже о гостеприимном приюте, которые византологи находили на страницах «Журнала Министерства Народного Просвещения». В 1900 году в Новороссийском университете в Одессе учреждена была экстра-ординарная профессура византийской филологии, которая успела развернуть широкую научную деятельность. В 1894 году в Константинополе на средства русского правительства основан был Русский Археологический Институт, при котором и развил чрезвычайно ценную, чрезвычайно плодотворную деятельность наиболее авторитетный наш византинист—академик Ф. И. Успенский, бессменно руководивший работами Института с 1895 года до начала мировой войны. Институт собрал массу материалов и памят-

[1] Из предисловия к книге «История Византийской империи» Ф. И. Успенского, т. I, стр. XII.

ников по всем отраслям истории литературы и искусства Византии, выпустил шестнадцать томов своих «Известий», имеющих высокую научную ценность для византологов всего мира, воспитал плеяду талантливых исследователей (Б. А. Панченко, отчасти М. И. Ростовцев), вклады которых в науку византологии огромны.

И наша византология стала заметным фактором в европейской исторической науке. Некоторые области исследования молчаливо и безропотно становились монополией русских научных учреждений. Так, европейские византологи и не пытались оспаривать у русской науки первенства в изучении Константинополя, его средневековой топографии и исторических древностей. Авторитет русских ученых был чрезвычайно высок. Никто из западных византинистов не считал возможным предпринять особенно ответственные исследования, не справившись предварительно о предмете исследования у русских византологов, не изучив русского языка.

С едой, естественно, приходит аппетит. Русская византологическая наука стала ревниво оберегать завоеванные позиции. А между тем политические события, вызвавшие интерес к Турции в империалистических кругах Германии, а также и у политических деятелей Франции, неминуемо должны были указать путь и европейской византологии к разработке вопросов, давно уже занимавших историческую науку в России. В Мюнхене учреждена была специальная кафедра византийской филологии, во главе которой стал выдающийся знаток византийской литературы, ныне покойный Крумбахер, основавший и специальный орган «Byzantinische Zeitschrift». В 1907 году при Парижском университете учреждена была кафедра византийской истории под руководством тоже выдающегося знатока византийского искусства Шарля Диля. Заинтересовались византологией и другие страны, которым ничто империалистическое никогда не было чуждо. Возникли специальные византологические учреждения и в Риме, и в Лейдене и, само собою разумеется, в Афинах. Только сама-то Турция не имела достаточных научных сил на такое же предприятие в собственном доме.

Тогда русская византология, несмотря на традиции русской дореволюционной науки молчаливо смиряться перед превосходством западно-европейских научных достижений, забила тревогу. Боясь конкуренции богатых европейских собратьев, лучше вообще вооруженных и щедрее снабженных, наши византиноведы начали предупреждать: «Была пора, и это не так давно,—когда на русских возлагались надежды, что они возьмут на себя всестороннюю разработку темы о византинизме и о культурном его значении и дадут разрешение занимавшей многих загадки. Но в настоящее время, когда изучением византийской истории и литературы усердно занимаются немцы, французы, англичане, итальянцы и другие народы, когда за границей появились специальные научные органы, посвященные византиноведению, нами утрачено и, вероятно, бесповоротно, бывшее за нами право сказать новое слово в этой области» (Ф. Успенский).

В этой полной отчаяния жалобе маститого ученого слышатся одновременно и страх за будущее дорогой ему науки и упрек за прошлое той власти, которая недостаточно поддержала столь нужное для общества научное предприятие, не ввела его в план нормальной университетской программы, не учредила особой кафедры и т. д. Хотя в оправдание органов просвещения царского правительства нужно сказать, что все эти меры имелись в виду, предусматривались проектом нового университетского устава. Но, как обычно, дела делались в старое время, с этим не спешили: над нами не каплет!

Каково же действительное состояние русской византологии нашего революционного периода?

2. Византология и мировая война

Этот вопрос необходимо поставить в настоящее время на те рельсы, на которых он стоял до мировой войны. Мы знаем, что именно тогда византиноведы пели в унисон великодержавным мечтам панславистского империализма. Но мировая война еще усилила, еще сгустила этот бравурный тон на мотив: «Гром победы раздавайся!». Византологам одно время могло казаться, что участие России в мировой войне имеет в виду задачи, ими же намеченные, во исполнение программы ими же предначертанной и предуказанной. Кому же не лестно считать себя хотя бы малым винтиком мировых событий? И в результате подобных настроений византология пережила некоторую инфляцию, некоторую экспансию, вызвавшую преувеличенные ожидания.

Чтобы верно оценить современное состояние византологии, приходится отрешиться от беспочвенного оптимизма первых лет мировой войны и вернуться к status quo ante, чтобы дальнейший отход византологии назад не казался более страшным, чем он есть на самом деле. Первые годы войны дали некоторое продвижение русской действующей армии на Кавказе вглубь турецкой территории.

Это продвижение увенчалось даже захватом Трапезунта в 1916 году. И по следам армии сюда устремилась ученая экспедиция во главе с академиком Ф. Успенским для исследования Трапезунтских древностей.

Дело в том, что Трапезунт представляет собою довольно любопытную страницу в истории Византии. Когда административная система империи потеряла всякую обороноспособность против неизбежных тенденций к феодализму, к расчленению ее политического тела, к ослаблению центральной власти, к распаду ее на множество обособленных политических мирков—Трапезунтский феодальный мирок пытался играть самостоятельную политическую роль. Захват Константинополя крестоносцами в 1204 г. выдвинул крошечную Трапезунтскую империю на первый план и создал условия, облегчившие ей возможность самостоятельного существования. С тех пор она не возвращалась более в лоно византийской метрополии. И с того времени Трапезунтские цари, управляя территорией, не превосходящей своими размерами какого-нибудь небольшого уезда дореволюционной России, вели на свой страх и риск сношения с турецкими вождями, беспрерывно наседавшими на Византию, собственными силами от них же отбивались, заключали и рвали соглашения с Западно-Европейскими торговыми республиками. Находясь на стыке тогдашней Грузии, Турции, Византии, владея некоторыми пунктами северного Черноморья (Кафа—нынешняя Феодосия), находясь в постоянных сношениях с независимым крымским княжеством Феодоро, Трапезунтская империя просуществовала свыше двух с половиною веков, пережив на 8 лет взятие Константинополя, проделав в миниатюре эволюцию всей Византийской империи в целом.

Изучение истории внутреннего развития этой ближайшей к нашему Закавказью средневековой державы, владения которой начинались, вероятно, в нескольких верстах от нынешнего Батума, не могло не интересовать широких кругов ученого мира России. Зная фанатическую нетерпимость турецких властей к исследованию их национальных святынь, являющихся хранилищами рукописных и всяких иных памятников византийской старины, можно было a priori предсказать, что русская ученая экспедиция в Трапезунте наткнется на материалы, никому неизвестные и никем не исследованные. Умелое руководство начальника экспедиции Ф. Успенского обеспечивало успех предприятия, на 100%. В течение 1916 и 1917 гг. обследованы были русскими научными экспедициями все церкви и важнейшие мечети города с точки зрения архитектуры, живописи и эпиграфики. Обследованы были и другие художественные и архитектурные памятники Трапезунта. Началась экспедиция при трех участниках. Но уже вторую поездку в Трапезунт в 1917 г. экспедиция совершила в составе 7 обследователей, среди которых был и непременный секретарь Украинской Академии Наук Крымский с ученым секретарем Лозеевым. Академик Крымский собрал около 500 рукописей на арабском и турецком языках, из которых около 300 представляли научную ценность различных степеней. Некоторые интересные экземпляры коранов привезены начальником экспедиции Успенским в Академию. Под турецким тюрбе найдена усыпальница Трапезунтского царя Алексея IV, при чем останки были переданы на хранение высшим церковным властям города.

Надо сказать к тому же, что, несмотря на наличие русского гарнизона в городе, население чинило неимоверные затруднения и препятствия русским исследователям. Сотни народа под видом экскурсии, устроенной местным археологическим кружком, врывались в мечеть, где работали русские ученые, шарили по всем углам, тянули, что плохо лежало. Практиковались и кражи мешков с рукописями со взломами замков. Местные власти равнодушно наблюдали и вяло производили расследование. Характерно, однако, что экспедиции больше мешали «единоверные» греки, чем «нехристи»-турки.

Ряд научных докладов, сделанных начальником экспедиции во Всесоюзной Академии Наук, был результатом исследования Трапезунта и его окрестностей. Ряд статей высокой научной ценности в «Византийском Временнике», и в «Известиях Российской Академии Наук» освещают некоторые из итогов этой экспедиции. Но разумется, разработка добытых данных потребует еще ряда лет. Уже опубликованы, кроме названной выше статьи Ф. Успенского об усыпальнице царя Алексея IV в Трапезунте, его же работы: «Монастырские акты Иоанна Предтечи Вазелон» на основании греческой рукописи Ленинградской Публичной библиотеки № 743. Здесь в связи с работами Трапезунтской экспедиции освещаются некоторые материалы об административной системе Трапезунтской империи. Вопрос особенно интересен потому, что историей Трапезунтской империи занимались только Фалльмерайер сто лет назад и англичанин Финлей в сороковых годах прошлого столетия. С тех пор этому вопросу не уделено ни одного более или менее солидного научного исследования. В указанной работе дан сверх того обильный материал по вопросу об эволюции землевладения, собран ряд терминов для обозначения разных земельных отношений вообще и земельных участков в частности.

Стоит припомнить, какую важность имеет вопрос о проникновении феодальных начал в земельный строй Византийской империи, о корнях славянской крестьянской общины, как на территории Византии, так и за ее пределами, чтоб оценить по достоинству значение подобных материалов.

Как результат работ Трапезунтской экспедиции надо рассматривать еще целый ряд статей и докладов, не опубликованных, но подготовляемых: 1) об аллегорических изображениях в колокольне при храме св. Софии, 2) о надписи в церкви св. Иоанна на скале за городской стеной; 3) о Юго-Западной башне в Кремле, 4) о городских воротах Трапезунта, 5) о крепости и военной стоянке Лимнии, 6) о борьбе партий и внутренних смутах в Трапезунте. Последний доклад должен вызвать особенный интерес.

В связь с Трапезунтской экспедицией приходится ставить также и опубликованную статью о Трапезунтской рукописи Публичной библиотеки в Ленинграде, равно как и статью Успенского о старинной крепости на устье Чороха («Известия Академии Наук» за 1917 г., выпуск 2). Речь идет о развалинах, ныне заросших плющем, в 9 верстах юго-западнее Батума, которые местному населению известны под именем Гонии. По изысканиям докладчика, в произведениях Плиния, которому, кстати, Батум неизвестен, на устье Чороха значится Castellum Absarus, у Арриана мы тоже находим укрепленное поселение Ἄψαρος, охранявшее владения Римской Империи от грабительского соседнего племени санов или цанов. У Прокопия упоминается среди построек императора Юстиниана крепость Λοσυριον. Докладчик выставляет гипотезу, что это наименование является не чем иным, как рукописным искажением Арриановского Ἄψαρος, превращенного в Ἀψαριον.

Тогда мы имели бы при Юстиниане реставрацию римской крепости (что вполне естественно) на месте ныне исчезнувшего римского города, в нынешнем Аджаристане.

Нельзя, однако же, ни на минуту упустить из виду, что мировая война, предоставившая некоторые новые возможности исследовательской деятельности византиноведения, нанесла, с другой стороны, ему же непоправимый удар в виде ничем невознаградимой потери Русского Археологического Института в Константинополе. Через пару месяцев после начала всемирной войны Институту вместе со всеми прочими русскими учреждениями и их служебным составом пришлось поспешно эвакуироваться из Константинополя и поселиться в одной комнате, отведенной бюро Института и его представителю (Б. А. Панченку) в Новороссийском университете в Одессе. Разумеется, о вывозе богатейшей библиотеки Института или ценнейшей коллекции фотографий и рисунков не могло быть и речи. О завершении начатых исследований в Константинополе, Малой Азии, на месте древней Никеи, а равно об издании результатов прежних исследований за время мировой войны никто и думать не мог.

При таких условиях Трапезунтская экспедиция явилась весьма слабой компенсацией за понесенную потерю. А вопросы об обследовании Палестины и о русских научных интересах в Палестине, вопросы, возникавшие в связи с успехами союзных войск на восточном фронте мировой войны, так и остались нереализованными, безрезультатными разговорами, пустыми мечтаниями.

Сквозь туман несбыточных надежд и громких фраз о широких горизонтах ясно и выпукло вырисовывалось разбитое корыто, у которого очутилась русская византология уже в первые годы мировой войны.

3. Византология и революция

Разбитое корыто русской византологии, унаследованное революцией, продолжало давать новые и новые трещины. Старые панславистские лозунги при революции потеряли всякий кредит. Новое содержание не могло сразу влиться в устаревшие мехи. И у идеологов Октябрьской революции во всяком случае не было оснований проявить особенное внимание к этой отрасли знаний. Скорее наоборот: поклонники шапки Мономаха и наследства Палеологов должны были иметь в глазах борцов за Октябрь несколько подозрительный вид, должны были пахнуть историческим мусором Четьи-Минеи и Домостроя, если еще не хуже. Так или иначе, после Брестского мира Трапезунт был русскими войсками эвакуирован, к великой досаде византологов.

Исчезла, таким образом, и та единственная соломинка, за которую так судорожно цеплялась утопавшая русская византология. Прекратился выход «Византийского Временника». Закрылись «Записки» и «Летописи» византологических учреждений Одессы и Юрьева. Дальше—хуже. В связи с образованием самостоятельных прибалтийских государств и Советской Украины, университеты как Юрьева, так и Одессы, вышли из сферы влияния русской византологии, по крайней мере, в первые годы революции. Если прибавить к этому прекращение выхода «Известий» Русского Археологического Института в Константинополе еще в 1914 г.,

то разгром византологической печати будет полный и окончательный. Правда, в 1917 г. вышел еще об'единенный в одном томе 3-й и 4-й выпуски «Византийского Временника» за 1915—1916 годы, что между прочим говорит о невзгодах, постигших этот орган еще в годы мировой войны. И, как и следовало ожидать, в этом номере, вышедшем при Временном правительстве, олимпийское спокойствие жрецов науки по отношению к разыгрывавшимся революционным событиям ничем не нарушалось. В указанном выпуске трактуются специальные вопросы церковного права последних веков Византии (статья И. Соколова «Избрание архиереев»), вновь и вновь пережевываются старые панславистские теории о сильнейшем влиянии обычного права славянских общин на византийское законодательство, о безостановочном проникновении славянских начал, чуждых греко-римскому праву (общинное владение землей и т. д.), в строй Византийской империи (статья М. Попруженко: «Славяне и Византия»)[1].

Однако, кроме гибели византологических органов, русская византология понесла ряд крупнейших потерь, значение которых неизмеримо. хотя революция никакого отношения к ним не имеет и ни в какой мере в них не повинна. Весной 1920 года умер молодой (48 лет) византолог Б. А. Панченко, ученый секретарь Русского Археологического Института в Константинополе, талантливый исследователь Ἀνέκδοτα (Historia Arcana) Прокопия, даровитый автор монографии «Крестьянская собственность в Византии, земледельческий закон и монастырские документы», обработавший немало тем археологического и исторического характера в области византиноведения. 1-го августа 1920 года в Казани на 77-ом году жизни скончался профессор Ф. Курганов, один из выдающихся представителей церковно-исторической науки. 2-го мая 1921 года умер на 66-м году жизни известный византинист, директор Историко-Филологического Института В. В. Латышев, автор многих исследований по греческой эпиграфике, составитель и издатель «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae», не уступающих лучшим европейским изданиям. Он же выпустил в 1916 году «Сборник надписей христианских времен из южной России» вторым изданием. Прекрасный знаток агиографической литературы, скифских и кавказских древностей («Scythica et Caucasica»), он до конца дней своих был неутомимым работником, и смерть его оказалась незаменимой потерей для русской византологии.

13-го июля 1925 г. в Риге скончался один из лучших русских византиноведов Эд. Курц, постоянный сотрудник всех русских византологических органов. 17 декабря 1924 г. происходило чествование 80-летия академика Н. П. Кондакова в публичном заседании Гос. Академии Истории Материальной Культуры. Через каких-нибудь полтора года после этого его младший собрат Ф. Успенский[2] должен был уже выступить с некрологом этого авторитетнейшего исследователя византийского искусства в заседании Академии Наук. В октябре 1918 г. умер византинист П. В. Безобразов, редактор многих византологических работ, автор ряда весьма ценных исследований. Умерло за это время и несколько талантливых византинистов, которые и не принадлежали к числу «маститых», но безусловно подавали надежды сказать новое слово в области интересующей нас науки. Так, умер В. Смирнов, исследование которого «Что такое Тмутаракань» напечатано в XXIII томе «Византийского Временника».

Может быть, еще более чувствительна для византологической науки утрата молодого даровитого К. Успенского, автора безусловно ценных для науки «Очерков по истории Византии» и несколько раз переизданной «Истории Византийской империи». Его же перу принадлежат монографии: «Юстиниан и сенаторское землевладение», «Очерки по истории иконоборчества», «Экскурсия-иммунитет в Византийской империи». Последняя статья напечатана в XXIII томе «Византийского Временника», вышедшего в 1923 году, и заслуживает особого внимания среди событий византологии за обсуждаемое нами десятилетие.

Особенно выгодно отличает автора непредубежденное отношение к крестьянской собственности как к явлению якобы исключительно славянского происхождения, несмотря на длительные старания византологов старой формации (маститых) в этом напровлении. Тем более велика утрата, вырвавшая у русской византологии талантливого начинающего ученого.

---

[1] Между прочим, статья эта собственно содержит пересказ соответствующих глав из «Истории Византийской империи» Ф. Успенского. Единственное преимущество автора, что он имел возможность пользоваться корректурным оттиском еще не увидевшего света II тома об'емистого труда (свыше 1000 стр., повидимому, in quarto).

[2] Младший потому, что свое восьмидесятилетие в таком же торжественном и публичном заседании Гос. Академии Истории Материальной Культуры он праздновал через два месяца после чествования 80-летия Кондакова, именно 18 февраля 1925 г.

Скорбный лист нашей области науки так велик качественно и количественно, что возникают серьезные опасения, устоит ли она после понесенного ею урона, несмотря на великие достижения, завещанные целым рядом поколений, знавших лучшие времена даровитых византиноведов. Все остальные потери в средствах, во времени еще могут быть более или менее уравновешены, и улучшение действительно наблюдается с каждым годом... Уже в 1923 г. вышел XXIII том «Византийского Временника» за 1917—1922 г.г., выпуск тощенький, но весьма содержательный, принимая во внимание статьи Ф. Успенского и покойных Смирнова и К. Успенского. Характерно, что этот сборник печатался по старому правописанию с твердым знаком, буквой ять и т. д. Впрочем, тут, вероятно, роль сыграло и то, что материал был заготовлен с давних пор и то, что «Известия» Академии Наук весьма поздно перешли к новому правописанию. Зато в 1926 г. вышел XXIV том «Византийского Временника» за 1923—1926 г.г., уже значительно полнее и, между прочим, по новому правописанию. Таким образом, выпуск «Византийского Временника» можно считать более или менее налаженным: достижение небольшое, сравнительно с былым величием византологии, но солидное при нашей бедности. К утешению русских византологов надо добавить, что и Byzantinische Zeitschrift пережил перебои по случаю мировой войны и только сравнительно недавно возобновил свое издание.

Зато по характеру своему последний том «Временника» представляет собой нечто очень пестрое: преобладают не столько византийские материалы, сколько заметки антикварного характера о мусульманских странах Ближнего Востока. Исключения не составляет даже статья Ф. Успенского: «Византийские историки о монголах и египетских мамелюках». Автор подробно останавливается на сообщениях историков Михаила VIII Палеолога (1259—1282), Пахимера и Никифора Григоры. Разобрав их воззрения на зависимость духовных качеств расы от физических свойств природы страны, сопоставив их с воззрениями античных писателей (Аристотеля, Страбона и др.), автор переходит к фактическим сообщениям о соглашении императора Михаила VIII с египетскими мамелюками, по которому египетские суда беспрепятственно проходили через проливы до самой Феодосии и там нагружались рабами из татар, греков, русских, из которых властители Египта формировали у себя дома прекрасные армии, обеспечивавшие их господство не только в Египте, но и на всем севере Африки и даже на островах. Интересно описание того оцепенения, в которое повергло население татарское нашествие. Интересна также такса на рабов, которых ежегодно через Дамиетту и Александрию доставлялось в Каир около 2.000. Татарин ценился 130—140 дукатов, черкес 110—120 дукатов, грек около 90, албанцы и славяне по 70—80 дукатов.

Статья В. Бартольда «Христианское происхождение Омейядского царевича» говорит об одном эпизоде из внутренней жизни ислама 745 г.

Значительно интереснее статья И. И. Соколова: «Крупные и мелкие властители в Фессалии в эпоху Палеологов». Речь идет об окончательной феодализации империи после латинского владычества. На основании материалов, опубликованных в т. IV «Acta et diplomata» Miklosish et Müller, автор называет несколько таких крупных властителей Фессалии: семью Ангелов, Мелиасинов или Мелиссинов, Стратигопулов, Гавриилопулов. Автор анализирует клятвенную грамоту ('ορκωμωτικὸν γράμμα) этого последнего, данную им своим вассалам (Архонтам) и городу Фанари (его резиденция): «Фанариоты—говорится между прочим в этой грамоте—нисколько не имеют и не подвергаются требованию с них какого-либо налога, именно—ямской повинности, сбора хлебом (печеным), вином и маслом, пастбищного налога или десятины за свиней или постройки крепостных стен в другом месте и в крепости, за исключением, конечно, того, что господарство мое имеет от них обязательную для них военную службу и таможенный налог, брачный налог и житный». Такова картина феодальных порядков XIII в. в Фессалии. Далее автор указывает и крупную феодальную собственность церковных властелей (монастыри Метеорские, Завлантион и пр.). Вместе с тем автор называет и свободные крестьянские общины (κεφαλοχώριον) и даже личное мелкое крестьянское землевладение. Последнее он подтверждает термином—«''αποικοι и στάσις» (земельный надел). Однако, эти последние выводы нуждаются в поверке, так как они явно навеяны панславистскими направлениями византологии прошлого века.

Статья С. Шестакова: «Заметки к стихотворениям codicis Marciani gr. 524» представляет собою антикварного характера изыскания различных деталей из эпохи Комненов, правда, характерных в том отношении, что дают представление о высокопарном стиле виршей и о творчестве византийских пиитов.

Любопытный материал разрабатывает самая большая статья этого номера А. Ю. Якубовского: «Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г.-943—944 г.». Об этом походе было известно и раньше со слов Ибн-ал-Асира, который заявляет: «слышал я от тех, кто был свидетелем этой Русии, удивительные рассказы»,

ссылаясь таким образом на какой-то первоисточник. Автор, на основании английского исследования, выставляет Ибн-Мискавейха, жившего в области Бердаа в качестве чиновника и умершего 87 лет спустя после описанного похода, как того первоначального свидетеля, о котором говорит Ибн-ал-Асир. В статье приводятся интересные данные об основании, развитии, и упадке г. Бердаа на р. Куре возле Елизаветполя (нынешняя Ганжа). Есть сообщения новейших исследователей, предпринимавших экскурсию на развалины г. Бердаа, не произведя, однакож, нужных раскопок. Есть и вполне приемлемые сообщения о пути русов (Днепр — Черное море—Азовское море—Дон—волоком до Волги мимо городов Саркел—Самкерц или через них—Волга —Каспийское море—река Кура) к этому богатейшему городу древнего Кавказа. Вопрос, конечно, далеко еще не исчерпан и вполне заслуживает дальнейшей разработки.

Возобновление «Византийского Временника» является большим шагом вперед на пути восстановления престижа нашей византологической науки, шагом тем более важным, что и на западе неуклонно возрастает интерес к византологии. Помимо возобновившего свою работу журнала «Byzantinische Zeitschrift», мы в Германии находим уже новый орган Byzantinische Neugriechise Jarbücher, в Риме регулярно выходит Byzanzio, в Брюсселе Buzantion. Но одним возобновлением «Временника» не исчерпывается оздоровление нашей византологии.

Оказывается, что не так уж плачевны дела бывшего русского Археологического Института в Константинополе. Его библиотека, правда, понесла значительный ущерб после катастрофы 1914 года, но основное ее ядро хранится, как собственность правительства СССР, в Оттоманском Музее. Командированные с научной целью на восток М. Алпатов и П. Брунов сообщают, что консульство СССР начало переговоры с турецким правительством о возвращении всего имущества Института[1]. В помещении бывшего Посольства (ныне Консульства) в Константинополе удалось найти остатки Музея Института.

Русская византология может еще целые годы работать над тысячами собственных неизданных или малоизвестных рукописей. Не исключена также возможность возобновления работ над теми десятками тысяч рукописей, которые находятся на Афоне и никому, кроме русских, не могут быть доступны для изучения.

Весною 1918 г., когда византологические работы, казалось, совершенно обречены были на прекращение, Ф. Успенский внес предложение в Академию Наук об образовании византологической Комиссии («испытанные нами громадные потрясения, угрожающие полным колебанием прежних основ, на коих покоилась культурная жизнь русского народа, не могут волновать» и т. д.; «традиции по изучению Византии, которые всегда находили благожелательный отклик в Европе и преувеличенно оценивались там»; «спасти от разрухи эту область, которой угрожает серьезная опасность утратить связь с прошлым»...—вот тон и стиль записки, поданной Успенским). Предложение его было принято и образована особая Комиссия под его председательством из академиков: Латышева (ныне покойного), Шахматова, Марра, Бартольда, Никитского, Ростовцева. Комиссии, по ходатайству докладчика, присвоено название Постоянной Комиссии Константина Порфирородного, что должно служить указанием на основную задачу—изучение обширных энциклопедических предприятий, связанных с редакторской деятельностью этого императора. Первым шагом этой Комиссии была разработка произведения эпохи Константина Порфирородного «De cerimoniis».

Но уже в феврале 1923 года эти задачи и эти формы работы показались нашим византинистам черезчур скромными: видно, поворот к лучшему обозначался до того явственно, что стали проходить опасения «колебания основ, на коих покоилась культурная жизнь русского народа», или «утраты связи с прошлым». Русские византинисты нашли возможным и своевременным поднять вопрос об участии в византологическом предприятии международного масштаба—именно в обработке и изготовлении материалов для нового издания словаря Дюканжа: Glossarium mediae et intimae graecitatis, составленного и изданного уже около 300 лет назад. Несмотря на переиздание (в 1891 г.) словарь за 300 лет значительно устарел и не может вполне удовлетворить современную византологию, накопившую множество новых данных. И то, что 300 лет назад было выполнено силами одного Дюканжа—этого патриарха византинистики—теперь требует коллективных усилий византологов всего мира по основательной ревизии всей литературы Византии и учету всех итогов ученой деятельности предшествовавших поколений. Это предприятие по плечу только Союзу Академий, организовавшемуся именно в подобных целях. Здесь русские византологи безусловно сыграют видную, вполне подобающую престижу русской науки роль.

---

[1] При нынешней международной ситуации, успех этих переговоров обеспечен.

Уже в Комиссии «Константин Порфирородный» собран, между прочим, обильный словарный материал, который «может лечь в основание русской доли взноса в подготовление к переизданию словаря». В 1923 г., согласно заявлению наших византинистов, организована Комиссия для подготовительных работ по переизданию словаря Дюканжа под председательством Успенского, в составе академиков: Ольденбурга, Истрина и профессоров: Айналова, Берешевича, Вальденберга, Васильева, Жебелева, Соколова, с привлечением к работе П. Виноградова, Соболевского Крашенникова, Новосадского. Прежняя Комиссия «Константин Порфирородный» влилась в Комиссию по подготовке словаря, в виду чего Комиссия в нынешнем составе именуется «Русско-Византийской Историко-Словарной Комиссией» (И. А. Н.). Выделено Бюро Комиссии в составе: Успенского, Бенешевича, Жебелева, Соколова. Постановлено «признать переиздание греческого словаря Дюканжа делом существенно необходимым и неотложным, но во всем об'еме выполнимым лишь совокупными усилиями русских и иностранных ученых учреждений». Но в то же время «в деле обработки греческого глоссария русским ученым по всем основаниям должны принадлежать инициатива и вполне самостоятельное участие в выполнении задачи, так как для этого у них имеется свой и очень хороший материал». Вот каким тоном заговорила теперь русская византология. В заседании 10 мая 1925 года уже обсуждался доклад о методах работы Дюканжа над Glossarium graecitatis, что надо рассматривать, как первый практический шаг словарной Комиссии. Уже опубликована форма карточек, и даже имеются статьи об отдельных словах и терминах.

Значит, Katzenjammer и вопли о колебании устоев русской культуры были, выражаясь мягко, несколько преждевременны. По крайней мере, византологи подумывают даже об учреждении кабинета или музея русского византиноведения (Общее Собрание 5 сентября 1925 г., президиум 16 октября 1925 г.). Об этом говорит и ряд докладов корифеев нашей науки в области изучения русско-византийских отношений. Поднят даже вопрос о с'езде византиноведов СССР для укрепления византиноведения и подсчета сил, для подведения итогов и выяснения новых задач в связи с успехами востоковедения и папирологии. И наши византинисты, теперь полемизируя со своими западно-европейскими собратьями (Willamowitz, Möllendorf), сами говорят, забыв недавнее уныние, что возрождение византологии в СССР уже не «frommer Wunsch».

В заключение надо сказать несколько слов и о новом очаге византологии при Академии Наук Украины. На смену курсов истории Византии при закрытых ныне Высших Женских Курсах и Археологическом Институте и реорганизованном университете (ныне Інститут Народньої Освіти) при Академии возникла византологическая Комиссия, в которой работал академик В. С. Иконников, а после его смерти профессор И. И. Соколов, а после него и некоторые другие. Пока Комиссия не развернула работы. Значительные доклады эпизодичны, неглубоки и неинтересны, но работа, повидимому, налаживается. Здесь византология переживает эпоху первичного накопления ученых сил, а это—процесс, повидимому, длительный. Деятельнее несколько ведут работы смежные учреждения—Археологическая Комиссия при Академии и Общество Нестора Летописца, которые многими своими работами соприкасаются с вопросами византологии.

4. Византологическая литература за последние 10 лет

Ее положительные завоевания очень скудны. И тут, как это ни странно, больше можно говорить о покойниках, чем о живых. Так, все еще не увидел света 2-й том «Истории Византийской империи» Ф. Успенского. Первый том вышел в роскошном издании Брокгауза-Ефрона в двух частях в 1913—1914 г. в об'еме около 900 страниц in quarto со многими ценными иллюстрациями. Вероятно, эта дороговизна издания мешает выходу в свет 2-го тома, уже набранного и занимающего около 1000 страниц. Третий том того же труда с очерком истории Трапезунта, составленным Б. А. Панченко, все еще пребывает в рукописи. Нет продолжения «Очерков по истории Византии» К. Успенского. Не видно также продолжения «Лекций по истории Византии» А. А. Васильева, первый том которых (до 1081 года) вышел в 1917 году. Впрочем, некоторой заменой 2-го тома могут служить три отдельных выпуска в издании «Akademia» 1923 и 1925 г..

Наиболее выдающимся явлением в византологической литературе последнего десятилетия все ж надо считать: К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии, ч. I. Изд. О-ва при Историко-Филологическом факультете Моск. В. Ж. К.. стр. 268. М. 1917 г.

Автор горячо протестует против господствующего представления о Византии, как «о сплошном царстве разложения, дикого деспотизма, коварной политики, затхлой церковности», как о среде омертвения и разложения. Он считает Гиббона первым виновником изложения византийской истории, как процесса безнадежного

разложения и неуклонного умирания на протяжении 1000 лет. Недоволен автор и теми историками Вазантии (Финлей, Краузе, Папарригопуло), которые усматривают в «византинизме» совокупность начал, под влиянием которых постепенно преобразовывалась или перерождалась Римская империя в новую Византийскую.

Книга—редкая в византологии работа, выгодно отличающаяся от всех остальных строгим анализом, научностью, критическим отношением к авторитетам, прекрасным знакомством с источниками, пониманием сущности и действительных причин социальных процессов. Нет тех антикварных крохоборческих деталей, отдающих буквоедством самого худшего сорта.

Как жаль, что столько подававший надежд, блестящий, остроумный, темпераментный исследователь так рано сошел со сцены...

К положительным достижениям византологии за текущий период надо отнести и А. Васильева: «Лекции по истории Византии», том I. Время до эпохи крестовых походов (до 1081 г.). Петроград. 1917. Стр. VIII+366.

Надо отдать автору справедливость, что свою задачу («дать в руки студентов и курсисток учебное пособие»), он выполнил с честью. И план, и язык книги не оставляют желать лучшего. Приложенные к книге таблицы не окажутся лишними и для специалиста. Особенно читатель будет благодарен автору за краткий очерк разработки истории Византии в главе I, составленной с полным знанием дела на основании хороших источников, а также за библиографические указания к каждой из 8 глав своего исторического изложения.

Но при всем том книга эта принадлежит идеологии старой византийской школы, не в пример «Очеркам» К. Успенского. Начать хотя бы с того, что в изложении исключительное внимание уделяется не только церковной политике императоров, но и догматическим спорам. Оно, конечно, могло бы рассматриваться и как нечто безвредное или как бесплатная премия к исторической сути, если бы последняя излагалась так же подробно. Но, к сожалению, после обзора внешней истории каждого периода, автор уже парой замечаний отделывается о внутреннем развитии Византии, почти не касаясь хозяйственной ее эволюции. Исключение сделано для Македонской династии. Но тут уже автор не мог обойти молчанием те вопросы, которые больше 40 лет так блестяще разрабатываются нашими лучшими византинистами В. Васильевским и Ф. Успенским, после того как они стали краеугольным камнем и для западных историков Македонской династии. Нельзя было также умолчать и о цеховой организации Византии после недавно найденного и изданного Николем ἐπαρχικὸν βιβλίον.

Правда, автор в согласии с духом времени заявляет: «Надо иметь в виду, что он (вопрос религиозный) неразрывно связан с вопросом политическим» (стр. 121). Но это ведь нужно не просто сказать, а показать. А ведь об'яснить церковную политику императоров Зинона и Анастасия, как поворот к той вере, на стороне которой были симпатии важнейших областей империи (Египта и Сирии),—вовсе не значит разрешить вопрос с точки зрения, провозглашенной автором на стр. 121, поскольку перемещение вопроса не есть его разрешение. Почему же указанные области так льнули к монофизитству?

Не свободен автор и от некоторого панславистского душка. Не признавая «преувеличения» Фальмерайера насчет полного ославянения Греции (это оперирование подложным документом мягко называется «преувеличением»), автор заявляет: «Но труды Фальмерайера получат еще более общеисторическое значение (sic!), если на него взглянуть, как на первого ученого, обратившего внимание на этнографическое преобразование не только Греции, но Балканского полуострова в средние века вообще» (стр. 178). На стр. 224 уже от себя автор заявляет: «Наконец, греческие славяне заявили себя участием в заговоре против Ирины. Из этого видно, что славяне на Балканском полуострове, включая всю Грецию, в VIII веке не только плотно и крепко утвердились, но стали даже принимать участие в политической жизни империи и, наконец, оказывать своими принесенными обычаями влияние на социальные условия местной жизни». Действительно ли из этого что-нибудь видно, да еще тем более «крепко и плотно»—это еще вопрос.

Вообще в книге и идейно чувствуется, и материально читается в виде многочисленных, повсюду рассеянных цитат, влияние Ф. Успенского.

К 1917 же году относится выход в свет «Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае», том III. Это—продолжение старой, давно уже начатой работы. В разбираемом 1 выпуске мы находим описание рукописей от № 1224 до № 2150, выполненное под редакцией Бенешевича.

Частично можно отнести к византологической литературе «Древний мир на юге России. Изборник источников. Под редакцией проф. Б. Тураева, И. Бороздина и Б. Фармаковского. Москва. 1918». Тексты из древних писателей, эпиграфический материал, заимствованный из

известных изданий Латышева: «Известие древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», а также «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae». В работах по составлению плана изборника принимал участие и М. И. Ростовцев. Цветные таблицы и рисунки в тексте увеличивают ценность издания. Главы о Херсонесе безусловно заинтересуют византолога, как и главы о Босфоре. К сожалению, отдел, посвященный Кавказу, пришлось совсем опустить в разбираемом издании, что понизило значение его для научного византиноведения.

К 1919 году относится выход в свет «Очерков византийской культуры» П. В. Безобразова. Изд-во «Огни». Петроград. 1919. Стр. IV+180.

Трудно понять назначение этой книги и мотивы издателей этой посмертной работы (+ 1918) нашего известного византиниста. И редакторы, повидимому, не смогли представить достаточного оправдания для этого предприятия, тем более, что в то время мы ни бумагой, ни прочими средствами печатания не были особенно избалованы. Редактор С. Жебелев извиняется за то, что в разбираемой книге стороны византийского быта «обрисованы—нужно сказать правду—скорее в их отрицательных, чем положительных проявлениях». Он обещает нам в компенсацию «выяснению положительных сторон византийской культуры издательство посвятить в ближайшем будущем особый очерк».

Но плохо вовсе не то, что освещаются «отрицательные проявления». Плохо то, что вообще-то тут нет никакого освещения. Пара анекдотов о царях, о царицах, о сановниках, о помещиках, несмотря на чрезвычайно популярное изложение, ничего не скажут ни уму, ни сердцу рядового читателя, а для специалиста тут ничего нет нового. Даже изложение судебного производства по поводу чуда во Влахернском храме на основании «любопытного документа», до сих пор «никем не изданного и списанного мной с флорентийской рукописи» (стр. 175), ведется плоско и не способно вызвать интереса. Представления о византийской культуре книга не дает.

За образчик стиля можно принять описание злодейств царя Андроника. «Только что заснув, они (жители столицы) в ужасе просыпались; им снился то Андроник, то жертвы замученных кровожадным царем». Примите во внимание, что это пишет не летописец. Это автор от себя не без наивности живописует тревожные сновидения бедной столицы...

Некоторый интерес представляет собой гл. III, где речь идет о церкви. Цезарепапизм византийских императоров здесь обрисован недурно.

Но в общем вся работа бледна, мелка и плоска и не составит чести покойному первоклассному знатоку византийской письменности, а для популярного чтения она слишком эпизодична и осколкообразна, не давая понятия о целом. Правда, работа эта очень напоминает своим построением, а также и никчемностью «Византийские портреты» Шарля Диля, повидимому, этим же образцом и навеяна, но это оправданием служить не может, скорее наоборот.

Сравнительно свежими работами по византологии должны быть названы:

А. А. Васильев. Византия и крестоносцы. «Academia». Петербург. 1923. Стр. 120.

А. А. Васильев. Латинское владычество на Востоке. «Academia». Петроград. 1923. Стр. 80.

А. А. Васильев. Падение Византии. Эпоха Палеологов. «Academia». Ленинград. 1925. Стр. 144.

Как по плану, так и по построению разбираемые выпуски являются продолжением «Лекций по истории Византии» того же автора. И тут церковная политика императоров на ряду с догматическими спорами занимают первое место, в то время, как фактам внутренней истории уделяется пара замечаний. Особенно растянуто в этом смысле изложение в позднейшем III выпуске. Влияния социологических воззрений, получивших столь большое распространение у нас за последние годы, почти не чувствуется. Не чувствуется, если не считать некоторых неудачных попыток вроде того, что автор старается отыскать в крестовых походах политические пружины и при этом всю политическую их сущность подменивает какой-то грандиозной мистической борьбой между христианством и исламом.

Если отнести к влиянию современных воззрений проявленное автором сомнение в исключительно славянском происхождении общины на территории Византии[1], то нельзя не воскликнуть: «Какой с божьей помощью прогресс!». Справедливость требует, впрочем, отметить действительно прекрасную статью в том же

[1] «Это (следы общинного начала) указывает не на римское происхождение учреждения, а на славянское»—цитирует автор из работы Успенского за 1883 г.» и добавляет уже от себя: «но эта гипотеза не может считаться доказанною» («Латинское владычество на Востоке». Стр. 62).

выпуске («Латинское владычество на Востоке» стр. 56—74) по вопросу о феодализме на Востоке. Несмотря на ряд спорных утверждений, автор в понимании сущности феодализма, корней его, распространенности его, как явления и экономического и политического, как на западе, так и на востоке, вполне стоит на высоте вооруженного марксистским методом историка. Очевидно, наши византологи способны еще кое-чему научиться...

Особняком стоит брошюра

Луи Брентано. «Народное хозяйство Византии». Перевод с немецкого с введением проф. И. С. Плотникова. Книгоиздательство «Путь к знанию». Ленинград. 1924 г. Стр. 68.

Работа принадлежит перу не византолога-специалиста, а экономиста. Поэтому характеристика ее: «заполнить зияющий пробел в русской литературе, которая, несмотря на большой интерес к Византии, как к первоисточнику русского православия, никогда не занималась вопросами византийской экономии» (слова редактора И. Плотникова)—будет неправильна в двух отношениях: ни заполнить пробела разбираемая брошюра не сможет, ни признать правильным утверждения о том, что русская византология **никогда** не занималась экономией,—мы не можем. Брошюра дает, правда, много не новых, но интересных фактов из хозяйственной эволюции Вазинтии, но для «заполнения» ей не хватает системы. Далее, византология занималась, и очень много, и с большим успехом, историей земельных отношений и в частности крестьянского землевладения и в 70-х годах (Васильевский), и в 80-х годах (Ф. Успенский), и в XX веке (Б. Л. Панченко), и даже недавно (К. Успенский).

Книжку надо считать полезной и для рядового читателя и для специалиста, для последнего потому, что автор делает попытку (неполную и невыдержанную) уложить хозяйство Византии в один из определенных, экономической наукой установленных типов хозяйственного развития, и еще потому, что содержит ряд ссылок на первоисточники, наталкивая, таким образом, на дальнейшие изыскания.

5. Чему же научилась и что забыла русская византология за 10 лет?

Итоги на первый взгляд безрадостные. Русская византология мало чему научилась и не потому, что для нее отрезан самый об'ект изучения, или отрезаны связи с западными собратиями, а потому, что она мало удостаивает внимания те методы изучения статики и динамики общественного развития, которые с большой постепенностью, но весьма успешно усваивают смежные области исторического познания. Это обстоятельство не может оздоровить качественно русскую византологию.

Зато революция вынудила византологию кое-что забыть, и это безусловно ее оздоровит и направит на более верный путь ее исследовательскую работу. Придется забыть о византийских традициях, как неизменных до скончания веков условиях «православия и самодержавия». Придется забыть о том, что все ручьи должны обязательно «слиться в русском море», забыть о Босфоре, о Дарданеллах, о шапке Мономахе, о византийском наследстве. Это создаст более спокойные условия для работы. Придется об'явить ревизию безусловно плодотворных работ Васильевского, Ф. Успенского за 70-ые и 80-ые годы прошлого столетия, выловить из них то, что выдержит критику и устоит при свете новейшего понимания истории вообще и русской в частности. Нет сомнения, что основное в их работах уцелеет и даст образцы для работы многих и многих поколений русских византинистов и прекрасный материал для такой работы...

Ростки такой грядущей переоценки ценностей уже можно было заметить в работах К. Успенского, А. Васильева и др. И в них, в этих ростках, залог преуспеяния нашей русской византологии.

Г. Лозовик.

ОБЗОРЫ

БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, тт. I—VIII

Статьи по всеобщей истории

«Революция создала нового читателя, с новыми запросами, с настойчивым желанием ориентироваться во всем многообразии современности, систематизировать свои знания, закрепить революционно-материалистическое мировоззрение, познакомиться с последними данными науки».

Так писала редакция Б. С. Э. в предисловии к первому тому. Исходя из этой предпосылки, редакция ставила себе задачи: дать энциклопедию знаний, проникнутую единым мировоззрением—диалектическим материализмом, причем энциклопедию «ярко современную», по выражению редакции, и написанную достаточно популярно, чтобы ею мог пользоваться не только интеллигент, как это имело место при издании прежних энциклопедий, но и широкий круг читателей, обладающих уровнем знаний «в об'еме школы 2-й ступени или рабфака».

В настоящей заметке мы коснемся только статей, посвященных всеобщей истории. Насколько удалось редакции выполнить свои задачи на протяжении первых восьми томов в этой области? Самый беглый просмотр исторических статей показывает, что центр тяжести Б. С. Э., действительно, лежит в современности: особенно много места уделено современному революционному и рабочему движению (XIX и XX в.в.) и истории социализма,—эти отделы освещены с достаточной полнотой, причем хронологически они доведены до последнего дня: так, например, в VII томе мы имеем, уже статью т. Катаямы, посвященную Брюсельской конференции угнетенных народов, а в VIII т. статью т. Барановского о Ван Цзин-вее и т. п.

Не менее полон отдел, посвященный, вообще, новой и новейшей истории, в котором такие события, как «Баварская советская республика» или «Аграрные реформы в разных странах после войны» и т. п. впервые даны в научно-марксистском освещении не только на страницах энциклопедии, но в литературе вообще. Меньше места уделено древности и средним векам—здесь сокращение происходило главным образом за счет бесчисленного количества царствующих особ и маловажных событий, которые прежние энциклопедии описывали весьма подробно, зато такие проблемы, как, напр., «Аграрная история древних и средних в.в.», в Б. С. Э. освещены достаточно обстоятельно.

Особый интерес представляют статьи, имеющие социологическое значение,—освещение их с марксистской точки зрения представляет для наших читателей исключительную ценность. Остановимся на важнейших статьях этого типа. К ним мы причисляем статьи: т. Покровского—«Абсолютизм», «Бюрократия», т. Косьминского — «Буржуазия», т. Милютина — «Аграрный вопрос», т. Кунского — «Бонапартизм», и т. п. «Абсолютная монархия,—пишет т. Покровский,—как форма государственного устройства, возникает на основе *торгового капитализма*[1]. В связи с последним мы ее встречаем всюду—то в вост. государствах эллинистического периода (3—2 в.в. до хр. э.), то в Римской имп., то в Китае. Для различных стран Европы расцвет А. в новейшее время падает на период с 15 по 18 в.в.—на эпоху т. н. *первоначального накопления*».

В литературе, посвященной эпохе торгового капитализма, мы часто встречаемся с попыткой несколько примитивно трактовать марксово понятие об этой эпохе.

Для т. Покровского абсолютизм вырастает «*на основе*» торгового капитализма, но это вовсе не значит, что «класс торговых капиталистов» непосредственно обладает политической властью в эту эпоху. Дело происходит несколько более сложно и завуалировано, чем при господстве, напр., промышленного капитализма. «Абсолютизм,—пишет т. Покровский,—по форме был чисто личной властью. Колоссальная сила денег, которую политически воплощал новый «суверен», все заставляла перед собой склоняться... Абсолютизм личности на самом деле прикрывал собой абсолютизм торгового капитала, перед которым, в случае надобности,

[1] Везде курсив подлинника.—Г. З.

умела склоняться и коронованная личность». Одним словом, эта «личная по форме власть была, в сущности, властью класса». С присущей ему тонкой иронией т. Покровский останавливается на причинах того, почему «все ранние представители абсолютизма выступают перед нами с классическими чертами тиранов».

«Но это впечатление,—пишет т. Покровский,—обманчиво. На самом деле, насилие эпохи первоначального накопления вышло из школы феодализма, действовало его приемами, но направлялось теперь не только на мелкий люд—крестьян и дворовых, как раньше, но и на крупную знать, которую прежний «сюзерен» не смел трогать. Когда вешали крестьян, это казалось дворянам делом естественным, и никто этим не возмущался, но когда стали рубить дворянские головы, не щадя титулованной знати, дворянам стало казаться, что злейшего тиранства и вообразить себе нельзя».

Непосредственно к статье «Абсолютизм» (напечатанной в первом томе Б. С. Э.) примыкает вторая статья т. Покровского «Бюрократия» (т. VIII). «Обозначается этим словом,—пишет т. Покровский,—такой государственный режим, где управление осуществляется через посредство «оторванных от масс, стоящих над массами привилегированных лиц. (Ленин)». Следуя за Марксом, т. Покровский отмечает следующие основные черты бюрократии: иерархичность, замкнутость, формализм. «Бюрократия предполагает уже значительную оторванность от массы, предполагает — по крайней мере, в зачатке — классовое общество... Торгово-феодальное государство с закрепощенной массой, но уже с денежным хозяйством и с зачатками кое-какой «образованности», служившей, прежде всего, средством усовершенствования эксплоатации, увеличения выжимаемого из крепостных прибавочного продукта, и было настоящей родиной бюрократии. С полным правом можно сказать, что бюрократия по своему происхождению была аппаратом абсолютизма». Тов. Покровский прослеживает историю бюрократизма в ранних и позднейших исторических, государственных образованиях, начиная с древнего царства Египта и кончая нашими днями, отмечая разнообразие форм, в которые выливается бюрократия в разных странах и в разные времена (уделяя особое внимание России, что не входит в наше рассмотрение). «В общем, кончает т. Покровский,—слова, сказанные Марксом в 1871 г.: «По мере того как прогресс современной промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, государственная власть все в большей степени приобретала характер общественной силы, служащей для порабощения рабочего класса, характер орудия для классового господства» («Гражд. война во Франции») — сохраняют всю свою силу и до сего дня».

Статья т. Е. Косьминского «Буржуазия» (т. VIII) дает превосходное, сжатое изложение происхождения и истории буржуазии на Западе. Понятие «буржуазия» меняется на протяжении веков: в феодальную эпоху это понятие «означает горожан, городское сословие в противоположность высшим сословиям феодального общества (дворянству и духовенству) и крестьянству. Экономически буржуазия отличалась от других, преимущественно аграрных слоев феодального общества своим торгово-промышленным характером». Но позднее понятие «буржуазия» суживается. «Рост промышленности и торговли и связанная с этим концентрация капитала проводят все более резкую грань между низами и верхушкой: растущая к концу средневековья замкнутость цехов и аристократизация городского самоуправления приводят к тому, что горожанами в собственном смысле этого слова—лицами, пользующимися городскими привилегиями—являются лишь состоятельные верхи. Слово «буржуазия», в связи с этим, с конца XV в. начинает обозначать капиталистов в противоположность рабочему люду». Таковым это понятие и остается в исторической литературе и до наших дней. Далее автор прослеживает роль буржуазии в борьбе монархии с феодалами. Ступени, переживаемые монархией, которая опирается на торговый капитал и, следовательно, на буржуазию—таковы: сначала сословная монархия, «где рядом со старыми феодальными сословиями, дворянством и духовенством, буржуазия принимает участие в вотировании налогов и пред'явлении королю тех или иных просьб, требований и условий». Затем, когда, «сокрушив при помощи буржуазии и ее денежных ресурсов политическую мощь феодализма, монархия из сословной перерождается в абсолютную, сословное представительство или совсем устраняется, или делается покорным орудием короны». Дав потом картину господства буржуазии в эпоху промышленного капитализма при помощи «демократии», которая является «машиной для подавления пролетариата», т. Косьминский переходит к краткому очерку развития буржуазного права и к роли буржуазии в эпоху империализма. «Из прогрессивной силы, — заканчивается статья,—разрушившей все преграды, стоявшие на пути развития производительных сил, она все более превращается в главное препятствие на пути прогресса и ведет человечество к новым и новым катастрофам».

Большой интерес представляет статья т. Милютина «Аграрный вопрос» (т. I). В ней дается исторический обзор развития аграрного вопроса в разных странах,

преимущественно, в капиталистическую эпоху. Иллюстрация, в виде таблицы группового хозяйства, показывает, что мелкие крестьянские хозяйства в ряде капиталистических стран занимают доминирующее положение: таковы Румыния (94,4%), Франция (83,6%) и Германия (76,6%);; а «в Великобритании и Америке огромную роль среди крестьянства играют середняцкие хозяйства, составляющие от 45% до 54% всех хозяйств». Выяснив революционные сдвиги в среде крестьянства за последние десятилетия, т. Милютин констатирует, что «связи, которые тянут крестьянские массы на защиту и поддержку буржуазного строя, рвутся и, наоборот, полупролетарская и середняцкая масса крестьянства связывается с пролетариатом в его борьбе против капитализма—к этому приводят основную крестьянскую массу ее собственные интересы». В дальнейшем т. Милютин дает сжатый очерк буржуазных (Рикардо, Родбертус, Тюнен), мелкобуржуазных (Бернштейн, Давид, Булгаков и др.) и пролетарской (Маркс, Ленин и их ученики) теорий аграрного вопроса, в частности, критикуя известный «закон» убывающего плодородия почвы, который выдвигается как ревизионистами, так и всеми новейшими мелкобуржуазными теоретиками аграрного вопроса.

Непосредственно к статьям социологического характера примыкает и статья т. Кунисского «Бонапартизм» (т. VII). Автор, вслед за Марксом и Лениным, определяет бонапартизм, как «своеобразную форму господства буржуазии, когда последняя в силу специфических исторических условий вынуждена доверять свою власть единоличной военной диктатуре». Выяснив отношение крестьянства к бонапартизму, т. Куниский определяет момент победы бонапартизма, как такой, когда наиболее радикальные общественные слои потерпели поражение в процессе революции, а победившие классы не могут поделить добычи. Устанавливается известное равновесие классов, «в этой обстановке создается почва для победоносного развития бонапартизма». Автор в заключение своей статьи напоминает, что некоторые видели в буланжизме нечто сходное с бонапартизмом, а Энгельс указывал на бонапартистские черты в правлении Бисмарка. «Не повторяя вышеприведенных примеров,—заключает т. Куниский,—можно указать, что и русская марксистская литература изобилует подобными историческими сближениями: достаточно вспомнить обвинения в бонапартизме, которые выдвигали меньшевики против большевиков в эпоху революции 1905 г.». Эта фраза неясна: следовало бы, хотя несколько слов сказать о том, что между «подобными историческими сближениями», меньшевиков и указаниями, напр., Энгельса насчет Бисмарка—столь же общего, сколько между марксизмом и ревизионизмом. Фашизм справедливо рассматривается т. Куниским, как явление, родственное бонапартизму. Разница между ними та, что «бонапартизм является диктатурой буржуазии против феодализма, а фашизм—это диктатура буржуазии, обороняющейся от напора пролетариата».

Из статей, посвященных истории революционного и рабочего движения, укажем на статьи т. С. Мстиславского: Американская федерация труда, Амстердамский интернационал профсоюзов. Рабочие банки и др. Заключая в себе довольно богатый материал, они, однако, несколько сухи по изложению. Значительный интерес представляет статья т. Мстиславского «Баррикада» (IV т.), в которой дан исторический обзор применения баррикад во время революции нового и новейшего времени. Останавливаясь на последнем опыте баррикадных боев в Гамбурге (1923 г.), автор пишет: «Опыт Гамбурга подтвердил, что баррикада отнюдь не утратила своего боевого значения: при целесообразной технической установке и правильном тактическом применении, она способна играть значительную роль в будущих уличных боях». Ряд статей посвящен вопросам Великой французской революции: укажем на ст. т. Моносова «Аграрный закон», где дан анализ движения за дальнейшее развитие революционных мероприятий в области земельных отношений, статью «Вандейские войны» тт. С. Троицкого и С. М., где наряду с историей вандейского движения сделана интересная попытка дать стратегический обзор операций на военном фронте борьбы с Вандеей, статью т. Лукина: «Вандемьерское восстание» и др.

Чрезвычайно ценные статьи, посвященные отдельным конгрессам II Интернационала, до сих пор слабо освещенным в литературе. Из этих статей на первом месте надо поставить статью т. Лукина «Амстердамский конгресс», где наряду с изложением работ конгресса дан четкий, революционно-марксистский анализ постановлений и борьбы групп на нем. Общее заключение т. Лукина таково: «Происходившие на конгрессе дебаты вскрыли всю пропасть между реформизмом и революционным марксизмом, всю невозможность об'единения между этими двумя течениями в международном социализме. Но Амст. конгр. не удалось принять такой резолюции, которая делала бы невозможным дальнейшее пребывание ревизионистов». В результате реформисты остались внутри Интернационала, а «осужденная сделала невозможным появление на следующих международных с'ездах анархистов». В результате реформисты остались внутри Интернационала, а «осужденная в теории ревизионистская тактика постепенно завоевала себе место в практике II Интернационала, пока не восторжествовала окончательно в годы империалисти-

ческой войны». О Базельском конгрессе мы имеем ст. т. Фридлянда, о Брюссельском—т. Красного и о «Берлинской конференции трех интернационалов» (1922 г.)—ст. т. Радека.

Ряд статей посвящены непосредственно истории социализма: таковы статьи т. Горева—«Анархизм» и «Анархо-синдикализм», статья т. Волгина—«Бабеф», т. В. Полонского—«Бакунин», т.т. Радека и Виноградской—«Отто Бауер», т. Радека—«Бернштейн» и «Бебель», т. Красного—«Бланки», т. Преферансова—«Луи Блан», «Буассель». т. Валецкого—«Вандервельде», т. Гингора—«Ст. Борн.», т. Чильбума—«Брантинг» и мн. др. Не имея возможности остановиться на всех статьях, укажем только на те, которые вносят нечто новое в трактовку отдельных лиц и направлений. С этой точки зрения представляет интерес статья тов. Красного о Бланки (т. VI); автор, основываясь на малоизученном материале, выставляет ряд новых положений: 1) он считает, что «влияние б а б у в и з м а на формулирование идей Бланки было не столь значительным и глубоким, как это обычно принято думать. Он не был бабувистом (последние имели в 30-х и 40-х годах самостоятельные организации) и к идее диктатуры пролетариата, как мы покажем ниже, пришел лишь после революции 1848 г.». 2) Тактика заговорщичества—«бланкизм» в специфическом смысле этого слова,—по мнению т. Красного, неприложима ко всем периодам деятельности Бланки: она характерна только для «инсурекционного периода»—до 1848 г.; «позднейшая же его работа находится в решительном противоречии с этой характеристикой». 3) Анализируя дальше деятельность Бланки во время революции 1848 г., т. Красный приходит к выводу, что Бланки прекрасно учитывал невозможность свержения Вр. правительства без организации «восставших предместий». В результате, Бланки только лишь на опыте 48-го года приходит к необходимости «учредить революционную диктатуру». Доказательством близости Бланки к концепции Маркса в период революции 1848 г. т. Красный считает союз между марксистами и бланкистами, заключенный в эту эпоху. Все эти новые положения, выдвинутые т. Красным, придают фигуре Бланки несколько новое освещение: насколько они обоснованы, можно будет судить только на основании новых материалов, которые, как видно из статьи, имеются в распоряжении т. Красного: пока им опубликована в III томе «Историка-марксиста» интересная «Инструкция к вооруженному восстанию», указывающая, что в 60-х г.г. Бланки несомненно учитывал ряд моментов, которые им упускались из виду в собственно «бланкистский период» 30-х, 40-х гг.

Статья т. Волгина «Бабеф» выдвигает на первый план ряд черт, которые замалчивались, либо не замечались прежними историками социализма. Это, во-первых, выдвинутые Бабефом меры, «удовлетворяющие насущнейшие интересы народных масс»: организация бесплатного хлебоснабжения, переселение бедняков в жилища контрреволюционеров, бесплатная выдача из ломбардов вещей, заложенных там малоимущими и т. д.; второе—«мы видим у них (бабувистов) впервые в истории социализма совершенно отчетливое представление о некотором переходном периоде, отделяющем коммунистическое общество от буржуазного». Далее т. Волгин конкретизирует это «представление» бабувистов и отмечает уравнительные черты их мировоззрения.

Статья т. Полонского «Бакунин» (т. IV) дает общий очерк жизни и деятельности «отца анархии», основанный на изучении богатого материала. В заключительных строках т. Полонский отмечает разницу между «бакунизмом» и марксизмом-ленинизмом. «Что было существенного в бакунизме? О т р и ц а н и е г о с у д а р с т в е н н о с т и в о о б щ е, о т р и ц а н и е д и к т а т у р ы р а б о ч е г о к л а с с а, о т р и ц а н и е д а ж е п е р е х о д н ы х г о с у д а р с т в е н н ы х ф о р м к б е з г о с у д а р с т в е н н о м у с т р о ю, о т р и ц а н и е п о л и т и ч е с к о й б о р ь б ы, предполагавшей использование существующих государственных форм во имя их преодоления. Здесь основной пункт бакунизма, главный камень фундамента, на котором держалась тактика и политика бакунизма. Ленинизм же, наоборот, в основу своей политики и тактики ставит и м е н н о д и к т а т у р у п р о л е т а р и а т а, и п о л и т и ч е с к у ю б о р ь б у, и и с п о л ь з о в а н и е г о с у д а р с т в а, в качестве перехода к безгосударственному коммунистическому обществу будущего. Главный пункт разногласий между Бакуниным и Марксом лежал именно здесь, в отношении к государству, к диктатуре, к политической борьбе».

Большой интерес представляют также статьи т. Радека о деятелях II Интернационала, упомянутые нами,—прекрасное знание рабочего движения эпохи империализма дает возможность т. Радеку дать законченные, рельефные характеристики оппортунистов и центристов германской социал-демократии. Наиболее удачной следует считать характеристику Бебеля (т. V). Хороша также статья т. Валецкого о Вандервельде (т. VIII), дающая великолепный и яркий портрет этого законченного эклектика и соглашателя.

Переходя к новейшей истории, нельзя не отметить ряд статей, посвященных событиям недавнего времени, напр., «Аграрные реформы в разных странах после войны» (т. I), статья, принадлежащая перу тт. Н. Мещерякова, А. Хевеши. З. Ан-

гаретиса, Ф. Кона и Ф. Бошковича. Общий смысл аграрных реформ после войны в буржуазных странах, иллюстрированный на примерах Албании, Болгарии, Венгрии, Греции, Литвы, Польши, Румынии, Югославии, Чехо-Словакии и Эстонии,—прекрасно выяснен в следующих строках из введения т. Мещерякова: «Путем аграрных реформ буржуазные правительства стремились к той же цели, которую после революции 1905 года поставил в России Столыпин: отвлечь крестьянство от революции и, путем передачи в руки крестьянства за выкуп части помещичьей земли, создать для буржуазии опору в виде крепкого кулацкого крестьянства. Для массы трудового крестьянства всех указанных стран, эти реформы оказались таким же грубым обманом, каким, в свое время, была для русских крестьян столыпинщина». Отметим еще статьи «Аграрный протекционизм» (т. I) т. Н. Петрова и «Азия как об'ект мирового империализма» (т. I) знатока этого вопроса, покойного т. М. Павловича. Статья заключается выводом, что «империалистическая война велась прежде всего за уголь и железо. Теперь к этим факторам опасных международных конфликтов прибавился новый фактор—нефть, богатейшие источники которой находятся в южной Персии и голландской Индии». Статьи т. Покровского: «Антанта» (т. III) и «Балканские войны» (т. IV) дают на основании многочисленных новейших публикаций картину организации «тройственного согласия» и причин, приведших к прелюдии мировой войны—войне на Балканах. Отметим также интереснейшую статью т. Радека «Багдадская железная дорога» (том IV), непосредственно касающуюся одной из важнейших причин мировой войны. Описания важнейших событий империалистического периода дополняются интересными характеристиками выдающихся буржуазных государственных и общественных деятелей этой эпохи. Из них отметим: статью знатока империалистической Англии, т. Ротштейна—«Биконсфильд» (т. VI), который был по выражению автора «провозвестником новой Англии, Англии империалистской, монархической и антилиберальной»; статью тт. Сказкина и Радека «Бисмарк» (т. VI), гда дана (т. Радеком) характеристика значения наследия Бисмарка для Германии: т. Радек отмечает, что «и капитуляция перед юнкерами внутри, и частичное об'единение Германии явились в дальнейшем исходным пунктом разгрома Германии в 1918 году. Господство юнкерской бюрократии, сковывание даже буржуазной демократии привели к тому, что Германия вошла в мировую войну, возглавленная политиками и дипломатами, не сумевшими правильно оценить ни мирового положения, ни тех сил, которые могла выдвинуть против Германии буржуазная демократия». Эти обстоятельства и привели к разгрому Германии в 1918 году; в том же VI томе мы находим сжатую характеристику Болдуина в статье т. Яроцкого.

Мы уже указывали в начале нашей заметки на статью т. Фрейлиха «Баварская советская республика», которая дает сжатый очерк событий, приведших к возникновению и гибели этого советского государственного образования в самом центре Европы. Тов. Фрейлих рассматривает первый период, с 7 по 12 апреля 1919 года, т. н. «мнимо-советской республики», которая создалась «в результате заговора отдельных лиц с.-д., независимых социалистов и анархистов, министров и членов центрального совета, политически незрелых элементов и провокаторов, и второй период—собственно советской республики, возглавленной коммунистами. Тов. Фрейлих считает, что «резко выраженный мелкобуржуазный характер мюнхенского пролетариата и Советов предприятий привел к крушению пролетарской власти, разложив ее извнутри». Мелкобуржуазные элементы нашли себе вождей в лице социал-демократов Толлера, Меннера и Клингельсефа; вызывая агитацией своей панические настроения, пропагандируя пацифистско-пораженческие идеи, они добились того, что коммунисты были свергнуты 27 апреля. Третий период, когда возглавлявший новое правительство Толлер дезорганизовал фронт, которым все еще руководили коммунисты,—приводит к победе реакции и белому террору, освященному коалицией соц.-дем. с буржуазией.

Мы ни в какой степени не пытались исчерпать богатейших материалов, по новой и новейшей истории Запада и Востока, имеющихся в восьми томах Б. С. Э.; мелких статей мы совсем не можем коснуться, т. к. тогда заметка наша разрослась бы чрезвычайно. Отметим только некоторые статьи, освещающие отдельные характерные эпизоды из истории той или иной страны: такова статья т. Лукина «Буланже» (т. VIII), дающая не только биографию генерала, но и смысл буланжизма и его социально-классовую сущность[1], статья т. Пригожина «Боксерское движение» (т. VI) и ряд других.

Из статей, посвященных древней и средней истории, отметим статью А. Сергеева «Август-Октавиан» (т. I), который характеризуется автором, как предста-

[1] Мы не согласны, однако, с характеристикой позиции Геда во время «буланжизма», данной т. Лукиным. Ее (позицию) нельзя назвать безоговорочно «правильной»: отмежевавшись и от Ферри, и от Буланже—что составляет заслугу Геда—последний все же не сумел увлечь за собой массы,—в его тактике уже в этот период надо отметить элементы сектантства.

витель «интересов торгово-промышленной знати», «Вавилон» (т. VIII) тт. Пригоровского и Никольского. «Варварские королевства» т. Грацианского и обширные статьи тт. Пригоровского, Дементьева и Косьминского, посвященные аграрной истории древности и средних веков (т. I). Тов. Пригоровский, рассматривая аграрную историю Востока и Греции, отмечает своеобразие, которое создавал тот или иной уровень развития торгового капитала в истории внутриземельных отношений и рисует причины аграрных волнений в этих странах. Тов. Дементьев, характеризуя аграрные отношения в древнем Риме, констатирует, что «крупное землевладение с крепостным крестьянским населением и с административной, судебной и политической властью помещика на территории владения—господствующая форма аграрных отношений с конца III и начала IV в.в. Эта форма явилась той основой, на которой начали складываться социально-экономические отношения раннего средневековья». Тов. Косьминский в ст. «Аграрная история средних веков» также констатирует, что «аграрный строй средневековья развивается—без всякого перелома—из порядков предшествовавшей поры». Таким образом, применение марксистского метода приводит нас к полному отрицанию т. н. «теории цикличности», которую опять пускают в обращение некоторые буржуазные социологи и историки, испугавшиеся пролетарской революции и «заката Европы» (Шпенглер, Вишер и др.). «Грань между т. н. «античным миром» и «средними веками»,—пишет т. Косьминский,—в аграрной области заметна меньше, чем где бы то ни было». Автор устанавливает, что «поместье поздней Русской империи носит все те черты, которые отличают его и в средние века», что «дальнейшее развитие аграрных отношений идет по тому же пути, который наметился в последние века Империи». Выяснив экономические причины, которые «гонят крестьянина под защиту сильных людей, заставляют их переходить в число прекаристов», автор останавливался на роли т. н. свободного крестьянства в разных странах средневековья и на развитии городов и торговли, которые разрывают «хозяйственную замкнутость поместья», приводят к постепенной отмене барщинного труда и к установлению новых взаимоотношений между помещиками и крестьянами. «Помещик превращается в простого получателя взносов и пошлин. Поместный строй утрачивает прежний смысл и разлагается, но его пережитки продолжают давить на крестьянство и в значительной мере определяют его дальнейшее развитие». Так подготовляется переход к новому капиталистическому обществу, где юридически свободное крестьянство, нередко освобожденное и от земли, становится и внутренним рынком для товаров промышленности и поставщиком свободных рабочих рук на фабрики и заводы капиталистов. Необходимо отметить весьма важное обстоятельство, что каждая значительная статья снабжена библиографией.

Вообще исторический материал, заключающийся в восьми томах Б. С. Э., столь огромен, что даже отклик лишь на важнейшие статьи должен был занять много места. Общий итог: Б. С. Э., в общем, с честью выполняет обещание редакции: единая материалистическая точка зрения пронизывает все исторические статьи, как посвященные новейшему периоду, так и древней и средней истории. Последнее обстоятельство должно быть поставлено, в первую голову, в заслугу редакции исторических дисциплин Б. С. Э., которая сумела использовать одиночные марксистские и немногочисленные близкие к марксизму силы в области древней и средней истории и всюду внести соответствующую ясность и единство освещения. Большая часть материала принадлежит, как уже указывалось, новой, особенно новейшей истории и, главным образом, истории революционного и рабочего движения и истории социализма. Причем ряду чрезвычайно важных в социологическом смысле проблем уделено серьезное внимание: некоторые из них именно в статьях Б. С. Э. впервые получают четкую марксистскую формулировку. Ряд статей не только подытоживает достижения исторической науки, но и даст нечто новое в освещении отдельных лиц и событий. Наконец, достаточно популярный язык делает все статьи удобочитаемыми и удобопонимаемыми для широких кругов новых читателей, причем это достоинство отнюдь не достигается за счет снижения содержания: наоборот, как мы уже указывали, содержание углубляется и расширяется.

Значит ли это, что в Б. С. Э. нет отдельных недостатков? Они, конечно, имеются,—но они незначительны и на них не стоит останавливаться. Важнейшее начато: по всеобщей истории мы в вышедших томах Б. С. Э. имеем основу для правильного марксистского ознакомления читателей с историческими проблемами и, следовательно, закрепление идеологического фундамента, созданного великой Октябрьской революцией.

Г. Зайдель.

НОВЕЙШИЕ РАБОТЫ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ[1]

Вряд ли кто-нибудь будет отрицать огромное значение крестьянского вопроса в истории Великой французской революции. Несмотря на то, что научное изучение крестьянского вопроса началось около 50 лет тому назад с появлением книги Н. И. Кареева, до сего времени целый ряд актуальнейших проблем нельзя считать достаточно выясненными. Даже наличие аграрного кризиса, послужившего одной из основных причин Французской революции, оспаривается некоторыми (реакционными) историками, вопрос же об остроте этого кризиса еще далек от разрешения; недостаточно исследованы вопрос о техническом и экономическом состоянии земледелия накануне революции и вопрос о влиянии сеньерального режима на развитие земледелия, а характер так называемой феодальной реакции толкуется различным образом.

Не лучше обстоит дело и с вопросом о расстановке классовых сил накануне революции. Если наличие у крестьян земельной собственности уже никем не отрицается, то количественное распределение земли между крестьянами, привилегированными и буржуазией еще не установлено. Так же неясна степень и формы проникновения капитала в деревню. Следовательно, остается неясным, насколько тот или иной класс был заинтересован в ликвидации сеньерального режима. Степень проникновения капиталистических отношений в деревню и расслоение крестьянства далеко еще не настолько изучены, чтобы выяснить интересы различных групп крестьянства и соответственно этому установить социальное значение аграрной реформы.

Что же касается революционной эпохи, то здесь целый ряд проблем только поставлен, и многие из них, еще не затронуты. Наиболее полно рассмотрена юридическая сторона революционного законодательства, но социальная борьба вокруг этого законодательства и классовый характер законодательства освещены мало. Перераспределение земельной собственности в связи с продажей национальных имуществ рассматривалось рядом исследователей, но весь вопрос еще далек от своего разрешения. Без освещения оставались экономическое и социальное положение крестьянства в первые годы революции и характер и глубина тех сдвигов, которые были произведены революцией. Таким образом остаются неясными все изменения в расстановке классовых сил, происходившие в эпоху революции.

Для разрешения этих проблем приходится устанавливать ряд конкретных фактов, для чего пришлось привлечь материал, имеющийся в изобилии на местах. Отказавшись временно от обобщений в масштабе всей Франции, историческая наука к началу XX века перешла к монографическим исследованиям отдельных узких вопросов и истории отдельных областей[2].

Какие из этих проблем привлекали к себе внимание исследователей? Что нового в их разрешении дала литература последних лет, начиная с момента, когда мировая война прервала научное общение между государствами? Наконец, насколько подготовлена почва для обобщений? Такие вопросы встают перед каждым, кто обращается к новейшей литературе по крестьянскому вопросу. Не пытаясь дать сколько-нибудь исчерпывающий ответ на эти вопросы, данный очерк имеет скромную цель: привлечь внимание, как к малоизвестной у нас новейшей литературе по крестьянскому вопросу накануне и во время Великой Французской революции, так и к наиболее актуальным проблемам вопроса. Кстати нужно отметить, что автору не удалось достать ряда новейших книг и журналов, и поэтому обзор не претендует на полноту.

Начнем с вопроса о расстановке классовых сил накануне революции.

Вопрос о распределении земельной собственности не двигался с места до тех пор, пока русский исследователь, Лучицкий, не привлек новые источники — кадастры, налоговые списки, поземельные описи,—которые позволили ему применить статистический метод. Метод Лучицкого, однако, встретил не только сочувственную (Олар), но и враждебную (Матьез[3] и его школа) критику. Но отказ от метода Лучицкого приводит к тому, что вопрос затормаживается в своем рассмотрении. В качестве примера можно взять работу Le Monnerave[4], который огульно

[1] Звездочкой отмечены марксистские работы.

[2] Более подробный обзор постановки основных проблем крестьянского вопроса в том виде, как они были к началу империалистической войны, можно найти в статье Глаголевой-Данини «Крестьянство и аграрный вопрос в эпоху В. Фран. революции». Анналы, 1922 г., стр. 62—82.

[3] За последнее время Матьез высказал свое отношение к работе и методу Лучицкого в рецензии на книгу Олара La Révolution française et le régime féodal, Ann. hist. 1919, стр. 413.

[4] Le Monneraye, Le régime féodale et les classes sociales dans le Maine au XVIII s. (Paris, Sirey 1922), 152 стр. В отрицательном отношении к rôles des vingtièmes он со-

отрицает возможность использовать налоговые списки для выяснения распределения земельной собственности и в поисках за «легко используемым источником (стр. 18, примечание) обращается к наказам, неточность сведений которых по данному вопросу он сам признает; полученные, на основании наказов, данные он принужден для проверки сверять с данными Лучицкого и этим расписывается в бессилии своего метода. Эта работа, однако, интересна данными о концентрации феодальной собственности, полученными на основании изучения бумаг сеньеральных архивов [1].

Ряд исследователей все же обратился к кропотливой работе над налоговыми списками. К этим источникам обратился Soulgé [2] (историк, проникнутый идеологией обиженного революцией дворянства) для изучения дворянского землевладения; он указывает, что столбовому дворянству принадлежало ничтожное количество земель (4,6% всей площади), остальные же terres nobles, составляющие около 25%, принадлежали выходцам из буржуазии, получившим дворянство при Бурбонах, и привилегированной буржуазии [3]. Наличие terres nobles у буржуазии не должно смущать исследователя: феодальные права имели вполне «реальный» характер, т.-е. они закреплялись не за людьми, а за земельными участками, владелец которых и пользовался соответствующими правами; таким образом ротюрьеры (горожане, даже крестьяне), имеющие фьефы, получали те же права, что и дворяне, владеющие фьефами; само прилагательное «noble», в применении к землевладению, потеряло свое первоначальное значение и означает лишь наличие тех или иных прав [4]. К этим выводам автор пришел на основании изучения поземельных описей (terriers; на основании подобных же документов Лучицкий пришел к аналогичным выводам), весьма ценного источника, опубликованию которого он положил почин. Исследователям следует обратить внимание на выводы Soulgé, относительно реального характера феодальных прав, чтобы не грешить упрощением и схематизацией феодальных отношений, как это делают Le Monneraye и Donat.

Если Soulgé облегчил себе работу над податными списками тем, что отбросил детальное рассмотрение ротюрных земель, то Donat, занявшись детальным анализом крестьянских отношений, ограничился документами, относящимся лишь к одной коммуне [5]. В основу работы положен чрезвычайно ценный и точный источник, кадастр, составленный для департамента Тарна-и-Гаронны в 1769 г. Подобные кадастры были составлены в целях более полного обложения населения налогами и для Лангедока, Прованса, Дофинэ, Фландрии, Керси, Бургундии и Артуа. Наличие планов и подробные записи позволяют с полной конкретностью рассмотреть вопрос о распределении собственности и о социальных группах. К сожалению, автор, группируя жителей по профессиям и вычисляя средние цифры для каждой из них, потратил много энергии в-пустую и только запутал вопрос (40 групп!). Неудачна характеристика отличий ménagers от laboureurs (стоит только сравнить №№ 74, 93 кадастра с №№ 14, 28, 57, 195 и т. д.); интересная попытка анализировать brassiers и встречающуюся здесь группу bordiers вызывает опасения, благодаря методу аналогии с теперешними земельными отношениями. Слабая в методологическом отно-

---

лидаризируется с Masset, автором книги Le Bas Maine (Paris 1917), которую мне не удалось достать.

[1] Вопросу о происхождении крупной собственности в районе Парижа посвящена статья Mireaux. Les origines de la grande propriété dans la region parisienne (Bulletin de la Société de l'hist. moderne 1920, стр. 402). Некоторые вопросы о переходе собственности из рук в руки освещены в интересных заметках de la Veronne в Revue de Quest. historiques, например: ликвидация церковного землевладения при старом режиме (часто в форме сдачи торгов в вечную аренду) (октябрьская книжка 1914 г.), о сопротивлении одного дворянина продаже земель за долги (октябрьск. книжка 1924 г.)

[2] Soulgé. Le regime féodal et la propriété paysanne: essai d'introduction à la publication de terriers foreziens (Paris, Champion 1923, 404 стр.) Заслуживают внимания только 7-ая, 8-ая и 18-ая главы и публикуемые в приложении поземельные описи (стр. 285—374). Автор предполагает в скором времени приступить к массовой публикации форезийских поземельных описей.

[3] Нередко значительная часть земли переходила и к непривилегированной буржуазии, вышедшей из управителей и арендаторов феодальных прав и земель сеньора; см. статью J. Masset. Histoire de l'ancienne Chautagne (Memoires de la Société savoisienne de l'hist. et de l'archéologie. Chambery 1915).

[4] Подобные явления совершенно неожиданно встречаются в позднее средневековье (XIII—XIV века) см. приложения к книге Soulgé.

[5] Donat J. Une commune rurale à la fin de l'ancien régime (Larazet). Préface de C. Bloch. Documents sur l'histoire économique de la Révolution Française (Comité de Tarne et Garonne, 297 стр. (Montauban 1926).

шении книга очень интересна благодаря обилию конкретных данных (в частности об условиях продажи земель), почти дословному изложению кадастра и обилию ценных приложений (в частности арендных договоров [1]).

Метод Лучицкого был применен Лефевром в фундаментальном труде Les paysans du Nord [2], явившемся плодом двадцатилетней работы. На основании налоговых списков Лефевр изучает распределение земли как между сословиями, так и между отдельными социальными группами каждого сословия. Бросается в глаза чрезвычайное распыление собственности. Даже среди привилегированных, на долю которых приходится около двух пятых земель. 68% дворян и 77% духовных собственников имеют владения менее 10 гектаров; 71% собственников из городской буржуазии (ее доля 16—17% земли) имеют владения менее 5 гектаров и только 1%—свыше 40 гектаров. Распределение земли между крестьянами (их доля 30%) варьируется по районам: безземельных от 25 до 75% всех жителей, а среди собственников от 50 до 85% имеют парцелы не свыше 1 гектара; собственники более 5 гектаров составляют от 2 до 13%, в некоторых местах встречаются и «крупные» собственники—свыше 40 гектаров. Однако, если принять во внимание арендные отношения, картина распределения фактического пользования земель значительно изменяется: вовсе не обрабатывают земли от 10 до 35% всех хозяйств, доля парцельных хозяйств значительно меньше доли парцельных собственников, количество же хозяйств свыше 10 гектаров увеличивается в несколько раз; по отдельным районам крупные хозяйства свыше 40 гектаров занимают от 30 до 50% всей площади, а встречающиеся на юге крупные хозяйства свыше 100 гектаров составляют 26% обрабатываемой земли. Налицо яркая концентрация земли. Местное обычное право—mauvais gré служит охране монополии средних фермеров, препятствуя смене арендаторов и. отчасти, повышению арендных цен и, следовательно, препятствует концентрации земли; во Фландрии, где этот обычай не имеет места, удается проследить замену мелких и средних арендаторов крупными. Наличие большого количества «безземельных» крупных фермеров означает проникновение капитала из города. В районах крупных ферм значительная часть крестьян превратилась в сельскохозяйственных наемных рабочих, в других же местах большое количество безземельных арендует парцелы земли у кулаков (продовольственная аренда).

Этому процессу расслоения крестьян способствовала ликвидация общинных земель. вокруг которых шла настолько ожесточенная борьба в среде крестьян и между крестьянами и помещиками, что правительство вынуждено было вмешаться: чтобы сломить сопротивление крестьян триажу и заинтересовать бедняков в разделе общинных земель, декрет 1777 года устанавливает в Камбрэ подворное разделение общинных земель в пожизненное пользование, сочетая коллективное владение с индивидуальным [3].

---

[1] Особому виду долгосрочной аренды посвящен блестящий очерк Grand R. (Le contrat de complant depuis les origines jusqu'à nos jours, 164 стр. Paris 1917), выясняющий с исчерпывающей полнотой юридическую сторону вопроса; между прочим автор отмечает, что отсутствие точного формально-логического различения (в раннем средневековье) между понятиями «передавать в собственность» и «давать в пользование» породили ряд форм земельных отношений двойственного характера, как complant и domaine congéable, см. того же автора: Une mode de tenure traditionnel: le domaine congéable et ses répercussions sociales en France (Extrait de Science Sociale Paris Frimin-Didot, 1925). Однако экономическая сторона этих видов аренды еще требует исследования; новый богатый материал представляют два тома документов, изданных Дюбрейем (Dubreuil. Les vicissitudes du domaine congéable en Basse Bretagne à l'epoque de la Révolution. Collection des documents inédits. 2 тома 1915—1916 г.г. см. также брошюру Dubreuil. Le paysan breton au XVIII s. 1925. Paris. Новые книги об арендных отношениях: Peyrac. Le statut juridique des cheptels vifs et morts dans notre arrondissement (Maurice) d'aprés nos baux à ferme de 1669 à nos jours (Maurice 1921) и Lesueur E. Une ferme de l' Artois à la veille de la Révolution (Paris, Gastein-Serge 1921) мне достать не удалось.

[2] Lefebvre. Les paysans du Nord (Paris—Lille, 2 тома, 1020 стр.).

[3] Об общинных землях накануне революции см. статьи: *Лукина (Судьба общинных земель во Франции в последнюю пору старого порядка) и *Познякова (Вопрос о разделе общинных земель по анкете комитета земледелия Законодат. собрания), в книге Кунского и Познякова—Общинные земли в эпоху Великой французской революции (Изд. К. А. 1927). Позняков устанавливает, что вопрос о разделе общинных земель вызвал ожесточенную классовую борьбу в деревне. Sée в статье Quelques remarques sur l'origine des biens communaux показывает, что исходным пунктом происхождения общинных земель является не только коллективная собственность крестьян, но и (в некоторых районах) уступка сеньором права пользования угодьями на принадлежащих ему землях (Revue historique de droit fr. et etr., январь—март 1924).

Лефевр кратко, но ярко вскрыл другой вид проникновения капиталистических отношений и капитала в деревню- перенесение центра тяжести производства на экспорт из городов в деревню и капиталистическую организацию домашней промышленности (гл. образом текстиль[1]). Наконец, крупная торговля хлебом (не смотря на регламентацию) тоже явилась одной из форм проникновения капитала в деревню[2].

Методологические недостатки этой чрезвычайно ценной книги (выделение природных, а не экономических районов при их многочисленности и при перенесении центра тяжести исследования на порайонное рассмотрение не дает возможности автору сделать всех выводов из огромного материала; смешение в термине «буржуазия» разных понятий: «жители городов», «интеллигенция», и «буржуазия—класс», уменьшает ценность социального анализа) отчасти компенсируются приложением значительной части материала в полуобработанном виде (II том).

С вопросом о расстановке классов накануне революции тесно связан вопрос о феодальной реакции. Крайний реакционер, Soulgé в выше цитированной работе пытается доказать, что в провинции Forez феодальный режим умирал естественной смертью: много феодальных платежей и повинностей было забыто, остальные же представляли совершенно ничтожную величину. Олар[3] не решается совершенно отвергать наличие феодальной реакции, однако он считает, что отягчение происходило не столько реально, сколько в воображении крестьян: приобретение земли и свет философии (!) сделали для них феодальный режим более одиозным, чем он был при Людовике XIV; а отдельные отягчения феодального режима, о которых сообщается в научной литературе, есть не более, чем злоупотребления отдельных лиц. Le Monneraye, указав, что параллельно отягчению режима в иных местах было и облегчение феодального гнета, отрицает даже наличие недовольства у крестьян и не замечает комизма своего положения, когда рисует картину, как крестьяне, полные уважения и любви к сеньеру, захватывали замки и жгли сеньеральные документы (стр. 146 op. cit.). Недалеко от Олара ушел и Анри Сэ, который хотя и признает некоторое отягчение феодального режима в отдельных случаях, но рассматривает это явление, как злоупотребления отдельных сеньеров и их управителей[4]. Лефевр, приводя ряд фактов, характеризующих отягчение феодального режима (вплоть до введения новых, никогда не взимавшихся платежей стр. 152 приход Beugnis), и обрисовывая сеньеральный суд, как орудие феодальной реакции, все же в окончательном выводе занимает колеблющуюся позицию.

Одним словом, мы наталкиваемся на полное неумение об'яснить неоспоримый факт феодальной реакции, который никак не укладывается в схему последовательной эволюции феодального общества к обществу капиталистическому; только стоя на платформе диалектического развития общества, можно понять это явление. В небольшой статье С. Д. Сказкин[5] показал, что феодальная реакция есть не что иное, как приспособление феодальных отношений к новому экономическому базису, в результате чего под феодальной оболочкой часто скрывается совсем не феодальное содержание. Феодальная реакция наиболее ярко проявляется не в отсталых, а в экономически развитых районах, при чем крупная и мелкая буржуазия вкладывает свои капиталы в некоторые отрасли хозяйства, правовой оболочкой которого все еще были остатки феодального режима, и выступает в роли откупщика феодальных повинностей; таким образом, налицо «капиталистическая эксплоатация феодальных прав». Нечего и говорить, какое большое значение имеет явление феодальной реакции для понимания позиции буржуазии в вопросе о ликвидации сеньерального режима.

---

[1] См. также Sée. Remarques sur le caractère de l'industrie rurale en France et les causes de son extension au XVIII s. (Revue hist. I, 1923 и Bourdais F. et Durand R. L'industrie et le commerce de la toile en Bretagne sous l'ancien régime (Comité des travaux historiques, section d. hist. moderne, fasc. VII 1922.

[2] Торговля мясным скотом, яйцами и маслом через сеть посредников сосредоточилась в руках крупных капиталистов; см. статью Bondois в сборнике под редакцией Hayemy. Mémoires et documents pour servir à l'historie de commerce et de l'industrie (Paris, Hachette, 1924).

[3] Aulard. La Révolution et le régime féodal, Paris, Alcan. 1919 (Работа по частям появилась в журнале La Révolution Fr. 1913 г.). Олар много внимания уделяет вопросу, была ли в монастыре Сен Клод и в других местах уничтожена личная крепостная зависимость крестьян в результате кампании Вольтера; положительный ответ Олара малоубедителен; весьма интересно, что нового дает книга Robert. Les serfs de St. Remi de Reims (Reims, L. Michaud, Extrait de Travaux de l'Academie Nationale de Reims, том 140, 1927 г.)

[4] Sée. Esquisse d'une histoire du régime agraire en Europe au XVIII et XIX s. s. (Paris, Giard. 1921 г.).

[5] Сказкин. Отражение феодальной реакции в наказах некоторых бальяжей Шампани и С.-В.Франции. Труды Института Истории, вып. 1. 1926 г.

Освещая вопрос о состоянии земледелия к концу XVIII века, новейшая литература дает ряд фактов, подтверждающих точку зрения т. Сказкина: крупные капиталы вкладывались в работы по осушению и по поднятию нови на общинных землях и угодьях, узурпированных сеньером на основе феодального права триажа и кантоннемана; это устанавливается для Фландрии[1] Бордо и Бретани[2]. Однако феодальные отношения создавали и неблагоприятные условия для таких вложений капитала—бойкот, угрозы и насилия со стороны узурпированных[3]. Кроме того, политика правительства относительно внутренней и особенно внешней торговли защищала интересы промышленного капитала во вред развитию торгового земледелия[4]. Даже вблизи богатейших рынков сбыта, около Версаля, крупные фермеры находили невыгодным переходить к интенсивному земледелию и ревниво охраняли свою монополию на землю в целях борьбы с конкуренцией мелких хозяйств и повышения цен на продукты сельского хозяйства[5].

Анри Сэ показал, что, несмотря на оживление агрономической мысли во второй половине XVIII в., несмотря на деятельность Обществ агрикультуры, сколько нибудь значительного прогресса земледелия не наблюдается. Признавая обескураживающее влияние феодального режима на земледельцев, Сэ, однако, не может вырваться из порочного круга: отсталость земледелия об'ясняется отсутствием капитала, капитал же невыгодно помещать в виду отсталой техники земледелия[6]. Благодаря работе Лефевра мы знаем, что и во Фландрии, несмотря на высокую технику и внешне цветущее положение, аграрный кризис был жесток, и вложенный в земледелие капитал (в этом районе в предложении капитала недостатка не было) давал мало прибыли, так как «привилегированные при помощи десятины и триажа, собственники—при помощи ренты, король—при помощи налогов—забирали весь прирост от интенсификации земледелия. Аграрный кризис требовал решительных мер, на которые феодальное государство пойти не могло[7].

Говоря о кризисе, надо помнить, что только сельская буржуазия искала выхода в капиталистическом преобразовании строя; сельский пролетариат и полупролетариат и основные массы средних крестьян оставались верны и коллективным формам пользования—владения, и регламентации торговли с'естными припасами, борясь на два фронта и с феодализмом—в лице сеньера и сеньерального режима, и с капитализмом—в лице сельской буржуазии с ее манчестерскими стремлениями[8]. Если такая реакционная идеология господствовала у крестьян экономически передовой Фландрии, то в других областях вряд ли можно ждать большей «сознательности» от крестьян. Уже в первых волнениях на почве дороговизны хлеба проявились этот раскол крестьян и единый фронт деревенской бедноты с городскими рабочими[9].

---

[1] Lefebvre, op. cit., стр. 220—221.

[2] Sée. La vie économique et les classes sociales de la France aux XVIII s. (Paris 1924), стр. 102—104.

[3] Там же, стр. 105.

[4] Lefebvre, op. cit., стр. 253.

[5] Evrard, статья о торговле хлебом при старом режиме (стр. XXXIII), служащая предисловием для публикации источников, изданных Dufresne et Evrard. Les subsistances dans le distr. de Versaille de 1788 à l'an V 1921—1922 г. г. О хлебной торговле в XVIII веке: Muzart, Ch. La réglementation du commerce des grains en France au XVIII s. La theorie de Delarme (Paris, Champion 1922). Mathiez. Les subsistances pendant la Révolution I. De la réglementation à la liberté (Ann. hist. 1917, стр. 166 и сл.). Leon Caheu. Le pacte de famine et les speculations sur les blés (Revue historique 1926, mars—juin). О состоянии земледелия: Raveau. L'agriculture et les classes paysannes dans le Haut Poitou au XVII siécle (Extrait de la Revue d'Hist. économique 1924.) Destenville, H. La pomme de terre, sa vulgarisation par le gouvernement revolutionnaire sa culture, dans le distr. Evray (Troyes. 1917). Sée. Les landes, les biens communaux et le défrichement en Haute Bretagne dans la première moitié de XIX s. (Extrait de Memóires de la Société d'hist. et d'Arch. de Bretagne 1926) Sée. La vaine pature en France sous la monarchie de juillet d'après l'enquête de 1836—1838 (Revue d'hist. mod. 1926, III, 198 стр.); эти работы показывают, что ликвидация трехполья и общих полей затянулась еще надолго после революции.

[6] Sée. La vie économique et les classes... стр. 121.

[7] Leferbvre, op. cit, стр. 258.

[8] Lefebvre, op. cit., стр. 880 и в др. местах.

[9] Там же, стр. 348—349. Целый ряд работ, посвященных аграрным отношениям при старом режиме, мне достать не удалось: Quinion. Histoire d'un village bas breton Plouagat-Moysan (Morlaix 1924, 143 стр.). Caheu G. Une paroisse rurale au XVIII s. en Seine-et-Oise (1739—1793) (Chartres, impr. Durand 261 стр.). Balmain. La communauté de Châteauneuf en Savoi (Chambery, 1923, 160 стр.). Verriete. Le régime seigneurial dans le Hainault (Louvin. 1917), Du Halgouet H. Une seigneurie de la sénéchaussée

Переходя к возникновению революции, необходимо отметить указание Анри Сэ, что бретонская буржуазия была застрельщиком революции и первая поставила социальный вопрос,—вопрос о ликвидации сеньерального режима[1]. Если это указание правильно, то оно приобретает совершенно особый интерес благодаря обстоятельствам, при которых социальный вопрос был поставлен. Сам Сэ в одной из работ[2], указывал, что в борьбе между буржуазией и привилегированными за крестьянина как союзника привилегированные попытались опереться на народные массы деревни. И только тогда бретонская буржуазия, под напором крестьянских требований и резолюций, должна была перейти от пропаганды одних лишь политических требований к предложению ликвидировать сеньеральный режим. Эта пропаганда проникла и в Анжер; здесь, как сообщает Le Moy[3], предвыборная борьба достигла большого напряжения, о чем свидетельствуют ряд брошюр и памфлетов и большое количество «примерных наказов». Привилегированные пытались нажимать через сеньеральных агентов, воздействовать на крестьян, что в некоторых случаях им и удавалось; на обще-сенешальском избирательном собрании III сословия разгорелась борьба между буржуазией и сеньеральными агентами, явившимися делегатами от многих деревенских приходов. В Майенне abbé Gaugain тоже устанавливает влияние как сельской интеллигенции, так и городской буржуазии на составление крестьянских наказов[4].

Приходится отметить, что сведения о борьбе буржуазии и даже привилегированных за союз с крестьянством в литературе большей частью встречаются случайно, именно в главах, посвященных вопросу о достоверности и надежности наказов как источника. Работы Валя и Ону поставили этот последний вопрос в такую плоскость, что и суб'ективная и об'ективная достоверность наказов должна подвергаться анализу в каждом отдельном случае. Однако редко эта проверка делается с надлежащей тщательностью, еще реже анализ, кроме формальной стороны, захватывает и классовую сущность; большей частью критики исходят из общих положений; отсюда происходит, что даже к требованиям местного характера, явно крестьянским по своему происхождению, одни относятся как к требованиям, страдающим преувеличениями (Gaugain), другие наоборот, как к преуменьшенным, как к требованиям, подвергшимся умеряющему влиянию представителей власти, обычно председательствовавших на собраниях (Lefebvre[5]).

---

d'Auray; le domaine et les seigneurs st. Brieuc, 1920). Он же, Du régime seigneurial dans l'ancienne France: duché de Rohan et ses seigneurs (1925). Latouche R. La vie en Bas Quercy du XIV au XVIII siècle (Toulouse, Privat et Paris, Picard 1923—1924, 520 стр.) Sée. La misère, la mendicité et l'assistance à Bretagne au XVIII s. (Extrait des Memoires de la Société d'hist. et d'Arch. de Bretagne 1924—1925). Отдельные главы работы Funck Brentano, F. L'ancien régime (Paris, 1926, 572 стр.) Ценный справочник. Vicomte Charles de Peloux. Repertoire générale des ouvrages moderne relatifs au XVIII siécle (1715—1789). (Paris, Ernest. Grund 1926, 306 стр. и дополнение в 1927 г.), содержащий свыше 10.000 названий. Для справок о юридической стороне, управлении и отчетности о движимом и недвижимом имуществе приходов, называемом fabriques, имеется работа Lafforgue E. Les fabriques des églises du diocèse de Tarbes sous l'ancien régime et pendant la Révolution (Tarbes 1925, 129 стр.). Недавно переизданы старые работы: Champion E. La France d'après les cahiers de 1789 г. (5-е издание Paris 1921; мне известно издание 1904 года) и de Calonne. La vie agricole sous l'ancien régime dans le nord de la France (3-е издание, 1920, 2-ое издание от 1885 года).

[1] Sée. La vie économique et les classes sociales.

[2] Предисловие к публикации наказов Реннского сенешальства под редакцией Sée et Lesort т. I.

[3] Предисловие к публикации наказов A. Le Moy, Cahiers de doléances de sénéchaussée d'Angers, Coll. doc. inédits 2 тома CCLXV+418+843 стр. и карта, 1915 и 1916 г.г. К сожалению, эти брошюры и памфлеты не приводятся целиком; так же слишком скупо приводится содержание протоколов приходских избирательных собраний. Целиком приведены 4 «примерных наказа» и 2 «примерных протокола».

[4] Abbé Gaugain. Histoire de la Révolution dans la Mayenne. I partie. Histoire politique et religieuse (Laval, Chailland 1918, 2 тома), т. I. стр., 93—98. Автор считает неоспоримым влияние «примерных наказов», хотя таковые им и не обнаружены. Интересен опубликованный в La Révolution Française (1927 № 1) «примерный наказ» департамента Тарн.

[5] Недостаточное внимание к конкретной критике наказов проявляется и в последних изданиях наказов Collection des documents inédits: Godard et Abensour. Наказы бальяжа Amont (департамент Haute Saône (т. 1, 555 стр., в том числе 40 страниц введения, 1918; второй том еще не вышел). Le Parquier. Наказы бальяжа Arquier (департамент Нижней Сены, т. т. I—II, LXVIII+628—1922 г.). Boissonade P. et Cathelineau Наказы сенешоссеи Civary (департамент Vienne; Niort, St. Denis 1925 XLIII+399 стр. есть карта) и Balencie. Наказы сенешоссеи Bigorre (департамент Hautes Pyrénées,

Законодательство по ликвидации сеньерального режима и после работ Лучицкого и Саньяка продолжает привлекать влияние исследователей. Касаясь 4-го августа 1789 года, Олар[1] указывает, что изучать это событие надо не по «Moniteur», который стал выходить только с 24 ноября, а по другим современным газетам: эти источники показывают, что вопрос о выкупе сеньеральных прав подготовлялся в Бретонском клубе, и что неожиданного в «представлении» 4-го августа было лишь то, что виконт де Ноайль предупредил выступление представителя этого клуба д'Агийона; но, как видно из публикуемого Hennequin'ом письма депутата Parisot[2], оба эти выступления были неожиданностью для Комитета Ста, который предполагал первым внести подобное предложение. Все же Олар не хочет порвать с легендой о «безумной ночи энтузиазма».

В дальнейшем Олар занимается чрезвычайно интересным вопросом о живучести феодализма при революции. Подводя итоги известным в литературе фактам, он утверждает, что до 1791 года продолжалось поступление десятины, что феодальные ренты и платежи взимались даже с национализированных имуществ и что отказы от уплаты были хотя и частым, но все же исключением. Мне кажется, следует относиться осторожно к этим выводам, тем более, что и новейшие сведения (книга Лефевра) показывают, что на местах была внесена значительная анархия в выплату не только феодальных платежей, но и арендной платы.

Как отнеслись крестьяне к аграрному законодательству Конституанты и Легислативы? Как бы отвечая на этот вопрос, Олар вслед за главой о 4-м августе помещает главу о крестьянских восстаниях, привлекая некоторый новый материал. Крестьяне сами, своими силами ведут борьбу против феодализма, при чем их гнев обращается не только против сеньеров, но и против тех буржуа, которые, будучи землевладельцами, продолжают требовать феодальные платежи (стр. 135—139). О том же говорит и ряд статей в журналах. Даже в Савое[3], куда революционная законность была принесена на острие штыка, крестьянское движение с сентября 1792 по май 1793 г. имело тот же характер борьбы с феодализмом, углубления революции. Однако современники называли эти крестьянские волнения контрреволюционными, об'ясняли их происками аристократов и т. д.; даже движение арендаторов департамента Ланд против повышения арендной платы[4] и стачки жнецов в Валуа за повышение сдельной платы[5], рассматривались, как контр-революционные. Примеру современников часто следуют и историки, стирая таким образом всякую грань между движением за углубление революции и движением за восстановление старого порядка (напр., Vermale, Leclerc, Richard).

Tarbes 1925—1926, 2 тома 650 стр., в том числе предисловия 19 страниц); слишком краткие выдержки из протоколов избирательных собраний, не указывается налоговое обложение присутствующих, мало сведений об экономическом положении приходов; наконец, очень мало подстрочных примечаний, т.-е. не приводятся данные из архивных материалов для проверки тех фактов, о которых говорят наказы; в последнем отношении выгодно выделяется публикация Bridrey, последний том которого вышел в 1914 г. (наказы бальяжа Cotentin, департамент La Manche I—III и 1907—1914 г.г.). Кроме Coll. des doc. inédits имеется ряд других изданий наказов (их достать мне не удалось): Garriques D. Cahiers de doléances de la communauté d'Auraud Guilhem au pays de Rivier Verdin en 1789 (St. Gaudens, Abadie 1925. 42 стр. и карта). Délacroix, Les cahiers de doléances du baillage de Pontalier (1926 или 1927). Porré. Cahiers des curés des communautés ecclesiastiques du baillage d'Auxerre (1927). Malrieu V. Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Montauban (Tarne et Garonne). Montauban 1925, 88 стр. (10 наказов). Papin A. Les Cahiers de doléances du Chauletais: les douze communes du canton de Monfaucon (Bull. de la S-té des Sciences de Chaulet 1924) О выборах. Delon J. (abbé). Les élections de 1789 en Gevaudan (1923); Constatin. La campagne électorale du clergé dans le baillage de Nancy en 1789 (1926 или 1927).

[1] Aulard. La Révolution et le régime féodal, стр. 76 и сл.

[2] La Révolution Française 1927 № 1.

[3] Vermale. La Révolution en Savoie (Chambery 1825) стр. 11—22. Совсем другого характера восстания «барбетистов -в районе Ниццы; Combet утверждает, что их причиной являются насилия французских войск см. Combet J. La Révolution dans le comté de Nice et la principaute de Monaco 1792—1800 (Paris, Alean 1925) стр. 255.

[4] Richard A. Les troubles agraires des Landes en 1791 et 1792. Annales Révolutionnaires 1927 № 24 (ноябрь—декабрь).

[5] Dommenget M. Les grèves de moissonneurs du Valois sous la Révolution (Ann. Rév. 1924, стр. 507). Сведения о крестьянских волнениях есть в книге Leclerc. Les journées d'octobre et la fin d'année 1789. (Paris, Letouzey 1924). Ряд интересных документов о крестьянских волнениях в первые годы революции опубликовал Sée. Les troubles agraires en Haute Bretagne (1790—1791). (Bulletin d'Histoire économique de la Rév. 1919—1921, а также отдельн. изданием Paris 1924) и Les troubles agraires dans le Bas Maine en juillet 1789 (Ann. Rév. 1925 стр. 528).

Обе проблемы, поставленные Оларом, тем более интересны, что они могут помочь выяснить классовую сущность Конституанты, Легислативы и Конвента и их законодательной деятельности. Появившаяся в Университетских Известиях (Киев 1915) работа Д. К. Петрова о ликвидации сеньерального режима устанавливает ценность тех или иных декретов «вне какой-либо зависимости[1], т.-е. с точки зрения абстрактной справедливости, и, конечно, ничего не может дать по интересной для нас проблеме, точно так же как работа реакционера Сеньереля, посвященная «варварскому», «пиратскому» законодательству относительно имущества эмигрантов[2] и рассматривающая его с точки зрения борьбы принципов нового—естественного права и старорежимного—всемогущества государства с его максимой Salus populi suprema lex. Зато работа Кунисского, посвященная только небольшой части аграрного законодательства—по вопросу об общинных землях[3], ставит эту проблему во весь рост и, поскольку это возможно на основании одного этого материала, дает четкую классовую характеристику как основных течений при обсуждении проектов законов, так и всей законодательной работы каждого законодательного учреждения революционной эпохи.

Однако центральное внимание автор уделяет не работе законодательных учреждений, а положению на местах. Борьба вокруг раздела общинных земель, как показывает автор, приобрела во время революции чрезвычайно острый характер. Если первое время центральным пунктом борьбы был вопрос, делить или нет общинные земли, то после закона 28 августа 1791 года деревню раскалывает вопрос о способе раздела. Однако характер источника не позволил автору входить во все подробности конкретной борьбы на местах. Товарищу Кунискому принадлежит заслуга поставить вопрос и указать общее направление в разрешении его. Перед исследователями местной истории лежит большая задача,—выяснить позицию сельского пролетариата, полупролетариата и середняцкого слоя в различных экономических районах и в различных условиях борьбы, виды и характер общинных земель и угодий, подвергшихся разделу, а также причины и обстоятельства, мешавшие покончить с этим пережитком феодализма[4].

Не менее интересны борьба за распределение так называемых национальных имуществ (земель конфискованных у духовенства и эмигрантов) и те классовые сдвиги, которые явились результатом этого распределения. Общие работы (Лучицкого, Мариона) послужили не столько разрешению, сколько постановке вопроса, ответ на который требует еще предварительной разработки материалов по областям. Чрезвычайно интересный и тщательно обработанный материал дает книга Лефевра. Он отмечает надежду крестьян получить землю для безземельных и малоземельных даром или, по крайней мере, возможность приобрести их без торгов; отсюда борьба дистриктов, отражающих интересы крестьян, за продажу земель мелкими участками (431—435). Когда департамент настоял на выполнении правительственных распоряжений, и крупные фермы стали поступать в продажу не в раздробленном виде, крестьяне стали выступать против городской буржуазии, об'единяясь всей деревней в ассоциации, и для удаления конкурентов применяли договор с некоторыми из них, угрозы, mauvais gré, и даже прямое насилие. Эти обстоятельства, а также применение благоприятствующих бедноте декретов 3 июня и 13 сентября 1793 года, которые обычно оставались лишь на бумаге, привели к тому, что до конца III года крестьянские приобретения значительно превосходили приобретения буржуазии, которая берет реванш только в период нисходящей линии революции. Отчасти подтверждается явление, отмеченное Лучицким: вблизи городов покупки горожан составляют 70—90% всей площади проданных земель; но это относится лишь к наиболее крупным городам, близ мелких городов преобладание остается за крестьянами. В общем около 18.000 крестьян приобрело 52% всей проданной земли.

Однако распределение земли между покупателями-крестьянами чрезвычайно неравномерно: 90% крестьян купило не более чем по 5 гектаров (39% площади), в то время, как один процент (около 200 человек) приобрело земель больше

---

[1] Петров Д. К. Ликвидация сеньерального режима во Франции (Университетские известия № 8, Киев 1915).

[2] Seigneurel J. Etude historique sur la législation révolutionnare relative aux biens d'emigrés (Paris—Nancy 1915, 196+XIX стр.).

[3]* Куниский и Позняков. Общинные земли в эпоху Великой французской революции, главы II—IV.

[4] Примером того, насколько неожиданные формы борьба принимала на местах могут служить сведения, даваемые Лефевром, как-то: в животноводческом районе богачи стоят за сохранение общинного пользования и идут на целый ряд уступок беднякам, требующим раздела общинных земель, которые не приносят последним пользы, т. к. у них нет скота; богачи согласны даже на самообложение для приобретения беднякам скота (стр. 513).

чем по 40 гектаров—22% площади крестьянских покупок. (та же неравномерность наблюдается и в отношении покупок горожан). Значительное количество безземельных приобрело земли (одна треть всех крестьян-покупателей); часто это были богатые фермеры, верхушки деревенской буржуазии; однако много и бедняков сделалось собственниками. приобретя клочки земли менее 1 гектара. Таким образом множество фермеров превратилось в собственников, возросло количество мелких собственников, и сильно выросла (численно и качественно) сельская буржуазия.

Чрезвычайно ценны сведения об изменении в распределении фактически обрабатываемой каждым хозяйством земли, прослеженные по 80 коммунам (по источникам, относящимся к эпохе консульства; такие сведения появляются в литературе впервые). В общем площадь обрабатываемой земли увеличилась, наибольший прирост дали средние хозяйства товарного типа и значительный прирост—хозяйства нежизнеспособные—парцельные, продовольственного типа [1].

Подводя итоги Лефевр указывает, что земельный вопрос, как он ставился в 1789 году, разрешен не был, так как остался значительный кадр жаждущей земли безземельной и малоземельной бедноты и сохранились крупные землевладельцы, сдающие в аренду земли, как крупными фермами, так и по мелочам [2]. Крупные землевладельцы феодального типа продолжали употреблять и феодальные формы эксплоатации этой собственности, поэтому до сих пор сохранились такие остатки феодального строя, как половничество [3] и эмфитевза, в частности complant и domaine congéacle [4].

Каково было отношение крестьян к прочим мероприятиям революционных властей? Ценный материал для департамента Nord дает Лефевр. Установление максимума на хлеб имело сторонников и в деревне в лице деревенской бедноты, не имеющей посевов или имеющей их недостаточно, которая еще в 1789 и 1792 годах отнимала хлеб у зажиточных крестьян; однако установление максимума на заработную плату оттолкнуло их от революции; широкое применение реквизиций, после отмены максимума, когда даже и военной опасности не было, скомпрометировало республику в глазах сельской буржуазии [5]. Аграрный кризис, возникший

---

[1] Оставшиеся нерассмотренными Лефевром изменения в характере арендных отношений (изменились категории лиц, сдающих и берущих землю в аренду, изменились соотношения продовольственной и капиталистической аренды земель) могут быть легко прослежены по имеющимся в приложении таблицам. Вот вопрос для маленького исследования.

[2] Ряд заметок о продаже национальных имуществ помещал Vermale F. в Annales hist. под заглавием Autour des biens nationaux (1917 г., стр. 34, 1919 г. стр. 397, 1921 г. стр. 147, 1922 г. стр. 424 и 1923 г. стр. 511). Документы: Martin. Les documents relatifs à la vente des biens nationaux dans les districts de Toulouse et de St. Gaudens (Coll. doc. inédits; Paris 1916 LXXXVII+648 и Reims 1924, XXX+616) с приложением синоптических таблиц. Не удалось достать Carron P. et Deprez E. Le recueil des textes legislatifs et administratifs concernants des biens nationaux, т. I 1789—1791 (1927); Patrigeon. Comment on achetait et comment on payait un bien national sous la Grande Révolution. Les biens nationaux du d-t de l'Indre; ventes; résultats financiers; statistiques des operations comprises entre 1792—1812 (Paris Picard 1914); Le Chevalier H. La propriété foncière de clergé et la vente des biens ecclesiastiques dans le district de St. Lo (St. Lo, Jacquelin 1920, 149 стр.).

[3] Работу о половничестве: Gagnon C. Histoire du metayage en Bourbonnais depuis 1789 (Paris 1920) достать не удалось.

[4] См. новое издание работы. Chénon. Le démembrement de la propriété en France avant et pendant la Révolution (Paris, Sirey 1923; дополненное издание книги, вышедшей в 1881 г.) стр. 174—180.

[5] Ряд документов относительно применения максимума и экономического состояния деревни имеется в изданиях Collection des doc. inédits: Defresne A. et Evrard. Documents relatifs aux subsistances dans le destr. de Versaille de 1788 à l'an V (Paris, Leroux 1921—1922, т. I—II, CIII+366—574 стр.). Lefebvre. Doc. relatifs aux subsistances dans le distr. des Bergues (Lille 1914—1921, I—II т. т. CXXIV+670+704 стр.) Tuety. Correspondance du ministère de l'intérieur relative, au commerce aux subsistances et à l'administration général 1792 (Paris 1917 XIII+760). Adher J. Recueil des documénts sur l'assistance publique, distr. de Toulouse 1789—1806 (1918, XXVIII+606; о количестве бедных в деревнях и фермах помощи им стр. 549—586). См. также статьи Destenville H. Le problème du ravitaillement dans un district de l'Aube de 1792 à 1795 (Ann. hist. 1919, стр. 229) и Mathiez. Les requisitions de grains sous la terreur (Revue d'hist. économique 1920, т. VIII, стр. 231—254). Главным образом о постановке вопроса в центре ряд очень интересных статей Матьеза в Ann. Hist. (1917 стр. 166, 1921, 1922 и 1923) и в Annales Révolutionnaires (1925, 1926); серия еще не закончена. Martin. La politique nantaise des subsistances (1924); не достал Dommenge

в результате революции, максимума и разрушений войны и который стал изживаться только с лета 1796 года, тоже влиял на отношение крестьян к революции в неблагоприятную сторону [1].

Это приводит нас к вопросу о крестьянской контр-революции. У Лефевра имеется очень ценный материал относительно того, как оформлялась эта неудовлетворенность крестьян революцией в контрреволюционные настроения и контрреволюционные действия. Ни реформированная школа, находившаяся в плачевном состоянии, ни новое самоуправление, часто снова передававшее власть в руки старорежимных эшевенов, не противопоставили этим настроениям политико-просветительной работы и патриотической агитации. Протестовавшие и против легкой воинской повинности при старом режиме крестьяне враждебно отнеслись к суровым наборам в революционные армии, были частные случаи восстания призывников [2].

Лефевр считает, что при таком положении вещей, разрыв с духовенством был ошибкой. Вокруг неприсяжных священников сконцентрировались все недовольные революцией, а вокруг присланных взамен их конституционных священников сгруппировались «патриоты». Одно из писем указывает, что к числу последних принадлежал menue peuple—средние крестьяне, а контрреволюционная группа состояла из сельской буржуазии и зависимых от нее поденщиков, батраков и рабочих. Все колебания центрального правительства очень ослабляли влияние группы патриотов, наоборот решительная революционная политика и военная обстановка заставляли контрреволюционные группы стушевываться. Неприсяжное духовенство хотя и было организующим центром контрреволюционной деятельности, но имело своей базой не деревни, а некоторые города (Douai). Интересно, что борьба обеих групп между собой была и по поводу мер дехристианизации: если закрытие церквей вызывало недовольство и порой контреволюционное движение, то и восстановление культа дало повод не только к единичным протестам, но и к целым волнениям (см. стр. 857). При директории, особенно с V года отмечаются усиление контрреволюционных группировок и анархических выступлений и полная дезорганизация патриотов, так что перелом политики с конца 1797 года (меры против эмигрантов и роялистов) не нашел для опоры достаточно сильной революционной группы. Все эти сведения страдают от недостатка классового анализа, так же как и конечный вывод, что крестьяне приветствовали переворот 18 брюмера. Несмотря на это, эта часть работы Лефевра дает для понимания социального характера крестьянской контр-революции гораздо больше, чем ряд новых книг о Вандее и восстании шуанов, принадлежащих перу реакционных историков, об'ясняющих все дело «глубокой религиозностью» крестьян и нежеланием итти на военную службу [3].

В заключение отмечу, что попытка Сэ дать краткую сводную и сравнительно-историческую работу по крестьянскому вопросу [4] потерпела неудачу: вместо вы-

---

D. Les subsistances dans le distr. de Monpellier (Monpellier 1924, 290 стр.) См. также интересные документы, относящиеся к 13 коммунам департамента Indre et Loire, изданные Mussereau: Documents d'archives sur l'histoire économique de la Rév. Française... (1788 an VII). (Orléans 1915, XIV—289 стр.) О своеобразных продовольственных отрядах свидетельствует Une apel de l'armée révolutionnaire, опубликованная в Annales Historiques (1922, стр. 427).

[1] См. также статьи Sée. L'état économique de la Haute Bretagne sous le Consulat d'après la statistique de Borie et de Huet (Ann. Rév. 1925 март—апрель) и заметку. Vautier F. François de Neufchâteau agriculteur (там же, январь—февраль 1925).

[2] См. также Richard. Les resistances à la levée de 300.000 hommes dans le Pay de Dôme (Ann. hist. 1923 стр. 503)

[3] Delon, abbé La Révolution en Lozère (Mende 1922, 791 стр.). Gabory. La Révolution et Vendée (Paris, 1925 I т. I—II, обещан и III); Gaugain. Histoire de la Révolution dans la Mayenne (Laval, Chailland 1918—1921, 2 части, 4 тома); более поздний период захватывает Sageret. Le Morbihan et la chouannerie morbihannaise sous le Consulat (3 тома, 5 книг, 1917—1919, éd. Piard). См. также статьи Dubreuil в Annales historiques (1917, 1918 и 1919 г. г.). Madelin. La Chouannerie dans le Bocage normande (там же 1917, стр. 330), Martin. Les blancs à Machecoul (La Révolution Française 1925 № 1). Обзор новейших работ по крестьянской контрреволюции будет дан в одном из следующих номеров И. М.

[4] Sée. Esquisse d'une histoire du régime agraire en Europe au XVIII et XIX siècles. Paris 1921.

Ценное пособие для работающих над крестьянским вопросом во Франции: Marion. Dictionnaire des institutions de la France au XVII et XVIII s., Paris 1923. Автор настоящего обзора не достал следующие книги: Chanoine-Davranche. La vie sociale pendant la première partie de la Révolution 1789—1798; Rouan et ses environs (Rouan 1916); Lemerque. La Revolution à Toget précédé d'une histoire à travers l'ancien domaine (Auche); Joly. Lap aroisse de Benu pendant la Révolution (Annecy 1923); Vermale. Journale d'un paysan de Maurienne pendant la Révolution et l'Empire Chambery, (1919).

явления основных экономических и социальных процессов, бурно происходивших во второй половине XVIII века, даются механическое соединение различных данных и бессодержательная квалификация, а революционный период остается в книгах Сэ вовсе не освещенным. Эта неудача об'ясняется не только недостатками метода (не-марксисту вообще трудно сделать вполне научные обобщения), но также и тем, что собранный материал недостаточен и распределен очень неравномерно по различным экономическим районам Франции, для того, чтобы можно было обогатить науку новым широким выводом.

И. Завитневич.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПОЛЬСКОГО БОЛЬШЕВИЗМА

Значение истории польского социалистического движения, и в частности С. Д. Польши и Литвы, для изучения русского рабочего движения и русского большевизма—неоспоримо. Для раннего периода 80 и 90 годов эта взаимосвязь общепризнана, хотя и недостаточно еще изучена. Для послеискровского, большевистского периода эта взаимосвязь также неоспорима. Нельзя сказать, чтобы эти «польские моменты» истории партии были полностью учтены и достаточно изучены. Важно отметить то обстоятельство, что развитие большевизма многократно переплеталось с историей польского его оттенка, что этот последний не раз выступал на подмогу ленинскому стержню большевизма и не раз становился поперек его дороги (вспомните многократные блоки поляков и большевиков-примиренцев периода 1910—1912 гг.). Достаточно упомянуть Лондонский с'езд, Всероссийскую конференцию 1907 г. и декабрьскую 1908 г., пленум ЦК 1910 г., замысловатые примиренческие потуги следующих лет и вплоть до циммервальдской левой и голосования национальной резолюции на апрельской конференции 1917 г. (уже после организованного слияния СДП и Л с большевиками), чтобы доказать эту историческую связь.

К сожалению, с историей нашей партии в Польше дело далеко не благополучно. Относительно неплохо повезло лишь «Пролетариату» Варынского: мы имеем о нем классическую работу Р. Люксембург и ценную работу Волковичера, статьи и воспоминания Ф. Кона и других участников. Работы еще много, но основа уже есть. Между тем, что касается истории основной партии революционого пролетариата Польши, именно СДП и Л, то здесь до сих пор ничего или почти ничего не сделано, а это в свою очередь отражается отрицательно и на работах по истории большевизма в России.

Первой серьезной брешью в таком положении дел является работа и издания Польского Ком. Архива, которым мы и хотим заинтересовать русских историков.

Перед нами уже 9 книжек, изданныхØlькомархивом (2 тома «Материалов по истории социал. движ. в Польше», 3 брошюры и 4 номера органа архива «Z pola Walki»). Этот довольно обильный исторический материал невозможно оценить правильно, не познакомившись предварительно с работой того учреждения, от которого этот материал исходит, именно Польского Коммунистического Архива при Польской Комиссии Истпарта ЦК ВКП(б). Это тем более, что вышедшие уже книги являются лишь незначительной долей проделанной Архивом работы, в частности—лишь небольшой частью материалов, приготовленных или готовящихся к печати.

Польская Комиссия Истпарта ЦК ВКП(б) была утверждена Центральным Комитетом в январе 1925 г. Председательствовал в комиссии вплоть до своей смерти и фактически руководил ею Ф. Дзержинский. Первый период работы Полькомиссии целиком ушел на организацию архива[1] и на подготовительные работы. До 1925 г. было накоплено (при Польбюро ЦК ВКП(б) много сырых материалов, подчас исключительно ценных; они собирались в 1917 г. и составляли приблизительно половину того, что имеется в архиве в настоящее время. Однако весь этот материал представлял из себя бесформенный «склад для будущего». Научная и систематическая работа с этим сырым материалом, копившимся много лет, была начата лишь с образованием П. К. Архива при Польской Комиссии Истпарта, т.-е. с 1925 года. Весь материал был инвентаризован и приведен в порядок. Еще более важно то, что на основании упорядочения материала были выявлены пробелы, недостающие экземпляры и т. д.; одновременно велись систематические розыски и приобретение материалов. Что касается рукописного материала, переписки и т. п., то на собирании его неблагоприятно отразились групповые трения в среде польских товарищей, и прежде всего то, что центральные партийные архивы почти полностью погибли в водовороте войны, и до сих пор ничего серьезного разыскать не удалось,

---

[1] П. Ком. Архив помещается на Арбате, Кривоникольский пер., д. № 8, нижний этаж, открыт в будни с 9 до 3½ ч.

а те осколки, которые нашлись, в архив не сдаются и от расхищения не застрахованы. Важнейшие другие документы до сих пор в архив также не сдаются и находятся в руках случайных их обладателей. Рукописно-архивный материал представлен поэтому в архиве совершенно случайно и чрезвычайно скудно.

Зато в области собирания печатного материала сделано очень много. Цифровая характеристика состояния архива, согласно его отчетам, заняла бы слишком много места. Мы даем здесь лишь самые важные общие итоги на 1 января 1928 г. (прошлогодний отчет напечатан в № 2 «Z pola Walki»). Итак в архиве (по революционному движению до 1918 г.) имеется названий (не экземпляров):

Периодических изданий	248 (СДП и Л- 39)
Книг и брошюр	706 (СДП и Л-108)
Воззваний и летучек	2 598 (СДП и Л-875)

Цифры эти обнимают издания «Пролетариата», СДП и Л, П П С, Бунда и др. Причем важно то, что имеются комплекты центральных и местных органов. Нехватки имеются налицо, однако они касаются главным образом эпохи «Пролетариата». Из органов СДП и Л нехватает 2 номеров первого органа партии «Sprawa Robotnicza» (за 1896 г. №№ 21 и 25). Комплекты снабжены подробными указателями их содержания, в частности перечнем статей. В общем в архиве сосредоточено свыше 95% польской социалистической литературы (без воззваний).

Кроме «архива революционного движения» (до 1918 г.), имеется «архив современного движения» (с 1918 г.), обнимающий около 2 000 названий.

Ценным подспорьем для работы являются составленные архивом орг. таблицы, сопоставляющие организационные данные и цифры, подробно характеризующие деятельность и состояние отдельных партий (П. П. С., П. П. С. Левица, СДП и Л и «Пролетариат III»). Таблиц этих имеется 111 (в том числе для СДП и Л—45).

Очень важным для исследователей научным предприятием Полькомархива является разрабатываемая в архиве «Энциклопедия социалистического движения в Польше». Она обнимает уже 7 000 карточек по следующим отделам: 1) общая хронология. 2) хронология экономических движений, 3) библиография и хронология праздника 1 мая, 4) польские революционные деятели, 5) общая библиография движения (до 1918 г.), 6) библиография социалистических партий, 7) хронология репрессалий (до 1903 г.), 8) хронология движения в Познани и Восточной Силезии. Некоторые отделы почти готовы, и вся эта Энциклопедия могла бы быть закончена в непродолжительное время, но сокращение средств и штатов архива затормозило работу; для этой работы нет даже одного постоянного работника, и вся Энциклопедия составляется в порядке текущей работы архива.

Во всяком случае уже теперь на месте в архиве исследователь может почерпнуть из Энциклопедии многие незаменимые справки и указания.

Кроме отдела общей хронологии, разрабатываемой в Энциклопедии, отдельно разработана в архиве подробная хроника революционного движения 1904—1907 годов [1].

Желая оценить сравнительно бóльшие за короткий срок достижения Полькомархива, необходимо иметь в виду, что вся эта работа была проведена при отсутствии квалифицированных сил. За исключением руководителя архива, т. Красного, старого партийного работника—остальные работники не обладают соответствующей научной квалификацией. Вторым важным тормозом в работе архива является недостаток средств. Лишь только архив вышел из подготовительного периода своих работ и начал развертывать свою работу, он сразу же попал под удары режима экономии и механических сокращений. Средства настолько скудны, что архив не в состоянии иметь в штате даже одного работника, который мог бы дежурить в архиве вечером,—а вследствие этого архив недоступен для большинства исследователей как раз в то время, когда они имеют время для работы.

Перейдем теперь к изданиям архива.

Перед нами прежде всего 2 первых тома «Материалов по истории социалистического движения в Польше»: том I—Соц. Дем. Польши и Литвы (1893—1903) и том II—Соц. Дем. П. и Л. (1903—1905).

Во II томе приложены план и состояние издания «Материалов» в об'еме 22 томов. Первые 6 томов должны быть посвящены СДП и Л: I и II уже вышли, III (1906—1908) находится в печати. Том IV должен дать протоколы с'езда 1908 года, V (1908—1918) составлен полностью, VI (СДП и Л в России

---

[1] Необходимо отметить, что при архиве имеется подсобная и справочного характера библиотека (около 9 000 названий). Музей, существующий при архиве, имеет около 2 400 фотографий, рисунков и репродукций 256, не считая еще незарегистрированных,—при нем же выставка образцов нелегальных органов печати и брошюр.

1917—1918) — тоже. Тома VII и VIII посвящены «Левице» ППС (1906—1918) и уже подготовлены к печати. Тома IX и X, посвященные «Пролетариату» (1876—1886), составляются. Том XI частично собран (обнимает «Союз польских рабочих» (1888—1892), «Второй Пролетариат» (1888—1892) и майскую борьбу 1892 г. в Лодзи). Тома XII—XVIII должны быть посвящены материалам рабочего движения в Польше, забастовкам, демонстрациям. и т. д. (1892—1918) — в значительной мере подготовлены. Том XIX—посвящен социалистическому движению в Галиции, том XX—социалистическому движению в Познани и Верх. Силезии. Том XXI—еврейскому рабочему движению в Польше, и наконец том XXII должен дать полную картину истории 1 мая в Польше. Тома XIX—XXII частично или в значительной степени находятся в периоде разработки.

Этот об'емный план был в свое время утвержден Польской Комиссией Истпарта. Принимая во внимание, что все, до сих пор написанное по истории нашей партии в Польше, писалось, главным образом, на основе личной памяти писавших, принимая, кроме того, во внимание, что существует много различных точек зрения на истории партии и на ряд важнейших ее этапов, и ни одна из них не является более или менее признанной, было решено печатать в первую голову лишь материалы, издание же исследовательских работ считать заданием следующего этапа работ Комиссии и архива. Решение это, в основном правильное, определялось впрочем также и тем, что все без исключения лучшие марксистские силы польских товарищей находятся либо на другой ответственной работе в СССР, либо в Польше.

По существу намеченного плана необходимо сделать несколько критических замечаний.

Бросается прежде всего в глаза отсутствие по крайней мере двух комплексов материалов. Во-первых: материалов, характеризующих связь СДП и Л с Интернационалом и Германской партией, во-вторых: материалов, характеризующих участие СДП и Л в истории русского большевизма. Эти два важнейших пробела необходимо заполнить и обязательно включить в план. Кроме того, следовало бы, по примеру русского Истпарта, перепечатать важнейшие партийные органы, по крайней мере «Справа Роботнича» (1894—1896) и «Червонны Штандар». Была бы желательна перепечатка теоретического органа партии «Пржеглонд С-Д» (всего 2 тома). Было бы также целесообразно, ввиду важности для истории польской партии национального вопроса, перепечатать сборник 1905 г. «Польский вопрос», являющийся собранием статей многочисленных авторов по национальному и польскому вопросу и определявший долгие годы позицию в этих вопросах польских партийных кадров.

Эти добавления увеличили бы об'ем «Материалов» в несколько томов, не считая перепечатки центральных органов партии.

Указанные нами пробелы настолько важны, что и необходимые средства должны быть найдены.

Покончив с планом на будущее, перейдем к оценке того, что уже издано.

Необходимо заметить, что все, до сих пор печатавшееся по истории нашей партии в Польше, или не представляет из себя никакой ценности, или лишь весьма относительную. К работам, не имеющим для нас никакого научного значения следует отнести прежде всего книжки польских социал-шовинистов Рес'а (Перля) «Dzieje ruchu socjalistycznego w Zaborze rosyjskim». Warszawa 1910» и Л. Василевского. «Zarys dziejów Polskiej Partji Socjalistycznej w zwiazku z hist. socjalizmu polsk. w 3 zaborach» War. 1926. Они максимально тенденциозны и особенно извращают историю СДП и Л. Значительно более серьезна работа М. Мазовецкого (Кульчицкого) «Historja polskiego ruchu socjalistycznego w raborze rosyjskim». Kraków г. 1903. Автор старается быть беспристрастным, однако, и он не везде правильно и об'ективно излагает взгляды и деятельность СДП и Л, ее недостаток также в том, что она доведена лишь до 1902 года. Книга Мазовецкого была с сокращениями переведена на русский язык. На русском же языке имелась известная работа проф. А. Л. Погодина «Главные течения польской политической мысли» (1863—1907). Давая много интересного материала, книга эта, написанная либералом, явно извращает и недооценивает историю СДП и Л, дружелюбно обходясь с ППС. Более об'ективна и доведена вплоть до 1911 года работа К. Залевского, помещенная в сборнике «Общественное движение в России в начале XX века», под ред. Мартова, П. Маслова, А. Потресова (т. IV 1912 г.). Залевский, бывший польский эсдек, писал свою статью в период своих меньшевистских блужданий и полного разрыва с СДП и Л; он поэтому дает ряд ошибочных положений о СДП и Л; при всем этом следует заметить, что работа Залевского очень конспективна и поверхностна.

Удовлетворительной работы по истории нашей партии в Польше в освещении самих польских большевиков до сих пор не имеется. Правда, в отчетах СДП и Л о международных социалист. конгрессах имеется кратчайшие, официальные изложения истории партии, но они и в минимальной мере недостаточны. Общий, хотя и весьма краткий, обзор истории партии мы имеем лишь в двух небольших статьях: Бобинского и Красного. Обе статьи писались до создания архива и написаны в зна-

чительной мере «по памяти» и на основании далеко недостаточного материала. Статья Бобинского «Od Proletarjatu do Komunistycznoj Partji Polski», писанная в 1920 г.[1], при недостаточном тогдашнем знакомстве с сочинениями Ленина, дает направильную политическую установку, считая преимуществом СДП и Л как раз то, что было ее недостатком, т.-е. то, что отличало ее от Ленина. Статья Красного «Zarys dziejów ruchu rewolucejnego w Polsce»[2], написанная в 1923 г., являлась шагом вперед в смысле использования более обширного материала. Однако, и эта история СДП и Л, отвлекаясь от ее краткости и конспективности, является скорее публицистической статьей об истории партии, чем исторической работой. По отдельным вопросам и периодам истории СДП и Л имеется ряд статей разных авторов (Арский, Красный, Пестковский) в «Пролетарской революции», «Красной летописи» и др.

Значительный интерес представляет также та полемика, которая развернулась вокруг «переоценки» истории СДП и Л, которую пытался произвести т. Варский (см. «Комм. Интернационал» №№ 23—24). Исторические экскурсии Варского, касающиеся СДП и Л, вызвали ряд критических статей старых деятелей партии Ледера, Малецкого, Лещинского, Бобинского, Леха (см. московская «Коммун. трибуна» 1924 г.).

Вот все, что мы имели по истории нашей партии в Польше.

Вышедшие 2 тома материалов и документов СДП и Л, обнимающие период 1892—1905 гг., являются первым систематическим изданием материалов по СДП и Л Уже одно это является большим завоеванием. «Материалы» дают много нового и неожиданного. Все перечислить здесь невозможно. Укажем лишь на отдельные моменты. Во-первых, мы узнаем из материалов имена участников и составы первых с'ездов и конференций СДП и Л, что не было до сих пор известно. Затем вырастает впервые, наряду с хорошо известным значением заграничной группы Розы Люксембург, огромное значение работы на местах, в крае, и в особенности значение деятельности с.-д. рабочих-передовиков конца XIX и начала XX столетия. Прямо воскресают из документов эти исключительные, замечательные страницы истории первоначального строительства партии. Чрезвычайно интересна большевистская формулировка § 1 устава в старых, почти неизвестных уставах партии. Ряд в высшей степени интересных и редкостных документов. Довольно умелый подбор материала. Одним словом ценного и важного в вышедших 2 томах «Материалов» очень и очень много.

Но есть и крупные недостатки. Прежде всего «Материалы» дают нам не все документы, а лишь их часть. Это в значительной степени обесценивает научность всего предприятия. Если работы Розы Люксембург можно и отнести к полному собранию ее сочинений (когда только оно выйдет?), то все остальное должно быть в основном опубликовано полностью. Особенно нельзя согласиться с тем, что из приводимых статей и брошюр Розы Люксембург, Мархлевского и других, делаются «выборки»; это сугубо неправильно тогда, когда речь идет о документах, которые определяли линию и пропаганду партии (напр. «Что же дальше?» Р. Люксембург)... Ибо, иначе что же получается? Напр., в имеющихся уже 2 томах смазаны, благодаря системе выборок и сокращений, такие первостепенной важности вопросы, как отношение к Временному правительству или к технической подготовке восстания. Даже, если согласиться с выборкой документов и материалов, то и тогда по основным боевым вопросам ленинизма необходимо дать все, что относится к СДП и Л. Это настолько важно, что сию основную ошибку «Материалов» необходимо исправить не только при составлении следующих томов, но нужно наверстать ее в виде дополнений к уже напечатанным первым двум томам.

Можно не спорить по поводу чисто хронологического расположения материалов; многие документы говорят ведь одновременно о разных вопросах, но тогда необходимо сделать предметный указатель гораздо более подробным, чем он дан в первых 2 томах.

Вообще следует отметить, что так наз. научный аппарат обоих томов, далеко недостаточен. Если даже принять во внимание, что ко времени выхода первых томов нельзя было создать никакой авторитетной редакционной коллегии и архиву пришлось действовать самолично,—то это могло лишить «Материалы» лишь политического их освещения. Но редакционно-информационный аппарат необходимо поставить лучше. Необходимы прежде всего приложения соответствующих документов Интернационала (а также русских, в первую голову большевистских), особенно таких документов, о которых параллельно идет речь в «Материалах». Кроме того, необходимы информационные примечания такого примерно типа, какие даются в собрании соч. Ленина. Правда, архив может оправдываться отсутствием квалифицированного штата работников. Но это оправдание недостаточное, ибо

---

[1] См. «Kalendarz Komunistjczny», Москва, 1922.

[2] См. приложение к польскому переводу политграмоты Коваленки, Киев, 1924.

в таком случае необходимо ставить вопрос перед Истпартом в организационном порядке и усилить квалификацию штата.

Есть и технические недостатки. Так, напр., курсивом печатаются редакционные примечания редакции «Материалов» и одновременно курсивом же печатаются отдельные места в документах.

И все-таки, несмотря на все вышеуказанные недостатки, мы повторяем: «Материалы» являются ценнейшим литературным вкладом в историю нашей партии в Польше и в историю коммунизма вообще. Все недостатки легко исправимы. Следует лишь пожелать, чтобы те организационные и политические затруднения, в которых приходится работать Польскому архиву, были как можно скорее изжиты, и тогда по мере развертывания издания «Материалов» эти последние смогут быть снабжены более сильным научным и критическим аппаратом. Во всяком случае начатую уже двумя первыми томами реализацию широко задуманного плана «Материалов по истории социалистического движения в Польше» и в особенности «Материалов по истории СДП и Л» следует всячески приветствовать и обратить на нее внимание историков партии.

Кроме двух вышеуказанных томов «Материалов», Полькомархивом были изданы 3 книжки-брошюры. Из них самой ценной является несомненно книжка, посвященная Лодзинскому вооруженному восстанию июня 1905 года[1]. Она является сборником материалов (преимущественно СДП и Л), относящихся к геройскому предвестнику Красной Пресни. Материалы подобраны умело и достаточно полно. Из собранных в книжке документов ярко вырисовывается та «высшая форма борьбы», по поводу которой Ленин посвятил Лодзи свою боевую статью «Борьба пролетариата и холопство буржуазии» (см. VI том, июнь 1905 г.). И одновременно из этих лодзинских документов прямо вопиют все ошибки партии, связанные со стихийностью и технической неподготовленностью восстания, тем больше вопиют, чем больше было геройство почти безоружных лодзинских рабочих. Вся книжка является ярчайшим доказательством «важности технической подготовки», о чем говорит в предисловии составитель т. Красный; книжка является прекрасным историческим доказательством преимущества тогдашней ленинской постановки вопроса о технической организации вооруженного восстания. Мимо этих пропитанных кровью документов не может пройти ни один историк 1905 года и вообще ни один историк партии.

Вторая брошюра, тоже посвященная 1905 году в Польше[2], является уже не сборником документов, а сборником нескольких статей по данному вопросу, при чем статьи эти более повествовательного, чем исследовательского типа. Однако же книжка дает ряд интересных моментов, являясь, кроме того, единственной пока работой, посвященной 1905 году в Польше.

Третья брошюра, посвященная старому «Пролетариату»[3], написана Ф. Коном. Книжка написана живым повествовательным языком и является полувоспоминаниями автора, полурассказом. В книжке приведены интересные воззвания «Пролетариата» к рабочим. Углубленного анализа идеологии и развития партии «Пролетариат» книжка не дает, отдельные же ее положения спорны и недостаточно обоснованы. Ценность книжки также в некоторых малоизвестных новых подробностях.

Наряду с вышеразобранными 2 томами и 3 брошюрами Полькомархивом выпущены 4 номера периодического органа т. н. «Z pola walki» (С поля борьбы). Журнал, как это часто бывает после первых номеров, еще не устоялся и не имеет определенной физиономии. С идеей, посвящать отдельные номера журнала специальным вопросам, можно согласиться, однако это не должно лишать органа определенного «лица», в противном случае отдельные номера принимают вид случайных сборников, а не вид научного архивного журнала. Правда, и здесь, как и при «Материалах», основным затруднением была невозможность из-за групповых внутрипольских трений создать редакционную коллегию для журнала.

Что касается самого типа этого журнала, то следовало бы на ряду с сохранением отделов: статейного, официальных документов и воспоминаний,—вести отделы: библиографии, рецензионный, хронику работ Полькомархива (систематическая информация). Было бы хорошо ввести отдел вопросов и проблем, подлежащих выяснению, отдел открытой переписки с живущими деятелями движения и т. п. Необходимо было бы также перепечатывать из «Ленинских сборников» материалы, касающиеся польского движения.

Из вышедших 4 номеров журнала два последние имеют характер специальных сборников: № 3 посвящен специально Дзержинскому, а № 4 является сборником воспоминаний старых деятелей движения. Сборник, посвященный Дзержин-

---

[1] «Zodzkie powstanie zbrojne». Центриздат, Москва, 1925 г.

[2] «1905 rok w Polsce, zbiór artykułów (Центриздат, Москва, 1926).

[3] «Proletarjat» międzynarodowa socj. rewolucyjna partja (Центриздат, Москва, 1926).

скому, для польских читателей ценен тем, что собирает воедино многочисленные статьи, разбросанные в печати (преимущественно русской). Для русского читателя большинство материала известно. Помещенные в № 4 воспоминания очень интересны, хотя и неодинаково ценны. Особый интерес вызывают воспоминания двух старых «пролетариатцев» Гловацкого и Бугайского. Ценные, талантливо написанные воспоминания дает т. Ольбжимек о СДП и Л.

№ 1 журнала, кроме перепечатки статей Рязанова, Красного, Мархлевского, дает много новых материалов. Особо интересны: письмо Куницкого к Варынскому в тюрьму, статут «Пролетариата», выдержка статьи пролетариатца Гавроша о войне, писанной в 1888 году и предвосхищающей штутгартскую революцию 1907 г. о замене войны империалистической войной гражданской. Интересен также рапорт Рачковского о произведенных им обысках в Париже в 1893 году среди польских социал-патриотов.

Не менее интересные материалы дает и № 2 журнала. Во-первых, воспоминания пролетариатца Госткевича о своей работе в «Пролетариате» и о каторге в России. Далее, совсем неизвестные материалы о восстании поляков на Байкале в 1865 году. Из официальных документов—дело польской социалистической «гмины» в Киеве (1880 г.) и рапорт Паскевича-Эриванского о крестьянском заговоре—восстании ксендза Сцегенного в 1844 году в Люблине и Кельцах.

В общем и целом при всех их недостатках, издания Полькомархива и его работа представляют большой и подчас исключительный интерес для историков революционного и коммунистического движения в Польше. Они важны и для русских партийных историков не только потому, что русское движение неотделимо от польского, но и потому, что издания Польского коммунистического архива многократно затрагивают вплотную дела и факты, происходившие внутри самой России.

Следует только пожелать, чтобы плодотворная и ценнейшая работа (во многом прямо образцовая) полькомархива получила надлежащую помощь от соответствующих органов, как в прямом смысле, так и в смысле помощи в изживании недостатков и ошибок, причем работу эту следовало бы оградить от возможных случайностей и нарушения преемственности.

Всякие недостаточно успешные пертурбации в таком деле, как архивное, могут оказаться нелегко исправимыми, затрагивая научные интересы целых поколений.

Ст. Бобинский.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

АНГЛИЙСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ЗА 1927 ГОД

В нашем предшествующем обзоре английских исторических журналов за 1926 г. (см. «Историк-Марксист» том V), мы отмечали тот интерес к экономической истории, который наметился среди английских историков после войны. Общество экономической истории, в котором принимают участие виднейшие историки хозяйства англо-санксонских стран, выпустило в свет в январе 1929 г. первый том журнала общества «Economic History Review». Среди европейских исторических журналов, посвященных экономической истории, новому журналу, повидимому, предстоит занять одно из первых мест как по составу сотрудников и иностранных корреспондентов, так и по тем средствам, которыми обладает издающее журнал общество. Нет никакого сомнения в том, что центральное место в журнале будет уделено английской экономической истории. Надо надеяться, однако, что редакция журнала не последует практике, установившейся в немецких журналах соответствующего типа, и журнал не превратится в сборник статей, исключительно посвященных разработке проблем местной экономической истории. В первом томе журнала, на-ряду со специальными статьями мы находим и статьи на общие темы. Нам представляется, что в условиях, господствующих в английской историографии в настоящее время, когда в загоне оказываются не только общие идеи, но и общие исследования, выступления в новом журнале с общими историческими темами, хотя бы то были статьи критического или историографического характера, являются весьма желательными.

Первая статья в журнале принадлежит известному, недавно умершему, английскому историку сэру Виллиаму Эшли: «Место экономической истории в университетском преподавании». Эшли определяет экономическую историю как «историю человеческой деятельности в хозяйственной области». «Все то, что случилось в прошлом в области производства, распределения и потребления богатств» включается В. Эшли в произведенную выше формулу. Эшли отказывается, однако, включить историю экономической мысли в экономическую историю, хотя, как может показаться с первого взгляда, история экономической мысли и история техники входят в «историю человеческой деятельности и хозяйственной области». Определение Эшли представляется нам неудачным, поскольку в нем не оттеняется с достаточной очевидностью социальный момент. Эшли полагает, что экономическая история должна стать самостоятельным предметом университетского преподавания на экономическом и коммерческом факультетах. Особое внимание экономической истории должно быть уделено в провинциальных высших учебных заведениях, где интерес преподавателей и учащихся обращен в сторону изучения местной истории. Местная история, замечает Эшли, должна быть по преимуществу историей хозяйства. Эшли отмечает, что пути экономической истории уже намечены в Англии Сибомом, Тойнби и Кеннингэмом, к которым можно было бы прибавать П. Г. Виноградова и самого автора статьи, В. Эшли. По мнению Эшли, новому поколению историков хозяйства остается разработка отдельных проблем, пересмотр старых теорий и установление фактов.

Во второй статье американский ученый проф. Н. Грас, известный своим исследованием об эволюции английского хлебного рынка, дает краткий очерк развития науки экономической истории. Грас устанавливает, что в образовании науки экономической истории было три важнейших источника: 1) изучение экономической мысли, 2) изучение мест и 3) интерес к социологии. Интересно отметить, что Грас в противоположность Эшли определяет экономическую историю как изучение всех экономических явлений в их временной, генетической и причинной последовательности». Автор понимает значение экономической истории в качестве материала для текущей политики; небезынтересно отметить в этой связи заявление Граса о том, что одной из основных задач экономической истории является изучение истории реальной заработной платы. Грас упоминает о том, что «прогресс» позволяет, например, современной американской школьной учительнице пользоваться бо́льшими жизненными благами, чем те, которые были доступны английской королеве в средние века. Очевидным является стремление Граса доказать, что рабо-

чий класс не только участвует в благах прогресса, но и получает справедливую долю общественного продукта, при существующих социальных условиях. Так в академической статье проскальзывает тенденция отстаивания насущнейших интересов господствующего класса капиталистического общества.

Наибольший интерес в журнале представляют следующие три статьи: проф. Унвина: «Компания торговых мореплавателей в царствование Елизаветы Тюдор»; А. И. Леветт: «Финансовая организация манора» и статья И. Дэвиса: «Мелкое землевладение в Англии в 1780—1832 г.г. по данным земельных кадастров».

Проф. Унвин, недавно умерший основатель школы историков хозяйства при Манчестерском университете, в своей статье, представляющей две его лекции о компания торговых мореплавателей (Merchant Adventurers), прочитанные еще в 1913 г., борется с распространенным в науке представлением о том, что указанная компания значительно способствовала развитию английской торговли при Елизавете Тюдор. С гневом, достойным английского либерала и фритредера, обрушивается Унвин на попытки компании Merchant Adventurers ограничить размеры внешней торговли Великобритании и ввести всю существующую торговлю в одно русло, сохранив за компанией монополию. Унвин, однако, не показывает, каковы были те социально-экономические причины, которые обусловили историческую необходимость именно такого развития английской внешней торговли. Интересно, что соответствующий анализ социального аспекта деятельности компании Merchant Adventurers дано в статье русской исследовательницы В. Стоклицкой-Терешкович (см. том II ученых записок Института Истории, стр. 74—98). Между тем, как бы ни были обоснованы утверждения Унвина о том, что английская торговля развивалась бы быстрее в условиях свободной конкуренции, они бьют мимо цели, так как Унвин не учитывает совершенно соотношения сил классов, и социальных групп в Англии в эпоху Елизаветы, когда преимущества были на стороне крупного ростовщическо-торгового капитала, а не на стороне мелкого капиталиста. Унвин сожалеет, что мелкий капиталист, которому был прегражден путь участия во внешней торговле, не имел возможности приложить свои усилия к хозяйственному развитию страны в этой области. Статья Унвина ценна однако, поскольку Унвину удается нарисовать картину непланомерного и хищнического развития внешней торговли в 16—17 веках. Для марксистов эти черты в истории первоначального накопления не являются неожиданностью, но для английских историков, привыкших говорить о «золотом веке Елизаветы», напоминание о медленности и искривленности пути хозяйственного развития в это время не будет, пожалуй, лишним.

А. Леветт в своей статье затрагивает чрезвычайно важную тему о финансовой администрации английских поместий в средние века. Он указывает, что, начиная с 13 века, мы встречаем многочисленные ценные указания по экономической истории Англии в хозяйственных описях, бухгалтерских записях и судебных протоколах манора. Для 13, 14 и первой половины 15 века эти источники незаменимы: в каждом отдельном случае, однако, необходима самая тщательная критическая проверка методов их составления. А. Леветт указывает, что принятое средневековыми «бухгалтерами» разделение записей на статьи и категории доходов и расходов весьма различно в зависимости от данного манора или данного составителя и что любое сообщение может быть найдено под любой рубрикой бухгалтерской записи манора. Несмотря на трудность в использовании этих источников, отмечает Леветт, историки средних веков обязаны обратиться к более экстенсивному использованию, чем то делалось до сих пор. Статья А. Леветт, содержит несколько интересных диаграмм отдельных маноров аббатства Бетль и двух других церковных маноров на протяжении второй половины 14 века. Эти диаграммы вместе с другими материалом, содержащимся в статье Леветт, позволяют установить, какие элементы доходов и расходов манора являлись величиной постоянной и какие изменялись из года в год. Статья указывает пути для дальнейших исследований по английской аграрной истории.

Вышеупомянутая статья Девиса была рассмотрена в специальном обзоре литературы по английской аграрной истории Е. Косминского («Историк-Марксист», том IV) в связи с другими исследованиями в этой области. Из другого материала, помещенного в вышеупомянутом журнале Общества Экономической истории, отметим обзор проф. Г. Сея о трудах по экономической истории Франции за последние 20 лет и список книг и статей по английской и американской экономической истории за 1925 и 1926 годы.

Статьи «English Historial Review» за 1927 год в большинстве своем посвящены специальным вопросам английской истории. В январской книге журнала Д. Виллард в статье, озаглавленной «Королевская казна и ее кредиторы», приводит, на основании Treasury Rolls (казначейских свистков) 30-х годов 14 века, некоторые сведения о методах финансовой администрации. Казна выдавала кредиторам векселя на местных сборщиков податей и на должников казны; кредиторы имели право непосредственного получения по этим векселям на местах. Таким образом,

казна избегала необходимости перевозок золота и, что гораздо более важно, казна имела возможность заранее использовать те доходы, которые еще не поступили от населения. Эта система сплошь и рядом вела к отсрочкам платежей; казна не знала о суммах, имевшихся в наличности на местах. Кредиторы казны, как, например, итальянские банкиры Барди, оказывались не в состоянии получить следовавшие им суммы. В апрельской книжке того же журнала помещена статья известного американского историка, знатока истории права и учреждений Англии, проф. Дж. Балдвина об управлении поместьями семьи Ланкастер и Ласи в конце 13 и начале 14 века. Автор устанавливает, что штат слуг владетельной аристократической семьи был очень обширен, строился по подобию королевской администрации, и что во главе управления поместьями стояли люди зажиточные и влиятельные. Заслуживает быть отмеченным, что не только королевская казна, но и такие владетельные семьи, как Ланкастеры, пользовались в эту эпоху кредитом у итальянских банкиров. Из статьи Балдвина не ясно, однако, в какой мере мы имеем дело в данном случае с явлением типическим, а не с исключительным случаем. Из других статей по средневековой истории, заслуживает упоминания довольно большая работа Дж. Тэйта «Firma Burgi и городские коммунны в Англии в 1066—1191 г.». Автор исследует вопрос о сдаче городских налогов на откуп горожанам в период, непосредственно следующий за норманским завоеванием.

Из статей по новой истории отметим интересную работу Е. Торнера о проекте акцизного обложения 1733 г. Автор сообщает о борьбе, возникшей в парламенте и печати по вопросу о проекте Вальполя о снижении налогов на земельную собственность за счет установления акциза на соль и другие товары. Проект Вальполя был явным образом навеян примером Франции, где налог на соль был одним из основных устоев финансовой системы. В защиту проекта Вальполя выступили земельные собственники, которые, по словам автора одного из тогдашних политических памфлетов, «со времени славной» революции 1688 г. уплатили правительству 65 млн. ф. ст. налогов и ничего не получили взамен». Однако торговый капитал мобилизовал против проекта Вальполя такие значительные силы, что Вальполю пришлось самому отказаться от своего проекта. Статья Торнера проливает свет на соотношение сил классовых группировок аграриев и торгового капитала в Англии сравнительно с Францией того же периода. В июльской книжке «English Historical Review» Г. Лаклада в статье «Лорд Виллиам Бентик в Сицилии в 1811—12 г.г.» говорит о попытках Англии вмешаться в политическую борьбу в Сицилии в период, предшествовавший английской оккупации.

Две статьи по истории внешней политики в 19 веке посвящены темам «Европейский концерт и Молдавия в 1857 г.» (Т. Райкера в апрельской книжке журнала) и «Союз трех императоров и восточный вопрос 1877—78 г.г.» (Голда в октябрьской книжке). Статья Райкера устанавливает, что французский синдикат был заинтересован в Дунайском судоходстве и что таким образом вопрос о судоходстве на реках Восточной Европы представлялся боевым для французского капитала. В этом автор усматривает один из факторов французской политики по отношению к России после Парижского мира. Статья Голда, написанная по материалам английского архива министерства иностранных дел и немецкого издания «Grosse Politik», устанавливает стремление Бисмарка посеять раздор между Англией и Францией путем согласия на английскую оккупацию Египта. Бисмарк стремился также углубить противоречия между Англией и Россией поощрением русской политики в вопросе о Константинополе и Дарданеллах. По указанию Голда, Англии удалось искусно использовать эту политику Бисмарка, противопоставив России Австрию и отказавшись от содействия Германии в Египте, которое Англии совсем не было необходимо. Противопоставление Австрии и России означало конечный неуспех политики Бисмарка, направленной на поддержание союза трех императоров.

Р. Аспиналл в апрельской и октябрьской книжке того же журнала поместил две статьи о коалиционных министерствах Каннинга и Гудрича в 1827—28 г г. Это был период так называемого либерального торизма, социально-экономическое значение которого не выявлено с достаточной отчетливостью в работах историков. К сожалению, Аспиналл дает гораздо больше фактического материала по истории образования коалиционных министерств и связанных с этим событий партийной жизни тори и вигов, чем классового анализа этих явлений.

Кембриджский исторический журнал (Cambridge Historical Journal) за 1927 г. крайне беден историческим материалом. А. Лэнсли в статье о графе Джоне де-Варен и процессах De Quo Warranto в 1279 г. анализирует существующие на данный вопрос взгляды и в противность Г. Кэм, поместившей по этому вопросу статью в июньском номере журнала «History» за 1926 г., полагает, что правительство Эдуарда 1-го впервые стремилось нарушить привилегии баронов, но что оно затем должно было взять многие из своих первоначальных намерений обратно.

Историк английского министерства иностранных дел Г. Морлей в том же номере журнала на основании ряда исторических примеров определяет сущность гарантийных договоров.

В апрельском номере журнала «History» Д. Оливер в статье, посвященной исследованию локальной истории в Соединенных Штатах сообщает весьма интересные сведения о местных исторических обществах и исследовательских организациях, существующих почти в каждом штате САСШ. Обычно местные историографические учреждения и ассоциации получают правительственные ассигновки (grants)—от 2-х до 45 тысяч долларов в год. Указанные общества издают документы по истории штатов и отдельных местностей, специальные монографии по вопросам местной истории и т. под., они дают своего рода первичный материал для обобщающих исторических и социологических работ, способствуют этнографической и этнологической работе и открывают возможность применения сил молодых историков в научной работе.

В июльской и октябрьской книгах того же журнала помещены статьи французского историка Ланглуа о преподавании истории во Франции в конце 19-го века и в настоящее время. Ланглуа очерчивает значение таких центров университетского преподавания истории, как Ecole Normale, Ecole des Hautes Etudes, Ecole des Chartes. В июльской книге того же журнала известный английский историк эпохи промышленного переворота Д. Гаммонд в статье «Движение населения во время промышленного переворота» подвергает анализу недавно вышедшее исследование Редфорда на ту же тему. Гаммонд устанавливает, что движение населения в эпоху промышленного переворота было хотя и заметным, но ограничивалось гораздо меньшими расстояниями, нежели о том принято думать со времени работы А. Тойнби. К тому же передвижение населения из юго-восточной в центральную Англию далеко не было таким быстрым, как то до сих пор было принято думать. Гаммонд обращает особое внимание на переселение рабочих из Ирландии: ирландцы поставляли «в одно и то же время вождей и рядовые кадры рабочего движения».

Бюллетень Института исторических исследований в Лондоне (Bulletin of the Institute of Historical Resear) продолжает публиковать сведения о доступе в архивы. В 1927 г. в Бюллетене были опубликованы сведения о доступе в архивы Британских владений. Заслуживает быть отмеченным, с какой педантической осторожностью и страхом относятся английские правители Индии к возможности невыгодного для них политического использования архивных материалов по истории Индии. Доступ в архивы крайне затруднен, и зачастую для того, чтобы исследователь получил право списать документ по вопросам законодательства политическим, финансовым или военным необходимо разрешение в каждом отдельном случае, вне зависимости от того, предназначается ли данный документ исследователем к опубликованию печати или нет.

В приложение к бюллетеню Института исторических исследований рассылаются дополнительные листы к английскому биографическому словарю (Dictionary of National Biography).

Из отдельных статей в литературных журналах по историческим вопросам назовем статью А. Рамзея в апрельской книге «Quarterly Review» «О тайном союзе прядильщиков в Глазго в 1820—25 г.г.». На основании данных архива министерства внутренних дел (Home office) автор устанавливает, что тайное общество прядильщиков, подобно многим другим тайным профессиональным организациям в Англии того времени, включало лишь взрослых рабочих мужчин, являвшихся своего рода «аристократами» в рабочей массе. Наниматели должны были считаться с требованиями тайного общества о повышении заработной платы и об урегулировании условий труда, так как в случае стачки, каждый из взрослых рабочих—членов тайного общества своим невыходом на работу лишал работы от 5 до 7 женщин и детей, обслуживавших взрослого рабочего или зависевших от него в трудовом процессе. В общество входило около 800 человек рабочих; масонская организация, тайный устав и жестокие кары по отношению к изменникам и штрейкбрехерам, а также по отношению к «неисправимым» владельцам фабрик, способствовали тому, что с тайным обществом считались. Предприниматели пытались бороться с массовыми покушениями членов тайного союза на убийства и распространенным способом уродства штрейкбрехеров серной кислотой; виновных в нападениях на штрейкбрехеров присуждали к публичной порке, тюремному заключению, депортированию в колонии. Аптекарям было предложено не продавать серную кислоту. Однако только удачный локаут позволил предпринимателям покончить с тайным обществом прядильщиков. К тому же в 1825 г. был упразднен закон о коалициях, и рабочее движение в Англии пошло по новому пути.

Из итальянских исторических журналов (Nuova Rivista Storica. **1926—1927. 1—2, 3—4, 5—6; 1927. f.f. 1—2, 3—4).**

При довольно значительном числе итальянских исторических журналов, лишь 2 московских крупных книгохранилища выписывают единственный, стоящий в заголовке обзора, журнал, а в библиотеках I МГУ и 2 МГУ и того не имеется. Поэтому мы принуждены дать обзор продукции лишь одного этого журнала, но,

как увидит читатель, она в достаточной мере характеризует и общее направление и содержание итальянской исторической журналистики.

«Новое Историческое Обозрение» (Nuova Rivista Storica) родилось под гром пушек мировой войны (в марте 1917 года). В программной статье (Il nostro programmo. N. R. S. 1917, f. I) редакция указывает, что журнал ставит себе долгом бороться с гиперкритическим направлением в историографии. Содержание программы крайне обширное, но в то же время неопределенное: журнал предполагал обслуживать всеобщую историю в широком значении слова. И, действительно, рядом со статьями по истории итальянской политической и социальной мысли (Ettore Rota: Razionalismo e Storicismo, 1917, f. I; Antonio Anzilotti: Dal neognelfismo all'idea liberale, f. IV), о причинах мировой войны, есть и этюды по истории древнего Рима, древней Греции, германской реформации (Ettore Bignoni: Antifon sofista, f. III, G. Platon. Il proletariato intellettuale tedesco nel secolo XVI e la Riforma protestante etc). Историческое миросозерцание редакции очень смутное, и в сущности сводится к обычному идеалистическому эклектизму, но есть стремление беспристрастно уделять место на страницах журнала и социологическим этюдам итальянских марксистов. Правда, симпатии самой редакции всецело на стороне ничем не прикрытого ревизионизма (см. панегирический некролог Ж. Платона, принадлежащий перу редактора Коррадо Барбагалло. N. R. S. 1917, f. IV).

Годы шли... Ныне журнал вступает уже в 11 год своего существования. Рамки его не сузились, а стали еще шире: он, кроме истории, обслуживает и историю литературы, и социологию, и историю искусств, и историю науки, большое место отводит специально военной истории. Но в центре этой довольно пестрой программы стоит теперь не всеобщая история, а история Италии. Она не только доминирует, но и почти поглощает большинство страниц журнала. Лишь отдел библиографии сохранил прежний характер. Он богат общими обзорами, знакомящими с состоянием исследовательской работы в различных разветвлениях исторической науки (напр., Г Барнес. Новые направления и новые горизонты в современной историографии. 1917, ff. I—II; A. Valente. 16 и 17 века в истории Италии, там же; А. Люмброзо. Новые этюды по истории наполеоновской эпохи. 1927, ff. 3—4 и т. д.). Обзоры эти носят по преимуществу информационно-реферативный характер. Хорошо поставлен отдел сообщений и особенно дискуссий. Зато рецензии страдают той же болезнью, что и обзоры: большинство—простые рефераты при минимальном числе критических замечаний; нечасто встречаются такие серьезные разборы, как суровый критический анализ много нашумевшей книги французского римского историка Л'Омо о римском «империализме» (L'Homo, L'Italie primitive et les débuts de l'imperialisme romain), сделанный Коррадо Барбагало (N. R. S. 1926, f. 1) во всеоружии ученой эрудиции, хотя и расходящийся с нашим пониманием империализма.

Попрежнему журнал отводит некоторое место и марксистской литературе, главным образом, перепечаткам опубликованным т. Рязановым отрывков из сочинений Г. В. Плеханова (G. V. Plechanov. L'evoluzione filosofica di Marx. N. R. S. 1927, ff. III—IV), переписки Антонио Лабриола (N. R. S. 1927, ff. 3—6).

Но тяжелое иго великодержавного национализма и фашистской диктатуры наложило явственную печать на всю продукцию журнала.

Почти все статьи за 1926—1927 г.г. трактуют об об'единении Италии, старательно выискивают попытки и стремления к этому об'единению и в средневековом прошлом, и в новое время. Так, Пьетро Сильва, критикуя недавно вышедшую франкофильскую книгу сенатора Маттео Мацциотти «Наполеон III и Италия» (Matteo Mazziotti. Napoleone III e l'Italia. Studio Storico-Milano. 1925), дает весьма содержательный критический очерк (Pietro Silva. La politica di Napoleone III in Italia. N. R. S. 1927, ff. 1—2, 3—4), в котором страница за страницей развивает панегирик итальянской политике Наполеона III, якобы имевшего в виду только освобождение Италии и явившегося поистине «благодетелем» (Il nostro benefattore».— Mazziotti. Napoleone III etc.). Под ударами солидной эрудиции рассыпается, как карточный домик, неумело возрождаемый итальянскими клерикалами миф о бескорыстном освобождении. Знаменитое письмо Кавура к Виктору Эммануилу II, вскрывающее пункты Пломбьерского соглашения, в достаточной мере выясняет цели наполеоновской дипломатии, служившей как интересам французской буржуазии, так и династическим интересам Бонапарта. Анализ пунктов Виллафранкского соглашения, лондонских переговоров обнаруживает явное стремление Наполеона III создать в Италии федерацию под скрытой гегемонией Франции[1]. Энергическое вмешательство английской дипломатии, опасавшейся чрезмерного усиления Франции на Средиземном море, бурный взрыв национального движения в Италии, за-

[1] Выводы П. Сильвы не новы. К ним еще семьдесят лет назад пришел в своих остроумных политических обозрениях гениальный Н. Г. Чернышевский. Отсылаем читателя к имеющему появиться нашему этюду о Чернышевском, как историке Западной Европы. *А. В.*

ставили его изменить первоначальный план. Наполеон III хватается за разные комбинации: то задумывает реставрацию династии Мюрата в Неаполе, то вновь поддерживает там Бурбона. Давление Англии заставляет его отказаться и от этих планов. Наконец, тайные переговоры с Австрией накануне войны 1866 года и дипломатический нажим на правительство Виктора Эммануила после Садовой, по мнению П. Сильвы, окончательно доказывает, что политика Наполеона III не только имела в виду французские и династические интересы, но и опиралась на давно уже обветшавшие принципы национального движения 40-х годов. П. Сильва прекрасно знает новейшую литературу предмета, но держится исключительно в рамках дипломатической истории, вовсе не касаясь экономической подоплеки наполеоновской политики, освещенной уже давно другими историками международных отношений XIX в. (см. М. Н. Покровский. Восточный вопрос).

Под тем же патриотическим уклоном рассматриваются и другие вопросы итальянской истории.

Александр Коломбо дает топографическую историю Милана от эпохи крито-эгейской культуры (!!) до IV в. по Р. Х. включительно на основании богатого археологического и литературного материала (Alessandro Colombo. Di Milano nell'evo antico. N. R. S. 1926, f. 1).

Франческа Ладонья рассказывает о судьбах итальянского королевства со столицей в Павии эпохи Лангобардов, Каролингов и Оттонов вплоть до кризиса XI в., который привел к упадку этого королевства и его ликвидации. Для историка средневековья интересна вторая часть, посвященная детальному описанию административного аппарата королевства. Сбивчиво и наспех перечислены причины падения, римское право, феодализм, движение городских коммун. Автора интересует не анализ факторов падения, не их взаимоотношение, он удовлетворяется дикими патриотическими соображениями: «Хорошо, что пало итальянское королевство (regnum Italicum), ибо его сопротивление замедлило бы развитие итальянской буржуазии и наше национальное становление» (!??), (Francesca Landogna. L'unita del regno Italiano nel alto medio evo. N. R. S. 1926, 2—3, 4—5).

В поучительно-описательном тоне выдержаны очерки Луиджи Вентури по истории Каролингского возрождения (Luigi Venturi. Figure rappresentative della Rinascenza Carolingia. N. R. S. 1926, f. 1), ничего нового не вносящие в науку.

Анджела Валенте на основании новейшей литературы пытается характеризовать личность Филиппа II Испанского, его политики государственных интересов и отношения к нему различных итальянских городов: тщетные попытки «наиболее итальянских» (sic!) так организовать борьбу за освобождение от испанской гегемонии, эгоистическую политику Венецианской республики, своекорыстную династическую политику пармских и тосканских герцогов, и—полный достоинства нейтралитет молодой Савойской династии (панегирик предкам нынешнего итальянского короля!). Причины прочности испанской гегемонии — благосклонное отношение к городской буржуазии, суровые меры для поддержания порядка упоминаются вскользь и мимоходом (Angela Valente. Filippo II e l'Italia. N. R. S., ff. II—III). Экономическая основа политики Филиппа II и вовсе оставлена втуне.

С особым тщанием излагает и рубрифицирует Карло Моранди памфлетную полемику о свободе Италии в середине 17 века (Carlo Morandi. Una polemica sulla libertà d'Italia a mezzo del Seicento N. R. S. 1927, ff. 1—2). Рядом с двумя господствующими направлениями в памфлетной литературе,—франкофильским и испанофильским,—он находит и энергичный призыв к об'единению всех итальянских государств против иностранных держав, стремящихся поработить Италию. Zimbello overo l'Italia schernita.Центр национального об'единения: Пьемонт, Венеция, еще не ясен для памфлетиста. Проскальзывают фразы об эксплоатации народа. Поверхностный анализ памфлетов не дает никакого представления о взаимоотношениях и интересах различных социальных групп, идеологами которых являются памфлетисты, хотя материала для этого у автора было достаточно.

Пиа Оннис воскрешает образ основательно забытого (так, что имя его исчезло уже из больших энциклопедических словарей) крупного представителя просвещенного деспотизма в Неаполитанском королевстве 18 века графа Б. Тануччи (Pia Onnis. B. Tanucci nel moto anticurialista del Settecento. N. R. S. 1926, ff. IV—V). Очертивши идеологию Тануччи, его отношения к Карлу III, фискальные основы его антиклерикальной политики, автор совершенно не разработал его политических реформ azione politica и вовсе не выяснил состава социальных групп, на которые опирался деспотический реформатор.

С великой любовью изучаются различные религиозные течения, особенно мистические.

---

[1] Послужило материалом для новелл Анатоля Франса о брате Джованни в «Источнике св. Клары».

Джузеппе Парди на основании кропотливых архивных изысканий и солидной литературы дает яркую картину мистического движения в Сиене XIV века, возглавляемого блаженным Джованни Коломбини [1].

Giuseppe Pardi. Il beato Giovanni Colombini da Siena N. R. S. 1927, ff. III—IV),— так называемых «Иисусовых», или «Иже во Иисусе» («Iesuati vel Ingesuati»). Точное и ясное изложение исторических фактов в хронологической последовательности иногда сбивается на «житие» в виду явного сочувствия автора к герою, однако дает некоторую возможность судить об экономических и социальных корнях движения.

Но особенным вниманием пользуется итальянский янсенизм.

В яростной полемике схватились правоверный католик монсиньор Анджоло Гамбаро и проф. Дж. Кано из-за янсенизма у Ламбрускини. (N. R. S. 1926, 1—2, 3—4). Громадную статью этому течению посвящает Этторе Рота (Ettore Rota. Alessandro Manzoni e il Iansenismo 1926, II, III, IV, V, VI; 1927, 1—2, 3—4), детально и утомительно излагая религиозную эволюцию известного поэта и новеллиста А. Манцони и попутно характеризуя основные черты итальянского янсенизма начала XIX в. (Дегола, Този и др.). Автор—представитель устарелой психологической литературной критики, слаб в архитектонике и крайне расплывчат. Сосредоточивая все свое внимание на личной психологической драме А. Манцони и усиливаясь выявить оригинальные черты его янсенизма, он опускает однако жизнь Манцони в Париже, его отношения к французским друзьям, вовсе не касается социальных предпосылок миросозерцания писателя, остальное же сваливает в кучу, построенную на ассоциациях по смежности и сдобренную педантической эрудицией.

Великодержавный туман, густо окутывающий «Новое Историческое Обозрение», в особенности сказывается в необычно большом месте, отводимом вопросам военной истории недавней империалистической войны. Всюду стремление героизировать «наших славных солдат», реабилитировать задним числом стратегические ошибки Кадорны и других злополучных итальянских стратегов, восславить доблесть итальянского берсальера и славу итальянского оружия, сваливая попутно вину за военные неудачи на разложение армии, виновниками которого, по мнению авторитетного военного историка журнала Пьетро Пьери, являются все партии, стоящие в той или иной оппозиции к фашизму: это джиолиттионцы, социалисты и католики (popolari), исполняющие веления папы пацифиста Бенедикта XV. Яркой иллюстрацией вышеуказанных мыслей служит статья вышеуказанного историка о злосчастном сражении при Капоретто (Pietro Pieri. La battaglia di Caporetto e del Grappa nell'opera di uno storico ufficiale tedesco. N. R. S. 1927, ff. 3—4).

Тем же об'ясняется и особенное внимание к итальянцам, поддерживавшим «во время оно» славу итальянского оружия вне пределов Италии. Д. Ж. Буонфильоли (G. Buonfiglioli. Un Italiano duce di eserciti nella Persia e nel Lahore. N. R. S. 1927, ff. 1—2) сообщает, например, биографические сведения о любопытной карьере некоего итальянского авантюриста, бывшего Наполеоновского солдата, Рубино Вентури (1795—1859), который, вынужденный эмигрировать из родного города на Восток, стал сперва военным инструктором Шаха персидского, а впоследствии главнокомандующим раджи Лагорского Руджет Синга и умер набобом в Париже.

Новое пытается внести в изучение темного и до сих пор переменного вопроса о происхождении карбонаризма Дж. Парди (G. Pardi. Nuove notizie sull'origine della Carboneria e di qualche altra società segreta. N. R. S. 1926, f. 6) на основании новых архивных розысканий. Документальных данных—протоколов не сохранилось, есть лишь свидетельства современников и донесений тайных полицейских агентов высшей марки. Из них можно заключить, что карбонаризм связан был либо с французским или английским масонством и возник во время борьбы между старой и новой (бонапартистской) династией за неаполитанское королевство. Автор рискнул пойти дальше: опираясь на довольно сомнительные показания мемуаристов, он предполагает, что общество карбонариев было сперва основано в Сицилии при сочувствии английского резидента королевой Марией Каролиной (заядлой реакционеркой) для борьбы с Бонапартом, а потом перенесено на материк. Но ему самому представляется непонятным превращение крайних монархистов в конституционалистов, хотя он и силится об'яснить эту метаморфозу хитрым тактическим приемом политической борьбы. Гораздо интереснее печатаемые им в приложении, к сожалению, без всякого комментария, документы по истории других тайных обществ. Некоторые из них повидимому, носят явные следы провокаторско-полицейской подделки (сообщение о мнимой организации «Адельфов»), другие представляют большой интерес (сведения о так называемом обществе гвельфов, обществе «черной булавки», конгрегации «святой Веры»—санфедистов). Таким образом, вопрос о происхождении карбонаризма все еще остается открытым.

Новый «дух» журнала сразу дает себя знать, когда его сотрудники берутся за статью по истории социализма.

Альдо Феррари задался симпатичною целью характеризовать предшественников социалистического движения в Италии (Aldo Ferrari, Iprecur sori del movi-

mento socialista in Italia N. R. S. 1926, f. 1). И вот, прежде всего, он зачисляет в их ряды Маццини. Но излагая его идеи в хронологическом порядке, напирая на его критическое отношение к системам французского утопического социализма, он не видит ни позаимствований из этих же самых систем, ни типичного мелкобуржуазного демократизма с мистической и националистической окраской (учение о солидарности классов и пр.). Эволюция взглядов Маццини ему не знакома, пред ним маячит любезный его националистическому (а, может быть, и фашистскому, как увидит далее читатель) сердцу образ—и он решает, что Маццини—национал-социалист.

Следующий «предшественник» Джузеппе Феррари, зависимость которого от французских утопистов тоже ускользнула от автора (сен-симонисты и др.), несмотря на выхваляемые автором пышные фразы о двух революциях, демократической и пролетарской, на национальной основе (!!), не что иное, как обыкновенный буржуазный радикал с националистической окраской.

Третий, по словам самого автора, «социалист на миг», Монтанелли, еще правее предыдущего, преподносит типичную буржуазную радикальную программу, называя ее, ничтоже сумняся, «программой итальянских социалистов».

Наконец, на идеологию последнего, наиболее интересного (для нас, но не для автора), активного участника революционного движения 50-х годов, Пизакане, оказали влияние и сен-симонисты, и коммунисты 40-х годов. В его «Политическом завещании» уже проскальзывают идеи коммунистического манифеста и предсказания пролетарской революции. Автор смело зачисляет этого героического революционера в национал-анархо-коммунисты (!).

После этого автору остается установить сущность искомой им итальянской (!!) социалистической школы. Храбро выводя за скобки все, что удается ему надергать общего в различных сочинениях первых трех «предшественников» (Пизакане не подходит под мерку и предусмотрительно выбрасывается), он устанавливает следующие основные черты этой «школы»: национализм, любовь к отечеству (анти-пацифизм), историзм, отрицание анархизма, коммунизма и марксистского коллективизма, свободная кооперация, осуждение «необычайной и бунтарской борьбы классов», которое «сближает ее (эту «школу»!) с реалистической и эволюционистской английской школой, и противопоставляет абстрактной и зажигательной школе Прудона-Бланки (!!!), равно метафизически консеквентной школе Маркса и Энгельса». Придя таким образом прямехонько к фашистским союзам, автор проливает слезы о том, что массы ошибок (каких?) этой «школы» помешали ей привлечь на свою сторону итальянских рабочих своей «реальной» программой и стать собственно итальянской социалистической партией «итальянской марки», примиряя национальную социалистическую идею в противоположность социализму «германской марки»...

Дальше итти некуда...

Но социализм «германской марки» живет, и несмотря на разгул фашистского террора среди итальянских историков, уцелело еще несколько марксистов, хотя и порядочно полинявших. Редакция все же принуждена считаться с этим фактом и поэтому помещает иногда, как мы уже говорили, перепечатки из сочинений Плеханова, снабжая их обеззараживающим послесловием, об'ясняющим, что Плеханов ошибался и его ошибки исправлены Бернштейном, Ж. Сорелем, Кроге и другими мудрыми мужами, напитавшимися историко-политическим реализмом в 1871—1900 годах (идея редактора!). Иногда же печатается поверхностный и сбивчивый этюд об историческом материализме (Ferdinando d'Antonio. Del materialismo storico N. R. S. 1926, ff. 2—3), с иронически-утешительным предисловием, что и всех-то исторических материалистов в Италии на перечет, не больше, чем пальцев на одной руке, но все же (не без ехидства по адресу всемогущего правительства) «в сей период чистого философского и исторического идеализма, когда предпочтительно об'яснять, что вдыхаешь чистейший нектар, не лишне изложить некоторые из критериев «плачевной» материалистической концепции»...

Для редакции лучший марксист—А. Лабриола, ибо, по словам редактора, он к концу своей жизни не только отошел от социализма в общем смысле этого слова, но и заранее благословил колониальную политику в Ливии (Триполи).

Относясь с великим благоговением к памяти таких обратившихся «итальянских» социалистов, журнал не проходит мимо годовщин смерти больших социалистов «немецкой марки». Маленькую заметку по поводу 25-летия со дня смерти Вильгельма Либкнехта, пишет некий Максимилиан Клаар (Massimiliano Claar. Guglielmo Liebknecht e il Socialismo tedesco. N. R. S. 1926, ff. 2—3, с гордостью заявляющий, что «уничтожение социализма в Италии» радует того, кто, как пишущий, насчитывает в своем активе тридцать лет активной борьбы против социализма». Ясно, что такому «борцу» смерть Карла Либкнехта представляется «таинственной».

Но и при такой «очищенной» работе уже полуфашистского журнала многие опасности таятся для него во мгле грядущего от действительных, тайных и явных, особенно новообращенных фашистов. Достаточно было известному историку рим-

ской литературе профессору de Sanctis подвергнуть критике недавний труд о Цицероне новоявленнного фашиста профессора Э. Чачери, чтобы тот прислал в редакцию гневный, полный угрожающих намеков и скрытых угроз ответ, выхваляя свою написанную в панегирическом тоне книгу, как труд, который должен «усилить и возвышать в нашем юношестве чувство итальянизма» («il senso d'italianita»)». А что до намека на его перемену прежних взглядов на Цицерона, то «всякий-де ныне знает, что глубокая духовная перемена произошла во многих наших ученых после великой войны, которая вернула отечеству границы, к коим давно были устремлены мучительные думы великих итальянцев, и что, мало того, ныне трудами Национального Правительства завершается настоящее сбновление народного сознания». (Intorno à Cicerone e alla critica moderna. Emanuele Ciaceri N. R. S. 1927, ff. 1—2).

Гораздо безопаснее поэтому заниматься историей итальянского искусства!

И вот, Джузеппина Сасси ликвидирует окончательно легенду о любви поэтессы Виттории Колонна к Микель Анджело Буонаротти (Giuseppina Sassi. Corrispondenze d'offetti l relanzioni d'arte del nostro Risorgimento. N. R. S. 1926, f. 6).

Арнальдо Ферригуто дает интересную интерпретацию загадочной доселе картины Джорджоне «Буря», символизирующей, по его мнению, господствовавшее в эпоху Ренессанса учение о четырех стихиях (Arnaldo Ferriguto. La fisica della Rinascenza ed il sogetto di un copolavoro. N. R. S. 1926, f. 6).

Столь же безопасно откликается на текущие юбилейные моменты: Ахилл Норса, основываясь исключительно на итальянской литературе, характеризует философию истории Маккиавелли (Achille Norsa. De filosofia della storia nel Macchiavelli. N. R. S. 1927, ff. 5—6), выдвигая его натуралистический детерминизм при отсутствии идеи прогресса.

Еще лучше печатать переписку великих итальянских ученых, хотя бы они были физиками, а не историками, как знаменитый Вольта, с их иностранными друзьями и почитателями (Carlo Volpati. Amici e ammiratori di Alessandro Volta in Germania. N. R. S. 1927, ff. 5—6).

Но всего безобиднее с сокрушающей эрудицией решать вопросы по исторической топографии, где было подлинное Кавдинское ущелье или Ронкальская долина (N. R. S. 1927, f. 3—4).

Вполне понятно, что недавно вышедший капитальный труд маститого германского историка Ф. Мейнеке,—Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte—типичный образчик регрессивного движения старой немецкой историографии к идеалистическому дуализму, нашел себе в журнале обширную хвалебную рецензию. (N. R. S. 1927, ff. 5—6).

Понятно и то, что статьи по методологии истории не выходят за пределы крайне общей и поверхностной популяризации трафаретных взглядов формального и механического синтеза, хотя бы их написал и такой серьезный исторических дел мастер, как А. Сэ (Enrico Sée. Specializatione e sintesi nella storiografia. N. R. S. ibidem).

Перед итальянским историком стоит дилема: или стать фашистом, или постепенно превратиться в коллекционера исторических фактов, библиографа, писателя, неохотно, робко и неумело приступающего к социальному анализу.

Тускнеет свободная мысль, иссякает творческая энергия, наступает склероз исторической науки в удушающей атмосфере фашизма.

А. Васютинский.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ В СССР НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЗА ПЕРВЫЙ ТРИМЕСТР 1928 ГОДА

«Пролетарския Революция» № 12 (71) 1927 г., № 1 (72) и 2 (73) 1928 г.

«Каторга и Ссылка»—«Историко-Революционный Вестник» № 8 (37) 1927 г. и №№ 1 (38), 2 (39) и 3 (40) 1928 г.

«Красная Летопись» № 3 (24) 1927 г. и № 1 (25) 1928 г.

«Летопись Революции» № 5 (26)—6 (27) 1927 г. и № 1 (28) 1928 г.

«Красный Архив» т.т. XXIII и XXIV.

«Коммунистическая Мысль» № 6 1927 г.

«Минувшие дни»—декабрь 1927 г., январь и февраль 1928 г.

Большая часть статей журнальной периодики в СССР, вышедшей на русском языке за отчетный триместр, посвящена темам, связанным с 10-летием Октябрьской революции. Однако более или менее значительных работ, относящихся к истории этого периода, очень мало. Разработка проблем Октябрьской революции пока идет дальше опубликования случайных статей, большею частью, типа воспоминаний или архивных материалов. За отчетный период темы по Октябрьской революции как будто даже отодвигаются на задний план, вытесняемые другими вопросами, из которых наибольшее внимание привлек первый с'езд Р. С.-Д. Р. П. 30-летнюю годовщину с'езда отметили и «Пролетарская Революция», и «Красная Лето-

пись», и «Каторга и Ссылка»—«Историко-Революционный Вестник», уделившие этому юбилею значительное место в февральско-мартовских номерах журнала.

Как одно из новых явлений в области журнальной периодики за истекший триместр следует отметить выпуск трех «альманахов» «Минувшие Дни», которые являются по существу новым историческим журналом. По поводу публикации в этом журнале «Дневника Вырубовой» ряд авторитетных специалистов в опубликованных газетами интервью высказали сомнение в подлинности этого документа. В связи с этим при Центроархиве создана особая комиссия для расследования подлинности «Дневника». М. Н. Покровский заявил, что он к этой подлинности «Дневника А. А. Вырубовой» относится чрезвычайно скептически.

Альманах «Минувшие Дни», сразу достигший десятков тысяч экземпляров тиража, по мнению редакции, должен был удовлетворить запросы широкого круга читателей к исторической науке. «Ни одного читательского исторического журнала у нас пока нет,—пишут редакторы «Минувших Дней»,—и потребности широкого читателя в этой области остаются неудовлетворенными... Забота об интересах нового читателя, широких читательских кругов, является нашей главной и первой задачей и это определяет содержание и оформление нашего издания». Далее редакция «Минувших Дней» отмечает, что для нового читателя непригодны те многотомные собрания необработанных исторических материалов, которые имеются в наших библиотеках и которые рассчитаны на узкий круг литераторов и ученых. Отсюда редакция делает вывод о необходимости издания такого специального органа, как альманах «Минувшие Дни», который «поднимает завесу прошлого» перед широкой читательской массой и обслужит «ее историческим материалом в популярной и доступной форме».

Идея популярного исторического журнала для широких рабочих масс нами была выдвинута еще в прошлом году, но ее ленинградская реализация, как увидим подробнее дальше, оказалась далеко не удовлетворительной. Альманах «Минувшие Дни» вместо нужного исторического материала преподносит читателю чаще всего вредную во всех отношениях историческую макулатуру. В настоящее время в издательских кругах Москвы обсуждается вопрос об издании серьезного популярного исторического журнала для широких рабочих масс, при чем при содействии Общества Историков-Марксистов разработаны программа и основные установки для такого журнала. Следует пожелать скорейшей реализации этого начинания.

«Пролетарская Революция» № 12 (71) 1927 г., № 1 (72) и № 2 (73) 1928 г.

№ 12 (71) «П. Р.» по своим основным статьям должен быть отнесен к юбилейно-«октябрьским», так как из пяти статей руководящего характера—четыре занимаются сюжетами революции 1917 г. Передовая статья Д. Баевского «Ленинская и Каменевская оценка революции 1917 г.»—написана, главным образом, по работам Ленина и по существу ничего нового не дает. Несколько «свежее» и оригинальнее работа Я. Яковлева—«Вопросы II Всероссийского с'езда советов». Основные идеи статьи были развиты автором в его докладе об Октябрьской революции в о-ве историков-марксистов. В конечном итоге статья заострена также против «каменевско-зиновьевской» концепции революции 1917 г. вообще и Октябрьского восстания в частности. Я. Яковлев на основе нового материала II с'езда советов совершенно правильно критикует ошибки Зиновьева и Каменева в оценке удельного веса сил противников пролетарской революции, недоучета крестьянского восстания и пр.

Статья Ф. Самойлова—«Октябрь в Иваново-Вознесенске» является связным изложением событий по документам из книги «1917 год в Иванове-Вознесенском районе». Автор—живой участник событий—увязывает разрозненные факты из документов в интересный узор революционного движения Иваново-Вознесенского пролетариата в октябре 1917 г. Такой же прагматический характер носит и работа А. Киржница—«Октябрьские дни в Белоруссии», которая является главой из подготовляемой автором книги «Белорусский и Западный фронт в 1917 г.».

По случаю 25-летия грандиозного массового политического выступления ростовских рабочих 9-го декабря 1902 г. журнал дает содержательную статью А. Станчинского «Ростовская стачка в 1902 г.». Следует отметить, что в анализе причин забастовки автор очень упрощенно дает «экономику», не развертывая никакой картины экономического развития края в целом. Кроме того, совершенно невыясненным остается вопрос о социальных корнях ростовского пролетариата, его политической выучке и пр.

Из «воспоминательских» статей в том же № журнала не без интереса прочтется небольшой очерк Берзина «Октябрьские дни в Москве», автобиография Стасовой—«О партийной работе до революции 1917 г.» и др.

Несколько более содержательными хотелось бы видеть в журнале, обслуживающем историю партии, статьи, посвященные памяти скончавшегося 23 ноября 1927 г. одного из немногих историков партии—Н. Н. Батурина. Этот пробел необходимо восполнить изданием особого сборника, посвященного его памяти.

Новогодняя книжка «П. Р.» № 1 (72)—открывается статьей. В. Быстрых «Развитие взглядов Ленина по аграрному вопросу». Теоретический уровень статьи недостаточно высок, а некоторые проблемы разработаны чрезвычайно поверхностно. Так, например, теория Плеханова в своеобразии русского феодализма и крепостничества на основе азиатского способа производства, из которой вырастали и его «аграрные» взгляды, автором совершенно не разработана. Эта плехановская теория не противопоставлена также и ленинским взглядам на русский феодализм, с которыми была тесно связана его «аграрная» концепция. Из взглядов Плеханова на феодализм вытекала его теория о природе русского деспотизма, о движущих силах революции, а также и вопрос о национализации земли. Всем этим моментам т. Быстрых отводит всего лишь 1—1½ странички, что, конечно, совершенно недостаточно. Последняя часть статьи Ф. Быстрых—«Революция 1917 г. и ленинская программа» также недостаточно развита и по существу представляет простое изложение отдельных отрывков из работ Ленина без достаточной их критической проработки и увязки с общими задачами, какие партия ставила себе в революции 1917 г.

В том же номере мы имеем ценную сттью В. Мишке «Подготовка Октября в Латвии», где дается интересная характеристика взаимоотношений отдельных групп латвийского крестьянства в революции 1917 г. Автор подробно освещает на основе латышской печати деятельность Советов безземельных депутатов, их взаимоотношения с временным земельным советом—органом буржуазии и землевладельцев в Лифляндии, перед которыми безземельные капитулировали. С другой стороны Советы безземельных были той организацией, которая об'единяла сельско-хозяйственных рабочих и сельскую мелкую буржуазию, что отразилось очень вредно на своевременной организации сельско-хозяйственных рабочих в профсоюзы. В революционной практике главное внимание в сельских местностях было обращено на Советы безземельных, которые иногда и заслоняли сельскохозяйственных рабочих. Автор говорит, что «в Советы безземельных с.-х. рабочие входили, не отделившись организационно от сельской мелкой буржуазии, и тем самым ослаблялась революционная роль с.-х. рабочих, как классовой пролетарской группы».

Из остальных работ в номере 1 (72) стоит отметить ст. В. Сергиевского «Когда и по какому поводу был написан Плехановым проект программы русских социал-демократов», при чем автор устанавливает, что проект программы был написан Плехановым в июле—августе 1885 г. и что он является согласительным проектом двух групп: группы «Освобождение труда» и Петербургской группы благоевцев «через свое доверенное лицо—Благоева».

М. Эссен перепечатала свои воспоминания встречи с Лениным, Пече дал очерк «Контр-революционного выступления в Москве в связи с разгоном Учредительного собрания 18 (5 января) 1918 г.».

Февральский номер «П. Р.» № 2 (73) открывается статьями, посвященными 30-летию первого с'езда Р. С.-Д. Р. П. На первом месте отрывок из работ Н. Н. Батурина, найденный в его бумагах после смерти.

Н. Н. Батурин считает, что I с'езд был единственным с'ездом более раннего, добольшевистского периода развития с.-д. и подходить к нему с меркой II с'езда невозможно. «Это значило бы до крайности,—говорит он,—схематизировать и упрощать достижения партийного строительства, представляя их в виде восходящей прямой».

Статья Б. Эйдельмана—«Первый с'езд Р. С.-Д. Р. П. в современной литературе» построена весьма странно. Он берет все попавшиеся под руку работы историков партии и классифицирует их по признаку, как они расценивают первый с'езд Р. С.-Д. Р. П. Положительную оценку этого с'езда Б. Эйдельман находит у 19 авторов, колеблющиеся и недоумевающие оценки у 4-х и отрицательные у 2-х. Сравнивая отдельных историков в их отношении к первому с'езду партии, Б. Эйдельман не отличает историков партии, действительно занимавшихся этой историей, а таких, как мы знаем, очень немного, от таких «историков», которые пишут учебники по истории партии и которые по существу по-настоящему историей не занимались. Отсюда историко-литературный сравнительный метод анализа Б. Эйдельмана дает мало удовлетворяющие результаты, и его статья на серьезное освещение данного вопроса претендовать не может.

Статья В. Перазича ценна своим фактическим материалом, относящимся к первому с'езду Р. С.-Д. Р. П.

Из других статей в рецензируемом номере следует отметить работу Смирнова—«К 10-летию пролетарской революции в Финляндии», которую следует отнести к работам мемуарно-исследовательского типа. К сожалению, она не закончена и общей оценки всей работы сделать пока нельзя.

Серьезную задачу поставил себе Л. Ильин: исследовать роль казачества Северного Кавказа в революции 1917 г. Статья его и носит такой заголовок. Вначале автор размахнулся довольно широко и пытался дать серьезный исторический

анализ положения казачества накануне революции. Но эта задача, вероятно, оказалась не по плечу автору и он очень быстро от серьезного исследования перешел к описанию в достаточной мере известных специалистам фактов о выступлениях казачества в отдельные этапы революции 1917 г.

Статья М. Корбут—«Страховая кампания 1912—1914 г.г.» является кратким очерком, составленным на основании архивных документов департамента полиции. Как оговаривается сама редакция, большевистская литература автором использована слабо, роль партии в проявлении страховой кампании почти не выявлена. Напечатана статья потому только, что вопросы страховой кампании в литературе мало освещены и документы департамента полиции по этому вопросу, публикуемые впервые, представляют известный интерес. К этой оценке редакции добавить почти нечего, кроме разве того, что, может быть, все-таки целесообразней добиваться от авторов более тщательной проработки статей. На эту сторону дела несомненно следует обратить более серьезное внимание и не только «Пролетарской Революции», но и другим историческим журналам.

С № 2 (73) «П. Р.» возобновилось печатание протоколов ЦК Р. С.-Д. Р. П. большевиков. В рецензируемом номере помещены протоколы, относящиеся к периоду Брестских переговоров. Излагать содержание протоколов или отмечать важнейшие места не целесообразно; стоит лишь указать, что выдержки из этих протоколов в свое время были опубликованы в приложении к XV т. собр. соч. В. И. Ленина.

Библиографический отдел всех рецензируемых номеров журнала в значительной своей части дает оценку юбилейной литературы, вышедшей в свет в связи с 10-летием Октябрьской революции.

В качестве новинки журнал ввел небольшой раздел публикаций о новых книгах по трем группам: 1) История ВКП(б) и ленинизма, 2) революционное движение и история классовой борьбы в России и 3) международное движение и Коминтерн.

Указанные три линии, очевидно, являются также и теми разделами истории, которые предполагает обслуживать «П. Р.» в будущем и которые несколько меняют или, вернее, уточняют программу журнала, так как раньше журнал посвящался только «истории Октябрьской революции и ВКП(б), истории ревдвижения в России, работе партийного подполья, интервенции, гражданской войне и борьбе с контр-революцией» (из об'явления журнала).

«Каторга и Ссылка»—«Историко-Революционный Вестник» № 8 (37) 1927 г., № 1 (38), № 2 (39) и № 3 (40) 1928 г.

С начала 1928 г. «Каторга и Ссылка»—орган о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев—превращен в ежемесячник. В № 3 (40) редакция журнала вновь пересматривает свое credo и заявляет, что «основной задачей журнала является стремление привлечь к разработке вопросов истории революционного движения в России непосредственных его участников. В соответствии с этим редакция журнала ставит своей первоочередной задачей собирание и опубликование соответствующего мемуарного и автобиографического материала». На ряду с мемуарами и историко-революционными документами на страницах журнала дается место и исследовательским работам.

Далее редакция указывает, что, «твердо придерживаясь в вопросах теоретических—революционного марксизма, редакция в статьях мемуарного и автобиографического характера считается с индивидуальностью авторов и их политическими убеждениями». «Такие статьи, по мнению редакции, могут представлять громадную ценность для будущего сторика русской революции, но эту ценность они будут иметь лишь в том случае, если их авторам будет предоставлено выяснить не только фактическую сторону событий прошлого, но и свое тогдашнее отношение к ним и свои взгляды на них. Только таким путем мы получим возможность воссоздать картину прошлого во всей ее красочности и многообразии. Вот почему редакция твердо уверена в том, что всякие изменения в характере нашего журнала повели бы к его обезличению и к понижению его научной ценности».

Против этой установки редакции возражать не приходится, но следует лишь пожелать, чтобы исследовательским работам в журнале действительно отводилось соответствующее место. Журнал вступил в 8-й год своего существования и накопил достаточное количество материала, чтобы заняться его обработкой. Никакого обезличения и понижения научной ценности не получилось бы от выдвижения на первый план в задачах редакции исследовательских работ по революционному движению в России. Таких работ у нас вообще мало, а в специальном журнале, посвященном истории революции, они просто необходимы. Последние номера журнала за 1928 г. в этом отношении весьма показательны. К исследовательским работам научного характера может быть отнесена всего лишь одна—две статьи. Однако, эти статьи сами по себе далеко не высокого качества. Так, например, работа

Э. Корольчук в № 1 (38) — «Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга в середине 70-х годов» является скорее наброском, чем серьезной научной статьей.

Далее очерк С. Айнзафта о зубатовщине в Москве в № 2 (39)—хотя имеет подзаголовок «по неизданным архивным материалам», в первой части построен, главным образом, на всем известных общих очерках по рабочему движению в эпоху зубатовщины или же автором используются такие «документы», как, например, записка Тихомирова, в свое время опубликованная в книге Морского. Будем надеяться, что в следующих статьях автор действительно сдержит свое слово и даст нам действительно что-либо новое по зубатовщине, чего бы мы до сих пор не знали по общеизвестным работам. Со своей стороны рекомендуем автору ознакомиться с историко-революционным архивом (фонд охранного отделения) по зубатовской демонстрации к памятнику Александра II. Здесь он найдет много интересных штрихов для аналогии этих форм идеологической провокации рабочего класса со стороны агентов царского правительства с тем, что было проделано ими в Петербурге в день 9-го января 1905 г.

Следует отметить далее, что по истории первого с'езда Р. С.-Д. Р. П. в № 3 (40) «К. и С.» мы, к сожалению, не имеем ни одной исследовательской статьи. Здесь пока идет только собирание материалов.

Из документации, опубликованной в последних номерах «К. и С.», следует отметить сообщение Н. И. Сидорова—«Статистические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III отделения» № V (38), «Неопубликованные письма П. Л. Лаврова» № 2 (39) и др.

Библиографическую ценность представляет работа С. П. Швецова—«Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири», в № 3 (40), окончание которой намечено в № 4 (41). Для работников по истории и экономики Сибири статья дает много ценных справок. Между прочим, там отмечены также работы ссыльных по так называемому «инородческому» вопросу в Сибири.

На большой высоте стоит раздел «Лики отошедших» во всех рецензируемых номерах журналов.

К разделу «Библиографии» редакцией привлечены серьезные силы.

«Красная Летопись» № 3 (24) 1927 г. и № 1 (25) 1928 г.

Из двух номеров «К. Л.» следует отметить несколько статей; которые приближаются к тем исследовательским работам, о которых мы говорили выше в связи с разбором материала в «П. Р.» и «К. и С.». Из таких статей отметим П. Ф. Куделли—«Завоюйте Петроградский Совет», в которой трактуется вопрос о возникновении междурайонного совещания советов в Петрограде в 1917 г. Это совещание сыграло весьма большую роль в деле большевизации Петроградского совета, и поэтому его история, до сих пор совершенно не освещенная в печати, ценна и полезна. В статье П. Ф. Куделли приводится проект декларации и инструкция междурайонного совещания, а также и несколько его резолюций, из которых видно, что совещание сыграло большую роль в идейной борьбе с оборонческими ВЦИК'ом и Исполнительным Комитетом Петроградского совета. Статья П. Ф. Куделли напечатана в № 3 (24) «К. Л.».

В том же номере имеется статья А. Ф. Ильина-Женевского—«Трагикомедия Учредительного собрания». Начинается статья с очень большого размаха по истории учредительных собраний разных стран в прошлом, но, кроме беглого перечисления, автор ничего не дает. Точно так же слабовата глава о «Лозунге Учредительного собрания в дореволюционное время». Затем идет характеристика лозунгов Учредительного собрания в революцию 1917 г. и фактическая история его подготовки и созыва. Проблемы, связанные хотя бы с составом Учредительного собрания, в котором большинство получили эсеры черновского толка, автором не только не вскрыты, но даже не поставлены. Таким образом, эту работу нельзя считать в достаточной степени приближающейся к работам исследовательского типа.

В прошлом обзоре «Историка-Марксиста» отмечалась ценная работа А. Дрэзена «Петроградский гарнизон в Октябре» (материалы). В № 3 (25) «К. Л.» помещены тем же автором материалы по теме «Петроградский гарнизон в июле и августе 1917 г.». Там же М. Ахун и В. Петров дали интересный очерк «Петроградский гарнизон и северный фронт в годы империалистической войны». Мы уже отмечали в т. VI «И. М.», что такого рода работы являются необходимыми не только по Петрограду 1917 г., но и по другим центрам Октябрьской революции, и с этой стороны следует пожелать, чтобы историки Октябрьской революции на местах возможно дальше продвинулись в изучении движения военных частей в революции, использовав хотя бы те материалы, которые публикуются «Красным Архивом».

Следует отметить, что «К. Л.» в № 1 (25) несколько опередила своего старшего собрата «Пролетарскую Революцию» и дает целый ряд материалов, касающихся революционного движения 1918 и 19 г.г. Здесь есть историческая справка Ильина-Женевского «Брестский мир и партия», Воспоминания Миничева «В дни лево-эсеровского мятежа в Петрограде» и др.

Правда, это не статьи исследовательского характера, но все же, приводимые материалы достаточно ценны.

В № 1 (25) целый раздел отведен 30-летию первого с'езда Р.С.-Д. Р. П., но статьи этого раздела по своему качеству не выше, чем в других историко-революционных журналах. В том же номере началась печатанием статья Михаила Мартынова «Аграрное движение накануне Октябрьской революции», при чем автор отмечает, что его работа является попыткой дать анализ классовых группировок в аграрном движении 1917 г. Статья только начата, и по началу можно судить, что она будет одной из интересных работ по затронутому вопросу. Более подробный ее разбор отложим до следующих выпусков.

К таким же общим исследовательским статьям относится работа Корбута—«Страховые законы 1912 г. и их проведение в Петербурге»—отрывок из подготовляемой к печати книги: «Департамент полиции и страховая кампания 1912—1914 года». Некоторые моменты статьи Корбута в «К. Л.» отмечены в № 2 (73) «Пролетарской Революции», и редакциям журналов на это обстоятельство стоит обратить внимание.

Следует также отметить, помещенный в № 3 (24) новый материал о В. И. Ленине—«Дополнение к декрету Совнаркома от 21 февраля 1918 г.», написанное В. И. Лениным. В журнале опубликовано факсимиле этого «Дополнения». Там же имеется статья Н. В. Дорошенко—«Ленин и местные работники», которая вносит несколько новых штрихов в биографический портрет В. И. Ленина в разные этапы его жизни.

Библиографический раздел «К. Л.» мог бы быть богаче и касаться тем, наиболее близких Ленинградскому органу Истпарта.

«Летопись Революции» № 5—6 1927 г. и «Літопис Революції» № 1 1928 г.

«Летопись Революции» или «Літопис Революції» в украинском словоначертании—журнал Истпарта ЦК КП(б)У—выходит уже седьмой год и по своему типу приближается к «Пролетарской Революции». Ряд статей в журнале печатается на украинском языке. Основные отделы рецензируемых номеров «Л. Р.»: 1) статьи, посвященные Октябрьской революции на Украине; 2) история профдвижения на Украине; 3) воспоминания, заметки и 4) библиография. По содержанию статей оба последние №№ журнала должны быть отнесены к «октябрьским». На первом месте в этих номерах большая статья М. А. Рубача—«Аграрная революция на Украине в 1917 г.», продолжение которой обещано. Судя по началу эта статья является одной из тех немногих серьезных научно-исследовательских работ, которых так не хватает в нашей исторической журнальной периодике[1]. В опубликованных главах т. Рубач подробно останавливается на особенностях «перерастания буржуазно-демократического содержания аграрной революции в социалистическую», как несколько неуклюже, но по существу правильно определяет он общий характер крестьянского движения на Украине в 1917 г. Весьма ценна устанавливаемая т. Рубачем периодизация крестьянского движения на Украине. Он дает следующую схему: 1 период—март—май: борьба за понижение цен на существующие аренды, изменение их кабального характера, использование пустующих земель и передача их крестьянству; 2 период—май—июнь, отчасти июль—процесс перераспределения аграрного фонда внутри крестьянства, отнятия арендных участков у зажиточных крестьян, посредников в аренде, начало борьбы между общинниками и отрубниками, борьба за урожай; 3 период — июль—август, отчасти сентябрь,—процесс установления принудительных аренд, принудительное из'ятие новых земель для расширения арендного фонда, удовлетворение малоземельных арендными землями по низким ценам за счет помещичьих и кулацких хозяйств, продолжение борьбы за урожай; 4 период—сентябрь—октябрь—открытый захват помещичьих земель без арендного прикрытия, захват помещичьих земель не только под зерновыми, но и техническими культурами (свекловичные плантации) и, наконец, 5 период—после октября—захват помещичьих экономий, живого и мертвого инвентаря и их раздел.

Между прочим т. Рубач, работая над материалами в украинских архивах, приходит к выводу о чрезвычайной неполноте сведений о случаях крестьянского движения, опубликованных Центроархивом[2], которые он характеризует, как весьма несовершенные и не отражающие «и десятой доли общей массы фактов аграрного движения». Этим как бы оправдывается то обилие цитат из источников, которые имеются в работе т. Рубача.

К группе научно-исследовательских статей «Л. Р.» может быть отнесена также работа Кочинского—«Аграрное движение времени Гетманщины» (на украин-

[1] Автором статей подготовляется к печати большая работа в 2-х томах—«Аграрна революция 1917 року на Україні. Документи та матеріали».

[2] «Крестьянское движение в 1917 г.», с предисловием Я. Яковлева. Изд. ГИЗ. 1927 г.

ском языке) в № 1—1928 г., в которой приведен значительный фактический материал по этой эпохе, а также интересная документация (например, проект аграрной реформы Скоропадского, его декларация по земельной политике и т. д.).

Следует, кроме того, отметить в обоих рецензируемых №№ «Л. Р.» работу В. Манилова—«Из истории взаимных отношений Центральной Рады с Временным Правительством», которая была еще начата в №№ 3 и 4 «Л. Р.» История взаимоотношений закончена июльскими днями 1917 г.—«генеральной репетицией» октябрьского предательства Центральной Рады. Интересным дополнением к известной работе Е. Бош могут служить воспоминания Г. Лапшинского—«З перших днів всеукраїнської радянської власти».

Остальной материал журнала по Октябрьской революции, кстати, чрезвычайно обильный (в двух книжках около 800 страниц), носит характер прагматики, основанной отчасти на архивных материалах, частью на воспоминаниях. В № 1—1928 г. помещены ценные материалы и документы по Всеукраинскому с'езду Советов. В журнале много снимков и портретов революционных деятелей Октября.

Библиография удачно подобрана из юбилейной Октябрьской литературы, касающейся Украины.

«Коммунистическая Мысль» № 6 1927 г.

Из статей, имеющих отношение к истории, в № 6 «К. М.» обращает на себя внимание работа Л. Резцова «К вопросу о роли русского капитала в Туркестане», помещенная в дискуссионном порядке.

Дискуссионный момент в работе Л. Резцова выявлен недостаточно четко. Он ломится в открытую дверь, доказывая, что русский капитализм разрушал в Туркестане натуральные и феодальные отношения. Весь спор сводится лишь к тому, что ряд историков Средней Азии не может столковаться о формах «загнивания» капитализма в условиях средне-азиатского хозяйства. Один из них, как, напр., Галузо указывает на возрастание «крепостнических» отношений в сельском хозяйстве, что выразилось главным образом в усилении роста чайрикерства, другие такую форму «загнивания» отрицают. Статья несомненно прочтется с интересом, хотя она носит скорее характер наброска, а не серьезного научного исследования.

Остальной материал «К. М.», касающийся «Октября в Самарканде», «Из прошлого компартии в Джетысу» и пр. носят прагматический характер и могут быть полезными при изучении вопросов Октябрьской революции в Средней Азии. Рецензии в «К. М.» даются на книги, посвященные революционному движению в Средней Азии.

«Красный Архив» т. XXIII и XXIV—1927 г.

Две последних книжки «К. А.» посвящены документации революции 1917 г., при чем значительная часть документов относится к периоду Октябрьского восстания. В обеих рецензируемых книжках даны также материалы, освещающие июльские дни в Петрограде и Октябрь на фронте. Материалы по июльским дням взяты, главным образом, из дел следственной комиссии для расследования участия воинских частей в восстании 3—5 июля. Материалы же раздела «Октябрь на фронте» являются, главным образом, телеграммами и разговорами по прямому проводу и делятся на 4 отдела: 1) первые известия на фронте о восстании в Петрограде и свержение Временного правительства, 2) организация вооруженных сил для подавления восстания, 3) на северном фронте в дни Октябрьского восстания и 4) Гатчина—Луга. Материалы этого раздела заимствованы из дел Московского военно-исторического архива.

В органической связи с материалами «Октябрь на фронте» находятся документы, относящиеся к Московскому Военно-революционному комитету. Все эти материалы представляют огромный исторический интерес и их ценность хорошо освещена в большом предисловии к XXIII т. М. Н. Покровского. Он считает, что опубликованные в XXIII и XXIV т. т. документы являются основным дополнительным фондом к документации по истории Октябрьской революции, опубликованной Центроархивом отдельными томами («Армия в 1917 г.», «Крестьянское движение в 1917 г.», «Рабочее движение в 1917 г.»).

«Исходя из этого основного фонда,—говорит М. Покровский,—потом уже легче будет пополнять его деталями».

Из остального материала двух рецензируемых «К. А.» следует отметить еще дневник ген. Болдырева, который подготовляется в целом к печати под общим заголовком «Революция на фронте—1916—1917г.». «Дневник Болдырева, командовавшего в октябре 1917 г. 5-й армией,—рассказывает Покровский,—как раз на максимально большевистском северном фронте, ярко рисует растерянность командной верхушки перед надвигавшейся революцией... Как наблюдение революции из штаба и со штабной точки зрения, дневник очень ценен—в особенности если его рассматривать как д о п о л н е н и е к ценнейшим переговорам штабов по пря-

мому проводу». Стоит отметить, что этим переговорам штабов по прямому проводу М. Покровский посвятил специальную статью в журнале «Красная Новь» октябрь 1927 г., под названием «Большевики и фронт в октябре—ноябре 1917 г.».

В томе XXIV опубликована коллекция документов под общим названием «Иностранные дипломаты о революции 1917 г.». Эти документы находились в министерстве иностранных дел в результате работ по дешифрированию переписки иностранных дипломатических представителей в Петрограде и освещают внутреннее положение страны в связи с революцией. Большой ценности публикуемые документы не представляют, но все же в общей связи они дополняют целый ряд описаний отдельных моментов революции 1917 г. и помогают уяснению того международного окружения, в каком и несмотря на которое русская революция развивалась.

В той же книжке помещен запрещенный рассказ Короленко «Федор Бесприютный», который извлечен из дела СПБ Цензурного комитета 1885 г.

В «записной книжке архивиста» дается материал, также относящийся к революции 1917 г.: «Подготовка к наступлению на Петроград», характеризующая организацию Керенским контр-революционных сил против Петрограда в дни Октябрьского восстания, и «Романовы в первые дни революции», в которых опубликована переписка некоторых из великих князей Романовых в связи с вопросом об отказе Николая Романова от престола.

«Минувшие Дни», декабрь 1927 г., январь и февраль 1928 г.

В предисловии к обзору мы уже отмечали общее направление «Минувших Дней»—этого иллюстрированного исторического альманаха, под. ред. М. А. Сергеева и П. И. Чагина, издаваемого «Красной Газетой». Гвоздем трех вышедших номеров альманаха является «Дневник Вырубовой», который как бы определяет основной тон всего журнала. Весь тот клубок извращенной сексуальной жизни, связанный с фамилией Романовых и их «двором», который был так тесно сплетен с «деятельностью» Распутина, находит свое яркое отражение в «Дневнике», который по всем данным является фальшивкой, рассчитанной на низменные вкусы обывательщины. Мы можем отметить, что, во-первых, сомнение в подлинности документа напрашивается вследствие того, что редакция в предисловии к дневнику совершенно обходит молчанием вопрос о том, где хранятся публикуемые ею под названием «Дневник Вырубовой» материалы и каким путем они попали в ее распоряжение. Представитель Центроархива РСФСР публично заявил, что в Центроархиве «Дневника Вырубовой» и копий его нет. То, что рассказывают «составители» в самом предисловии к «Дневнику», уже вселяет недоверие к его подлинности. Так, в нем рассказывается, что одна из тетрадей, в которую Вырубова заносила свои записи, была отобрана у нее во время обыска в 1917 г. «Эта тетрадь была ей пред'явлена при допросе,—сообщается в предисловии,—6 мая 1917 г. Чрезвычайной комиссией, учрежденной Временным правительством для расследования незаконных действий бывших министров». Спрашивается—каким образом эта тетрадь могла попасть в распоряжение редакции альманаха, когда она должна быть, как все государственные бумаги эпохи Временнего правительства, в делах Центроархива РСФСР, что случилось дальше с этой тетрадью и т. п.

Далее в предисловии сообщается, что оставшиеся у Вырубовой дневники начали переводиться некоей Гагаринской на французский язык. Однако, в связи с революционными событиями, эти переводы не были доведены до конца, и с дневников были сняты копии по-русски. Всего в дневнике 25 тетрадок, из которых 8 в французском переводе русского оригинала, а остальные в копиях на русском языке.

А. А. Вырубова, как известно, была выслана за границу 26 августа 1917 г., но в Гельсингфорсе ее арестовали, и в конце сентября она вернулась в Петроград. Переписка дневника в это время производилась под ее наблюдением.

Затем начинается самое невероятное. Редакция сообщает, на основании письма от 6 ноября 1919 г., о том, что сестра горничной Вырубовой подлинные записки бросила в прорубь, испугавшись милиционера. Таким образом, подлинный текст записок утрачен навсегда, остались его копии, которые были переданы на хранение лакею Вырубовой Берчику, который хранил их, повидимому, «в сыром месте, так как чернила кое-где расплылись и смылись настолько, что разобрать некоторые места удается с трудом».

В декабре 1920 г. Вырубова бежала за границу через Финляндию, оставив дубликаты своих дневников в России. Их путь от Берчика до редакции альманаха «Минувшие Дни»» в предисловии не освещается.

Вышедшие в Париже в 1922 г. «Страницы из моей жизни»—Вырубовой являлись написанными ею уже за границей мемуарами, с целью реабилитации автора в глазах белой эмиграции. В предисловии об этом рассказывается для того, чтобы опорочить заранее критику тех авторов, которые могли бы сопоставить Выру-

бовские «Страницы» с текстом ее дневников. В этом, нам кажется, и зарыта собака. Самый характер, опубликованных дневников находится в вопиющем противоречии как по своему стилю, так и по фактическому материалу с тем, что дается на «Страницах моей жизни». Тупая, ограниченная фаворитка Николая Романова отнюдь не обладала способностями государственного деятеля, как это явствует из некоторых страниц «Дневника», не была так литературно образована, чтобы излагать свои мысли в такой четкой и ясной формулировке в «Дневнике», не могла писать своего «Дневника» без отступлений чисто житейского свойства, которые почти отсутствуют в тех материалах, которые опубликованы «Минувшими Днями». Большое сомнение в подлинности «Дневника» возникает также в связи с опубликованием интимных бесед Николая Романова с министрами, большая «политичность» «Дневника», а также употребление Вырубовой совершенно современных выражений.

«Составители» «Дневника» разоблачают себя тем, что дают в нем нарочито надуманные характеристики отдельных лиц и в частности Распутина, который изображается с первого и до третьего номера в качестве какого-то мистического мужицкого идеолога. Это сразу выдает заранее обдуманную концепцию «составителей» «Дневника» и еще больше опорочивает его подлинник.

Не касаясь разбора фактов «Дневника» по существу в нашем итак затянувшемся обзоре, следует отметить, что и весь остальной материал «Минувших Дней» построен на дешевых и большей частью сексуальных сенсациях. Это можно сказать по поводу статьи П. Е. Щеголева «Убийство Пушкина» и Р. Пуле — «Трагические чудачества Джонатана, Свифта», К. Чуковского—«Подруги поэта» (о женах Некрасова) и т. п.

Подыгривание журнала к вредным и нездоровым обывательским запросам, к спальням исторических личностей возведено «Минувшими Днями» в особого рода задачу, которую следует решительно осудить.

Ряд статей по своему изложению—напр., А. Ольшевского—«Вечер 13 июля 1793 г.» (февр. 1928 г.) подан так, что симпатии неискушенного в истории читателя скорей будут на стороне «полногрудой» Шарлотты Кордье, чем «бесноватых» парижских санкюлотов. Грань между революцией и контр-революцией в ряде статей стерта, замазана толстым слоем «исторического сала», от которого только тошнит. Такого рода литературе в наших условиях не должно быть места.

А. Шестаков.

РЕЦЕНЗИИ

Н. Н. РОЗЕНТАЛЬ. История Европы в эпоху торгового капитализма. Изд. «Прибой», Ленинград, 1927. Серия «Всеобщая история».

Эпохе торгового капитала последнее время повезло: она явилась темой для целого ряда популярных и полупопулярных книжек и учебных пособий. Правда, это обстоятельство больше отразилось на количестве, чем на качестве продукции: из ряда работ, посвященных или общей истории эпохи, или отдельным, наиболее выдающимся ее моментам, только некоторые дают материалистический анализ, у остальных марксизм—прицепной, он находит свое выражение в чисто внешних аксессуарах, в терминологии (в частности, в злоупотреблении словом «экономика»), в распределении материала, в оглавлении и тому подобных мелочах. Кое-где анализ исторического развития своеобразной общественной формации ограничивается хронологией; в таких случаях автор добросовестно излагает события, происшедшие в промежутке между открытием Америки и промышленным переворотом в Англии, сверху наклеивает ярлык «торговый капитализм» и этим считает свою роль историка исчерпанной. Но и марксисты, занимавшиеся исследованием этого вопроса, не всегда его решали исторически: например, в известном «курсе политической экономии» Богданова и Степанова дана скорее эволюция основных экономических категорий капиталистического общества, чем собственно исторический анализ известной эпохи (в таком же стиле выдержаны и работы буржуазных исследователей Зомбарта «Современный капитализм», Кулишера «Эволюция прибыли с капитала» и т. д.). В конечном счете это только историческая интерпретация экономических явлений, между тем как необходима экономическая интерпретация исторических явлений. Задача историка сводится в данном случае к тому, чтобы на основе строгого и конкретного анализа фактов из истории различных стран в определенные отрезки времени установить общие черты их экономической и социальной структуры, политическую форму, соответствующую этой структуре, и некую закономерность в ходе классовой борьбы. Таким образом, марксистская история это не фотографическая пластинка, которая отражает поток исторических событий, она (история) не воспринимает их пассивно, а перерабатывает, стараясь уловить их закономерную об'ективную связь и об'яснить эту связь. С этой точки зрения торговый капитализм не является только отрезком времени, наполненным событиями (проекцией человечества во времени) это—целая общественная формация, обладающая известным внутренним единством. Нечего и говорить о том, что марксистский исторический анализ должен в то же время дать не шаблон, который механически прикладывается повсюду и всегда, а живую историческую действительность во всем ее своеобразии и диалектической противоречивости.

То, что написано т. Розенталем, есть некоторое приближение к такому типу работы. Его книга построена на ряде обобщений, наполненных фактическим содержанием. Она распадается на две части, из которых первая трактует ранний, а вторая—поздний торговый капитализм. Это деление, безусловно имеющее под собой глубокую почву, недостаточно, однако, обосновано автором: им не показано своеобразие каждой из этих эпох. Автор мог бы установить, что возникающий торговый капитализм характеризуется с точки зрения хозяйственного развития разложением феодальных форм, развитием городского хозяйства, преобладанием внеэкономических форм накопления капитала (грабеж Америки, Индии и т. д.), между тем как для развитого торгового капитализма более характерны подчинение (но не преобразование) купеческим капиталом производства, расцвет международной торговли и т. п. Самые формы классовой борьбы обоих периодов несколько отличны друг от друга. Первый период характеризуется больше борьбой городов за свое освобождение от феодальной зависимости и столкновением классов в освобожденных городах, причем в этой борьбе абсолютизм выступает союзником буржуазии; для второго периода типичны революции в национальном масштабе, при активном участии широких народных масс, революции, направленные не только против феодальных остатков, но и против политических прерогатив абсолютной монархии

нидерландская и английская революции). Все это, понятно, различия количественного порядка, а не качественного, но они достаточно глубоки для того, чтобы их стоило отметить.

Нельзя сказать, чтобы все вышеуказанное отсутствовало в работе т. Розенталя, но оно как-то разбросано, не связано в один узел, не образует социологического «ударного кулака». Отдельные обобщения, рассеянные по всей книге, при отсутствии общих выводов, теряются в фактическом материале и не оставляют следа в сознании читателя, которым ведь должен явиться учащийся, не всегда привыкший сам делать обобщающие выводы, тем более, что и марксистская его выучка сравнительно свежая. Автор часто останавливается на проблеме возникновения и развития абсолютной монархии, показывая на примере европейских стран, как абсолютизм, возникнув при содействии торговой буржуазии, постепенно перерождается в силу, враждебную последней, и возвращается к своей прежней социальной основе. На таком понимании строится между прочим и анализ английской революции. Автор правильно поступает, когда он ставит в связь эпоху «смут» в разных странах (война «алой и белой розы» в Англии, «религиозные войны» во Франции, «смутное время» в России и т. д.) с социальной дифференциацией внутри класса феодалов, но эту мысль необходимо было бы развернуть и выявить ее зависимость от хозяйственного развития (рост хлебной торговли, восстановление крепостного хозяйства на расширенной базе и т. д.). Некоторые формулировки — слишком лапидарны, мало удачны, например: «торговым капитализмом называется такой общественной строй, при котором экономическое и политическое господство в обществе принадлежит классу торговых капиталистов». Книга заканчивается хрестоматией, в которой даны документы, взятые из других хрестоматий. Это — полезное приложение.

Книга т. Розенталя не является исследованием (на это автор не претендует), но она представляет собой безусловно полезное и марксистски выдержанное пособие, которое вполне можно рекомендовать для занятий в вузах и комвузах.

С. Куниский.

АРХИВ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА.

Книга третья. Госуд. изд. 1927 г. стр. 519.

Третий том «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса», издаваемого Институтом Маркса и Энгельса под ред. Д. Б. Рязанова, распадается на четыре отдела. Внимание наше естественно привлекается в первую очередь ко второму отделу, охватывающему целый ряд новых неизданных работ К. Маркса. В обширной, вступительной статье Д. Б. Рязанов, с присущей ему глубокой эрудицией, анализирует интереснейший период в жизни Маркса, длившийся с 1842 года, со времени редактирования «Рейнской газеты», до 1844 года, до эпохи совместной с Энгельсом работы над «Святым Семейством». Период этот можно считать во всех отношениях переломным.

Именно в эти годы совершился у Маркса переход от гегельянства к материализму, от политического радикализма к революционному коммунизму. Необычайно важно проследить, как, в точности, осуществлялся этот переход, каковы были основные его вехи. Нужно признать, что опубликованные Д. Б. Рязановым материалы представляют источник громадной ценности для распознания некоторых основных моментов идейного развития Маркса в промежутке между 1842 и 1844 гг. Первым, по времени написания, из опубликованных отрывков является громадный фрагмент, посвященный систематической, параграф за параграфом, критике философии права Гегеля. Фрагмент этот найден был Д. Б. Рязановым среди бумаг Маркса. Немало времени ушло на расшифровку, на текстологический анализ рукописи. Первый из листов, составляющих фрагмент, потерян. Со второго листа начинается анализ § 261 «Философии права», анализ, доведенный только до § 311. Время написания критики философии права падает очевидно на апрель—сентябрь 1843 года и во всяком случае предшествует переезду Маркса в Париж, имевшему место в начале ноября того же года. Во всем фрагменте сказывается сильнейшее влияние Фейербаха и его «Предварительных тезисов к реформе философии». Но, используя метод Фейербаха, Маркс, по выражению Д. Б. Рязанова, «уже обгоняет его в области политики». Фейербах поставил в своих тезисах вопрос о «человеке» и его природной сущности, Маркс идет дальше Фейербаха и впервые ставит проблему социальной сущности человека. «Государственные функции и т. д.— пишет Маркс, — суть не что иное, как формы бытия и формы проявления социальных качеств людей».

Помимо этого большого фрагмента Д. Б. Рязановым опубликован целый ряд подготовительных работ к «Святому Семейству». Наличие этих работ дало возможность Д. Б. Рязанову внести существеннейшие поправки в историю «Святого Семейства». В момент приезда Энгельса в Париж, в начале сентября 1844, Маркс—уже располагал основны-

ми кадрами книги. Именно этим и об'ясняется та быстрота, с какой Маркс довел до конца свою работу. Опубликованные отрывки рисуют картину преодоления Марксом Фейербаховской антропологии, на основе дальнейшего развития и углубления революционных элементов Гегелевской диалектики. Уже первый отрывок—«труд, как сущность частной собственности, и политическая экономия» чрезвычайно показателен в этом отношении. Но совершенно исключительный интерес представляет второй отрывок—«частная собственность и коммунизм», посвященный анализу различных форм коммунизма. С помощью этого отрывка можно расшифровать лаконическую характеристику «грубого, уравнительного коммунизма», данную в «Коммунистическом Манифесте». Грубый коммунизм, по мнению Маркса является... «только обобщением и завершением частной собственности». Этот коммунизм стремится к тому, чтобы уничтожить все, что не может стать достоянием и частной собственностью всех; он хочет насильственным образом устранить таланты и т. д. (Курсив повсюду Маркса). Типичным для этой формы коммунизма Маркс считает идею общности женщин. В идее этой, по его мнению, высказана тайна этой еще совершенно грубой и бесмысленной формы коммунизма. Второй тип коммунизма представляет «строй, еще не доведенный до конца и все еще сохраняющий частную собственность». Под этот тип коммунизма можно очевидно подвести коммунизм Кабэ и др. Наконец, третья высшая форма уничтожает частную собственность как человеческое самоотчуждение. Этот коммунизм является возвращением человека к себе, как к общественному человеку, «с сохранением всего богатства прежнего развития». Таким образом в опубликованном Д. Б. Рязановым наброске предвосхищены некоторые элементы той характеристики генетических форм коммунизма, какая дана в «Коммунист. Манифесте». Вместе с тем наш отрывок заключает более развернутую, более полную критику этих форм и поэтому особенно важен для правильной постановки важнейшей, в методологическом отношении, проблемы генезиса марксовского научного социализма.

В небольшой заметке конечно совершенно невозможно исчерпать все богатства, заключенные в тех фрагментах литературного наследия Маркса, которые теперь, трудами Д. Б. Рязанова, стали доступными советскому читателю. Упомянем также, что в том же отделе «Архива» опубликованы гимназические работы Маркса с любопытным вступительным коментарием К. Грюнберга, специально проработавшего сохранившиеся в архиве Трирской гимназии материалы испытаний зрелости за 1835 г.

Переходим теперь к отделу статей и исследований.

Несомненно, одной из нтереснейших статей реферируемого тома является статья Е. В. Тарле, «Лионское рабочее восстание», представляющая собой главу из печатающейся ныне книги «Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства». На первый взгляд, самый эпизод Лионского восстания кажется достаточно разработанным и в общей и в специальной литературе. Между тем Е. В. Тарле удалось привлечь, в своем исследовании, совершенно свежие, никем до него не использованные архивные материалы. Наново написан вводный очерк, дающий систематическую характеристику экономики Лиона и положения рабочего класса накануне восстания. Общее представление о непосредственно экономическом, непосредственно материальном поводе восстания сейчас может быть углубленс и конкретизировано на основе изысканий, произведенных Е. В. Тарле. Затем, впервые обстоятельно освещена та причудливую роль, какую сыграл в пред'истории самого восстания Лионский префект Луи Бувье-Дюмолар. Характеристика этого курьезного представителя Наполеоновской администрации основана у Тарле на документах Национального Архива, никогда еще не бывших в руках у исследователя.

Самый рассказ о восстании построен на исчерпывающем анализе всех архивных и печатных источников. Неоднократно высказывавшееся, в порядке гипотезы, представление об политическом и стихийном характере движения получает в работе Тарле солидное, документальное обоснование. По необычайному мастерству исторического анализа особо выделяется V глава очерка, дающая обзор тех отголосков, какие имело Лионское восстание в различных классах французского общества. Здесь любопытно отметить поведение сен-симонистов, не имевших ничего общего, как правильно отмечает Тарле, с рабочею массой. Многочисленные цитаты, приводимые Тарле из сен-симонистского органа «La globe», проливают очень яркий свет на эту малоизвестную страницу в истории сен-симонизма.

Из публикаций III отдела «Архива» следует упомянуть, в первую голову, о письмах М. А. Бакунина к Альберту Ришару. В обстоятельном предисловии Ю. М. Стеклов выясняет значение этих писем для биографии Бакунина. История дружбы Бакунина и Ришара действительно чрезвычайно колоритна и лишний раз свидетельствует о том, до какой степени Бакунин лишен был всякого чутья, всякого умения разбираться

в окружающих его людях. Ришар—ничтожный суб'ект, оппортунист до мозга костей, фантазер и хвастун, не побрезгавший в год подавления Коммуны связаться со свергнутым Наполеоном, выполняя в течение довольно продолжительного времени роль конфидента, которому Бакунин поверял свои самые интимные, самые сокровенные замыслы. Письма Бакунина, в особенности письмо от 1 апреля 1870 года, вскрывают те закулисные махинации против Генерального Совета Интернационала, подлинным инициатором и руководителем которых все время оставался сам Бакунин. Это же письмо, а также предыдущее, датированное 2 марта того же года, содержат целый ряд программных заявлений, формулирующих тот план социальной революции, который сложился в голове Бакунина к концу 60-х годов. План этот содержит несомненно целый ряд верных суждений, но в самой основе безнадежно испорчен анархической концепцией его автора.

Ограниченность места не позволяет нам также подробно остановиться на других публикациях III отдела. Р. Постгейт и Е. Косминский дают чрезвычайно ценную справку о документах I Интернационала, хранящихся в библиотеке Бишопсгейстского Института в Лондоне. С интересом прочтутся сообщения К. Грюнберга «Бруно Гильдебранд о коммунистическом просветительном рабочем союзе в Лондоне» и Ф. Шиллера «Георг Вебер, сотрудник парижского «Vorwärts». Мы опускаем также из нашего обзора обширное исследование А. М. Деборина «Диалектика у Фихте», открывающее 1-й отдел «Архива» и несомненно заслуживающее специального отзыва компетентной философской критики.

Необычайно интересен и злободневен также и 4-й отдел, посвященный критике и рецензиям. Здесь особо должна быть упомянута статья В. П. Волгина—«Исторический» памфлет против коммунизма,—дающая блестящую отповедь новейшим публицистическим упражнениям проф. Виппера, и обстоятельный библиографический обзор Е. А. Косминского—Английский рабочий в эпоху промышленного переворота.

Таково, в самых общих чертах, содержание III тома «Архива». Остается только пожелать, чтобы впредь сократились подчас слишком затягивающиеся интервалы между выходом в свет отдельных томов этого монументального издания. «Архив» несомненно найдет самый широкий друг читателей, которые будут черпать из него как из живой сокровищницы науки о Марксе и марксизме.

П. Щ.

EUGÈNE TARLÉ. Le blocus continentale et le Royaume d'Italie. La situation économique de l'Italie sous Napoléon 1-er. D'apres des documents inédits Paris, Librairie Fèlix Alcan, 1928, pp. XII+377.

Вышедшая только что в Париже в издательстве Alcan'a книга Е. В. Тарле представляет собой французский перевод его работы «Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I». Задумана эта работа была в теснейшей связи с другим исследованием Е. В. Тарле,—«Континентальной блокадой»[1]. По первоначальному замыслу автора за этим основным томом, посвященным истории промышленности и внешней торговле Франции в эпоху Наполеона, должен был следовать ряд «новых специальных работ по истории влияния континентальной блокады на другие страны Европы». («Континентальная блокада», М. 1913, стр. 3). За последние годы, перед мировой войной, автор успел подвергнуть монографической обработке материал, собранный им по экономической истории королевства Италии. Исследование Е. В. Тарле опубликовано было в 1916 году в качестве оттиска из «Ученых записок Юрьевского университета». По целому ряду причин публикация эта, не успев получить надлежащего распространения, превратилась в библиографический раритет. Большая часть тиража безвозвратно затерялась в самом Юрьеве. Можно сказать, что труд Е. В. Тарле не только остался совершенно неизвестным широкой, читающей публике, но что даже известная часть читателей-специалистов и по сие время не имела возможности ознакомиться с ним. Нечего и говорить, что за границей «Экономическая жизнь королевства Италии» не получила никакого распространения. Если предыдущие труды Е. В. Тарле, даже не переведенные на иностранные языки, отмечены были рядом отзывов и рефератов специальной прессы, то относительно «Королевства Италии» можно смело утверждать, что даже самое существование подобного исследования, оставалось совершенно неизвестным, в течение целого ряда лет. Перевод, опубликованный издательством Alcan'a, впервые вводит «Экономическую жизнь королевства Италии» в оборот западно-европейской науки. В то же время он дает повод и нам вспомнить это выдающееся и, к сожалению, малоизвестное исследование нашего ученого.

Методологически интерес всей работы Е. В. Тарле заключается в том, что в ней, на основе местного и строго конкретного

[1] 1-я глава «Континент. блокады» была недавно переведена в журнале «Napoléon» под заглавием «Napoleon I et les interets économiques de la France».

материала, проверяются некоторые основные положения, сформулированные автором в его общем труде о континентальной блокаде. Сейчас в марксистской, исторической литературе характеристика эры Наполеоновских войн, как эпохи интенсивной экспансии французского промышленного капитала, стала местом общим и общепризнанным. Между тем в «Континентальной блокаде» Е. В. Тарле впервые показал, как весь громадный военно-административный аппарат Наполеоновской Империи был приспособлен к тому, чтобы путем внеэкономического принуждения обеспечить монопольное положение французской промышленности на европейском рынке. Однако в «Континентальной блокаде» экономическая жизнь различных государств освещается лишь постольку, поскольку они находились в той или иной непосредственной экономической связи с Францией. Исходная точка автора, в данном случае, Франция—вернее состояние отдельных отраслей франц. промышленности и внешней торговли. Что касается «Континентальной блокады и королевства Италии», то здесь повсюду на первом плане экономический быт того территориального комплекса, который при Наполеоне об'единялся под названием королевства (сначала республики) Италии. Проверка основных положений «Континентальной блокады» производится на основе громадного материала по экономической истории королевства Италии, собранного автором в местных архивах.

Основной, характерной особенностью исследования является то, что оно целиком, вплоть до мельчайших подробностей, основано на совершенно сыром, до сих пор не обрабатывавшемся архивном материале. По типу своему оно строго продолжает традиции, восходящие еще к И. В. Лучицкому, традиции исследования, ориентирующегося почти всецело, если не исключительно, на архивный документ, на ненапечатанный источник. Нужно однако подчеркнуть, что тема, поставленная Е. В. Тарле, и не могла быть проработана при ином понимании задач и методов исследования. Дело в том, что у Тарле совершенно не было предшественников в разработке экономической истории королевства Италии. В этой области все приходилось начинать сначала, считаясь только с тем, что вся предыдущая историография совершенно игнорировала экономическое развитие Аппенинского полуострова в один из переломных, основных моментов его истории. И Е. В. Тарле совершенно справедливо характеризует круг вопросов, захваченных его исследованием, как одну «из самых заброшенных, наименее известных областей исторической науки». И старые работы Carlo Botta, Federigo Coraccini, Sclopis'a и новейшие исследования Lemmi, Driauet, Pingaul и др., посвященные, в той или иной мере, истории французского господства на Аппенинском полуострове совершенно умалчивают об экономических последствиях завоевания.

Документы, положенные в основу книги, проработаны были автором, главным образом, в «Государственном архиве», в Милане. Материал, собранный в Милане, был пополнен рукописями Национального архива в Париже и архива французского министерства иностранных дел. В об'емистом труде Е. В. Тарле ссылки даются почти исключительно на эти архивные источники.

По архитектонике своей книга Е. В. Тарле распадается на две части. Первая, занимающая 150 страниц французского издания, посвящена общему обзору экономического состояния королевства Италии, накануне установления континентальной блокады. Посвятив вводную главу общей характеристике того сложного и искусственного образования, каким было королевство (первоначально республика) Италии, Тарле переходит к анализу классового расчленения итальянского общества и к характеристике преобладающих форм промышленного труда. Констатируя широкое распространение деревенской индустрии, Е. В. Тарле, вместе с тем, подчеркивает наличность, в текстильной промышленности, чрезвычайно крупных предприятий, дающих заработок в среднем—833 и 250 чел. Параграф, посвященный рабочему классу, является подлинной пред'историей итальянского пролетариата. На ряду с этим, в той же 2-й главе исследования, Е. В. Тарле формулирует ценный вывод относительно общих настроений торгово-промышленной буржуазии королевства Италии в эпоху Наполеоновского господства. Уничтожение цехов, введение наполеоновского гражданского и торгового кодексов, развитие сети шоссейных дорог и иных дорог — таковы были несомненные положительные, с точки зрения капиталистического развития Италии, последствия французского господства. Так их и воспринимали итальянские купцы и промышленники. Но на ряду с этим, общая политика Наполеона всегда и во всех случаях приносила в жертву местные итальянские интересы интересам молодой французской промышленности. Диктатура Наполеона была, в первую очередь, диктатурой французского промышленного капитала, и отсюда проистекает фундаментальное различие в настроениях французской и итальянской буржуазии. Если во Франции в оппозиции к наполеоновскому режиму находилась торговая буржуазия, то в королевстве Италии представители торгового и промышленного капитала, в одинаковой степени, оценивали французское владычество как

серьезнейшее препятствие на путях дальнейшего развития производительных сил страны.

Дав общую характеристику экономического состояния королевства Италии, Е. В. Тарле переходит во 2-й части своего труда к выяснению того, как повлияло установление блокады на состояние отдельных отраслей народного хозяйства. Особенно пагубными оказались последствия континентальной блокады для морской торговли и для морских портов королевства Италии. Так, Венеция была совершенно разорена. И в торговом, и в промышленном отношении Венеция чрезвычайно страдала от бесконечной морской войны. Что касается промышленности, то особенно тяжкий удар провозглашение континентальной блокады нанесло шелковой промышленности и шелководству. Дело в том, что вплоть до об'явления блокады англичане вели весьма оживленную торговлю с королевством. Между тем, и шелкопромышленность, и шелководство играли колоссальную, можно сказать первенствующую, роль сравнительно со всеми другими отраслями промышленности и сельского хозяйства. Что касается других отраслей текстильной промышленности и металлургии, то их производство рассчитано было, преимущественно, на внутренний рынок, и поэтому они менее пострадали от континентальной блокады. Зато на них болезненно отразились упорные и планомерные усилия Наполеона, направленные к превращению королевства в незащищенный рынок сбыта для французских товаров. Так, например, Наполеон энергично противился тому, чтобы Италия обзавелась собственным хлопчато-бумажным производством. Все это, в совокупности, привело к тому, что с 1810—1811 г.г. королевство окончательно перешло на положение французской имперской колонии. Только крушение Наполеоновской империи положило конец экономической зависимости Италии от французского промышленного капитала.

Таковы основные вехи исследования Е. В. Тарле. С ним должен ознакомиться всякий интересующийся эпопеей наполеоновских войн, завершающих эпоху буржуазной революции во Франции. Работы Е. В. Тарле выводят нас далеко прочь от внешне-эффектной, но методологически не всегда оправданной военно-дипломатической истории на путь тщательного анализа того экономического фундамента, на котором выросло горделивое здание Наполеоновской империи. Этот путь — единственно правильный в научном отношении, и на этот путь должна будет встать серьезная, марксистская историография, которая примется за дальнейшую разработку проблем, впервые поставленных в трудах **Е. В. Тарле**.

Скажем теперь несколько слов о французском издании. Отличия его от русского подлинника незначительны. Во французском переводе опущены документы, напечатанные в русском издании, в качестве приложения. Произведена кое-какая перегруппировка цифрового материала. Значительно переработано предисловие. Перевод, сам по себе, вполне удовлетворителен. Внешне книга издана опрятно.

П. П. Щеголев.

LOUIS ANDRIEUX. A travers la République. Mémoires. Paris, Payot, 1926, p. 358.

Автор лежащей перед нами книги (ныне здравствующий 87-летний старик, какой-нибудь год тому назад, ко всеобщему удивлению, успешно сдавший экзамен при юридическом факультете Сорбонны) принадлежит к той «шайке честолюбивых адвокатов» (Маркс), которая после 4 сентября 1870 г. завладела государственной властью во Франции, к тому поколению и к той социальной среде, которые дали Третьей Республике таких деятелей, как Гамбетта, Ранк, Клемансо, Шальмель-Лакур, Антонен Дюбост, Мелин и мн. др. Жизненный путь Луи Андриё исключительно типичен для эпохи, к которой он принадлежит, и для среды, из которой он вышел.

Отпрыск мелкобуржуазной провинциальной семьи, в которой профессия юриста (либо врача, либо, наконец, журналиста) передается по наследству, точно так же как и республиканизм (естественная политическая платформа для этой социальной прослойки), наш автор последовательно проходит все положенные ему ступени общественной карьеры. Студент-фрондер 60-х годов, сотрудничающий в демократических листках Латинского квартала, превращается в молодого провинциального (в Лионе) адвоката, умеренного во всем—в политике как и в личной жизни, в занятиях, как и в развлечениях. Революция 4-го сентября застает его в тюрьме, где он отбывает пустяковый (трехмесячный) приговор за участие в антиплебисцитарной кампании. Последняя оказывается хорошо помещенным капиталом: молодой адвокат мгновенно попадает в местные «герои» и начинает играть виднейшую роль во втором по значению городе Франции, с большой ловкостью и настоящим талантом совмещая функции «прокурора Республики» с обязанностями члена Комитета Общественного Спасения, этого пугала всех лионских обывателей. Благополучно пройдя через все бури и мели революционного полугодия 1870—71 г., Андриё возвращается к адвокатуре, становится муниципальным советником

Лиона и членом генерального совета департ. Роны,—чтобы вскоре (в начале 1876 г.) занять «заслуженное» место в Палате депутатов (на скамьях республиканской левой). Депутат, журналист (хроникер), завсегдатай республиканских салонов, Андриё получает вскоре новое удовлетворение своему честолюбию—пост префекта полиции (1879), которым он обязан то ли своей репутации верного и искусного стража «порядка», то ли (что вернее) своей близости заправилам политической жизни новой республики. Вынужденный через два года уступить место другому, более сильному, честолюбию, Андриё получает, однако, достаточно солидную компенсацию—едет (правда, на короткое время) представлять мещанскую республику перед одним из стариннейших дворов Европы, испанским. По возвращении из Мадрида он остается как-то не у дел, (другие, более счастливые карьеристы обгоняют его) и довольствуется своим званием почти бессменного депутата, для которого открыт доступ всюду—вплоть до самого Елисейского дворца (т.-е. аппартаментов президента). «Когда пришли выборы 11-го мая 1924 года,—сообщает он,—мои избиратели решили, конечно вполне основательно, что я в свои 84 года нуждаюсь в покое». Этим покоем Луи Андриё и наслаждается теперь, занимаясь писанием мемуаров [1], к рассмотрению которых мы сейчас и обратимся.

Лежащий перед нами пухлый том в 358 страниц большого формата содержит далеко не равноценный материал. Наибольший исторический интерес представляют бесспорно глава II La Commune à Lyon en 1870 et 1871) и IV (da Préfecture de police). Первая из этих двух глав, пересыпанная документами (письмами, официальными телеграммами, прокламациями и пр.) и посвященная характеристике политической жизни Лиона за время с сентября 1870 г. по май 1871 г. [2], навсегда сохранит свое значение первоисточника (притом немаловажного) по истории революционно-коммунального движения в провинции в период франко-прусской войны и последовавшей за ней Коммуны.С бесподобной откровенностью (удивительной для такого в общем неглупого чиновника) разоблачает Андриё подлинное лицо правительства Национальной Обороны и его лионских представителей—«администраторов-дипломатов» типа «радикала» Шальмель-Лакура, ставленника Гамбетты. Чего стоит, напр., письмо лионского «проконсула» (адресованное Делеклюзу), из которого явствует, что «политика Трошю» усердно проводилась и в Лионе, где власти заняты были не столько пруссаками и обороной, сколько борьбой с «внутренним врагом» («Интернационалом», «коллективизмом» и пр. пугалами мирных обывателей), от которого—все зло, все напасти (pp 51—52). Хорош также и «прокурор Республики», сам Андриё, занятый—с усердием, достойным лучшего применения—освобождением арестованных после 4-го сентября видных деятелей императорского режима (прокурора, префекта и пр.) и прикрывающий свою контр-революционную тактику слащавыми речами о необходимости «гражданского мира», всеобщего «братства», «завоевания» на сторону республики ее заклятых врагов (pp. 40—46). Деликатное—чтобы не сказать больше—обращение с быв. сановниками империи (случай с «арестом» б. министра Пинара—pp.91—94) в сочетании с плохо замаскированным стремлением так или иначе отделаться от Гарибальди (pp. 86—90) бросают яркий свет на сущность установившегося после 4-го сентября режима, «унаследовавшего от империи не только груду развалин, но и ее страх перед рабочим классом». А с другой стороны, здесь же ярко выявлены неорганизованность и «прекраснодушие» лионской демократии (в частности, рабочих масс), они проявились, напр., в истории с красным знаменем, которое, втечение шести месяцев развеваясь над зданием городской ратуши, и тем самым, как и другие «уступки», вроде выборного муниципального совета, занявшего место революционого К-та Обществ. Спасения, поддерживало в массах иллюзию «революции», иллюзию «Коммуны», отнюдь не мешая в то же время местным Гамбеттам и Фаврам подавлять все выступления предместий (сентябрь и декабрь 1870 г., а затем март и апрель 1871 г.). К сожалению, об одном из интереснейших для нас эпизодов этого периода—выступлении «нигилиста Бакунина» (28 сентября 1870)—наш автор не в состоянии сообщить ничего сколько-нибудь существенно нового (pp. 58—63). Зато много новых или, во всяком случае, малоизвестных подробностей (между прочим и документов) находим мы в описании революционных выступлений в Лионе в конце марта (Лионская Коммуна 22—25/III), а затем в середине и в конце апреля (баррикады 30-го апреля), в подавлении которых Андриё играл, само собой разумеется, весьма незаурядную роль.

Немалый исторический интерес представляет и глава IV разбираемых ме-

---

[1] В конце разбираемой нами книги он сообщает, что собирается еще поделиться своими воспоминаниями о Панамском скандале.

[2] Глава эта представляет сокращение книги того же Андриё, вышедшей еще 20 лет тому назад под тем же заглавием L o u i s A n d r i e u x «La Commune à Lyon en 1870 et 1871». Paris, Librairie academique, Didier, 1906.

муаров—«дела и дн.» полицейской префектуры 1879—1881 гг.[1]. Читатель знакомится здесь с механизмом этого в своем роде замечательного органа французской государственности, созданного Наполеоном I и бережно хранимого всеми сменяющимися режимами (за исключением Коммуны 1871 г.). Пестрой вереницей проходят перед нами большие и малые дела всемогущей префектуры, ее борьба с либеральной прессой и муниципалитетом, «борьба» с проституцией, игорными притонами и пр., надзор за возвращенными по амнистии коммунарами, охрана «священной особы» Гамбетты, провокация, как метод борьбы с анархистами, таинственное самоубийство генерала Нея, дело Гартмана (неудачно покушавшегося на жизнь Александра II), борьба с религиозными конгрегациями, агентурная разведка во всех столицах мира (так далеко раскинула свои щупальцы полицейская префектура Парижа!) и пр. и пр. С гордостью признанного спеца публикует Луи Андриё (р. 287) адресованное ему послом С.-А. С. Ш. письмо, в котором представитель «великой заокеанской демократии» просит у г-на префекта авторитетных указаний по части организации полицейской службы и заявляет, что парижская полиция «составляет предмет восхищения всех честных и мирных иностранцев».

Не посетует читатель на Андриё и за прочие главы его мемуаров, где картины парламентской жизни и борьбы за министерские портфели перемежаются со светскими анекдотами, скандалами, дуэлями и где политическая кухня Третьей Республики выступает во всем ее неприглядном виде. Перед читателем проходят: «социалист» Луи-Блан, не брезгующий обществом миллионера Чернуски и архи-реакционного писаки Поля де-Сен Виктор, (р. 157) «патриот» Гамбетта, завсегдатай немецкого салона близкого к Бисмарку барона Генкель фон-Доннерсмарк, (рр. 322—324), «неподкупный» республиканец Греви, прикрывающий своим президентским креслом грязные махинации своего зятя, (р. 327), и пр. и пр. Для Андриё все это, конечно, только индивидуальные случаи в практике режима, который однако и он характеризует как режим, при котором «всюду и везде государственные интересы отступают на задний план перед интересами частными» (р. 335).

Последние страницы книги сплошь пестрят именами знаменитостей и полузнаменитостей политики, литературы, искусства: Тьер и Гамбетта, «славный тигр» Клемансо и незадачливый кандидат в «диктаторы» Буланже, министр Ваддингтон и префект Герольд сменяются Пьером Лоти и Сен-Сансом, Оскар Уайльдом и Анатолем Франсом. Встреча с Жоресом дает автору повод высказать свое предположение, что если бы не преждевременная смерть, великий социалистический трибун был бы во время войны 1914—1918 гг. горячим патриотом и ярым противником пораженчества (р. 349). Впрочем, мещанин с головы до ног (каким и должен быть французский мелкий буржуа, в частности чиновник) Андриё недолго задерживается на политических деятелях или служителях искусства и предпочитает с неподдельным восторгом расписывать (рр. 297—312) свои успехи в аристократических салонах Мадрида, свое пребывание у испанского короля Альфонса XII, свое путешествие в Марокко совместно с экс-принцем Наполеоном Бонапартом (кузеном Наполеона III).

В заключение отметим, что написанные в живой, местами даже беллетристической, форме мемуары Луи Андриё, несмотря на излишнюю растянутость отдельных частей, читаются в общем довольно легко.

А. Молок.

ГУСТАВ МАЙЕРС. История американских миллиардеров. Госиздат. Том I, 1924, стр. 317, том II, 1927, стр. 294.

Откуда появились сказочные богатства Морганов, Рокфеллеров, Асторов, Карнеги и прочих королей американского капитала? Обычно буржуазная литература, вроде пресловутого «исследования» «America's Successful Men», ищет их источник в личных достоинствах миллиардеров, в их честности, трудолюбии и бережливости. Каждый трудолюбивый и бережливый человек может стать миллиардером—таков обычный мотив буржуазных социологов. Иной раз пресса, в погоне за сенсацией, обрушивается на отдельных капиталистов, не взлюбившихся общественному мнению, вроде Седжа или Гульда (предпочитая это делать после смерти героев), изображая их как чудовищных извергов, неслыханных злодеев, сколотивших свое состояние, в отличие от всех прочих капиталистов невиданными в истории человечества бесчестными и разбойничьими методами.

Исследование Майерса (вышедшее в Америке под названием: «History of Great American Fortuns») является оазисом в этой Сахаре лицемерно-ханжеской пошлости. Автор не преследовал целей восхваления или порицания, он стремился—на основании об'ективных фактов, кропотливо и тщательно собранных—проанализировать ту социальную систему, тот общественный строй, который создает самую возможность накопления

[1] Свои воспоминания об этом периоде своей политической деятельности Андрие опубликовал еще в конце прошлого столетия в газете «La Ligue», под заглавием: «Souvenirs d'un Préfet de police».

огромных состояний на одном полюсе, и крайней бедности—основных масс населения—на другом.

Майерс внимательно, шаг за шагом, прослеживает историю накопления наиболее крупных богатств и выявляет старую истину, что «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Перед читателем проходит галлерея архимиллионеров и миллиардеров в их действительной роли, в их реальной сущности. Читатель узнает, например, что знаменитый Морган, контролировавший в 1912 г. 22 миллиарда долларов, начал свою карьеру с того, что во время гражданской войны скупил у правительства негодные ружья по 3,5 доллара за штуку и патриотически продал их военным властямм по 22 доллара.

Со всею четкостью в книге выступает роль государственного аппарата, как орудия в руках господствующего класса. Многочисленными примерами Майерс показывает, какими методами этот аппарат обслуживает как интересы буржуазии в целом, так и интересы отдельных капиталистических групп и лиц.

Автор безжалостно срывает с буржуазной демократии ее маску и показывает ее отталкивающее лицо. Факты, приводимые Майерсом, являются ценнейшей и убедительнейшей иллюстрацией к учению революционного марксизма о формальной демократии.

Между прочим, в работе Майерса затронута очень интересная проблема, это—проблема филантропии, занимающей видное место в американской общественной жизни. Каждый капиталист, выжавший из подвластных ему рабочих достаточно прибавочной стоимости, чтобы подняться до роли некоронованного короля промышленности, считает необходимым заняться благотворительностью. Этого от него требует общественное мнение, классовый расчет. В глазах эксплоатируемых масс миллионер должен выглядеть щедрым благодетелем, заботящимся о меньшем брате, не отмеченным перстом божьим и поэтому менее удачливым. Стальной король Карнеги, злейший враг организованных рабочих, безжалостный эксплоататор, ежегодно выколачивающий 25 млн. долл.,—наряду с созданием фонда в 15 млн. долл. в пользу университетских профессоров и специального фонда, из которого все бывшие президенты или их вдовы ежегодно получают по 25 тыс. долларов (читателю не трудно понять коммерческую выгоду сего предприятия),—считает необходимым также создать пятимиллионный благотворительный фонд в пользу престарелых рабочих. Таковы методы классовой демагогии.

Выпуская труд Майерса, Госиздат, повидимому, стремился сделать его популярным и доступным широкой читательской массе. Поэтому опущен солидный ученый аппарат, замененный в I томе пояснительными примечаниями. Кроме того, сделаны значительные сокращения. Опускались не только отдельные абзацы или страницы, но временами значительные части отдельных глав. Так, напр., из II тома американского издания опущена глава XII: «The Gould Fortune and some Antecedent Factors», и частично включена в XI главу I тома перевода. Глава VII: «The Climax of the Astor Fortune» сильно урезана и включена в VI главу.

В качестве популярного издания книга от этих сокращений не пострадала, а, наоборот, выиграла. Нужно только указать, что изредка купюры делались недостаточно осмотрительно, что приводит к некоторым недоразумениям. Так, напр., в I томе перевода (стр. 93) в доказательство одного утверждения приводится отчет городского совета за 1846 г., в то время, как в действительности к приводимому факту относится другой документ за 1847 г. (History of the Great American Fortunes, I, p. 185).

Перевод в общем хороший. Изредка попадаются неточности. Напр., Interstate Commers Railway Association» переведено «международная коммерческая ж.-д. ассоциация», вместо «междуштатная» (т. II, с. 112). Supreme Court переведено как высший суд, вместо Верховный суд. Carnegie иногда передается Карнеджи, иногда Карнеги, что может создать впечатление, будто речь идет о разных лицах. (Отдельные неточности перевода, быть может, следует отнести за счет немецкого издания, с которого сделан перевод).

Но в общем издана книга вполне удовлетворительно, и Госиздат поступил конечно, совершенно правильно, выпуская этот капитальный труд, заслуживающий самого широкого распространения.

Л. Райский.

З. ГУРЕВИЧ. «Молода Украина» Державне видавництво Украіни. Украіньский Інститут марксизму. Історичний відділ. Вип. II. До восьмидесятых роковин. Кирилло-Методіівського Братства. За редакціэю М. Яворського. 1928 г. стр. 116. Ц. 1 короб. 75 коп.

Работа т. З. Гуревич наиболее подробное и обстоятельное исследование о Кирилло-Мефодиевском Братстве сороковых годов на Украине. Автор добросовестно и тщательно критически обследовал всю литературу об этом интересном обществе, дал анализ любопытной рукописи, известной под именем «Книги бытия украинского народа» или «книги закона божия» (как ее называет третье отделение б. с. е. и. в. канцелярии), пересмотрел различные точки зрения, существовавшие до него по этому

вопросу и пришел к заключению, что эта организация состояла из идеологов класса украинских мелких собственников. В защиту интересов этого многочисленного класса и выступило братство против феодальной монархии Николая I, и, хотя далеко не все члены Кирилло-Мефодиевского Братства были революционерами, однако, как и европейские демократы, они выступали на общем буржуазно-демократическом европейском фронте против абсолютизма и феодализма. Подобно «Молодой Италии» и украинские демократы выступали под знаменем самодержавия, бога и народоправства и с этой точки зрения, подобно «Молодой Италии», «Молодой Польше», «Молодой Франции» и «Молодой Германии», могут быть названы «Молодой Украиной».

Как и в западно-европейских организациях и в «Молодой Украине», т. З. Гуревич находит, кроме правых, абсолютно мирных культурников, и представителей левого течения (напр. Андруский) и даже коммунистов (Савич, по словам Костомарова помешанный на французском коммунизме). Интересен социальный состав членов братства: это были, главным образом, представители украинской мелкобуржуазной интеллигенции—профессора, учителя, мелкие чиновники, студенты. Были, однако, в братстве и представители других классов, напр., Т. Г. Шевченко, крестьянин, Посяда—мещанин.

Лучше всего автору удалось очертить идеологию братства. Здесь приходится согласиться с т. З. Гуревичем, что его характеристика братства, как буржуазно демократической организации, рисующей себе утопический идеал счастливого жития на манер казачества, правильна.

Недостаточно, однако, разработан вопрос о связи украинских демократов с великорусскими организациями того времени, не установлено также и то, было ли какое-либо влияние на членов братства западно-европейских социалистических учений.

Не видно, чтобы автор пользовался каким-либо новым еще не обследованным материалом, (напр., архивным), не выяснены до конца биографии многих участников братства, их социальные корни, влияние на них обстановки, в которой они жили и развивались, не обследован вопрос, имелись ли где-нибудь, кроме Киева и, повидимому, Полтавы, кружки лиц, сочувствовавших братству.

Следовало бы также в виде приложения дать текст устава братства и хотя бы самые существенные части из книги «закона божия».

Впрочем и Кирилло - Мефодиевское братство ждет своего особого издания материалов и документов.

В. Невский.

ДЕЯТЕЛИ РЕВОЛЮЦИОНН. ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ. Био-библиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Под редакцией Феликса Кона, А. А. Шилова, Б. П. Козьмина и В. И. Невского. Том первый. От предшественников декабристов до конца «Народной Воли». Часть вторая — Шестидесятые годы. Составили А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова. М. 1928. (Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев). Стр. XVI + + (1) + 495. Цена 6 руб. 25 коп.

Перед нами—вторая книга словаря «Деятели революционного движения в России», издаваемого обществом б. политических каторжан и ссыльно-поселенцев. Эта книга посвящена 60 годам. В предисловии к ней есть новые данные о плане всей предпринятой работы. Историко - литературная комиссия, под руководством которой составляется Био - библиографический словарь, выработала пятилетний план издания последнего: весь словарь рассчитан на десять томов, которые должны охватить участников русского революционного движения «от предшественников декабристов» до 1905 г. Второй том словаря будет посвящен 70-м годам, III и IV—восьмидесятым, V—VII—социал-демократам эпохи восьмидесятых-девятисотых годов (до 1904 года); VIII—X томы будут посвящены представителям остальных партий эпохи 90 годов (социалисты - революционеры, анархисты). Заметим, что принятый план десятилетнего издания неравномерен по хронологическому охвату относительно разных партий: в то время как словарь социал-демократов будет доведен до девятисотых годов, представители других партий будут выявлены лишь до девяностых.

Словарь предполагается продолжить и дальше — охватить и эпоху 1905—1917, что, конечно, совершенно необходимо. Совершенно правильно и то замечание предисловия, что работа по выполнению этого плана может быть только коллективной, и чем дальше, тем становится все труднее: увеличивается число участников, разбросаннее и сложнее материал, встречаются многие малоизученные в литературе группы революционеров.

Довольно большая рецензентская литература, вызванная появлением первой книги словаря, горячо приветствовала самый замысел составления такого справочника. Это необходимо повторить и сейчас: хорошо, что этот прекрасный замысел понемногу воплощается в жизнь, хорошо, что появляется такой совершенно необходимый справочник. Составители отнеслись к делу с величайшей внимательностью, не остановились перед кропотливейшей и утоми-

тельной работой, достигли больших результатов. Вслед за подобной оценкой можно было бы указать на ряд имен, неизбежно пропущенных в такой сложной работе, и ограничить этим рецензию. Но в настоящем случае, мы думаем отступить от этого общего плана[1] и остановиться на другой стороне вопроса.

Я говорю о стандарте статей, установившемся в словаре. Внимательное знакомство с вышедшими книгами с этой стороны вызывает тревогу. Нам кажется, что принятый до сих пор обществом б. политкаторжан стандарт статей искусственно сужает круг лиц, которым словарь мог бы послужить на пользу.

Задуманная работа необходима многим: справляться в таком словаре будет и специалист-историк революционного движения и студент, готовящий доклад в семинаре, и рядовой партиец, и весь тот широчайший читательский актив, не обладающий и рабфаковской квалификацией, который сейчас так жадно тянется к самообразованию, повышению культурного уровня, расширению кругозора. Что встретит такой читатель в словаре «Деятели революционного движения»? — Самое сухое, сжатое перечисление дат, мест, засушенных фактов—ответ на официальную анкету, не дающую ни определения революционной сути деятеля, ни классовой его характеристики, — ни одного живого штриха. Фамилия, имя, отчество, национальность, дата, место рождения, социальное происхождение, образование, несколько скупых фактов о революционной деятельности, приговор, дальнейшая судьба и дата смерти. Все. Ни намека на общую характеристику.

Если такую статью прочтет специалист вопроса, он, вероятно, будет удовлетворен: ему надо было справиться, например, в каком городе родился революционер или когда он умер. Это он в словаре найдет, а остальное знает сам. Но кто бы из остальных читателей, перечисленных выше, ни взял словарь с целью запомнить, в чем суть революционности данного деятеля, он закроет книгу глубоко разочарованным. Зайчневский, Петр Григорьевич, дворянин, сын отст. полковника, помещик Орловской губ., родился тогда-то, учился там-то, организовал кружок для распространения запретных сочинений, тогда-то произнес речь по убитым полякам, арестован, предан суду, приговорен к тому-то, составил прокламацию «Молодая Россия», отправлен 10 января 1863 в Красноярск... Но, позвольте, позвольте, — тут все под одно, видимость такая, что все факты равноценны. Что за «Молодая Россия» и в чем ее суть? И потом все вокруг мелькают «такие же» революционеры: сотни из них говорили речи по убитым и писали прокламации. А Зайчневский все-таки один. И так и не узнает читатель ни слова о сути Зайчневского-революционера. Груда сухих фактов и все.

Читатель откроет слова на «У», нападет на Унковского. Унковский, Алексей Михайлович, дворянин, помещик, родился там-то, исключен из лицея за знакомство с Петрашевским, в 1860 г. выслан в Вятку «за подстрекательство помещиков Тверской губ. дать крестьянам личную свободу», возвращен, секретный надзор, тем-то занимался, умер. Схватит ли читатель суть Унковского? Почувствует ли он пропасть между либералом Унковским и подлинным революционером Зайчневским? Ни в малейшей степени. Если он знаком с дворянской фрондой на рубеже 50—60 годов, он спросит, почему тут нет Безобразова, требовавшего созыва конституционного собрания, возмутившего до крайности Александра II своей запиской и потерпевшего наказание, почему нет многих других дворян-фрондеров.

Этот недостаток стандарта не столь чувствовался в первой книге: там основное были—декабристы, несмотря на разницу их состава и мировоззрений, все же представлявших известную компактную массу. Но вторая книга охватывает массу течений, кружков, разнообразных групп, тут необходима общая оценка, общая характеристика революционера в каждом отдельном случае.

Мне возразят, что работа составителей и так трудна, что она еще более усложнится общей характеристикой, что эта последняя иногда не установлена в специальной литературе и затруднит составителей, что для иных имен она и невозможна за отсутствием данных. Лишь последнее возражение существенно—на нет и суда нет. Но остальные препятствия надо преодолеть — иначе словарем воспользуются лишь специалисты, а массовый читатель не будет им удовлетворен.

Вторая книга возбуждает еще многие мысли,—между прочим и ту, что принцип посвящения каждого отдельного тома особой революционной группе очень затрудняет справки в нем: чтобы найти революционера в этом словаре, надо знать, когда он жил, на какую эпоху пал разгар его деятельности, к какой группе он принадлежал. Лишь издание указателя имен ко всем

[1] Этому плану следовал, например, т. Ахун в своей рецензии на I книгу словаря (Историк-Марксист, т. IV), следовала ему и я в рецензии, помещенной в «Печати и Революции», 1927, кн 6.

томам смягчит этот недостаток. Есть еще ряд замечаний, но ограничимся изложенным выше — рецензия и так разрослась.

Итак,—за «суть» революционера, за выявление его общего значения, за революционный смысл его жизни—за изменение стандарта статей словаря революционеров.

М. Нечкина.

1905 ГОД. ЕВРЕЙСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ. Обзор, материалы и документы. Составил А. Д. Киржниц. Редакция и вступительная статья М. Рафеса. Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 г. и Истпарт ЦК ВКП(б) 1928 г. Гиз, стр. 407, цена 4 р.

Сборник материалов и документов, составленный т. А. Киржницем, по характеру своему напоминает другие издания комиссии ВЦИКа по празднованию 20-летия первой революции и Истпарта: А. Панкратовой «Стачечное движение», А. Каца и Ю. Милонова «Профессиональное движение», С. Дубровского и Б. Граве «Аграрное движение в 1905—1907 гг.», и т. д. Вместе с тем он отличается от последних тем, что в то время как названные сборники составлены исключительно по архивным материалам, книга т. А. Киржница содержит лишь газетную литературу 1905—1907 гг.

Неиспользование архивных материалов т. А. Киржниц об'ясняет в предисловии тем, что они разбросаны по 7—8 архивам. Какие 7—8 архивов имеет он в виду, трудно сказать, но для своей цели ему достаточно было поработать в архиве б. департамента полиции, сохранившемся в порядке. Там т. А. Киржниц нашел бы большое количество важных документов о массовом движении и деятельности различных европейских социалистических партий в период первой революции.

Сборник материалов «Еврейское рабочее движение в 1905 году» открывается интересной вступительной статьей тов. М. Рафеса «Первая революция и еврейские рабочие». Несомненной заслугой тов. Рафеса является то, что он пытался обосновать в еврейской историографии новое направление: исследовав эволюцию Бунда, т. Рафес выяснил причины националистического его уклона и тщательно проследил рост элементов большевизма в еврейском рабочем движении. Эти плодотворные и верные мысли он проводит в своих «Очерках по истории Бунда», статьях в «Штерне» и «Больш. Сов. Энцикл.» И во вступительной своей статье к сборнику «Еврейское рабочее движение в 1905 г.» тов. Рафес дает более углубленное и обоснованное освещение своих взглядов на развитие еврейского рабочего движения, известных из предыдущих его работ.

Первая глава посвящена «Социально-политической обстановке в районе еврейского рабочего движения». Она—наиболее слабая во всем сборнике. Не пытаясь самостоятельно разобраться в сложном хозяйственном быте евреев в царской России, автор дает обширную цитату из доклада ЦК Бунда интернациональному социалистическому конгрессу в Париже в 1900 году. Будучи помещена сначала в России в «Материалах по истории еврейского рабочего движения», изданных легально в Петербурге, она недавно вновь была перепечатана в «Очерках по истории Бунда» тов. М. Рафеса и, таким образом, достаточно известна. Не отличаясь глубиной, эта часть доклада ЦК Бунда схематично и упрощенно обрисовывает контуры социально-экономического быта евреев в России. В дополнение к этой цитате тов. Киржниц приводит некоторые данные из известных сборников материалов «Евр. колон. общ.». Между тем, за 25 лет, что прошло со времени составления доклада ЦК Бунда и сборников «ЕКО», появилось много нового, интересного материала, дающего представление о всем разнообразии развития экономического быта русского еврейства, материала, разбросанного по русским и еврейским газетам и журналам, вышедшим в России и за границей. Конечно, проработка этого материала представляет для читателя бо́льший интерес, нежели перепечатка обширной цитаты из известной книжки, к тому же достаточно устаревшей.

В главах II, III и IV почти на ста страницах пересказывается «своими словами» или приводятся большие цитаты из доклада ЦК Бунда, о котором мы выше говорили. Ничего нового, неизвестного раньше, мы не находим в этих главах. То же самое, к сожалению, приходится сказать и о главах, посвященных белостокской бойне 9 января и 1 мая и составленных по «Последним известиям». Эти моменты движения 1904—1905 г.г. были значительно раньше тов. Киржница и в более полном виде, с привлечением архивного материала, освещены в ряде статей, помещенных в «Пролетарской революции» и «Красной летописи». Тов. Киржниц почему-то избегает пользоваться исследовательскими работами, появившимися за последние 7—8 лет, хотя в них обстоятельно выяснены некоторые периоды в истории развития еврейского рабочего движения. От игнорирования печатной литературы,—что вообще

крайне характерно для тов. Киржница,—особенно пострадала глава о работе «искровцев» среди еврейского пролетариата, в которой совершенно не использованы интересные статьи т. Юренева о Двинске и Вильне и т. Беленького о Минске (все они были напечатаны в «Пролетарской революции»), а также сборник «1905 год в Полесьи», где находим ценное исследование тов. Драпкина о составе и деятельности Полесского комитета.

Переходя к остальным главам сборника материалов и документов (партии в районе еврейского рабочего движения, октябрь—декабрь 1905 и 1906 гг.), составленного тов. Киржницем, следует признать, что они представляют значительный интерес. В них мы находим и интересный материал и живое изложение. Справедливость требует указать, что эти главы занимают значительнейшую часть книги, приблизительно три четверти.

В общем сборник «Еврейское рабочее движение в 1905 году» безусловно интересен. Он окажется полезным учебным пособием при прохождении обществоведения и истории еврейского рабочего движения в различных еврейских техникумах, трудовых школах, вечерних курсах и т. д.

Н. А. Бухбиндер.

М. Г. ФЛЕЕР. Петербургский Комитет большевиков в годы войны 1914—1917 г. Лгр., 1927 г., стр. 213, цена 1 р. 50 к.

Настоящая работа т. Флеера принадлежит к числу тех сводных работ о партийной работе местных организаций за определенный период, которые дал к 10-летней годовщине революции ряд местных истпартов. Работы этого типа, основанные на изучении местных жандармских архивов, с одной стороны, и партийных архивов и собранных истпартами мемуарного характера материалов,—с другой, делает такой тип работ вполне своевременным. Они должны послужить базой для будущих исследований по отдельным периодам истории партии. Работу тов. Флеера надо рассматривать под углом зрения не только ее индивидуальных достоинств и недостатков, но и ее типовых достоинств и недостатков.

Темой работы является работа петербургской организации большевиков в годы войны. Тема значительная и интересная. Изучение эпохи войны как пред'истории Октября и деятельности партии в этот период имеет огромное значение для понимания хода революции 1917 г. Петербургская организация в годы войны была самой крупной, самой активной из большевистских организаций. Она руководила тем отрядом пролетариата, который сыграл решающую роль в феврале 1917 года. Какие проблемы встают перед изучающим историю партии в годы войны? Прежде всего—это проблема оборончества среди русского пролетариата, иначе говоря: 1) вопрос о шовинизме в рабочем классе России; 2) о борьбе за руководство рабочим классом между большевиками и меньшевиками. Следующая крупная проблема—это проблема идейной подготовки партии к переходу от старого стратегического плана к новому. В связи с первыми двумя стоит проблема о степени стихийности рабочего движения, об охвате его партийным влиянием. И, наконец, последняя задача исследователя этого периода—это задача установления факта существования партийной работы в труднейшие годы военного подполья.

Надо сказать, что вопросу об оборончестве не повезло в литературе по истории партии за этот период. И Шляпников, и Меницкий, и Граве явно стремятся затушевать наличие шовинизма среди части рабочего класса и преуменьшить роль меньшевиков, свести их влияние к тем размерам, какие оно имело после Октября 1917 года. Более правильный подход к этому вопросу надо отметить в книге К. Шелавина «Рабочий класс и ВКП в февральской революции». Вопрос об идейной подготовке к Октябрю в этих работах даже не поставлен. В освещении вопроса о степени руководства есть явная тенденция к отождествлению партии с рабочим классом. Это особенно заметно у Меницкого, для которого каждая листовка большевиков доказательство пораженчества рабочих масс. Вопрос о степени руководства партии рабочим движением есть тоже заметная тенденция к преувеличению действительной роли партии. Наконец, в вопросе о том, существовали ли в России накануне февральской организации большевистские организации и вели ли они какую-нибудь работу, были высказывания в духе того, что накануне Февраля партии в России фактически не было.

В отношении последнего со своей задачей автор вполне справился. Опираясь на богатый фактический материал, он показал, что в Петербурге и организация существовала, и партийная работа была. Данные в приложении 34 документов, исходящих от ПК, основательно подкрепляют работу автора в этой ее части. Кропотливым подбором материалов охранки, воспоминаний и т. п. автор восстанавливает (поскольку это возможно) шаг за шагом работу ПК и райкомов. Материал, даваемый автором, в значительной степени свежий. Особенно ценным является добытый из недр охранки протокол ПК в дек.

1916 г. (ст. 105), рисующий состояние организации и решения ПК по вопросу об использовании с'езда по борьбе с дороговизной и о мероприятиях в связи с предложением Германией мира правительству.

Чтобы не ограничиться чисто внешним описанием работы ПК, автор должен был коснуться и остальных перечисленных нами проблем. Мудрено писать историю ПК в эти годы и не указать ни слова об оборончестве и о борьбе с ним. М. Г. Флеер правильно отмечает в начале своей книги, что питерский пролетариат был не вполне иммунизирован от заразы шовинизма, что протест его против войны был пассивный, он выразился в неучастии во всеобщей патриотической свистопляске. «Молчание пролетариата в клокочущей шовинистической стихии, пишет он, было само по себе резким (?!) протестом против войны, однако протестом все же пассивным» (стр. 18) и дальше: «Среди рабочих Петрограда наметились некоторые группы, пытавшиеся влить свой голос в общий шовинистический хор». В чем же видит автор причину затишья и шовинистического поветрия? Он видит ее во «внешнем разгроме партийной организации» (стр. 20), в разрушении «организационных связей между руководящими штабами рабочего движения и рабочей периферией» (стр. 17). Верно ли это об'яснение вопроса о причинах шовинизма в рабочих массах разгромом рабочих организаций? Нам думается, что нет. Уже к началу войны наметился внутренний кризис движения, достигшего к июлю 1914 г. огромного размаха при полной почти неподвижности остальных классов. Война придавила рабочий класс и углубила затишье. Общественная реакция (шовинизм) не осталась без влияния на рабочий класс, который ведь китайской стеной не отгорожен от других классов. Все эти три причины в совокупности лишили большевиков, занявших антивоенную позицию, возможности вести массовую работу среди рабочих. Именно в Петербурге это особенно наглядно видно. Тов. Кондратьев в своих воспоминаниях очень ярко рисует, как все попытки ПК вызвать среди рабочих протест против войны и правительства разбивались о глухую стену пассивности рабочих. Даже арест депутатов-большевиков не смог раскачать спящие массы. Если в Петербурге они относились к пораженческой пропаганде большевиков безразлично, то в Харькове, например, по свидетельству т. Балтина-Блума, нельзя было перед рабочими выступить против войны без риска быть избитым или арестованным самими же рабочими. Все это говорит за то, что т. Флеер не нашел действительных корней оборончества и следствие принял за причину. Видя корни оборончества исключительно лишь в недостаточности связей партии с массой, М. Г. Флеер считает естественным, что с оживлением рабочего движения и восстановлением связей партии с массой оборончество исчезает, как дурной сон. Отсюда неправильность его утверждения о том, что оборонческая рабочая группа ЦВПК не имела в рабочем классе «никакой основы, никакой поддержки», что она была «оторвана от рабочей среды» (стр. 10).

Доказательство неправильности подобного утверждения можно найти в этой же книге, например, на стр. 48-й, где автор приводит цифры о соотношении голосов у большевиков и меньшевиков на собрании выборщиков в рабочую группу ВКП 27 сент. 1915 г., где было из 198 делегатов большевиков 60 и оборонцев 81, или на стр. 114, где автор цитирует место из Шляпникова, где он говорит о том, что «массового движения пролетариата к Думе» 14 февраля он не заметил, т. е. движение-то все-таки было. Ленин считал нужным подчеркнуть в статье об итогах выборов рабочих групп, что все же массы за собой оборонческий блок имеет. Если гвоздевцы после годичного опыта их сотрудничества с буржуазией в значительной степени порастеряли массы, то связи-то у них с рабочей средой остались. Об этом свидетельствуют и собрания совещаний из рабочих при Раб. группе ЦВПК вплоть до февраля 1917 г. и тот факт, что некоторые питерские заводы накануне 14 февраля приняли гвоздевскую резолюцию и, наконец, тот факт, что после февральского переворота гвоздевцы захватили руководство петербургским Советом, несмотря на то, что в этом отношении имел влияние и ряд других серьезных факторов. При отсутствии каких-либо «связей с рабочей средой» это мудрено сделать.

Тов. Флеер не пытается выяснить соотношение сил между большевиками и меньшевиками на разных этапах борьбы за руководство. Больше того, он избегает приводить фактические данные в этой области. Вот примеры. На стр. 47-й мы встречаем утверждение о том, что на мелких, отсталых заводах блок меньшевиков и народников достигал известных успехов, но перечня заводов, где прошел большевистский и меньшевистский наказы, перечня имеющихся в разрабатываемых тов. Флеером материалах деп. полиции мы не встречаем. А из этого перечня видно, что и часть крупных заводов приняла меньшевистский наказ или близкую к нему промежуточную резолюцию. Говоря о втором собрании выборщиков в ВКП, автор не дает цифровых данных о соотношении голосов у большевиков и оборонцев, хотя эти дан-

ные имеются и у Шляпникова и в донесениях охранки. Далее, говоря о результатах кампании выборов в страховой совет 31 января 1916 года, автор не приводит имеющихся у Шляпникова (ч. 1, изд. 2, стр. 154) данных о соотношении сил на собрании выборщиков. Между тем именно от подобного типа работы можно ожидать попытки собрать, проверить и проанализировать данные о соотношении сил между большевиками и меньшевиками в разные моменты и на разного типа предприятиях. Упустил ли автор из виду эту важную задачу, или он сознательно избегал данных, могущих подорвать его оценку гвоздевщины, мы не знаем. Но во всяком случае этот пробел в работе тов. Флеера мы считаем крупным ее недостатком.

Автор неоднократно (на стр. 10, 11, 14, 56) говорит об отпадении мелкобуржуазных элементов (оборонцев) от рабочего движения, о том, что после этого отпадения создались «начала (?) единства в среде петроградского пролетариата» (стр. 56), но упускает из виду, что борьба с оборончеством была в эти годы все же борьбой внутри рабочего класса, что оборонцы были проводниками влияния буржуазии в самом рабочем движении. Не случайна, очевидно, и фраза о том, что большевики в стремлении меньшевиков повести рабочих за Гос. Думой увидели «опасность распыления рабочего движения» (стр. 103).

Ведь дело не в «распылении», а в подчинении рабочего движения буржуазии. В появлении «отпавших» меньшевиков в рабочем движении автор видит лишь опасность «распыления», тогда как ПК видел в этих стремлениях меньшевиков опасность увлечь пролетариат на путь борьбы под буржуазным лозунгом «спасения страны». Для автора такая опасность, очевидно, абсолютно исключена.

В связи с исключением оборонцев из числа борющихся в рабочем движении сил стоит, очевидно, и переоценка автором степени охвата партийным влиянием рабочего движения в Питере, как ни значительно оно в действительности было. Возникновение каждой крупной забастовки автор готов приписать работе ПК. Описывая октябрьскую стачку, т. Флеер сначала не говорит прямо, возникла ли забастовка 17 октября в результате призыва или нет, а дальше на стр. 100 он пишет, что ПК 26 октября в третий раз призывал к забастовке. На самом деле первая октябрьская забастовка возникла стихийно, она шла в разрез с планами ПК, и ПК вынужден был выпустить специальный листок с призывом вернуться на работу. Как мы уже видели, затишье в рабочем движении в течение первого года войны автор об'ясняет отсутствием связи между партией и рабочим движением. Еще более замечательным в этом же роде является «об'яснение» летнего затишья 1916 года тем, что якобы ПК решил воздерживаться от частичных выступлений и готовиться к вооруженному восстанию (стр. 89). Но ведь затишье то было не только в Питере, а и во всей России. Неужели же так сильно было влияние ПК? Такого рода «об'яснение» особенно странно для тов. Флеера, изучавшего историю рабочего движения этого периода. Едва ли убеждение, что партия «все может» является методологически верным. А в отношении данного периода такая переоценка роли партии особенно неверна исторически, так как огромный размах движения делал невозможным сколько-нибудь значительный охват его, сильно ослабленный партией. По части лозунгов и хода выработки этих лозунгов у автора не заметно отчетливой точки зрения. У него получается, что лозунг «Долой войну» уже равен лозунгу «Превращение империалистической войны в гражданскую». Утверждение, что у местных организаций по вопросу о войне были полное «отсутствие колебаний», «четкая линия» и т. п. не соответствует действительности, так как колебания в первые месяцы в ряде организаций были, хотя большинство из них активно выступило против войны. Это известно из ряда воспоминаний (Н. Крестинского, Антонова-Саратовского и др.).

В вопросе о лозунгах большевиков в предстоящей революции у тов. Флеера тоже есть «неточности». Например, меньшевистскому лозунгу «правительство спасения страны» противопоставляется лозунг перехода власти «в руки рабочей (?) и крестьянской бедноты» (стр. 10). Почему автор вместо лозунгов ленинских тезисов 1915 года выставил эту неудачную фразу из одной резолюции непонятно. Ведь Ленин до свержения самодержавия нигде не выставлял лозунга передачи власти пролетариату и бедноте (кстати, это не одно и то же, что «власть рабочей (?) и деревенской бедноты»).

Если в ряде основных вопросов этого периода у автора встречается неверная точка зрения или отсутствие ее, то это быть может в работе подобного типа, в работе сводной—«беда еще не столь большой руки»? Нам думается, что и от автора, и от ленинградского истпарта можно ждать работы, которая не была бы простой систематизацией нарезанных из разных источников материалов. Выполнил ли тов. Флеер задачу разработки существующих уже по этому периоду разрозненных печатных материалов? Дал ли он исчерпывающую разработку того материала, который он взял за основу, материала департамента полиции? Ни того, ни другого сказать

нельзя. Особенно слабо использованы воспоминания, опубликованные архивные данные и опубликованный в «Красной Летописи» орган ПК «Пролетарский Голос». Слабо использован «Социал-Демократ» и «Сборник Социал-Демократа». Недостаточно использована книга Шляпникова «Канун 1917 года». Из воспоминаний использованы лишь воспоминания Кондратьева (и притом недостаточно), и совсем мельком использованы воспоминания Бадаева и Ефремова. Не использованы воспоминания Н. Крестинского, Киселева в «Пролет. революции» и целый ряд воспоминаний, напечатанных в «Красной Летописи». Почему-то совсем не освещена работа заводских коллективов, партийные совещания 1914 г. как раз хорошо освещены в этих воспоминаниях.

У автора не видно даже попытки проверки источников путем сопоставления их. Взять хотя бы такой момент, как описание октябрьской стачки 1916 г. Для освещения ее использован Шляпников и данные охранки. Между тем есть еще ряд материалов: воспоминания Иванова, Кондратьева, книга Палеолога, заметка в «Социал-Демократе», заметка в «Пролетарском Голосе» и др. Сведения всех этих источников противоречивы в вопросе о начале стачки (17 октября) и выступлении 181 полка. Оба факта имеют большое принципиальное значение и заслуживают того, чтобы в работе, посвященной специально партработе в Питере в годы войны, была проделана добросовестная работа по их сопоставлению, проверке и критике. Надо не забывать, что у т. Флеера «под рукой» не мало участников событий.

Взяв за основу материалы департамента полиции, автор и их проработал недостаточно внимательно. Мы указывали уже, что интереснейшие данные о ходе кампании выборов в ЦВПК остались неиспользованы. Данные охранки автор не подвергает достаточной критической проработке. Так, например, приведя отрывок из доклада Охранн. отд. 31 мая 1916 г. о том, что на собрании служащих больничных касс был доклад, в котором ставился вопрос о вооруженном восстании и были разговоры о «желательности в данный момент террористических актов» и что «боевые выступления... должны производиться от имени отдельных групп и дружин» (стр. 90), автор пишет, что эти данные позволяют «со всей точностью установить, что в середине мая 1916 г. Петербургский Комитет начал готовиться к вооруженному восстанию» (разрядка автора). Итак, «со всей точностью» можно делать чрезвычайно ответственные выводы на основании доклада охранки, пестрящего такими самоочевидно чепуховыми сведениями как «террористические акты», «боевые выступления дружин» и т. д. Правда, в донесении самый доклад (ПК!) передан правдоподобно, но и он требует проверки. Делал ли доклад член ПК и от имени ПК, вовсе не видно и т. Флеер сам пишет, что докладчик был «надо предположить» член ПК. Донесение дано (тоже «надо предположить») через Черномазова. Вот и все «данные» для чрезвычайно ответственных выводов. Надо сказать, что в докладах охранки упоминание о вооруженном восстании, о вооружении и т. п. встречается и раньше. Для ее агентов это излюбленный гарнир. Поэтому и это донесение нуждается в проверке документами, исходящими от ПК (листовки, «Пролет. Голос»), воспоминаниями и т. п. В них мы не находим не только подтверждения, но у Шляпникова находим и прямое опровержение (поскольку речь идет о технической подготовке восстания, о вооружении. Вышедшая в мае (а не в июне как это помечено у т. Флеера) программно-тактическая листовка ПК «Стачечное движение и задачи момента» является гораздо более достоверным источником для суждения о взглядах ПК, чем донесения охранника. В этой листовке говорится: «основные черты совершающегося движения—его стихийность, распыленность и преимущественно экономический характер». И дальше: «Надо внести сознание и планомерность в стачечную борьбу», об'единять отдельные выступления и т. д. «Из экономической борьбы движение должно превратиться в борьбу широко политическую, в борьбу за власть, в гражданскую войну» (стр. 194). Итак, на очереди превращение разрозненной экономической борьбы в борьбу политическую. Равносильно ли это технической подготовке восстания? Думаем, что нет. Здесь дана лишь общая перспектива «борьбы за власть», «гражданской войны», провозглашение лозунгов «долой войну», «долой царскую власть» и т. п. Все это говорит о сомнительности утверждения т. Флеера, о его некритическом отношении к источникам.

Хотя вся рецензируемая работа сводится к установлению фактической стороны партработы этого периода, у нее нет необходимой точности в этой области. На стр. 103 говорится о том, что в ноябре 1916 г. меньшевики решили устраивать «демонстративные шествия к Думе», тогда как на деле это решение относится к январю 1917 г. (см. статью т. Маевского и документы Раб. Группы ЦВПК в сб. «Канун революции»). Неблагополучно и с указанием источников приводимых данных. Они иногда отсутствуют там, где надо обосновать важное сообщение (стр. 103 о «демонстрат. шеств.» и т. д.), стр. 96, 97 о митинговой кампании, стр. 27 об усилении

связей ПК с рабочими и т. д.) или бывают неверны (на стр. 66 об организаторских коллегиях у Шляпникова — не ч. II, стр. 158, а ч. I, стр. 119; воспомин. т. В. Залежского в «Петр. правде» от 7 ноября 1922 г. нет).

Из общих недочетов книги надо указать на ее построение. За исключением VI главы, посвященной технике ПК, во всех остальных материал располагается строго хронологически, что не только делает книгу менее интересной для широкого круга читателей, но и смазывает важнейшие моменты в работе ПК. Например, кампания выборов в ВПК, происходившая в сентябре и в ноябре 1915 г., дана вперемежку с кампанией за продовольственные комиссии военной организации Балтфлота и т. д., и все это втиснуто на 10 стр. (145—155). Целый ряд важнейших моментов и вовсе пропущен: совещание партработников в 1919 году, суд над депутатами, петерб. организация в июле 1919 г. и т. д. Почему-то в приложениях пропущена чрезвычайно ценная инструкция ПК по проведению продовольственной кампании. Наряду с этим большая перегрузка книги перечнем лиц, бывших на таком-то собрании, арестованных такого-то числа. Все это уменьшает ценность книги. И все же работа тов. Флеера будет полезной для изучающих историю партии, так как тема ее значительна и материал местами свеж и интересен. Недочеты ее устранимы. Желательно усиление аналитической части работы за счет ее описательной части.

Д. Баевский.

БУРЖУАЗИЯ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Сборник документов и материалов. Подготовлен к печати Б. Б. Граве. Издание Гиз, 1927 г., Москва—Ленинград.

История русской буржуазии в XX столетии является одним из наименее освещенных вопросов в марксистской исторической литературе, почему издание новых материалов, характеризующих позицию буржуазии в столь важный и ответственный период, как период войны, имеет сугубый интерес.

Издание документации, посвященной какому-либо отдельному вопросу, может преследовать различные цели. Если составитель сборника стремится осветить данный вопрос наиболее полно, при использовании различных материалов, а значит при подборе документов из различных архивных фондов и даже частично из периодической прессы, то в этом случае сборник должен охватывать по возможности все стороны данного вопроса. Но если составитель перед собой этой задачи не ставит, публикуя по данному вопросу материал одного какого-либо архивного фонда, то его задачи соответственно сужаются.

Именно к такому типу сборников принадлежит рецензируемая нами книга. Б. Граве задалась целью опубликовать лишь материалы архива департамента полиции, характеризующие позицию русской буржуазии в соответствующий период. Конечно, изучать историю русской буржуазии за период войны нельзя только по материалам департамента полиции; историю буржуазии за этот период нужно изучать по материалам военно-промышленных комитетов, городских и земских союзов, союзов фабрикантов и промышленников, их партийных организаций и в значительной части по периодической буржуазной прессе, материалы же департамента полиции должны помочь исследователю в смысле дополнения и внесения ряда коррективов к этим основным материалам.

Нам думается, что такую цель и преследует настоящий сборник, и материалы его к тому, что мы до сих пор знали о позиции русской буржуазии, дают серьезное и интересное дополнение, несмотря на специфичность и тенденциозный характер. Почти не освещая, как и указано в предисловии, позиции буржуазии в первый период войны, сборник дает достаточно подробный и полный материал о позиции различных буржуазных организаций за вторую половину 1915 и 1916 гг.

Материал этот дает возможность оформить схему эволюции в позиции русской буржуазии за период между двумя революциями.

Третьеиюньское соглашение (1908 г.) буржуазии с самодержавным правительством, заключенное в период пореволюционной реакции и промышленной депрессии, делая ряд уступок буржуазии, в конечном счете больше всего удовлетворяло интересы крепостнических элементов страны. Совершенно ясно, что в годы промышленного под'ема (1910—1914) начинается политическое оживление различных слоев буржуазии, которое по существу своему должно быть охарактеризовано как борьба буржуазии за пересмотр и изменение третьеиюньского соглашения в сторону значительно больших уступок буржуазии, в сторону расширения политических ее прав. Участие России в войне 1914—1917 гг., явившееся в значительной мере уступкой вожделениям растущего финансового капитала, окрылило надежды русской буржуазии. С начала войны (если не считать короткого периода патриотического под'ема и «священного единения») русская буржуазия вступает в третий этап своего развития, который характеризуется организованным наступлением на крепостнические элементы страны и его политический аппарат с целью уже не пере-

смотра, а ликвидации третьеиюньского соглашения. Ликвидации, конечно, не революционными методами, — их буржуазия отвергала.

Борьбу за ликвидацию третьеиюньского соглашения нельзя рассматривать как стремление буржуазии порвать окончательно с русским самодержавием, а как определенное стремление буржуазии притти к власти, подчинив себе государственный аппарат русской монархии.

Это стремление зиждилось на определенном убеждении буржуазии в том, что, захватив окончательно руководство экономической жизнью страны, она (буржуазия) рано или поздно должна будет стать ее полновластным политическим хозяином, т.-е. должна будет, как мы уже сказали, логикой событий соподчинить своим интересам государственный аппарат. Говоря языком Ленина, буржуазия была уверена в том, что она заставит русское самодержавие окончательно эволюционировать в сторону буржуазной монархии. Уже 22 сентября 1914 года П. Милюков заявлял, что «настоящая война открывает новую эру для русского общества, когда оно снова может приступить к социальному строительству». (См. докл. № 1). И тем сильнее было разочарование и озлобление русской буржуазии, когда она получила возможность убедиться в том, что самодержавная монархия, начав войну, окончательно перерождаться и приспособляться к ее интересам отнюдь не собирается.

Именно потому, что опубликованный материал характеризует борьбу русской буржуазии в этом направлении, несмотря на явную безнадежность ее целей и методов, они приобретают для всех нас особый интерес и особую ценность.

Ленин, полемизируя с представителем ликвидаторства Ерманским (Гушкой), не раз указывал, что в годы промышленного под'ема росло экономическое и политическое значение буржуазии в стране, но при всем том политически она оставалась бесправной. Ленин особенно подчеркивал необходимость различать и подразделять на этом этапе борьбы экономические «купцовские» стремления промышленников и политические задачи буржуазных партий. Совершенно ясно, что на следующем этапе развития, когда при захвате экономического руководства страной бурно росла политическая активность различных слоев буржуазии, эти грани должны были начинать стираться, что опять-таки подтверждается рассматриваемым нами материалом. Военно-промышленные комитеты и другие экономические организации буржуазии в годы войны, наряду с вопросами о военных заказах и поставках, рассуждают о политических задачах страны, а политические буржуазные партии трактуют в своих заседаниях о деталях организации тыла, выросших в условиях 1915—1916 гг. в большие общественные вопросы.

Именно это переплетение затруднило работу составителя сборника по систематизации материала. Однако, принимая во внимание это обстоятельство, все же нужно констатировать, что систематизация и расположение материала в рецензируемом сборнике могли бы быть даны лучше. Положив в основу расположения материала по преимуществу хронологический разрез, составитель принужден был свалить в одну кучу как партии буржуазии, так и ее широкие общественные организации (земские и городские союзы) и даже ее экономические организации (военно-промышленные комитеты). Было бы значительно целесообразнее, если бы весь материал был сгруппирован по отдельным вопросам примерно следующим образом: партии земские и городские союзы, военно-промышленные комитеты, сводки об общем настроении буржуазии и т. д.

Нужно отметить, что и в установленной схеме расположения материалов имеется ряд промахов: так, например, в одной и той же главе, где по уже установленной системе материалы должны быть расположены в строго-хронологической последовательности, замечаются следующие упущения. В главе второй раньше идет сводка, датированная 28/VI—1915 г., за ней документ, датированный 15/II—1915 г., а вслед за ним документ, датированный 8/XII—1915 г. То же замечается и в главе четвертой, где после записки, датированной 3/X—1915 г., помещен ряд документов, датированных сентябрем 1915 года.

Кстати не совсем ясно, чем руководствовался составитель, озаглавив 4-ю главу «Буржуазия во время сентябрьской стачки»: из пяти документов, помещенных в этой главе, лишь один вскользь упоминает об отношении буржуазии в сентябрьской стачке, и в то же время документации следующей главы, выделенные особо, относятся к тому же периоду. Что же касается помещенных на странице 56—57 резолюций земского и городского с'ездов, то нам думается, что тексты этих резолюций, помещенные в периодической прессе, заслуживают большего доверия, чем тексты, сохранившиеся в делах департамента полиции, полученные агентурным путем. В крайнем случае составителем должно было быть указано в сборнике—сверены ли эти тексты.

Несмотря на отмеченные нами промахи и упущения, сборник документов и материалов, подготовленный к печати Б. Граве, представляет большую историческую ценность и серьезный вклад в нашу архивно-историческую литературу.

Издана книга хорошо.

Семен Сеф.

М. БАЛАБАНОВ. От 1905 к 1917 г. Массовое рабочее движение Гиз, 1927, 455 стр., ц. 5 руб.

Автор, в прошлом видный меньшевистский литератор, ныне занимается специально изучением истории рабочего класса и рабочего движения. Настоящая книга, как сообщает он в предисловии, заключает в себе часть материала, который должен был бы войти в следующие томы его же «Очерков по истории рабочего класса в России». Автор счел своевременным, однако, к 10-летию Октябрьской революции этот материал издать самостоятельно. В основном, книга посвящена массовому рабочему движению—но не исключительно. Три главы (из четырнадцати) подробно рассматривают рабочую политику предпринимательских организаций и попутно останавливаются на правительственных мероприятиях в борьбе с рабочим движением; остальные стороны—помимо этих —совершенно не освещены, нет ничего ни о положении рабочих, ни о рабочем законодательстве, ни о влиянии политических партий на изучаемое массовое рабочее движение, ни о многом другом—автор сознательно ограничил себя. Конечно, такое право у автора всегда имеется—он вовсе не обязан изучать все стороны, но он может отделить изучение и освещение одной какой-нибудь проблемы лишь от таких областей, которые не стоят в неразрывной связи с содержанием трактуемого предмета. В данной книге, изучающей специально массовое рабочее движение, от многого из того, о чем автор не говорит, можно несомненно отвлечься, можно рассматривать массовое рабочее движение, не освещая даже рабочей политики об'единенного капитала (что у автора рассмотрено весьма подробно—три главы—больше пятой части книги уделены этому вопросу), но без чего, нам кажется, совершенно невозможно говорить—а тем более написать большую книгу о рабочем движении,—так это о воздействии политических партий на последнее. В самом деле, достаточно ведь посмотреть тщательно собранные у Балабанова статистические данные о стачечном движении, чтобы бросился в глаза один—весьма общеизвестный и сугубо важный факт, факт огромного в общем и целом преобладания политических стачек над экономическими (в 1913 г. политических стачечников было в 2½ раза, а в 1914 г. даже в пять раз больше, чем бастовавших по экономическим мотивам; несколько иное положение было во время войны до половины 1916 г., но там уже совсем специфические условия, да и самая экономическая стачка была, как правильно отмечает Балабанов, тоже иной, чем до войны 1914 г.). А если это так, если политическая стачка имела первенствующее значение в массовом рабочем движении, то можно ли изучать самое массовое движение в рабочем классе без изучения борьбы политических, партийных влияний внутри него самого? Нет, нельзя. Без этого действительно научной, действительно марксистской истории массового рабочего движения не получится, как бы тщательно ни были проработаны отдельные черты, отдельные стороны движения, как бы живо ни была нарисована общая картина его. И именно поэтому у М. Балабанова, несмотря на целый ряд — иногда весьма ценных—достоинств, истории не получилось, он сумел дать только фрагменты для истории рабочего движения. Больше того, скажем сразу, если. т. Балабанов сумел дать в общем весьма недурный очерк, то именно потому, что целиком разделаться с этой стороной, с воздействием политических партий на рабочее движение, он не сумел. Только потому, что М. Балабанов сам не сумел освободиться от воздействия политической партии, только потому, что он сам стал на точку зрения определенной политической партии—именно пролетарской,—только поэтому он и сумел написать неплохую книгу.

В этой книге тов. Балабанов целиком и полностью покончил с меньшевистской схемой в оценке рабочего движения в послереволюционный период и присоединился, в основном, к большевистской, ленинской концепции. Рабочая борьба, так гигантски взметнувшаяся в предвоенные годы, расценивается им, как борьба против полукрепостнического режима в целом; рабочие, признает он, не могли ограничиться выдвигавшимися лозунгами, вроде «свободы коалиции» — лозунга принципиально-реформистского, отрицавшего наличие у нас революционной кон'юнктуры. Напротив, рабочие «должны были приходить к выводу, что вопрос о свободе коалиции не может быть разрешен в условиях полицейского государства... но может быть разрешен только с устранением всего самодержавно-полицейского порядка» (274). Балабанов подчеркивает, что именно отсюда истекает эта легкая возбудимость пролетарских масс, готовых бастовать по всякому поводу, а иногда и без всякого видимого повода (штраф на рабочего депутата, суд над матросами, приговор стачечников к 2 месяцам тюрьмы, дело адвокатов, протестовавших против суда над Бейлисом, закрытие рабочей газеты, клуба, профсоюза, годовщина освобождения крестьян — это помимо традиционных дней 9 января, 4 апреля и 1 мая, стачки из-за общих политических условий—мотивы, как видит читатель, самые разнообразные). Балабанов признает, что эта возбудимость вовсе не является, как это

выдумали меньшевистские пошляки, признаком «стачечного азарта», а показателем весьма напряженной революционной обстановки. Он признает, что «стихийность» этого рабочего движения вовсе не была показателем низкого уровня борьбы, а что, напротив, сама стихийность движения была, по удачному выражению тов. Яковлева, «организованной стихийностью», т. е. пропитанной уроками и опытом борьбы политических течений в рабочем классе. Балабанов, далее, отряхает от своих ног пыль той меньшевистской доктрины, которая гласила, что экономическое и политическое движения должны быть разделены, что борьба за четвертак не должна «осложнять», «затушевывать» политической борьбы, ее принципиального характера. Эта доктрина, которую русские меньшевики так усердно и небезуспешно—пропагандировали меньшевикам заграничным (см., например, статью Мартова «Конфликты в германской рабочей партии» и его цитаты из личных писем Каутского к нему в сборн. «Очерки международного социализма и рабочего движения»), не просто теоретически отрицается Балабановым—он ее уничтожает буквально физически подробным анализом постановлений о-ва фабрикантов и заводчиков и выяснением их связей с правительством. Перед фактами переплетения «экономики» и «политики» здесь, в этой организации, вздорность меньшевистских положений выясняется полностью.

Таким образом, как мы видим, к автору вовсе нельзя пред'явить обвинение, будто у него отсутствует точка зрения. Нет, он прямо заявляет: «тактика большевиков выражала действительную тенденцию общественного развития» (449) и, повторяем, без этого, без большевистской точки зрения автор не только не сумел бы ничего об'яснить, но не сумел бы даже толково и дельно описать фактическую сторону движения. Но потому, что он ограничивается только точкой зрения, в самых общих ее выражениях, автор вынужден и в книге ограничиться, преимущественно, описательной стороной. Отсюда и то, что ряда проблем автор касается чересчур бегло, некоторые опущены им вовсе (например, почти ничего нет о проблеме оборончества в рабочем движении во время войны). К числу проблем, подробно затронутых автором, но, на наш взгляд, недостаточно ясно им формулированных, относится и такая важная проблема, как отношение власти и промышленной буржуазии к рабочему движению. Автор справедливо подчеркивает, что промышленная буржуазия являлась силой контрреволюционной и действовала в рабочем вопросе в полном согласии с русским абсолютизмом. Это совершенно верно — и тем не менее отождествлять эти две силы не приходится. А у автора на этот счет поползновения вполне откровенные, и в одном месте он прямо так и пишет: «это был протест против самодержавно-полицейских порядков, против диктатуры капитала, опирающейся на штыки самодержавного государства». Это говорится о движении рабочих в 1912—1913 г.г. А Ленин в это время—январь 1913 г.—писал: «В рабской, азиатской, царской России, которая подходит к следующей **буржуазно-демократической** (подчеркнуто Лениным) революции, политическая стачка есть единственно серьезное средство расшевелить, раскачать, взбудоражить, поднять на революционную борьбу крестьянство и лучшую часть крестьянского войска» (XII т., ч. II, 16 стр.). Если говорить не о суб'ективных представлениях тех или иных групп и не о возможных в дальнейшем благоприятных перспективах, а об об'ективном историческом смысле этого движения, то ясно, что прав Ленин, подчеркивающий «общенародное, демократическое значение экономических и неэкономических стачек в России в 1912 г.» (XII т., ч. II, 40 стр.), подчеркивающий, что «самое важное и исторически своеобразное в наших стачках» это «выступление пролетариата как гегемона». Балабанов же в общей фразе «диктатура капитала» топит действительное, реальное, исторически своеобразное содержание рабочего движения и всей расстановки классов в тот период. Вряд ли у Балабанова это замечание, как и некоторые другие, как и общий тон, как и, наконец, его рассуждения о разногласиях в среде предпринимательских организаций, случайны. Они, скорее всего, коренятся в тех неверных общих положениях, которые формулированы им в другой книжке — «Царская Россия XX века» (см. главу III «Промышленная буржуазия и самодержавное правительство», особенно стр. 32 и 33). Там Балабанов прямо пишет: «поземельное дворянство и промышленная буржуазия составляли основную социальную базу самодержавия». Между тем, это не верно—господство самодержавия означало не торжество компромисса торгового и промышленного капитала, а социальное подчинение последнего первому. **Победа** такого компромиссного пути означала бы ликвидацию самодержавия, перерождение его в буржуазную монархию. У нас не было ни полной победы самодержавия, ни, тем более, полной победы компромиссного (прусского) пути, особенно если говорить о политическом выражении этой победы. Социальный компромисс обеих фракций правящего класса вовсе не был достигнут. Напротив, как раз перед войной разногласия между ними, в очень большой степени из-за рабочего

движения, в основном, по вопросу о том, как избежать революции,—усилились. «Распад, колебания, взимное недоверие и недовольсство внутри системы 3 июня»—так характеризовал Ленин положение в мае 1914 г. (XII т., ч. II, 472 стр.), а еще до этого—в июне 1913 г.—Ленин писал: «столкновения буржуазии с правительством не случайность, а показатель глубокого, со всех сторон назревающего кризиса». «Поэтому внимательно следить за этими столкновениями обязательно» (XX т., ч. I, 410 стр.). В основном положение было таково: реакция, считая свою тяжбу с революцией выигранной, затеяла тяжбу с реформой. Уничтожить реформу — лучший способ предотвратить революцию — вот «идея» реакции. Обезопасить себя от революции можно только своевременными реформами—такова «идея» Гучкова-Милюкова. Обе эти группы—и реакционная и реформационная—были контрреволюционными. Наиболее полное единодушие они могли проявлять к наиболее серьезному классовому врагу—пролетариату. Но по мере того как расходились две линии контрреволюционной политики, по мере этого разногласия должны были сказаться и в рабочем вопросе — выражением этих разногласий и явились различные взгляды между петербургскими и московскими предпринимательскими организациями. Между тем, тов. Балабанов склонен к ним относиться очень легко. Он начисто отрицает значение этих разногласий и об'ясняет большую агрессивность петербургского общества тем лишь, что в Питере предприниматели сталкивались с политиком-металлистом, между тем как в Московском районе преобладала экономическая борьба текстильщиков, а в одном месте — на стр. 386—пытается даже свести дело к «сентиментальности» Коноваловых. Последнее, конечно, не годится ни для об'яснения, ни для описания линии Коноваловых, а первое соображение, хотя, несомненно, и известное значение имеет, но вовсе не исчерпывает сути. Что разногласия были вовсе не мелки и совсем не об'яснялись надеждами на идиллическую патриархальность отношений у текстильщиков, это показывает сам Балабанов (достаточно прочесть хотя бы 379—383 стр.). Контрреволюционной была линия обеих групп, но только на этом основании отождествлять эти линии можно только под определенным углом зрения, в определенный момент. И линия Глезмера—Дитмара и линия Гучкова—Коновалова—Рябушинского были контрреволюционными линиями, но не одинаковыми, а различие этих линий вызывалось опять-таки не суб'ективными намерениями и не столько иллюзиями насчет возможности установления патриархальных отношений, а об'ективными условиями работы различных групп промышленного капитала. У одних был обеспеченный рынок—милитаризм, у других убогий, жалкий рынок жалкого крестьянского потребления. Соображения М. Балабанова насчет того, что и суконные фабрики пользовались казенными заказами—ничего не об'ясняет. В Петербурге заводов сельскохозяйственных машин нет, а орудий крестьянин, как известно, не покупает, текстильный же фабрикант всегда предпочтет снабжать 150 млн. населения, чем 5-миллионную армию — в этом и была об'ективная причина расхождений между реакционными и прогрессивными заводчиками.

Автор, таким образом, уделил совершенно недостаточное внимание борьбе политических партий в пролетариате; автор затем рассматривает рабочее движение в известном смысле, an und für sich. Он не вставляет его в рамки той конкретной исторической картины классовой борьбы, которая в тот момент существовала. Он одной сплошной краской рисует не только отношения различных групп промышленного капитала к движению русского пролетариата в 1907—1917 гг., но и отношения промышленной буржуазии в целом и самодержавия. Он иногда подменяет самодержавие понятием диктатуры капитала. Таковы, по нашему мнению, наиболее существенные недочеты в книге. Конечно, есть и некоторые другие, более мелкие. Так, например, в главе об итогах 1905—1906 гг. остается так-таки и невыясненным, повысилась или не повысилась реальная заработная плата. В главе о рабочем движении во время войны автор совершенно не упоминает о влиянии неквалифицированных слоев, значительном росте рабочей армии за счет других социальных групп, ничего не говорит об изменении в половом и возрастном составе. Ничего автор не говорит о концентрации промышленности, о росте рабочего класса за весь освещаемый им период. Недостатком является слабая разработка социальной географии движения—автор должен был этому вопросу посвятить отдельную главу. В главе второй, когда автор говорит о схеме, выработанной московским обществом фабрикантов и заводчиков в 1908 г., надо было указать, что пункт, по которому фабрикант мог не платить не бастовавшим рабочим, но не работавшим из-за забастовок, был еще до того узаконен раз'яснением сената осенью 1907 года Есть и некоторые другие недочеты.

Большой заслугой автора является широкое использование архивных материалов—к самых разнообразных—архив Петербургского общества фабрикантов и заводчиков, горного департамента, департамента полиции, архив мини-

стерств, даже «альбом исключений», дающий ценный материал для историка февральских дней—все это использовано автором.

Общий вывод наш таков: эта книга еще не история массового рабочего движения в период между двумя революциями, но это уже, несомненно, хорошие, весьма подробные очерки по этой истории, дающие сводку значительного литературного материала и широко использовывающие архивные документы. До тех пор пока научной марксистской истории всего этого периода, в том числе и истории рабочего движения, нет еще—очерки эти сослужат полезную службу.

Е. Югов.

АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, Т. II, КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1917 ГОДУ. Под редакцией и с предисловием В. П. Милютина. Издатель Коммунистическая академия, Аграрная секция. Стр. 230. Цена 2р. 50к., в переплете 3 руб.

Рецензируемая книга представляет сборник следующих статей: В. П. Милютин—Предпосылки Октябрьской революции 1917 года; П. П. Лященко—Экономические предпосылки 1917 года; С. М. Дубровский—Временное правительство и крестьянство; Я. А. Яковлев—Крестьянская война 1917 года; А. В. Шестаков—Крестьянские организации в 1917 году; И. Верменичев—Крестьянское движение между Февральской и Октябрьской революциями; М. Кубанин—Первый передел земли в 1918 году.

В небольшой вводной статье тов. Милютин дает общую установку и анализ причин Февральской и Октябрьской революций. Одним из условий победы большевиков тов. Милютин считает что партия «имела теорию ленинизма и имела вождем Ленина. Ленинизм—это теория диктатуры пролетариата, в отношении к России—это теория диктатуры пролетариата в стране с преобладанием крестьянства» (стр. 12). О великом значении руководящей роли Ленина и значении ленинизма для революции спорить не приходится, но сомнения вызывает определение ленинизма, данное тов. Милютиным. Нам кажется, что расщеплять ленинизм надвое: ленинизм вообще и ленинизм для России—неправильно.

Статья проф. Лященко читается с большим интересом. В статье, в ясной форме, без перегрузки цитатами, дается материал о предвоенной экономике как в области промышленности и финансов, так и в области сельского хозяйства. Тов. Лященко пишет, что несмотря на повышение потребления городами продуктов с.-х. производства, все же, накануне войны, рынок с.-х. продуктов находился в сильнейшей степени под влиянием внешнего рынка и иностранного капитала. Наша хозяйственная и промышленная отсталость, по мнению Лященко, являлась препятствием на пути высвобождения нашего хозяйства из полуколониальной зависимости от иностранного капитала.

Рассматривая взаимоотношения помещиков с крестьянством, Лященко приходит к выводу, что наличие полукрепостнических отношений в деревне и диктатуры крепостника-помещика, который не только безраздельно эксплоатировал бедняка и середняка, но и ставил препятствия экономическому росту кулачества, создавал и против помещиков и их государства единый фронт всего крестьянства.

Анализируя процессы, происходящие в экономике страны во время войны, Лященко приходит к заключению, что война вызвала деградацию народного хозяйства в целом и что больше всего пострадали хозяйства бедноты и середняков, очень значительно пострадали также хозяйства помещичьих латифундий.

Сокращение посевных площадей, отсутствие рабочих рук, мобилизация для нужд армии как рабочего, так и молочного скота, расстройство транспорта и вызванный этим продовольственный кризис, узко классовая политика помещичьего правительства, неспособного справиться с общехозяйственной разрухой,—все это вместе взятое привело к краху существующей не только экономической, но и социально-политической системы царизма.

В статье «Временное правительство и крестьянство» тов. Дубровский констатирует, что Временное правительство, несмотря на коалицию с «социалистами», в земельном вопросе осуществляло интересы помещиков и крупнособственнического крестьянства. Необходимо отметить чрезвычайную беглость статьи Дубровского, статья скорее носит характер конспекта, чем исторического исследования. Очень важная глава «Борьба с аграрным движением» занимает всего 2½ страницы. В результате такой скомканности получилась известная поверхностность, так, например, тов. Дубровский не рассматривает противоречий и группировок, существовавших в недрах самого Временного правительства. Несомненно, что существовали разногласия по аграрному вопросу между министрами, кадетами и эсерами, с этим связана кампания против Чернова, его уход и возвращение к власти в июле. Любопытна также борьба министерства внутренних дел с агентами министерства земледелия на местах.

Не рассмотрены тов. Дубровским также изменения в росте агрессивности

Временного правительства по отношению к крестьянству. Как известно, особенно энергично Временное правительство готовилось к подавлению анархии в октябре.

Тов. Дубровский не рассматривает, также деятельности и отдельных командиров воинских частей по усмирению крестьянского движения, хотя, особенно в прифронтовой полосе, они местами проявили очень большую инициативу.

Статья тов. Я. А. Яковлева «Крестьянская война 1917 г.» является перепечаткой его же предисловия к сборнику Центрархива «Крестьянское движение в 1917 году». Если указанная статья как комментарии является необходимой составной частью сборника Центрархива, то помещение ее в сборнике Аграрной секции, при наличии написанной на ту же тему более обстоятельной статьи тов. Верменичева, вызывает недоумение тем более, что статья Яковлева местами дает некоторый «разнобой» со статьей Верменичева. Так, при определении основных районов крестьянского движения, тов. Яковлев считает таковыми два района: Центрально-земледельческий и Средне-волжский, между тем, по данным тов. Верменичева, кроме указанных двух районов, основным очагом крестьянского движения являлся также район Белорусский.

В статье Яковлева крестьянское движение рассматривается как-то изолированно, нет влияния солдат, нет влияния города, разных землячеств на фабриках и заводах, не видно влияния большевистской партии на процесс революционизирования крестьянства. О том, что тов. Яковлев переоценивает доверчивость крестьянства по отношению к Временному правительству, писал уже в своей рецензии тов. Шестаков в 5 номере «Историка - Марксиста». В первый период революции не столько характерно доверие крестьян к Временному правительству, сколько отсутствие и слабость органов Временного правительства на местах. Когда в середине лета эти органы начали укрепляться и действовать в антикрестьянском направлении, тогда это «доверие» исчезло.

Интересна содержанием статья т. Шестакова о крестьянских организациях в 1917 г. Тов. Шестаков рассматривает возникновение и деятельность крестьянских организаций в первые месяцы революции, возникновение первых исполнительных, земельных и других комитетов в деревне. Далее автор рассматривает первый с'езд советов крестьянских депутатов в мае, который хотя и прошел под гегемонией эсеров, но под давлением делегатов с мест вынужден был принять резолюцию о передаче всех земель в ведение и на учет земельных комитетов. Тов. Шестаков описывает попытки эсеров насаждать на места советы крестьянских депутатов, как часть профессиональных классовых крестьянских организаций, не как органы власти, а лишь для установления контроля. Рассматривая деятельность крестьянского союза, тов. Шестаков квалифицирует организацию, как правоэсеровскую, кадетскую.

Чрезвычайно интересны данные о деятельности организаций, имеющих влияние на крестьянство; о работе крестьянских организаций в армии и об организации землячеств рабочими на заводах. Пионером в этой области был революционный Петроград, в котором создался лево настроенный совет крестьянских депутатов Петроградского гарнизона и землячества на заводах, в которых преобладало большевистское влияние. Эти организации, которые были не только в Петрограде, но и в целом ряде других городов, имели связь с деревней и играли большую роль в деле революционизирования крестьян.

Тов. Шестаков констатирует интересный факт, что крестьянство в борьбе с помещиком не в достаточной мере использовало свои советы и благодаря влиянию эсеров эти советы тормозили революционный напор масс, и, таким образом, крестьянство в борьбе за землю опиралось не на Советы, а на волостные исполнительные, земельные и продовольственные комитеты. Интересно отметить также процесс революционизирования крестьянских советов, который накануне Октября выразился в симпатии к левым эсерам и после Октябрьской победы перешел в настоящую большевизацию Советов.

Рассматривая деятельность и организацию с.-х. рабочих, т. Шестаков констатирует, что организации советов батрацких депутатов в общем, за исключением Прибалтики, были незначительны и что гораздо шире в деревне до осени шло строительство профессиональных организаций с.-х. рабочих. В общем, батрачество и полупролетариат были так слабо организованы, что не могли проводить своей особой политики и растворялись в общем потоке крестьянского движения.

Рассматривая позицию зажиточных групп в деревне, тов. Шестаков констатирует, что, несмотря на попытки помещиков втянуть кулачество в свою политику, это им не удалось, что зажиточные группы крестьянства к антипомещичьей революции относились или сочувственно, или держали нейтралитет, использовывая создавшуюся обстановку с целью получения помещичьей земли, инвентаря и скота.

С одинаковым интересом читается также статья тов. Верменичева о крестьянском движении между Февралем и Октябрем. Автор использовал для

статьи материалы из Архива Октябрьской революции дела Временного правительства и донесения, поступавшие в главное управление по делам милиции.

Рассматривая общий характер движения, автор устанавливает, что движение в своем развитии прошло три фазы, три периода. Первый кратковременный период вслед за Февральской революцией характерен лишь отдельными вспышками крестьянских выступлений. Второй период отличается массовой организованной борьбой с помещиками. Второй период автор разбивает на два этапа: первый—от апреля до середины июля, второй—с июля до сентября. Наконец третий период—период предоктябрьской волны крестьянского движения, когда последнее переходило в крестьянскую революцию. Соответственно с этими периодами менялись и формы и характер движения.

Тов. Верменичев констатирует, что движение главным образом было направлено против помещиков и что борьба против представителей сельской буржуазии не играла значительной роли в общем итоге. Касаясь вопроса борьбы крестьян с агентами Временного правительства, т. Верменичев констатирует, что она не получила широкого распространения из-за отсутствия на местах крепкой правительственной власти и что даже милиция часто становилась на сторону крестьян против помещиков.

По вопросу об организационной стороне движения тов. Верменичев пишет, что «Волостные комитеты или позже волостные земства были теми главнейшими организациями, которые являлись по существу органами крестьянского движения». Нам кажется, что в этом вопросе неправ тов. Верменичев, приписывая волостным земствам революционную роль. Волостные земства более широкое распространение получили только к августу, а как констатирует т. Шестаков «к осени волостные земства уже в значительной мере утратили свою привлекательность в глазах крестьянства». Таким образом, благодаря политике эсеров и кадетов, желающих земства использовать против крестьянского движения, обаяние последних в глазах крестьянства отцвело, не успев как следует расцвести. Более революционную роль в крестьянском движении, чем земства наряду с исполнительными комитетами, по мнению т. Шестакова, играли крестьянские земельные и продовольственные комитеты.

Тов. Верменичев констатирует, что крестьянство в борьбе с помещиками столкнулось с буржуазным Временным правительством. Победить помещика и его защитника — Врем. правительство крестьянство смогло лишь в союзе с городским пролетариатом. Лишь совпадение революционого движения крестьянства с рев. движением пролетариата могло обеспечить победу над помещиком и буржуазным Временным правительством.

Слабее остальных статей в сборнике статья тов. Кубанина «Первый передел земли в 1918 году». Несмотря на чрезвычайно интересную и широкую тему, тов. Кубанин ограничился явно недостаточным количеством материалов: в его распоряжении было всего 111 отчетов обследования 1927 года. Разумеется, что вследствие ограниченности материалов общей, мало-мальски освещающей вопрос картины тов. Кубанин не дал. Кроме того, деревня в изображении тов. Кубанина живет какой-то изолированной жизнью. Влияния Центральной правительственной власти и партии большевиков на крестьянство в статье тов. Кубанина совершенно не видно, так что, читая статью, вполне резонно можно поставить вопрос: а существовала ли вообще правительственная власть и когда же это происходило? В изображении тов. Кубанина внутри крестьянства происходила борьба между разными группами крестьян, одно село воевало с другим, а что из этого вышло, как это кончилось, из статьи узнать нельзя.

Кроме указанных недостатков есть много неряшливости, особенно некоторые таблицы так составлены, что из одних ничего не поймешь, а другие просто вызывают полное недоумение. Так, на стр. 224 помещена таблица о распределении товарищеской и купчей земли в Спасском уезде Тамбовской губернии. В этой таблице все перепутано, непонятно, что к чему относится. Цифры в таблице одни, а в комментариях автор оперирует совершенно другими непонятно откуда взятыми цифрами. На стр. 225 помещена таблица, по замыслу автора долженствующая показать отношения крестьян к хуторам, но таблица составлена так неряшливо, что дает совершенно неправильное представление о затронутом вопросе.

По оригинальной арифметике тов. Кубанина получается, что в Сев.-восточном районе ни один хутор тронут не был, никакого из'ятия даже излишков не было, в графе «не трогали» стоит 14,3%, в графе «хуторов не было» стоит цифра 85,7%. Тов. Кубанин к существующим в действительности хуторам причислил хутора не реальные и вместо 100% нетронутых хуторов получил всего 14,3%. Такую же операцию он проделал и по остальным районам, например, в Вятко-ветлужском районе видно, что были уничтожены все хутора, а у Кубанина в графе «Уничтожили» стоит цифра 50%. Итоги таблицы тоже любопытны: проценты превращены в абсолютные числа, и вместо 100% получается цифра 111...

Кроме неряшливости в таблицах есть еще и другие дефекты, так, на странице 220 пропущена таблица, которая, как видно, перенесена на стр. 222, но в тексте ничего не сказано, получается разрыв мысли. Читатель вынужден искать «пропавшую» таблицу.

Необходимо остановиться еще на одном дефекте в статье т. Кубанина. Касаясь вопроса о судьбах надельной земли, он пишет, что постановления крестьянских с'ездов всюду одинаковы относительно помещичьих, церковных и удельных земель, что крестьяне считали необходимым пустить их в передел между волостями и внутри них между членами общины. Далее автор пишет, что в этом вопросе оправдалось предвидение Ленина, который указывал, что в случае победы крестьянство будет переделять надельную землю наряду с помещичьей. В доказательство этой мысли, он приводит цитаты, ее опровергающие, в приводимых цитатах всюду, за исключением Рязанского уезда, крестьяне постановляют, что вся земля, кроме надельной, должна поступить в передел. Таким образом, т. Кубанин, желая доказать одно положение, доказал совершенно противоположное.

Подведем итоги. Такой сборник, всесторонне освещающий крестьянское движение в 1917 году, очень нужен и полезен, только необходимо констатировать, что к изданию его Аграрная секция Комакадемии подошла недостаточно внимательно. От такого авторитетного учреждения читатель имеет право требовать лучшего, чем оно дало в рецензируемом сборнике.

Несмотря на отмеченные недостатки, сборник имеет несомненную ценность и можно его рекомендовать широким кругам как учащейся молодежи, так и всем другим лицам, интересующимся и изучающим крестьянское движение в 1917 году. По цене сборник мало доступен широкому читателю.

О. Лидак.

В. БАРТОЛЬД. История культурной жизни Туркестана, стр. 256, ц. 2 р. 25 к., Ленинград, изд. Академии наук (КЕПС).

Недавно М. Н. Покровский в статье о деятельности Ком. академии («Вестник Ком. академии», № 22) дал блестящую характеристику идеологической нейтральности некоторых ученых, мировоззрение которых, «когда приходится давать науку в уплотненном и максимально-ясном виде, выступает на свет самым безжалостным образом, как пятна на плохо вычищенном пиджаке».

К рецензируемой работе эта характеристика может быть полностью отнесена. В первой части, относящейся к временам, «далеко отстоящим от грубой житейской сутолоки» (выражение тов. Покровского из цит. статьи), автор—крупный знаток фактического материала по истории Туркестана еще и может анализировать хозяйственный и общественный строй народов, населяющих Туркестан — от земледельцев согдийцев через период турецкого и монгольского владычества и до завоевания Туркестана Россией; автор приводит ряд интересных об'яснений происхождений племенных названий, названий ряда местностей и т. п., используя как историческую литературу, так и факты порядка этнографического и лингвистического.

Во второй же части работы (гл. VI—XIII), посвященной периоду русского владычества, мировоззрение автора выявляется полностью. Колониальная политика царской России в Туркестане оказывается ни более, ни менее как выполнением исторического призвания России—«меры отдельных правительств к открытию и закреплению рынков, в том числе и завоевательные походы, были только бессознательными шагами на пути к осуществлению все более выяснявшегося исторического призвания России быть посредницей в сухопутных сношениях торговых и культурных между Европой и Азией» (стр. 253). Эта великая миссия России и есть основной пункт всего исторического построения. Отсюда все, что препятствует выполнению этой миссии, для автора является фактором отрицательным. Так, например, в доказательство отрицательного значения перевода киргиз на оседлость приводится то обстоятельство, что оно способствовало слиянию киргиз и туркмен не с русскими, а с родственными по крови и религии сартами и татарами и затрудняло насаждение русской и европейской культуры (стр. 122).

Та же «нейтральность» проявляется и в главе «школы», где автор, описывая союз русского консерватизма со старозаветным исламом после 1905 года (причем основные причины этого явления не выясняются), «когда курс медресе стал признаваться очень серьезным, сообразованным с действительными потребностями народной жизни», указывает «с победой революции консервативные стремления в области школы, как во всех других областях, уступили место иным еще не давшим определенных результатов».

Нам кажется, что любой читатель из числа работников Туркестана, на которых, судя по предисловию, и рассчитана данная книга, смог бы предоставить автору богатейший материал об этих результатах,—не заметить их можно только при особенном старании.

Если об'единение киргиз, татар и узбеков или, как предпочитает называть автор, сартов на почве борьбы с русификацией—«насаждением русской куль-

туры», причем насаждалась-то она подчас полицейскими мерами — явление отрицательное, то не менее отрицательным для автора очевидно кажется и революционное и национальное освободительное движение. По крайней мере автор в подзаголовке «Революционное движение»—стр. 209 пишет буквально следующее: «революционное движение в Туркестане было подавлено, наследием его осталось сильное увеличение преступности» и далее весь абзац посвящает обзору этой преступности. Зато деятельность такого высоко-полезного учреждения, как «кружок народных чтений для приобщения к русской умственной жизни туземного населения» не остается не освещенной.

Затушевывание остальных действующих факторов наблюдается и в главе «Русские переселенческие движения», где совершенно не отмечена «связь переселения с судьбами хлопководства» (выражение Витте). Подобных примеров можно было бы привести еще значительное количество.

Итак, вместо анализа колониальной политики России и столкновения ее с бытом и хозяйственным строем туземного населения, для понимания чего нельзя обойтись без анализа классовой сущности российского государства — историческое призвание и великодержавные интересы России. Отсюда и изменчивость политики царизма в Туркестане, зависящая от противоречия интересов различных классов, для автора об'ясняется только «колебаниями правительства, происходившими от недостаточного знакомства с современной жизнью края» да еще личными свойствами того или иного губернатора.

Такая методологическая установка делает эту часть книги только собранием фактов. Двигающие силы исторического процесса остаются нераскрытыми. Да и сами факты, заимствованные из различных печатных трудов о Туркестане и из официальных изданий, недостаточно систематизированы и данные без критической оценки теряют свою ценность.

В предисловии автор говорит, что «связь очерка с современной жизнью определяется только той пользой, которую может принести современным деятелям знакомство с прошлым». Надо сказать, что для понимания настоящего, для чего, главным образом, и важно «знакомство с прошлым» (цит. т. Покровского), работа автора, «недостаточно посвященного в цели советского строительства» (стр. 11-я) ничего не дает и поэтому не будет полезна «современным деятелям», на которых она рассчитана.

Вл. Шумилин.

Л. РЕЗЦОВ. «Октябрь в Туркестане». Ташкент, 1927 г. Из-во «Средазкнига», стр. 119.

О хороших книжках в рецензиях иногда отмечается, что содержание книжки гораздо шире, чем ее название. Не то приходится сказать о брошюре т. Резцова: она озаглавлена «Октябрь в Туркестане», но ее содержание фактически ограничивается описанием революционного периода от февраля до октября 1917 г. в городе Ташкенте, да и то не во всем Ташкенте, а только в его русской части, в так называемом Новом городе. Что же касается революции в других городах Туркестана и революционного движения среди местного населения, то об этих вопросах автор только кой-где, разбросанно, не систематически упоминает, как о чем-то совершенно побочном, прямого отношения к теме не имеющем.

Только главы: «III. Под гнетом империализма» и «IV. Революционное движение в Туркестане до 1917 г.»—посвящаются обще-туркестанским вопросам, да в заключении говорится не только о Ташкенте, но также и о туркестанском декханстве. Но и то и другое дела не меняет, а только нарушает стройность работы. Две указанные главы служат введением и готовят к тому, что и основное содержание работы будет посвящено всему Туркестану; тем большим оказывается разочарование, когда обнаруживается, что это не так. Что же касается упоминания о позиции декханства в заключении, то оно выглядит, как что-то совершенно оторванное от содержания работы и не имеющее в работе никакого обоснования. Таким образом, несмотря на наличие указанных глав, работа вовсе не заслуживает широкого названия «Октябрь в Туркестане». Ее более уместно озаглавить просто «Октябрь в Новом Ташкенте», а для стройности изложения и вводные главы и заключение перестроить применительно к этому основному содержанию.

Автором дано живое по форме и интересное по содержанию описание ташкентских событий. В этом большое достоинство работы. Но все главы, посвященные этим событиям, имеют также крупнейшие недостатки. Если при изолированном изучении борьбы только в Ташкенте может быть принята периодизация автора, то стоит только хоть немножко выйти за пределы города, как эта периодизация уже *не годится*; вопрос требует самостоятельного изучения и новой самостоятельной периодизации. По вопросу о взаимоотношении революции в Ташкенте с революцией во всем Туркестане можно согласиться с положением автора, что для Ср. Азии Ташкент играл в революции примерно такую же роль, как для России Петроград (стр. 117), но здесь же необходимо

констатировать, что взаимоотношения революции в Ташкенте с революцией во всем Туркестане и их автор так и не понял.

Еще в начале работы автор пытается изобразить картину русского колониального господства в Туркестане, но глава совершенно определенно не доработана до конца, автором не формулированы четко и ясно стоявшие перед краем революционные задачи и не выведены (надо полагать вследствие этого) отношения к этим задачам отдельных общественных классов туземного и русского населения. Отсюда и колоссальный пробел в изложении революции в Ташкенте.

В первый период, говорит автор, разрушается старый царский аппарат власти. Что же такое это разрушение? Какую задачу решает пролетариат, проделав эту работу.

Автор думает, что это просто только задача буржуазно-демократической революции[1]. Это, конечно, не верно. В Туркестане это не только задача буржуазно-демократической революции, это также задача революции национально-освободительной. Разрушая аппарат царской власти, русский пролетариат, таким образом, с первого же шага революции вступает в роль вождя, застрельщика и гегемона национально-освободительной революции в Туркестане. И что означала вся дальнейшая борьба за власть в Ташкенте? Она означала борьбу за то, быть или не быть национальному освобождению Средней Азии. Победи русская буржуазия — Туркестан остается колонией, победи пролетариат —Туркестан освобождается.

Но для пролетариата бороться за национальное освобождение колонии означало также вести за собой туземную декханско-скотоводческую массу. Спрашивается, ну а здесь все обстояло благополучно? Конечно же, нет. И мы у автора находим здесь в этой части крупнейший недочет, который граничит с крупнейшей, не просто теоретической, а даже политической ошибкой.

В примечании на стр. 78 автор дает понять, что всю свою работу он противопоставляет «оригинальной» концепции т. Сафарова, «склонного приписывать резко колонизаторские настроения русским рабочим и солдатам в 1917 году».

Мы должны напомнить т. Резцову, что не это главное в работе т. Сафарова. Главное у него заключается в том, что он изобличает колонизаторскую политику не только туркестанских меньшевиков и с.-р., но и туркестанских большевиков. Тов. же Резцов этот вопрос подменяет другим вопросом, вопросом о том, были или не были во время революции так наз. «националистические эксцессы», или, проще говоря, прямая национальная борьба русского пролетариата и русских крестьян с местным населением. Подмена одного вопроса другим еще не победа в полемике.

Тов. Резцову, безусловно, независимо от того, хотел он или не хотел опровергать или подтверждать положения, выдвинутые Сафаровым[1], необходимо было поставить вопрос о правильности или неправильности тактики туркестанских большевиков в национальном вопросе в изучаемый им период. Вместо этого он просто отмахивается от данного вопроса, не приводит почти ни одного факта[2], ни одной цитаты из партийных документов, которые бы опровергали материал и утверждения Сафарова. Он предпочитает просто голословно заявить, что «советы в городах еще не могли стать за период «двоевластия» в Туркестане силой актуальной, руководящей кишлаком. А в тех случаях, когда в советских организациях резко преобладали меньшевистско-оборонческие элементы, как это было в краевом совете, политика их принимала привкус и оттенок традиционного колонизаторства» (стр. 116).

Большевики у автора, таким образом, выходят совершенно чистенькими и беленькими из воды, что же касается меньшевиков и с.-р., то и их политика была не так уже колонизаторской, как это кажется, у ней только были колонизаторские «привкус» и «оттенок».

Совершенно ясно, что если бы у автора были действительно факты, подтверждающие абсолютную чистоту большевиков и недостаточную замаранность меньшевиков и с.-р., то тогда бы еще можно было гадать и так и сяк, но фактов у автора нет, а те факты, которые есть у Сафарова, он просто замалчивает, не подтверждая их и не опровергая, и поэтому мы должны все же сказать, что постановка этого вопроса у автора исторически не верна (противоречит фактам) и политически вредна, поскольку она молчаливо ставит под сомнение целую полосу политики ЦК партии, работавшего тогда под руководством Ленина. Это, как известно, была полоса борьбы против колонизаторства туркестанских коммунистов. У автора, поэтому, выходит: коммунисты, мол, были совершенно чистенькими невинными агнцами, а ЦК почему-то против них боролся. Неправ, значит, ЦК.

---

[1] См. стр. 40 «Первый этап буржуазно-демократической революции...» и т. д.

[1] Речь идет о книжке Г. Сафарова «Колониальная революция». Гос. из-во, 1921.

[2] О некоторых провинциальных советах автор упоминает, что они принимали ряд мер помощи туземному населению и пытались завязывать с ним связь, но эти факты не занимают у автора центрального места и относятся, как уже сказано, только к провинции.

Если же мы теперь к этому вопросу подойдем не с точки зрения политической, а с исторической, то для нас рисуется примерно следующая постановка вопроса. С самых первых дней революции в Ср. Азии живший там русский пролетариат об'ективно выступил как застрельщик и вождь национально-освободительной революции. В русском городе перед ним стала задача разрушить зародыш новой власти русской буржуазии, возникший в процессе разрушения старого царского аппарата власти. Вместе с тем перед ним стала задача сейчас же, немедленно бороться за руководство над туземной декханско-скотоводческой массой, выбивать это руководство из рук туземной буржуазии.

Что касается задачи первой, то пролетариат выполнял ее более или менее хорошо, к этому были готовы и туркестанские коммунисты. Но к выполнению второй задачи, туркестанские коммунисты безусловно оказались не готовыми; этой задачи они не поняли, наделали на этом пути массу колоссальных, вопиющих ошибок, которые пошли в конечном итоге на пользу туземной (да частично и русской) буржуазии. Эти ошибки нужно изучать, на них нужно учиться, не автор этого не делает, вопрос этот он просто отводит, революцию в Ташкенте искусственно изолирует от стоявших перед ней национально-освободительных задач и от национально-освободительной борьбы туземного населения, и в этом крупнейший из'ян работы.

Другой принципиальный вопрос, на котором тоже необходимо остановиться, это вопрос о зрелости или незрелости национально - освободительной революции в Ср. Азии. Он также, по нашему мнению, поставлен автором совершенно неправильно. На стр. 21 читаем следующее довольно-таки странное место:

«Европейский капитал в эпоху своего вторжения в Среднюю Азию переживал(?) уже стадию «загнивания», но для русской колонии, Туркестана, варварски жестокая политика капитала еще **не означала экономического регресса**, потому что не была еще достаточно расчищена почва для насаждения промышленных предприятий в большом масштабе, а следовательно, и не могла еще возникнуть политика удушения местной капиталистической промышленности, что служит основным признаком «загнивания» в колониях и для колоний (полуколоний) (подч. мной).

Здесь, что ни слово, то ошибка. Совершенно очевидно, что автором изрядно перепутаны даты насчет проникновения иностранного капитала в Ср. Азию и эпохи «загнивания», во-вторых, обнаруживается не совсем ясное представление о том, что такое, собственно говоря, из себя представляет так называемое «загнивание». Далее нас интересует постановка автором вопроса о прогрессивности или регрессивности русского господства в Ср. Азии, поскольку до известной степени из этого вытекает у автора и концепция истории национально-освободительного движения в Туркестане.

Русское господство «не означало экономического регресса»—вот основной тезис т. Резцова, и отсюда он дальше делает вывод, что «Революция задушила колонизаторский капитал в Ср. Азии прежде, чем он успел лопнуть от пресыщения (стр. 21) (как будто бывает когда-либо, что капитал сам «лопается» или может лопнуть без усилий его могильщика), что «иностранный капитализм оказался в нем свергнутым, далеко не истощив своих колониальных «возможностей...» (стр. 118).

Итак, нет никакого сомнения, что национально-освободительная революция в Ср. Азии автором считается недозрелой революцией, и эта недозрелость, по мнению автора, заключается в том, что господство русских не означало регресса, что не было удушения туземной промышленности. Этим об'ясняется у автора и слабость «джадидизма»—движения туземной буржуазии.

Одним словом, будь это самое «удушение» туземной промышленности, были бы сильны идеологи туземной буржуазии—джадиды, и тогда бы автору не пришлось констатировать факта, что господство русских не докатилось «до того предела, когда национально-освободительное движение оформляет программу действий и борьбы и выступает против поработителей более или менее подготовленно и сплоченно с шансами на победу» (стр. 22).

Нет «удушения» туземной промышленности, слабо вследствие этого движение туземной буржуазии, национально-освободительное движение не может поэтому формулировать своих национальных задач и выступить с шансами на победу. Вот к чему в сущности вводится схема т. Резцова.

Раз нет туземной буржуазии и ее борьбы против «удушения»; значит, революция еще не дозрела.

Совершенно очевидно, что большевику-марксисту такую концепцию принять ни в коем случае нельзя, ибо это означало бы принять положения, что там, где нет противоречия между городской промышленной буржуазией колонии и буржуазией метрополии, там не может быть и национально-освободительной революции; где нет или слаба туземная промышленная буржуазия, там еще не дозрела национально-освободительная революция. Иначе говоря, это значило бы принять положение, что только такая национально-освободительная революция есть подлинная и вполне зрелая революция, где во главе стоит и формули-

рует задачи революции туземная промышленная буржуазия.

Читатель сам догадается, что такая формулировка вопроса уже чрезвычайно подозрительна хотя бы по одному тому, что напоминает известную меньшевистскую схему русской революции 1905 г.

Методологически такая постановка вопроса безусловно не выдерживает критики.

Ставить вопрос о том, было бы прогрессивным или непрогрессивным колониальное господство русских в Средней Азии—это вообще схоластика в полном смысле этого слова.

Вопрос о зрелости или незрелости национально-освободительной революции решается вовсе не тем, было ли сначала развитие в результате колониального господства туземной капиталистической промышленности, а затем удушение этой промышленности, была ли сильна или слаба туземная промышленная буржуазия. Вопрос решается тем, достаточно ли назрели те конкретные противоречия, которые сложились в результате колониального господства. И кажется очень странным, почему марксист и большевик отдает предпочтение противоречию между интересами туземной промышленной буржуазии и колониальным господством над противоречием между интересами туземного крестьянства и тем же колониальным господством; кажется очень странным, что, обнаружив отсутствие или слабость первого противоречия, он считает уже свою исследовательскую задачу выполненной и тут же заключает, что революция не дозрела. Забыть, что существует колониальное крестьянство, интересы которого как правило еще резче вступают в противоречие с колониальным господством, чем интересы туземной промышленной буржуазии, это значит просто утверждать, что колониальные революции делаются и могут делаться всегда и везде только туземной буржуазией как главной и непременной движущей силой этих революций. В этом большая методологическая ошибка автора.

Если бы автор, вместо путаных рассуждений о прогрессивности или регрессивности, попытался бы лучше дать анализ конкретно назревавшим к 1917 г. противоречиям в Туркестане как колонии, то он, без сомнения бы, обнаружил, что эти противоречия были достаточно острыми для того, чтобы закончиться национально - освободительной революцией. Восстание 1916 г. является наилучшим показателем того, что колониальное господство завело народное хозяйство края в такой тупик, из которого был единственный выход — революция, и она фактически началась в Туркестане этим самым восстанием на полгода раньше, чем в России.

Но если даже подходить к вопросу с точки зрения «удушения», то и это утверждение автора фактически не верно, что на этот раз приходится отнести исключительно за счет недостаточного знания фактов[1]. Ведь общеизвестно сейчас, что русское завоевание принесло в край разрушение зачатков туземной промышленности[2]. Неизвестно еще из общих работ, но могло быть известно автору, если бы он более широко использовал источники, что такое же «удушение» имело место и в горном деле—зачатки туземной горной промышленности были хищнически разрушены русскими в первые десятилетия их господства. Так что и с этой стороны, т.-е. уже со стороны фактической, а не методологической концепция т. Резцова безусловно не верна.

Может быть, рядом с этим, и вплотную вытекая отсюда, стоит и следующий вопрос—это большая недооценка автором национально-освободительного движения до революции 1917 г. Автор опирается в данном случае на две работы Е. Федорова. Но ведь всякому мало-мальски знающему историю Средней Азии известно, что работы Федорова освещают только отдельные моменты национально-освободительной борьбы в Туркестане и не дают полной и законченной картины. А между тем на основании именно этих работ, автор заключает, что, собственно говоря, никакой подготовки национально-освободительной революции не было, были только условия, накоплявшие ненависть к царизму (стр. 23).

Необходимо констатировать, что это, конечно, не верно, что национально-освободительное движение в Туркестане перед революцией было гораздо шире и глубже, чем это полагает т. Федоров, а за ним и т. Резцов.

Нужно бы еще дополнительно ко всему сказанному указать автору на целый ряд очень неуклюжих и неточных формулировок. См. напр.: стр. 21, где совершенно не верно указывается на отсутствие в 1917 г. в Ср. Азии «сепаратистских тенденций»; стр. 72, где как обостряющий революционную борьбу фактор фигурирует «ощущение свободы»; стр. 73, где имеется выражение «хронический оппортунизм», очевидно в противовес какому-то другому оппортуниз-

[1] При чтении брошюры поражаешься, насколько скуден был фактический материал в распоряжении автора, когда он писал вводные главы. Самые ходовые и особенно известные источники им не были использованы. Вся же схема строилась на материале совершенно случайном.

[2] См. об этом у М. Н. Покровского. «Дипломатия и войны царской России в XIX веке».

му, не хроническому; стр. 13, где дореволюционная Россия квалифицируется автором как «полуколониальный придаток к более передовым капиталистическим странам Запада» на том основании, что Сталин когда-то сказал: «Царская Россия — величайший резерв западного империализма», и т. д. Отметим еще вопрос о ссылочном аппарате. Автор в высшей степени недопустимо обращается со всеми источниками. В большинстве случаев он просто не дает указаний, откуда он цитирует, и ссылки, поэтому, теряют в значительной степени научную ценность. Иногда же попадаются такие ссылки вроде: «Из материалов Цуардела» (стр. 32), «По материалам КРАС'а (стр. 41), «Из воспоминаний Юсупова» (стр. 101 и др.) и т. д. Материалы Цуардела это, как известно весь Средне-азиатский архив, а материалы КРАС'а—это вообще не известно, что это такое. Что же касается воспоминаний Юсупова или часто упоминающихся воспоминаний т. Манжары, то интересно бы знать, где эти воспоминания обретаются напечатаны ли или просто в рукописи. Эти ссылки, таким образом, абсолютно ничего не говорят тому, кто хотел бы проверить подлинность использованного автором материала. Если к этому прибавить еще то, что автор иногда указывает, что он приводит выдержки в сокращенном виде, то просто теряешься, как расценивать тот материал, который автором использован.

Наше заключение:

Работа т. Резцова, конечно, интересна, как первая в своем роде попытка описать ход классовой борьбы в Ташкенте между февралем и октябрем 1917 г. В силу своей живости и довольно большой детальности это описание представляет собою большой исторический интерес и дает хорошее представление о том, что делалось в Ташкенте, а отчасти и вокруг него в указанный период.

Но две основных принципиальных ошибки, которые разобраны выше, сильно снижают ценность работы. Преподавателю же совпартшколы и ком.-вуза в Средней Азии при пользовании ею в качестве учебного пособия, придется быть очень осторожным, поскольку разобранные ошибки граничат с партийной невыдержанностью.

Сильнейшим образом снижается ценность работы также и тем, что по дореволюционному периоду автором использован крайне скудный и чисто случайный материал, тот же довольно богатый материал, который использован по самой теме, в научном отношении использован неправильно.

П. Галузо.

П. ДРОЗДОВ. Очерки по истории классовой борьбы в Западной Европе и в России в XVIII—XX веках. Учебник для военных школ, рабфаков и техникумов. Допущено подсекцией работы со взрослыми Научно-политической секции ГУС. Изд. «Работник Просвещения». М. 1928 г. Стр. 416. Цена 2 р. 75 к.

Наша школа до сих пор еще не имеет учебника по истории классовой борьбы. Некоторые программы вынуждены поэтому рекомендовать при прохождении курса до 36 пособий (случай с программой для техникумов). Отсутствие учебников приводит часто в процессе преподавания к анектодическим казусам, когда из различных книг вырываются «с мясом» отдельные кусочки.

Следует, поэтому, приветствовать появление книги т. Дроздова, которая при всех своих недостатках, о которых ниже, является первым связным изложением курса истории классовой борьбы, применительно к существующим программам.

Книга т. Дроздова в значительной степени ликвидирует лоскутность, отрывочность в преподавании истории.

Но автор был связан неудачной программой для нормальных военных школ, которая уже несколько изменена, и тем количеством часов, которое эта программа отводит тому или иному отделу.

Эта связанность привела т. Дроздова к ряду ошибок. Историю классовой борьбы в России автор начинает с изложения реформы 1861 года, при чем в описании реформы он дает лишь анализ ее экономического значения и содержания. Классовая и революционная борьба в России в учебнике появляется лишь с народническим движением, да и то изложенным довольно бледно и схематично. Автор говорит о «крепостном праве и крепостном хозяйстве» (§ 29), но ничего не говорит о крестьянском движении. Мы уже не говорим о крестьянских движениях XVI—XVIII веков, о Болотникове. Разине, Пугачеве. Но даже излагая реформу 1861 года, автор дает анализ экономического и правового положения, в которое крестьянство было поставлено реформой, но ни словом не оговаривается о том, как реагировало крестьянство на «освобождение». А ведь тов. Дроздов писал учебник классовой борьбы. Революционному движению в этом учебнике классовой борьбы определенно не повезло. Нет декабристов, нет крестьянских движений на Западе, нет английской революции XVII века. Англия в учебнике т. Дроздова появляется лишь в связи с промышленным переворотом. Но изложение промышленного переворота дано в плане технического и экономического переворота. Политическая и классовая борьба ис-

чезли. В отделе о Великой Французской Революции даны, к примеру, аграрная и рабочая политика Нац. Собрания, но нет аграрного и рабочего движения. Число подобных примеров мы могли бы во много раз умножить.

Учебник т. Дроздова носит сухой, схематический характер. Из него выхолощено живое содержание классовой борьбы, живые яркие примеры героической борьбы рабочих и крестьянских масс.

Над автором все время висел Дамоклов меч часовой сетки программы и «в процессе работы часто приходилось сокращать уже написанное, выбрасывая все второстепенное От этого значительно пострадал конкретный материал, которого во многих местах меньше, чем было бы желательно» (стр. 4).

Это привело к тому, что «Ком. Манифесту» посвящена 1 страничка, нет ничего о «Черном Переделе», а группе «Освобождение Труда» посвящено всего 15 строк. Об одних явлениях, имеющих первостепенное значение, автор ничего не говорит, об иных вспоминает лишь вскользь. И в результате «смешались в кучу кони, люди»—Достоевский оказался в одном ряду с Чернышевским и Писаревым...

Описывается раскол на II С'езде партии, но нет анализа программных, тактических и организационных разногласий, поставивших большевиков и меньшевиков по разные стороны баррикады. Идет речь о Гос. Думах, но ни слова о тактике партии по вопросу об участии в выборах, ни слова о разногласиях по этому поводу. Несколько слов об отзовистах, но ни слова об ультиматистах, ни слова о группе «Вперед». Совершенно не освещена роль Троцкого в истории нашей партии. Сказать, что «Троцкий занимал примиренческую позицию» (стр. 312) значит ничего не сказать. Совершенно почти не освещена «штрейкбрехерская» роль Зиновьева и Каменева в 1917 году...

Читатель книги т. Дроздова находится в положении пассажира, который в курьерском поезде мчится по путям прошлого. Что-то мелькает, что-то привлекает внимание, но поезд мчится дальше, появляются новые явления, а разобраться, рассмотреть некогда.

История Зап. Европы и России склеена механически. До 135 стр. Россия отсутствует. Автор излагает лишь историю Запада до I Интернационала включительно (Гл. I—IV). Между IV главой («Эпоха Первого Интернационала») и и VII («Эпоха Второго Интернационала») вклеены две главы по русской истории: V «Крестьянская реформа 1861 г. в России» и VI—«Революционное движение в России в 70-х и 80-х г.г.». Зато после VII главы Запад исчезает, чтобы появиться лишь в XI главе о «Мировой войне и крахе II Интернационала».

Совершенно исчезли Америка и Восток. Характерно, что в «Важнейших хронологических датах» автор под 1911 годом сообщает «Война Италии с Турцией». Никаких других «важнейших» событий автор в 1911 году не заметил. А в 1911 году произошла революция в Китае! В «датах» приводится произвольно то старый, то новый стиль, без каких бы то ни было оговорок или пояснений.

Мы могли бы значительно увеличить список погрешностей в учебнике т. Дроздова, но полагаем это излишним, так как лицо книги и из изложенного ясно.

И, однако, мы приветствуем появление ее в свет, так как этой книгой создан первый, пусть несовершенный, систематический учебник по истории классовой борьбы для наших школ.

Л. Мамет.

Х Р О Н И К А

Доклад общества историков-марксистов в президиуме Комакадемии

Заслушав доклад о-ва, президиум Комакадемии в заседании от 3 марта 1928 г. вынес следующее постановление:

Утвердить следующее постановление по докладу общества историков-марксистов.

Заслушав доклад общества историков-марксистов, президиум Комм. Академии констатирует, что:

1) Обществом проделана большая работа по сплочению и организации марксистских исторических сил, в особенности партийных. Тем не менее, приходится отметить, что целый ряд учреждений, ведущих исследовательскую работу в области истории, не принимают никакого или почти никакого участия в занятиях общества (Институт Маркса и Энгельса, Институт Ленина, в особенности исторический Институт РАНИОНА.

2) Работа общества до сих пор выразилась в постановке докладов и приступе к изданию научно-популярной литературы (особенно следует отметить серию брошюр по десятилетнему юбилею октября и вообще участие общества в проведении юбилеев как 1905 года, так и 1917 г., Бакунина, Щапова и других). Научно-исследовательская работа отразилась в деятельности общества гораздо менее, отчасти благодаря той несвязанности с обществом научно-исследовательских институтов, о которой говорилось выше (п. 1). Следует, однакоже, отметить усиление этой стороны в работе общества в последнее время (образование комиссии по изучению вооруженных восстаний и революционных войн, приступ к изданию документов мировой войны и т. п.). Президиум настоятельно рекомендует обществу развивать свою деятельность далее в этом направлении, вовлекая в свою работу возможно большее количество научно-исследовательских сил.

3) Расширение сферы деятельности общества за пределы докладной и литературной работы и переход к об'единению около него историков-исследователей должны превратить общество в основной центр исторической работы Коммунистической Академии. Для разрешения этой задачи общество должно быть в курсе всех работ исторического характера, производимых отдельными секциями или комиссиями Комм. Академии: историческая комиссия Института Советского Строительства; Аграрная Секция Института Мирового Хозяйства и Мировой Политики и т. д., и своевременно ознакомляться с их планами.

В дальнейшем президиум считает необходимым:

1) В целях устранения параллелизма с работой, ведущейся Институтами Ленина и Маркса и Энгельса, признать необходимым реорганизовать секцию истории революционного движения в секцию методологии и методики истории, с тем, однакоже, чтобы секция закончила предварительно работы, производимые ею по ранее утвержденному плану.

2) Поставить задачей обществу, наряду с руководством историческими работами, выполняемыми в Коммунистической Академии, установление тесной связи со всеми научными учреждениями, ведущими работы в области истории, как, например, Институтом Ленина, Институтом Маркса и Энгельса, институ-

том РАНИОНА и т. п. Желательно также и установление более тесной связи с заграничными историками-марксистами.

3) Продолжать и в дальнейшем вовлечение в общество иногородних историков-марксистов и организацию иногородних отделений общества.

4) Принимая во внимание развитие деятельности общества и невозможность выполнения ряда поставленных задач только в порядке добровольчества, признать необходимым включение общества в общую смету Академии и предоставление ему необходимых штатных единиц.

5) Поддержать постановления совета общества в его ходатайстве перед ЦК ВКП(б) об освобождении тов. Горина, ученого секретаря общества, от редактирования журнала «Пролетарская Революция» и закрепление его за обществом историков-марксистов.

Письма в редакцию

Уважаемый товарищ редактор,

До моего сведения дошло, что присланный мной из Ленинграда обзор «Проблема «термидора» в свете новейшей исторической литературы», напечатанный в т. VI «Историка-Марксиста», вызвал в Москве ряд толкований, совершенно искажающих мою мысль. Поэтому, во избежание недоразумений, считаю своим долгом пояснить, что говоря о том, что «все разговоры о до-термидоровском перерождении якобинцев являются либо результатом непонимания истории Великой Французской Революции, либо подтасовыванием фактов в интересах фракционной борьбы», я ни в коем случае не имел в виду кого-либо из авторов, напечатанных в предшествующих номерах «Историка-Марксиста» статей и в частности тов. Из. Фридлянда и др. Будучи с ними несогласен по целому ряду пунктов, я полагаю, что мой с ними спор лежит в плоскости не политической, а научно-исследовательской. При этом я считаю своим долгом напомнить, что вся моя полемика с этими товарищами находится в той части моего обзора, где я касаюсь исключительно только научной литературы о «термидоре». Что касается до цитированных выше слов из заключительного абзаца обзора, то я считаю само собой разумеющимся, что они касаются не тех или иных писавших о «термидоре» научных работников, а лишь тех политических деятелей из среды троцкистской оппозиции, которые свою борьбу с партией пытались подкрепить «научными» ссылками, например, Великой Французской Революции.

С коммунистическим приветом

Я. Захер.

В редакцию журнала «Историк-Марксист»

Прошу напечатать в ближайшем номере «И. М.» следующее мое сообщение по поводу обзора А. Шестакова «Русские исторические журналы конца 1927 г.» («И. М.», № 6, стр. 264—67).

Обзор указывает, что моя работа «Переселенческая политика царского правительства в Средней Азии» в № 5 «Коммунистической Мысли» «закончена печатанием». Это указание основано на том, что глава 5 работы редакцией «К. М.» названа окончанием.

Я должен сообщить для сведения читателей, что глава 5 моей работы окончанием вовсе не является.

Издательство САКУ, по неизвестным мне соображениям решило печатать в «К. М.» только часть представленной ему по договору работы. Эта часть и напечатана. Остальная часть, очевидно, будет опубликована только при выпуске книжки отдельным изданием.

То же обстоятельство, что глава 5-я названа «окончанием», есть, как сообщает редакция, ошибка. В ближайшем номере «К. М.» редакция обещает напечатать соответствующее раз'яснение.

С коммунистическим приветом

П. Галузо.

По техническим условиям на титульном листе не сделаны следующие исправления: Выходит под редакцией П. О. Горина, Д. Я. Кина, Н. М. Лукина (Антонова), И. И. Минца, С. М. Моносова, М. Н. Покровского, Ц. Фридлянда, А. В. Шестакова и Ем. Ярославского.
